Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Эллис Лак

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Москва
Эллис Лак
2010

Максимилиан
ВОЛОШИН

Собрание сочинений

Том девятый
Письма 1903–1912

Москва
Эллис Лак
2010

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95
В68

*Издано при финансовой поддержке
Федерального комитета по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований
ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (2009–2011 гг.)».

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук**

Составление
А.В. Лаврова

Подготовка текста и комментарии
*К.М. Азадовского, Н.Ю. Грякаловой, П.Р. Заборова,
В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой*

Художник
В.Н. Сергутин

ISBN 978-5-902152-79-8 (т. 9)
ISBN 5-902152-05-4

От составителя

В 9-м томе Собрания сочинений Максимилиана Волошина продолжается публикация его эпистолярного наследия. Основные принципы и критерии, используемые при публикации писем, сформулированы в преамбуле к тому 8 настоящего издания.

В томе 9 подготовили тексты писем и составили комментарии:

К.М. Азадовский и *А.В. Лавров* (В.Я. Брюсову);

Н.Ю. Грякалова (А.В. Амфитеатрову);

П.Р. Заборов (О. Вирту, в Дом Рауль Гропирон);

В.П. Купченко и *А.В. Лавров* (Е.О. Кириенко-Волошиной);

В.П. Купченко и *Г.В. Петрова* (А.М. Петровой, Ф. Сологубу);

А.В. Лавров (И.Ф. Анненскому, В.П. Белкину, А.Н. Бенуа, К.Ф. Богаевскому, В.Ф. Боцяновскому, З.А. Венгеровой, А.Л. Волынскому, Н.Г. Глазер, Р.М. Гольдовской, М. Горькому, И.Э. Грабарю, М.К. Гринвальд, В.С. Гриневич, С.И. Дымшиц-Толстой и А.Н. Толстому, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Е.А. Зноско-Боровскому, Вяч. И. Иванову, К.В. Кандаурову, А.М. Кожебаткину, А.И. Косоротову, В. Кривичу, Е.С. Кругликовой, Г.К. Лукомскому, С.К. Маковскому, К.Н. Незлобину, в Общество Любителей Российской Словесности, А.И. Орловой, П.П. Перцову, А.М. Пешковскому, А.А. Полиевктовой, С.А. Полякову, В.Ф. Прорубникову, Вл. Пясту, В.И. Ребикову, редактору газеты «Русское Слово», М.В. Сабашникову, И.И. Самоненко, С.А. Соколову, И.С. Соломину, В.О. Станевич, К.С. Станиславскому, Э.А. Старку, А.И. Сумбатову-Южину, В.А. Чудовскому, К.И. Чуковскому, Г.И. Чулкову, Эллису, Конст. Эрбергу, В.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон, И.П. Ювачеву, Е.Ф. Юнге, Е.Л. Янтареву);

Г.В. Петрова (Е.А. Бальмонт, А.К. Герцык, Е.К. Герцык, А.В. Гольштейн, И.М. Гревсу, Н.С. Гумилеву и А.Н. Толстому, Н.В. Дризену, Л.В. Кандаурову, А.Р. Минцловой, М.Л. Моравской, А.М. Ремизову, А.А. Суворину, Н.П. Ульянову, Ан. Н. Чеботаревской, Т.Л. Щепкиной-Куперник).

Условные сокращения

ГИМ – Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва).

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

ГРМ – Сектор рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (Москва).

ГЦММК – Отдел рукописей Государственного центрального музея музыкальной культуры (Москва).

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

Из лит. наследия-1 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. I». СПб.: Наука, 1991.

Из лит. наследия-2 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. II». СПб.: Алетейя, 1999.

Из лит. наследия-3 – сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. III». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

ИМЛИ – Рукописный отдел Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЛН – Литературное наследство (серия сборников).

ЛН. Т. 98, кн. 2 – Переписка с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В Лаврова // ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2 С. 251–399.

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РНБ – Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Труды и дни – *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

ФКГА – Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Фонды.

ПИСЬМА
1903–1912

1903

1. В.П. БЕЛКИНУ

25 декабря 1902 / 7 января 1903 г. Париж[1]

Paris 1903. 7 января.

Как в фигуре кадрили мы подали друг другу руки и снова разлетелись на разные стороны света.

До свиданья в grand rond.*

Макс В.

[1] Текст – справа от портрета Волошина в профиль, с подписью: «Eau forte. Е. Кругликова».

2. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

3 января 1903 г. Петербург

3 января 1903.
Невский 153, кв. 61. Петербург.

Дорогая Александра Васильевна!

Когда я в 9 часов выбежал с Rue Boissonade[1] и прибежал к себе, то меня консьержка прежде всего отозвала в сторону и таинственно предупредила меня шепотом, что днем приходили какие-то таинственные люди и расспрашивали, куда я еду, зачем и когда, почему так неожиданно, и чтобы я это имел в виду и опасался. Я ей сказал, что опасаться мне нечего, и попросил извозчика на Gare du Nord,[2] и только потом уже изменил вокзал. Тем не менее на границе мне была предъявлена бумага о совершении у меня обыска, и в

* Большом кругу *(фр.)*.

продолжение двух часов осматривали меня самого и мои вещи до последней ниточки. Но все кончилось благополучно, и я первого января в пароксизме лихорадки[3] прибыл к маме.[4] Нашего *общего знакомого*[5] я нашел очень усталым, глубоко утомленным на вид. Мы проговорили всю ночь. На второй день я был у Валериана Николаевича.[6] Меня много и подробно, расспрашивали об Марье Васильевне.[7] Затем говорили о Средней Азии,[8] а вечером отправились к Гревсу.[9] Я видел только его. M-me Гревс с детьми[10] была на елке где-то...

В следующий четверг я опять буду там. У него в этот день собирается много молодежи. Встретил на Невском как-то Аничкова.[11] Он собирается в Париж.

Говорил с ним только несколько минут. Вчера вернулся из деревни Косоротов. Он теперь пишет рассказ для «Нового Пути», куда просили его беллетристику.[12] Вообще он еще нигде не устроился.

Ни Лансере, ни Бенуа я еще не видал.[13]

Мой свободный бег по Петербургу теперь очень затрудняет то, что моя малярия[14] тут начала возвращаться ко мне каждый день, так что я еще очень мало кого видел.

Ольденбурга[15] сейчас нет в Петербурге.

В политическом отношении, кажется, все тихо.

Пока до свидания. Поклоны и приветы Владим<иру> Августовичу, Нат<алье>Влад<имировне>, Юл<ию> Ф<еодоровичу>, Кар<олине>, Уке и др.[16]

Макс.

[1] На Rue Boissonade в районе бульвара Монпарнас располагалось ателье-мастерская художницы Е.С. Кругликовой, где собиралась в начале XX века литературно-артистическая молодежь — французы и русские, среди которых было немало видных впоследствии деятелей искусства. «В жизни русской артистической колонии Парижа последних пятнадцати лет наиболее видная роль, вне всякого сомнения, принадлежит художнице Е.С. Кругликовой, — писал в 1916 г. живописец и искусствовед С.П. Яремич. — Едва ли кто-либо из людей, причастных с какой-либо стороны к художественному миру, посещавших Париж в период времени между Всемирной выставкой 1900 года и кончая первым полугодием 1914 года, не побывал хоть

мельком на пестрых собраниях в ателье художницы на rue Boissonade. Можно не посетить катакомбы, можно воздержаться от подъема на Эйфелеву башню, даже Opéra и Théâtre français не обязательны, но сюда влечет каждого интересующегося искусством и художественной стороной быта. Здесь же нередко читал свои стихи Бальмонт, а иногда поэт давал предпочтение беседе о дорогих его сердцу предметах. Муза М. Волошина нашла своих первых ценителей и поклонников на собраниях Кругликовой. Тут же очень часто слышались в спорах проникнутые тонкой иронией замечания Н.М. Минского. Русский язык постоянно сменяется журчанием французской речи, так как здесь довольно часто появлялись в разное время наряду с русскими знаменитостями Ромен Роллан, Поль Фор, Рене Гиль, Дени Рош, Шарль Герен и многие другие писатели и художники» (*Яремич С.* Париж в отражении русской художницы // Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. № 15448. 18 марта. С. 3; Степан Петрович Яремич. Т. 1. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. СПб.: Сад искусств, 2005. С. 229–230).

[2] Северный вокзал в Париже. Волошин выехал из Парижа 27 декабря / 9 января 1902 г. (Труды и дни. С. 105).

[3] В июле – августе 1902 г. Волошин переболел лихорадкой (Труды и дни. С. 101). В течение осени 1902 – зимы 1903 гг. приступы возвращались. См. также п. 3.

[4] См.: Т. 8 наст. изд. С. 776 (п. 263, примеч. 3).

[5] О ком идет речь, неясно.

[6] В.Н. Вебер, сын А.В. Гольштейн от первого брака.

[7] М.В. Вебер (Якунчикова), художник-пейзажист, офортист, мастер прикладного искусства, жена сына А.В. Гольштейн от первого брака Л.Н. Вебера, умерла от туберкулеза 27 декабря (н.ст.) 1902 г. в Шен-Бужери в Швейцарии.

[8] Подобные разговоры в доме геолога и сейсмолога В.Н. Вебера, вероятно, были связаны с событиями землетрясения, произошедшего 16 декабря 1902 г. в Ферганской долине, в Андижане.

[9] Историк-медиевист И.М. Гревс, друг А.В. Гольштейн.

[10] Жена И.М. Гревса, М.С. Гревс (Зарудная), и их дочери Екатерина Ивановна Гревс (1887–1942) и Александра Ивановна Гревс (1894–1910).

[11] С Е.В. Аничковым Волошин познакомился в Париже весной 1901 г. (см.: Т. 8 наст. изд. С. 529–530).

[12] А.И. Косоротов в «Новом Пути» не публиковался. Ср.: письмо А.В. Гольштейн к В.И. Иванову от 19 февраля (н.ст.) 1903 г.: «Теперь, я думаю, *место есть* для помещения Ваших статей и трагедии <...>. Это “Новый Путь”. Достаньте или выпишите его, съездите в Россию

и войдите с этими людьми в сношение, они хотят делать нечто вроде “Mercure de France”, “Tribune Litteraire Libre”. Я уверена, что при личном общении Вы с ними сговоритесь. Я Вам дам рекомендацию к Косоротову, который приглашен туда для помещения своей беллетристики» («Обнимаю Вас и матерински благословляю...» Переписка Вячеслава Иванова и Лидии Зиновьевой-Аннибал с Александрой Васильевной Гольштейн / Публ., подг. текста, предисл. и примеч. А.Н. Тюрина и А.А. Городницкой // Новый мир. 1997. № 6. С. 182).

[13] Художники Е.Е. Лансере и А.Н. Бенуа – члены «Мира Искусства». Одной из целей Волошина в Петербурге было установление творческих связей между писателями и художниками в России и Русским Артистическим Кружком в Париже, позже получившим название «Монпарнас» (см. п. 51), известным также как «Союз русских художников» («Union des artistes russes») и формировавшимся в Париже Е.С. Кругликовой при участии А.В. Гольштейн и художницы О.Н. Мечниковой незадолго до отъезда Волошина в Петербург. См.: Труды и дни. С. 105; Т. 5 наст. изд. С. 803–804; Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 587. О деятельности кружка см.: *Купченко В.П.* Хроника русского «Монпарнаса» // Русская мысль. 1999. № 4283. 9–15 сент. С. 14. О заседаниях Русского художественного общества в Париже у О.Н. Мечниковой и обсуждении его устава А.В. Гольштейн рассказывала Волошину в письме от 22 января (н.ст.) 1903 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 7 об. – 8). Устав кружка хранится в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 167; оттиск на гектографе).

[14] 22 января (н.ст.) А.В. Гольштейн отвечала: «Большое Вам спасибо за скорое уведомление о благополучном прибытии на дорогую родину. Меня очень беспокоит известие о Ваших *ежедневных* припадках лихорадки. Надеюсь, что Вы обратитесь к доктору и начнете серьезное лечение. Вероятно, Вам кто-нибудь сказал же, что – Петербург особенно зловреден для малярии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 7).

[15] С.Ф. Ольденбург, востоковед, секретарь Академии наук, друг И.М. Гревса и А.В. Гольштейн.

[16] В.А. Гольштейн, второй муж Гольштейн; Н.В. Семенова, ее дочь; Ю.Ф. Семенов, муж дочери; Каролина Яковлевна, служанка в доме Гольштейн; Ука – Алексей Владимирович Гольштейн, сын А.В. Гольштейн и В.А. Гольштейна.

3. И.П. ЮВАЧЕВУ

7 января 1903 г. Петербург

8 I 1903.[1]

Дорогой Иван Павлович!

Меня так скрутила малярия, что мама не пускает меня из дому. (Сам бы я убежал.) Поэтому я у Вас и не был. Если бы у Вас было свободное время зайти к нам, я был бы страшно рад. Адрес, если Вы забыли: Невский 153, кв. 61.[2]

Макс.

[1] Авторская датировка неточна; на открытке, на которой записан текст, – почтовый штемпель с датой: 7.I.1903. Отправлено по адресу: Знаменская ул., 15, кв. 36.

[2] Адрес учительницы А.И. Орловой, по которому с декабря 1902 г. проживала Е.О. Кириенко-Волошина и где остановился по приезде в Петербург 1/14 января 1903 г. Волошин.

4. А.Н. БЕНУА

14 января 1903 г. Петербург

14 января 1903. С.П.Б.
153 Невский, кв. 61.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

У меня есть к Вам письма и поручения из Парижа от Ал<ександры> Вас<ильевны> Гольштейн, Щукина, нового художествен<ного> рус<ского> общества[1] и т.д. Мне говорили, что теперь Вы очень заняты... Может, Вы сможете мне назначить время и место на следующей неделе, когда Вам будет удобнее. Я остаюсь здесь еще до конца января.[2]

Макс. Волошин.

[1] См. примеч. 13 к п. 2.

[2] В ответном письме от 15 января 1903 г. Бенуа назначил встречу на 23 января в редакции журнала «Мир Искусства» (опубликовано

З.Д. Давыдовым и В.П. Купченко в кн.: Панорама искусств. 11. М.: Сов. художник, 1988. С. 163; *Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 303). О визите к Бенуа Волошин рассказал в письме к Е.С. Кругликовой от 2 февраля 1903 г. (см. п. 8).

5. И.Э. ГРАБАРЮ

Середина января 1903 г. Петербург.[1]

Очень жалею, что не застал Вас.

Может, Вы сможете назначить мне день и час на следующей неделе?[2]

Мой адрес 153 Невский, кв. 61.

Я Вам сообщу многое о парижских делах, что верно будет Вам интересно.

[1] Текст – на визитной карточке.

[2] Волошин посетил Грабаря (в его квартире на 14-й линии Васильевского острова) 19 января (Труды и дни. С. 196).

6. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

18 января 1903 г. Петербург

Невский 153 С.П.Б.
18 января 1903

Александре Васильевне – Макс.[1]

Вчера я получил Ваше письмо. Вот уже неделя, как я получил возможность снова бегать по Петербургу. Видел опять Валериана Николаевича. Он послезавтра едет в Андижан.[2] У Гревсов все больны – и он, и жена.[3] Был у Кавос.[4] Был у Лансере.[5] Был у Боткиных.[6] Там тоже, конечно, больные... Бенуа еще не видал.[7] Теперь идет работа с обстановочной выставкой.[8] Да он еще пишет декорации для «Сумерек богов».[9] На следующей неделе увижусь.

Поклоны Влад<имиру> Август<овичу>, Нат<алье> Вл<адимировне>, Юл<ию> Феодор<овичу>, Уке, Каролине и др.[10]

[1] Ответ на письмо А.В. Гольштейн от 22 января (н.ст.) 1903 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[2] Поездка В.Н. Вебера в Андижан была связана с изучением Андижанского землетрясения. См. п. 2, примеч. 8.

[3] И.М. Гревс и М.С. Гревс.

[4] Евгений Цезаревич Кавос, издатель и двоюродный брат А.Н. Бенуа, его жена Екатерина Сергеевна Зарудная-Кавос (1861–1917), живописец, график.

[5] 5 января 1903 г. Волошин заходил к Е.Е. Лансере (ул. Глинки, 15), но не застал его дома. (Труды и дни. С. 106).

[6] Сергей Сергеевич Боткин (1859–1910), врач, коллекционер и его жена Анна Павловна Боткина (урожд. Третьякова; 1867–1959).

[7] См. п. 4, примеч. 2.

[8] Речь идет о подготовке к выставке произведений К.А. Сомова и Рене Лалика, открывшейся в помещении «Современного искусства» в Петербурге 26 января 1903 г. См. п. 8, примеч. 6.

[9] А.Н. Бенуа готовил эскизы декораций и костюмов для постановки на сцене Мариинского театра оперы Р. Вагнера «Гибель богов», которая состоялась 20 января 1903 г. 12 января А.Н. Бенуа писал В.А. Серову из Петербурга: «"Götterdämmerung" идет 19-го, к ней еще массу нужно сделать; "Грабарьня" открывается 18-го (уже цари приглашены к этому дню), – а у нас еще и наполовину не готова столовая, № 12 "Сокровищ" не выпущен и нужно готовить № 1 1903 г., который очевидно выйдет в 1904 г.; кроме этого, еще тысяча дел. Знаешь, я думаю, что с ума сойду. Итак, уж чуть было не нарисовал Валгаллу на стене "Грабарьни", чуть было не напечатал в "Сокровищах" статью, предназначенную в "Мир <Искусства>", чуть было не одел Брунгильду в самый рафинированный и современный костюм, а главное несколько раз чуть было не послал всех к черту» (Валентин Серов в переписке, документах и интервью: В 2 т. Л.: Художник РСФСР, 1985. Т. 1. С. 392–393).

[10] В.А. Гольштейн, Н.В. Семенова, Ю.Ф. Семенов, А.В. Гольштейн, Каролина Яковлевна.

7. И.П. ЮВАЧЕВУ

1 февраля 1903 г. Петербург[1]

Дорогой Иван Павлович.

До свиданья. Завтра уезжаю.[2] Как жаль, что не застал Вас.

Когда-то где-то мы теперь встретимся? Может, на Востоке?

Макс.

[1] Под текстом – карандашная помета (рукой Ювачева?): «1 февр. 1903. СПБ».

[2] Вечером 2 февраля Волошин выехал в Москву.

8. Е.С. КРУГЛИКОВОЙ

2 февраля 1903 г. Петербург

2 февраля. С.П.Б.

Через два часа уходит поезд, и завтра я буду в Москве. Сейчас я сижу в номере у Косоротова.[1] Прежде всего отчет за 2 недели, что я тебе не писал. Я перевидал всех Миро-Искусников.[2] № 1 – Грабарь.[3] Толку мало. «Устроить выставку – это очень сложная вещь. Надо снестись с разными владетелями и музеями. Собрать отовсюду лучшие вещи художника. Обращаться в разные страны и города. Для русских художников я могу это сделать. И толь<ко> в таком случае я могу ручаться, что выставка отдельного художника будет полна и интересна. Но в обмен я могу только потребовать того же от парижского кружка». Я ему оставил Ваш адрес. Потом мы виделись, но об этом не говорили.

№ 2. Бенуа.[4] Вполне неопределенен. «Видите, это очень интересно. Но что же я-то тут могу? Я человек непрактичный. Вы бы лучше к Дягилеву обратились. Вот я Вам напишу ему карточку».

№ 3. Дягилев. Несколько минут краткого и делового разговора.

«Кругликова? Да я помню. У меня есть даже ее адрес. Впрочем, оставьте мне его. В марте я буду в Париже и тогда сам зайду к ней».

Ну это, по-моему, самое лучшее. В Париже со всеми легче иметь дело, чем <в> Петербурге. Заполучить Дягилева лично — это самое важное.

Ну вот. Затем события. Самое яркое из всего, что я видел — это заседание Религиозно-Философского общества с речами Мережковского и Розанова.[5] Это очень сильно и необыкновенно. Затем Выставка Современного Искусства («Грабарня»).[6] Лучше всех комната Бенуа: белая зала с зеркалами и хрусталиками — сантиментальный empire, скрашенный растительным орнаментом. Чуть модернизированный. Хороша овальная люстра, сплетенная из хрустальных сухих трав <?>. Она признана событием.

Бакст дал дамский кабинет. От него ожидали многого. Но он чересчур raffiné.*

Выставка Лалика. Выставка Сомова.[7] Хорошо. Даже блестяще. Вообще все очень артистично и любому городу сделало бы честь, Петербургу особенно.

Мои литературные знакомства: Мережковские, Минский, Розанов, Венгерова, Allegro, Брюсов.[8] Писать слишком сложно.

У Бенуа познакомился с Серовым, Сомовым, Лаликом...

[1] Номер А.И. Косоротова в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской ул.

[2] Одной из целей встреч Волошина с представителями объединения «Мир Искусства» было обсуждение вопроса об устройстве персональной выставки Е.С. Кругликовой в Петербурге (возможно, по аналогии с выставкой ее акварелей в Париже в 1902 г.). Идея выставки в Петербурге тогда осталась нереализованной.

[3] Волошин посетил И.Э. Грабаря 19 января (Труды и дни. С. 106).

[4] См. п. 4, примеч. 2.

[5] Волошин посетил 23 января XVIII заседание Религиозно-философских собраний в Петербурге. Стенограмма этого заседания («Продолжение прений по вопросу о догмате») была опубликована

* Изысканный *(фр.)*.

в журнале «Новый Путь» (1903. № 11. С. 448–472. См. также: Записки Петербургских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М.: Республика, 2005. С. 376–397). Основным докладчиком на этом заседании был В.В. Розанов, с развернутой речью выступил Д.С. Мережковский; выступали также С.Г. Рункевич и протоиерей П.И. Лепорский. Тезисы их выступлений Волошин изложил в письме к А.В. Гольштейн (см. п. 11). Впечатления от этого заседания Волошин отразил также в статье «Валерий Брюсов. “Пути и перепутья”» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 110–111), в мемуарных записях о Брюсове (Т. 7, кн. 2. наст. изд. С. 327–328), в небольшом наброске (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 553).

[6] Выставка – художественное предприятие «Современное искусство» открылась в Петербурге в январе 1903 г. на Большой Морской ул. (д. 33); она была организована «Миром Искусства» по инициативе И.Э. Грабаря и при материальной поддержке С.А. Щербатова и В.В. фон Мекка. По свидетельству Грабаря, было задумано «организовать нечто вроде постоянной выставки картин, мебели, целых архитектурных интерьеров и прикладного искусства»: «Бенуа и Лансере сделали проект стильной гостиной, Бакст – очаровательного будуара, Коровин – комнаты, построенной на мотиве зеленой ржи и васильков, Головин – русского терема, резного из дерева. Я взял то, что осталось незанятым: главный вход с лестницей и голландские печи» (*Грабарь И.* Моя жизнь. Автомонография. М.; Л., 1937. С. 184–185).

[7] Экспозиция изделий французского ювелира Рене Лалика и первая персональная выставка картин, эскизов и рисунков К.А. Сомова (162 работы) были развернуты в интерьерах «Современного искусства».

[8] С В.Я. Брюсовым Волошин познакомился 28 января в редакции журнала «Новый Путь» (Невский пр., д. 88).

9. И.М. ГРЕВСУ

5 февраля 1903 г. Москва

5 февраля 1903.
Москва, Левшинский пер.,
д<ом> Сабашниковых, кв<артира> Струковой.

Многоуважаемый Иван Михайлович! Простите меня, пожалуйста, Ваше письмо[1] после долгих странствий только

вчера настигло меня в Москве.[2] Мне очень жаль, что я не мог с Вами проститься. Надеюсь, что через 5 лет я Вас увижу, возвратившись в Россию.

Макс Волошин.

[1] Речь идет о письме И.М. Гревса от 28 января: «Уважаемый Максимилиан Александрович. Очень просим Вас пожаловать к нам обедать в пять часов, в субботу 1-го февраля. Отказа не принимаем. Чтобы склонить Вас, стараюсь в письме усвоить Ваш стиль. Будем ждать Вас. Хочу познакомить Вас с одной интересной художницей. Преданный Вам, Ив<ан> Гревс». На открытке бланк с записью: «По Невскому пр., 61 М.А. Волошин не находится. Янв<аря> 29 дня 1903 г.» (ПФА РАН, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 55).

[2] Волошин прибыл в Москву 3 февраля 1903 г. (Труды и дни. С. 107).

10. П.П. ПЕРЦОВУ

15 марта 1903 г. Москва[1]

Москва. Левшинский пер.,
д<ом> Сабашниковых, кв<артира> Струковой.

Многоуважаемый Петр Петрович!

Я – Макс Волошин. Мои стихотворения были переданы Вал<ерием> Як<овлевичем> Брюсовым в «Новый Путь».[2] Мне необходимо знать, приняты ли они все целиком и когда они появятся (в июне или в июле?). Я наверное не знаю, какие именно стихотворения были отданы в Редакцию, и если Вы мне сможете это сообщить, я буду глубоко Вам благодарен. Мой адрес: Крым. Феодосия. Коктебель. Из Москвы я уезжаю через 4 дня. Мне бы лично хотелось увидеть свои стихотворения в июне, т<ак> к<ак> в конце июня я оставляю Россию и Европу на несколько лет, так что позже не смогу их увидеть.

Макс Волошин.[3]

Одна поправка к стихотворению «Смертный избранный богиней...»[4] – «И чуть слышен *вздох* органа в глубине резных церквей», а не *«стон»*, как было, кажется, написано.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 15 III 1903.

[2] «Новый Путь» – ежемесячный литературно-общественный и религиозно-философский журнал, издававшийся в Петербурге в 1903–1904 гг. П.П. Перцов значился его редактором-издателем, однако основную редакционно-издательскую деятельность осуществляла З.Н. Гиппиус. Брюсов на начальной стадии подготовки издания был его секретарем. См.: *Максимов Д.* «Новый Путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л.: Изд-во Писателей в Ленинграде, 1930. С. 129–254; *Корецкая И.В.* «Новый Путь». «Вопросы Жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 179–233.

[3] Ответное письмо Перцова от 19 марта 1903 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 943):

М<илостивый> Г<осударь>.

Нами приняты следующие Ваши стихотворения:

1) Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»).
2) Via mala.
3) Париж («К<ак> мне близок и приятен...»).
4) «Я – вечный Жид...»
5) Охота.
6) Valdemosa.
7) Венеция («Венеция – сказка...»).
8) «Спустилась ночь... Погасли краски...»
9) Тангейзер.

Часть этих стихотворений, вероятно, будет помещена в июньской книжке, которая в таком случае будет доставлена по указанному Вами адресу, по которому адресую и это письмо. Извините, что не ответил сейчас же по получении Вашего письма на московский Ваш адрес: выход третьей нашей книжки, очень затрудненный цензурой, отнял все время. – Стихотворение «Они» <?>, также нам переданное, при сем возвращается.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего в Ваших странствиях. Быть может, какие-либо из Ваших будущих впечатлений Вы сообщите нашему журналу?

Готовый к услугам П. Перцов.

Все перечисленные стихотворения («Париж» – в двух частях: «1. Как мне близок и понятен...», «2. Утро... Пасмурный Париж...») были опубликованы в несколько измененной последовательности в

«Новом Пути» (1903. № 8. С. 39–51), но с произвольными изменениями текста, не согласованными с автором (см. п. 15).

[4] Исправление в тексте стихотворения «Тангейзер» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 18).

11. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

Между 7 и 10 апреля 1903 г. Коктебель[1]

Коктебель.
(Феодосийск<ого> уезда). Крым.[2]

Александре Васильевне – Макс Волошин.

Я ***три*** месяца не писал Вам, потому что был в вихре людей и разговоров. Я не хотел бросать несколько случайных и торопливых слов...

Теперь я «дома» (после трех лет). В моей комнате живых – только раскат волны, луч солнца и порыв ветра. По горам ходят мокрые весенние тучи.

И много книг – полный шкаф. Прожитые-истрепанные, где каждая строчка – воспоминание. И кипа новых – будущих. Поток людей сразу погас.

Вся теперь думающая Россия прошла за эти три месяца. И со всеми я поговорил, а с двумя-тремя испытал одновременное содрогание души.

Россия началась для меня со Штутгарта.[3] Там у меня была первая русская разговорная ночь до света.[4]

Эти разговоры Вы знаете, и для меня они не были абсолютною новостью.

Затем Петербург.

Заседания «Религиозно-Философского Общества» – это самое значительное и важное, что я там видел.[5]

Самые интересные и живые люди там: Розанов;[6] Мережковский; Минский.[7]

Заседания эти закрыты для публики. Мне удалось попасть на одно.

Заседают архиепископы, иеромонахи, священники и, с другой стороны, кучка светских людей.

Зала географического общества пестрит черными клобуками, малиновыми рясами, золотыми крестами на цепях, длинными белыми и серыми бородами и шевелюрами.

В фигурах что-то тяжелое, усадистое.

И вот иногда пробегает такая волна по этому черному морю, что в воздухе проносится дуновение чего-то очень значительного. Кажется, что присутствуешь на одном из соборов XVII века при зарождении раскола.

Обсуждаемая тема: «Возможно ли дальнейшее свободное творчество в области догматов православной церкви?»

После скучного словопрения читается реферат Розанова об «Адогматизме христианства».[8]

«Вы извратили смысл христианства... Догматизм родился на константинопольских базарах, когда торговки заспорили об единосущии и единоподобии... Перейдя во дворцы, эти толки стали "отчаянием в Боге"... Евангельский бог – это милое из милых, это ребенок, защищенный своей беззащитностью, а вы вырастили его в большого мужика, и когда мужика бьют, то никому не жалко, а если б кто тронул ребенка, то тысячи рук протянулись бы на его защиту... Отцов церкви никто не читал, потому что они писали скучно, а еретиков читали все, потому что они обсуждали жгучие и живые вопросы. В этом вся разница.

Арий был человек живой и талантливый, и поэтому был объявлен еретиком, а Климент Александрийский писал так много и так скучно, что его никто не читал, и поэтому он был возведен в отцы церкви...»

Это отдельные выпады реферата. В общем он очень красив и поэтичен.

Временами проходила волна по собранию.

Антракт.

Быстрые разговоры, стычки и споры.

После начинают говорить попы,[9] так, как будто ничего не произошло. Скучно.

Встает Мережковский:

«Мы выслушали реферат Розанова, который произвел на нас громадное, можно сказать, потрясающее впечатление. Мы ждали бури возражений, но видим полное спокойствие.

Волна ударила о неприступный Свеаборг и отбежала прочь, потому что перед ней оказалась одна глухая, мертвая стена... только стена!»

После других рассуждений:

«Христианская церковь каменна по своему существу. “Ты есть камень, и на камне сем я воздвигну дом свой”. Но помните, что церковь Петр, а Петр трижды отрекался от Христа.

Я чувствую, что мои слова ударяются тоже об стену. Когда мы шли сюда, мы надеялись произвести движение. Мы надеялись, может, на Реформу церкви. А разве это мы нашли здесь.

«Сказано: “Там, где соберутся двое во имя Мое – я буду между ними”. Мы собрались здесь во имя Его. Но есть ли Он между нами?

Его между нами нет, но чувствуется, что Он здесь, за дверями... близко... И Его судят...

То собрание было тоже ночью...

И двери тоже были заперты...

И во дворе было много народу...

Были римские воины...

Были апостолы, и Фома – Розанов, который спрашивал “почему?”.

Были члены Синедриона...

И Петр *снова* отрекся от Христа!!»

Один из священников не выдерживает:

«Нельзя ли попросить г-на Мережковского осторожнее выбирать свои поэтические образы? Уж коли нас с членами Синедриона...»

Его усаживают.

Мережковский продолжает:

«Историческое христианство разделилось на три рукава – три церкви: православие, католицизм и лютеранство...

Но ни одна из них не имеет права претендовать на титул вселенской, потому что все они – это только троекратное отречение Петра от Христа...

Петру было сказано: “И другой опояшет тебя и поведет, куда ты не хочешь”. И этот другой будем мы – церковь Иоан-

на, церковь мирян, и мы опояшем вас и поведем туда, куда вы не хотите.

И пусть всякий, кто ждет этого, вместе со мною произнесет в сердце своем:

“Благословен грядый во имя Господне!!”».

Глубокое молчание... несколько долгих мгновений и испуганный шепот в углу залы: «Боже, упаси!»

Слова дьявола: «Разве ты забыл, что я великий теолог?» невольно хочется применить к самому Мережковскому.

Он с сатанинским искусством играет текстами и убивает их их же орудием. Весь схоластический склад его ума, его приемы доказательств, основанные на созвучиях мыслей, все его делает страшным противником.

Я привел так много цитат для того, чтобы объяснить, почему это показалось мне настолько важным.

Три года назад такие слова, сказанные публично, да еще в присутствии петербургских архиереев, не были бы возможны.

О разных людях, которых я видел в Петербурге, я буду писать после. Но я там ни с кем не сошелся.

С Мережковским, с Розановым, с Гиппиус мы оказались чересчур чуждыми. Более других мне был понятен Минский, но его я видел только два раза.

В Москве было уже другое. В Петербурге интересные течения, но тяжелые люди. В Москве же я нашел не только людей, но и новых друзей.[10]

Я застал там Бальмонта: успокоившегося, интересного и ребячливого, каким он бывает в свои лучшие моменты.

Из новых лиц самым интересным был для меня Брюсов.[10] Это самый интересный собеседник, какого я видел. Ум необычайно смелый, дерзкий, изобретательный. У его мысли чувствуются длинные, остроконечные, мощные крылья. У него необыкновенное бесстрашие в возможностях.

Бальмонт — певучий, моцартовски непосредственный, поэт гениальных случайностей.

Брюсов работает над стихом, как средневековый алхимик, он хитроумец, изобретатель и волхв.[11]

Он умнее. Бальмонт гениальнее.

Может! Наши сны глубоки –
Голос ваш вскам завет.
Как и ты, мы одиноки –
Мы – пророки, ты – поэт.

(Это Брюсов – Бальмонту).[12]

Мои собственные литературные дела.

Стихи мои имели успех в литературных кругах. «В вагоне» появилось в «Северных Цветах».[13]

Большая часть появится в «Новом Пути» целой серией.[14]

Получил предложения и просьбы писать с Востока из нескольких журналов. Словом, все благополучно. Лучше, чем можно ожидать.

Это все подробнее расскажет Вам один очень близкий мне человек, который через несколько времени придет к Вам от моего имени и назовет себя «Яксом».[15] Это один из самых близких мне людей. Подробности о себе он сам Вам расскажет.

Я его давно ждал, но он при мне не приехал.

Александра Васильевна, пожалуйста, направьте его и помогите ему ориентироваться в людях и книгах.[16] Он за границей в первый раз. Ему не надо очень попадать в «колонию», т<ак> к<ак> он надолго. Ему надо устроиться с учебным заведением. Это я для него узнавал об электротехнических школах. Может, Юлий Феодорович не откажется дать ему указания. Я могу его рекомендовать Вам и Владимиру Августовичу, как самого себя. Кстати, нас находят очень похожими.

Ему очень нужен сильный и правильный толчок в самом начале, и я очень надеюсь на Вас. Я думаю, что он Вам должен понравиться.

У меня письмо выходит значительно оборваннее, чем я хотел. Я в уме писал Вам очень много писем за это время и рассказывал все свои новые мысли и впечатления. Но у меня ни разу в это время не было пера в руках. Поэтому Вы до сих пор и не получали от меня писем.

Была ли у Вас m-me Бергенгрин – сестра m-me Бальмонт,[17] которая ехала в Париж, чтобы передать музею Карнвалэ коллекции кн<язя> Урусова?[18] Я ей дал письмо к Вам.

Я никому не писал уже 2 месяца, поэтому теперь получаю только ругательные открытки.

Неприятное ощущение.

Вы были в Ронжу?[19] «Наши» каштаны будут напечатаны в альманахе «Иппокрена».[20]

Какой иногда жгучей струйкой во мне пробегает воспоминание о Париже.[21] Так бы бросил Японию и покатил бы назад. Что у Вас делается? Я читаю Ренье (как хорошо),[22] смотрю на надпись («последнем свидании»)[23] и не верю.

Из Индии я, верно, прямо прикачу в Париж.

В нем мне больше родного. В русских течениях и мистицизме все-таки для меня много музейного и исторических эмоций.

Кланяюсь всем, а кого можно, то и целую.

Владимир Августович! Не будьте очень суровы с моим Яксом. Как живут Лоло и Татуха? Кланяюсь Каролине.[24]

Привет Наталье Владимировне, Уке, Юлию Феодоровичу.[25]

Адрес: Крым. Феодосия. Коктебель.

Макс.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 109.

[2] Волошин приехал в Крым 23 марта, в Коктебель — 5 апреля (Труды и дни. С. 109).

[3] На пути из Парижа в Петербург Волошин останавливался в Штутгарте 27 декабря / 9 января (Труды и дни. С. 105).

[4] Видимо, имеется в виду встреча в Штутгарте с П.Б. Струве.

[5] Речь идет о Религиозно-философских собраниях, заседания которых проходили в Петербурге с 29 ноября 1901 г. по 5 апреля 1903 г. Были закрыты по указанию Синода. См. также п. 8.

[6] См. п. 8, примеч. 5.

[7] Перед докладом В.В. Розанова выступали: проф. Вл.В. Успенский, открывший заседание, проф. А.И. Бриллиантов, протоиерей В.Я. Колачев, юрист и художник А.И. Доливо-Добровольский, священник А.М. Темномеров, кандидат богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии И.П. Щербов.

[8] Ср.: *Розанов В.В.* Об адогматизме христианства // *Его же.* Собр. соч.: В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. С. 65—73.

[9] После доклада Розанова выступали: обер-секретарь Святейшего Синода, приват-доцент Санкт-Петербургского университета и член учебного комитета при Святейшем Синоде С.Г. Рункевич, протоиерей П.И. Лепорский.

[10] В ответном письме от 7 мая (н.ст.) А.В. Гольштейн писала: «Мой милый Максимилиан Александрович, письмо Ваше доставило мне большое удовольствие. Я рада, что Вы дома, что Вы погрузились в здоровое одиночество... Смутно доходили слухи, что Вы прямо из парижской “бальмонтовщины” погрязли в русскую “бальмонтовщину”, и меня это очень огорчало, думалось: зачем было огород городить? Зачем было ссылать Вас на родину? Сообщаемое Вами о Рел<игиозно>-Фил<ософском> Обществе для меня не было новостью. В вашем изображении оно только вышло интересней, чем мне писали, говорили...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 10).

[11] Об этом см. п. 8, примеч. 8.

[12] Фрагмент из стихотворения В.Я. Брюсова «Бальмонту» («Вечно вольный, вечно юный...», 1902), впервые опубликованного в книге «Urbi et Orbi» (1903). А.В. Гольштейн отвечала Волошину: «Познакомилась здесь с Брюссовым <так!>. Очень симпатичный и славный, и жена его очень славная, но умом он меня не удивил. Он здесь читал реферат о задачах искусства (кажется так), и я нашла, что его эстетика недопеченная, отчего это так мало знают и чем неясно думают русские люди, даже умные как Брюсов? Между нами говоря, я не думаю, что из этого “пророка” (коим он зовет себя по приведенному Вами стихотворению) выйдет что-нибудь, кроме обстоятельного литератора. Кривляющаяся обезьяна Бальмонт — останется в русс<кой> литературе большим поэтом, если не сойдет с ума от пьянства, Брюсов ни в “пророки”, ни в большие поэты не попадет. Читал он нам свои неизданные стихотворения — очень недурно, но без всякого размаха. Но я рада, что познакомилась с ним — он очень, очень славный. Знаете, кто мне в нем чувствуется? Добролюбов. — На его реферате были большие скандалы, крики, вои, ругань. Он реферат читал, Вяч. Иванов свои стихи, а Ваш шустро-глупый Поляков председательствовал, дразнил публику своим воем, криками и стуками по столу... Ivan Strannik в божественно-белой шляпке присутствовал на собрании, я тоже! вот какие настоящие времена» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 10 об. — 11 об.; упоминаются: Н.А. Добролюбов; беллетрист и журналист Соломон Львович Поляков (псевдоним С. Литовцев; 1875—1945), парижский знакомый Волошина; Ivan Strannik — литературный псевдоним прозаика, критика и переводчицы Анны Митрофановны Аничковой (урожд. Авиновой; 1868—1935), жены Е.В. Аничкова).

[13] См.: Т. 1 наст. изд. С. 13, 438.

[14] В журнале «Новый Путь» (1903. № 8. С. 39—51) было опубликовано десять стихотворений Волошина в такой последователь-

ности: «Пустыня» («Монмартр... Внизу ревет Париж...»), «Via Mala» («Там с вершин отвесных...»), цикл «Париж» (I. «Как мне близок и понятен...», II. «Утро... Пасмурный Париж...»), «Вальдемоза» («Из страны, где солнца свет...»), «Венеция» («Венеция сказка, старинные зданья...»), «Охота» («Чу! По оврагам лесным, буеракам...»), «Спустилась ночь, погасли краски...», «Я – вечный жид. Мне люди братья...», «Тангейзер» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 11, 17, 24, 15, 383–384, 37, 44, 18. Т. 2. С. 389). См. также п. 10, примеч. 1, 2.

[15] Я.А. Глотов, двоюродный брат Волошина, выехал из Феодосии 24 апреля (ст.ст.) 1903 г. (Труды и дни. С. 110)

[16] А.В. Гольштейн в ответном письме замечала: «Приятеля Вашего приму, буду пасти по моим силам, но... Вашего брата беречь все равно, что блоху в решете стеречь. Вас ведь не уберегла, и зря Вы прожгли свое время в Париже» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 11 об.).

[17] Т.А. Бергенгрин (урожд. Андреева), сестра второй жены К.Д. Бальмонта, Е.А. Бальмонт.

[18] После смерти кн. А.И. Урусова, согласно завещанию, часть его литературного архива была передана в библиотеку Музея Карнавале (музей истории Парижа). См.: *Венгерова З.А.* Парижский архив А.И. Урусова // ЛН. Т. 33–34. М., 1939. С. 593–615.

[19] Ронжи (Ронжу), пригород Парижа. А.В. Гольштейн отвечала: «Я была в Ронжу, кажется, писала Вам оттуда?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 11 об.).

[20] Указанное издание не состоялось. Возможно, речь идет о стихотворении Волошина, датированном 23 июля 1902 г. и обращенном к А.В. Гольштейн, которое начиналось строками:

На заре. Свежо и рано.
Там вдали передо мною
Два столетние каштана,
Обожженные грозою.

См. также: Т. 2 наст. изд. С. 387–388, 696–697; дневниковую запись Волошина от 25 июля 1902 г. и коммент. к ней (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 124–125, 397–398); письмо Волошина к А.В. Гольштейн от 12/25 июля 1902 г. (Т. 8 наст. изд. С. 743). При жизни Волошина стихотворение «На заре. Свежо и рано...» опубликовано не было.

[21] Ср. с дневниковой записью от 27 мая (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 160).

[22] Творчеством А. де Ренье Волошин интересовался на протяжении всего творческого пути, что нашло отражение в его статьях и

переводах. См.: Т. 3 наст. изд. С. 483–484; Т. 4 наст. изд. С. 646–753; Т. 5 наст. изд. С. 840; Из лит. наследия-1. С. 302–324.

[23] Возможно, А.В. Гольштейн подарила Волошину, уезжающему из Парижа в Петербург, одно из изданий Анри де Ренье и надписала его.

[24] Внуки А.В. Гольштейн – А.Ю. Семенов и Н.Ю. Семенова. В письме, начатом 24 января (н.ст.) 1908 г. А.В. Гольштейн называет Лоло (А.Ю. Семенова) – «крестником» Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 29).

[25] Н.В. Семенова, А.В. Гольштейн, Ю.Ф. Семенов.

12. В.Я. БРЮСОВУ

19 апреля / 2 мая 1903 г. Коктебель

19 avril 1903.
Феодосия. Коктебель.

Валерию Брюсову – Макс Волошин.
Дорогой Валерий Яковлевич![1]

Приветствую Вас в Париже!

Вот Вам мои заветы:

1) Пойдите в Ecole de Pharmacie посмотреть фрески Бэнара.

2) Пойдите в Hôtel de Ville посмотреть фрески Пювис де Шаваня[2].

3) Пойдите в большой Амфитеатр Сорбонны посмотреть его же фреску.

4) Поднимитесь перед сумерками в купол Sacré Cœur[3] посмотреть меркнущий Париж и побудьте некоторое время в странном замкнутом пространстве внутри купола.

5) Поезжайте по Сене до Bellevue[4]. Подымитесь по фуникюлеру и пройдите налево по аллее на Медонскую террасу.

6) Затем я хочу, чтобы Вы видели вещи Одилона Рэдона[5].

Вот письмо к моей очень хорошей знакомой Александре Васильевне фон-Гольштейн. Она Вам покажет его «Искушение Св. Антония» и, если хотите, познакомит Вас с ним. Я, кажется, говорил с Вами об Рэдоне.

Его вещей нет в музеях. Есть только в Галерее Эстампов (в Национальной библиотеке) его альбом. Непременно взгляните. M-me Holstein – в высшей степени интересный человек. Она 30 лет живет в Париже и притом исключительно в литературно-художественном мире Парижа. Она может быть очень интересна для Вас. Ее адрес: Passy. 75. Rue de la Tour. Ее можно застать в субботу от 4 до 6½[6].

7) Другое письмо к Кругликовой – художнице. Там Вы увидите всю богему и молодых поэтов[7].

8) В 2 часа ночи пойдите на Rue des Innocents около Halles в Caveau des Innocents[8] (Парижская резиденция Бальмонта).

Я пробуду до самого конца июня в Крыму. Точно день моего отъезда не назначен.

Я его назначу в связи со сроком Вашего приезда.

Отъезд всегда можно отложить на несколько дней.

Жду с яростью и энергией[9].

Поклоны.

[1] Написано по получении (18 апреля 1903 г.) открытки от Брюсова, отправленной 12/25 апреля: «Вместо Крыма мы оказались в Париже. Но я не теряю надежды быть и в Крыму. Сообщите точно и крайне, до какого дня пробудете Вы» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 279).

[2] Поль Бенар (Besnard; 1849–1934) – известный французский живописец. К числу его ранних работ принадлежит серия декоративных панно для Фармацевтической школы (Ecole de Pharmacie) в Париже, выполненных в манере, близкой к импрессионизму (1883). Пьер Пюви (Пювис) де Шаванн (Puvis de Chavanne; 1824–1898) – французский художник, один из родоначальников символизма в живописи. В зрелые годы им был выполнен ряд заказов по украшению общественных зданий, в том числе Пантеона (1875–1877, затем 1897–1898), Сорбонны (1887–1889), Городской ратуши (Hôtel de Ville, 1891–1893).

[3] Sacré Cœur («Святое Сердце») – парижский собор, воздвигнутый на Монмартрском холме по проекту архитектора П. Абади. Строительство начато в 1875 г., закончено в 1914 г. Высота колокольни 100 м, основного купола 83 м. Перед собором находится терраса, с которой открывается панорама Парижа.

[4] Bellevue – пригород Парижа, административно подчиненный г. Медону (департамент Сена-и-Уаза).

[5] См. статьи Волошина «Одилон Рэдон» и «Франция и война. Одилон Рэдон» и комментарии К.М. Азадовского к ним в наст. изд. (Т. 5. С. 397–399, 789–792; Т. 6, кн. 2. С. 339–344, 864–867).

[6] Текст письма Волошина к А.В. Гольштейн, прилагавшегося к настоящему письму, неизвестен. Брюсов воспользовался рекомендацией Волошина; ср. его запись: «Были еще у Гольстейн (старуха, живущая в Париже). Показывали мне Редона. Я не очарован» (*Брюсов Валерий.* Дневники. 1891–1910. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 132). Достаточно скептическим было и мнение А.В. Гольштейн о Брюсове, сложившееся в результате личного знакомства и затем его лекции «Задачи искусства» 21 апреля / 3 мая в кружке русских студентов (Association des étudiants russes). См. п. 11, примеч. 12.

[7] О посещении мастерской Кругликовой Брюсов записал: «Был у Кругликовой на субботе. Была суббота неудачная. Французов-поэтов не было (самый известный Lacuzon). Были какие-то русские, с которыми говорили мы о домашних делах...» (*Брюсов Валерий.* Дневники. С. 132).

[8] Rue des Innocents – улица Невинных; Halles, точнее, Halles Centrales – Центральный рынок; Caveau des Innocents – погребок Невинных. Е.С. Кругликова вспоминает: «Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки. Я нередко бранила его за выбор “кратчайших путей”, оказывавшихся самыми длинными. Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в Halles Centrales, то на Монмартр, то еще куда-нибудь, к восходу солнца» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 88).

[9] В 1903 г. Брюсов в Коктебель не приехал.

13. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

Конец сентября 1903 г. Коктебель[1]

Крым.
Феодосия.
Коктебель.
Дача «Peleata».[2]

Дорогая Александра Васильевна!

Не рассердитесь и не обидьтесь на мое молчание.

После стольких лет болтовни пять месяцев полного молчания и одиночества. Мне не хотелось ни писать, ни говорить.

Мне хотелось быть совсем одному. Я никому не писал, никому не отвечал на письма. И ко мне перестали писать. Но я очень часто мысленно беседовал и советовался с Вами. После отъезда Якса[3] я заперся в Коктебеле и решительно никуда не выезжал и не выходил.

Сперва я все откладывал свой отъезд на восток, потом отложил его до весны.

Теперь у меня снова планы изменились: я возвращаюсь зимой в Париж, чтобы заняться рисованием специально.

Вопрос все тот же: мне надо «найти место в природе», как Вы говорите, т.е. найти свое дело – специальность.

После долгих рассуждений я вижу, что литература не может быть этой специальностью. Я здесь слишком требователен, медлителен. Я слишком склонен здесь к стихотворной форме, т.е. к форме «окончательного выражения». Это будет для меня главное. Но поэтому-то литература и не может быть для меня вседневною, будничною специальностью. Для этого нужно иметь жилку журнализма. А этого во мне совсем нет. Для меня факты фиксируются только в обобщениях и ускользают в своем текущем разнообразии.

Быть рисовальщиком, иллюстратором, карикатуристом – это для меня более возможная специальность (как специальность). И я думаю, что в этом я могу при работе сделать большие успехи. Если я никогда раньше не рисовал и, рисуя в Париже, только между прочим (я за два года только месяц в общем рисовал в Академии),[4] сделал такие успехи, то я думаю, что, проработав серьезно в Академии (конечно, в Париже) года два, я могу сделаться вполне порядочным иллюстратором – для России. (О Париже я, конечно, не имею права думать).

Итак, я поездку на восток отложил. Она не уйдет, и уеду я гораздо более подготовленный, чем теперь.

Владея рисунком, я оттуда вывезу гораздо больше.

Вот мои новые планы. Я уже предвкушаю удовольствие появиться в декабре на Rue de la Tour.[5] Как раз через год.

Лоло, верно, стал уже совсем взрослый. Попаду ли я к Вам на елку? Буду ли я голосован для встречи Нового года?

Это ведь были мои последние дни и последние впечатления Парижа. Такие грустные и трогательные.

Мне так хочется снова Парижа; этого запаха мостовой, этого серого тона улиц, каштанов.

Все эти месяцы я духовно жил больше в Париже, чем в России. Я окружен французскими книгами и журналами. Я прочел здесь гораздо больше французских книг, чем за все время в Париже.

Мне хочется прочесть Вам одно мое стихотворение, еще не вполне законченное. Оно больше даст мое настроение.

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что... в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.
Да, я помню мир иной...
Необычный, непохожий —
В вашей жизни я прохожий —
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
Влил меня и воплотил
В этот мир замкнутых граней.
Мир отрывочен и пуст.
Необычно мне сознанье
Знать весь мир, как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств.
Вечность с жгучей красотою
Неразгаданных чудес
Скрыта близкой синевою
Примиряющих небес.
Мне так радостно и ново
Все обычное для вас —
Я люблю свет ваших глаз,
Вашу речь и ваше слово:
В них мерцает мир вещей
Гармонично и поблекло.

Как узорчатые стекла
В мгле готических церквей.
Что одни зовут звериным...
Что одни зовут людским...
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!..
Жизнь люблю умом разъять я,
Но люблю я и мечты:
Ваши детские понятья
Смерти, зла и красоты...
Когда ж уйду я в вечность снова
И вновь откроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова,
И звездным ужасом полна.[6]

До свидания, Александра Васильевна. Не сердитесь на меня за мое молчание.

Поклоны всем Вашим: Владимиру Августовичу, Нат<алье> Владим<ировне>, Юлию Феод<оро>ви<чу>, Уке, Каролине, Лоло и Татухе.[7]

Макс Волошин.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 111.

[2] Пелсата – название двухэтажного дома Волошина, построенного в Коктебеле в мае—августе 1903 г.

[3] Я.А. Глотов.

[4] Живя в Париже в 1900—1902 гг., Волошин посещал Академию художеств «Колароссн».

[5] По этому адресу А.В. Гольштейн проживала с июля 1902 г. (Труды и дни. С. 100).

[6] Ранняя редакция стихотворения Волошина. В другой редакции, с изменением строфики, пунктуации, композиции, с многочисленными вариантами, впервые опубликовано под заглавием «Когда время останавливается...» в кн: Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 52—54. См.: Т. 1 наст. изд. С. 39—41, 448. См. также п. 16.

[7] В.А. Гольштейн, Н.В. Семенова, Ю.Ф. Семенов, А.В. Гольштейн, Каролина Яковлевна, А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова.

14. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

Около 10 октября 1903 г. Коктебель[1]

«Peleata».
Коктебель.
Феодосия.
Крым.

Дорогая Александра Васильевна!

Вчера вечером я получил Ваше письмо.[2] Я так давно уже не получал никаких писем и сам не писал никому.

Я так боялся, что Вы рассердитесь за такое долгое молчание. И вот мое уединение подходит к концу, и мне жаль нарушить его.

Из моих окон видно только море: равнина вод и краюшек берега. Раскат волны никогда не утихает. Ночью кажется, что волны рушатся в самой комнате. Во время бури они подбегают по песку до самого дома.

И день и ночь шумит угрюмо...
И день и ночь на берегу
Я бесконечность стерегу
Средь свиста, грохота и шума.
Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность —
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины...[3]

Вы себе не представляете той степени уединенности, в которой я живу уже полгода (с конца марта).

Ни одной газеты, ни одной книги, ни одного нового лица. Ничего временного и случайного.

Мне бы хотелось Вам описать Коктебель.

Это широкая, серая, местами красная, холмистая пустыня в глубине залива. С одной стороны длинный и разорванный мыс Киик-Атлама, как спина дракона, прорезанный тонкими трещинами и красными хрящами, «как внутренность раковины»! Это совсем берега Греции с их строгим изяществом. С другой — Карадаг.

Представьте себе колоссальный готический собор, рухнувший внутрь... Местами уцелевшие башни, гигантское готическое кружево скал, стрелки, пилястры, чудовищные изваяния, разбитые фигуры... И все это рушится в море. Все это в немного театральном стиле Гюго.[4]

Этого ужаса скал не видно от нас из глубины залива. Они закрыты первыми выступами, более спокойными.

Я целые дни рисую и читаю. Мне даже не хотелось видеть людей. Может, я действительно отвык от них? Это покажет Париж.

Последнее время я все читаю Rémy de Gourmont (La culture des idées; Chemin de Velours).[5] Как Вы, так любя его, не заставили меня прочесть это в Париже? Я не помню, что бы я читал с таким захватывающим удовольствием. Ни с какой книгой я так не совпадал в темпе мысли. Нигде я не встречал столько *своих* мыслей: уже сформировавшихся, готовых сформироваться, только что начинавшихся. Я нашел у него все, о чем я думал последний год и что считал исключительно своим. Это меня не печалит, а радует: значит, отсюда я могу идти еще дальше, раз это уже получило формулу.

Какая удивительно цельная жемчужная нитка в трех поколениях: Ренан, Анатоль Франс, Реми де Гурмон. Три такие индивидуальности — и так совпасть и в сфере мысли, и в методе.[6]

«Новый Путь»... Ведь я с Вами согласен. То, чем я увлекся вначале, был, как выяснилось, интерес курьеза. И я думал, что это будет значительно шире и свободнее. Узко и однообразно. Это в идейном отношении. В личном — я имею право быть им очень недовольным. Они сделали относительно меня совершенно непростительную вещь: они напечатали серию моих стихов, которую они же *сами просили* — я не предлагал. И напечатали в совершенно искаженном виде. Все мои более оригинальные эпитеты (а я над этим очень работаю) были за-

менены самыми банальными и часто бессмысленными. Когда я собрался писать им, то мне на обложке показали правила: редакция имеет право исправлять рукописи по своему желанию и ни в какие объяснения по поводу стихов не вступает. Литературных процессов из-за собственности эпитета в России начинать нельзя...[7]

Это было в августовской книжке. Но сентябрьская меня утешила и вознаградила. Антон Крайний (Зин<аида> Гиппиус) в литературном обозрении называл мои стихи (только что напечатанные в предыдущей книжке) идеалом пошлости и поэзией *комми-вояжера*.[8] Какое добросовестное самобичевание...

Кроме того, я имел счастье в тот же день натолкнуться в октябрьской книжке «Mercure de France» на такую цитату о Бальзаке: «Au tempérament d'un artiste, il joignit l'esprit d'un commis-voyageur»* (стр. 259). Это меня совсем утешило.

Несмотря ни <на> что я с «Новым Путем», разумеется, больше никаких сношений иметь не буду.[9]

Спасибо всем за допущение меня к новогоднему ужину. По очереди всем жму руки, улыбаюсь и благодарю.

До свиданья. Спасибо.

Макс Волошин.

Да! А главное: относительно нашего родственника Пети[10] – я боюсь, что ничего не смогу сделать. Я ведь никого не вижу и никому не пишу. А поеду прямо через Одессу югом, не заезжая на север, так что никого из родных не увижу. А писать, сами знаете, бесполезно и вредно.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 112.

[2] Неизвестное письмо А.В. Гольштейн.

[3] Стихотворение Волошина «И день и ночь шумит угрюмо...» позже вошло в состав цикла «Когда время останавливается...» (см. Т. 1 наст. изд. С. 39, 448). Ответное письмо А.В. Гольштейн от 1 но-

* По своему художественному темпераменту он обнаруживал духовное родство с коммивояжером *(фр.)*.

ября (н.ст.) 1903 г. начиналось с перифразы поэтических строк Волошина: «Увы! Я “бесконечность” не “стерегу” <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 13).

[4] Под «театральностью стиля» Гюго Волошин понимал особый риторический строй, «торжественно-однообразный гул», «красноречивость» его поэзии (См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 14, 26, 42).

[5] Речь идет о произведениях Реми де Гурмона «La culture des idees» («Культура идей», 1900), «Le Chemin de Velours» («Бархатный путь», 1902). См. также критические статьи Волошина, посвященные творчеству Реми де Гурмона (Т. 5 наст. изд. С. 471, 816; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 82, 643).

[6] Эта мысль будет сформулирована Волошиным также в статье «Анатоль Франс» (1904) (Т. 5 наст. изд. С. 425–435, 800) и в первой статье цикла «Париж и война» – «Поколение 1914 г.» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 487–491). Об отношении Волошина к Ренану, А. Франсу, Реми де Гурмону см. статью «На белом камне» (Т. 6, кн. 2. С. 174–193, 816).

[7] См.: п. 10, примеч. 2; п. 11, примеч. 14; п. 15.

[8] В статье Антона Крайнего (псевдоним З.Н. Гиппиус) «Нужны ли стихи?» прозвучали следующие рассуждения, вызвавшие горькую иронию Волошина: «Во все времена были особые, “комми-вояжерские”, души. Они отличались необыкновенной легкостью, пустотой воздушности, дешевизной и непереносной (тоже во все века) пошлостью. Душа комми имеет способность наряжаться во всякие одежды, извне, издали, очень современные, – и с первым прыжком их сбрасывает, запылив. Такие души встречаются и у стихосложителей, – у поэтов. Да, все-таки у *поэтов*, потому что ведь и комми-вояжер – молится. Только у него свои комми-вояжерские молитвы, и обращены они к соответственному богу, – кажется, неизменному. Он один для всех комми-вояжеров, а потому они все, вероятно, друг друга понимают. И стихи их друг другу нужны. Укажу из множества таких поэтов на одного, очень мало известного, – но он сейчас под руками. Это Макс Волошин. Его “молитвы” были напечатаны в августовской книжке “Нового Пути”. Так как комми-вояжерские души не редки и у читателей, то молитвы эти, конечно, нашли отклик в соответственных местах, несмотря на всю их “последнюю мудрость”, которая хочет притвориться “современностью” и запугать. Цитировать его подпрыгивающие гимны “кастаньетами” и “стрекозиными красотами” не буду, Бог с ними» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 250–251). При всей своей предвзятости и памфлетной окраске определение «комми-вояжера» в известной степени закрепилось за Волошиным, хотя утратило ту оценочность, которая была в приговоре З. Гиппиус.

На эту статью Гиппиус указывала Волошину А.М. Петрова в недатированном письме 1903 г.: «Милый “комми-вояжер”. Объясните мне, пожалуйста, каким образом сотрудники “Нового Пути” до сих пор не передрались сами и не поколотили г. Перцова? С каждой книжкой этот вопрос все мучительней и настоятельней становится передо мною. Я знаю программу журнала, но с каждым номером является <...> подозрение, что “Новый Путь” приведет нас (злополучных читателей) к самой обыденной русской толкучке. Крайние... Белые... Горькие... Чеховы... Электрическая Гиппиус . – “Жидовствующий” Розанов... <...> Где я?.. Что со мной?!.. В Августе г. Перцов любезно представил нам поэта Макса Волошина; в Сентябре тот же г. Перцов спустил Антона Крайнего (поразительная предупредительность!), уверяющего этих же читателей, что Макс Волошин – “поэт – комми-вояжер”. <...> Впрочем, Вы вероятно уже знаете эту статью. Объясните же мне все это, если не представится затруднения. Грешный человек, – я начинаю подозревать, что Ан<тон> Крайний “имеет зуб” против Вас, или же это тоже “последняя модность”, “современность” – любезно представить Вам кого-либо и тут же подослать швейцара с предупреждением беречь карманы. Не пойму; или нервы мои больны окончательно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3., ед. хр. 950, л. 23–24 об.).

[9] А.В. Гольштейн отвечала Волошину 1 ноября 1903 г.: «То, что Вы пишете о личных отношениях с “новопутейцами”, меня не удивило. Из них я видела Брюсова, и этого образчика для меня более чем довольно, чтобы судить об остальном. Это самонадеянная, невежественная, русская самонадеянность. Узкая, как всякая самонадеянность; это “марксизм”, “материализм”, “дарвинизм” и все русские не переворенные “измы” наизнанку. Верьте, милый мой, что “декадентство” только тогда *есть*, когда есть с чего падать. Русская литература еще в пеленках, – ну, скажем, в коротеньких штанах – чем может быть ее декадентство? Мертворожденным ребенком <...>. И что Вы захотели в личных отношениях от сообщества людей, поголовно страдающих разными видами полового извращения? Я не исключаю ни Розанова, ни Брюсова. Об этих последних хотя нет таких слухов, но каждая строчка их письма указывает на нечто подобное. На другой манер, чем Антон Крайний, чем....... но не меньше противный» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 15–15 об.).

[10] Неустановленное лицо.

15. В.Я. БРЮСОВУ

14 октября 1903 г. Коктебель[1]

Villa Peleata. Коктебель. Феодосия. Крым.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:
Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я не только еще в России, но даже еду скоро в Париж.

По многим соображениям и обстоятельствам я отложил Восток. Может, года на два.

В Москве весной я был настолько «человеком, едущим в Японию», что мне теперь по дороге в Париж стыдно туда показаться.[2]

Мне бы хотелось знать адрес Бальмонта. И Екатерины Алексеевны,[3] если они не вместе.

Потом я хочу сказать об моих стихотворениях в «Новом Пути». Они подверглись таким искажениям, что я их не могу считать своими. Почти все эпитеты изменены и совершенно нелепо[4].

Вот образцы:

Стихотворение «Париж» (III)

У меня:	Напечатано:
...*Мир стряхнул* покров туманов.	*Отлетел* покров туманов
Четкий воздух свеж и чист.	
На больших стволах каштанов	
Уже вспыхнул яркий лист	
Небо целый день *моргает*	Небо целый день *играет* (?)
Прыснет дождик, брызнет луч,	*Брызнет дождик, брызнет* (bis) луч
Развивает и свивает	
Свой покров из сизых туч...	*Покрывало* сизых туч.

———

...*Утро пасмурно...* Париж,	*Утро. Пасмурный Париж,*
Очертанья *сизых* крыш	Очертанья *синих* крыш
Скрылись в *дымчатой* вуали	Скрылись в *траурной* (?) вуали
Расплылись в жемчужной дали	
...Ночью грустно. *От огней*	*вкруг огней*
Иглы тянутся лучами	*Тени борются с тенями*

От садов и от аллей	От *покинутых* (?) *аллей*
Пахнет мокрыми листами.	Пахнет мокрыми листами.[5]

Другие стихотворения сокращены так, что совершенно нарушен их музыкальный смысл.

Напр<имер>, в стихотворении «Охота» (VI) пропущена первая строфа:

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы...[6]

Есть и такие вещи: при описании Парижа (стих. «Пустыня» I) с высоты:

Уступы *каменистых* крыш
Слились в равнины темных линий.

Напечат<ано>: Уступы *черепичных* (?! в Париже!!) крыш.[7]

И еще много подобного. Конечно, эти стихотворения не могу считать своими так же, как не считал бы своей картину, в которой кто-нибудь изменил бы все соотношение тонов.

Сперва я хотел требовать объяснений. Но увидел на обложке правила (к сожалению, поздно): Редакция имеет право *исправлять* рукописи и ни в какие объяснения по поводу стихов не вступает.

Только статья Антона Крайнего (в сентябрьской книжке) со строками, посвященными мне, несколько утешила меня.

Какое добросовестное самобичевание!

С известными натяжками я его согласен принять за редакционное извинение.[8]

Что же касается «поэзии комми-вояжеров», то я натолкнулся на очень интересную цитату в октябрьской книж<к>е «Mercure de France».

George Eekhoud в письмах из Брюсселя цитирует фразу одного учебника французской литературы о Бальзаке:

Au tempérament d'un artiste, il joignit l'esprit d'un commis-voyageur* (Me<rcure> d<e> F<rance> 1903. Octobre, p. 259)[9].

Мне жаль, что я позволил напечатать свои стихи.

* По своему художественному темпераменту он обнаруживал духовное родство с коммивояжером *(фр.)*.

Не примите это за упрек. Я пишу Вам это только для того, чтобы оправдаться в шаблонных эпитетах и выражениях.

Не знаю, но, верно, я больше не буду печатать своих стихов. Книга стихов – это такая нелепость. Разве можно читать тетради с нотами? Книги со стихами или должны приобрести вполне характер нот, или исчезнуть. Тогда они заменятся устной передачей – нормальной и естественной жизнью стихов. Книга убивает стихотворную речь. Надо отказаться от нее и снова придать поэзии характер трувёрства. Стихи должны жить в человеческом голосе. Иначе они погибнут.

У меня долго была инстинктивная боязнь к печатанью и записыванью стихов. Я жалею, что соблазнился.

Для стихов надо создать свой более полный звуковой алфавит, знаки для темпа и интонации – тогда они будут иметь смысл для немногих исполнителей.

До свиданья. Привет Вашим дамам.[10]

P.S. Сообщите, пожалуйста, также адрес Балтрушайтиса.[11]

Я пробуду в Коктебеле еще месяц.

Занят с утра до ночи живописью.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 14.X.1903. Получено в Москве 17 октября. Ответ на недатированное письмо Брюсова: «Слышал от Елиз<аветы> Серг<еевны> <Кругликовой. – *Ред.*>, что Вы в Японию не уехали. Так ли? Откликнитесь. Я перед Вами виноват молчанием. Но не решался писать, думая, что Вас давно нет в Европе» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 282).

Сохранился также черновой незавершенный вариант этого письма (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 12); видимо, он был написан до получения цитированного письма Брюсова:

Крым.
Феодосия.
Коктебель.
Дача «Pelcata».

Валерию Брюсову – Макс Волошин:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Позвольте обратиться к Вам за советом.

В августовской книжке «Нового Пути» я нашел напечатанной серию своих стихотворений в совершенно неузнаваемом виде. Поч-

ти все более оригинальные и верные сравнения и эпитеты заменены банальными и ничего не значащими.

Вот примеры:

Стихотвор<ение> I строфа I-ая.

Вместо «Уступы *каменистых* крыш», т.е. впечатления Парижа с высоты — напечатано «Уступы *черепичных* крыш». Черепичных крыш в Париже нет, и черепиц с Монмартра нельзя было разглядеть.

Стихотв<орение> III. 1. стр<офа> 2.

У меня «*Мир стряхнул* покров туманов».

Напечатано: «*Отлетел* покров туманов».

Строфа 3.

У меня: «Небо целый день *моргает*
Прыснет дождик, *брызнет* луч»...

Напечатано: «Небо целый день *играет*
Брызнет дождик, *брызнет* луч».

В следующем стихотворении с начала.

У меня: «Очертанья *сизых* крыш
Скрылись в *дымчатой* вуали».

Напечатано: «Очертанья *синих* крыш
Скрылись в *траурной* вуали».

Последняя строфа:

У меня:

Ночью грустно. *От огней*
Иглы тянутся лучами,
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листами.

Напечатано:

Ночью грустно. *Вкруг огней*
Тени борятся с тенями...
От *покинутых* аллей
Пахнет мокрыми листами.

Словом, оба эти стихотворения о Париже изменены до неузнаваемости.

В стихотворении VI – «Охота» пропущена вся первая строфа, дающая музыкальный ключ стихотворения:

«Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы...»

Этого совсем нет.

Пропущена тоже заключительная строфа стихотворения VII.

Есть и еще кроме этого, не настолько вопиющие исправления.

Стихотворения, напечатанные в Новом Пути, я никак не могу признать своими.

Посовстуйтс, что мне теперь делать.

Я только теперь прочел на обложке, что Редакция по своему усмотрению сокращает и исправляет рукописи и по поводу стихотворений ни в какие объяснения не вступает. Так что письменно обращаться в редакцию мне бесполезно.

Но самое явление мне кажется настолько возмутительным, что оставить его без последствий я не могу.

Что же делать? Требовать, чтобы Новый Путь напечатал мое заявление о том, что я не могу себя признать автором стихотворений, подписанных моим именем? Начинать литературный процесс по вопросу о собственности эпитета и сравнения?

Я совершенно не знаю и мне не с кем посоветоваться.

[2] Волошин выехал из Москвы в Париж 27 ноября 1903 г. О намерении Волошина посетить Японию сообщал Брюсову из Парижа еще в январе 1903 г. А.С. Ященко, характеризуя молодого поэта в своих двух рекомендательных письмах: «Теперь он уезжает на несколько лет в Японию и Индию и уезжает туда с единственной целью, с которой следует ездить, с целью узнать, что эти люди других рас, культур и историй мыслят о жизни, о Боге, о духе, и как они смотрят на поэтическое творчество» (5 января 1903 г.); «Он <...> теперь направляется на четыре года в Японию, Индию и Южную Америку изучать искусство и восточные религии» (10 января 1903 г.) (РГБ, ф. 386, карт. 110, ед. хр. 37). Сохранились рекомендательные письма из Парижа, которыми Волошин мог воспользоваться на пути в Японию: три письма А.В. Гольштейн – на станцию Кайдалово Забайкальского округа Будде Рабдановичу Рабданову (6 января 1903 г.), в Иркутск Т.М. Фарафонтовой (5 января 1903 г.), в Селенгинск хамбо-ламе Бандидо Ирелтуеву (6 января 1903 г.), – а также письмо А.С. Ященко в Иркутск А.М. Образцовой (7 января 1903 г.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 4).

[3] Е.А. Бальмонт, жена К.Д. Бальмонта и тетка М.В. Сабашниковой.

[4] См. п. 10, примеч. 2. Исправления были сделаны П.П. Перцовым; последний в письме к Брюсову от 13 марта 1904 г. упоминал о волошинских «несчастных “комми-вояжерских” куплетах», которые он сам «так неудачно штопал» (РГБ, ф. 386, карт. 98, ед. хр. 12). В ответном недатированном письме к Волошину Брюсов сообщал: «Жалобы Ваши повторил Мережковский, которые здесь» (ЛН. Т. 98,

кн. 2. С. 286. Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус были в Москве с 26 по 31 октября 1903 г.).

[5] См.: Новый Путь. 1903. № 8. С. 43–44. Позднее, включая два цитированных стихотворения, напечатанных под общим заглавием «Париж», в свой сборник (3-е и 4-е стихотворения цикла «Париж»), Волошин восстановил во всех случаях авторские варианты текста; при этом стих «...Утро пасмурно... Париж» в повторной публикации изменен: «Осень... осень... Весь Париж» (*Волошин Максимилиан.* Стихотворения. 1900–1910. М.: Гриф, 1910. С. 17–18).

[6] См.: Новый Путь. 1903. № 8. С. 48. В сборнике «Стихотворения. 1900–1910» первая строфа восстановлена, стихотворение напечатано без заглавия и с посвящением Ол. Сер. Муромцевой (С. 27–28).

[7] См.: Новый Путь. 1903. № 8. С. 39. В сборнике «Стихотворения. 1900–1910» восстановлена авторская редакция (С. 7).

[8] Ирония Волошина объясняется тем, что в статье Антона Крайнего «Нужны ли стихи?» (Новый Путь. 1903. № 9. С. 246–254) была дана в пренебрежительно-снисходительном тоне мимолетная характеристика его поэтического облика – на основании стихотворений, помещенных в предыдущем номере «Нового Пути». См. п. 14, примеч. 8.

[9] Жорж Экауд (Экаут, Eckhoud; 1854–1927) – бельгийский поэт и романист, член объединения «Молодая Бельгия». Автор известных в свое время романов «Новый Карфаген» (1888), «Эскаль Вигор» (1899) и др. В начале века Экауд вел в журнале «Mercure de France» постоянный раздел под названием «Брюссельская хроника» (Chronique de Bruxelles). В корреспонденции, помещенной в октябрьской книжке журнала (1903. Vol. 48. № 166. P. 259), Экауд приводит «некоторые наиболее яркие перлы» из «Истории французской литературы», изданной в Брюсселе в 1903 г., в том числе и процитированные Волошиным слова о Бальзаке. Имя автора книги у Экауда не названо.

[10] Подразумеваются, видимо, жена Брюсова Иоанна (Жанна) Матвеевна Брюсова (урожд. Рунт; 1876–1965) и его сестра Надежда Яковлевна Брюсова (1881–1951), впоследствии музыковед.

[11] С Ю.К. Балтрушайтисом Волошин познакомился в Москве в феврале 1903 г. См.: *Купченко В.* Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин //Дружба народов. 1978. № 1. С. 283–284. Дарительные надписи на книгах Волошина Балтрушайтису приведены в статье В. Купченко и А. Маркова «Как знак... в дар... на память...» (Дружба народов. 1984. № 7. С. 234).

16. В.Я. БРЮСОВУ

1 ноября 1903 г. Коктебель

1 ноября 1903.
Коктебель.
«Пелеата».

Валерию Брюсову – Макс. Волошин:

Cher Maître!

Позвольте мне в память наших весенних разговоров посвятить Вам это стихотворение, первые строфы которого я читал Вам еще в Москве:

КОГДА ВРЕМЯ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ.

По ночам, когда в тумане
звезды в небе время ткут,
я ловлю разрывы ткани
в вечном кружеве минут...
Я ловлю в мгновенья эти
как свивается покров
со всего, что в формах, в цвете,
со всего, что в звуке слов...
Да! я помню мир иной
Полустертый... непохожий...
В вашей жизни – я прохожий,
близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
мировых путей и сил,
в этот мир замкнутых граней
влил меня и воплотил.
Как ядро прикован к телу
шар земной. Свершая путь,
вниз на звезды заглянуть
я решаюсь лишь несмело.
Мир отрывочен и пуст...
Необычно мне сознанье
знать весь мир как сочетанье
лишь *пяти отдельных чувств*.
Что одни зовут звериным...
что одни зовут людским...

Мне, который был *единым,*
стать отдельным и мужским!
Вечность с жгучей пустотою
неразгаданных чудес
скрыта близкой синевою
примиряющих небес...
Мне так радостно и ново
все обычное для вас...
Я люблю обманность слова
и прозрачность ваших глаз;
ваши детские понятья:
смерти, зла, любви, грехов —
мир души, одетый в платье
из священных лживых слов:
гармонично и поблекло
в них мерцает мир вещей,
как узорчатые стекла
в мгле готических церквей.
В вечных поисках *истоков*
я люблю в себе следить
жутких мыслей и пороков
нас связующую нить*. —
Когда ж уйду я в вечность снова,
И мне раскроется она,
так ослепительно ясна,
так беспощадна, так сурова...
и звездным ужасом полна![1]

Через несколько дней я буду у Вас.

Макс. Волошин.

[1] Первоначальная редакция стихотворения «Когда время останавливается» (см. п. 13, примеч. 5). В сборнике Волошина «Стихотворения. 1900–1910» стихотворение «По ночам, когда в тумане...» напечатано с посвящением Валерию Брюсову и пометой под текстом: «Коктебель. 1903» (С. 39–40) как четвертое и заключительное в цикле под общим заглавием «Когда время останавливается»; здесь также имеются варианты по отношению к публикуемому тексту. См.: Т. 1 наст. изд. С. 39–41.

* *Было:* мир связующую нить.

17. А.И. КОСОРОТОВУ

Первая половина декабря ст.ст. / Вторая половина декабря н.ст. 1903 г. Париж[1]

3 Rue Bonaparte Paris.

Дорогой Сандро!

Ты верно на меня зол и не без оснований. Я 8 месяцев провел в Крыму и хотел абсолютного одиночества.[2] Я не получал и не писал ни одного письма, ни одной книги, ни одной газеты. Ничего временного и случайного. Поэтому я тебе и не писал. Теперь я снова водворился в Париже на неопределенное время для специального занятия живописью.[3]

Япония отложена по разным причинам.

Я слыхал из писем Орлишки об твоем театральном успехе.[4] Это ведь «Зеркало»? Переделал ли ты его? Слыхал от Елизав<еты> Серг<еевны>[5] об том, что ты, может быть, снова приедешь в Париж.

Вот это было бы хорошо.

Пожалуйста, не считай только моего молчания — забвением. Мне ужасно хочется видеть тебя и обо многом поговорить. Мое Итальянское кольцо[6] заключилось снова Парижем. Естественно, чтобы и ты вернулся.

Мои планы теперь живопись и изучение печатного воспроизведения художественных произведений — литография, офорт. Последнее как специальность для практического применения.

[1] Черновик письма, сохранившийся в архиве Волошина; не закончено.

[2] Волошин жил безвыездно в Крыму с середины апреля до начала ноября 1903 г., после этого отбыл в Москву. С Косоротовым он не виделся и не переписывался со дня отъезда из Петербурга 2 февраля 1903 г. 11 апреля 1903 г. Косоротов писал Волошину: «Эй, толстый чертяка! Где ты, что с тобою? Не стыдно ли – как уехал, так ни одного слова о себе! Кругликова тоже жалуется на тебя – и все жалуются, потому что ты всех забыл» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 694).

[3] Волошин приехал в Париж около 1/14 декабря 1903 г. В отеле по адресу rue Bonaparte, 3 он жил до 1/14 января 1904 г., после чего

переселился по адресу rue du Bac, 3 (ателье в мансарде, с видом на парк Тюильри).

[4] Подразумевается А.И. Орлова; письма за 1903 г. в подборке ее писем к Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 916) отсутствуют. В 1903 г. в театре Народного дома в Петербурге была поставлена драматическая фантазия (в стихах) Косоротова «Княжна Зоренька. (Зеркало)»; опубликована в «Библиотеке “Театра и Искусства”» (1903. Кн. 24, декабрь).

[5] Е.С. Кругликова.

[6] Имеется в виду совершенное вместе с Косоротовым летом 1902 г. путешествие из Парижа в Италию, а также на Корсику и Сардинию.

1904

18. В.Я. БРЮСОВУ

4/17 января 1904 г. Париж

3. Rue du Bac. Paris. 17 janvier 1904.

Валерию Брюсову – Макс Волошин
Дорогой Валерий Яковлевич!

Прежде всего дела «Весов».[1]

С Моклэром мне еще не удалось увидеться.[2] Но зато я виделся с Рэнэ Гилем (Ghile) – («глава инструменталистов» – помните?), и он обещал писать для «Весов».[3] Он очень близко стоял к движению как близкий друг Маллармэ, а после работал над своим многотомным «Œuvre»[4] совсем в стороне от периодической журналистики, и поэтому его мнения очень интересны. Он обещал первую статью кончить к концу здешнего января, но с тем, чтобы она была переведена мною здесь же.[5] Это только для первой статьи. После он будет отправлять непосредственно. Он хочет написать общий обзор французской поэзии настоящего дня.

Вообще я с ним условливался только о статьях о поэзии. Вообще же я ему предлагал говорить о настоящем с постоянными экскурсиями в историю символизма. Он очень заинтересовался идеей и программой журнала. Но лучше всего будет, если Вы сами напишете ему теперь после того, как первые шаги уже сделаны. Его адрес: René Ghile. Rue Lauriston 16 bis.

Я тоже просил его при случае изложить свою теорию стиха, которая по-французски была 2 раза издана небольшой брошюркой,[6] но теперь сделалась библиографической редкостью. Условия с Гилем обычные: 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа. Спишитесь с ним и об этом.

Редон делает обложку.[7] Но что он сделал, пока я не видал.

Из художников я видел Вюиллара и *Серюзье*. Они обещали виньетки и заставки. Может, каждый из них возьмется даже за исполнение целого номера[8]. Только все они просят прежде всего увидеть журнал, т<ак> что, пожалуйста, вышлите мне несколько экземпляров первого номера.

Кроме того, я прошу «Скорпион» от имени Русского кружка художников об экземпляре «Весов» и каких возможно изданий «Скорпиона». Адрес: 49, B<oulevar>d Montparnasse. Union des artistes russes[9]. Или на мое имя. Вы ведь даже, кажется, обещали это Кругликовой.

Одновременно с письмом высылаю Вам ряд заставок, сделанных для «Весов» художником Якимченкой[10].

Напишите мне, пожалуйста, как Вы их находите и принимаете ли? И на каких условиях? Если они приняты, то, пожалуйста, вышлите ему плату за них скорее — он очень нуждается.

Что касается меня: я весь с головой в живописи. Чувствую хронический недостаток в том, чего в Париже ужасно мало: во времени.

Разрываюсь между Академией и Национальной библиотекой и ничего не успеваю сделать.

Приедете ли Вы в Париж и когда?

Что литературно нового в Москве?

Вышел ли январский номер?

До свидания.

P.S. Рисунки я отправляю в «Скорпион» на имя Сергея Александровича.[11] Они в синей бумаге в виде большого конверта.

1 «Весы» – «научно-критический и критико-библиографический ежемесячник», начатый изданием в Москве с января 1904 г. (редактор-издатель С.А. Поляков). Фактическим руководителем журнала был Брюсов, Волошин в 1904 г. выполнял обязанности парижского корреспондента «Весов». См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 275–324; *Лавров А.В., Максимов Д.Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука,

1984. С. 65–136; Журнал «Весы» (1904–1909 гг.). Указатель содержания / Сост. Т.В. Игошева, Г.В. Петрова. Под ред. Н.А. Богомолова. Великий Новгород, 2002; *Соболев А.Л.* «Весы». Ежемесячник литературы и искусства. Аннотированный указатель содержания. М.: Трутень, 2003.

[2] В письме от 21 декабря 1903 / 3 января 1904 г. Брюсов выражал согласие на финансовые условия, предложенные Камилем Моклером (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 288), однако сотрудничество этого автора в «Весах» не состоялось.

[3] Подробнее о Рене Гиле см. во вступительной статье Р. Дубровкина в кн.: Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка 1904–1915. СПб.: Академический проект, 2005. С. 5–62. См. также публикацию писем Рене Гиля и его жены Алисы Гиль к Волошину, подготовленную и прокомментированную П.Р. Заборовым (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 238–246). Знакомство Волошина с Гилем состоялось благодаря А.В. Гольштейн, давней приятельнице французского поэта. Приводим ее недатированное письмо к Волошину (помета: «вторник», т.е. 23 декабря 1903 / 5 января 1904 г.):

Мой милый Волошин!

Я вчера была у Ghil'я. *В восторге* от него, от его беспристрастного отношения к вопросам «литературных колоколен», от его *вдумчивости.* В таком восторге, что спросила его, не согласится ли он писать изредка корр<еспонденции> для «Весов». Он выразил *восхищение*, притом безусловно бескорыстное – какое чудо для среднего француза! – совсем не обратил внимание на мои слова о том, что плата не велика, объявил, что писать о том, что любишь, – уже плата.

Тогда я назначила ему свидание с Вами *у меня* в субботу à 3½. Забегите ко мне до этого срока, я ужасно хочу Вам рассказать мое свидание с ним, и ужасно хочу Вас *втиснуть* в французский мир, и оторвать от «общества», его новогодних декораций и всего прочего случайного, не плодотворного, давящего, принижающего...

Ваша А.Г.

P.S. Конечно, я *не* пригласила Ghil'я писать, а предложила познакомиться с Вами, чтобы поговорить об этом.

15 ян<варя> выходит 1-ый № журнала *под редак<цией>* R. de Gourm<ont>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

В ходе встречи (9 января н.ст.) Волошин и Гиль нашли общий язык. В письме к А.В. Гольштейн от 27 января 1904 г. Гиль назвал Волошина «человеком столь симпатичного нрава и дарования» (Еже-

годник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 239); письмом от 4 февраля он пригласил Волошина к себе на следующий день, «дабы провести время в дружеском кругу» (Там же. С. 238).

[4] Эпопея Р. Гиля «Поэма» (или «Творение» – «Œuvre»), которая создавалась как образец «научной поэзии» и ставила целью, по словам Брюсова («Научная поэзия», 1909), «обозреть все судьбы нашей планеты, начиная с первых космических процессов до всей сложности современной социальной жизни» (*Брюсов Валерий*. Избр. соч.: В 2 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. С. 205). В 1887–1897 гг. был издан первый раздел эпопеи «Сказание о лучшем» («Dire du mieux») в пяти книгах, в 1898–1926 гг. – второй раздел, «Сказание о крови» («Dire des sangs»), в четырех книгах.

[5] 27 января Гиль сообщил А.В. Гольштейн, что предполагает «завтра вечером окончить статью, которую <...> склонен переводить лично Макс Волошин» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 239).

[6] Имеется в виду эстетический манифест Р. Гиля «Трактат о Слове» («Le Traité du Verbe», 1886), вышедший с предисловием Ст. Малларме в январе 1886 г. и содержавший основные положения созданной автором теории «словесной инструментовки». Впоследствии этот трактат, расширенный и усовершенствованный, переиздавался в 1887, 1889 и 1891 гг.

[7] С обложкой, оформленной по рисунку Одилона Редона, вышли три номера «Весов» (1904, № 4–6).

[8] Э. Вюйар (Vuillard) и П. Серюзье в «Весах» не участвовали.

[9] См. п. 2, примеч. 13.

[10] А.Г. Якимченко в начале 1900-х гг. постоянно жил в Париже (одно время, в 1902 г., вместе с Волошиным в мастерской Е.С. Кругликовой на ул. Буассонад, 17; см.: Т. 8 наст. изд. С. 723; *Чичагова-Россинская Е.Д.* В Москве и Париже // Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. Сборник. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 72). По всей вероятности, Якимченко виделся с Брюсовым во время пребывания последнего в Париже в апреле 1903 г. («Был и уехал Брюсов», – сообщал Якимченко Волошину из Парижа в Коктебель // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1359). Благодаря рекомендациям Волошина, Якимченко принял участие в художественном оформлении «Весов» (виньетки: 1904. № 1. С. 58; № 2. С. 24, 80; № 3. С. 48; № 6. С. 64; № 8. С. 1, 66 – все за подписью А. Я–ко; обложка: 1904. № 12). № 7 «Весов» за 1905 г. был целиком оформлен работами Якимченко.

[11] С.А. Поляков.

19. В.Я. БРЮСОВУ

13/26 января 1904 г.[1]

3. Rue du Bac, Paris.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:
Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам отчет о выставке Стейнлэна и нескольких маленьких выставках.[2] Они пока все еще не интересны (не сезон), но я думаю, что надо дать хоть по две строчки о каждой, это дает справочную полноту.

Вашу телеграмму я получил,[3] но с Моклэром еще никаких сношений у меня не вышло, потому что он живет теперь вне Парижа на юге Франции. Может, Вы найдете удобным сами ему написать? Его адрес: Villa Vian. A Grasse (Alpes Maritimes). Camille Mauclair.

Вышел ли первый номер «Весов»? Мне крайне необходимо иметь minimum 3 экземпляра, чтобы показать кому следует, т.е. Рэдону и др.

И<з> моего предыдущего письма Вы уже знаете, что к концу января у меня будет статья René Ghil'я, который может писать каждый месяц о поэзии.

Получили ли Вы рисунки и виньетки Якимченки?

Относительно рисунков:

Рэдон все сомневается – каково должно быть символическое значение знака Весов. Если у Вас есть какие-нибудь сведения и планы, то пришлите, пожалуйста. M-me Рэдон, между прочим, мне говорила, что у него был рисунок, называющийся «La pensée humaine»* – человеческая голова на чашке Весов. Я просил непременно отыскать этот рисунок. Может, это подойдет как идея.[4]

Я Вам уже писал, что я переговорил с некоторыми из группы «Les dix», именно с Вюилларом, Серюзье и Лакостом, они уже переговорят с остальными.[5]

В принципе они согласны взять на себя украшение «Весов» виньетками и «Culs de lampe».**

* Человеческая мысль *(фр.)*.
** Концовки *(фр.)*.

Это очень важно потому, что они представляют теперь группу «Elites» во французской живописи. И конечно, их согласие вызвано только тем, что Рэдон, который является для этой группы maître'ом, взялся сделать обложку, тем более, что все это уже arrivés*, т.е. люди, заваленные работой и заказами. Рэдон для художников теперь ведь немного занимает то же место, что занимал Mallarmé для поэтов.

Для них имели значение тоже и слова самого Рэдона.

Лакост – младший из них – берется сделать сейчас же виньетки и украшения для целого номера, т.е. виньеток 20, не считая разных мелких рамок для заглавных букв (т.е. таких, в которые можно вставить какие угодно русские буквы)[6].

Его условие 25 franc. за виньетку. Т.е. украшение для целого номера будет стоить 500 fr.

Если Вы мне сейчас же ответите, то к мартовской книжке ornements уже будут им приготовлены. Очевидно, эта цена, 25 fr. виньетка, останется и для всей группы. И тогда «Весы» обеспечены на долгое время.

Сам Рэдон обещал тоже дать несколько Culs de lampe. Так что ответьте, пожалуйста, относительно цены виньеток немедленно. Лучше даже телеграммой.

Как условие виньеткам я ставил, конечно, воспроизводимость в цинкографии.

Так как клише для Рэдона предполагалось сделать в Париже (не так ли?), я узнавал о ценах типографий. C. Janin – редактор «Affiches et Estampes»[7] – рекомендовал мне одну типографию, на которой он остановился после долгих исканий и клише в которой стоит 15 сант<имов> за кв<адратный> сантиметр.

Относительно рисунков Якимченки – назначение цены – Ваше дело, потому что он не назначал. Я думаю, что от 10 до 15 fr. будет вполне достаточно. Это всецело Ваше дело.

Но вот вопрос очень важный: пока я вел только предварительные переговоры, но теперь скоро придется иметь разные другие сношения – хотя бы с типографией о клише и др. Мне необходимо будет иметь известные суммы, чтобы не происходили очень неприятные задержки, т<ак> к<ак>,

* Преуспевшие *(фр.)*.

напр<имер>, заказывая клише хотя бы от имени «Весов», я же буду ответственным лицом перед типографией.

Конечно, об этом не могло бы быть и речи, если б я располагал всегда свободными деньгами, но т<ак> к<ак> я получаю из России ежемесячно 100 fr., то Вы представляете себе, насколько мой бюджет ограничен.

Я бы вот теперь очень бы хотел послать Вам книгу «Soliloques du Pauvre»[8] с иллюстрациями Стейнлена, о которой я говорю в своей заметке, и еще купить несколько фотографий со Стейнлена, но не могу это сделать, потому что у меня сейчас нет денег.

Поэтому я предлагаю Вам так: перевести известное количество денег, какое Вы найдете нужным, хотя бы в Crédit Lyonnais[9], чтобы я мог иметь возможность пользоваться тогда, когда представятся более крупные затраты, конечно с полной отчетностью. А кроме того, на мои личные расходы по делам «Весов», т.е. на покупку известных книг, журналов, пересылку рукописей, рисунков положить уже безотчетно хотя бы фран<ков> 25–30 в месяц, т<ак> к<ак> я сам для себя покупаю только очень немногие журналы и поэтому не могу следить за всем текущим в искусстве.

Что касается первого – крупных затрат, то возможна другая комбинация, для меня, в сущности, более удобная – я буду Вам сообщать адреса, а Вы сами уже письменно будете уславливаться. Я тогда буду вполне неответствен и в стороне.

Я пишу все это Вам, Валер<ий> Яков<левич>, т<ак> к<ак> Вы писали, что Сер<гей> Алек<сандрович> болен.[10] Это вопросы, которые для меня очень важны.

Ну довольно.

На днях я познакомился с Верхарном, на банкете, который был устроен в честь него «La Plume». Между прочим, говорил ему о том, что Вы собираетесь издать книгу его переводов, и он просил, чтобы Вы ему прислали ее, когда она выйдет.[11]

Он мало похож на маску Валлотона[12]. Черты все верны, но там слишком много суровости, а в нем масса пережитого и бледной старческой доброты в глазах, хотя он не стар.

У него вид пожилого родственника[13].

Странны были три лица рядом: Родэн с закручивающимся могучим лбом и типом Моисея[14].

Карьер с красным лицом старого вояки и старой бабы, с галстуком, повязанным, как будто у него болит горло. И посредине маленькое лицо с большим птичьим носом и длинными висючими усами – Верхарн. Дальше злое, черной тушью набросанное лицо Рони[15] и серый, тяжелый Мирбо, от которого веет мужчиной, сигарами и силой воли.[16]

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 26. I. 04. Получено в Москве 16 января.

[2] Выставка работ Теофиля Стейнлена состоялась в Париже в конце 1903 г. «Отчет» Волошина напечатан в «Весах» (1904, № 2) под заглавием «Письмо из Парижа. Выставки художников»; основное внимание в нем было уделено творчеству Стейнлена (см.: Т. 5 наст. изд. С. 381–384). Впечатлениями от выставки Волошин делился также в недатированном письме к М.В. Сабашниковой (конец декабря 1903 – начало января 1904 г.).

[3] Текст телеграммы нам неизвестен. Видимо, в ней шла речь о гонорарных ставках для французских сотрудников «Весов».

[4] К этому сюжету (голова, лежащая на чаше) Редон обращался неоднократно. В литературе о Редоне упоминаются рисунки: «Голова мученика» (1877), «Отсеченная голова», «Голова на чаше». Предполагается, что Редон вдохновлялся весьма популярной среди символистов легендой о Саломее и Иоанне Крестителе (драма О. Уайльда «Саломея», поэма Ст. Малларме «Иродиада» и др.). Свое пожелание относительно оформления журнала выразил в письме к Волошину С.А. Поляков: «...сообщаю Вам одну мысль для обложки “Весов”, которую намеревается делать Рэдон. Исходит эта мысль из следующего стиха Зигмунта Красинского: “Мысль, как скорпион, мятется в огне”. Так вот можно воспользоваться образом мятущейся мысли – (Скорпиона), приходящей к равновесию (Весам). Это, конечно, лишь в самом общем виде и по возможности без реальных изображений скорпиона и весов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 990).

[5] В недолго существовавшую (1903–1904) группу «десяти» («Les dix»), названную так по их первой совместной выставке, помимо упомянутых П. Серюзье, Э. Вюйара и Ш. Лакоста, входили также «набиды» М. Дени, П. Боннар, Ф. Валлотон, К.-К. Руссель и

несколько более молодых художников (П. Лапрад, А. Андре и др.). О группе «десяти» рассказывается в одном из волошинских «Писем из Парижа» (Т. 5 наст. изд. С. 386–387). В статье, посвященной «Осеннему Салону» 1904 г., где была представлена также и группа «десяти», Волошин уделяет этим художникам целый раздел и называет их «нео-идеалистами» и учениками Редона (Там же. С. 455–457).

[6] При содействии Волошина рисунки и украшения, выполненные Лакостом, появились впоследствии в «Весах» (1904. № 7 – обложка и все художественные украшения; 1904. № 8, 9 – обложка).

[7] Клеман Жанен (Janin) – художественный критик и коллекционер, издатель ежемесячного художественного журнала «L'Estampe et l'Affiche» («Эстамп и афиша»). Редактором этого журнала был искусствовед Андре Меллерио.

[8] «Les soliloques du Pauvre» («Монологи бедняка») – поэма французского писателя Жеана Риктюса (наст. имя Габриэль Рандон; 1867–1933), впервые изданная в 1895 г. и иллюстрированная позднее Стейнленом (1903). В статье «Письмо из Парижа. Выставки художников» Волошин отмечал, что из иллюстраций к «Les Soliloques du Pauvre» Стейнлен «создал громадную лирическую драму» (Т. 5 наст. изд. С. 382).

[9] Crédit Lyonnais (Лионский кредит) – название международного французского банка, имевшего свой филиал в Москве.

[10] О болезни С.А. Полякова Брюсов сообщал в письме от 21 декабря 1903 / 3 января 1904 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 288).

[11] О банкете, устроенном редакцией журнала «La Plume» 10/23 января 1904 г. в честь Э. Верхарна, Волошин рассказал в заметке, присланной им Брюсову в феврале 1904 г. и напечатанной в «Весах» анонимно в разделе «Хроника» (1904. № 2. С. 83):

23 января (н.с.) в Париже журналом «La Plume» был устроен банкет в честь Эмиля Верхарна. В банкете участвовало больше ста человек, среди них Е. Каррьер, Ог. Роден, Ф. Фенеон, Ван Риссельберг, Ж. Рони, С. Меррилль, О. Мирбо... Среди ряда приветственных телеграмм и писем были от Конст. Менье, М. Метерлинка, А. де Ренье, Вьеле-Гриффина, Поля Адана. Все лучшие умы французской литературы присоединились к этому скромному чествованию великого бельгийца.

Вероятно, именно тогда Верхарн впервые узнал от Волошина имя своего русского поклонника и переводчика. Переписка и личное общение между Верхарном и Брюсовым начались значительно позднее – с марта 1906 г. (см.: Переписка <В. Брюсова> с Эмилем

Верхарном. 1906–1914 / Вступ. статья и публикация Т.Г. Динесман // ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 559–566.

[12] В 1896 г. Феликс Валлотон выполнил серию портретов для «Книги масок» Реми де Гурмона, среди них – портрет Верхарна.

[13] Ср. характеристику Верхарна в статье Волошина «Вернисаж Салона Независимых» (1906; Т. 5 наст. изд. С. 528).

[14] Аналогичным образом Волошин описывает Родена и в статье «Вернисаж Салона Независимых» (см.: Там же. С. 528).

[15] Рони (Rosny) – общий псевдоним Жозефа Бекса (1856–1940) и писавшего с ним в сотрудничестве (до 1909 г.) его младшего брата Жюстена (1859–1948). Впоследствии они подписывались раздельно: Рони-старший и Рони-младший. Волошин описывает здесь скорее всего Рони-старшего.

[16] Ср. портрет Октава Мирбо в статье «Вернисаж Салона Независимых» (Т. 5 наст. изд. С. 528).

20. В.Я. БРЮСОВУ

16/29 января 1904 г. Париж

3, rue du Bac. Paris. 29 janvier.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:
Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо меня ужасно обрадовало.[1] Вы так долго молчали, что я уже стал сомневаться – не случилось ли чего с «Весами». Как раз сегодня вечером я должен увидеть Гиля для того, чтобы прочесть вместе его статью.[2] Тогда через 3 дня она будет отправлена к Вам с моим переводом, согласно желания Гиля. Посылаю Вам несколько страниц об очень интересном итальянском скульпторе Россо.[3] Об Стейнлэне и о маленьких выставках Вы уже получили? Может, если успею эти дни еще что-нибудь увидеть, пришлю еще таких же кратких заметок к февральскому номеру. Статью о Гогэне придется отложить до мартовской книжки, т<ак> к<ак> я еще не мог до сих пор увидеть всего, что мне необходимо, – именно, коллекции Мориса Фабра.[4] К марту я надеюсь тоже закончить большую статью об искусстве, которая будет продолжени-

ем январской: «Европеец и его раковина».[5] Там я буду говорить о возможности европейского народного искусства как о заключительной ступени индивидуализма. А также о том значении, которое в этом искусстве должна играть комната.

Относительно поправок: мне ужасно стыдно, что Вы так извиняетесь.[6] Есть тысячи вещей, которые можно исправить только в корректуре, и я даю Вам полную carte blanche на это. Т.е. даже больше: я Вам ужасно благодарен за то, что Вы сделали, хотя и не видел этого.

Да! пожалуйста, вычеркните из моих маленьких корреспонденции о выставках две фразы: в заметке о Попеско – последнюю («неужели Бретань похожа на Румынию»).[7] И в заметке о Стейнлене фразу о передвижниках. Когда пишешь, нужно себе ясно представлять, как это будет выглядеть в печати, точно так же для живописца – как это будет в раме. Я слишком мало опытен и потому буду Вам очень благодарен за необходимую для картины petite retouche*, которую делают в корректурах.

Только что видел René Ghil'я и выслушал его статью. Она по-моему очень хороша, т<ак> к<ак> сразу и широко вводит в различные течения символизма, так мало известные у нас, где все движение представляется цельным, и так бурно дебатируемые теперь во Франции. Ghil производит впечатление очень сильного характера, сдержанного и замкнутого.

Его слова еще очень интересны тем, что он в первый раз дает публично свою оценку движения и определяет свою роль в нем, которая, как Вы знаете, была очень значительна.

С эпохи великой кампании 86–94 года он не выступал ни разу в текущей журналистике, работая исключительно над своей громадной поэмой «Œuvre». Так что тот ряд статей, который он хочет теперь дать «Весам», представляет большую Rareté**.

* Небольшая правка *(фр.)*.

** Редкость *(фр.)*.

Один вопрос – довольно важный – о транскрипции его имени по-русски; я с ним об этом вчера говорил. Написать «Гиль» невозможно. Ces imbéciles* – русские критики, конечно, начнут каламбурить. Нужно или дать точную транскрипцию: «Гхиль», или написать так: «Гіль». Как Вы думаете лучше? Только «Гиль» просто невозможно.[8] Сегодня вечером он мне передаст маленький план дальнейших статей – для редакции только, но не для печати.

Вы упоминаете о дамских модах. Хотите специального корреспондента? Это одна очень важная английская дама, m-me Фионо, которая пишет в английских газетах не о настоящих, а о *будущих* модах Парижа. Она в связи со всеми портнихами и мастерами Парижа и поэтому безошибочна.

Она хорошая знакомая m-me Holstein, и это можно будет устроить. Маленькие корреспонденции раза 4 в год? Хотите? C'est chic ça**.

Очень важный вопрос: кто будет писать о романах и о театре? Моклэр болен и живет теперь постоянно на юге Франции, так что тут надежды нет. Для театра мне предлагают Ferdinand Hérold'a («Mercure»)[9] и обещали с ним переговорить. Вот роман... мы с Гілем перебирали вчера все возможности и остановились на Mokhel'e.[10] Но его надо раньше найти и переговорить, что я постараюсь сделать.

Вот пока все. Сажусь за перевод статьи Ghil'я.

М.В.

[1] Подразумевается письмо Брюсова от 11/24 января 1904 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 292).

[2] Речь идет о первой статье, подготовленной Рене Гилем для «Весов» – «Письма о французской поэзии. Вступительные страницы» (№ 2. С. 25–38; в содержании указано: «Пер. с рукописи»).

[3] Статья Волошина «Письмо из Парижа. Россо» напечатана в № 1 «Весов» за 1905 г. (С. 47–49; подпись: Эмилиан Кириенко). См.: Т. 5 наст. изд. С. 490–493. О своем личном знакомстве с Россо Волошин сообщил М.В. Сабашниковой в письме от 15/28 января 1904 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106).

---

* Эти идиоты *(фр.)*.

** Это великолепно *(фр., разг.)*.

[4] Морис Фабр (Fabre) – богатый французский предприниматель, родом из Навронны, владелец обширных виноградников в Лангедоке и коллекционер живописи. Жил попеременно в Париже (на улице Расин) и на юге Франции; с 1908 г. окончательно переселился в Лангедок. Один из первых ценителей искусства Одилона Редона, Фабр дружил с художником и покупал его произведения (в 1923 г. были опубликованы письма Редона к Фабру). Значительная часть коллекции Фабра, в которой находились также полотна Гогена, Ван Гога и других современных мастеров, была распродана на аукционе в парижском отеле Друо 1 марта 1902 г. Сохранился набросок незаконченной статьи Волошина «Письма из Парижа. Коллекция Фабра» (1904; Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 553–554).

[5] Под «январской» статьей подразумевается «Скелет живописи» (Т. 5 наст. изд. С. 7–16). Замысел статьи «Европеец и его раковина» остался незавершенным; подготовительные материалы к ней нам неизвестны. Над статьей Волошин работал в январе–марте 1904 г. Идею этой статьи Волошин обстоятельно излагает в письме к М.В. Сабашниковой от 15/28 января 1904 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106). См. также п. 27.

[6] Подразумевается редакторская правка «Скелета живописи», опубликованного в № 1 «Весов» за 1904 г. «Я очень смущен теми поправками, которые – с Вашего, помните, разрешения – сделал в Вашей статье, – писал Брюсов Волошину 11/24 января 1904 г. – Поправки были необходимы для архитектурности статьи. Беглость Вашей работы слишком выступала в повторениях, возвращениях к сказанному раньше и т.д. <...> Будь, конечно, время и досуг, следовало бы списаться с Вами. Но верьте, что это было совершенно немыслимо. А отложить статью слишком уж не хотелось, ради ее законоположительности. Перед Вами у меня только те оправдания, что я старался сделать, как умел лучше, и именно так, как сделали бы Вы сами, будь корректура в Ваших руках» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 292).

[7] Стефан Попеско, точнее Попеску (Popescu; 1872–1948) – румынский художник и график; учился в Мюнхене и Париже. До 1914 г. постоянно жил в Париже, затем в Бухаресте. Краткая заметка Волошина о выставке Попеску напечатана в «Весах» (1904. № 2. С. 44) в составе его корреспонденции «Письмо из Парижа. Выставки художников». См.: Т. 5 наст. изд. С. 383-384.

[8] В ответном письме от 21 января / 3 февраля Брюсов сообщал: «Имя Ghil'я просто оставил *везде* французскими буквами» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 302).

[9] Андре-Фердинан Герольд, точнее Эрольд (Hérold), в начале 1900-х гг. вел в журнале «Mercure de France» раздел «Театральное обозрение». В «Весах» участия не принимал.

[10] Альбер Мокель (Mockel; 1866–1944) – бельгийский поэт и эссеист, ученик и поклонник Малларме, автор первой монографии о нем (1889). В 1895 г. издал эссе о Верхарне («Emile Verhaeren»); это издание названо в списке книг из библиотеки Брюсова (РГБ, ф. 386, Книги, № 1681). Об этой книге Мокеля упоминалось и в «Весах» (1904. № 3. С. 69–70; раздел «В журналах и газетах»). В 1904 г. Мокель издал книгу о Ш. Ван Лерберге. Мокель известен как основатель (в 1886 г.) брюссельского журнала «La Wallonie» («Валлония») – главного печатного органа бельгийских символистов. После 1889 г. жил в Париже. В начале 1900-х гг. – активный сотрудник редакции «Mercure de France». В «Весах» участия не принимал.

21. В.Я. БРЮСОВУ

18/31 января 1904 г. Париж

3 Rue du Bac. 31 janvier.

Валерию Брюсову – Макс Волошин:
Дорогой Валерий Яковлевич!

Благодаря разным делам, скопившимся у меня за последнее время, я не успею исполнить желание Ренэ Гхиля: перевести его статью. Поэтому высылаю Вам сейчас же (одновременно с письмом) его статью и те страницы перевода, что я успел сделать. Он очень просит обратить особенное внимание на тщательность перевода особенно этой первой статьи, которая носит более общий характер.

Статья эта довольно сложна для передачи, особенно благодаря его стилю, в котором чувствуется плавное движение широких крыльев. Мне кажется, что это очень важно сохранить. Кто будет переводить ее?[1]

Прилагаю ту общую программу, которую он намерен выполнить в будущих письмах. Это грандиозно! Это целая книга! «Весы» будут иметь первую полную историю символизма, раньше Франции. Эта программа предназначается только для сведения редакции, но не для печати.[2]

Я нашел для Вас корреспондента для Голландии. Это молодой голландский поэт Carel Charten — Карель Шартэн, который в настоящее время живет в Париже. Гхиль говорит, что он очень талантлив. Он пишет в наиболее крайних органах Голландии. Я нахожу его очень интересным и тонким в разговоре. Он почти согласен. Он может писать как по-голландски, так и по-французски![3] Как Вы предпочитаете?[4]

Если успею, то пришлю до 1-го февраля еще дополнение об маленьких выставках.

Непременно вышлите мне несколько экземпляров первого номера. — Все хотят раньше видеть журнал.

Жду ответа об Лакосте.

[1] Перевод статьи Рене Гиля «Письма о французской поэзии. Вступительные страницы» (Весы. 1904. № 2. С. 25—38) закончил сам Брюсов. В письме к Волошину (около 22 января / 4 февраля 1904 г.) он сообщал: «Статью Гиля перевожу я; сознаюсь, дело не легкое, и часто я погрешаю тем, что придаю фразам ясность, которой нет во французском тексте» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 303).

[2] 5/18 февраля 1904 г. Р. Гиль писал Брюсову в той же связи: «Г-н Волошин послал Вам нечто вроде тематического плана, согласно которому я, идя навстречу Вашим пожеланиям, буду рассматривать *современные* тенденции, группы или обособленные фигуры <...> « (Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка 1904—1915. СПб., 2005. С. 66. Перевод Ирис Григорьевой). В ответном письме к Волошину Брюсов просил деликатно объяснить Гилю, что «Весы» не смогут ежемесячно помещать его статью и его же «письмо о современности», и предлагал издать «Письма» Гиля отдельной книгой (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 302—303). О том же он писал Гилю 14/27 февраля 1904 г.: «Г-н Макс Волошин, должно быть, выразил Вам наше огромное сожаление по поводу того, что слишком маленькие размеры журнала не позволяют нам предоставить Вам место для ежемесячных публикаций. Однако, наш издательский дом “Скорпион” сохраняет надежду получить Вашу будущую книгу для издания ее в России одновременно с выходом во Франции» (Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. С. 73. Перевод Ирис Григорьевой).

[3] Карел Теодорус Шартен, точнее Схартен (Scharten; 1878—1950) — нидерландский писатель и критик; с 1902 по 1925 гг. в качестве корреспондента жил за границей. Ряд произведений Схар-

тена (романы, повести, рассказы) написан им совместно с женой, М.З.Э. Схартен-Антинк. В «Весах» не участвовал.

4 В упомянутом ответном письме Брюсов извещал: «Письма о голландской литературе нам очень желательны, но не более двух в год и размером не свыше 4 стр. нашего мелкого текста» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 303).

22. А.М. ПЕТРОВОЙ

19 января / 1 февраля 1904 г. Париж

3 Rue du Bac. Paris.

Дорогая Александра Михайловна!

Простите мое молчание. Я теперь действительно много занят и писанием (см. журнал «Весы»),[1] и рисованием. Стихов я действительно много написал новых и посылаю их.[2] Как приехал в Москву,[3] так меня и прорвало. Теперь снова мало пишу. У меня теперь все больше и больше нарастает круг французских знакомых, и таких интересных.[4] Познакомился с Верхарном!![5]

Проникаю теперь в самые избранные круги символистов – к Одилону Редону[6], к Рене Гилю.[7]

Теперь я пишу в «Весах» об искусстве (редактор отдела изящных искусств-с!).[8]

Моя жизнь теперь делится между академией и библиотекой?[9] Я еще ни разу не был в театре! Еще не посетил всех своих старых знакомых.

Что Леля?[10] Выпустили ли ее? Что она теперь будет делать? Стихи я Вам посылаю с тем условием, чтобы Вы мне написали об них Ваше впечатление.[11] По возможности о каждом... Я за эти два месяца написал больше, чем за два предыдущих года.[12] И мне кажется, что я вступил в новый период. В январской книжке «Весов» посмотрите мою статью «Скелет живописи». Непременно выпишите этот журнал для библиотеки.[13] Это орган Скорпионов.[14] (Адрес: Москва. Театральная площ<адь>, д<ом> Метрополь. «Скорпион»).

С февраля там начнут появляться «Письма о французской поэзии» René Ghil'я.[15] Обратите особенное внимание.

До свиданья. Где Констан<тин> Федоров<ич>?[16] Поклон Нине Алек<сандровне>.[17]

Макс.
1 février 1904.

[1] В Москве в ноябре – декабре 1903 г. Волошин сближается с сотрудниками издательства «Скорпион» и участвует в организации журнала «Весы», принимает предложение Брюсова стать парижским корреспондентом журнала. См. п. 18, примеч. 1.

[2] К письму приложены стихотворения: «Пустыня вод» («Зеленый вал отпрянул и пугливо...»), «Пройдемте по миру, как дети...», «Огненных линий аккорд...», «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...», «На арене» (позже получившее название «В цирке»), «Рождение стиха», «Бальмонту» («Я ждал страданья столько лет...», в последствии – без заглавия), «Акрополь», «Балтрушайтису» («К твоим стихам влечет меня не новость...»), «Город умственных похмелий», «К одному портрету» («Я вся – тона жемчужной акварели...») (впоследствии «Портрет»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 81, 46, 25, 47, 31, 32, 42, 21, 33, 45; Т. 2 наст. изд. С. 390.

[3] Волошин приехал в Москву 8 ноября 1903 г. (Труды и дни. С. 112)

[4] А.М. Петрова в ответ Волошину писала: «От души поздравляю с новыми знакомствами. Это больше чем интересно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 27 об. – 28, 29 об.).

[5] Знакомство с Эмилем Верхарном состоялось 23 января (н.ст.) 1904 г. (Труды и дни. С. 114, 115). См. также п. 25.

[6] С О. Редоном Волошина познакомила А.В. Гольштейн в мае 1901 г. на выставке «Салона независимых» (Труды и дни. С. 87), в 1904 г. общение его с французским художником продолжилось. См. статью Волошина «Одилон Редон» и примеч. к ней (Т. 5 наст. изд. С. 397–399, 789–792), два письма Редона к Волошину (1904) (Русская литература и зарубежное искусство: Сб. исследований и материалов. Л., 1986. С. 349–351. Публ. П.Р. Заборова).

[7] С Рене Гилем Волошин познакомился в доме А.В. Гольштейн 27 декабря (ст.ст.) 1903 г. / 9 января (н.ст.) 1904. См. п. 18, примеч. 3.

[8] 27 ноября подписано удостоверение Волошину как редактору отдела изящных искусств журнала «Весы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 5).

[9] Вернувшись в Париж, Волошин продолжил занятия в Академии художеств «Коларосси» и в Национальной библиотеке.

[10] Е.С. Лямина, кузина и друг детства Волошина.

[11] А.М. Петрова откликнулась на просьбу Волошина в ответном письме, дав оценку каждому из присланных ей стихотворений: «№ 11. "Детство" – Больше, чем прекрасная вещь. В полнейшем восторге от тонкости, искренности и меткости. Хотя другого я и не жду от Вас после последней встречи. Вы напрасно думаете, что теперь только изменились. Ваш новый творческий базис – "Когда время останавливается", написанный гораздо раньше Москвы. Аплодирую. (Простите, спутала №№). № 1. «Пустыня вод» – Ничего. Только дурацкий папоротник... № 2. "Пройдемте по миру". – Высечь. Гадость! Из-за одной фразы: "Ребенок – не признанный гений средь буднично-серых людей". Этот Макс нагородил целое стихотворение. Понабирал слов, где только мож<но>. Обидно. Чушь. № 3. "Огненных линий аккорд" – Хорошо, хорошо... Это мы уже знаем. № 4. "Сквозь сеть алмазную..." – Давно меня не приводило в такое неистовство. Опять из-за фразы: "Все воспринять и снова воплотить"... Нагородил. Обидно еще то, что первые четыре строчки – верх художества. А потом... и пошел, и пошел. Не жадничай. Вышла какая-то от<к>рытка. № 5. "На охоте". – Восторг. Все сплошь восторг. Редкий восторг. Умница, дитя. Чуть-чуть еще поработайте над ним. № 6. "Рождение стиха" – Тоже bravissimo! № 7. – "Бальмонту" – Bravo! (Жаль одно, что милый наш Макс сам себе боль выдумал. Прежде он так любовь выдумывал... Не следовало подписываться). № 8 "Акрополь" – Отдано должное еще здесь, в Феодосии. "Спит свернувшийся в кольцо" – "Амфитеатр Диониса". Голова от восхищен<и>я помутилась. Только: "ветка барбариса"... наводит на... l'ombre d'une klukwa... Нет?... Простите... № 9 "Балтрушайтису" – Не знаю. Хорошо. Это не поэзия. № 10. – "Город умств<енных> похмелий" – Могли бы его себе на память оставить. Меня тошнит. Захлебнулся. Мальчишка. № 11. "К одному портрету" – Одна из тончайших вещей. Чуть – деланность. – Еще маленькое примечание: "От дождливых бликов лака" или "От лаковых бликов дождя" – огромная разница. У Вас бессмыслица <...> – может быть это оригинально?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 30–31 об.).

[12] См. п. 20, примеч. 5 и 6.

[13] Петрова служила в городской библиотеке Феодосии. В ответном письме к Волошину она сообщала: «Выписала себе "Весы", не дожидаясь Вашего совета, и крайне довольна (подвела Вашу маму,

между прочим, не сговорившись с нею толком, и она тоже подписалась на них)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 27 об. – 28, 29 об.).

[14] «Скорпион» – название (по созвездию) издательства московских символистов (1899–1916).

[15] Публикация «Писем о французской поэзии» Р. Гиля началась со второго номера журнала «Весы» за 1904 г. (С. 25–38) и осуществлялась на протяжении всех лет существования журнала. Кроме того, Р. Гиль был одним из ведущих рецензентов «Весов», освещавших события французского литературного процесса. См. п. 20, примеч. 2.

[16] К.Ф. Богаевский.

[17] Н.А. Айвазовская.

23. В.Я. БРЮСОВУ

24 января / 6 февраля 1904 г. Париж[1]

3. Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вы идеальный редактор – в то время, когда я пишу Вам: «вычеркните те-то три строчки», Вы, еще не получив письма, пишете, что Вы их вычер<к>нули.[2]

Письмо Ваше я получил третьего дня, но ни книг, ни денег до сих пор не получил. Это меня смущает и беспокоит.

Относительно денег: предвидите ли Вы падение русского курса при объявлении войны и все следующие последствия?[3] Посоветуйте Сергею Александровичу[4] заранее запастись иностранными деньгами. Впрочем, верно, он уже принял меры.

Падение курса, говорят, будет огромное.

Теперь парижские дела: вчера я был у Рэдона. Рисунок для обложки выбран. Великолепная вещь. Один из лучших Рэдонов. Он сам же сделает надпись. Это большой рисунок углем. Описывать я его не буду – Вы сами увидите. Рэдон ничего не имеет против воспроизведения его в Москве.[5] Я писал и узнавал относительно парижских клише на основании слов Сер<гея> Алекс<андровича>.

Я имел представление, что в Москве, кроме простейшего вида цинкографических воспроизведений, ничего невозможно сделать.

Воспроизведение обложки Рэдона представляет еще особенные трудности благодаря тонкости его «черных» пятен, из-под которых всегда шевелится целый мир разных образов.

Кроме того, Рэдон согласен дать 12 виньеток за 200 fr. для целого номера. Но ставит условием, чтобы в этом номере не было ни одного чужого рисунка. Чтобы номер был исключительно его. Это страшная роскошь, но, к сожалению, ее оценят только в Париже. Ни один французский журнал не позволял себе такой роскоши: дать целый номер, украшенный одним Рэдоном. Обыкновенно одна-две виньетки – это было самое большее. И, кроме того, Рэдон щедрой рукой раскрыл все свои картоны и предоставил мне полную свободу выбора. Так что эти 12 рисунков будут наиболее типичны и характерны. Через неделю, верно, обложка будет закончена. Это зависит от того, когда я получу первый номер.

Рисунок для обложки поступает в полную собственность редакции. Виньетки должны быть возвращены по воспроизведении.

Когда я Вам вышлю рисунок, Вы мне, пожалуйста, напишите, на какой месяц Вы назначите рэдоновский номер. Тогда для него необходимо будет приготовить статью об Рэдоне.

Что касается Лакоста и др. – я еще никого не успел увидеть. Я предложу им такие условия: цена 150 fr. не меньше 6–7 рисунков. Больше – сколько угодно.[6] Так посоветовал Рэдон (это между нами).

Всей любезности Рэдона, конечно, мы обязаны больше всего m-me Holstein, которая меня познакомила с ним.

На днях я Вам выслал 8 букв Якимченки. Он назначил за них по 5 francs. Там же один мой рисунок.

Да! по поводу моих рисунков. Я Вам выслал их только ввиду того, что Вы писали о неимении рисунков на февраль.

Так что Вы, пожалуйста, не стесняйтесь с ними. Если Вы ими не воспользуетесь для «Весов», то оставьте их у себя.[7]

Да! Еще просьба: когда Вы пишете о моих заметках – я чувствую в Вашем тоне боязнь обидеть. Я слишком доверяю Вашему вкусу и поэтому прошу Вас, не делайте себе с этим никаких стеснений: расп<о>ряжайтесь этим, как простым материалом.

Вышлите мне, пожалуйста, еще объявлений о «Весах» (об обмене) на французс<ком> яз<ыке>.

Напишите мне: какие французские журналы Вы получаете. Это очень важно.

Значит, я, как предлагал, могу ежемесячно бесконтрольно тратить 25 fr. на журналы и почтовые расходы, а в других тратах буду Вам представлять отчет? Вы на это не ответили. До свиданья.

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 6.2.04. Получено в Москве 27 января.

[2] См. п. 20. Еще до его получения Брюсов писал Волошину (18/31 января 1904 г.): «Статья Ваша о Стейнлейне сдана в набор. Пойдет все без перемены единой буквы: только прошу Вашего позволения выкинуть без остатка три строки о русских передвижниках, не идущие к делу <...>» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 300).

[3] Имеется в виду обострение отношений между Россией и Японией, повлекшее за собой дипломатический разрыв 24 января / 6 февраля 1904 г.; Русско-японская война началась 27 января / 9 февраля 1904 г.

[4] С.А. Поляков.

[5] Клише обложек и художественных украшений для «Весов» в 1904–1905 гг. готовил московский цинкограф Ю.К. Вельман. В содержании № 4 и 5 «Весов» за 1904 г., вышедших в оформлении Одилона Редона, указано: «Клише исполнены К. Вельманом в Москве».

[6] В письме от 18/31 января 1904 г. Брюсов спрашивал Волошина: «Согласится ли Лакост или кто другой сделать для нас всего 5–8 рисунков (пока) по той же цене 25 fr. за рисунок, но получая в общем весьма скромную сумму 100–200 fr.?» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 300).

[7] В февральском и мартовском выпусках «Весов» за 1904 г. были помещены четыре рисунка Волошина (№ 2. С. 38; № 3. С. 9, 16, 32).

24. В.Я. БРЮСОВУ

5/18 февраля 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сперва денежные дела: Я получил от Вас	397 fr.
Из них Якимченке –	100 fr.
Мне (статья 35 р.) следоват<ельно>	93 fr.
Рэдону (в качестве задатка)	100 fr.
	293 fr.

Кроме того, я должен на свои расходы удержать еще 50 fr. (январь и февраль). Но не знаю, имею ли я на это право. Вы мне еще не ответили. Тогда у меня остается 54 fr. редакционных денег.

Теперь. Рэдон вышлет Вам на этих днях несколько рисунков для виньеток.

Обложка почти готова и будет выслана немедленно.

Обложка стоит 300 fr. и поступает как рисунок в полную собственность редакции. Это рисунок углем, так что его я анкадрирую в стекло и вышлю посылкой. Иначе нельзя. Виньетки* стоят 200 fr., их будет 13–14. Так что Вы должны Рэдону, не считая уплаченных мною 100 fr., еще 400 fr. Вышлите их, пожалуйста, немедленно или мне, или Рэдону. (Odilon Redon. 32. Avenue Wagrame). Это очень важно для Рэдона и для установления репутации «Весов».

Лакост делает виньетки за 150 francs.

С Рэнэ Гилем условлена относительно цены обычная русская плата 50 р., т.е. 130–140 fr. с листа, или 25 сант<имов> со строчки (в мелком шрифте).

Это я уже писал Вам. Хотя тут нужно было бы, я думаю, Вам установить для Франции строго определенную плату прямо во франках без расчета на русские деньги, положим в 150

* Они должны вернуться. Это только право воспроизведения. *(Вписано Волошиным между строками письма.)*

или даже в 160 fr. Эта последняя цифра уже вполне возможна, т<ак> к<ак> это 10 fr. за страницу.

Но норму во франках необходимо определить точно.

Относительно Гиля это не так страшно, как Вам показалось. Свою программу, которую я Вам выслал, он думает осуществлять постепенно и говоря о современности.

Это метод, который мы выработали с ним вместе: говорить о современном и текущем, делая экскурсии в прошлое. Так что это не будут отдельные статьи и, кроме того, письма из Парижа.

Что касается длины, я просто попрошу его давать статью через месяц и делать ее короче ввиду размера журнала. В этом не будет ничего неловкого. Он ведь свою программу надеется осуществить только в несколько лет.

Но если Вы и сами об этом ему напишете, это будет очень хорошо. Мне кажется, это даже необходимо, со стороны редакции, как внимание. Его адрес 16 bis. Rue Lauriston. René Ghil.

Я Вам высылаю отчет «La Plume» об банкете Верхарна, который Вам может пригодиться.[2] Не высылаю всего номера, т<ак> к<ак> «Plume» запрещена в России.

Высылаю Вам манифест «интегралистов», написанный Лакюзоном.[3] Гиль об нем будет говорить. Но т<ак> к<ак> он будет, вероятно, против, то Вы, может, кроме того воспользуетесь самым текстом.

Вы хотите статью Гурмона? Это теперь почти невозможно. Ведь он начал свой собственный журнал «La Revue des idées»[4] и страшно занят.

Что Вы мне скажете относительно Herold'а (о театре) и Альб<ера> Мокеля (о романе)?[5] Могу я начинать с ними переговоры? И в каких размерах?

Шартэна еще не видел, поэтому окончательного ответа не могу сообщить.[6]

Статью о Гогэне, я думаю, лучше отложить. Теперь все говорят об общей выставке Гогэна, и тогда будет значительно уместнее заговорить об нем. Необходимо увидеть целиком

весь его «Œuvre»*. Статью «Европеец и его раковина» я постараюсь прислать в конце месяца. Но она не будет под этим заглавием.[7]

В конце недели открывает<ся> Salon Indépendants. Я об нем буду писать.[8]

Итак, вот дела:

1) *Выслать 400 fr. Рэдону* (как можно скорее).

Ответить:

2) Разрешается ли мне 25 fr. в месяц на почтов<ые> и кр<едитные> расх<оды>.

3) Можно ли начать переговоры с Herold'ом и Мокел<ем>?

4) Определить цену для Франции во франках.

5) Сделать ли попытку относительно Гурмона?

6) Вернуть рукопись Гилю после перевода.

7) Гонорар Гилю.

Это все о непосредственных делах.

Это не все. См. последнюю станиц<у>**.

Война... Как это отзывается в России? Здесь впечатление полного разгрома России. Флот, в сущности, уничтожен.

Ожидания с минуты на минуту вступления Англии в борьбу.

Неужели мы будем так счастливы, что доживем до момента, когда культурный Восток обновит Европу?

Общее ожидание всеразрушающего всеевропейского взрыва. Первые признаки смерча.[9]

Последние дни в телеграммах такая путаница, что трудно разобраться. Почти достоверно, что японцами взорваны три броненосца из четырех, составляющих Владивостоцкую эскадру.[10]

В вечернем «Нью Йорк геральд» известие, что Россия послала ультиматум Китаю.[11]

Мне давно хотелось послать Вам несколько моих новых стихотворений. Вот они.

---

* Творчество *(фр.)*.

** *Строка вписана позднее.*

РОЖДЕНИЕ СТИХА

В душе моей мрак грозовой
и пахучий.
Там вьются зарницы,
как синие птицы.
Горят освещенные окна.
И тянутся длинны,
протяжно-певучи
Во мраке волокна.
О запах цветов, доходящий
до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу все стало светло
и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы
вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучьи.
Из недра сознанья, со дна
лабиринта
Теснятся* виденья толпой
оробелой
И стих расцветает цветком
гиацинта –
Холодный, душистый и белый[12].

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О если б нам пройти чрез мир одной дорогой.
Всё видеть, всё прочесть, всё знать, всё пережить.
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Ощупать шар земной горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить![13]

Город умственных похмелий,
Город призраков и снов.
Мир гудит на дне ущелий.
Между глыбами домов,
Там проходят миллиарды...
Смутный гул шагов людских
К нам доносится в мансарды,
Будит эхо в мастерских.
В мир глядим с высоких гор мы.
И, волнуясь и спеша,
Шевелясь, родятся формы
Под концом карандаша.
Льстся огненный поток
Со сверкающей палитры.
Солнца больше чтить не мог
Жрец Ормузда или Митры.
Днем я нити солнца тку,
Стих певучий тку ночами.
Серый город я затку
Разноцветными лучами.
По ночам спускаюсь вниз
В человеческую муть я.
Вижу черных крыш карниз,
Неба мокрого лоскутья.
Как большие пауки,
Ветви тянутся из мрака.
Камни жутко-глубоки
От дождливых бликов лака.
Серый город все растет.
Стены тянутся все выше.
Будет день, и в темный свод
Навсегда замкнутся крыши...[14]

---

* *Было:* Толпятся.

ДЕТСТВО

О как странно, о как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад.
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познанья
Привели меня назад.
Время медленней и шире,
Всюду отсветы огней...
О, как странно в этом мире
Быстро шепчущих теней![15]

М. Волошин

Впечатления от «Весов» я напишу после. Все номера получил. Гонорар за *мои* рисунки назначьте сами в *минимальной* степени. Не стесняйтесь их отвергать. Пока я только пробую; после будет лучше. Не печатайте того пейзажа, что нарисован на кальке с большим черным обводом (послан в числе первых). Его надо выбросить.

Вскрываю опять письмо.

Только что получил от Гиля открытку. Он Вам высылает свою вторую статью.[16]

Я еще с ним не успел переговорить. Увижу его завтра и тогда переговорю.

Впечатления от «Весов». Внешность очень хороша. Обложка менее.[17] Пятно рисунка не красиво. Задний план не вполне отделяется от первого. Но это придирки. Они возможны в Париже, но не в России.

Воспроизведение рисунков мне очень нравится. В содержании везде выдержаны два главных элемента – краткость и обстоятельность. Это мне очень нравится. Хотелось бы более четкого типографического и топографического разделения разных отделов.

Их необходимо отделять рисунками.

Очень хороши широкие поля.

В «Хронике» как-то мало полноты.

Отдел «о книгах» очень хорош.

Каталог... Мне жаль, что Вы отступили от обычая печатать *все* отзывы, и дурные и хорошие. Каталог много потерял от этого.

Досадно виде<ть> фотографии там, где могли бы быть рисунки. Тем более, что фотографии выходят так слабо.[18] Это

ведь так легко было бы заменить. Портреты можно было бы сделать хотя бы по фотографиям.

Если бы Вы сделали несколько любительских фотографий с себя, с Бальмонта, с Белого. В нескольких поворотах, под резким боковым освещением и без ретуши, то я бы Вам сделал по ним портреты-маски. Хотите?

Мою большую статью я не успею прислать. Но пришлю «письмо из Парижа» об «Indépendants».[19] Они открываются 20 февраля, и об выставке Louis Legrand, так, чтобы это поспело к мартовской книжке.[20] Вы получите это к 1 марта ново<го> стиля.

Вот еще вопросы, на которые мне нужен ответ.

8) Пожертвуете ли Вы издания «Скорпиона» и «Весы» для русск<ого> художеств<енного> клуба (49. B<oulevar>d Montparnasse. Union des Artistes Russes)? Первый номер «Весов» я туда передал.

9) Нужны ли рисунки для «Северн<ых> цветов»?[21]

10) Пробный оттиск обложки Рэдона непременно вышлите.

11) Для номера Рэдона я напишу статью об нем. Можно ли мне обратиться еще к некоторым лицам с просьбою написать несколько строк или страниц об Рэдоне для этого номера? Это будет очень интересно.[22]

Я тогда обращусь к Mellerio, который пишет книгу о Рэдоне, и соберу некоторые из старых статей Гюисманса, Жоффруа и Мишеля.[23]

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 18.2.04. Получено в Москве 9 февраля.

[2] См. п. 19, примеч. 11.

[3] Манифест «интегралистов», написанный французским поэтом Адольфом Лакюзоном (Lacuzon; 1870—?) при участии других поэтов (Кюбелье де Бейнак, Адольф Бошо, Леон Ванно, Себастьян-Шарль Леконт), чьи подписи также стоят под «манифестом», впервые напечатан в «Голубом журнале» («La Revue Bleu») 15 января 1904 г. Видимо, на основании сведений, полученных от Волошина, Брюсов составил сообщение для раздела «В журналах и газетах»:

«В La Revue Bleue появился манифест новой поэтической школы, которую ее основатели называют L'Intégralisme. Манифест подписан Адольфом Лакюзоном, считающимся главарем этой группы, и четырьмя его сторонниками. Одно из положений манифеста формулировано так: "Истинная поэзия есть трансцендентная форма познания"» (Весы. 1904. № 2. С. 78). Критическому разбору манифеста «интегралистов» Гиль посвятил статью «Письма о французской поэзии. Письмо 3-е. Конец "французской школы"» (Весы. 1904. № 6. С. 16–29), в которой отметил полную зависимость «интегрализма» от своей теории «словесной инструментовки».

[4] «Revue des idées» («Обозрение идей») – французский ежемесячный критический журнал, основанный в 1904 г. писателем Эдуардом Дюжарденом (Dujardin; 1861–1949). Первый номер «Обозрения» вышел 15 января 1904 г.; издание продолжалось до 1910 г. Редактором журнала был Реми де Гурмон. «Remy de Gourmont, этот тонкий мыслитель, блестящий критик и интересный поэт, принял на себя редактирование нового журнала "Revue des idées". В № 1 помещена статья самого Гурмона о Фр. Бэконе и Жозефе де Мэстре. В ближайшем будущем обещана статья Жюля де Готье о Шопенгауэре и Ницше», – оповещал Брюсов в «Весах» (1904. № 2. С. 79; раздел «В журналах и газетах»). В статье Брюсова о Р. де Гурмоне сообщалось, что журнал «Revue des idées» печатает «исключительно статьи научного и общелитературного содержания» (Там же. № 8. С. 32). В действительности этот журнал открывал свои страницы для самых различных по содержанию материалов. «Программа "Обозрения идей" охватывает все области человеческого знания: философия, психология, математика, физика, биология, этнография, история, религия, военное дело, социология, филология, история литературы», – отмечалось в рекламных объявлениях, помещенных в других французских периодических изданиях (в частности – в "Mercure de France").

[5] См. п. 20, примеч. 9, 10.

[6] См. п. 21, примеч. 3.

[7] См. п. 20, примеч. 5.

[8] Статья Волошина «Письмо из Парижа. Салон Независимых» появилась в 3-м номере «Весов» за 1904 г. (С. 44–46).

[9] В ответном письме (около 10/23 февраля 1904 г.) Брюсов, касаясь военной темы, заявлял: «Ваши слова изумили меня. Я читал во французских газетах разные нелепицы, но не воображал, что им можно верить, хотя бы в Париже. Вы себе представляете дело трагически: ничуть не бывало. <...> Что́ до исхода войны – он несомненен. Япония будет раздавлена страшной тяжестью России <...>» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 309–310). В этом же письме Брюсов отвечал и на деловые вопросы относительно французских сотрудников «Весов».

[10] В ночь с 26 на 27 января 1904 г., т.е. за сутки до официального объявления войны, японские миноносцы произвели внезапную атаку на эскадру, стоявшую на внешнем рейде крепости Порт-Артур; при этом пострадали броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

[11] Сообщение в американской газете было недостоверным: никакого ультиматума Китаю Россия в те дни не предъявляла (см.: Русско-японская война. Япония, Корея, Маньчжурия. События, предшествовавшие объявлению войны. Начало военных действий. Сост. Н. Т. М., 1904).

[12] Опубликовано с незначительными, в основном пунктуационными, вариантами, в цикле стихотворений Волошина «Минуты прозрений» в кн.: Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 54; с посвящением Бальмонту и датировкой «Париж 1904» вошло в сб. Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (С. 25–26). См.: Т. 1 наст. изд. С. 32.

[13] Опубликовано с вариантами ст. 5 («Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить») и 7 («Пройти по всей земле горящими ступнями»): Золотое Руно. 1906. № 10. С. 32; *Волошин Максимилиан.* Стихотворения. 1900–1910. С. 46. См.: Т. 1 наст. изд. С. 47.

[14] Опубликовано в журнале «Золотое Руно» (1906. № 11/12. С. 56) без последних четырех стихов, с делением на четверостишия и незначительными вариантами. См.: Т. 2 наст. изд. С. 390–391.

[15] Опубликовано в журнале «Золотое Руно» (1906. № 11/12. С. 56) с вариантами ст. 10 и 11; без заглавия и в составе первых восьми строк («О, как чутко, о, как звонко...») вошло в сб. Волошина «Стихотворения. 1900–1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 43. О присланных стихотворениях Брюсов отозвался в письме, отправленном Волошину около 10/23 февраля 1904 г.: «Из Ваших стихов мне всего больше по сердцу – первые, “Рождение стиха”, особенно после первых пяти стихов с их неоправданно-неизбежной рифмой “окна” – “волокна” и кроме слова “излучье”, все-таки сомнительного. Третье – “Город умственных похмелий” – очень “Волошинское”, но иные рифмы бесстыдно придуманны (особенно “палитры – Митры”), конец очень “из меня”» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 311).

[16] В этом письме к Волошину от 17 февраля 1904 г. Гиль сообщает: «*Завтра* я отправлю прямо г-ну Брюсову, в адрес журнала, 2-ю статью» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 240). Речь идет о втором из «Писем о французской поэзии» (Весы. 1904. № 3. С. 19–32).

[17] Обложка с рисунком работы Л. Бакста. В этом оформлении (в различных цветовых тональностях) были изданы первые три номера «Весов» за 1904 г.

[18] Речь идет о рекламном «Каталоге книгоиздательства “Скорпион” к началу 1904 года» (16 с.), приложенном к 1-му номеру «Весов». В нем перечислялись книги, изданные «Скорпионом»; некоторые аннотации сопровождались цитатами из рецензий и портретами авторов.

[19] См. выше, примеч. 8.

[20] Луи Легран (Legrand; 1863–1951) – французский живописец и гравер. Статья Волошина о выставке работ Леграна в «Весах» не появилась.

[21] Имеется в виду готовившийся тогда 4-й альманах издательства «Скорпион» «Северные цветы», вышедший в свет в 1905 г. («Северные цветы ассирийские»). В ответном письме Брюсов извещал: «Для “Сев<ерных> Цв<етов>”рисунков *не нужно*. Иной план» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 311). Видимо, уже тогда определился осуществленный Н.П. Феофилактовым замысел оформления альманаха «по образцам ассирийского искусства», как указывалось на титульном листе.

[22] Брюсов отвечал: «Интер<в>ью о Редоне – устройте. Из статей о нем – выберите. Все это идет» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 311). В № 4 «Весов», изданном в оформлении Одилона Редона, были помещены статья Волошина «Одилон Рэдон» (С. 1–4), а также подготовленные им разделы «Рэдон о себе» (С. 5–9; автобиография Редона в переводе Волошина) и «Современники о Рэдоне» (С. 10–16; переведенные Волошиным фрагменты статей и высказываний Эмиля Эннекена, Гюстава Жеффруа, Жана Лоррена, Франсиса Журдена, Поля Гогена).

[23] Французский литератор и искусствовед Андре Меллерио (Mellerio; 1862–1943) был другом Редона и автором работ о его творчестве. Прозаик Жорис Карл Гюисманс выступал также как художественный критик, поддерживая в своих статьях искания импрессионистов, автор книги «Современное искусство» («L’art moderne». Paris, 1883). Гюисманс неоднократно с восхищением писал об искусстве Редона. Гюстав Жеффруа (Geffroy, 1855–1926) – французский писатель, искусствовед и историк искусства, автор первой «Истории импрессионизма» (1894) и обзорной монографии «Французская живопись с 1850 по 1900 гг.». С 1892 по 1903 г. он выпустил восемь томов «Художественной жизни» («La vie artistique»), где собраны его работы по вопросам искусства. Возглавлял также многотомный труд «Музеи Европы» («Les Musées d’Europe», 1902–1913). Андре Мишель (Michel, 1858–1925) – французский историк искусства, автор работ о Пюви де Шаванне и других художниках второй половины XIX века. Его перу принадлежит монография «Французская школа от Давида до Делакруа» («L’école française de David à Delacroix». Paris, 1891).

25. Е.А. БАЛЬМОНТ

Около 12/25 февраля 1904 г. Париж[1]

Дорогая Екатерина Алексеевна!

Ваше письмо пришло так неожиданно и так меня обрадовало.[2]

Я ужасно боялся за то письмо, которое я отправил Вам по приезде в Париж.[3] Я думал, что Вы рассердитесь за него. Во всяком случае, еще раз прошу за него извинения.

Об истории с «Г<оспо>жой Кошкой»[4] я ничего не знал. Как это нелепо и глупо. Больше, чем глупо...

Я очень тронут тем, что мои стихи были ее именем. Но «Г<оспо>жа Кошка» мне нравится больше.

Что я делаю в живописи? Это трудно рассказать. Я отправлю Вам одновременно с этим письмом одну из моих работ. Мне будет очень приятно, если Вы ее примите на одну из стен своей комнаты.[5]

Это один из поисков доказательства разных моих теорий о пейзажах, не делающих дыры в стене, но примыкающих к стене вместе с рамой, сливающихся со стеной и тоном обоев.

Эту доску надо повесить прямо на стене на темном фоне, продев в нее красный шнурок.

Я ужасно рад за Константина.[6] Если можно напишите мне подробнее о его лечении. Как он согласился?

Он выпускает целых четыре книги!![7]

Что именно? Я буду очень благодарен, если Вы мне их пришлете.

Когда приедет Татьяна Алексеевна в Париж?[8]

Имеете ли Вы сами с Константином определенные планы на весну и на лето?

Неужели может случиться, что Мар<гарита> Вас<ильевна> так и не приедет в Париж?[9]

Что касается меня – я живу теперь сравнительно очень уединенно. Русских вижу мало.

Зато много интересных французов. Очень горжусь тем, что познакомился с Верхарном.[10]

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 115.

[2] Речь идет о письме от 6/19 февраля 1904 г., в котором Е.А. Бальмонт, откликаясь на публикацию статьи Волошина «Скелет живописи» (см. п. 20, примеч. 5 и 6), писала: «“Скелетом живописи” я восхищаюсь, и не одна. Слышала мнения, что это самая свежая и живая вещь в “Весах”. Многие спрашивали, кто это Макс Волошин, и не хотели верить, что это тот самый “декадент” (в самом ругательном смысле слова), в необычайном костюме появившийся прошлым годом в добродетельной Москве... О, эта Москва» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 3–3 об.).

[3] Неизвестное письмо Волошина.

[4] Речь идет о картине М.В. Сабашниковой, получившей название «Госпожа Кошка». Е.А. Бальмонт в письме от 6 февраля / 19 февраля 1904 г. рассказывала Волошину о М.В. Сабашниковой и «скандале», произошедшем с этой картиной: «Она так поглощена своими планами, что скандал с картиной “Кошкой” для нее прошел совсем незамеченным. Вы знаете, она написала Кошку в 7 дней. За 2 дня до открытия ее выставили с подписью из Ваших стихов “что одни зовут звериным”... Цензор запретил эту подпись, “подчеркивающую слишком явно для публики неприличный смысл картины”. Художники, которым очень нравилась картина и подпись, спорили напрасно. Картину выставили, подпись уничтожили <...>. Она простояла день, привлекла к себе общее внимание. А на следующий день ее сняли по предписанию полицмейстера. Общее недоумение! И возмущение. М<аргарита> В<асильевна> не захотела вступиться за свою картину. Когда я нашла ход и стала хлопотать, чтобы узнать причину ее удаления – оказалось, что это недоразумение! Недурно? Картину можно выставить, но предписания нет, и вот 3-й день. М<аргарита> В<асильевна> говорит, что равнодушна к участи своей “Кошки”, которая ей перестала нравиться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 3 об. – 4 об.)

О картине «Госпожа Кошка» Волошин знал из писем М.В. Сабашниковой. 17 декабря (ст.ст.) 1903 г. она писала ему в Париж: «Заканчиваю Г<оспо>жу Кошку, которая после Вашего отъезда успела уже несколько раз уничтожаться и вновь возрождаться, как феникс. Теперь она, кажется, не умрет и лучше, чем была» (ИРЛИ, ф. 562,

оп. 3, ед. хр. 1058, л. 2). В письме от 29 января (ст.ст.) 1904 г. Сабашникова подробно описала эту картину, отметив: «Я просила Бальмонта придумать название. Мне самой так не хотелось назвать ее. Ему она нравится, но он не мог назвать. Когда нужно было печатать каталог, мне случайно вспомнилось:

“Что одни зовут звериным...
Что одни зовут людским...”

И я написала. Это длинно и, пожалуй, слишком ясно. Но мне теперь как-то уже все безразлично» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058, л. 11–12). Волошин отвечал М.В. Сабашниковой 3/16 февраля: «“Г<оспо>жа Кошка”... Почему Вы не захотели назвать этим ее – настоящим именем? Оно говорит больше всего. “Что одни зовут звериным...” – это не то. Но я рад, что мои слова будут видеть г<оспо>жу Кошку, которую не увижу я» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106).

Об истории с «Госпожой Кошкой» Волошин вспомнит в письме к В.Я. Брюсову от 23 января 1907 г. См. п. 106.

«Госпожа Кошка» была выставлена М.В. Сабашниковой на 23-й Периодической выставке в Москве в Историческом музее в январе 1904 года. Об этом свидетельствуют записи из ее дневника: «29 января. “Кошка” – там. Я так устала. Написала такую вещь в неделю. <...> Я все придумывала название. Просила Бальмонта. Ему эта вещь ужасно нравилась, и он ничего не придумал: “Кошка”, “Женщина и Кошка”. “Кошки”... Когда нужно было написать название для каталога, я вспомнила строчку из Макса

“Что одни зовут звериным...
Что одни зовут людским”...

И написала <...> 1 февраля. <...> Вчера с утра Исторический музей. Моя картина выглядит там ужасно <...> В музее я встретила Сурикова. Он узнал меня, стал смотреть “Кошку”. “Ай, да женщина, вот страшная, ай, да страшная, вот язва. Ах ты, язва окаянная, заест, совсем заест, вот с такой-то змеей жить... Где Вы такую нашли”. Я показала этюд» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 22). Названием картины стали строки из стихотворения Волошина «Валерию Брюсову» («По ночам, когда в тумане...») (см.: Т. 1 наст. изд. С. 39–41). Местонахождение этой картины в настоящее время неизвестно.

[5] 21 февраля / 5 марта 1904 г. Е.А. Бальмонт отвечала: «Благодарю Вас, милый Макс, мне ужасно нравится Ваша картина на дереве. Я повесила ее против своего письменного стола. Вечером от света красного абажура она производит прямо волшебное впечатление. И это не мое пристрастное мнение. Она нравится всем, и многие верят мне, что это японская вещь. Только Ульянов Н.П. поправил меня: “парижского японца”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 1).

[6] Речь идет о лечении К.Д. Бальмонта от алкоголизма и связанного с ним расстройства психики. О болезненных состояниях К.Д. Бальмонта и реакции на них Волошина Е.А. Бальмонт писала в своих воспоминаниях (см.: *Бальмонт Е.А.* Редко кто умел так слушать, как он // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 92–94). В письме от 6 февраля 1904 г. Е.А. Бальмонт сообщала Волошину: «Константин уверяет, что напишет Вам на днях. Он работает очень много. Вот уже 290 дней лечится... у Рыбакова. И лучшего для него врача трудно было бы нарочно выдумать. Результаты поразительные. Он другой, такой, как был “маленьким мальчиком”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 4 об.).

[7] В 1904 г. вышли книги К.Д. Бальмонта «Горные вершины. Сборник статей. Книга первая. Искусство и литература» (М.: Гриф, 1904), Собрание стихов. Т. 1 (М.: Скорпион, 1904) и переводы: заключительный 3-й том книги Р. Мутера «История живописи» (СПб., 1904), «Баллада Редингской тюрьмы» О. Уайльда (М., 1904), «Саломея» О. Уайльда (М., 1904), «Освобожденный Прометей» Шелли (СПб., 1904).

[8] Т.А. Бергенгрин.

[9] М.В. Сабашникова. 6 февраля 1904 г. Е.А. Бальмонт писала Волошину: «На днях должен решиться вопрос, поедет ли М<аргарита> В<асильевна> в Париж. Она решилась твердо стоять на своем желании, и ей это очень трудно. Не знаю. Ничего доброго не предвидится, т.е. мирного исхода разговора» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 3 об.) Ответы на свои вопросы Волошин получит в письме Е.А. Бальмонт от 21 февраля 1904 г.: «Отъезд Марг<ариты> Вас<ильевны> в Париж решен. Она будет с сестрой моей Татьяной Ал<ексеевной>. Туда же приедет Званцева. К счастью все это устроилось. Выезжают в первых числах марта <...>. И К<онстантин> Д<митриевич> поговаривает о поездке в Париж в апреле. Он кончает 2-й том Шелли. Не верится как-то, что заканчивает этот колоссальный труд. Он уверяет, что навсегда освобождается от переводческой работы. И хочет отпраздновать эту радость где-нибудь подальше от России» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 1 об. – 2).

Доверительный тон писем Волошина к Е.А. Бальмонт определяется степенью ее вовлеченности в отношения между Волошиным и М.В. Сабашниковой. Именно у Е.А. Бальмонт Волошин познакомился со своей будущей первой женой и там же стали зарождаться более серьезные отношения между ними. Е.А. Бальмонт вспоминала о зиме 1903 г.: «В ту зиму Макс бывал у меня очень часто, познакомился у меня с Маргаритой Васильевной, смотрел, как она писала с меня портрет, неудавшийся и заброшенный ею “именно потому, что

Макс смотрел", – поддразнивала она его. Они часто встречались у меня и оба возились с Ниникой, которая обожала их обоих и как-то всегда соединяла их в своем чувстве. Они играли с ней, смеялись, но между собой мало говорили. "Разве с Максом можно говорить серьезно?" – сказала как-то Маргарита Васильевна. "Я, по-вашему, не серьезный человек?" – обиделся Макс. "И не серьезный и уж, конечно, не человек". – "Кто же я?" – "Вы ребенок и... чудо", – шепотом сказала она мне» (*Бальмонт Е.А.* Редко кто умел так слушать, как он // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 94–95).

[10] См. п. 22, примеч. 5.

26. В.Я. БРЮСОВУ

25 февраля / 9 марта 1904 г. Париж[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за молчание. Я в полосе красок и потерял вкус к слову.

Я нашел и заручился согласием корреспондента для романа и театра.

Это не Мокель и не Герол<ь>д, Ван-Бевер.[2] Он секретарь редакции «Mercure de France», и Вы знаете его по книге о современной поэзии, которую я Вам оставил.[3]

Для романа он самый удобный человек, потому что через его руки проходит решительно все, что выходит нового.

Это громадный знаток литературы. Такой же труд, какой он сделал для символистов, он в настоящее время делает для всей французской поэзии начиная с XIV века!!

Я ему предложил работу в таком виде: дать статью в год об романе и театре (театре написанном, но не играемом), в виде ретроспективного обозрения полугодия. Их размеры должны определить Вы. И я буду ждать Ваших инструкций: сколько страниц? К какому номеру? Обозрение какого количества времени?

(Находясь в живописно-красочной полосе, я в настоящую минуту никак не могу взяться за рецензию о Буэлье.[4] Вышлю Вам книгу. Или хотите поручить это Ван-Беверу?)

Рисовальная полоса прошла. Книгу Буэлье я купил и *буду писать рецензию*.[5]

Меня смущает то, что я до сих пор не получил ни книги Коневского, ни Грифа.[6] Боюсь, что они пропали. Вы так давно писали мне, что они высланы, и ждал их с таким нетерпением. Елиз<авета> Серг<еевна> Кругл<икова> уже давно получила Коневского.

К какому номеру Вам нужна следующая статья Гиля?

Деньги Рэдону передал. Послезавтра обложка и еще ряд виньеток будут готовы и высланы.

Лакост передал мне свои виньетки.[7] Я их вышлю вместе с Рэдоном. Ему Скорпион должен 150 fr., как условлено. Такую же серию и за такую же сумму делает Рансон.

Портрет Гиля?[8] Я не знаю хорошего, хотя видел много. Валлотоновский плох и сделан с фотографии.

Я два раза его рисовал, но не удачно. Хочу сделать вот что: попрошу его попозировать час в русском клубе художников и объявлю конкурс. Может, удастся.

О Рэдоне статью – пишу.

Не забудьте его условия – чтобы в номере были только его рисунки. Этот номер будет тогда представлять интерес и в Париже, и его не мешало бы дать на продажу кое-кому из парижских книготорговцев. Есть коллекционеры, которые собирают всего Рэдона и обязательно купят.

В Париже этот номер будет представлять большой интерес, т<ак> к<ак> еще не было номера, всецело посвященного Рэдону, ни в одном из парижских изданий.

На Гиля Ваше письмо произвело очень хорошее впечатление. А отказ – никакого. Он мне сам показывал письмо.[9]

Несколько раз справлялся, когда вы приедете, т<ак> к<ак> ему очень интересно с Вами познакомиться.

Вообще Ваш приезд будет очень полезен и многое определит.[10]

В первый раз я жалею, что Ваши длинны,* т<ак> к<ак> это причина, по которой Вы их не можете прислать.[11] Впрочем, Ваш приезд не так уже далек.

Вот еще мои стихи.

ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза,
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
И по окнам танцуя
Все быстрей и быстрее
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи.
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.
На синеющем лаке
Разбегаются блики.
В проносящемся мраке
Мне смеются их лики.
Сколько глазок не схожих!
И несутся в смятеньи
И целуют прохожих
И ласкают растенья...
И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre Dame...[12]

Тесен мой мир... Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.

* *Так в тексте. Возможно, пропущено слово:* стихи.

Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами...
Пройдемте по миру как дети.
Полюбим шуршанье осок
И терпкость прошедших столетий
И едкого знания сок.
Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней –
Ребенок непризнанный гений
Средь буднично взрослых людей.[13]

Я люблю осенний шелест
Старых писем, дальних слов.
В них есть запах, в них есть прелесть
Увядающих листов!
Я люблю узорный почерк –
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.
Мне так близко обаянье
Их усталой красоты.
Это дерева познанья
Облетевшие цветы.[14]

Да! я еще позабыл написать Вам: все исправления в «Скелете» я принял с радостью и очень за них благодарен.[15]

До свидания.

Макс Волошин.

P.S. Ах, еще одна большая просьба:

Не может ли «Скорпион» в счет имеющихся моих рисунков и рукописей дать мне авансом 200 fr. Буду очень благодарен.

Конечно, можно ставить Лакоста в сотрудники. Вот его имя и адрес: Charles Lacoste. 25. Rue Rousselet.

Адрес: Van-Bever: 68. Rue de Babilone.

[1] Автограф в архиве Брюсова не сохранился. Текст воспроизводится по машинописной копии, ранее сделанной с оригинала (видимо, М.С. Волошиной) и хранящейся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 13, л. 15–20). Над текстом проставлена дата почтового штемпеля: 9.3.04.

[2] Адольф Ван Бевер был тесно связан в начале XX века с журналом и издательством «Mercure de France». Автор биографии Метерлинка (1904), библиографических эссе, посвященных Агриппе д'Обинье (1905), Верлену (1926), составитель альбома «Бретань глазами писателей и художников» (1913) и такого же альбома о Турени. В 1908 г. выпустил книгу об Анри де Ренье; издавал Бодлера и других французских классиков. Благодаря Волошину Брюсов в 1904 г. вступил с Ван Бевером в переписку, позднее присылал ему свои переводы из французских поэтов. О сотрудничестве Ван Бевера в «Весах» см.: Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 234–235, 246–250.

[3] Имеется в виду антология «Современные поэты» («Poètes d'aujourd'hui»), составленная Ван Бевером совместно с критиком и эссеистом Полем Леото (1872–1956) и представлявшая поэзию французского символизма в самом широком охвате. Изданная впервые в 1900 г., антология последовательно дополнялась и перерабатывалась авторами и выдержала к 1917 г. 28 переизданий. Сохранилось издание, выпущенное в 1908 г. в двух томах и подаренное Брюсову Ван Бевером. Текст дарительной надписи: «A Monsieur Brussov cordial souvenir. Ad. Van Bever» («Господину Брюсову на память сердечно. Ад. Ван Бевер» // РГБ, ф. 386, Книги, № 1565).

[4] 19 февраля / 3 марта 1904 г. Брюсов писал Волошину: «Повторяю просьбу о рецензии на роман S.G. Bouhélier "Julia". Вам легко это сделать, а в России цензура книгу, пожалуй, не пропустит. Но если не напишете – вышлите книгу заказной бандеролью» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 314). Роман Эдуарда Сен-Жоржа Буэльe «Юлия, или Любовные связи» («Julia ou Les relations amoureuses») был издан в 1904 г. Рецензия на эту книгу – несмотря на все усилия Брюсова – так и не появилась в «Весах».

[5] Видимо, абзац был написан Волошиным некоторое время спустя после предыдущего. Это предположение невозможно подкрепить анализом графических особенностей автографа ввиду его отсутствия в архиве Брюсова.

[6] В письме, написанном около 10/23 февраля 1904 г., Брюсов спрашивал Волошина: «Получили ли Коневского? И Гриф? Впечатления?» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 311). Имеются в виду издания: *Коневской Ив.* Стихи и проза: Посмертное собрание сочинений. М.: Скорпион, 1904; Альманах Гриф. 1904. М.: Гриф, 1904.

[7] В оформлении Шарля Лакоста вышел № 7 «Весов» за 1904 г. Рисунок Лакоста, выполненный для обложки этого номера, был воспроизведен также на обложках № 8 и 9 за 1904 г.

[8] 18 февраля / 2 марта 1904 г. Брюсов писал Волошину: «Если бы нашелся *интересный* портрет Гиля, мы бы его напечатали в ближайшем №»; на следующий день: «Еще о портрете Гиля. <...> Если нет ничего кроме фотографий, что́ делать, но, конечно, интересных. Лучше же фотографии *с рисунка*, чем с лица. Все это в том случае, если есть *интересные* портреты» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 313, 314). Два портрета Рене Гиля (один, выполненный по фотографии, и другой — рисунок «Ренэ Гиль в 1887 г.») были помещены в «Весах» в качестве иллюстраций к статье Брюсова «Ренэ Гиль» (1904. № 12. С. 12, 17).

[9] Речь идет о письме Брюсова от 14/27 февраля 1904 г. (см.: Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка 1904—1915. СПб., 2005. С. 72—73).

[10] О намерении приехать в Париж «весной — после нашей Пасхи» Брюсов сообщал Волошину в письме, отправленном около 10/23 февраля 1904 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 311).

[11] В том же письме Брюсов сообщал: «Я написал кое-что “*нового*”, но нет времени переписать: длинно очень и очень» (Там же. С. 311).

[12] Опубликовано без заглавия и с незначительными вариантами («Замутились их лики...» вместо «Мне смеются их лики») как первое из трех стихотворений под общим заглавием «Париж» в цикле Волошина «Минуты прозрений» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 51). Под заглавием «Дождь» и с делением на четверостишия напечатано в составе цикла «Париж» в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (С. 16—17). См.: Т. 1 наст. изд. С. 23.

[13] Первые четыре стиха опубликованы как первое четверостишие стихотворения «Тесен мой мир» (Северные цветы ассирийские. С. 54—55), позднее вошедшего в цикл «Когда время останавливается» («Стихотворения. 1900—1910». С. 37—38); остальные стихи составили отдельное стихотворение «Пройдемте по миру, как дети...» (1903), при публикации разделенное на два четверостишия (Там же. С. 46; последний стих: «Средь буднично серых людей»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 38, 46.

[14] Опубликовано в журнале «Русская Мысль» (1907. № 12. Отд. I. С. 130). Под заглавием «Старые письма», с посвящением А.В. Гольштейн, делением на четверостишия и исправлениями в тексте (ст. 1: «Я люблю усталый шелест»; ст. 4: «Умирающих цветов») вошло в раздел «Amori amara sacrum» книги Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (С. 56). См.: Т. 1 наст. изд. С. 57.

[15] Речь идет о редакторской правке Брюсова в статье Волошина «Скелет живописи». См. п. 20, примеч. 6.

27. А.М. ПЕТРОВОЙ

25 февраля / 9 марта 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Саньке-Тараньке.
Макс Волошин:
Многоуважаемая Александра Михайловна!

Возражения на критику:

«Папоротник красный» — неужели Вы так несведущи в ботанике, что не знаете, что папоротник цветет раз <в> год в Иванову ночь красно-огненным цветком.[2] Поэтому эпитет — «*зловещая* луна». Стыдно!

«Сквозь ветку барбариса» — см. учебник перспективы.[3]

«И боль пришла...». Зачем залезать в неизданные страницы биографии?[4] Поверьте уж пока на слово, хотя бы в виде Гейневских узких ботинок.[5] Когда-нибудь, может, расскажу.

«Пройдемте по миру...» главное в первой строфе, а не в последней.[6]

живописи... Квасок?[7]

Я бросил в русскую литературу в этой статье по крайней мере десяток совершенно новых мыслей. Новых даже и для Франции.

Итог трехлетней работы над живописью я сконцентрировал на 11 страницах. То, из чего можно было бы сделать целый том, я кратко и ясно изложил на нескольких страницах. Запутанные и сложные вопросы я сумел скристаллизировать в нескольких ясных и точных фразах. Слышать от Вас такой отзыв чересчур обидно. Упрек, который мне ставился Брюсовым и Бальмонтом — это чересчур большая расточительность мысли, щедрость. «Пиша так сжато, Вы испишетесь в нескольких статьях», — говорил мне Брюсов.[8]

В этой статье у меня была одна цель: быть ясным, простым и кратким. Это основа художественности. Я не искал образов — потому что это только концентрация отвлеченных мыслей. Доказательств я избегал сознательно. Вы знаете по-

чему? И, кажется, вы сами соглашались с моими устными доказательствами. Если мысли, высказанные в «Скелете», на Вас не производят такого впечатления новизны, то это только потому, что я их на десятки ладов повторял устно.

Ваш отзыв глубоко обидел меня своей несправедливостью.[9]

Мой тон... Поставьте в начале статьи слова «Я думаю так» и двоеточие – и тон будет ясен. Это тон человека, записывающего свои мысли для себя. Вас обижает то, что я не хочу убеждать в справедливости моих мнений? Это вполне справедливо. Я хочу только бросить горсть новых идей-семян и посмотреть, как они взойдут.

Я в настоящее время как раз заканчиваю продолжение «Скелета» – «Европеец и его раковина», где буду говорить о том, куда идет Европейское искусство.[10] Там я как раз подробно касаюсь вопроса об именах.[11]

Я считаю имя одним из самых тяжелых камней, висящих на шее художника, и проповедую исключительно анонимное искусство. Это для «искусства». Для журнализма имя необходимо, потому что это марка фирмы.

Мне хочется еще послать Вам стихов, накопившихся за это время. Вот они:

1) *Дождь*[12]

В дождь Париж расцветает
Точно серая роза.
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
И по окнам, танцуя,
Все быстрей и быстрее
И смеясь, и ликуя
Вьются серые феи.
Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики,
В проносящемся мраке
Мне смеются их лики...
Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...
И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame.

2)

Я люблю осенний шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Увядающих листов.
Я люблю узорный почерк,
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.
Мне так близко обаянье
Их усталой красоты.
Это дерева Познанья
Облетевшие цветы...[13]

3) *Певице*

«Printemps»* Милле[14]

В голосе слышно поющее пламя
Точно над миром запела гроза.
Белые яблони сыплют цветами,
В тучах лиловых горит бирюза.
Гром прокатился весеннею сказкой.
Влажно дыханье земли молодой.
Плавным порывом и властною лаской
Звуки как волны вздымает прибой.[15]

---

* Весна *(фр.)*.

4)

Тесен мой мир. О я замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо...
Годы несутся огромными птицами...[16]

Только что получил второй номер «Весов». Обратите внимание на статью Гиля.[17] Жаль, перевод тяжеловесен. Сравните первые три страницы, переведенные мною, с остальными, переведенными в Москве.

Что Вы скажете о моем письме об Стейнлене?[18]

«Новый Путь»? – Вы у меня спрашиваете имена авторов статей, как будто сюда в Париж приходит что-нибудь из журналов. Я «Нового Пути» и в глаза не видел и ничего из русских изданий, кроме «Весов», не вижу.

Что пишут в России об «Весах»,[19] мне будет очень интересно, если Вы мне напишете или пришлете вырезки.

Последние недели я по уши уходил в живопись и потому ничего не писал и не читал. Теперь снова возвращаюсь к жизни. Когда будет можно, пришлю Вам что-нибудь из своих живописных работ.

Адриан[20] едет в Манджурию? Я рад за него, хотя не желал бы быть на его месте. Но это все-таки лучше, чем сидеть в Средней Азии.

Я всей душой на стороне Японцев,[21] и жду от этой войны начала общего обновления Европы.

Какого Вы мнения об войне?

Поклон Нине Алекс<андровне>.[22]

Макс Волошин.

[1] Датирустся по почтовому штемпелю: Paris. 10.03.04. Ответ на недатированное письмо А.М. Петровой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 27–31).

[2] Речь идет о стихотворении Волошина «Зеленый вал отпрянул и пугливо...» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 97, 468). Обыгрывается народное поверье о цветении папоротника в ночь на Ивана-Купала (24 июня ст.ст.). См. п. 22, примеч. 11.

[3] Строка из стихотворения «Акрополь» (впоследствии заменено на: «Черны ветви кипарисов») (См. Т. 1 наст. изд. С. 21, 440). См. п. 22, примеч. 2. На последнее замечание Волошина А.М. Петрова откликается в ответном письме: «И черт бы побрал этого поэта, комментариями которому служат целые вороха учебников: ботаники, минералогии, перспективы, астрологии и т.д. и т.д.» (ИРЛИ, ф. 562, оп.1, ед. хр. 950, л. 32).

[4] Строка из стихотворения «Я ждал страданья столько лет...» (См.: Т. 1 наст. изд. С. 42, 448), касающегося чувства Волошина к М.В. Сабашниковой. См. п. 22, примеч. 2. В ответном письме от 7 марта А.М. Петрова оправдывалась: «“И боль пришла”... О, разве Вы и в самом деле не поняли, что в данном случае была именно лишь досадливая “приятельская” экскурсия в область неизведанных страниц биографии? Объективно – разве я не в восторге от этой одной из лучших Ваших вещей? (Теряюсь в нескромных догадках о причинах Вашей новоявленной боли)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 32).

[5] Возможно, отсылка к образности шуточного стихотворения Г. Гейне «О телеологии» (“Zur Teleologie”, 1850-е гг.):

Двое глаз нам даны для того,
Чтоб сильней освещался наш разум;
Для принятья на веру всего
Обошлись и одним бы глазом.
Двое глаз Бог нам дал, чтоб могли
Всеми благами этой земли
Беспрепятственно мы любоваться.
Точно также нам очень годятся
При зеванье в толпе двое глаз.
Будь при этом один, – каждый раз
Наступали бы нам на мозоли,
От которых особенно боли
Терпим мы, когда узок сапог.

(*Гейне Генрих*. Полн. собр. соч. в переводе русских писателей / Под ред. П.В. Быкова. С. 260. Перевод П.И. Вейнберга).

[6] Речь идет о стихотворении «Пройдемте по миру как дети...» (Т. 1 наст. изд. С. 46, 449), его первая строфа:

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

См. п. 22, примеч. 11. В ответном письме А.М. Петрова отмечает: «“Пройдемте по миру”... Хоть зарежьте, – останусь при своем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 32 об.).

[7] Ироническое графическое обозначение статьи Волошина «Скелет живописи», вызванное замечанием А.М. Петровой: «Ваша, т.е. Ваш “Скелет”? Ничего не могу прибавить больше к тому, что Вам пропела Ел<ена> Оттоб<альдовна>. За него вполне согласна оказалась с нею, и Ваши объяснения в письме к ней – полная ерунда. Общий тон, характер тона – это тон мальчишки, сорвавшегося со школьной скамьи. Поражаюсь, как Вы так щепетильно относитесь к форме в Ваших стихотворениях и позволяете себе разгильдяйство, как только дело коснется прозы. <...> Есть – вино, а есть – квасок. Из кваска будет вино, но сам-то квасок – не вино» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 27 об. – 28, 29 об.).

[8] Положительно оценивали статью Волошина Е.А. Бальмонт (см. п. 25, примеч. 2), А.М. Пешковский (см. п. 29, примеч. 2), А.И. Косоротов (см. п. 34, примеч. 14), А.С. Изгоев (см. п. 35, примеч. 4).

[9] В письме от 7 марта А.М. Петрова отвечает на обиду Волошина пояснением: «“Скелет живописи” – Тут уж я даже разобижена вконец. Да разве же могла я осмелиться на какую бы то ни было критику? Ведь я выпалила по обыкновению свои впечатления. Разве Вы не поняли меня? Ведь относительно высказанных Вами мыслей я не позволила себе ни единого даже замечания. <...> Придираюсь *только* к форме. Благодаря ее несовершенству, все Ваши мысли потеряли вескость (не вес, смотрите). Если бы не из-за чего, я бы не кудахтала. Досадую, досадую и досадую на Вас» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 32 об.).

[10] См. п. 20, примеч. 5.

[11] «Вопрос об именах» ставила А.М. Петрова в недатированном письме 1904 г.: «... когда стала читать Вашу статью, не могла отрешиться от известного преднастроения. Это вызвало во мне опять такую досаду, что пришло в голову спасение вообще: почему авторам подписывать каждый раз свое имя? В программе журнала поименованы участники, ну и довольно. А в конце года дать список авторов с их статьями. Для публики было бы также хорошо; пускай балбесы

привыкают считаться с мыслями и идеями, а не с известным именем, фирмой, вывеской. Бедные присяжные критики, это было бы истиной смертью для них. Впечатления были бы непосредственнее и искреннее, и во всяком случае, – глубже. Ответьте мне на это» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 28 об. – 29). В ответном письме от 7 марта 1904 г. А.М. Петрова замечала: «Насчет имен-марок (в журналистике) не согласна. Почему Вы не идете дальше?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 36 об.).

[12] Стихотворение «Дождь» позже включено в состав цикла «Париж». См.: Т. 1 наст. изд. С. 23, 441.

[13] Стихотворение позднее получило название «Старые письма» и было посвящено А.В. Гольштейн (Т. 1 наст. изд. С. 57, 452–453).

[14] Подразумевается картина Жана-Франсуа Милле «Весна», находящаяся в Лувре. На ней изображен яблоневый сад с грозовыми тучами и радугой на заднем плане.

[15] Стихотворение Волошина позже получило название «"Весна" Миллэ» (Т. 2 наст. изд. С. 393, 698).

[16] Начало стихотворения, открывающего впоследствии цикл стихов «Когда время останавливается...» (Т. 1 наст. изд. С. 38, 447). В ответном письме от 7 марта А.М. Петрова откликалась на посланные ей стихи: «Все больше и больше убеждаюсь в Вашем истинном, сильном и крупном таланте. <...> Часто приходит в голову – не синтез ли Вы молодой русской школы? <...> Ясность, сжатость, масса интенсивной энергии, расходуемой с удивительной мерой, блестящее, но не мишурное богатство образов <...> пластичность, глубокое чутье лирического, – откуда бы Вы все это повыбирали, если бы в Вас не было таланта, что Вы расцветаете – это ясно; расцветаете каким-то экзотически-роскошным цветком. <...> Откуда в Вашей холодной натуре эти образы?!. Откуда – музыка?..» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 35 об. – 36).

[17] Речь идет о статье Р. Гиля «Письма о французской поэзии. Вступительные страницы» (Весы. 1904. № 2. С. 25–38).

[18] В № 2 журнала «Весы» была напечатана статья Волошина «Письмо из Парижа. Выставки художников» (С. 42–44). См.: Т. 5 наст. изд. С. 381, 780. А.М. Петрова в ответном письме высказала свое мнение: «Статья о Стейнлене? Все было бы хорошо, но последняя заметка (не помню о ком, нет под рукой) – не знаешь, пишет ли Цвибак из Феодосии, или Max Voloshine из Парижа. Ординарно. Теперь это вечное "но". Разве все что Вы пишете о Стейнлене, и то, как пишете – плохо? Самый стиль несравненно лучше "Скелета" (выработаннее). Образы по Вашему новому обыкновению буквально прекрасны. "Но"... Как-то обидно, от "Весов" ждали большего.

Ведь там – есть, где развернуться во всю ширь. Почему вместо писем не написать побольше? “Письмам” (особенно о живописи) место, и место вполне обусловленное <...> – в “Мире Иск<усства>”, журнале художников» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 33–33 об.). В письме А.М. Петровой упоминается, вероятно, Моисей Ефимович Цвибак, корреспондент «Южных Ведомостей» (Симферополь) и «Крымского Вестника» (Севастополь).

[19] А.М. Петрова отвечала Волошину: «Спрашиваете, что пишут у нас о “Весах”? Буду я Вам чепухой заниматься! Не знаете, разве, что могут о них написать? В “Рус<ских> Вед<омостях>” будто похвалили... за внешность. Хотя Бакста не погладили за “кляксу”. В “Н<овом> Пути” г. (опять забыла!) разбранил младшую сестрицу вконец. Влетело Брюсову, влетело Бальмонту, а М. Волошина – “замолчал”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 34).

[20] Адриан – брат А.М. Петровой, которая сообщала Волошину в недатированном письме: «Как громом поразила меня телеграмма от Адриана. Он по жребию идет с ротой на Маньчжурскую дорогу. К общей тяжести от войны прибавилась еще личная, которая парализует меня окончательно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 31 об.).

[21] Имеется в виду Русско-японская война, объявленная 28 января / 10 февраля 1904 г. А.М. Петрова отвечала Волошину: «Адриан на войне... Если бы Вы знали, как мне больно. Тяжело даже говорить об этом. Кроме горя, в последнее время, уже полтора года ничего не видела. <...> Адриан радовался, что выбрался из Закаспия. Я понимаю его. Но это чисто личные его дела. Нужно было, чтобы война его спасла... Бедный мой мальчик! Я без горя и страха не могу думать о нем. Ко всему, боюсь, еще страшно за его нервы. Он ведь только ими и жил. Из одной пропасти да в другую. О войне пока меня не спрашивайте. Только с Вами – не согласна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 37–37 об.).

[22] Н.А. Айвазовская

28. В.Я. БРЮСОВУ

27 февраля / 11 марта 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Вчера я получил второй номер «Весов» («Гриф» и «Коневский» так и не получены).[2] Вот мои впечатления:

Все, что касается крупного шрифта, – безупречно, вполне соответствует ожиданиям.

Мелкий шрифт оставляет желать многого. Вот что мне показалось слабым: рецензии о книгах (только не все) слишком мало дают представления об книгах. Из них нельзя составить себе представления о книге. Оценка очень часто заменена полемикой. Это же касается хроники и других отделов. Все это хочется сжать, укоротить. Я вижу слишком много слов.

Полемический тон неприятно приравнивает «Весы» к другим журналам, даже газетам. Мне кажется, что «Весы» призваны *судить*, но не бороться.

В Ваших заметках о французских книгах меня укололи несколько неточностей.

В статье об книге Рэттэ: *вторники* Малларме названы четвергами. Сказано, что Реттэ *бывал* на средах Эрмитажа, когда он был душою их. Вообще я не согласен с тем, что Реттэ только «часто встречался со всеми выдающимися поэтами новой школы»,[3] он сыграл гораздо большую роль в символизме благодаря своей живости, практичности, предприимчивости и уменью соединять людей. И потом ведь, несмотря на свою видимую легкость, книга Реттэ дает ведь все-таки гораздо больше для истории символизма, чем заносчивая и часто лживая книга Кана.[4]

Вот между прочим: хотите, я сделаю статью об анекдотической истории «Символизма» по воспоминаниям Моклэра, Мерилля, Кана, Реттэ и устным рассказам Ивангоэ Рамбоссона, Гиля, Ван Бевера и др.?[5]

Я выберу разные характерные факты об лицах и нравах. Это будет живописной иллюстрацией к теоретическим статьям Гиля и будет уместно, потому что ежедневно появляется что-нибудь новое об этом.

Статья Гиля. Я не вполне доволен переводом. Слишком близко сквозит французский текст и поэтому утеряно то, что есть самого драгоценного в статье Гиля: великолепный стиль, дающий впечатление полета.[6]

Из подробностей: мне кажется, что нельзя переводить volonté – воля. На языке символистов это слово имеет значение: порыва, стремления.

Французские периоды разного темпа, соединенные спаями маленьких слов, которых так много во французском языке, мне кажется, нельзя передавать точно и последовательно. Приходится делать многие перестановки и переложения, <что> часто даст больше, чем перевод.

Это все, конечно, между нами, и я ни слова не скажу Гилю.

Если я пишу Вам исключительно только одни неприятные вещи, то это только потому, что я думаю, что Вам гораздо интереснее узнать, что мне *не понравилось*.

Больше всего мне нравится статья Белого о Чехове.[7] Совсем не нравятся «Александр-ский» и «Рафалович».[8]

Вы пишете, что журналы хвалят «Весы»? Мне вспоминается фраза из греческих extemporale:[9] «Оратор Фокион, будучи однажды приветствуем рукоплесканиями после одной своей речи, обратившись к друзьям, спросил: “Разве я сказал сегодня какую-нибудь глупость?”».

Жаль, что Вы не применяете того метода в «Весах», что применялся в первом каталоге «Скорпиона», — печатать в приложении *все отзывы* и главным образом ругательные. Это было бы очень интересно и полезно.

Об делах. Прислал мне свои рисунки Рансон. Они так мало интересны, что я их сегодня верну ему обратно.[10] Вы мне позволяете взять это на себя? Рисунками Лакоста, посланными Вам вчера, я не очень доволен. Он делает вещи несравненно более тонкие. Два там есть вполне хороших. Другие ниже его.

Мне кажется, что в этом случае необходимо показать, что мы не все принимаем, что нам дадут, и что нам нужны вещи действительно художественные и характерные.

Макс Волошин.

P.S. Пришлите мне все-таки, пожалуйста, «Гриф» и «Коневского». Кажется, на днях едет m-me Бергенгрюн[11] в Париж? Мне бы очень хотелось видеть перевод Лукреция[12] и обложки Мусатова для «Север<ных> Цветов»[13].

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: 11.3.04.

[2] См. п. 26, примеч. 6.

[3] Волошин имеет в виду отзыв Брюсова о книге А. Ретте «Символизм. Анекдоты и воспоминания» («Le symbolisme. Anecdotes et souvenirs». Paris, 1903), помещенный в «Весах» за подписью «Аврелий» (1904. № 2. С. 65–67). Возражения вызвала брюсовская фраза: «Реттэ близко знал или по крайней мере часто встречался со всеми выдающимися поэтами новой школы, угощал Верлена, бывал на четвергах у Маллармэ, на средах Ermitage, на вечерах Plume <...>» (С. 67). Брюсов отвечал Волошину 4/17 марта: «...согласен в одном, очень незначительном (а для меня очень чувствительном): у Малларме были не четверги, а вторники. Оценка Реттэ у меня намеренная. Я знаю его с 1892 <г.> и считаю его личностью мелкой и "не настоящей". Его "Souvenirs" – книга очень плохая, книга личных счетов и болтовни за рюмками» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 319). Помимо упомянутой книги Адольфа Ретте «Символизм» в библиотеке Брюсова находился ряд его поэтических сборников: «L'archipel en fleurs» («Цветущий архипелаг», 1895), «La forêt bruissante» («Шелестящий лес», 1896) и др. (РГБ, ф. 386, Книги, № 1681). Брюсов перевел одно стихотворение Ретте («Земля несчастная, бесплодная отныне...»), которое под названием «Отрывок» вошло в его антологию «Французские лирики XIX века» (1909).

[4] Имеется в виду книга Гюстава Кана «Символисты и декаденты» («Symbolistes et Décadents». Paris, 1902), краткую характеристику которой Брюсов дал в рецензии на «Символизм» Ретте – отметив, что книга Ретте «бесспорно гораздо менее серьезна, чем книга Кана» (Весы. 1904. № 2. С. 66). «Символисты и декаденты» значатся в перечне книг личной библиотеки Брюсова (РГБ, ф. 386, Книги, № 1681), наряду со стихотворным сборником Кана «Дождь и хорошая погода» («La pluie et le beau temps». Paris, 1896).

[5] С Иваное Рамбоссоном, поэтом и художественным критиком, активным сотрудником «Mercure de France», где он систематически печатал обзоры новых изданий по искусству, и его женой Волошин «познакомился вскоре после того, как обосновался в Париже, и по всей вероятности встречался в дальнейшем, но не слишком часто» («Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина» / Публ. П.Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 235). Письмо И. Рамбоссона к Волошину от 31 января 1904 г. опубликовано там же (С. 250–251). На предложение Волошина Брюсов отвечал 4/17 марта: «Анекдотической истории символизма – не нужно: и так у нас слишком много (т.е. несоразмерно много) о *французской* литературе» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 319–320).

[6] См. п. 21, примеч. 1. Ср. ответ Брюсова в письме от 4/17 марта: «Мой перевод Гиля, может быть, не окончательно таков, как я желал бы (Вы не представляете, как мало у меня времени), но приемы его намеренны. В каждом языке есть свой склад мышления, и, передавая иностранную прозу (статей), я сохраняю этот иностранный строй языка (иное дело, конечно, в стихах, в творческих произведениях). Это звучит не совсем как русская речь, но при самом малом знакомстве с языком читатель, читая русские слова, получает то же впечатление, как если бы он читал оригинал» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 319).

[7] Статья Андрея Белого «Вишневый сад» (Весы. 1904. № 2. С. 45–48), в которой предпринята попытка вскрыть символическую природу чеховского реализма и взаимосвязь символистского и реалистического методов творчества.

[8] Имеются в виду корреспонденция «Союз русских художников. Выставка картин в Московском Строгановском училище» (Весы. 1904. № 2. С. 39–41; подпись: Александр-ский) и статья С. Рафаловича «Петербургские театры. Две постановки» (Там же. С. 52–54). «Александр-ский» – Александр Арнольдович Койранский (1884–1968), поэт, прозаик, художник, художественный критик; в первой половине 1900-х гг. был близок к московским символистам из круга «Скорпиона» и «Грифа». Псевдоним раскрыт в статье А.Б. Устинова о А.А. Койранском в кн.: Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 11.

[9] Extemporalia (*лат.*) – гимназические упражнения, состоящие в переводе заданного текста на латинский или греческий язык.

[10] О намерении послать Брюсову для «Весов» рисунки П. Рансона Волошин сообщал в п. 26.

[11] О. Т.А. Бергенгрюн (точнее, Бергенгрин), сестре Е.А. Бальмонт, см. в воспоминаниях Е.А. Бальмонт «Семья Андреевых» (*Андреева-Бальмонт Е.А.* Воспоминания. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997, ук.).

[12] Имеется в виду издание: *Лукреций Кар.* О природе вещей / Перевел с латинского размером подлинника И.И. Рачинский. М.: Скорпион, 1904. Сообщая Волошину в письме от 4/17 марта 1904 г. о вторичной отправке ему «Стихов и прозы» И. Коневского, Брюсов добавлял: «Лукреций – распродан (да! – хотя было всего 400 экз.)» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 319).

[13] Обложка В.Э. Борисова-Мусатова для объединенного издания трех альманахов «Северные цветы» (на 1901, 1902 и 1903 гг.) в одном переплете, с общим для всех трех книг алфавитным указателем авторов. Текст обложки: «Северные цветы. 1901. 1902. 1903. Альманах книгоиздательства "Скорпион"».

29. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

Около 2/15 марта 1904 г. Париж

3. Rue du Bac.

Дорогой Саша!

Я перед тобой очень виноват столь продолжительным молчанием. После наших бесплодных попыток понять друг друга в Москве[1] у меня все не хватало духа или, скорее, желания взяться за перо. Теперь я вижу из твоих писем только подтверждение моей старой теории о том, что люди никогда не могут согласиться ни с какой чужой мыслью, если разговор носит характер спора. Но спустя несколько времени брошенные мысли всходят как семена.

Спор – и неизбежный протест противоречий, связанный с ним, только затрудняют эти всходы. Согласно этой теории написана и моя статья о живописи.[2] Я хотел только бросить несколько новых мыслей как семена. В этом есть известное самоотречение. Я не хотел класть клейма своих доказательств на высказанные мною мысли. Так их примет большее число людей и, подыскав к ним свои доказательства, будут считать их своими. Клеймо автора только задерживает распространение мысли. А мне важны всходы. Надо писать так, чтобы читатель, прочтя статью, вполне искренно стал считать ее мысли своими собственными. Это одно из следствий моей теории анонимного искусства, о котором я теперь пишу целую статью.[3]

Напрасно ты думаешь только, что я целиком выложил все, что у меня было. У меня еще много и очень много мыслей об искусстве и не менее новых и не менее необычных.

Тут я изложил большой отдел – основы, но это только первая часть.

Меня только удивляет то, что ты называешь статью «окрошкой». В ней есть большая внутренняя связь и последовательность. Она вся представляет развитие одной мысли, об относительности нашего зрения и о гипнозе «ви́дения».

Я только отбросил все ненужные внешние связи и слова. Но этим я достиг высшего достоинства – краткости.

Я рад, что ты начал понимать Брюсова, Бальмонта и французских художников.[4] Это все-таки ломает многие наросшие между нами преграды и дает по крайней мере возможность говорить. А то ведь мы в сущности были совершенно лишены этого.

Я чувствую необходимость все-таки дать тебе некоторое разъяснение относительно многих моих странностей во время пребывания в Москве. Мне тогда до такой степени было не до эстетических и теоретических разговоров.

Дело в том, что я как раз в то время был в первый раз в своей жизни влюблен со всеми особенностями этого состояния.[5] (Пожалуйста – это строго между нами. Об этом решительно никто не знает и это решительно никому знать не нужно и я не хочу, чтобы кто-нибудь знал. Тебе я пишу, потому <что> чувствую себя обязанным тебе некоторым объяснением своего поведения). Состояние это в день моего отъезда было до такой степени остро (помнишь наши нелепые разговоры у тебя в комнате и в ресторане?), что я, сев в вагон, *ревел* всю ночь в буквальном смысле слова, что со мной с шестилетнего возраста не бывало. Понимаешь, в каком состоянии я был. Мне теперь дико об этом вспоминать: как будто не о себе. И мне тогда ужасно было важно с тобой поделиться, но ты так был невыносим со своими логическими требованиями и теоретическими разговорами, что тебя проклинал в душе ежеминутно. Меня только удивляет, как ты, будучи настолько сам на опыте знаком с подобными состояниями и с твоими наблюдениями за моим характером, ничего не заметил и не почувствовал. А это было так явно моментами и в стихах, которые я писал тогда.

Твои моральные принципы не изменились от признания поэзии Брюс<ова> и Бальм<онта>? Волю свою ты воспитываешь успешно?[6]

У меня то же самое. Я по-прежнему в спокойном состоянии ума признаю полную моральную свободу, и как только охватывает половой кошмар, из глубины тотчас же подымаются старые пружины нравственности и не пускают. Вечная и нелепая история. Результаты такие нравственные и похвальные, как у тебя.

Вот перевод Верлэна.[7] Теперь я нахожу его очень слабым.

Стон и рыданья
И трепетанья
Дальной
Скрипки осенней
До истомленья
Печальной.
Под ропот шумный
Я вспоминаю
Былое
Пережитое
И как безумный
Рыдаю.
Ночной порою
Я вьюсь с толпою
Видений...
Как лист опавший
Увявший
Осенний...

Что касается «Журнала», я все исполнил. Будет хорошо, если ты мне вышлешь еще два возможных адреса. Их всегда надо три.

Этюд *вышлю* завтра же.[8] Напиши, что тебе нравится из Брюсова и из Бальмонта.

Во II книжке «Весов» обрати внимание на статью Белого о «Вишневом саде».[9] Это лучшее, что там есть, по-моему.

Не забудь, что все, что я пишу, должно остаться между нами.

[1] Волошин жил в Москве в квартире Пешковского (Рахмановский пер., дом Грачева, кв. 15) с 8 ноября 1903 г. до отъезда в Париж 27 ноября (Труды и дни. С. 112).

[2] Имеется в виду опубликованная в № 1 «Весов» за 1904 г. статья Волошина «Скелет живописи». Пешковский писал о ней Волошину 25 февраля (ст.ст.) 1904 г.: «...относительно твоей статьи присоединяюсь к мнению одного из наших общих знакомых, очень, по-моему, меткому: “Видно, что человек высказал все “ужасы”, какие у него были, выпустил их единым духом, кстати и некстати”. В этом большой комизм статьи. <...> Еще скажу тебе, что в первой книжке, которую я прочел всю от корки до корки (благодаря любезности твоей мамы, давшей мне книжку), твоя статья, несмотря на всю чудовищность изложения, всю окрошковидность и проч<ие> бесчисленные недостатки (напр<имер>, то, что дилетанты ее не понимают и называют слишком специальной, а специалисты тоже не понимают и называют слишком дилетантской), несмотря на все это, все-таки — самая интересная во всей книжке» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[3] Подразумевается статья «Европеец и его раковина» (см. п. 20, примеч. 5).

[4] В письме к Волошину от 7 января 1904 г. Пешковский сообщал Волошину о своем знакомстве с московской коллекцией С.И. Щукина: «Я должен быть очень благодарен тебе за протекцию. Коллекция эта произвела полный переворот в моем отношении к живописи. Могу сказать, что я до осмотра этой коллекции страдал в этом отношении “цветной слепотой”, теперь же прозрел <...> переворот произошел громадный. Случился он собственно благодаря Уистлеру. На его картинках я впервые *почувствовал* краски, впервые отвлекся от сюжета и увидел на мгновенье *только* краски. А затем я уже стал видеть их везде, и в тех картинах, в которых раньше не видел». В следующем письме (от 25 февраля) Пешковский признавался Волошину: «...я взял под свою защиту в кружках курсисток и студентов, где бываю, Брюсова, которого теперь очень высоко ставлю, а некоторые вещи даже очень люблю. И Бальмонта теперь ругать не позволяю, а больше всего злюсь, когда слышу слово “декадентство”. Произнесший его обыкновенно получает от меня внушение» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[5] Речь идет о чувстве к М.В. Сабашниковой.

[6] Отклик на фразу из письма Пешковского от 25 февраля 1904 г.: «Принципы от признания поэзии Брюсова и отчасти Бальмонта отнюдь не изменились и волю свою воспитываю по-прежнему (и успешно)».

[7] Перевод «Осенней песни» («Chanson d’automne») П. Верлена из его книги «Сатурнические поэмы» («Poèmes saturniens», 1866) (Т. 4 наст. изд. С. 780). В цитированном письме Пешковского от 25 февраля содержалась просьба: «...пришли мне, пожалуйста, твой перевод “Les sanglots des violon de l’automne...” Верлена, который ты сделал

когда-то, чуть ли не в гимназии еще, если он у тебя есть или если помнишь. Меня он теперь интересует, потому что один знакомый взялся перевести и, по-моему, хуже, чем у тебя».

[8] В том же письме Пешковский напоминал Волошину его «обещание выслать этюд <...> и похлопотать об журнале». Что конкретно подразумевалось в данном случае, неясно.

[9] См. п. 28, примеч. 7.

30. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5/18 марта 1904 г. Париж

18 mars 1904. 3 Rue du Bac.

Дорогая мама!

Что значит, что от Вас с самой Москвы нет ни одного письма.[1] Теперь уж и я начал беспокоиться.

Я только из письма Александры Михайловны[2] знаю, что Вы приехали в Феодосию. Но это уже было давно.

Посылаю Вам фотографию, снятую специально для живота, — чтобы показать Вам, насколько я похудел.[3]

По-прежнему мое время все еще проходит в работе — только периодами то живописью, то литературой. Но верно скоро, вероятно, наступит большой перерыв, т<ак> к<ак> должны приехать Брюсов, Бальмонт[4] и еще масса лиц из Москвы, т<ак> что, верно, начнется беготня.

Я Вам писал, кажется, что я дяди Коли с того раза совсем не видел и не имею его адреса,[5] поэтому никаких Ваших поручений ему передать не могу. Если Вы мне напишете его адрес — у бабушки наверное есть. Я затерял его адрес, а он ко мне не показывался.

Читали ли Вы второй номер «Весов»? Там моя статья о Стейнлене. В марте будет статья моя о Салоне Независимых.[6] А в апреле, вероятно, будет номер, посвященный Одилону Рэдону с моей большой вступительной статьей об нем.[7]

Что делается в Коктебеле? Как идет посадка деревьев? Как пережила Пелеата свою первую зиму?[8]

Как здоровье бабушки?[9]

Яша[10] меня все зовет к себе на пасху сделать вместе путешествие по горам. Не думаю, чтобы мне это удалось. Верно, меня задержат многочисленные приезды из Москвы, и, кроме того, не знаю, получу ли я из «Весов» деньги, которые позволят мне совершить это путешествие.

Да, пожалуйста — когда будете в городе — вышлите мне еще 100 fr.

Что делает Леля Лямина? Как ее отношения с отцом?[11]

О войне — мало определенного. У русских никаких успехов, но и нет крупных поражений. Мелких — масса.

Сегодня телеграмма, что один миноносец взорван в Порт-Артуре собственными минами, как «Енисей».[12]

До свиданья. Целую бабушку. Жду писем.

Макс.

[1] Е.О. жила в Москве в феврале 1904 г. Последнее ее письмо к Волошину из Москвы (с пометой: Меблированные комнаты «Малороссия», Никитские ворота) датировано 7 февраля (ст.ст.). Следующее письмо — из Коктебеля, от 10/23 марта 1904 г. — было написано до получения настоящего письма.

[2] А.М. Петрова.

[3] Е.О. отвечала 14/27 марта: «Фотография твоя мне нравится во всех отношениях: одет прилично, брюха нет, и вышел совсем интересный, стройный мужчина. Бабушка смотрела, насмотреться не могла» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 651).

[4] Предполагаемый приезд Брюсова в Париж тогда не состоялся, Бальмонт приехал около 9/22 мая.

[5] Брат Е.О. — Н.О. Глазер. Волошин виделся с ним в Париже в конце декабря 1903 г.

[6] Обе статьи Волошина были опубликованы под общим заглавием «Письмо из Парижа» — с подзаголовками, соответственно, «Выставки художников» (Весы. 1904. № 2. С. 42—44) и «Салон Независимых» (№ 3. С. 44—46). См.: Т. 5 наст. изд. С. 381—388.

[7] См. п. 24, примеч. 22.

[8] См. примеч. 2 к п. 13. Е.О. отвечала 14/27 марта: «"Пелеата" прозимовала благополучно, судя по наружному виду, а в комнатах я еще не была; все некогда за хлопотами по посадке деревьев».

[9] 10/23 марта Е.О. писала Волошину: «Бабушка совсем разрушается: слепнет, глохнет, еле передвигает ногами от боли в одной из

них. Ужасное положение, которое с каждым годом будет становиться только ужаснее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 651).

[10] Я.А. Глотов.

[11] Е.О. писала Волошину 10/23 марта: «Лёля в настоящее время в Ялте, где пробудет месяц, затем в Москву, затем, кажется, в Париж. Говорю “кажется” потому, что она хочет начать в Москве существование своим трудом, отказаться от отцовских денег, а перед отъездом в Ялту, прощаясь, уже говорила мне, что, вероятно, попадет в Париж».

[12] Минный транспорт «Енисей» погиб 29 января 1904 г. на порт-артурском рейде – взорвался на опущенной ранее русской плавучей мине. См., например: Новые вести с театра войны // Русские Ведомости. 1904. № 32, 1 февр. С. 2.

31. В.Я. БРЮСОВУ

Около 12/25 марта 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Обложку Рэдона Вы, верно, уже получили. Ее воспроизведение представит, верно, очень большие трудности. Ее необходимо воспроизвести на такой же желтоватой бумаге и надпись на одноцветной, т.е. такой <же?> желтова<той> бумаге. Она сделана на другой, потому что Рэдон почему-то не мог найти <?> другого листа этого тона.

Статью об Рэдоне, т.е. начало статьи, высылаю Вам вместе с письмом. У меня произошла задержка благодаря тому, что Национальная библиотека вдруг закрылась по поводу разных переделок. Статья будет состоять из моих вступительных страниц. Из автобиографии Рэдона («Рэдон о себе»). Она в своей большей части представляет перевод одного его письма, которое было когда-то напечатано в Бельгии и теперь представляет библиографическую редкость, частью дополнено некоторыми фразами Рэдона о своем искусстве во время моих разговоров с ним.

Поэтому я назвал эту часть так неопределенно.

Затем должны следовать отзывы критики – род ретроспективной анкеты.[2] И у меня уже собраны материалы, но вот закрытие библиотеки до 4 апреля оборвало работу. После 4 апреля я сейчас же смогу закончить.

Пока я прилагаю только отзыв Эннекэн, которому сам Рэдон придает очень большое значение. У меня намечены еще отзывы Гюисманса, Жоффруа, Жана Лоррэна, Natanson, Jules Destré'я и др.[3] Они важны, т<ак> к<ак> там многие описания эстампов Рэдон<а>.

Вы ничего не пишете, довольны ли Вы согласием Ван Бевера вступить в сотрудники «Весов». Мне очень трудно уславливаться с кем-нибудь и вести переговоры, не зная в точности, что именно Вам нужно.

Ван Бевер может быть весьма ценным прио<б>ретением для «Весов» благодаря его положению секретаря «Mercure de France».

Я с ним условился так: две ретроспективные статьи в год об романе и театре: размер определите Вы. Это, конечно, все можно изменить.

Теперь (я с ним говорил вчера), он согласен еще писать рецензии о новых книгах – романы, история и литература для каждого месяца в том размере, как Вы сами определите (для мелкого шрифта). Я его просил написать теперь же для апрельского номера. Т.е. я Вам их пришлю до 1-го апреля стар<ого> стиля. Я думаю, что это Вам будет хорошо. Кроме того, он будет присылать библиографию для каждого месяца – это будет значительно полнее библиографии, составляемой в России.[4] Это он сам предложил. Словом, к апрелю я все это вышлю. А вы мне поскорей ответьте об том, что тут надо изменить.

Вот список книг, вышедших за последние месяцы, об которых Ван Бевер даст прежде всего рецензии:

Eugène Demolder. Le jardinier de la Pompadour.[5]
François *Barbazange*. La vie douloureuse.[6]
Henri *Bremont*. Le Bieneureux Thomas More.[7]
Rachilde. Le dessous.[8]
Louis Battifol. Au temps de Louis XIII.[9]
Pierre de *Nolhac*. Louis XV et M-me de Pompadour.[10]

Pierre de Querlon. La princesse à l'aventure.[11]

Marguerite. La Commune.[12]

Pierre de Segure. Les dernières années de Marechal de Luxembourg[13] и т.д.

Все это, конечно, не сразу. Ему же я передал и рецензию об «Юлии» St. George Bouhélier. А об натюризме он напишет в ретроспективной статье.[14] Когда нужна будет эта статья, Вы мне напишите заранее. Он возьмется за нее только тогда, когда я ему скажу.

Я буду писать Вам о новой книге Сизеранна: «Les questions esthétiques contemporaines».[15]

Я Вам, кажется, писал, что M-me Фионо согласилась на условия «Весов» и будет писать 3—4 раза в год перед началом сезона коротенькие заметки для «Весов» о модах.[16]

Что касается Лакоста — мы сделали ошибку.[17] Нельзя заказывать виньетки, нужно прямо приходить и выбирать из имеющихся уже налицо рисунков. Тогда только будет гарантирована оригинальность и интересность. Я так и буду делать в будущем. Напишите только, к какому времени нужны Вам новые рисунки.

С Гилем о статье переговорю. За Коневского и аванс большое спасибо. Я их еще не получил — верно, завтра.

Рисунки Феофилактова слишком à la Somoff, а Сомов ведь и сам идет от Кондера, Бердслея и Дица.[18] Он еще не твердо произносит красивые слова этого языка. Но у него есть вкус.

Теперь самое важное: предложение соединить переводы Верхарна меня очень и очень захватило.[19] Все это время я не переводил, но многое подготавливалось. Я принимаю с радостью этот проект и сейчас же принимаюсь за работу.

Главным образом я остановлюсь на III книге поэм.[20] У меня намечены «Novembre» (193 ст.), «Décembre» (197), «Les pêcheurs» (15), «Celui de la <fa>tigue» (99), «La Peur» (112).

Потом я думаю в безумной гордости посягнуть на «Дождь» и на «Ветер».[21] Но это безнадежно.

Из «Villes tentaculaires» у меня еще ничего не намечено, но, конечно, будет. Из «Forces Tumultueuses»[22] едва ли. Когда последний срок? Что Вы возьмете из «Villes tentaculaires»? Эта работа исполнила меня рвения.

Макс Волошин.

Когда Вы приедете?

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: 16.3.04.

[2] См. п. 24, примеч. 22.

[3] Эмиль Эннекен (Hennequin; 1858–1888) – известный французский критик, писавший, в частности, о русской литературе. Одним из первых обратил внимание на живопись Редона (после выставок художника в 1881 и 1882 гг.). Отзыв Эннекена вошел в подборку Волошина «Современники о Рэдоне» (Весы. 1904. № 4. С. 10–12). Из других перечисленных авторов в разделе «Современники о Рэдоне» представлены только Г. Жеффруа и Ж. Лоррен (Там же. С. 12–15). Жан Лоррен (Lorrain; 1855–1906) – французский писатель, автор повестей и романов в вульгарно-символистском духе. Пропагандировал символистскую живопись (Моро, Энсора и др.). Таде Натансон (Nathanson; 1868–1951) – французский писатель (по профессии адвокат). Совместно с братьями Александром и Альфредом издавал журнал «La Revue Blanche»; дружил со многими известными художниками, в том числе с Вюйаром и Валлотоном. Автор воспоминаний («Peints à leur tour». Paris, 1948) и книги о П. Боннаре (1951). Жюль Дестре (Destré; 1863–1936) – бельгийский политический и государственный деятель. В 1890-е гг. примкнул к социалистическому движению, вступив в Бельгийскую рабочую партию. С октября 1917 по февраль 1918 г. был посланником Бельгии в России. Получил известность своей борьбой за национальную самобытность бельгийской культуры. Автор работ о современном искусстве, в том числе – книги «Литографии Одилона Редона» («L'œuvre lithographique de Odilon Redon». Bruxelles, 1891), изданной у Э. Демана.

[4] Имеются в виду библиографические перечни новейших книг, изданных во Франции. Раздел «Перечень новых книг», как правило, завершал каждый выпуск «Весов». «Рецензии Ван Бевера *могут*

быть нам очень полезны, – писал Брюсов Волошину 18/31 марта 1904 г. – Но <...> мы не можем следить за французской литературой внимательней, чем за русской <...> мы очень рады рецензиям Ван Бевера, но мы оставляем за собой редакционное право взять из них те, которые нам нужны и подходят, и не можем принять их заглазно. <...> Итак, вывод: предпочтительнее от Ван Бевера иметь его обзоры (за полгода или за треть года), а его рецензии – это нечто между прочим, в чем мы не очень нуждаемся, но *можем* взять» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 327).

[5] Эжен Демольдер (Demolder; 1862–1919) – бельгийский писатель, автор исторических романов, которые принесли ему известность. Роман «Садовник госпожи Помпадур» печатался в 1903–1904 гг. в журнале «Mercure de France». Отзыв Ван Бевера на эту книгу появился в «Весах» (1904. № 4. С. 52) в составе его обзорной статьи «Книги о прошлом Франции. Письмо из Парижа». Брюсов в ответном письме Волошину от 18/31 марта отмечал: «Demolder – приличный романист и только, сколько бы ни пытались прославить его больше приятели» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 327).

[6] Ошибка Волошина. Имеется в виду роман «Любовная жизнь Франсуа Барбазанжа» («La vie amoureuse de François Barbazanges», 1904), автором которого была писательница Марсель Тинэр (Tinayre, урожд. Шасто; 1877–1948).

[7] Анри Бремон (Brémont; 1865–1933) – французский писатель; его перу принадлежат биографии выдающихся гуманистов и церковных реформаторов, а также ряд работ по истории религии. Книга «Блаженный Томас Мор» вышла в Париже в 1904 г.; в «Весах» не рецензировалась.

[8] Роман Рашильд «Внизу», упоминаемый Волошиным, был издан в 1904 г.; рецензия Ван Бевера на эту книгу была напечатана в «Весах» (1904. № 4. С. 59–60). «Rachilde умная писательница – не свыше», – замечал Брюсов в ответном письме к Волошину от 18/31 марта (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 327).

[9] Луи Баттифоль (Battifol; 1865–1946) – французский беллетрист, автор книг на исторические темы. Рецензия Ван Бевера на его книгу «В эпоху Людовика XIII» (1904) напечатана в «Весах» (1904. № 4. С. 49–50) как часть обзорной статьи «Книги о прошлом Франции».

[10] Пьер Нольяк (Nolhac; 1859–1936) – известный французский писатель, автор историко-биографических книг (в частности – о знаменитых поэтах и художниках). Роман «Людовик XV и мадам де Помпадур» вышел в свет в 1902 г.; Ван Бевер рецензировал его в «Весах» наряду с другими книгами о прошлом Франции (1904. № 4.

С. 51–52). В 1905 г. в «Весах» (№ 2. С. 45) была напечатана рецензия И. Щукина на роман Нольяка «Nattier, peintre de la cour de Louis XV» («Натье, придворный художник Людовика XV»).

[11] Пьер Керлон (Querlon, наст. имя Де Гашон, Des Gachons; 1880–1904) – французский писатель, автор книги о Реми де Гурмоне (1903), изданной в серии «Célébrités d'aujourd'hui»; библиография, помещенная в книге, была составлена Ван Бевером. Эта книга находилась в личной библиотеке Брюсова (РГБ, ф. 386, Книги, № 1681); упоминание о ней см. также в «Весах» (1904. № 8. С. 30). Сказка Керлона и Верье «Приключения принцессы» (1904) на страницах «Весов» не упоминается. Однако в «Весах» рецензировался другой «приключенческий» роман, выпущенный в 1904 г. издательством «Mercure de France», – «Любовь Левкиппы и Клитофонта», переложение романа греческого писателя II в. Ахилла Татия. Французское издание Керлон осуществил совместно с переводчиком Шарлем Верье (Verrier). Автором рецензии был Ван Бевер (Весы. 1904. № 4. С. 59). В «Весах» анонсировались также новые произведения Керлона «Дом маленькой Ливии» (1904. № 12. С. 80; отдел «Книги, доставленные в редакцию»), «Селина, дочь полей» (1905. № 5. С. 77; отдел «Перечень новых книг»). Кроме того, в «Весах» был помещен отклик на смерть Керлона (1904. № 7. С. 72; отдел «Хроника»).

[12] Роман Поля и Виктора Маргерит «Коммуна» (1904) – заключительная часть тетралогии «Эпоха» («Une Époque. La Commune»), – посвященный Парижской Коммуне 1871 г. и трактующий ее с пацифистских позиций. Отзыв Ван Бевера об этой книге напечатан в «Весах» (1904. № 4. С. 53–54) в статье «Книги о прошлом Франции». Роман «Коммуна» неоднократно издавался в русском переводе, впервые – в 1904 г.

[13] Пьер Сегюр (Ségur; 1853–1916) – французский писатель, маркиз. Писал романы, посвященные реальным историческим лицам (Мария Антуанетта, Жюли де Л'Эспинас и др.). Роман «Последние годы маршала Люксембургского» издан в 1904 г.; рецензия на эту книгу в «Весах» не появилась.

[14] См. п. 26, примеч. 4. Натюризм – возглавлявшаяся Сен-Жоржем Буэлье поэтическая школа, противопоставлявшая себя как натурализму, так и символизму. Намерение Ван Бевера написать для «Весов» о натюризме не было реализовано.

[15] Упомянутая книга Робера де Ла Сизеранна «Эстетические вопросы современности» вышла в Париже в 1904 г. Статья-рецензия Волошина появилась, однако, не в «Весах», а в газете «Русь» (1904. № 182, 15/28 июня. С. 3). Позднее отзыв Волошина об этой книге был напечатан под заглавием «Сизеран об эстетике современнос-

ти» в кн.: *Волошин Максимилиан.* Лики творчества. Кн. 1. СПб.: Изд. «Аполлона», 1914. С. 321–338. См.: Т. 3 наст. изд. С. 260–273.

[16] Корреспонденция К.Ф. Фионо «Одежды и мода» появилась лишь во 2-м номере «Весов» за 1905 г. (С. 22–26).

[17] Отклик на слова Брюсова в письме от 4/17 марта: «Лакост – между нами – плоховат; надеюсь, в уменьшении улучшится» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 319).

[18] Отклик на слова Брюсова в письме от 4/17 марта: «Напишите, как нравятся Вам работы нашего Феофилактова» (Там же. С. 319). В № 2 «Весов» были помещены три виньетки (С. 1, 13, 48) Н.П. Феофилактова, впоследствии художника-оформителя журнала. Шарль Кондер (Conder; 1868–1909) – английский живописец, автор портретов и фантастических пейзажей; выполнял рисунки и декоративные акварели на шелке (веера, ширмы). Участвовал в нескольких парижских выставках (1902, 1906). Обри Винсент Бердслей (Beardsley; 1872–1898) – выдающийся английский художник-график и иллюстратор, оказавший огромное влияние на развитие стиля «модерн» в различных странах. Юлиус Диц (Diez; 1870–1957) – немецкий график, рисовальщик и иллюстратор; делал также мозаики, витражи и фрески. Преподавал в Мюнхенской Академии Художеств. Творчество Дица пропагандировал в России журнал «Мир Искусства» (см. № 7 и 8 за 1902 г.).

[19] 4/17 марта Брюсов писал Волошину: «Изданные "Mercure" – "Villes Tentaculaires" вернули мне всю мою любовь к Верхарну. Переводите ли его Вы? Не соединить ли нам наши переводы и не издать ли под одной обложкой? "Скорпион" готов» – и далее перечислял переведенные им стихотворения Верхарна (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 320).

[20] Имеется в виду книга: *Verhaeren E.* Poèmes. III-e série. Paris, 1897 (второе издание – 1899). В 1904 г. в «Mercure de France» было выпущено третье издание этой книги, которым и пользовался Волошин (номера страниц, указанные им в скобках после заголовков стихотворений, соответствуют изданию 1904 г.).

[21] Из перечисленных Волошиным стихотворений («Ноябрь», «Декабрь», «Рыбаки», «Усталый», «Страх», «Дождь» и «Ветер») им были переведены лишь первые два (см.: Т. 4 наст. изд. С. 37–39). Эти же стихотворения (а кроме того – «Рыбаки», «Дождь» и «Ветер») переведены Брюсовым.

[22] Книги Верхарна «Города-спруты» (1895) и «Буйные силы» (1902).

32. В.Я. БРЮСОВУ

18/31 марта 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Весть о Вашем несчастии меня очень поразила.[2] В этом рождении смерти есть что<-то> более жуткое, чем в умирании жизни. Как здоровье Вашей жены?

То, что Вы не приедете, — это очень печально. Я много рассчитывал на устное выяснение разных редакционных вопросов. Теперь мне придется снова составить целый список вопросов под номерами и просить ответа.

Меня смущает то, что Вы не пишете, довольны ли Вы привлечением Ван Бевера к делу «Весов». Я одновременно высылаю Вам ряд его рецензий о французских книгах, которые он мне вручил вчера. Мне необходим Ваш ответ; когда Вам нужна будет ретроспективная статья о романе. Вам нужно только написать время и размер.

Что касается рецензий, то Ван Бевер просит сообщить ему все замечания, которые Вы найдете необходимыми. И кроме того, не стесняться их сокращать.[3]

Я еще напоминаю Вам, что участие Ван Бевера может быть очень полезно для «Весов» тем, что это поставит их в интимные сношения с «Mercure de France», в котором Ван Бевер секретарь редакции.

Что касается рецензии о Буэлье, то я ее передал Ван Беверу и она будет готова к следующему номеру.[4]

Статью о Рэдоне Вы, конечно, уже получили. Национ<альная> Библиот<ека> открывается 12 апр<еля>, и я в три дня могу закончить работу, поэтому, если номер Рэдона все-таки назначен на апрель, то, если можно, погодите и оставьте место — эти отзывы крайне необходимы.

Т<ак> к<ак> они все находятся в номерах старых газет, то я никак не могу тут обойтись без Нац<иональной> Библиотеки.

Мне очень интересно и важно Ваше мнение о статье об Рэдоне, т<ак> к<ак>, когда я ее писал, то я представлял именно Вас своим читателем, стараясь Вас убедить в важности и глубине Рэдона.

Что Вы думаете сделать <с> моей статьей об «Россо».[5] Такие заметки я хочу делать с большим выбором и не знаю, когда представится снова знакомство этого же характера. Поэтому лучше поместите ее в качестве письма из Парижа или просто отдельной заметки.

Переводами Верхарна я занимаюсь усиленно. Теперь, кроме «Осеннего вечера», у меня пере<ве>дены «Novembre», «La Peur» и... я не выдержал и вступил в соревнование с Вами — перевел «Au Nord», который мне представился в ином виде, чем Ваш перевод.

Я Вам пришлю эти переводы через несколько дней. Мне еще кое-что надо там почистить.[6]

Что Вы думаете переводить из «Villes Tentaculaires»?

Вы мне ничего не написали о моих последних стихах, что я Вам посылал — «Дождь», «Письма» и не помню еще что...[7]

Не хотел бы «Скорпион» издать по-русски «Moralité<s> légendair<es>» Лафорга. Я бы с громадной радостью принял<ся> за этот труд, если бы издание было обеспечено. Можно было бы присоединить сюда многое из посмертного тома. Стихи Лафорга... я их чувствую по-французски, но не вижу для них русских слов.[8]

Ни денег, ни Коневского я еще не получал.[9] Знаете ли Вы наверно, что Коневский был мне действительно выслан оба раза? Книги, посланные мне, еще никогда не исчезали.

«Traité du Verbe» — найти нет возможности — оно совсем разошлось. Переиздать все собираются, да никак не соберутся. Поэмы По в пер<еводе> Малларме стоят 8 fr. Вы это знаете? Я их спрошу у Ванье и вышлю.[10]

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 31.3.04. Получено в Москве 21 марта.

[2] В недатированном письме к Волошину, относящемся к середине марта (ст.ст.) 1904 г., Брюсов сообщал: «У нас дома маленькое и обыденное, но для близких всегда трагическое событие. Мне, как “Валерию Брюсову”, вероятно, не идет быть отцом, и вторично у нас родился ребенок – мертвым. Это во многом меняет ближайшие планы моей жизни. Между прочим, я *не еду* в Париж весной» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 324).

[3] Все присланные Ван Бевером рецензии (восемь крупных и одиннадцать мелких) сохранились в архиве Брюсова (РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 3). Бо́льшая часть этих рецензий была напечатана в № 4 «Весов» за 1904 г. В него не вошли лишь отзыв о книге Лафорга «Посмертное. Разные сочинения» и «памятки» о книгах Колетт и О. Мирбо, о романе А. Бремона «Блаженный Томас Мор», о книге Ж. Дорни «Итальянский театр» и др.

[4] Ван Бевер рецензии на книгу Буэлье не написал. Ср. п. 26, примеч. 4.

[5] См. п. 20, примеч. 3.

[6] Рукописные тексты переводов трех названных стихотворений Верхарна («Ноябрь», «Страх», «На север») сохранились среди писем Волошина к Брюсову, под общим обозначением «Переводы из Верхарна» присланы с письмом от 4/17 июля 1904 г. Все три перевода, а также «Осенний вечер», были включены в сборник Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М., 1910. С. 29–34), позднее вошли в кн.: *Волошин Максимилиан.* Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы. М.: Творчество, 1919. С. 34–39 (стихотворение «La Peur» в этих изданиях озаглавлено: «Ужас»). Брюсовский перевод стихотворения «Au Nord» – «К северу» – ранее был опубликован в его книге «Tertia vigilia» (М., 1900).

[7] См. п. 27.

[8] Сборник рассказов Жюля Лафорга «Les moralités légendaires» («Легендарные добродетели») был издан посмертно в 1887 г. В письмах к Волошину Брюсов на его предложение не откликнулся. Упоминание Волошина о французском поэте было вызвано скорее всего появившейся в «Весах» рецензией Брюсова на книгу Лафорга, содержавшей его заметки об искусстве «Les mélanges posthumes» («Посмертное. Разные сочинения») и изданной в Париже в 1903 г. (Весы. 1904. № 2. С. 63–64; подпись: Аврелий). Волошину принадлежит четверостишие с посвящением «На книге Лафорга», вошедшее в его книгу «Стихотворения. 1900–1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 36.

[9] См. п. 26, примеч. 6.

[10] В упомянутом недатированном письме Брюсов просил Волошина купить для него «Трактат о Слове» Р. Гиля (имевшийся у него экземпляр был утрачен) и «переводы Маллармэ поэм По», публикуемые «наследниками Ванье и Деманом» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 324). Стихотворения Эдгара По в переводе Малларме впервые были выпущены парижским издателем Леоном Ванье (Vanier; 1847–1896) в 1888 г.

33. В.Я. БРЮСОВУ

24 марта / 6 апреля 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Только что получил Ваши два письма одновременно.[2]

Многим я очень смущен, т<ак> к<ак> рецензии Ван Бевера высланы и, верно, уже получены Вами.

Вот почему я так страстно желал Вашего приезда в Париж.

Я совсем не в курсе редакционных требований и планов, поэтому мне ужасно трудно быть активным в Париже.

Я, например, совершенно не предполагал о том значении, которое Вы придаете библиографическому отделу, значение полемики, а не полноты.[3] В таком случае от рецензий Ван Бевера о романах придется отказаться. Я ему тогда предложу рецензии об исторических книгах – это его специальность – это вне полемики – и этого очень мало в «Весах».

О ретроспективном обзоре романов я попрошу Ван Бевера.

В мою рукопись о Рэдоне были вложены рисунки не Рэдона, а *Кругликовой*.[4] Рисунки Рэдона подписаны везде буквами «O.R.» Ради Бога, не перепутайте. Неужели я позабыл об этом написать.

В ящике с обложкой рисунки исключительно Рэдона.

Анкету о Рэдоне необходимо закончить хотя бы в другом номере, т<ак> к<ак> я в своей статье ни слова не гово-

рил того, что говорится в тех статьях, которые я подготовил для перевода. А там есть очень важные места и описания. Все это будет иметь внутреннюю цельность. Из больших статей о Рэдоне, как статья Эннекэна, я выбираю только самые драгоценные фразы.[5]

Теперь просьба моя и Гиля: пришлите мне, пожалуйста, несколько листов бумаги со штемпелем «Скорпиона» – такой, какую Вы употребляете в письмах. Тогда будет возможно потребова<ть> от многих мелких издательств service de la presse*. Это очень важно. Кроме того, Гиль желал бы иметь корреспондентскую карточку от «Весов».

Пожалуйста.

На днях я с двумя разными оказиями переслал Вам все книги Гиля (кроме «Traité du Verbe», увы!) с его дедикасом[6]. Вам и книгу Ван Бевера – тоже от него.

У нас Пасха. Книжные магазины закрыты. Поэтому только завтра смогу достать Маллармэ.[7]

До свиданья.

Как здоровье Вашей жены?

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 6.4.04. Получено в Москве 29 марта.

[2] Письма Брюсова от 18/31 марта и от 19 марта / 1 апреля 1904 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 327–328).

[3] 18/31 марта Брюсов писал Волошину: «В библиографии мы не можем допустить что-либо такое, с чем не согласны. <...> Желание у нас – не столько говорить о новых книгах, сколько по поводу новых книг высказывать свои взгляды на искусство. Нам важна не полнота библиографического отдела, а его боевой характер» (Там же. С. 327).

[4] В 1904 г. в «Весах» была помещена лишь одна работа Е.С. Кругликовой – портрет Рене Гиля (№ 6. С. 16).

[5] Подготовленная Волошиным подборка высказываний о Редоне была целиком напечатана в № 4 «Весов». В № 5 дополнительно

* *Букв.*: услуги для прессы *(фр.)*, т.е. рассылка книг с целью получения печатного отзыва.

был помещен брюсовский перевод: «Одилон Рэдон. Цитаты из статьи Эмиля Бернара» (С. 41–44; подпись: Аврелий).

[6] От французского слова dédicace – посвящение, дарительная надпись. 1/14 апреля 1904 г. Р. Гиль писал Брюсову: «Я отправил Вам несколько томиков своих произведений, из тех, что еще не полностью распроданы. У меня не осталось экземпляров “Согласно методу – к Творению” (новый вариант “Трактата о Слове”), но я собираюсь издать его вновь» (Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка 1904–1915. СПб., 2005. С. 78. Перевод Ирис Григорьевой).

[7] Речь идет о книге переводов Малларме из Эдгара По (см. примеч. 10 к п. 32).

34. В.Я. БРЮСОВУ

9/22 апреля 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите, пожалуйста, что я так долго Вам не отвечал:[2] я был все время болен и не в состоянии что-нибудь делать.

Ван Бевер. Свою статью он приготовит только к началу мая. Его рецензии я приостановил (об литературе). Хотите ли Вы иметь его рецензии об исторических книгах? Это важно знать. Получили ли Вы его книгу, посланную мной с m-lle Вестфален, и книги Гиля, посланные с Ю.Ф. Семеновым?[3]

Рэдон. Конечно, разделить Рэдоновский номер на два вполне возможно, и он ничего не имеет против этого.

Воспроизвести его пастель или что-нибудь в краски – невозможно. Это немыслимо в техническом отношении.[4]

Не хотите ли устроить номер Вюиллара? Я буду выбирать тогда из готовых уже рисунков, и это будет несравненно интереснее, чем Лакост. Если хотите – напишите.[5]

Мой номер... Я с удовольствием возьмусь за это – только летом.[6]

Простите меня за совершенно нелепую задержку с Буэлье.[7] Теперь Вы книгу уже, наверное, давно получили. Писать об этом скучном авторе мне не улыбалось, поэтому я с наслаждением передал эту работу Ван Беверу, не зная Ваших

планов. Теперь книга уже выслана (назад тому около недели), и я умываю руки. Но мне ужасно совестно за задержку. Я не знал, что это так важно.

На днях я вышлю Вам статью об выставке французских примитивов и об Национальном салоне. Может, она еще поспеет к IV номеру.[8] Хотите ли Вы от меня рецензии?

Недавно мне Сансот Орлан прислал коллекцию «Célébrités d'aujourd'hui», о некоторых Вы уже говорили. Хотите, я напишу об остальных? По поводу этого можно сказать много интересно<го>.[9]

Переведенные уже вещи из Верхарна я пришлю Вам на днях.

Книги Белого и Иванова жажду иметь.[10] «Гриф», наконец, видел. Стихотворение Дурнова великолепно. Удивителен Блок.[11]

Его статья о выставке в «Весах» хороша там, где он не говорит об художниках. Там же, где он касается непосредственно живописи, он пишет мучительно смешные вещи.[12] Феофилактов мне не нравится окончательно. Его рисунок слишком безграмотен, а идеи слишком заимствованы. Особенно то, что воспроизведено в красках.[13]

Да! Еще должен предупредить Вас. На днях я совершенно неожиданно получил от Суворина из «Руси» предложение сделать Салоны, на почетных и выгодных условиях, на что я и согласился.

Туда я послал уже всю описательную часть, но критическую оставляю для «Весов».[14]

Получили ли Вы Малларме?[15]

Мне бы хотелось очень узнать, в каком положении находятся в настоящую минуту мои расчеты с «Весами» после получения 200 fr.? Возмещены ли они уже напечатанным или нет?

Статью о Рэдоне будете ли Вы считать *всю* оригинальным произведением или переводом?

Деньги, мною ранее полученные от «Весов», кончились, т<ак> к<ак>, если Вы помните <?>, в феврале у меня остава-

лось 54 fr. Они ушли на март и апрель – 25 fr., выдаваемые мне на расходы. И кроме того, 8 fr. за книгу Малларма.

Так что теперь у меня больше нет редакционных денег.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне. Как ее здоровье?[16]

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 22.4.04. Получено в Москве 13 апреля.

[2] Волошин отвечает на два письма Брюсова – от 29 марта / 11 апреля и недатированное, относящееся к началу апреля ст.ст. 1904 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 330–332).

[3] Брюсов отвечал в середине апреля ст.ст.: «От m-lle Вестфален ничего не получено» (Там же. С. 335). Эльза Христиановна Вестфален (1876–1942) – художница, занимавшаяся прикладным искусством и графикой; в 1900 г. получила заграничное пенсионерство. Юлий Федорович Семенов – муж Наталии Владимировны Гольштейн (дочери Владимира Августовича Гольштейна, мужа А.В. Гольштейн).

[4] В письме от 29 марта / 11 апреля Брюсов предложил устроить «*два* редоновских №№ – именно 4 и 5-ый» и выразил пожелание получить «что-нибудь редоновское в красках» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 330). № 4 и 5 «Весов» вышли в оформлении Одилона Редона, цветных воспроизведений его работ в них не было.

[5] Брюсов ответил: «Рисунков Вюиллара *пока* не нужно. <...> Но в принципе Вюиллар, конечно, очень желателен для одного из осенних №№, 10, 11...» (Там же. С. 335).

[6] В письме от 29 марта / 11 апреля Брюсов предлагал Волошину взять на себя оформление одного из очередных номеров «Весов».

[7] См. п. 26, примеч. 4. 29 марта / 11 апреля Брюсов писал Волошину: «Еще и еще умоляю о рецензии на Буэлье. Последний срок ее помещения 4 № – иначе будет поздно. Пришлите или рецензию, или книгу. А Ван Бевер может, независимо от нашей рецензии, дать *свое* суждение в своем письме и о книге и о натюризме» (Там же. С. 331).

[8] Имеется в виду первая часть очередного «Письма из Парижа» Волошина («Выставка примитивов. Национальный Салон»). К четвертому номеру она не поспела и была опубликована вместе со второй частью («Исадора Денкан. Бал des Quat'z-arts»): Весы. 1904. № 5. С. 33–39. См.: Т. 5 наст. изд. С. 416–424.

[9] Имеется в виду серия «Les célébrités d'aujourd'hui» («Современные знаменитости»), которую издавал французский писатель

Эдмон Сансот-Орлан (Sansot-Orland; 1868–?). В этой серии были выпущены, в частности, книга самого Сансот-Орлана о Ж. Леметре (1903), книга П. Керлона о Реми де Гурмоне, Ван Бевера о Метерлинке, П. Леото об Анри де Ренье, Ж. Берто (в «Весах» ошибочно – Ж. Бертрана) о М. Прево и др. «Весы» систематически рекламировали издания Сансот-Орлана (см.: 1904. № 7. С. 80; № 12. С. 80; разделы «Перечень новых книг» и «Книги, доставленные в редакцию»). Совместно с Ван Бевером Э. Сансот-Орлан составил и издал в 1903 г. антологию «Галантные произведения итальянских писателей XIV, XV и XVI веков» (упоминание об этой книге см. в «Весах»: 1904. № 10. С. 84; раздел «Перечень новых книг»). Намерение Волошина писать о книгах серии осуществлено не было.

[10] В письме от 29 марта / 11 апреля Брюсов обещал Волошину выслать только что вышедшие в издательстве «Скорпион» книги – «Золото в лазури» Андрея Белого (М., 1904) и «Прозрачность. Вторая книга лирики» Вячеслава Иванова (М., 1904).

[11] Имеется в виду «Альманах “Гриф”» (М., 1904), в котором были опубликованы стихотворение М. Дурнова «Слезы» («Крупный ливень! – Соленая влага...») (С. 74–75) и подборка из шестнадцати стихотворений А. Блока (С. 19–27).

[12] Имеется в виду корреспонденция Блока «Новое общество художников. Петербург. Выставка картин в залах Академии наук» (Весы. 1904. № 3. С. 47–48; *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 134–135). Сходное с волошинским мнение К.Ф. Богаевского об этой статье Блока передала в письме к Волошину от 31 марта 1904 г. А.М. Петрова: «Конст<антин> Феод<орович> поражается невежеству Блока, толкующего о живописи вкривь и вкось» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950).

[13] В № 3 «Весов» были помещены три рисунка Н.П. Феофилактова, в том числе рисунок в красках – обложка ко 2-му изданию романа Ст. Пшибышевского «Homo sapiens».

[14] А.А. Суворин, сын А.С. Суворина, в декабре 1903 г. основал в Петербурге газету «Русь», которой стремился придать либеральное направление. Посредником между Сувориным и Волошиным явился А.И. Косоротов; в 1901 г. в Париже у Волошина установились с ним приятельские отношения. 14 марта 1904 г. Косоротов писал Волошину из Петербурга:

«Я прочел в “Весах” обе твои статьи. “Скелет живописи” мне понравился не целиком, зато “Письмо из Парижа”, где ты пишешь о выставках, кажется мне сплошь хорошим.

Эта последняя статья внушила мне, как одному из ближайших участников “Руси”, желание сделать тебе такое предложение:

Не напишешь ли ты нам о грядущих Салонах?

Я говорил сегодня об этом с А.А. Сувориным, и он этому, по моей рекомендации, сочувствует.

Но с другой стороны, мы еще не знаем, как отнесется к этому наш парижский корреспондент "Рич" (Дарий Викентьевич Багницкий). А<лексей> А<лексееви>ч спишется с ним об этом; но и ты, если тебе мое предложение нравится, в свою очередь постарайся переговорить с Ричем лично, чтобы не вышло неприятного qui pro quo» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 694; Дарий Ромуальдович Багницкий (псевдоним Рич; 1853–1910) – журналист).

В ответ на это предложение Волошин написал для «Руси» статью «Парижские салоны. Société Nationale des Beaux-Arts», которая и была напечатана (1904. № 119, 12/25 апреля; см.: Т. 5 наст. изд. С. 389–396). В день выхода в свет этого номера газеты А. А. Суворин написал Волошину: «Милостивый государь. Извините, не знаю отчества. Пишите по искусству, какие темы найдете, выставки, характеристики и пр. Попробуйте расширить сферу, захватив драму, литературу. С г. Ричем не встретитесь, он мало касается этой области. Ваш фельетон мне понравился тем, что в нем я встретил, правда, новшества, но новшества мною уважаемые – происходящие от стремления говорить короче и рельефно. Ручьи слов льются теперь из каждой головы, а спохватываются говорить свое только немногие» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159). После этого Волошин стал постоянным сотрудником «Руси» – сначала как парижский корреспондент, а затем и как автор статей о новейшей русской литературе.

[15] См. п. 32, примеч. 10. В ответном письме Брюсов благодарил Волошина «за разные хлопоты – особенно за книгу Маллармэ» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 335).

[16] И.М. Брюсова. 29 марта / 11 апреля Брюсов писал Волошину, что «И.М. как раз в канун пасхи опять расхворалась, и довольно сильно» (Там же. С. 330).

35. В.Я. БРЮСОВУ

Вторая половина апреля ст.ст. / Начало мая н.ст. 1904 г. Париж

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за задержку с высылкой альбомов Рэдона[1]. С Вашими последними письмами произошла невообразимая путаница. Были перепутаны конверты. И поэтому то пись-

мо, что предназначалось Гилю, т.е. 100 fr. и коротенькая безымянная записка, попали ко мне, а русское письмо и другие 100 fr. – к нему. Я удивился, но не обеспокоился. Он меня увидал только через 10 дней, и тогда все выяснилось.

Теперь «Maison Hantée» от «Mercure de Fr<ance>» Вам выслан, а от Deman я получу только дней через пять, т<ак> к<ак> надо было выписать из Брюсселя. Я исполнил Ваше желание беспрекословно, но я бы не выслал Вам этих альбомов, если бы Вы предоставили решение мне: это слабые вещи.

Мне бы ужасно хотелось Вам выслать его «Дьявола» – лучшую вещь. Но ее нет в продаже. Я сегодня увижу Рэдона и спрошу его.[2]

С Ван Бевером – я пока все рецензии приостановил. Его статья будет написана в течение мая.

Я Вам выслал на днях письмо об Дёнкан и Bal de Quat'z-arts. Может, его можно пустить до статьи о выставках и примитивах? Или соединить вместе... Мне бы очень хотелось, чтобы это 2-е письмо явилось скорее.[3]

Да! Вот что я хотел Вас давно спросить: *дают ли «Весы» традиционные 20 оттисков авторам? Мне бы очень нужно было иметь оттиски «Скелета» и оттиски «Рэдона».* Если можно, то сделайте, пожалуйста, это.

Присланный Вами фельетон из «Южного обозрения» меня совсем раздавил и унизил.[4] Надеюсь, что статья об Рэдоне подымет мою репутацию. Единственная надежда – что меня хвалили, приняв меня за моего киевского однофамильца...[5]

За то, что Вы пишете о Досекине, я Вам очень благодарен.[6] Но я его понимаю. Дело в том, что он меня знает с детства, а в этих случаях никакая самостоятельность позже не прощается. Впрочем, он мне и лично говорит приблизительно то же, и я с ним во многом согласен. От него всегда можно услышать очень едкую, но в глубине верную критику. Я с ним встречаюсь, но редко, и проверяю по нашим разговорам пройденный мною путь.

На дня<х> вышлю Вам портрет Гиля работы Кругликовой и несколько рисунков Якимченки.[7]

В переведенных уже вещах Верхарна у меня все остается по несколько незаконченных строк, которые необходимо раньше отделать.

До свиданья.

№ 9 я беру.[8]

Осенью в Париже жду Вас.[9]

Макс Волошин.

[1] В начале апреля (ст.ст.) Брюсов перевел Волошину 100 франков с просьбой купить и выслать два альбома О. Редона – «La Maison hantée: Ed. “Mercure de France”» и «Les Fleurs du Mal. Ed. Deman» (см.: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 332) – гравюры, выполненные в качестве иллюстраций к роману Э.Дж. Бульвер-Литтона «Дом с привидениями» («The Haunted House», 1896) и к «Цветам Зла» Бодлера (1890). Одна из опубликованных работ («...des larves si hideuses...») была помещена в «Весах» с подписью: «Воспроизведение литографии Одилона Рэдона из альбома “La Maison hantée” (изданного в 1896 г. в 60 экземплярах)» (1904. № 5. С. 40).

[2] Репродукция с офорта Одилона Редона «Сатана» была воспроизведена в № 12 «Весов» за 1904 г. (С. 52).

[3] Корреспонденция «Исадора Денкан. Бал des Quat'z-arts» была опубликована вместе с ранее присланной корреспонденцией «Выставка примитивов. Национальный Салон» под общим заглавием «Письмо из Парижа». См. п. 34, примеч. 8.

[4] «Чтобы унизить Вашу гордость, посылаю Вам вырезку из “Южного Обозрения”, где Вам рукоплещут», – писал Брюсов Волошину в середине апреля (ст.ст.) (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 335). По всей вероятности, речь идет о статье публициста А.С. Изгоева (впоследствии – видного деятеля кадетской партии) «Со стороны», опубликованной в одесской газете «Южное Обозрение» (1904. № 2428, 4 марта. С. 1). Давая обзор первых двух номеров «Весов» (в целом выдержанный в критической тональности), Изгоев замечает о «Скелете живописи» и корреспонденции Волошина «Письмо из Парижа. Выставки художников»: «Статья же М. Волошина “Скелет живописи” положительно интересна и умна»; «Хороши заметки <...> Волошина о парижских карикатуристах».

[5] Имеется в виду киевский поэт и журналист Михаил Евсеевич Цуккерман (?–1915), печатавшийся под псевдонимом «М. Волошин». Михаила Волошина не раз путали с Максимилианом Волошиным. Так, в книге «Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907)» (Библиотека поэта. Большая серия) Максимили-

ану Волошину приписаны четыре стихотворения киевского поэта (Л.: Сов. писатель, 1969. С. 193–195, 627). См.: *Купченко В.П.* О некоторых проблемах изучения жизни и творчества М. Волошина // Волошинские чтения. Сб. научных трудов. М., 1981. С. 106.

[6] В цитированном письме Брюсов сообщал Волошину: «...очень против Вас – Досекин <...>. Он только и делает, что изощряет свое остроумие на Ваших суждениях и Ваших рисунках. А Ваши большие головы называет не рисунками, а “матерными словами”» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 335). С Н.В. Досекиным Волошин познакомился еще в 1893 г.: Досекин и его семья были дружны с матерью Волошина. См.: Т. 8 наст. изд. С. 49; *Орлова Е.И.* М.А. Волошин и Н.В. Досекин // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 349–358.

[7] См. п. 34, примеч. 4, п. 18, примеч. 10.

[8] Т.е. Волошин принимает на себя обязательство подготовить художественное оформление для № 9 «Весов» – в ответ на предложение Брюсова: «№ 9-ый, может быть, нарисуете Вы» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 335). Однако своего обязательства Волошин не выполнил; в № 9 была воспроизведена лишь одна из его живописных работ (С. 35).

[9] В письме, относящемся к середине апреля ст.ст., Брюсов высказывал предположение: «Может быть, осенью приеду к Вам, если Вы не думаете покинуть Парижа. Без Вас не отважусь» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 335).

36. В.Я. БРЮСОВУ

21 мая / 3 июня 1904 г. Париж

3 июня 1904.
3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за мое долгое молчание. Здесь Бальмонты, следовательно, все мое время было занято.

Впрочем, не было никаких особенных дел.

Бальмонт на редкость жизнерадостен и бодр.

Через два дня он уезжает в Испанию.[1]

Что касается меня, то я до конца июня остаюсь в Париже, а там месяца на два переселюсь в Лондон для изучения языка.[2]

Ван Бевер просит, чтобы «Весы» выслали ему несколько оттисков его рецензий (для рассылки авторам, как принято в Париже) и экземпляр для себя.

Он готовит новые рецензии об исторических книгах (исключительно).[3]

Я бы то же самое попросил бы у Вас для статьи о Рэдоне и тех заметок, что будут в 5 №-е.

Кроме того, я очень прошу «Скорпиона» выслать мне авансом 300 fr.

Я думаю, что взятые мной раньше 200 уже покрыты статьями и рисунками.

Мне бы очень хотелось, чтобы контора выслала мне одновременно расчетный лист, чтобы знать свои счеты с «Весами».

«Fleurs du Mal» Рэдона? Вы их получили?

Обложка пока у меня.

Задержка произошла с двойной выпиской от Дэмана.[4]

Гиль с Бальмонтом познакомились и друг другу очень понравились.[5]

Я очень надеюсь на Ваш осенний приезд в Париж. Это очень важно.

Мне хочется написать Вам одно мое маленькое стихотворение, посвященное Рэдону:

Я шел сквозь Ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа.
Лишь вечность зыбится ритмичными веками.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мирозданья,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли...[6]

Макс Волошин.

Как здоровье Иоанны Матвеевны?

[1] В недатированном письме к Волошину, относящемся к концу апреля ст.ст., Брюсов сообщал: «6-го мая ст.ст. Бальмонт выезжает с курьерским в Париж» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 338). Прибыв в Париж не

позднее 9/22 мая, К.Д. Бальмонт с женой, Е.А. Бальмонт, уехал оттуда только 21 июня / 4 июля. Волошин общался с ними изо дня в день на протяжении почти полутора месяцев. 5 июля 1904 г. он сообщал М.В. Сабашниковой: «Бальмонты уехали вчера» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106).

[2] Это намерение не было реализовано.

[3] 31 мая 1904 г. Ван Бевер писал Волошину: «...мне только хотелось бы получить один или два хороших оттиска моих библиографических заметок или же один или два экземпляра журнала. Дней через *двенадцать* я постараюсь отослать вторую серию моих заметок о книгах по истории» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 246. Публ. П.Р. Заборова). Однако второй обзорной статьи «об исторических книгах» Ван Бевер в «Весы» не представил (см. п. 39).

[4] См. п. 35, примеч. 1.

[5] Накануне, 2 июня н.ст., Р. Гиль писал Брюсову: «Мы имели удовольствие видеть чету Бальмонтов, которые к нашему повторному великому удовольствию посетят нас завтра вечером. Оба они очень симпатичные» (Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка 1904–1915. СПб., 2005. С. 98. Перевод Ирис Григорьевой). Рене Гиль и А.В. Гольштейн стремились впоследствии популяризировать творчество Бальмонта во Франции. См.: ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 339–340.

[6] Стихотворение опубликовано (с незначительными вариантами) под заглавием «Одилон Рэдон» в цикле Волошина «Минуты прозрений» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 55); без заглавия, но с посвящением «Одилону Рэдону» включено в сб. Волошина «Стихотворения. 1900–1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 76.

37. С.А. ПОЛЯКОВУ

20 июня / 3 июля 1904 г. Париж

3 Rue du Bac.
1904. 3 июля.

Дорогой Сергей Александрович!

Позвольте мне рекомендовать Вам моего друга Александра Георгиевича Якимченко – того, чьи рисунки я присылал в «Весы».[1]

Он теперь поселяется в Москве, и я думаю, что он очень сможет быть Вам полезен как рисовальщик.

До свиданья.

Макс Волошин.

[1] См. п. 18, примеч. 10.

38. А.М. ПЕТРОВОЙ

24 июня / 7 июля 1904 г. Париж

7 июля 1904. Париж.
3 Rue du Bac.

Дорогая Александра Михайловна!

Ради Бога простите мне мое непростительное молчание. Так бывает всегда, когда сразу не ответишь на письмо.[1]

Потом все перепуталось — начались события, люди, приезд Бальмонта,[2] скоропостижное писание фельетонов для «Руси».[3]

Теперь Бальмонт уехал.[4] Все разъехались.[5] Париж, еще вчера такой людный для меня, совсем опустел.

Я заперся в своей комнате и наверстываю ненаписанное.[6]

Это письмо я пишу только для извинения. После напишу настоящее.

Я все письма запустил. Все обещания перед журнал<ам>и нарушил.

Теперь предо мной вороха дела и писем. Читали ли вы мои фельетоны?

Увы! Я так глубоко пал, что начал писаньями зарабатывать деньги.

Бальмонт мне ехидно предсказывает, что через несколько лет я сделаюсь такой знаменитостью, что... Немирович-Данченко будет забыт безвозвратно.[7]

Но я горжусь тем, что я отказался ехать в Петербург, когда меня Суворин хотел звать для принятия ближайшего участия в газете.[8]

Что Вы скажете о новых стихах?[9] Что Вы скажете о фельетонах? Напишите об стихах, не ожидая моего письма.

У меня есть еще новые переводы из Верхарна.[10]

Понравилась ли Вам моя статья о Редоне в «Весах»[11] и о «Дёнкан». Я был у Дёнкан[12] и очень разочаровался от ближайшего созерцания.

Получается ли в Феодосии «Русь»? Прислать ли Вам свои фельетоны?

Что делается в Феодосии? Что у Вас дома? Какие новости? Какие сплетни? Кто выходит замуж? Какова семейная жизнь Феодосийской Предводительши?

Поклон Нине Александровне.[13]

Приедете ли Вы в Париж? Уверен, что нет.

Макс Волошин.

Что Конст<антин> Федорович?[14]

Кланяюсь ему.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 7/20 марта (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950).

[2] Бальмонты приехали в Париж около 9/22 мая (Труды и дни. С. 119). Видимо, имеется в виду также приезд в Париж М.В. Сабашниковой около 6/19 марта вместе с братом Алексеем и Т.А. Бергенгрин (Труды и дни. С. 117).

[3] В марте – апреле 1904 г. началось сотрудничество Волошина с петербургской газетой «Русь». 21 апреля / 4 мая А.А. Суворин подписал корреспондентский билет Волошину от газеты «Русь». См. п. 34, примеч. 14.

[4] 21 июня / 4 июля Бальмонты уехали в Женеву (Труды и дни. С. 121).

[5] Вероятно, подразумевается и отъезд из Парижа в Москву М.В. Сабашниковой 8/21 июня 1904 г. (Труды и дни. С. 120).

[6] Весной – летом 1904 г. Волошин опубликовал в «Руси» статьи «Парижские салоны 1904 г. Salon des artistes français», «Весенний праздник тела и пляски (Bal des Quat'z-arts)», «Айседора Донкан», рецензию на новый сборник рассказов А. Франса и отзыв о русской кустарной выставке в Париже. (См. Т. 5 наст. изд. С. 244–249, 400–415, 425–439, 748, 792–794, 800–802). В ответном письме от 4/17 июля А.М. Петрова замечала: «Буду, не знаю как, благодарна, если Вы сможете прислать мне Ваши фельетоны. Здесь не могла ни одного достать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 44 об.).

[7] Намек на большую плодовитость прозаика и публициста Вас.И. Немировича-Данченко.

[8] А.М. Петрова отозвалась в ответном письме: «Бальмонт меня растрогал своим предсказанием Вам. У меня сильно против Вас кипело за всю эту фельетониду, и теперь я хоть несколько удовлетворена. <...> Смотрите – держитесь. Слишком больно было бы увидеть в Вас в один прекрасный день газетную пружинку, “руководителя общественного мнения”. Слава Богу, что хоть Суворина не послушали» (л. 45).

[9] К письму были приложены стихотворения «Чудовища» (фрагмент стихотворения «Письмо»), «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...», «Одилон Редон» («Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...») (См. Т. 1 наст. изд. С. 38, 48–56, 76, 446–447, 449–450, 458). А.М. Петрова откликнулась на присланные стихотворения в письме от 4/17 июля из Эссен-Эли: «Убил.. “Живет *меж складками* морщинистой земли...”. Чтоб Вы мне сию минуту переделали это! С таким святым благоговением переписываю я это стихотворение, боясь даже какой-нибудь нечаянной опиской не врезаться в него диссонансом, и вдруг... натыкаюсь. Знаю, что бессознательное работало, но все же скорее, скорее исправьте. Простите, – чуть не забыла. Оно – великолепно. Монумент Рэдону: величественная, жуткая своею одинокой обреченностью, “потусторонняя” Мысль, уловленная и скованная зачаровывающими узами музыки, – музыки слов. Безысходно.... “Нет цели...” Нет предела... “...в пустынях мирозданья...”. Лишь вечность зыблется ритмичными веками”... Bravissimo, милое дитя! ∞ “Чудовища”? Там и статья и статьи об Рэдоне; и проклятое мое ухо уловило Бальмонта – “Символизм народ<ных> поверий” и т.д. Слишком чувствуется невнятность. Хаос еще неулегшихся впечатлений. Красиво; местами очень красиво, но нужно ли? <...> “Тесен мой мир”... сначала вконец меня разобидело. Мне показалось непростительной дерзостью продолжение, явившееся вслед за присланными ранее четырьмя строками. После густого, серьезного <...> благовеста пустились трезвонить во все наличные колокола. А потише бы?...» (л. 43–44).

[10] В ответном письме А.М. Петрова напоминала Волошину: «Не забудьте прислать переводы из Верхарна. Очень прошу. Я их усиленно ждала, прочитавши объявление об издании в “Весах”» (л. 44 об.).

[11] Статья «Одилон Рэдон» была опубликована в № 4 журнала «Весы» за 1904 г. (С. 1–4), об А. Денкан (Дункан) Волошин писал в статье «Письмо из Парижа. Выставка примитивов. Национальный салон. Исадора Денкан. Бал des Quat'z-arts» (Весы. 1904. № 5. С. 33–39). См. также: Т. 5 наст. изд. С. 397–399, 416–424, 789. А.М. Пет-

рова по поводу этих статей Волошина замечала: «Статья о Рэдоне мне очень и очень понравилась. Кстати, в последнем № «М<ира> Иск<усства>» упрекают "Весы" за "неосновательность увлечения этим посредственным художником..." <...> Танцы Дёнкан под аккомпанемент ... "Quasi una fantasia"... Голова моя не выдерживает, язык немеет, но за то руки... Американка!» (л. 44 об.).

[12] Айседора Дункан гастролировала в Париже в 1904 г. Волошин вместе с М.В. Сабашниковой был на ее «бетховенском концерте» 13/26 апреля (Труды и дни. С. 118).

[13] Н.А. Айвазовская.

[14] К.Ф. Богаевский.

39. В.Я. БРЮСОВУ

4/17 июля 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac. Paris.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите меня, пожалуйста, за такое продолжительное молчание. За все время пребывания Бальмонтов я был совсем выбит из колеи – ничего не делал и не писал. Только неделю, как сел за работу. Посылаю Вам несколько новых моих стихов и переводы Верхарна.[2] Все это время я не переводил, и это те, которые я перевел еще тогда. Я все хотел их исправить, но окончательного исправления они так и не получили.

Местами они далеки от подлинника. Верхарн бывает так многословен, что я по возможности сжимал его.

Но это в сущности не переводы, это так, как если бы, закрыв книгу, *вспомнить* стихотворение на своем языке.[3]

Я еще не делал рисунков для «Весов», но моя мысль этим очень занята. Я хочу сделать целый номер, взяв мотивы из готических чудовищ и к этому статью об них. Весь номер с обложкой на мотивы готики.[4]

Ван Бевер очень извиняется, что за массой работы он не успел еще прислать ретроспективную статью об романе, как обещал; он теперь заканчивает биографию Мэтерлинка[5] и предлагает «Весам», не хотят ли они поместить самые важные ее страницы (около полулиста) до ее появления по-француз-

ски? Это может быть очень интересно... Ответьте об этом ему (ред<акция> «Merc<ure> de France»).[6] Тоже он просит экземпляра «Весов» для себя. Гиль уехал к морю, так что его не вижу.

Сам я пока в Париже и погружен теперь в работу и в писание писем. Через несколько дней выеду на некоторое время в Альпы, только очень не надолго.[7] На днях пришлю в «Весы» новые заметки.

Когда Вы приедете в Париж? Это мне очень важно знать заранее.

Был ли у Вас Якимченко, которому я дал Вам письмо?

Вы мне писали, что «Весы» согласны мне дать авансом 300 fr. и что Вы сделали соответствующее распоряжение.[8] Это было месяц назад. Я ничего не получил. Пожалуйста, будьте добры, приведите это в исполнение. А то я теперь прикован безденежьем к раскаленному Парижу.

До свиданья.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: 17.7.04.

[2] К письму приложены рукописи стихотворений «Ноябрь» («Большие дороги лучатся крестами...»), «На север» («С сизыми бурями споря...»), «Страх» («В равнинах Ужаса, на север обращенных...») – под общим обозначением «Переводы из Верхарна» (см.: Т. 4 наст. изд. С. 37–38, 32–34), а также оригинальное стихотворение «Отрывок о Париже (из большой вещи)» («Леса готической скульптуры...») – первоначальная редакция стихотворения «Письмо» (датированного: «Май 1904 г. Париж»), соответствующая строфам 12–13, 15–18 его основного текста. См.: Т. 1 наст. изд. С. 53–56.

[3] Автограф выполненного Волошиным перевода стихотворения Верхарна «Казнь» («Ты сложишь голову на каменном помосте...») имеет подзаголовок: «Воспоминание из Верхарна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 409, л. 11); тем же подзаголовком это стихотворение, как и другой волошинский перевод из Верхарна, «Человечество» («О, вечера, распятые на сводах небосклона...»), было снабжено при публикации в газете «Русь» (1905. № 188, 14/27 авг. С. 4). См.: Т. 4 наст. изд. С. 83, 932.

[4] См. п. 35, примеч. 8.

[5] Брошюра Ван Бевера «Maurice Maeterlinck» (Paris, 1904), изданная в серии «Les célébrités d'aujourd'hui»; имеется в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина с дарительной надписью автора.

[6] Видимо, Брюсов написал непосредственно Ван Беверу и запросил статью о Метерлинке для «Весов». 10 августа (н.ст.) 1904 г. Ван Бевер известил Волошина: «Статья о Метерлинке, о которой я вам говорил, находится в вашем распоряжении. Можете ли вы прийти за ней *завтра* (четверг) или *послезавтра* (пятница)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 248). Не исключено, что Ван Бевер самостоятельно отправил статью в Москву, поскольку Волошин в назначенные дни прийти к нему не мог (он находился в Швейцарии). Статья Ван Бевера «Морис Мэтерлинк» открывала 9-й номер «Весов» за 1904 г. (С. 1—23), перевод ее на русский язык выполнил Брюсов. Статья была перепечатана еще в двух «скорпионовских» изданиях: *Мэтерлинк Морис*. Избиение младенцев. Рассказ. Со статьей А. Ван-Бевера о жизни и творчестве М. Мэтерлинка. М., 1904; *Мэтерлинк Морис*. Пеллеас и Мелизанда и стихи в переводе Валерия Брюсова. Как предисловие статья А. Ван-Бевера. М., 1907 — в предисловии «От переводчика» Брюсов назвал статью «прекрасной» (С. IV).

[7] Волошин уехал в Швейцарию (в Женеву) 9/22 июля, сразу по получении денег из издательства «Скорпион» (Труды и дни. С. 122). Вопреки высказанному предположению, он провел в Швейцарии целый месяц.

[8] «О 300 fr., уезжая, я распорядился, чтобы Вам послали. Не знаю, исполнено ли», — писал Брюсов Волошину из Антоновки в начале июня ст.ст. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 340).

40. Е.Ф. ЮНГЕ

7/20 июля 1904 г. Париж

20 июля 1904.
3 Rue du Bac.

Дорогая Екатерина Феодоровна!

Париж опустел. Сперва уехала Маргарита Васильев<на>, потом через несколько дней Бальмонты.[1] Я перестал так часто бывать на Монпарнассе.[2]

Курбатов переселился к m-me Жан в комнату Мар<гариты> Вас<ильевны>.[3] Но и его я вижу только изредка. Кругликова по-прежнему в Париже.

Жара у нас невыносимая, какой еще в Париже за последние пятьдесят лет, по словам метеорологических справок, не

бывало. (39½° в тени). Я жду не дождусь денег от Скорпиона, чтобы уехать из Парижа.[4]

У Гольштейнов все опустело, потому что их дочь с внуками уехала в Россию. Они оба сидят грустные.

Событий в Париже за это время никаких не было, кроме Национального Праздника, когда парижане, несмотря на жару, танцевали три дня подряд.[5]

Об Вас все спрашивают и заботятся, как вы доехали.[6]

Я Вам сейчас очень завидую и хотел бы быть в Коктебеле, если бы туда можно было перенестись сразу. И так же сразу унестись.

Что оставило на Вас самое сильное впечатление на возвратном пути?

Долго ли были Вы в Венеции?

Как была принята в Коктебеле у Вас весть о Вашем знакомстве с Бальмонтом?[7]

Что делается у нас на Пелеате и Максалене?[8] По-прежнему ли весело? Видели ли Вы «веселую вдову»?[9]

До свиданья. Вам ото всех поклоны.

От меня поклоны всем вашим.

Макс Волошин.

P.S. Об Евгении Викторовиче я слыхал от одной его знакомой барышни, присланной им ко мне.[10] Это ужасно. Имели ли Вы от него что-нибудь с дороги?

[1] М.В. Сабашникова; уехала в Москву 8/21 июня. См. также примеч. 1 к п. 36.

[2] Подразумевается русский художественный кружок «Монпарнас».

[3] Имеется в виду отель madame Jeanne «Корнель» у Люксембургского сада (напротив театра «Одеон»); в нем остановилась М.В. Сабашникова вместе с братом А.В. Сабашниковым и Т.А. Бергенгрин по приезде в Париж около 6/19 марта 1904 г. (Труды и дни. С. 117).

[4] См. п. 39, примеч. 7, 8.

[5] Празднование Дня взятия Бастилии — 14 июля. Волошин описал этот день в очерке «Национальный праздник» (1904), представленном в газету «Русь», но не принятом к печати. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 161–173, 813–815.

[6] Е.Ф. Юнге приехала в Париж в начале мая (н.ст.) 1904 г. и прожила там около месяца, общалась со многими парижскими знакомыми Волошина. По возвращении в Коктебель она писала Волошину (22 июня / 5 июля): «После очень трудного и долгого пути, со всякими роздыхами, из кот<орых> один только был приятный – в Венеции, – я наконец благополучно добралась до дома. <...> Хотелось бы поделиться моими восторгами Венецией и подробностями путешествия, но я приехала только третьего дня и еще не отдохнула от дороги <...> теперь же мне хочется только поблагодарить Вас за Ваше внимание ко мне, за все Ваши заботы. Поблагодарите также Елизавету Сергеевну <Кругликову. – *Ред.*>, m-me Holstein, Курбатова, все они были так добры и милы со мной, кланяйтесь также от меня m-me Jeanne» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1353).

[7] Юнге писала Волошину 16/29 июля 1904 г.: «Что касается до Бальмонта, то, когда я выхожу из-под гипнотизма чудных глаз его милой жены и отчасти из-под Вашего, то я его, конечно, ругаю, сколько могу, и, думая об его влиянии на Вас, еще больше ругаю. Это обидно, что люди для него собою жертвуют» (Там же).

[8] См. п. 13, примеч. 2. Максалена (Макселена) – именование дома Е.О. Кириенко-Волошиной в Коктебеле, построенного летом 1901 г.

[9] Подразумевается А.И. Орлова.

[10] Имеются в виду Софья Антоновна Бассак и Е.В. Деген, о котором Юнге сообщала Волошину в письме от 22 июня / 5 июля: «Евгений Викторович должен был отправиться на войну, это вообще ужасно, а при его взглядах и убеждениях еще ужаснее». С Русско-японской войны Деген не вернулся; 9/22 сентября 1904 г. С. Бассак сообщила Волошину, что его «оставили на поле сражения» (Труды и дни. С. 124).

41. Г.И. ЧУЛКОВУ

26 июля / 8 августа 1904 г. Женева

7 août 1904 Genève.[1]

Дорогой Зоря!

Только теперь, приехав в Швейцарию, я узнал от Вячеслава Иванова Ваш адрес и получил возможность поблагодарить Вас за присылку Вашей книжки.[2]

Я только от него узнал, что Вы уже в Петербурге и принимаете близкое участие в «Новом Пути».[3]

Я ведь в Париже ни русских книг, ни журналов не имею. Потому получение Вашей книги было мне особенно приятно.

Стихов Ваших ведь я никогда не слыхал, Вы мне никогда не читали их и не говорили даже об этом.

Это было для меня прекрасной неожиданностью.

Впрочем, ошибаюсь: за несколько недель до получения Вашей книги мне читала Ваши стихи наша общая знакомая Алекс<андра> Мих<айловна> Моисеева, которую я случайно встретил в Париже.[4]

В Женеве я несколько дней. Мой постоянный адрес Paris. 3. Rue du Bac.

До свиданья.

Макс Волошин.

[1] Датировка неточна: Волошин приехал в Женеву из горной Швейцарии к вечеру 8 августа н.ст. (Труды и дни. С. 122).

[2] Речь идет о первой книге стихов и прозы Г. Чулкова «Кремнистый путь» (М.: Изд. В.М. Саблина, 1904), вышедшей в свет в декабре 1903 г. Видимо, Чулков (познакомившийся с Волошиным в Москве осенью 1897 г., в бытность их обоих студентами Московского университета; см.: Труды и дни. С. 55) прислал свою книгу в Париж для передачи Волошину. Визит к Вяч. Иванову на виллу «Ява» («Java») и знакомство Волошина с ним состоялись 13/26 июля 1904 г.

[3] Чулков (в 1902 г. исключенный из Московского университета и сосланный за активное участие в нелегальной деятельности в Якутию, а затем, освобожденный по амнистии, живший под гласным надзором полиции в Нижнем Новгороде) получил, благодаря хлопотам родственницы, разрешение жить в Петербурге и обосновался там весной 1904 г. В результате знакомства с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус он принял в апреле 1904 г. полномочия секретаря редакции журнала «Новый Путь». См. об этом в книге воспоминаний Чулкова «Годы странствий» (*Чулков Георгий.* Годы странствий. М.: Эллис Лак, 1999. С. 72–85).

[4] С А.М. Моисеевой (литературный псевдоним Мирэ) Волошин общался в Париже весной 1902 г. См.: Т. 8 наст. изд. С. 770, 773. Чулков знал ее в юности в Москве и потом встретился с ней в Нижнем Новгороде; историю жизни Моисеевой он изложил в воспоминаниях (*Чулков Георгий.* Годы странствий. С. 66–70).

42. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 29 июля / 11 августа 1904 г. Женева[1]

37 Rue de la Servette, Genève.

Дорогая Александра Михайловна!

Вот, сделавши быстрый круг, по Швейцарии[2] с Яксом[3] и проведя несколько буйных споров с Пешковским,[4] я сижу в пустой квартире Глотовых в Женеве. Пишу, читаю. По вечерам езжу к Вячеславу Иванову.[5] Жду Вебера (мужа Якунчиковой) из Шамони,[6] чтобы получить от него материалы для статьи об ней, которую буду писать.[7] Жду приезда Полякова[8] — «Скорпиона» (главного), который должен явиться на днях в Женеву. Иногда встречаюсь с Семеновым — переводчиком Пшибышевского[9] в кафе Ландольта.[10] Словом, в Женеве оказывается импровизированный съезд Скорпионщиков. Интереснее всего для меня Вячеслав Иванов,[11] с которым лично я не был знаком до сих пор, хотя знал его как поэта значительно раньше Московского кружка и первый указал Брюсову на его «Кормчие звезды».[12] Человек это в высшей степени начитанный и тонкий. Следили ли Вы за его «Эллинской религией страдающего Бога»[13] в «Новом Пути»? Я раньше был знаком с его Дионисово-Христианскими идеями и знал, что он рассматривает Христа как одно из воплощений Диониса, и Христианство как органическое продолжение религии Греции, но мне только теперь в этих статьях открылась вся глубина и широта его мысли.[14] Это целое откровение, и притом обставленное таким тяжеловесным боевым аппаратом филологии текстов, что от него никак не отделаешься одним словом «декадентство», даже все митральезы[15] факультетских познаний не сокрушат эту толщу цитат. В разговоре он далеко не так страшен, как в своих писаниях. Очень прост, изящен и легок.

Я теперь перечитал весь «Новый Путь» с начала года. В тех стихотворениях Сологуба «К родине»[16] мне нравится только музыка ритма; но к словам я совсем равнодушен. Зато его стихотворение в Июльской книжке поразительно, и картиной и ритмом.[17] Вы читали? Что совсем меня ослепило, это «Конь блед» Брюсова в Майской книжке.[18] Он мне его читал в

неоконченных отрывках, и я только слабо предчувствовал всю его необычайность.

Мои стихи... «Живет меж складками морщинистой земли».[19] Я очень стою за эту строчку и за этот образ. Он именно передает пейзаж Редона. Это, может, даже наиболее Редоновское во всем стихотворении. Я совсем не понимаю даже вашего негодования.

«Тесен мой мир» — был задуман с самого начала в этом виде.[20] И я только сделал ошибку, послав вам раньше одну первую строфу, когда остальные еще не были закончены. Конец последней строфы существовал даже задолго до первой, и я, помнится, его как-то Вам читал еще в Феодосии.

«Чудовища»[21] — это отрывок из одного письма, очень большого и очень субъективного. Я поэтому прислал Вам только это. В письме очень много намеков, непонятных для других, и объяснить их трудно. Сходство с Бальмонтом вы, конечно, нашли в строке «Мать-Земля и Царь-Огонь», но ведь это народные названия, составляющие общее достояние как язык, как слово, и взяты они мной не из Бальмонта, а из того же источника, из которого взял их и он, — из книги Максимова.[22] Мне очень жаль, что Вам так мало понравились «Чудовища». Я за Кентавров очень стою и вложил туда очень много для меня необычайно важного.

Посылаю Вам переводы из Верхарна.[23] Что касается фельетонов, то вышлю их позже из Парижа. Теперь у меня их нет.

Свидание мое с Пешковским было очень тяжело. Мы с ним расходимся. Уже разошлись. А когда встретимся — Бог весть. Это полное непонимание. Непонимание с его стороны. Его я понимаю и ценю, потому что и я этим раньше жил. Но он меня не понимает. А, не понимая, принять не хочет. Он не хочет допустить, чтобы я что-нибудь писал или говорил из того, что я теперь пишу и говорю, говорил бы искренно. В конце концов, он мне прямо не позволяет быть самим со-

бой. Есть грани, которые он не хочет и не может переступить. Он чего-то во мне окончательно не может мне простить. Я рад, что при наших разговорах все время присутствовал Яша, и благодаря этому атмосфера логики была все-таки легче, чем осенью в Москве. Я для него даже делал уступки: говорил последовательно и доказывал. Но именно эта атмосфера логики и убивает все, она переводит из пределов жизни разговор в мертвые области убеждений. Он живет только в этих областях и меня же упрекает в полном незнакомстве и равнодушии к жизни. Это очень печально, но я чувствую, что Пешковский меня окончательно отверг. Внешние отношения остались те же. Но связывает нас только прошлое. В настоящем между нами нет ни одной точки соприкосновения. Встреться мы с ним теперь впервые, мы бы не сказали друг с другом двух слов. Так мы далеки.

Мы ежедневно по несколько часов беседуем с Вячесл<авом> Ивановым.[24] Он мне сказал:

«Да, я признаю обезьяну. Обезьяна, а потом неожиданный подъем: утренняя заря, рай, божественность человека. Совершается единственное в истории: животное, охваченное безумием. Обезьяна сошла с ума и стала человеком. Родилось высшее в жизни — трагедия. Надо, чтобы это было так. Впереди — опять золотой век — апофеоз, заря вечерняя. Мы должны жить между двумя зорями. Иначе жить нельзя. Это не конец. Зори это только призраки и пролеты в вечность.

Вы, Бальмонт нам чужды. Нам враждебен virus буддизма. Вот вопрос твердый, решающий, ставящий грань: “Вы хотите воздействовать на природу? Пересоздать ее?”»

— Нет. Безусловно. Я ее только впитываю и принимаю.

«Ну вот! А мы хотим претворить ее, пересоздать. Мы — Брюсов, Белый, я. Брюсов приходит к магизму. Белый для этого понятия создал свое слово “теургизм”.[25] Это иное по форме. В сущности оно тождественно. Для меня перевоплощение в дионисическом безумии. Теперь оно воплощено в музыке.

Обезьяна могла перевоплотиться в человека, и человек когда-нибудь сделает тот же скачок и станет сверхчеловеком».

— А если не человек сделает этот скачок? Если другое животное сойдет с ума? Может, одно из тех старых мистических животных, к которым человек питал всегда такое мистическое чувство: змей, паук, крокодил?..

— «Тогда это будет демон. Вы ведь знаете, что апостол Павел и ангелов называет демонами.[26] Он говорит, что человек все-таки создан совершеннее ангела. Да! В христианстве есть даже такие прозрения. В буддизме равенство человека и животных. Христианство антропоцентрично. Мы будем воспитывать, учить животных. Христианство это религия любви, но не жалости. Религия безжалостной любви, истребляющей, покоряющей. Буддизм скорее религия жалости. Религия усталого спокойствия».

— Я считаю основой жизни пол — Sexe. Это живой осязательный нерв, связывающий нас с вечной тайной. Мост между тайной и нами. Искусство — это развитие пола — переведение этой силы в другую область. Сила пола, не нашедшая свое<го> физического исхода, становится искусством, религией, философией. Дилемма: или создание человека, или создание произведения искусства. Поэтому художник должен быть целомудренным. Но это не аскетизм; эту силу нельзя убивать. Ее надо развивать, возбуждать, для того чтобы перевести ее в другую плоскость.[27]

— «Если так, то вы подходите к нам. Это уже не буддизм. Это уже начало трагедии. А в буддизме нет трагедии».

Об моих стихах он говорил мне: «У вас есть удивительная наивность и непосредственность по отношению к миру. Белый в своей статье о Бальмонте назвал его последним поэтом чистого искусства.[28] «Последним» — для этого периода. Вы, может, первый проблеск периода будущего, который начнется за нами. Вы нашли себе поразительно красочный язык. Чувствуется полотно, живопись, краски, полная иллюзия видения. И все так закончено. Pour definir Votre talent* —

---

* Чтобы определить Ваш талант *(фр.)*.

у вас глаз непосредственно соединен с языком. Вы какой-то говорящий глаз».

До свиданья. Конечно, я против «издания стихов» ничего не имею, а напротив глубоко польщен и тронут.[29]

Кланяюсь Нине Александровне.

Кланяюсь Конст<антину> Федоров<ичу> и Лидочке.[30]

Моя живопись молчит.

Мах.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Genève. 11.VIII.04.

[2] См. п. 39, примеч. 7. В письме к М.В. Сабашниковой Волошин писал: «Еду в Швейцарию на несколько дней спасаться от жары» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106, л. 30).

[3] Я.А. Глотов.

[4] А.М. Пешковский.

[5] С конца июля 1903 г. по 11/24 марта 1904 г. В.И. Иванов и Л. Зиновьева-Аннибал жили в Женеве.

[6] Л.Н. Вебер. С 1901 г. семья Л.Н. Вебер проживала в Шамони, затем в Шен-Бужери.

[7] Речь идет о сборе материала к статье о творчестве М.В. Якунчиковой. В письме от 23 августа 1904 г. Л.Н. Вебер обещал Волошину: «...примусь за дневники и переписку Мар<ии> Вас<ильевны> и извлеку из них интересные для Вашей статьи вещи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 326). Однако своего обещания Вебер, по всей вероятности, не выполнил: статья Волошина «Творчество М. Якунчиковой», опубликованная в № 1 «Весов» за 1905 г. (С. 30–38), соответствующих цитат не содержит. Этот номер был целиком оформлен работами Якунчиковой, в примечании к статье указывалось: «Все рисунки М. Якунчиковой, воспроизведенные в этом № “Весов”, появляются в печати в первый раз и любезно предоставлены в распоряжение редакции г. Л. Вебером» (С. 30). См.: Т. 5 наст. изд. С. 482–489, 818–821; Труды и дни. С. 122–123; запись в дневнике Волошина «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 168).

[8] С.А. Поляков.

[9] М.Н. Семенов перевел роман Станислава Пшибышевского «Homo sapiens» (М.: Скорпион, 1903).

[10] Об этом см. также письмо С.А. Полякова В.Я. Брюсову от 6/19 сентября 1904 г. из Женевы: «Вечером собираемся в кафе Лан-

дольта, куда часто приходят Ивановы и другие женевские обитатели, бывал там постоянно и Волошин. Много рассуждали о ведении и распространении “Весов”; результатом одного из таких заседаний явилась статья Иванова об индивидуализме, которую Вы, вероятно, уже получили; быть может, явятся и еще какие результаты со стороны Волошина и Мих<аила> Ник<олаевича>, который начинает оживать и собирается работать для “Весов”... Таким образом, и вечера более напоминают о Москве, чем о Женеве» (ЛН. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Кн. 2. С. 96. Публ. Н.В. Котрелева, Л.К. Кувановой и И.П. Якир).

[11] Личная встреча Волошина с Вяч. Ивановым состоялась около 22 июля / 4 августа, о чем Иванов писал Брюсову (см.: ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 452). Одну из бесед с Вяч. Ивановым Волошин приводит в статье «Пророки и Мстители. Предвестия Великой революции» (1906). См.: Т. 3 наст. изд. С. 274–304, 530.

[12] О Вяч. Иванове Волошин знал по отзывам о нем А.В. Гольштейн. О книге Вяч. Иванова «Кормчие звезды» речь шла в письме А.В. Гольштейн к Волошину от 22 января (н.ст.) 1903 г.: «Вышел сборник В. Иванова “Кормчие звезды”. Имею 2 экзем<пляра>. Для передачи кому хочу. Я хочу выслать один для Вас и Косоротова с просьбой обоим *написать,* получив, где хотите и какой хотите. Этим очень обяжете меня. Не прошу *хвалить* – говорите, что хотите, но мне, знакомой с сегодняшними произведениями Иванова, кажется, что критик не промахнется, сказав, что в нем есть все задатки большого писателя. Сделайте это» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 9–9 об.).

[13] Работа Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога» была опубликована в журнале «Новый Путь» в 1904 г. (№ 1. С. 110–134; № 3. С. 38–61; № 5. С. 28–40; № 8. С. 17–26; № 9. С. 47–70), ее окончание – под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» – в журнале «Вопросы Жизни» в 1905 г. (№ 6. С. 185–220; № 7. С. 122–148).

[14] Волошин знал о восторженном отношении А.В. Гольштейн к лекциям Вяч. Иванова, прочитанным в 1903 г. в Русской школе в Париже. «Теперь я страшно счастлива настоящим сближением с Ивановым, который читает в Русс<кой> Школе ряд прямо удивительных лекций о “страдающем боге”, – писала Гольштейн Волошину 7 мая (н.ст.) 1903 г. – Это его исследование о религии Диониса и происхождении греческой трагедии. Такого значительного курса, я думаю, в Школе еще никто не читал. Я хожу на все лекции» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 12).

[15] Митральеза – французское название картечницы (многоствольного артиллерийского орудия, стреляющего картечью).

[16] Имеется в виду цикл стихотворений Ф. Сологуба «Гимны Родине» (Новый Путь. 1904. № 3. С. 87–88). А.М. Петрова в письме от 31 марта (ст.ст.) переписала этот цикл Ф. Сологуба для Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 38–39).

[17] Речь идет о стихотворении Ф. Сологуба «Водой холодной отражены...», впервые опубликованном в журнале «Новый Путь» (№ 7. С. 88).

[18] Стихотворение В.Я. Брюсова «Конь блед» впервые опубликовано в № 5 «Нового Пути» за 1904 г. (С. 146–147).

[19] Строка из стихотворения Волошина «Одилон Рэдон». Отрицательный отзыв об этой строке А.М. Петрова дала в письме к Волошину от 4 июля 1904 г. См. п. 38, примеч. 9.

[20] Речь идет о стихотворении «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...». См. п. 38, примеч. 9.

[21] В ответном письме от 5–11 ноября А.М. Петрова хвалила Волошина за статью «Письмо из Парижа. I. Клод Моне. Итоги импрессионизма. II. Англада» (Весы. 1904. № 10. С. 42–48; см.: Т. 5 наст. изд. С. 17–22, 440–442, 657, 804), за стихи и переводы из Верхарна и признавалась, что изменила свое отношение к «Чудовищам»: «Совсем хорошо написал в “Весах” за Октябрь. И стихи Ваши последние – все превосходны. И “Чудовища”... я в лужу села... теперь массу мыслей оттуда цитирую часто про себя...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 47).

[22] Речь идет о книге С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила...» (СПб., 1904), которую Волошину подарил 29 февраля / 13 марта К.Д. Бальмонт (Труды и дни. С. 116).

[23] Получив переводы Волошина из Верхарна, А.М. Петрова писала: «Переводы из Верхарна – расцеловать за них» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 49).

[24] Записи этих бесед отчасти были зафиксированы Волошиным в дневнике «История моей жизни». См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 160–167, 171–172. А.М. Петрова благодарила Волошина за описание разговоров с Вяч. Ивановым в ответном письме: «А описание разговора с Вяч. Ивановым – как нельзя более вовремя попали. Спасибо. Помогли разобраться в нем. С первой же книги его “Эллин<ская> Религия” захватила меня. И в “Весах” “Поэт и чернь”, и другие все» (л. 47).

[25] «Теургизму» была посвящена статья Андрея Белого «О теургии» (Новый Путь. 1903. № 9. С 100–123). Свою теургическую позицию Андрей Белый также разъяснял в статье «Символизм как миропонимание» (Мир Искусства. 1904. № 5. С. 173–196).

[26] Возможно, имеются в виду слова из «Послания к Евреям» апостола Павла об ангелах: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (I, 14).

[27] Эти разговоры преломятся в особом интересе к платонизму и диалогам Платона, который проявится у Волошина в сентябре 1904 г. (см.: Т. 7, кн. 1, наст. изд. С. 174—175). Развитие этой темы — в статье Волошина «Пути Эроса. (Мысли и комментарии к Платонову «Пиру»)» (1907). См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 208—235, 825—837.

[28] Имеется в виду статья Андрея Белого «К.Д. Бальмонт» (Весы. 1904. № 3. С. 9—12), содержащая характеристику: «Бальмонт последний русский великан чистой поэзии — представитель эстетизма, переплеснувшегося в теософию» (С. 10).

[29] В письме от 4 июля 1904 г. А.М. Петрова сообщала: «На Ваши стихи такая масса охотников, что я... занялась их изданием. Пока переписала для Пешковского и Кати Латри, затем буду для Конст<антина> Фед<оровича>, Финочки, Лидочки и т.д.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 45 об.).

[30] Н.А. Айвазовская, К.Ф. Богаевский и, возможно, Л.А. Соломос (в замужестве Лампси).

43. В.Я. БРЮСОВУ

Около 29 июля / 11 августа 1904 г. Женева

3 Rue du Bac. Paris.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я в настоящее время в Женеве. Вижусь ежедневно с Вяч. Ивановым и Семеновым.[1] Хочу здесь непременно дождаться приезда Сергея Александровича.[2]

Простите мое долгое молчание. Дней через 10 я вернусь в Париж[3] и тогда вышлю Вам целый ряд статей и заметок.

Я теперь переменил свое мнение о печатании своих стихов и решил этой зимой начать подготавливать свою книгу под именем «Годы странствий». Хочу сделать для нее рисунки. Чтобы художественная часть, выраженная в виньетках и заставках, была равноценна и параллельна стихотворной. Но это не будут иллюстрации.

Я хочу об этом поговорить с Сергеем Александровичем и спросить его, не возьмет ли «Скорпион» ее издание?[4]

Благословляете ли Вы мои планы?

Ввиду того, что я решаюсь нарушить зарок непечатания — не хотите моих стихов для «Северных Цветов»? Я Вам, кажется, присылал все, что у меня было, так что Вы сами можете сделать выбор.

Я бы выбрал «Когда время останавливается» (посв<ященное> Вам), «Тесен мой мир — он замкнулся в кольцо», «Дождь» («В дождь Париж расцветает...»), «Одилону Рэдону» («Я шел сквозь ночь...») и «Я люблю осенний шелест старых писем...».[5]

Впрочем, я на этом именно выборе нисколько не настаиваю. И предоставляю Вам это всецело.

Только, когда Вы мне напишете, я пришлю Вам окончательный текст тех стихотворений.

Кажется, я Вам не посылал еще этого стихотворения, которое я бы тоже предложил «Сев<ерным> Цветам»:

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло,
И кто<-то> горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод.
Огни плясали меж волнами.
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей.[6]

Получили ли Вы мое большое письмо с переводами из Верхарна и стихами?[7]

До свиданья.

Еще раз благодарю Вас за присылку денег.

Макс. Волошин.

Мой женевский адрес: 37 Rue de la Servette.[8]

Я останусь здесь до приезда Сер<гея> Алекс<андровича>. Приедете ли Вы осенью в Париж?

[1] М.Н. Семенов, один из учредителей издательства «Скорпион» и «Весов», подолгу живя за границей (в частности, во Франции и Италии), содействовал привлечению в «Весы» иностранных сотрудников (Дж. Папини, У. Брунеллески и др.). Издание мемуарной книги Семенова, переведенной с итальянского, включает его переписку с С.А. Поляковым, В.Я. Брюсовым, Вяч. Ивановым (см.: *Семенов М.Н.* Вакх и Сирены / Сост., подгот. текста и перевод В.И. Кейдана; вступ. статья и коммент. В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2008).

[2] Брюсов писал А.А. Шестеркиной 28 июля / 10 августа 1904 г. о С.А. Полякове: «С.А. только что вернулся из Омска (как сообщает мне телеграммой) и едет в Женеву» (РГБ, О. Р., карт. 128, ед. хр. 13). «Приезжал провожать С.А. в Женеву», — сообщал Брюсов ей же 4/17 августа (Там же). Поляков прибыл в Женеву 7/20 августа.

[3] Волошин выехал из Женевы в Париж 9/22 августа. См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 171.

[4] По всей вероятности, твердой договоренности с Поляковым об издании «Скорпионом» сборника стихов Волошина тогда достигнуто не было; во всяком случае, эта тема на продолжительное время исчезает из волошинской переписки, а в 1906 г. Волошин обратился с предложением к М. Горькому напечатать его книгу стихов «Годы странствий» в издании товарищества «Знание» (см. п. 102).

[5] За исключением стихотворения «Я люблю осенний шелест...» (при публикации в сб. «Стихотворения. 1900—1910» озаглавленного «Старые письма», 1-й стих: «Я люблю усталый шелест»), все перечисленные стихотворения были включены в цикл Волошина «Минуты прозрений» (стихотворение «Когда время останавливается» — без посвящения Брюсову). Кроме того, в публикацию вошли стихотворения «Закат сиял улыбкой алой...», «Огненных лилий аккорд...» и «Рождение стиха» («В душе моей мрак грозовой и пахучий...»). См.: Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион», М., 1905. С. 51—55.

[6] Опубликовано в альманахе «Северные цветы ассирийские» (С. 52); вошло в цикл «Париж» в сб. Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (С. 19; помета под текстом: «На Сене близ Мэдона»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 25—26.

[7] Имеется в виду п. 39.

[8] Адрес квартиры Я.А. Глотова.

44. Е.Ф. ЮНГЕ

Около 1/14 августа 1904 г. Женева

Дорогая Екатерина Феодоровна!

Я Ваше первое письмо получил, Ваши поручения передал и сейчас же на него ответил. Так что это мое письмо пропало, а не Ваше. А письмо Ваше из Венеции к Маргарите Васильевне не пришло.[1]

Письмо Ваше (второе) я получил только что здесь в Женеве. Я бежал сюда от парижской жары и пыли, чтобы повидать Глотова (моего кузена) и нескольких знакомых. Тут теперь большой съезд скорпионов — совершенно неожиданный: Вячеслав Иванов, Семенов — переводчик Пшебышевского и ждут на днях самого Скорпиона — Полякова.[2]

Я сделал путешествие по горам.[3] Лазил по бокам Мон Блана, ходил в Оберланд, но Альпы меня совсем разочаровали. То ли дело Коктебель. Что бы я ни видел, я всегда вспоминаю его и нахожу, что он значительно красивее.

Южные безлесные горы, покрытые серо-зеленой полынью и красноватыми хрящами — точно бронзовое нагое тело. А здесь в Альпах — тяжеловесные зеленые наряды, складки, кружева, серебряная парча, эффектные облачные прически гор. Слишком рококо. Масса лишнего. Те, кто видели берега Греции и Коктебель, должны ненавидеть Альпы, особенно Интерлакен, бессовестно украденный с раскрашенных фотографий.

(Это для Александра Эдуардовича).[4]

Париж, Венеция, Коктебель... я с Вами ужасно согласен.[5]

Я бы очень хотел снова в Коктебель. Но так страшно и долго уезжать в Россию.

Какая возмутительная нелепость не пропускать образа на открытках![6]

Испанские книги давно уже отосланы.[7]

До свиданья.

Поклон Феодору[8] и Алекс<андру> Эдуардовичам.

Макс Волошин.

P.S. Не могу удержаться, чтобы не переписать для Вас тех стихов, которые мне прислала только что Маргарита Васильевна. Хотя это кажется против ее желания, но стихи ее так хороши, что мне хочется послать их Вам под секретом.

Это отрывок – четыре портрета. Вы, конечно, их сейчас же узнаете.[9]

[1] В письме к Волошину от 16/29 июля 1904 г. Е.Ф. Юнге предполагала, что ее предыдущее письмо к нему, от 22 июня / 5 июля (см. примеч. 6 к п. 40), пропало, и добавляла: «Писала я Сабашниковой из Венеции, но верно и это было получено после ее отъезда» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1353).

[2] Подразумеваются авторы книг, печатаемых издательством «Скорпион», и его глава. Позднее переводы Станислава Пшибышевского, выполненные Семеновым (см. примеч. 9 к п. 42), публиковались в составе предпринятого «Скорпионом» Полного собрании сочинений Пшибышевского – в томе II (М., 1905) и томе IV (М., 1906). 12 августа (н.ст.) 1904 г. Волошин записал в «Истории моей души» рассказ Семенова о его встрече с Пшибышевским (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 165–166).

[3] Знакомство Волошина с горной Швейцарией состоялось 12/25 июля и в начале августа (н.ст.) 1904 г.

[4] А.Э. Юнге, сын Е.Ф. Юнге.

[5] 16/29 июля Юнге писала Волошину: «Коктебель безумно хорош, никогда он мне так не нравился, я просто блаженствую в этом покое. Париж, Венеция и Коктебель! Эти три заключают в себе всё, все лучшие плоды творчества человека и природы».

[6] Речь идет об открытках, изображающих интерьеры собора св. Марка в Венеции. В том же письме к Волошину Юнге сообщала: «Я купила 6 открыток с мозаик и, представьте, у меня их отняли в таможне, нельзя *образа* на открытках!.. Как Вам это нравится?»

[7] В том же письме Юнге спрашивала: «Послали ли Вы испанские книги m-me Гретман?» Августа Федоровна Гретман (ок. 1850–1914) – переводчица и педагог, знакомая Е.Ф. Юнге.

[8] Ф.Э. Юнге, сын Е.Ф. Юнге.

[9] Список стихотворения М.В. Сабашниковой при письме отсутствует. Имеется в виду ее стихотворение («Мне вспоминаются игрушки...»), отправленное в письме к Волошину от 8/21 июля 1904 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058, л. 22–26 об.).

45. Г.И. ЧУЛКОВУ

Середина августа ст.ст. / Конец августа н.ст. 1904 г. Париж

3 Rue du Bac Paris.

Дорогой Зоря!

Я на днях получил июльский номер «Нового Пути». Предполагаю, что это от Вас, тем более, что в нем Ваши переводы из Мэтерлинка и статья о Чехове.[1]

Но с другой стороны, может, это экземпляр для «Union des artistes russes», который нам обещали выхлопотать у «Нового Пути».

Если нет, то я прошу Вас как секретарь «Union des artistes russes»,[2] нельзя ли нам получать «Новый Путь» даром или на льготных условиях. «Нового Пути» в Париже достать нельзя, а наш кружок – это единственное место, где встречаются все. Его адрес

«Union des artistes russe<s>». Rue Bara 1.*

Но предполагая, что этот номер выслан Вами – мне, я очень Вас благодарю за него. Но я со многим не согласен в Вашей передаче Мэтерлинка. Я не чувствую в нем французского ритма, и это чаще передача, чем перевоплощение.

Но есть места, которые очень дают Мэтерлинка.

Со статьей о Чехове я очень и очень согласен. Она очень сильна и ярка в своей краткости.

До свиданья.

Не попадете ли Вы как-нибудь к нам в Париж?

Макс Волошин.

Пожалуйста, устройте, чтобы «Новый Путь» высыл<ал>ся нам в «Union». Об этом уже просили и Философова.[3] И хорошо бы, если бы нам прислали всё, с самого начала года.

[1] В № 7 «Нового Пути» за 1904 г. были напечатаны «Пятнадцать песен» Мориса Метерлинка и его «Песня Девы» в пьесе «Сестра Беатриса» в переводе Г. Чулкова (С. 14–29), а также статья Чулкова «А.П. Чехов (Некролог)» (С. 191–195).

[2] См. примеч. 13 к п. 2.

* *Строка подчеркнута красным карандашом (вероятно, Чулковым).*

[3] Д.В. Философов летом 1904 г. сменил П.П. Перцова как официального редактора-издателя «Нового Пути». В июньском выпуске журнала редакторами-издателями названы Перцов и Философов, в июльском и августовском номерах редактором значится один Философов, а издателями – Философов и Перцов; в дальнейшем подпись Перцова исчезла.

46. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 5/18 сентября 1904 г. Париж

3 Rue du Bac. Paris.

Дорогая мама!

Я устраиваюсь на зиму в Париже и поэтому взял себе ателье. Если Вы приедете зимой, это будет очень удобно.

В ателье (оно невелико, но высоко) есть палаты – балкон: второй этаж, где можно поставить кровать и стол. А внизу есть альков. Так что нам будет очень удобно вдвоем. Окно низкое и громадное – во всю стену; вид на огромный монастырский сад с высоты пятого этажа. И еще стеклянный потолок, так что Вам нечего бояться колодца, как прошлый раз. Неужели Вы не соберетесь и не найдете никакой возможности приехать?[1]

Последнее время я был весь в живописи и рисовании (после громадного перерыва) и сделал такие успехи, что даже Досекин, который относился ко мне все время иронически, – сказал, увидевши мои рисунки: «Конечно, у Вас большой живописный талант, это куда ж лучше Ваших статей и стихов. У Вас есть главное достоинство – facilité».*

Только что уехал Поляков (Скорпион – издатель).[2] Я его дней пять водил по Парижу. Он в первый раз приезжал за границу. Зимой вообще тут и еще будут скорпионы.

---

* Легкость *(фр.)*.

Да! Вышлите мне, пожалуйста, 100 рублей (250 fr.), мне крайне необходимо, т<ак> к<ак> надо перебираться на новую квартиру и платить терм;[3] а от «Руси» я сейчас не ожидаю денег, т<ак> к<ак> целых два моих последних фельетона не прошли.[4] А я теперь так увлечен был живописью, что ничего не писал. Вышлите их, пожалуйста, как можно скорее после получения письма, т<ак> к<ак> деньги мне необходимы к 1 октяб<ря> (т.е. 23 сент<ября>).

Как Ваши денежные дела в этом году? Лучше, чем в прошлом, или нет?

Как здоровье бабушки? Неужели она останется на всю зиму в Коктебеле?

Как поживает m-me Юнге? Она мне ничего не отвечала на мои письма. Что она рассказывала о Париже?[5]

Прочли ли Вы наконец все мои фельетоны? Что Вы мне об них скажете? Вы мне писали только о Bal des Quat'z arts.[6]

До свиданья.

Целую бабушку. Поклон Орлишке,[7] Поликсене Сергеев<не>[8] и Нат<алии> Иванов<не>.[9]

Max.

[1] Е.О. отвечала 12/25 сентября: «Ты не совсем понимаешь, почему мне нельзя уехать теперь далеко и надолго, теперь, когда бабушка будет жить у меня в Коктебеле <...> ее нельзя оставить здесь совершенно одну» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 651).

[2] См. примеч. 2 к п. 44.

[3] Терм (*фр.* terme) – плата (за определенный срок). В ответном письме от 12/25 сентября Е.О. сообщала: «300 франков послано уже давно по адресу Rue du Bac 3».

[4] Сотрудничество Волошина как парижского корреспондента в ежедневной петербургской газете «Русь» началось с апреля 1904 г., ко времени написания письма в ней были опубликованы семь его статей.

[5] Е.Ф. Юнге была в Париже в мае-июне 1904 г. См. п. 40.

[6] Имеется в виду очерк Волошина «Весенний праздник тела и пляски («Bal des Quat'z-arts»)» (Русь. 1904. № 129, 22 апр.). См.: Т. 5 наст. изд. С. 400–407. Е.О. отозвалась о нем в письмах к Волошину дважды: «Твоя статья о Редоне мне очень понравилась, также и Bal

des Quat'z-arts» (9 мая 1904 г.); «Читала твой фельетон “Весен<ний> празд<ник> тела и пляски”. Написан бойко, интересно, в современном духе, но меня такое писание не удовлетворяет» (30 мая 1904 г.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 651). В ответном письме от 12/25 сентября Е.О. извещала: «Фельетоны твои я еще не собралась прочесть внимательно. Подожди. Они в настоящее время у Полик<сены> Сергеевны».

[7] А.И. Орлова, знакомая Е.О. и Волошина по Коктебелю.

[8] Поликсена Сергеевна – Соловьева, дочь историка С.М. Соловьева.

[9] Наталия Ивановна – Манасеина. Летом 1903 г. Н.И. Манасеина на паях с П.С. Соловьевой построила в Коктебеле дачу.

47. В.Я. БРЮСОВУ

Около 10/23 сентября 1904 г. Париж[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Пожалуйста, исправьте как можно скорее оплошность «Весов». Лакосту до сих пор не заплачено 150 fr.[2] Я спрашивал у Сер<гея> Алек<сандровича>.[3] Он сказал, что не знает, что, верно, выслано по выходе номера. У Лакоста я до сих пор не мог узнать, получил ли он деньги: он был вне Парижа. Вчера он пришел ко мне спрашивать о деньгах. Мне было ужасно стыдно. Пожалуйста – сделайте распоряжение об этом немедленно.

Его адрес: 7, Rue Rousselet (а не 22, как было раньше).

Макс Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с п. 48.

[2] Речь идет о гонораре Ш. Лакосту за оформление № 7 «Весов» и за обложку к № 7–9. В письме от 28 июля 1904 г. к Вяч. Иванову Брюсов упоминал, что «Лакосту не заплачено за рисунки, присланные в апреле» (ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 456).

[3] С.А. Поляков.

48. В.Я. БРЮСОВУ

11/24 сентября 1904 г. Париж[1]

3 Rue du Bac.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ваше письмо пришло через 2 часа после того, как я отправил Вам мою статью «Макбет зарезал сон» и открытку.[2] Это письмо я отправлю одновременно с «Письмом из Парижа» об импрессионизме и об Англаде.[3]

Вы спрашиваете о женевских беседах.[4] Я не знаю, что Вы уже знаете. Говорили, конечно, очень много о «Весах» и о разных проектах. Но т<ак> к<ак> при Вашем отсутствии решительно нельзя было говорить о чем-нибудь определенно, то это были все очень общие разговоры.

Говорили о том, что необходимо привлечь Мэтерлинка и Рэми де Гурмона, чтобы иметь имена и, по крайней мере, изредка статью до ее напечатания по-французски. Демарши к этому я сделаю, как только парижане съедутся в Париж.[5] Пока ведь всё еще пусто. Все на берегу моря.

Из конкретных решений: Сер<гей> Алекс<андрович> решил издать номер, посвященный Якунчиковой. Я познакомил его с Вебером – мужем Якунч<иковой> – и тот предоставил в распоряжение «Весов» ее не изданные еще рисунки.[6] Я для этого номера приготовлю статью, для которой Вебер обещал дать мне материалы: выбор из ее дневников и писем. Она очень тонко наблюдала и хорошо владела словом. Так что это может быть очень интересно. Но это может задержать статью, т<ак> к<ак> тут все зависит от Вебера, которому предстоит эта работа. Моя статья собственно уже вполне готова. Ее нужно только записать.[7]

Приедете ли Вы в Париж?

Сер<гей> Алекс<андрович> говорил, что после его приезда Вы немедленно уезжаете за границу. Неужели Вы не попадете в Париж? Я на это страшно надеюсь. Не говоря о практической пользе для журнала, т<ак> к<ак> Вам необходимо познакомиться с Гилем и Ван Бевером, которые

уже давно ждут Вашего приезда, но и с эгоистической – мне ужасно хочется побродить по Парижу вместе с Вами.

Если Вы приедете один и после 15 октября, то моя мастерская к Вашим услугам. Я меняю адрес и переселяюсь 15 окт<ября> в № 9 Rue Campagne Première.[8] Тогда в мастерской Вы отлично можете устроиться у меня: хотите?

К декабрю (к ноябрю едва ли) я приготовлю готический номер с обложкой. И постараюсь написать к нему же статью о чудовищах, т.е., скорее, о человеческом лице в готике.[9]

Напишите мне о планах для «Северных Цветов». Хотите ли Вы взять для них что-нибудь из моих стихотворений?

Для меня Женева была наполнена, конечно, разговорами с Вячес<лавом> Ив<ановым>. Ведь я только теперь лично с ним познакомился.

Он обогатил меня мыслями, горизонтами и безднами на несколько лет.[10]

До свиданья. Надеюсь, что скоро увижу Вас.

Поклон Иоанне Матвеевне.

Макс Волошин.

Мне хочется знать Ваше мнение об этих двух переводах из Малларме, которые я сделал на днях.

ЛЕБЕДЬ

Могучий, девственный, в красе извивных линий
Безумием крыла ужель не разорвет
Он озеро мечты, где скрыл узорный иней
Полетов скованных прозрачно синий лед.

И лебедь прежних дней в величьи гордой муки,
Он знает, что ему не взвиться, не запеть,
Не создал в песне он страны, чтоб улететь,
Когда придет зима в сияньи белой скуки.

Он шеей отряхнет смертельное бессилье,
Которым вольного теперь неволит даль,
Но не кошмар земли, что приморозил крылья.

Он скован белизной и блеской одеянья,
И стынет в льдистых снах ненужного изгнанья,
Окутанный в надменную печаль...

* * *

О зеркало! Холодная вода,
Кристалл уныния, застывший в льдистой раме!
О, сколько раз в отчаяньи, часами,
Усталая от снов, ища надежд былых,
Опавших как листы в провалы вод твоих,
Сквозила из тебя я тенью одинокой.
Но, горе! В сумерки, в воде твоей глубокой
Познала я тщету своей нагой мечты...

(Фронтиспис к «Иродиаде»)[11]

Как жаль, что мой рисунок в «Весах» помещен в таком большом виде.[12] Я надеялся, что Вы его сильно уменьшите и поставите только как заставку. Так он страшно груб.

Не печатайте никаких других моих рисунков из присланных раньше: я Вам пришлю новых очень скоро.

Боюсь, что мое «Письмо из Парижа» очень длинно, но сжать его больше нет возможности. Может ли оно идти в сентябрьском номере?

Для октябрьского я пришлю новое об Осеннем Салоне.[13]

Я дал письмо к Вам моему другу Матвееву.[14] Он художник, оккультист и врач. Я думаю, что он Вам будет интересен. Он очень в курсе парижского оккультизма и составляет гороскопы. Как художник он весьма интересен, но имел привычку уверять, что у него ничего нет. Но Вы его заставьте показать его вещи. Он в высшей степени обладает фантастическим даром. Вообще же он очень дик.

До свиданья.

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 24.9.04. Получено в Москве 16 сентября.

[2] Имеется в виду письмо Брюсова от начала сентября ст.ст. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 344–345). Открытка – п. 47.

[3] Статья Волошина «Письмо из Парижа. I. Клод Монэ. Итоги импрессионизма. II. Англада» была напечатана в № 10 «Весов» за 1904 г. (С. 42–48). Позднее первая часть статьи включена в макет книги 2-й «Ликов творчества» под заглавием «Итоги импрессионизма» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 17–22, 440–442).

[4] Упомянутое письмо Брюсова к Волошину содержит просьбу: «Напишите мне о женевских беседах – я ничего не знаю: С. А. еще не возвращался, Вяч<еслав> не пишет» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 344). Брюсов надеялся на то, что в Женеве, в ходе бесед С. А. Полякова и Вяч. Иванова, будет принято решение о совместном редактировании «Весов» на равных правах силами Брюсова, Иванова и Полякова (см. письмо Брюсова к Вяч. Иванову от 28 июля 1904 г. // ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 455–457). Такого соглашения достигнуто не было.

[5] М. Метерлинк в «Весах» не участвовал. Имя Реми де Гурмона, бывшего одним из наиболее влиятельных критиков-символистов, одного из инициаторов и редактора журнала «Mercure de France», упоминалось в «Весах» сравнительно часто. В 1904 г. там была помещена статья Брюсова «Реми де Гурмон» (№ 8. С. 30–32; подпись: Ch.), а также рецензия Волошина на книгу Гурмона «Литературные прогулки» (№ 11. С. 55–58). М.Н. Семенов сообщал Брюсову 15/28 ноября 1904 г. из Парижа: «От Реми де Гурмона ответ получен: он соглашается сотрудничать в “Весах”, но просит меня зайти к нему для переговоров. Пойду на днях» (*Семенов М.Н.* Вакх и Сирены. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 492). Впоследствии статьи и корреспонденции Реми де Гурмона стали систематически появляться в «Весах».

[6] Сергей Александрович – Поляков. М.В. Якунчикова в последние годы жизни постоянно жила в Париже. С Л.Н. Вебером – мужем Якунчиковой и сыном А.В. Гольштейн от первого брака – Волошин совершал летом 1904 г. совместные экскурсии в Альпы.

[7] См. п. 42, примеч. 7.

[8] Волошин переехал по новому адресу несколько раньше того дня, который назвал Брюсову. 5/18 сентября 1904 г. он писал Сабашниковой: «Теперь мой адрес: 9 Rue Campagne Première. Я туда уже через неделю переселяюсь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107).

[9] См. п. 35, примеч. 8.

[10] Эту фразу Брюсов привел в письме к Вяч. Иванову от 17/30 сентября 1904 г., предварив ее словами: «Макс Волошин пишет мне о тебе (точно):» (ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 461).

[11] Оба перевода из Малларме – сонет «Le vierge, le vivace et le bel aujourd'hui...» (1887) и фрагмент из поэмы «Иродиада» («Hérodiade», 1869) – вошли в сб. Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М., 1910. С. 59) – с вариантами строк по отношению к настоящему тексту: «Лебедь», ст. 5 – «И Лебедь прежних дней, в порыве гордой муки», ст. 11–13 – «Но не позор земли, что приморозил крылья. / Он скован белизной земного одеянья, / И стынет в гордых снах ненужного изгнанья»; «О зеркало! Холодная вода...», ст. 3–4 – «О, сколько вечеров, в отчаяньи, часами, / Усталая от снов и чая грез былых» (Т. 4 наст. изд. С. 781–782). Брюсов также перевел сонет Малларме «Лебедь» («Бессмертный, девственный, властитель красоты...»). Перевод впервые опубликован в кн.: Хризопрас. Художественно-литературный сборник изд-ва «Самоцвет». М., 1906–1907. С. 5; вошел затем в антологию Брюсова «Французские лирики XIX века» (1909). См.: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / Сост., коммент. С.И. Гиндина. М.: Радуга, 1994. С. 287–288, 832.

[12] Рисунок Волошина «В горах», занимавший в № 8 «Весов» отдельную страницу (С. 29).

[13] Статья Волошина «Письмо из Парижа. Осенний Салон. Слевинский. Морис Дени» была помещена в № 12 «Весов» за 1904 г. (С. 39–45). В макет кн. 2 «Ликов творчества» Волошин включил второй и третий разделы статьи. См.: Т. 5 наст. изд. С. 27–31, 477–479.

[14] С художником Б.Н. Матвеевым, членом Русского кружка художников в Париже, Волошин познакомился в Париже в конце 1901 г. В архиве Волошина сохранились два письма Матвеева к нему, написанных в Париже (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 828). Волошин упорно старался привлечь Матвеева к оформлению «Весов». «Предлагал мне делать там буквы и заставки, – писал Матвеев о Волошине матери, Л.П. Матвеевой, из Парижа 6 марта 1904 г. – Не знаю, буду ли я это делать». 10 апреля 1905 г. Матвеев сообщал ей же: «Макс все предлагает сделать номер "Весов", говорит, что хорошо заплатят. Начал делать. Еще он предлагает мне работать в иллюстр<ированном> приложении к "Руси". Он теперь много зарабатывает журнализмом» (РГАЛИ, ф. 801, оп. 1, ед. хр. 9, л. 4–4 об., 38–38 об.).

49. В.Я. БРЮСОВУ

17/30 сентября 1904 г. Париж[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

В моей корреспонденции есть ошибка: в Salon d'automne будет выставка не Пювис де Шаваня, а Тулуз-Лотрека.[2] Я был введен в заблуждение ложными газетными сведениями.

Теперь мой адрес:

9 Rue Campagne-Premièr<e>.[3]

Макс Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 30.9.04. Получено в Москве 20 сентября.

[2] Ни в «Письме из Парижа» Волошина, опубликованном в № 10 «Весов» за 1904 г., ни в хроникальной рубрике «Парижские выставки» (Там же. С. 81), Пюви де Шаванн и Тулуз-Лотрек не упоминаются. В следующем волошинском «Письме из Парижа», появившемся в декабрьском номере «Весов» (см. п. 48, примеч. 13), в обзоре Осеннего салона упомянута «зала умершего Тулуз-Лотрека» (Т. 5 наст. изд. С. 478).

[3] См. примеч. 8 к п. 48.

50. В.Я. БРЮСОВУ

20 сентября / 3 октября 1904 г. Париж[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Посылаю Вам давно обещанную статью m-me K. Fillonneau-Japp о моде.[2] Она, по-моему, очень интересна, но чуть-чуть болтлива, но ее можно сократить легко и без всяких угрызений совести.

Адрес ее автора 21. Rue du Champ de Mars.

Я, кажется, раньше давал Вам* об ней сведения — это дама, пользующаяся большим голосом в деле моды, очень известная в Америке, интимный друг Малларме и племянница Диккенса. Она начала свою писательскую деятельность моло-

* *В тексте слово «Вам» приведено дважды:* Я Вам, кажется, раньше давал Вам...

дой девушкой — военным корреспондентом во время осады Парижа.[3]

Макс Волошин.

P.S. Выставка Пювис де Шаваня в Sal<on> d'Automne, вер<оятно>, все-таки будет, наравне с выстав<кой> Тулуз де Лотрека.[4]

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 3.10.04. Получено в Москве 23 сентября.

[2] См. п. 31, примеч. 16.

[3] Кейт (Кэтрин) Йепп-Фийоно (Yapp-Filloneau, 1843—?) — журналистка, старшая из четырех дочерей Эдварда Йеппа, корреспондента известной лондонской газеты «Daily Telegraph». По матери — отдаленная родственница Диккенса. Молодой Малларме был дружен с семейством Йепп, жившим попеременно то в Лондоне, то в Париже; особенно тесные отношения связывали его с Кейт и Этти (Джульеттой) Йепп (1845—1873), второй дочерью Эдварда. «Я очень люблю Кейт...», — писал он 30 ноября 1862 г. своему другу, поэту Анри Казалису (псевдоним Жан Лагор), глубоко увлеченному в то время Этти Йепп (см.: *Mallarmé Stéphane*. Correspondance 1862—1871 / Recueillie, classée et annotée par Henri Mondor avec la collaboration de Jean-Pierre Richard. Paris, 1959. P. 60). В 1864 г. Кейт Йепп вышла замуж за Эрнеста Фийоно, издававшего в 60—70-е гг. в Париже журнал «Le moniteur des arts» и ряд других художественно-артистических ревю. Один из ее сыновей, Этьен-Оноре Фийоно (1866—1945), стал впоследствии видным генералом французской армии. Этти Йепп вышла в 1871 г. замуж за египтолога Гастона Масперо. Ее преждевременная кончина нашла отклик в одном из сонетов Малларме (см.: *Lawrence Joseph*. Mallarmé et son amie anglaise // Revue d'histoire littéraire de la France. 1965. № 3. P. 477—478).

Журналистская деятельность Кейт Йепп началась во второй половине 1860-х гг. Под псевдонимом Элиана де Марси три сестры Йепп вели постоянную рубрику «Causeries de Paris» («Парижские беседы») в большом лондонском журнале для женщин «The Queen». Значительная часть этих статей, где широко освещалась парижская жизнь в последние годы Второй Империи, была написана Этти Йепп. Корреспонденции продолжали поступать в Лондон и в 1870 г. из осажденного Парижа, откуда сестры Йепп переправляли их при помощи воздушного шара. Впоследствии Кейт Йепп писала преимущественно по вопросам моды.

[4] См. п. 49, примеч. 2.

51. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

30 октября / 12 ноября 1904 г. Париж[1]

UNION DES ARTISTES RUSSES
3, Rue Bara "Mont-parnasse"[2]

М. Г.

Честь имею уведомить Вас, что субботние собрания в Обществе начинаются с ноября.[3]

В этом году предполагается устраивать выставки, по субботам литер<атурные> вечера, лекции-концерты.

Работы в мастерской с модели начинаются:

по утрам (от 8 до 12) с } ноября
днем (от 1 до 5) с }

Лица, желающие записаться в члены Общества, благоволят обращаться в помещение Общества к секретарю от 11 до 12 по вторник<ам>-средам.

Членские взносы принимаются кассиром в помещении Общества от 11 до 12 по понедельник<ам> и субботам.

У него же можно покупать билеты на субботний чай (по 25 сант<имов>).

Администратор Общества и заведующий мастерской принимает в помещении Общества от 11 до 2 по четвергам.

Председателя можно видеть в помещении Общества от 11 до 12 по пятницам.[4]

Секретарь Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 12.XI.1904. Объявление на официальном печатном бланке.

[2] С сентября 1904 г. ателье кружка «Монпарнас» (см. п. 2, примеч. 13) располагалось по адресу: Paris, Rue Bara, 3, о чем, как и о других планах кружка, сообщалось в записке, которая была разослана его участникам:

Русский Артистический Кружок в Париже
[«Мон-Парнасс»]

1) Комитет Рус<ского> Арт<истического> Кр<ужка> [«Мон-Парнасс»] извещает своих членов, что с *15 октября* сего года адрес

Кружка: 3, rue Bara (около Люксембургского сада); о чем просит сообщить всем лицам, интересующимся делами Кружка [«Мон-Парнасс»].

2) Членов-художников, граверов и скульпторов, желающих воспользоваться помещением Кружка для устройства выставок своих произведений отдельно или небольшими группами, просим обращаться с заявлениями к секретарю Кружка [«Мон-Парнасс»] Г-ну Максу Волошину.

Кружок предоставляет бесплатно помещение и принимает на себя все хлопоты, но никаких денежных расходов.

3) Комитет будет очень благодарен каждому члену, который представит какой-либо проект расширения деятельности Кружка.

4) Желая быть полезным для членов, живущих в России, Кружок [«Мон-Парнасс»] предлагает свое посредничество по представлению работ русских художников, скульпторов, архитекторов и граверов в Парижские салоны: a) Société des Artistes Indépendants (право выстав<ки> вещей со взносом 15 руб.), b) Société Nationale des Beaux-Arts, c) Société des Artistes Français, d) Salon d'Automne и др.

Желающие получить своевременно извещение о сроках и условиях приема просят теперь же прислать свои адреса секретарю Кружка: Union des artistes russes, Montparnasse, 3, rue Bara, Paris» (РГБ, ф. 386, карт. 80, ед. хр. 34, л. 33).

Текст этой записки восходит к письму Е.С. Кругликовой к А.В. Гольштейн от 17 октября 1904 г., где, в частности указывалось: «Заставьте Макса составить такой текст и немедленно, чтоб я успела заказать и разослать <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 241, л. 2).

[3] Речь идет о возобновлении собраний кружка «Монпарнас». В «Отчете Русского Артистического кружка в Париже» за второй год его существования (1904/05) сообщалось: «С осени для увеличения доходов кружка решено было устраивать в ателье платные вечера. Первым таким вечером был вечер поэтов, организованный А.В. Гольштейн и М.А. Волошиным при участии поэтов: Mrs. René Ghil, Tancrède de Visan, Jean Royère, Valmy Baysse, Sadia Lévi, Geraldy, пианистки г-жи Бабаян и певиц г-ж Бабаян, Черносвитовой и Давыдовой» (РГАЛИ, ф. 2479, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1 об.).

[4] Согласно Отчету о деятельности кружка «Монпарнас» за 1904/05 г. на момент даты этого обращения администрированием занимались: кассир – О.В. Епишкина, администратор Общества и заведующий мастерской – г. Солун-Оглы, председательница – А.В. Гольштейн, вице-председательница – Е.С. Кругликова, секретарь – М.А. Волошин (там же, л. 2 об.).

52. В.Я. БРЮСОВУ

4/17 ноября 1904 г. Париж[1]

Дорогой Валерий Яковлевич!

Конечно, я ничего не имею против замены заглавия «Макбет зарезал сон» каким угодно, если это только необходимо для его появления на свет.[2] К декабрьской книжке я пришлю статью об Осеннем Салоне.[3] Теперь я пишу рецензии о книгах (только что вышедших) 1) Пеладана – Le dernier leçon de Leonard de Vinci à son Académie de Milano, 2) Remy de Gourmont. Les promenades littéraires.[4] 3) Charles Sellier. Vieux Monmartre.[5]

Ваш вопрос о корреспондент<ст>ве в «Слово» меня смутил,[6] потому что я как раз позавчера получил такой же конфиденциальный и условный вопрос от другой газеты, тоже с предложением быть ее представителем в Париже и политическим корреспондентом.[7] Политическое корреспондентство для меня не очень притягательно, но зато страшно важно в материальном отношении, тем более что это отнимет массу времени. Поэтому мне для своего ответа необходимо знать подробности о «Слове» – 1) кто ее издатель? 2) Какого она направления (политичес<кого> и художеств<енного>)? 3) Имеет ли она средства и шансы на существование? 4) И какие условия она хочет предложить своему парижскому корреспонденту?

Предложение другой газеты – это между нами. Я Вам сообщаю это, только чтобы объяснить свое затруднительное положение. Там мне тоже пока поставили только вопрос, но еще не дали своих условий.[8]

Часто вижусь с М.Н. Семеновым. Он что-то туго ассимилируется в Париже.[9] Слишком он проникнут Германией. Еще один конфиденциальный вопрос: должен ли я его мнения считать за мнения редакции?[10]

Макс Волошин.

Еще вопрос очень важный: Вы мне не ответили о моих стихах: хотите ли Вы их для «Северн<ых> Цветов» и какие именно?[11] Мне очень важно знать точно. М.В.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 17.11.04. Получено в Москве 8 ноября.

[2] См. п. 48. 31 октября / 13 ноября 1904 г. Брюсов писал Волошину: «Мы решили печатать Вашу статью “Макбет”, переменив заглавие. Согласны ли Вы?» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 351). Статья «Макбет зарезал сон!» была напечатана под заглавием «Магия творчества. О реализме русской литературы» (Весы. 1904. № 11. С. 1–5). В авторском оттиске Волошин восстановил первоначальное заглавие, а также последнюю фразу статьи, снятую при публикации: «Горе! Макбет зарезал сон!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 188, л. 11, 13). См.: Т. 5 наст. изд. С. 465–469.

[3] См. п. 48, примеч. 13. Как раз в это время Волошин закончил большую статью о парижском «Осеннем салоне», напечатанную в «Руси» в 1904 г. в виде четырех корреспонденций: «Серпантин Парижа. Осенние цветы – осенняя живопись... Одилон Редон. Карьер» (№ 328. 8/21 ноября. С. 2); «Осенний Салон. II. Сезанн. Тулуз-Лотрек. Ренуар. Пювис де Шавань» (№ 333. 13/26 ноября. С. 1); «Осенний салон. III. Школа Клода Монэ и Гюстава Моро. Группа “десяти”. Слевинский» (№ 335. 15/28 ноября. С. 1–2); «Осенний Салон. IV. Tutti quanti. Скульптура» (№ 361. 11/24 декабря. С. 1–2). См.: Т. 5 наст. изд. С. 443–464.

[4] Рецензия Волошина на книгу Пеладана «Последний урок Леонардо да Винчи в его Миланской Академии», выпущенную в 1904 г. издательством Э. Сансот-Орлана, напечатана в «Весах» (1904. № 11. С. 58–59). Там же (С. 55–58) опубликована рецензия Волошина на «Литературные прогулки» Р. де Гурмона, изданные в «Mercure de France» в 1904 г. Эти работы Волошина были закончены к середине ноября. См.: Т. 5 наст. изд. С. 471–476. Первая из рецензий была отправлена в Москву через М.Н. Семенова. 23 ноября 1904 г. Семенов извещал Брюсова из Парижа: «Вместе с корреспонд<енцией> послал Вам рецензию Волошина на книгу Пеладана (кроме того, он сам Вам выслал рецензию на новую книгу Реми де Гурмона и рецензию Рише на одно старое издание <...>)» (*Семенов М.Н.* Вакх и Сирены. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 493).

[5] Шарль Селье (Sellier, 1844–?) – французский ученый, историограф Парижа. Волошин называет его изданную в 1904 г. книгу «Curiosités historiques et pittoresques du vieux Montmartre» («Исторические и живописные достопримечательности старого Монмартра»). Рецензия на это издание в «Весах» не появилась.

[6] 31 октября / 13 ноября 1904 г. Брюсов писал Волошину: «Редакция новообразующейся газеты “Слово” (будет большая петербургская газета, намеревающаяся соперничать с “Нов<ым>

Врем<енем>” и “Русью”) просила меня спросить у Вас, пока конфиденциально (но, как видите, я открываю карты), согласились бы Вы быть “парижским корреспондентом”, включая в обязанности и отчеты о политической жизни. Ответьте мне» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 351). «Слово» – ежедневная политическая, общественная и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1903–1909 гг. В 1904–1905 гг. два раза в неделю выходило иллюстрированное литературное приложение к газете. Редактором «Слова» в 1904-1905 гг. был беллетрист, библиограф и историк литературы П.В. Быков. Ср. дневниковую запись Волошина от 4/17 ноября 1904 г. (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 182).

[7] Такое предложение Волошин получил от редактора «Руси» А.А. Суворина, писавшего ему 29 октября 1904 г.: «...я думаю, что Вы можете быть хорошим журналистом именно потому, что так ищете точного соответствия между словом и мыслию. Хороший журналист не тот, что дает тысячи строк в два-три часа, но тот, у которого есть свой фонтан в мозгу, к пению которого он прислушивается и пение которого есть для него голос истины. Писать теперь умеют все, – иметь мысли – немногие. Вы – честный к себе наблюдатель, и я хочу Вам предложить серьезнее заняться этим Вашим преимуществом в “бою жизни”. Это письмо между нами и даже под честным словом, что оно останется между нами. Я недоволен Багницким, он католик, и всех богов имеет в прошлом. С Нового года в Париже будет жить Амфитеатров. Он будет корреспондентом “Руси”, но он со всем не управится. Ему нужен помощник, и я хотел бы предложить быть им – Вам. С Багницким я устроюсь тем, что переведу его в другой город. Амфитеатров проживет в Париже может быть ½ года, год, и далее Вы остались бы корреспондентом “Руси” самостоятельным» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159).

[8] Волошин принял предложение Суворина. Излагая в дневнике содержание его цитированного письма, он приписал: «Ответ – да» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 180). Брюсов отвечал на сообщение Волошина (19 ноября / 2 декабря 1904 г.): «“Слово” бросьте. “Другая газета” гораздо серьезнее. Я бы на Вашем месте не отказался» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 353). Суворин писал Волошину 24 ноября 1904 г.: «Амф<итеатро>в будет в Париже с февраля. Значит до февраля Вы будете корреспондентом “Руси” для всей худож<ественной> и бытовой жизни Парижа и Франции. Багницкий же займется политикой и телеграммами». Далее оговаривались денежные условия работы Волошина – 150 руб. ежемесячного жалованья и 10 коп. со строки газетного текста (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159). В последующие месяцы Волошин продолжал регулярно печатать в «Руси» свои парижские корреспонденции.

[9] М.Н. Семенов, приехавший в Париж в самом начале октября 1904 г., писал Брюсову 25 октября: «Волошина встречал здесь почти каждый день <...>» (*Семенов М.Н.* Вакх и Сирены. С. 492). «Все мое несчастье заключается в том, что я не говорю по-французски, а Волошин бестолков до невозможности и предлагает мне покупать совсем ненужные вещи», — так объяснял Семенов в письме к С.А. Полякову свои первые неудачи в Париже, в том числе — при закупке произведений живописи (письмо от 8 октября 1904 г. из Парижа // Там же. С. 474).

[10] Брюсов отвечал 19 ноября / 2 декабря: «Мнения Мих<аила> Ник<олаевича> бесспорно и безусловно “редакционны”» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 353).

[11] Речь идет о 4-м «скорпионовском» альманахе «Северные цветы ассирийские». Брюсов ответил в том же письме: «Стихи для “Сев<ерных> Цветов” пришлите, и немедленно: уже набираем книгу (какие сами выберете)» (Там же).

53. С.А. ПОЛЯКОВУ

7/20 ноября 1904 г. Париж[1]

Дорогой Сергей Александрович!

Не можете ли Вы мне в счет «Весов» прислать 250 fran<cs> (100 рублей). Я Вам буду очень благодарен. Мне деньги теперь крайне нужны.[2]

Увидим ли Вас в Париже на Рождество, как обещал Мих<аил> Ник<олаевич>?[3] Это было бы очень весело.

До свиданья. Я Вам буду очень обязан, если вы исполните мою просьбу и если можно, то сейчас же.

Макс Волошин.

[1] Закрытое письмо — «секретка». Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 20.11.04. Получено в Москве 10 ноября.

[2] 10/23 декабря 1904 г. Поляков выслал Волошину чек на 130 руб. (346 франков) с просьбой: «Из этой суммы 30 руб. я прошу употребить на посылку цветов моей сестре Анне Александровне в день нашего (русского) Рождества» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 990). Сестра Полякова Анна Александровна (1873—1957) — жена М.Н. Семенова (с 1903 г.).

[3] М.Н. Семенов. Поляков в Париж тогда не приехал.

54. Э.А. СТАРКУ

10/23 ноября 1904 г. Париж[1]

9. Rue Campagne Premièr<e>. Paris.

Милостивый Государь Эдуард Александрович!

Только что я получил письмо от Александра Ивановича Косоротова, который мне предлагает от лица редакции «Театральной России» принять участие в Вашем журнале, причем просит с моим ответом и разъяснением материальных подробностей обратиться лично к Вам.[2]

Я, конечно, с большим удовольствием приму на себя корреспондентство из Парижа. Александр Иванович мне пишет, что Ваш журнал значительно шире свое<го> заглавия и будет затрагивать всю область искусства, не только театр.

Я могу предложить писать Вам о театре и об новых книгах — литературное обозрение. Относительно же живописи я пишу уже в два журнала — «Русь»[3] и «Весы», так что в этой области я исчерпан. Если хотите, могу сообщать только краткие сведения о выставках, но не отзывы о них.

Что касается гонорара, то мои условия таковы.

1) Ввиду того, что дирекции театров в Париже посылают билеты только членам ассоциации парижской прессы, в которой я не состою (т<ак> к<ак> политикой не занимаюсь, что по уставу обязательно), то мне необходима известная сумма на театральные билеты и на покупку книг и жур<н>ал<о>в тех издательств, которые мне не делают Service de la presse.* Поэтому я ставлю условием 100 fran<cs> (т.е. 36 р.) ежемесячно.

2) Построчную плату в «Руси» я получаю 25 сант<имов> за строку (36 букв). Я не знаю размера Вашего журнала и потому не могу определить точно, но хочу получать соответственно и не меньше.

3) Я хочу иметь расчет с редакцией ежемесячно в определенное число — хотя бы первого числа каждого месяца.

4) Мне должна быть выслана официальная карточка Вашего корреспондента.

---

* Услуги для прессы (*фр.*).

5) Я хочу, конечно, получать журнал.

6) Наконец, и это особенно важно, я ставлю условием, чтобы мои статьи принимались бы целиком или совсем не принимались, но ни в каком случае не изменялись бы редакцией. Неприкосновенность моей формы и моего эпитета мне, как принадлежащему к лагерю тех, кого в России зовут «декадентами», необходима.

Как только я получу Ваш ответ – я начну свои корреспонденции. Мне очень важно тоже знать, какого числа должна быть послана моя статья, чтобы попасть к книжке журнала.

Мне Ал<ександр> Иван<ович> между прочим не пишет, выходит ли «Театральная Россия» еженедельно или ежемесячно?

Сотрудничество в «Театральной России» мне тем более заманчиво, что до сих пор мне было негде писать именно о театре, новых же книг выходит так много, что можно писать об них в двух изданиях, не повторяясь и не возвращаясь к одним и тем же.

Макс Волошин.

Адрес: Максимилиан Александрович Волошин (Max Volochine). Paris. 9. Rue Campagne Premièr<e>.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 23.11.04. Получено в Петербурге 13 ноября.

[2] 5/18 ноября 1904 г. А.И. Косоротов писал Волошину: «27-го ноября выйдет первый № нового журнала "Театральная Россия". Название значительно у́же задач. Тут будет весьма широко поставлена и беллетристика, и критика литературная и художеств<енная> – и все, все, кроме, кажется, политики. Есть деньги и есть хороший фактический редактор, Э.А. Старк, молодой челов<ек> лет 31, которого я хорошо знаю и уважаю. (Его псевдоним – «Зигфрид»). От имени этой редакции я предлагаю тебе принять в журнале всяческое участие, – быть нашим парижским корреспондентом решительно по всем вопросам, так или иначе тебя интересующим. О гонораре и прочих подробностях обратись непосредственно к Эдуарду Александр<овичу> Старку (СПб. Фонарный пер., д. 9, кв. 52). Он этого ждет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 694).

[3] Т.е. петербургская газета «Русь».

55. Э.А. СТАРКУ

19 ноября / 2 декабря 1904 г. Париж[1]

9. Rue Campagne Premièr<e>.

Многоуважаемый Эдуард Александрович!

Только что я получил Ваше письмо.[2] Оно меня очень обрадовало и удивило. Для меня было совсем неожиданностью, что у меня «есть имя» и что мои статьи в «Руси» нравились кому-нибудь, кроме моих близких приятелей. Я очень рад, что смогу писать о Театре у Вас. Я давно уже хотел писать о парижской сцене, да было негде. «Весы» слишком сериозны и связаны местом, чтобы давать много места текущему, а в «Руси» мои корреспонденции предвосхищались их официальным корреспондентом.

Словом, я думаю, что я не меньше доволен, чем Вы.

Я доволен тоже тем, что могу выйти из отвратительно ясного тона, которым написано было мое первое письмо и которого я несколько устыдился, прочтя Ваш ответ.

Свою первую корреспонденцию я пришлю Вам через 2 дня. («L'Escalade» Мориса Доннэ — Théâtre Renaissance).

Я хочу начать мои корреспонденции под общим заглавием «Лица и Маски» — оно будет объяснено в первой статье.[3]

Кроме того я просил Алекс<андра> Иван<овича>[4] взять в «Руси» мою статью об «Фрикэ» (Полэр), которая не была помещена, т<ак> к<ак> Рич предупредил меня.[5] M-lle Полэр — это выдающееся явление парижской сцены, и об ней необходимо написать.

В той статье только надо будет выкинуть первые строки вступления — это вы уже сами увидите.

Так как я там тоже говорю о масках и лицах Парижа, как и в той статье, что пишу в настоящую минуту для Вас, то Вы, пожалуйста, сделайте в ней сами маленькую ретушь во избежание повторений — я Вам это вполне доверяю. Не имея той статьи перед глазами, я могу случайно повторить те же самые фразы.

До свиданья.

Буду ждать с нетерпением первого номера.[6] Надеюсь, что моя статья о М. Доннэ еще попадет в него.

Макс. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 2.12.04. Получено в Петербурге 23 ноября.

[2] В письме от 15/28 ноября 1904 г. (на бланке «Редакция журнала “Театральная Россия”: “Музыкальный мир” и “Театральная газета”. Невский пр., 100») Старк отвечал Волошину по пунктам, им обозначенным (в п. 54):

«1. Вы будете получать 100 франков ежемесячно.

2. Вы будете получать построчную плату в размере 25 сант. за строку.

3. Расчет будет производиться первого числа каждого месяца.

4. Вам будет выслана официальная карточка корреспондента, как только последняя будет изготовлена.

5. Само собою разумеется, будет высылаться журнал.

6. И наконец, разумеется, именно Ваши статьи должны быть печатаемы без всяких редакционных сокращений. Лично я – принципиальный противник урезываний статей, раз они принадлежат человеку с именем и в особенности если они носят определенную, резко выраженную физиономию.

Наш журнал будет выходить еженедельно по субботам. Последним сроком для представления матерьяла назначен четверг 12 часов дня. Следовательно для того, чтобы Ваша статья могла попасть в номер, ей надо быть в Петербурге в среду, ибо заграничная почта приходит по вечерам. <...>

Нечего и говорить, что нам очень хотелось бы иметь от Вас статью уже к первому номеру, который выйдет 27 ноября в субботу (10-го декабря н.ст.). Если бы Вы могли, по получении настоящего письма, выслать статью, было бы прекрасно.

А теперь, кончая деловой тон, не могу Вам выразить достаточно ярко, до какой степени я рад Вашему сотрудничеству. Я так много слышал о Вас от Александра Ивановича, и потом, что самое главное, Ваши статьи в “Руси”.... Ну да что и говорить!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1146).

[3] Статья Волошина озаглавлена: «Лица и маски. (Письма о Парижском театре). I. Рождение масок» (Театральная Россия. Театральная газета. 1904. № 1 (пробный), 11 декабря. С. 27–28; помета под текстом: «Окончание следует»); в исправленном виде под заглавием «Французский и русский театр» вошла в раздел «Лица и маски» книги Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914). См.: Т. 3 наст.

изд. С. 168–177. Упомянутая пьеса М. Доннэ «Штурм» (1904), шедшая в театре «Ренессанс», в ней не рассматривается.

[4] А.И. Косоротов.

[5] Текст статьи Волошина о Фрике-Полэр нам неизвестен. Д. Рич – псевдоним Д.Р. Багницкого, парижского корреспондента «Руси». Постановке пьесы М. Доннэ «L'Escalade» была посвящена одна из его корреспонденций, опубликованных в рубрике «Парижские театральные новинки» (Русь. 1904. № 318, 29 октября. С. 3).

[6] Издание «Театральной России» осуществлялось двумя параллельными еженедельными выпусками под заглавиями «Музыкальный мир» и «Театральная газета» (редактор-издатель И.М. Кнорозовский), продолжалось в течение 1905 года.

56. Э.А. СТАРКУ

2/15 декабря 1904 г. Париж[1]

9. Rue Campagne I-èr<e>.

Многоуважаемый Эдуард Александрович!

Благодарю Вас за высылку 100 fr., которые получил сегодня.[2] Как Вы поразительно пунктуальны!

Приблизительно через неделю я надеюсь быть на короткое время в Петербурге и буду очень рад познакомиться с Вами лично.[3]

Макс Волошин.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 15.12.04. Получено в Петербурге 5 декабря.

[2] Гонорар за публикацию статьи Волошина в № 1 «Театральной России».

[3] Волошин приехал в Петербург около 9/22 декабря 1904 г., остановился у А.И. Косоротова (Преображенская ул., д. 13, кв. 15) (Труды и дни. С. 127). Эта поездка состоялась в значительной мере благодаря инициативе Косоротова, который в письме от 15/28 ноября сообщал о предстоящей театральной премьере своей пьесы «Весенний поток» (один из персонажей которой, художник Плахов, был во многом списан с Волошина) и добавлял: «Кстати, ты бы познакомился и с кружком "Театральной России", – очень милым, интеллигентным кружком, уже заглазно тебя любящим. <...> Между прочим, мы просим тебя присылать нам твои рисунки-кроки, – преиму-

щественно театральной жизни и вообще злоб дня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 694). Сотрудничество Волошина с «Театральной Россией» прекратилось на 1-м номере — в силу того, что между привлекшими его к этому изданию Косоротовым и Э.А. Старком, с одной стороны, и официальным редактором-издателем И.М. Кнорозовским — с другой, произошел разрыв. На следующий день после выхода в свет 1-го номера «Театральной России» были опубликованы открытые письма Старка и Ю.Э. Озаровского с заявлением об отказе от дальнейшего сотрудничества в издании; Старк добавлял: «Так как мною приглашен к участию в журнале ряд лиц в Петербурге и в провинции, то я считаю своей ближайшей обязанностью известить их об этом» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1904. № 643. 12 дек. С. 6). Ситуация несколько проясняется благодаря аналогичному письму в редакцию Косоротова: «Редактор-издатель “Театральной России” г. Кнорозовский, приглашая меня в число участников его нового журнала, рисовал мне свои вкусы и замыслы в формах достаточно для меня симпатичных. К сожалению, слово г. Кнорозовского резко разошлось с делом. Увидя сверстанный пробный нумер, я убедился, что мое участие в предприятии г. Кнорозовского оказалось плодом недоразумения. Вкупе с некоторыми другими сотрудниками я предложил г. Кнорозовскому категорически, или изменить пробный нумер, или возвратить мне мою статью, а имя мое вычеркнуть из списка сотрудников. По каким-то причинам г. Кнорозовский выпустил нумер в том самом виде, в каком он был нами неодобрен. Снимая с себя ответственность за нумер и дальнейшее журнала, трое моих единомышленников (гг. Старк, Озаровский и Дымов) немедленно напечатали в газетах письма о своем уходе из состава сотрудников “Театральной России”. Мое письмо запаздывает только потому, что я был эти дни вне Петербурга» (Там же. № 651. 16 дек. С. 3). Свое участие в «Театральной России» прокомментировал соответствующим письмом в редакцию и Волошин: «М. Г. Появление моей статьи в газете такого тона, как “Театральная Россия”, покорнейше прошу считать глубоким недоразумением. Макс Волошин» (Русь. 1904. № 369. 19 дек. С. 4). В ответном письме в редакцию И. Кнорозовский заявлял:

«1. Что касается эпизода с выходом из состава сотрудников вышеупомянутых гг. Старка, Дымова, Косоротова, Озаровского и Волошина, их письмами в газеты и другими действиями, то сим вызываю их к суду чести, который оценит их поступки. Поручая, засим, все переговоры и сношения по этому поводу своему арбитру, — всякие заявления и препирательства в печати, впредь до решения дела судом чести, считаю недопустимыми.

2. Независимо от этого, вызываю к третейскому суду г. Косоротова, который, продав мне свою пьесу «Весенний поток» и получив

за нее условленный гонорар, продал ее затем другому лицу, не возвратив даже гонорара.

3. Цель журнала остается прежняя – служить беспристрастным органом передового русского искусства» (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1904. № 661. 21 дек. С. 3). Сведениями о том, возымел ли какие-либо последствия этот демарш, мы не располагаем.

57. В.Я. БРЮСОВУ

15 декабря 1904 г. Петербург[1]

СПБ. 13 Преображенская, кв. 15
(у Ал. Ив. Косоротова).

Дорогой Валерий Яковлевич!

Неожиданно я оказался в России на очень короткое время.[2]

На праз<д>ники, или немного позже я буду в Москве.[3] Обо многом можно говорить только при личном свидании.[4]

У меня нет места пристанища в Москве. Пожалуйста, напишите мне, смогу ли я в течение недели мое<го> пребывания ночевать в «Скорпионе»?[5]

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 15.XII.04; штемпель получения: Москва. 15.12.04.

[2] См. примеч. 3 к п. 56. 5/18 декабря 1904 г. Р. Гиль сообщал Брюсову: «Наш друг Волошин уезжает на этой неделе сначала в Петербург, а затем в Москву. Он передаст Вам и Бальмонту от меня поклон» (Рене Гиль – Валерий Брюсов. Переписка 1904–1915. СПб., 2005. С. 129. Перевод Ирис Григорьевой).

[3] В Москву Волошин приехал 21 декабря, возвратился в Петербург утром 9 января – в «Кровавое воскресенье».

[4] Волошин увиделся с Брюсовым сразу же по приезде в Москву, 21 декабря он занес в дневник краткий конспект того, что ему говорил Брюсов при встрече. См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 182.

[5] Ответа Брюсова на это письмо среди его писем к Волошину не сохранилось. Имеется лишь относящаяся ко времени пребывания Волошина в Москве записка на обороте визитной карточки: «Записываю моим гостем на 6-е января 905 г. Макса Александровича Волошина. Валерий Брюсов».

1905

58. А.А. СУВОРИНУ

Конец января ст.ст. / Начало февраля н.ст. 1905 г. Париж[1]

9. Rue Campagne I-ère. Paris.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич!

Посылаю Вам еще картинку парижских митингов против России с такой же полной уверенностью, что ее нельзя будет напечатать, так же как и первую.[2]

Теперь весь Париж в русской лихорадке,[3] и ни о чем другом не говорят и нельзя говорить. Через несколько дней я начну писать о театрах и о выставках, но это даже как-то совестно.[4]

Два вопроса:

1) Главная контора прислала мне счет моего гонорара – с вычетом его целиком в счет моего аванса. Еще до моего приезда я просил Вас, нельзя ли мне выплачивать его, вычитая постепенно из гонорара (хотя бы по 20%)? При свидании я позабыл об этом спросить Вас.[5] Теперь я снова повторяю свою просьбу.

2) В гонораре за мое стихотворение для новогоднего номера[6] поставлена та же цена 10 коп. за стих, что и в статьях. Так как я ценю свои стихи несравненно дороже и о плате заранее не условливался, то прошу Вас совершенно не вносить моих стихов в счет гонорара.[7]

Не примите это за обиду с моей стороны – это для меня вопрос исключительно принципиальный.

Макс Волошин.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 131.

[2] Статьи Волошина, освещающие реакцию парижской общественности на события «Кровавого воскресенья», не обнаружены. Сам факт обращения Волошина со статьями общественно-поли-

тического содержания в газету «Русь» отчасти объясняется тем, что еще осенью 1904 г. Волошин принял предложение А.А. Суворина расширить свои полномочия в качестве штатного сотрудника газеты «Русь». См. примеч. 7 и 8 к п. 52.

[3] События января 1905 г. в России вызвали мощный общественный резонанс в Европе, в том числе в Париже. Волошин был свидетелем «Кровавого воскресенья», свои впечатления он зафиксировал в дневнике «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 189–194) и в статье «La Semaine Sanglante à Saint-Pétersburg. Récit d'un témoin» («Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ очевидца»), в которой представил события января 1905 г. в России как «мистический пролог великой народной трагедии» (Т. 5 наст. изд. С. 494–498). См. п. 63, примеч. 2.

[4] До февраля (ст.ст.) 1905 г. Волошин считался корреспондентом «Руси» «для всей художественной и бытовой жизни Парижа и Франции».

[5] Волошин посещал редакцию «Руси» и виделся с А.А. Сувориным 9–10 января (ст.ст.) в Петербурге (Труды и дни. С. 129–130). Еще в июле 1904 г. Волошин взял у Суворина аванс в счет гонорара в размере 400 fr., которые были препровождены ему письмом Главной конторы газеты «Русь» от 9 июля (ст.ст.) 1904 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 52, л. 6).

[6] В газете «Русь» 1/14 января 1905 г. (№ 1. С. 2) было опубликовано стихотворение Волошина «Истина» («Под белой тканью покрывала...») (Труды и дни. С. 129), представляющее собой фрагмент из его неоконченной поэмы «Девятнадцатый век» (см. Т. 2 наст. изд. С. 533–534, 719). См. также письмо Волошина А.М. Петровой от 27 августа 1901 г. (Т. 8 наст. изд. С. 612).

[7] Финансовые условия работы Волошина в газете «Русь» оговаривались в письме А.А. Суворина от 24 ноября (ст.ст.) 1904 г.: «Пока Вы будете вторым корреспондентом – полтораста руб. жалованья и десять коп. со строки» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159, л. 15). Позже условия печатания стихов Волошина были оговорены в письме А.А. Суворина от 24 мая (ст.ст.) 1905 г.: «Присылайте стихи; буду платить по тридцати коп. за строку, если это Вас удовлетворит» (Там же, л. 17 об.).

59. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

Начало марта ст.ст. / Середина марта н.ст. 1905 г. Париж

Дорогой Саша!

Я буду чрезвычайно рад тебя видеть в Париже (особенно еще женатым).[1] «Русь» меня связала с Парижем,[2] и я смогу от-

лучаться только не надолго отсюда. Хотя август и сентябрь — это как раз те месяцы, в которые я буду наиболее свободен для больших отъездов. Но т<ак> к<ак> я никуда в дальние странствования не собираюсь, то буду вертеться на велосипеде в пределах Франции и Бельгии, возвращаясь в Париж постоянно.

Во всяком случае мы спишемся. Точно я ничего не знаю и не предрешаю.

В Бретань ехать, конечно, стоит, только относительно морской флоры я ничего не знаю. Это тебе лучше всего в Москве у какого-нибудь из профессоров расспросить. Спроси хоть у моего знакомого Владимира Сергеевича Елпатьевского — лаборанта при Зоологическом музее Университета — он специалист по рыбам и наверное знает.

В Бретань надо ехать как можно ближе к Океану — в Финистерре.[3]

В августе Париж пуст — ни Скорпионов, ни даже самих парижан здесь не будет.

Времени я тебе уделю во всяком случае достаточно, чтобы ты попросил пощады. Только по музеям ходить не буду — надоели (это и лучше), а буду показывать «жизнь».

Поклон твоей невесте и очень желаю увидеть ее уже твоей женой.[4]

Макс.

[1] Отклик на недатированное письмо Пешковского: «*Усиленно* прошу во имя когда-то пылавших и еще не совсем заглохших чувств и т.д. Вопросы следующие: 1) будешь ли ты июль и август в Париже? 2) если не будешь все это время, то, может быть, какую-либо часть его и если да, то какую? 3) Если во время пребывания нашего (т.е. меня и будущ<ей> жены) в Париже, которое продлится месяц, ты будешь там, то сможешь ли ты уделить нам некоторую долю внимания и снабжать советами как в области искусства (причем мы позволяем тебе до некоторой степени заняться обращением нас в свою веру), так и в области практической, так как нам нужно устроиться как можно дешевле, 4) Если сможешь и пожелаешь, — то какую именно долю в смысле времени? 5) Есть ли смысл в июле или августе ехать в Бретань? 6) В какое время дня бывает там в это время отлив? 7) В какой пункт Бретани нужно поехать, чтобы найти богатейшую фауну на дне морском во время отлива? 8) Что ты думаешь относи-

тельно Киберона на полуострове того же имени в Бретани? 9) Есть ли что-нибудь подобное тем сокровищам, которые мы видели в Лок-Мариаке, на побережье Немецкого моря в Бельгии и Голландии или Ламанша и Па де Кале со стороны Англии (где мы будем *до* Бретани и до Парижа), другими словами, есть ли необходимость чтобы увидать рака-отшельника, ехать непременно в Бретань, или его можно найти и у других берегов? <...> Если даже «скорпионы» будут в Париже и мы будем самыми неинтересными для тебя людьми, то и то я все же хотел бы тебя хоть на минуту увидеть и хоть несколько слов сказать. Есть даже одна *деловая* тема» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[2] На протяжении 1905 г. Волошин регулярно печатал в газете «Русь» корреспонденции о парижской культурной жизни.

[3] Финистер (Finistère) – департамент в северо-западной Франции, у прибрежья Атлантического океана и Ла Манша, с береговой линией в 600 км.

[4] Имеется в виду Людмила Сергеевна Пешковская (1888 – после 1940), зоолог.

60. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7/20 марта 1905 г. Париж

9 Rue Campagne I-ere.

Дорогая мама!

Я получил от Вас последнюю открытку из Лозовой. Благополучно ли Вы доехали?[1]

Со дня Вашего отъезда у меня началась отчаянная беготня. Вы ведь уехали как раз в самый Mardi-gras.[2]

После был бал Жульена,[3] после приехал один из редакторов «Руси» – Зенгер, которого я таскал по Парижу, и он оказался очень симпатичным.[4] После приехал Амфитеатров.[5] Приезда его я ждал с некоторым трепетом, так как слыхал об нем много неприятного как о человеке. Но оказался совершенно не таким, как я его ожидал, – очень простым, милым, гостеприимным, добродушным, интересным в разговоре, словом, я совершенно очарован им.

Его я тоже водил по Парижу, устраивал и т.д. Это вождение по Парижу для меня еще не кончилось, т<ак> к<ак> на

днях приезжают из Ниццы Шаляпин и Немирович-Данченко.[6]

Наконец, четыре дня тому назад я купил себе велосипед и с тех пор совершенно ошалел.[7]

Моя велосипедная опытность моментально восстановилась, в первый же день, а через три дня явилась и выносливость для больших поездок. Я вчера ездил <в> Пуасси — за 30 килом<етров> от Парижа. Вечером я попал на большую дорогу, идущую в Париж из Maison Lafitte, в струю автомобилей, моторов и бициклетов, возвращающихся домой.

Это была совершенная оргия. Надо было нестись с быстротой этого потока и ни в каком случае не останавливаться. Автомобили неслись с быстротой и тяжестью планет. Я никогда не предполагал, что это так жутко. Но зато после этого движение на парижских улицах с медленными извозчиками и лошадьми, неуклюжими омнибусами мне кажется совершенно мирной и спокойной идиллией, совершенно не опасной для велосипедных прогулок. Я свободно и вполне уверенно разъезжаю теперь по Парижу и днем и ночью. Но ездить за городом в воскресенье по мирным сельским дорогам, это действительно опасно.

Велосипед я купил себе новый лучшей марки Клемана, на 250 fr. Это самые прочные и выносливые из французских велосипедов с полной гарантией на год. 150 fr. я уже заплатил и еще 100 заплачу через месяц.

Вообще я чувствую, что велосипед меня преображает. Я настолько засиделся в Париже, что мне необходимо свободного и утомительного движения. Мы с Трапезниковым собираемся на днях на Луару в старые замки. Потом в Руан, в Шартр, в Брюссель и т.д. по всей Франции.[8]

До свиданья. Целую бабушку.

Напишите мне про Алекс<андру> Михайловну.[9]

Макс.

P.S. В «Русь» я написал, чтобы Вам высылали газету.

Адрес пансиона m-me Jeanne: 123 B-d Montparnasse.

Прилагаю письмо Пав<ла> Пав<ловича>,[10] которое я случайно распечатал, не посмотрев на адрес.

[1] Упомянутая открытка Е.О., отправленная по пути из Петербурга в Коктебель, не сохранилась. 22 февраля / 7 марта 1905 г. Е.О. выехала из Парижа в Петербург (в Париж приехала вместе с Волошиным в начале февраля н.ст.), из Петербурга (согласно ее сообщению в письме к Волошину от 27 февраля / 12 марта) отбыла в Коктебель 28 января.

[2] Mardi-gras — последний день карнавала (перед постом).

[3] Бал в академии Жульена состоялся 11 марта (н.ст.).

[4] Алексей Владимирович Зенгер (1873—?) — один из редакторов газеты «Русь», журналист и драматург. Сохранились три его письма к Волошину за июль-август 1905 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 568).

[5] А.В. Амфитеатров описал свои парижские встречи с Волошиным в мемуарном очерке «Чудодей» (1932); см.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 133—139; *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 139—145, 454—455 (коммент. А.И. Рейтблата). См. также: *Грякалова Н.Ю.* Революция в образах (М.А. Волошин и А.В. Амфитеатров в 1905—1906 гг.) // Литература и история. Вып. 2. СПб.: Наука, 1997. С. 251—262.

[6] Василий Иванович Немирович-Данченко.

[7] В ответном письме от 23 марта / 5 апреля Е.О., поздравляя с покупкой, предупреждала о необходимой осторожности в обращении с велосипедом.

[8] Весной 1905 г. эти планы не были реализованы.

[9] А.М. Петрова.

[10] П.П. Теш.

61. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

27 марта / 9 апреля 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама! Я живу прекрасно и благополучно. Удивляюсь, что Вы не получили моего большого письма, отправленного тому уже недели две.[2] Я переселился на семеновскую квартиру в Булонский лес[3] и целые дни разъезжаю на велосипеде.

Max.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 9.4.05; Феодосия. 2.4.05. Обратный адрес: Rue Octave Feuillet, 24.

[2] Имеется в виду п. 60. Вероятно, в несохранившемся письме Е.О. выражала беспокойство в связи с отсутствием вестей от Волошина.

[3] Волошин переехал в квартиру М.Н. Семенова около 19 марта / 1 апреля (rue Octave Feuillet, 24).

62. В.Я. БРЮСОВУ

Около 4/17 апреля 1905 г. Париж

24. Rue Octave Feuillet (Passy).

Дорогой Валерий!

Ради Бога, простите меня и за молчание и за многое. Я все время нахожусь в крайней душевной смуте, которая мне парализовала руку и желание писать.

Я виноват не только перед Вами, но еще перед многими и многими.

Кроме того, я, переселившись в квартиру Мих<аила> Николаевича,[1] с ужасом почувствовал, что он оставил в ней не только свою мебель, но еще свое парижское ничегонеделание. Я еще захвачен весенним вихрем, но через неделю я надеюсь, что смогу приняться за работу и напишу в течение мая обещанные статьи о Марселе Швобе, Гюставе Моро и «Перламутровую раковину».[2]

Теперь же пришлю Вам отчет об «Indépendants» и о банкете в «La Plume», которые уже набросаны.[3]

Не упрекайте меня за «Русь» — это заметки в сто строк, нацарапанные в кафе. «Русь» меня связала и обязала месячным жалованьем. Как ни вертись, а надо писать, что бы то ни было и как бы то ни было.[4]

Как будет хорошо, если проект Мих<аила> Ник<олаевича> об расширении «Весов» удастся.[5] После того, как я увидал бывшего недавно здесь редактора «Вопросов жизни» Жуковского,[6] я убедился, что с этой стороны все погибло и единственное, что остается, это расширение «Весов», которые тогда сразу займут вакантное место.

У меня есть несколько беллетристических планов (это между нами), и я их непременно приведу в исполнение, если расширенные «Весы» осуществятся.

Яков Козмич был у меня – я его устроил в гостинице около Одеона, но вот уже 1½ недели не видал.[7] Это происходит, вероятно, от того, что я регулярно ложусь спать к 8 часам утра, а встаю в 4 дня. При этом довольно трудно его застать утром.

Сию минуту я ничего не могу Вам написать относительно гашиша. Но немедленно сообщу Вам, как только наведу справки.[8]

Просьба относительно «Весов»: я не получил еще ни одного номера за этот год!! Сделайте, пожалуйста, внушение Василию.[9]

Кроме того, вышлите мне, пожалуйста, три последние книжки за прошлый год, которые мне крайне необходимы.

До свиданья. Пишите и адресуйте мне все по адресу Мих<аила> Никол<аевича>.

Получили ли вы Omar Kayam? «Poisons d'intelligence» еще не вышли. Они только готовятся.[10]

Я намерен еще написать статью о Ропсе по поводу новой книги Эрастена Рамиро.[11]

Поклон И<о>анне Матвеев<не> и Надежде Яковлев<не>[12].

Макс Волошин.

[1] Квартира М.Н. Семенова (см. п. 61, примеч. 3).

[2] 23 ноября / 6 декабря 1904 г. М.Н. Семенов писал Брюсову из Парижа: «*Пора делать объявления* о подписке на 1905 год. В этих объявлениях необходимо печатать предполагаемое содержание книжек 1905 года.

Мы наметили здесь следующие статьи:

Ван Бевер. – Жюль Ренар.

М. Волошин. – Марсель Швоб.

М. Семенов. – Станислав Пшибышевский.

М. Волошин. – «Перламутровая раковина».

Рене Гиль. – О Лафорге» (*Семенов М.Н.* Вакх и Сирены. М., 2008. С. 495). Ни одна из указанных статей в «Весах» не появилась. Статьи о Гюставе Моро Волошин в «Весы» также не представил.

[3] Соответствующие корреспонденции Волошин напечатал в 1905 г. не в «Весах», а в газете «Русь»: «Вернисаж Салона Независимых» (18 марта), «Салон Независимых. Ван Гог» (28 марта), «Письмо из Парижа. Литературные банкеты “La Plume”» (13 августа). См.: Т. 5 наст. изд. С. 527–532, 581–585.

[4] За январь-март 1905 г. Волошин опубликовал в «Руси» двенадцать статей.

[5] Идея М.Н. Семенова заключалась в превращении «Весов» из критико-библиографического в собственно литературный журнал, с беллетристическим отделом. Разрешение С.А. Полякову от Главного управления по делам печати на дополнение журнала «Весы» отделом беллетристики было получено 7 ноября 1905 г. (ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, ед. хр. 102). С 1906 г. «Весы» стали издаваться по расширенной программе, однако отдельные художественные произведения печатались в них и в течение 1905 г.

[6] Д.Е. Жуковский – не редактор, а издатель журнала «Вопросы Жизни» (преемственного «Новому Пути»), выходившего в Петербурге в 1905 г.; в литературном отделе «Вопросов Жизни» печатались в основном символисты и близкие им авторы. Жуковский занимался также изданием книг по философии.

[7] Яков Кузьмич Брюсов, отец поэта, весной 1905 г. жил в Париже. Сохранилось его письмо к Волошину от 31 марта / 13 апреля 1905 г., отправленное еще на ул. Кампань Премьер, 9: «Почему Вы ко мне не зайдете, или очень заняты, я слышал, что Вы переменяете свою квартиру» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 290). О встрече с Я.К. Брюсовым Волошин записал в дневнике 4 апреля (н.ст.) 1905 г. (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 194).

[8] См. п. 64.

[9] Василий Ардалионович Курников – рассыльный и конторщик «Весов». См. о нем в очерке Б.А. Садовского «“Весы” (Воспоминания сотрудника)» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 19, 26–27, 35. Публ. Р.Л. Щербакова). «Очень важный артельщик Курников» упоминается в воспоминаниях о Брюсове актера и режиссера Ю.Л. Ракитина: «Жил этот Курников в редакции <“Весов”>, в книжном шкафу в стене, на дверцах которого висела визитная карточка: Курников “Действительный член общества покровительства животным”. Он очень гордился этим званием и своей близостью к литературе и говорил, что они с Валерием Яковлевичем держат молодежь в решпекте» (*Ракитин Юрий.* Демон в сюртуке // Новое Время (Белград). 1924, 24 окт.).

[10] Видимо, Волошин имеет в виду изданные по-французски стихотворения Омара Хайяма (Paris, 1903) и в связи с этим упомина-

ет о книге «Omar Khayyam et les poisons de l'intelligence» (Paris, 1905), автор которой Лоран Тайяд (Tailhade) отдал дань увлечению морфинизмом. «Poisons de l'intelligence» («Яды рассудка») – название книги известного ученого-психолога Шарля Рише (Richet; 1850–1935), изданной в Париже в 1877 г. (в XX в. не переиздавалась). Ш. Рише был также драматургом и поэтом (литературный псевдоним – Шарль Эйфер). В своих трудах Рише пытался исследовать «метапсихические» (в том числе оккультные) явления.

[11] Эрастен Рамиро (Ramiro; 1853–?) – французский искусствовед, автор ряда работ о Фелисьене Ропсе. Его книга «Félicien Rops» (1905) была отрецензирована в «Весах» И. Щукиным (1905. № 4. С. 56–58).

[12] И.М. Брюсова и Н.Я. Брюсова. Волошин, видимо, познакомился с Н.Я. Брюсовой в Москве в конце декабря 1904 – начале января 1905 г. Сохранились два письма Н.Я. Брюсовой к Волошину, относящиеся к началу 1905 г., в которых она просит сообщить ей адрес М. Метерлинка (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 292).

63. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5/18 апреля 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама! Получил вчера Ваше закрытое письмо. Я теперь весь поглощен велосипедом. Моя статья в «Européen», оказывается, наделала шуму в Париже.[2] M-me Severine ее где-то читала вслух и говорила: «Voilà c'est un homme».*[3] Один французский критик, с которым я недавно разговорился в кафе, когда мы назвали друг другу свои фамилии, почтительно спросил меня: «А вы не родственник тому Максу Волошину...?» До свиданья. Целую бабушку.

Макс.

Мой адрес теперь: 24 Rue Octave Feuillet.**

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 18.4.05; Феодосия. 11.4.05.

[2] Статья Волошина «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», посвященная событиям 9 января, была опубликована в № 167 парижской газеты «L'Européen Courrier international hebdomadaire»

* «Вот этот человек» *(фр.)*.

** *Приписка на обороте.*

11 февраля (н.ст.) 1905 г. («La semaine sanglante à Saint-Pétersbourg. Récit d'un témoin»). См.: Т. 5 наст. изд. С. 494–498, 823 (в комментарии – ошибочное указание номера газеты и даты).

[3] Ту же фразу Волошин зафиксировал в дневниковой записи от 4 апреля (н.ст.) 1905 г. (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 194). Severine – псевдоним французской журналистки и прозаика Каролин Реми (1855–1929).

64. В.Я. БРЮСОВУ

6/19 апреля 1905 г. Париж[1]

24. Rue Octave Feuillet. Paris.

Дорогой Валерий!

Вот результаты моих исследований о способах добывания гашиша:[2]

Гашиша специально приготовленного – в пилюлях для еды, привезенных с востока, в Париже очень мало и купить его будет очень дорого, и у меня есть возможности и ходы.

Но делать этого мне никто не рекомендует: во-первых потому, что гашиш, привезенный с востока, гораздо лучше и проще достать в России, во-вторых потому, что его несравненно проще и дешевле купить в любой аптеке куском, а приготовления особенного (это я узнавал у докторов) он никакого не требует.

Вопрос – где купить? С рецептом доктора можно купить одинаково как в России, так и здесь. Если Вас стесняет это, то я могу свободно здесь купить его по рецепту одного знакомого. Но этот же доктор мне рекомендовал для безусловной верности качества обратиться в специальную немецкую фирму в Дармштате «Merckat C^nie», из которой выписывают аптекарские материалы все русские аптеки и склады.

Так что вот Вам данные – решайте же сами, как мне быть? Причем меня предупреждали, что тот гашиш, который продается под именем восточного, – очень редок и за исключением того, что привозится французскими моряками для собственного употребления, представляет фальсификацию.

По-моему, гораздо проще обратиться за этим в аптеку. Здесь ли или в России – решайте.

Дела «Весов»:

Я только что получил письмо от m-me Фиано-Жапп.[3] Она еще не получила гонорара и намекает мне об этом очень деликатно. Пожалуйста, сделайте соответствующее распоряжение.

Я в настоящую минуту не помню ее номера, но ее адрес я в свое время Вам писал. Если у Вас его нет, то вышлите ее гонорар мне для передачи.

Какова судьба идеи Мих<аила> Никол<аевича> о расширении «Весов»?[4]

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 19.4.05.

[2] Видимо, Брюсов обратился к Волошину с соответствующей просьбой во время его двухнедельного пребывания в Москве в конце 1904 – начале 1905 г.

[3] См. п. 50, примеч. 3. Письма К. Йепп-Фийоно в архиве Волошина не выявлены.

[4] См. п. 62, примеч. 5.

65. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Не ранее 11/24 мая 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама!

Вы, верно, не получили моего большого письма, которое я отправил Вам дней десять назад. Я писал Вам в нем, что жакетки Вашей я не нашел,[2] что Сабашникова[3] в Крым не едет, т<ак> к<ак> остается на лето во Франции, и что ацетиленового фонаря покупать не стоит, так как его рожок беспрестанно засоряется и перестает действовать, после чего надо припаивать новый, что в Коктебеле невозможно. Так было с моим маленьким велосипедным фонарем, который мне подарил Семенов и который я уже забросил.

«Русь» меня почти не печатает, но жалованье платит аккуратно. Это действует очень неприятно и расхолажива-

ет. Печатают только маленькие корреспонденции об театрах и больше ничего. О Марселе Швобе у меня была написана и отправлена в «Русь» большая статья после его смерти (некролог)[4] с переводами почти всех тех мест, что перевел Амфитеатров, которому я и дал Марселя Швоба, после того, как увидел, что моей статьи печатать не собираются.[5]

Денег я, к сожалению, Вам выслать не могу – но почему же Вы просто-напросто не продадите моих бумаг? Это необходимо сделать. Дело в том, что я еще не заплатил всех моих долгов при вашем отъезде; потом покупка велосипеда; а теперь, кроме того, еще большие расходы, связанные с моим вступлением в синдикат иностранной прессы и посвящением в Франк-Массоны (я уже посвящен – это между нами).[6] Все это будет мне стоить около 300 franc. Так что сию минуту я совершенно без денег.

Как случилось, что у Вас нет жильцов в этом году? Приехала ли к Вам Орлишка?[7]

Продается ли Ваш дом?

Что Александра Михайловна?[8]

Мой велосипед действует пока мало – служит мне только в пределах разъездов по городу. Все это время у меня было столько новых людей и дел, с ними связанных, что я совершенно не мог выбраться ни на минуту за пределы города на велосипеде.

До свиданья.

Целую бабушку.

Макс.

[1] Письмо на именном печатном бланке: «Michel de Semenov. Directeur de “Vessy” (Moscou). Revue d’art et de littérature. Paris, 24, Rue Octave Feuillet» – с рукописными исправлениями: вместо «Michel de Semenov» – «Max Volochine», вместо «Directeur» – «Rédacteur».

[2] В письме от 23 марта / 5 апреля 1905 г. Е.О. просила Волошина прислать ей жакетку, якобы забытую ею в Париже.

[3] М.В. Сабашникова приехала в Париж из Москвы около 21 января / 3 февраля 1905 г.

[4] Марсель Швоб скончался 26 февраля (н.ст.). Статья Волошина о нем в газете «Русь» опубликована не была, текст ее не обнаружен.

[5] Е.О. писала Волошину в недатированном письме: «Переводы Амфитеатрова из Марселя Швоба нахожу неудовлетворительными. Ты так увлекался Швобом и ничего не написал об нем, ничего не перевел. Это очень жаль» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[6] Предложение стать франк-масоном Волошин получил 15/28 апреля во время завтрака с А.В. Амфитеатровым, М.М. Ковалевским, В.А. Маклаковым и Вас.И. Немировичем-Данченко (см. дневниковую запись Волошина от 5 мая н.ст. 1905 г.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 194). Был посвящен в масоны Великой ложи Франции 10/23 мая (Труды и дни. С. 135).

[7] А.И. Орлова.

[8] А.М. Петрова.

66. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

25 мая / 7 июня 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама! Ваше ожидание исполнилось: я наконец сверзился с велосипеда и разбил себе правую руку.[2] Поэтому совершенно не могу писать. Но это уже проходит. Остальное все благополучно. Целую бабушку.

Max.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 7.6.05; Феодосия. 31.5.05.

[2] В ответном письме с откликом на это сообщение (1/14 июня 1905 г.) Е.О. просила Волошина продиктовать «кому-нибудь более подробное письмо»: «Мне очень мало этих строк» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

67. А.М. ПЕТРОВОЙ

27 мая / 9 июня 1905 г. Париж[1]

24. Rue Octave Feuillet.
Paris

Дорогая Александра Михайловна!

Разумеется, я наконец расшиб себе правую руку, падая с велосипеда, и вот только теперь снова вступаю в обладание

этим необходимым для писания органом.[2] Зато это приковало меня на некоторое время к своей комнате и оторвало от «великих людей», от которых у меня уже начиналась оскомина и туман в голове.

Ужасно уж долго я не был один и ужасно давно не говорил поэтому ни с кем отсутствующим и невидимым. А теперь почему-то у моих окон вдруг зацвела белая акация, и ее сладкий и тягучий запах унес мысль мою в Феодосию. Вот уж целую неделю он меня все мутит, а писать — пальцы не шевелятся.

Русская революция повергает меня в какое-то скучное безразличие. Я не могу ею захватиться, упрекаю себя и в то же время остаюсь совершенно равнодушен.

Что делается у Вас, в вашем старом опустевшем доме? Эти дни я все время мысленно был там. Где Адриан? Как здоровье Ори?[3] Где остальные?

Мой журнализм вещь не ценная, но материально для меня теперь очень важная. Приходится только писать в то время, когда совершенно писать не хочется.

Стихов я писал этот год очень мало. Не знаю, почему. Те, что написал, прилагаю. Но что из меня совсем высосали мои фельетоны — это письма. Недаром Вы их называли фельетонами. Оказывается, что это то самое и было. Только писать безлично для публики далеко не так приятно, как писать к кому-нибудь.

Париж меня очень утомил,[4] и я собираюсь через месяц ехать на велосипеде через Ломбардию в Далмацию.[5] Амфитеатров[6] мне очень советует это путешествие. Буду я, между прочим, и в Рагузе.[7] Пожалуйста, попросите от моего имени у Райчевича,[8] не может ли он мне дать туда рекомендации и не только в Рагузу, но, если он может, то и в другие города Далмации и как можно больше и ко всевозможным людям; я хочу близко познакомиться со страной, т<ак> как теперь-то я уже смогу писать о своих путешествиях.

Я буду ему очень благодарен, если он это сделает. Спросите его только об этом. А когда мой отъезд будет решен наверно, я Вам напишу.

На заре

Эта светлая аллея
В старом парке по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.
Весь прозрачный, утром рано
В белом пламени тумана,
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.
Час таинственных наитий...
Он уходит в глубь аллей,
Точно струн касаясь нитей
Серебристых тополей...
Кто-то вздрогнул в этом мире...
Щебет птиц... Далекий ключ...
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч...
Все распалось... Мы приидем
Снова в мир, чтоб видеть сны...
И становится невидим
Бог рассветной тишины...[9]

На Монмартре

Город-змей, сжимая звенья.
Сыплет искры в алый день.
Улиц тусклые каменья
Серебром прозрачит тень.
Груды зданий как кристаллы —
Серебро, агат и сталь.
И церковные порталы
Как седой хрусталь.
Город бледным днем измучен.
Весь исчерчен тьмой излучин,
И над ним издалека
По пустыням небосклона
Как хоругви, как знамена
Грозовые облака.
И в пространствах величаво,
Властной музыкой звуча,
Распростерлись три луча

Как венец...
                Твой образ — Слава!
И над городом далече
На каштанах с высоты
Как мистические свечи
В небе теплятся цветы...[10]

До свиданья. Целую Лелю,[11] если она еще у Вас.
Какие у нее планы?
Какие у Вас планы?

Мах.

Посылаю Вам в дополнение еще четыре маленьких стихотворения, которые я не успел тогда переписать.[12]

Вы спрашиваете меня, согласен ли я с Вашим мнением об «Когда время останавливается»?[13] Я думаю, что Вы просто еще не привыкли к его новой форме. Когда в голове живет еще старая форма, то это ужасно мешает. Я же привык его видеть так. Я его считаю стихотворением не цельным — это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны для меня, и я изменять не буду. Только выброшу строфу с пятью чувствами, как неуклюжую до ужаса.[14]

Мне очень интересно, что Вы мне скажете теперь после того вороха стихов, которые я Вам отправил: подвинулся ли я вперед в известных отношениях или нет?[15]

Зеркало

Как глаз, лишенный век, я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать.
И образы скользят, я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

Как часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза,
В меня глядят бессонные глаза

И черною тоской запекшиеся губы..
И комната во мне... и капает вода...
Предметы движутся... уходят, вырастая...
И тикают часы... и капает вода...
Тик-так... да-да... да-да...
Один вопрос другим всегда перебивая...

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки..
И я молю его: останься, будь во мне,
Не прерывай рождающейся муки.
...И вновь приходит день с обычной пестротой,
И образы скользят... И верю я глубоко,
Что время наконец застынет надо мной
И тусклою плевой мое затянет око.[16]

В Булонском лесу

В ясно-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.
Между мхом и травою мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Сквозь деревья ложатся на статую
Золотистые пятна.
Тихий ветер вьется украдками
Меж ветвей наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых;
Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы...
По озерам тянутся полосы
И стальные отливы.
И, одеты парчею и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны...
Облака над лесными гигантами
Перепутались алою пряжей...
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей...[17]

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 9.6.05. Получено в Феодосии 1 июня.

[2] Об этом см. п. 66.

[3] А.М. Петров и О.М. Петров, братья А.М. Петровой. Еще 7 марта 1904 г. А.М. Петрова писала Волошину: «Кроме горя, в последнее время, уже полтора года, ничего не видела. Ведь здесь также уже два месяца как в больнице лежит Оря, разбитый параличом. Последствия Венеры. Теперь хоть есть надежда на его выздоровление, а вначале доктора совершенно сомневались» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 37–37об.). Позже она сообщала: «Дома – горе не выходит. Оре немного лучше, но все еще положение очень опасное, он теперь дома, а скоро, переедет в деревню. Все мои “средства” неизменно тают от сюрпризов судьбы» (Там же, л. 46 об.). О новом приступе недуга брата А.М. Петрова сообщила Волошину в письме от 5 ноября 1905 г.: «Уже больше месяца как мой пасторальный сон окончился: Оря внезапно опять заболел, и я привезла его в город» (Там же, л. 48).

В ответном недатированном письме Петрова писала: «Адриан всегда вспоминает о Вас и просит кланяться. Бедный, куражится, а я вижу, что он совестно растрепан. Боюсь за его нервы. Жду с напряжением конца этой нелепейшей войны и начала политической и другой дружбы с Японией. Нужно послушать, с какой любовью и уважением говорят об японцах наши солдатики, морячки из центральных губерний. Поняли» (Там же, л. 57).

[4] А.М. Петрова, откликаясь на это признание Волошина, писала: «Значит – довольно с Вас Парижа. Он все дал. Остальное зависит от Вас. В пустыню бы, в Россию...» (Там же, л. 61).

[5] Это путешествие не состоялось.

[6] А.В. Амфитеатров приехал в Париж в феврале 1905 г.

[7] Рагуза (Дубровник) – город, основанный в VII в. на Адриатическом море, в средние века – центр Дубровницкой республики. В начале XX в. – в составе Австрийской империи.

[8] Антонио Райчевич – феодосиец, выходец из Далмации. А.М. Петрова 10 июня (ст.ст.) 1905 г. выслала полученные от него рекомендательные письма для Волошина, о чем сообщала: «Когда Вы вернетесь, тогда уже я Вам напишу побольше, а пока спешу послать рекомендательные письма от M-r Райчевича к Luigi Клайсу (Kelaic). Он остановился на нем как на наиболее подходящем для Вас в данном случае. Это пожилой уже человек, говорящий, кроме славянского и германского, еще и на английском, и французском. Он может Вам указать и места, и лиц не только в Рагузе, но и в провинции. <...> По слова M-r Райчевича, он идеалист старого закала. И он, и

вся семья очень интеллигентны. Любит природу, родину» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 60). Через некоторое время, долго не получая письма от Волошина, А.М. Петрова отправила ему открытку с текстом следующего содержания: «Получили ли мое письмо с рекомендацией от М-r Райчевича? Не знаю, где Вы и беспокоюсь. М-r Райчевич уже написал от себя также тому господину, к которому направил Вас. Завидую Вам страшно, что увидите Далмацию и Рагузу. Жаль что поганые туристы уже и туда пробираются. Приветствуйте от меня Рагузу и семью Райчевич. Ваша А.М. Как Ваша рука?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 7).

[9] Стихотворение Волошина «Эта светлая аллея...» (Т. 1 наст. изд. С. 65, 455). А.М. Петрова писала Волошину о нем и обо всей подборке: «Ваши стихи прекрасны по всему. Первое “На заре” мне больше нравится. Но, к сожалению, не могу умолчать, видно, что Вы совершенно не ушли вперед» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 61).

[10] Стихотворение Волошина известно под заглавием «С Монмартра», вошло в цикл «Париж» (Т. 1 наст. изд. С. 22, 441).

[11] Е.С. Лямина.

[12] Речь идет о всех четырех стихотворениях, высланных Волошиным с этим письмом.

[13] 12 мая (ст.ст.) 1905 г. А.М. Петрова писала Волошину: «Видала новый альманах «Сев<ерных> Цветов». Смакую рисунки Феоф<илактова>. Стихи прекрасны, но больше всех по сердцу пришелся Ремизов. Нравятся ли Вам? Вашими недовольна. И опечатки, да и кто Вас просил так безжалостно “обработать” — “Когда время остан<авливается>”? Злюсь и не хочу их знать. Конечно, нужно было сделать его, но не так, как теперь. Так и чувствуются следы усердной работы. Попереставлял, понаписал, повыскоблил» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 905, л. 59 об.).

[14] Речь идет о строфе, первоначально входившей в стихотворение «Когда время останавливается...» (см. п. 13, примеч. 5):

Мир отрывочен и пуст
Непривычно мне сознанье
Знать его как сочетанье
Лишь пяти отдельных чувств...

[15] А.М. Петрова отвечала Волошину в недатированном письме: «Относительно Ваших стихотворений могу поделиться с Вами только своими первыми впечатлениями. Но, Бог мой, сколько уж раз я попадала впросак. Буду сдержана, потому что очень боюсь глупостей наговорить. Мне не столько стыдно за себя, сколько больно за Вас. <...> Теперь из целой серии мне как-то выяснилось, что Вами

приобретено. Понятно, Вы не “ушли вперед”, но и не затоптались на одном месте. Вы стали идти вглубь, только не управляете собою. Есть мотивы, которые овладели Вами. До капли выльются. Тогда Вы свободны. Это общее впечатление. Верно оно или нет, не могу дать себе ясного отчета, и Вы не строго судите его, если не согласны. Сама постройка стиха стала у Вас так хороша, что даже и замечаю. Шероховатостей не хочу видеть. Это – Ваше дело работать над ними» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 54–55).

[16] О стихотворении Волошина «Зеркало» (Т. 1 наст. изд. С. 62, 454) см. запись в дневнике «История моей души» от 13 июня (н.ст.) 1904 г. (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 149).

[17] Стихотворение Волошина с измененной первой строкой «В серо-сиреневом вечере...» вошло в цикл «Париж» (Т. 1 наст. изд. С. 26, 442). А.М. Петрова в недатированном письме писала: «От “Зеркала” я в диком восторге. Bravissimo! “В Булонском лесу” – также, но <...>, mon cher, эти ... экипажи... боюсь чтобы и газомоторы не выехали на арену» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 56 об.).

68. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

28 мая / 10 июня 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама! Моя рука поправляется, и я уже могу сам писать, а то мне приходилось диктовать. Вероятно, через неделю я поеду в Льеж на Всемирную выставку на велосипеде через Арденны.[2] Денег мне теперь прислать никак невозможно, иначе я сяду в Париже без копейки, а я мечтаю в конце июля о большом путешествии в Далмацию,[3] что будет для меня, оказывается, возможно благодаря Амфитеатрову. Почему Вы не хотите продавать бумаги? Ведь дальше же еще хуже будет. Когда революция начнется. Теперь *благоразумие* требует их продать.

Макс.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 10.6.05; Феодосия. 3.6.05.

[2] Это намерение не было осуществлено.

[3] Путешествие не состоялось.

69. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12/25 июня 1905 г. Париж[1]

Дорогая мама! Рука моя еще болит немного, но это нисколько не мешает мне ездить на велосипеде и писать.

Я довольно смущен запрещением «Руси»[2] и не знаю, как это отзовется на моем материальном положении. С другой стороны, это хорошо, т<ак> к<ак> начну сейчас писать для «Весов», которые я совсем забыл. Не с кем посоветоваться — Амфитеатров уже уехал в Италию.

На днях я напишу Вам письмо побольше. Целую бабушку, кланяюсь Орлишке.[3]

Max.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 25.6.05; Феодосия. 18.6.05.

[2] Газета «Русь» была запрещена цензурным комитетом 9/22 июня.

[3] А.И. Орлова.

70. А.М. ПЕТРОВОЙ

18 июня / 1 июля 1905 г. Париж

1 июля 1905 г.
24 Rue Octave Feuillet. Passy.

Дорогая Александра Михайловна!

Я ужасно благодарю М-г Райчевича[1] за его письмо и Вас за Ваше посредство. Только Вы напрасно так торопились. Я не уеду из Парижа раньше чем через месяц.

Я теперь живу очень одиноко в большой прохладной квартире[2] и выхожу из дому только вечером, чтобы пролететь по Булонскому лесу на велосипеде.

Газеты каждый день загораются каким-нибудь новым ужасом, который жалит сердце. Что делается у Вас?

Телеграммы из Одессы своей недоговоренностью и своими возможностями заставляют радоваться и бояться того

пожара, который может вспыхнуть по всему Черному морю и захватить Крым...[3]

Во мне все больше и больше растет мистическое чувство подходящего пламени. Может быть, мистические секты и предвидения, предшествовавшие Великой Революции, которые я изучаю теперь,[4] меня настраивают на это.

Сегодня я перевел такое стихотворение Верхарна (я собственно называю это не переводами, а «воспоминаниями» о Верхарне):

Человечество

О вечера, распятые по сводам небосклона
На алых зеркалах дымящихся болот!
Их язв страстная кровь среди стоячих вод
Сочится каплями во тьму земного лона.
О вечера, распятые над зеркалом болот!

О пастыри равнин, зачем во мгле вечерней
Вы кличете стада на светлый водопой?
Уж в небо Смерть взошла тяжелою стопой...
Вот в свитках пламени, в венце кровавых терний
Голгофы черные над черною землей!

Вот вечера, распятые над черными крестами...
Туда несите скорбь, отчаянье и гнет!
Прошла пора надежд!.. Источник чистых вод
Уже кровавится червонными струями...
Уж вечера распятые закрыли небосвод![5]

Несколько недель назад я написал такое стихотворение под впечатлением того, что мне пришлось увидеть, слышать и перечувствовать в январе в Петербурге:[6]

Предвестия

Сознанье строгое есть в жестах Немезиды...
Умей читать условные черты.
Пред тем как сбылись мартовские Иды,*
Гудели в храмах медные щиты.
Священный занавес был в Скинии распорот...
В часы Голгоф трепещет смутный мир...

* Смерть Юлия Цезаря. *(Примеч. Волошина.)*

О бронзовый гигант, ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени факир.
В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.
По улицам толпой, нестройной и неслитной,
Бродили мы, и каждый был далек
С одной мечтой, бесстыдно-любопытной,
Увидеть кровь — святой, запретный сок.
А ночью по пустым и темным перекресткам
Бежали шелесты невидимых шагов.
И воздух весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов.
Уж занавес дрожит перед началом драмы...
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы
И шепчет тайные заклятья и слова...

Вы далеко и далеко не все стихотворения этих лет знаете, Александра Михайловна.

Сегодня с утра идет дождь, за моими окнами весь Булонский лес дымится туманом, я чувствую себя немножко одиноко и при том сижу в пустой комнате, в которой шесть дней назад ночевал один изобретатель динамита. Я его видел всего полчаса в моей жизни. Он пришел ко мне в два часа ночи и ушел, когда я еще спал. Через день он умер скоропостижно на улице.[7]

Он изобрел беззвучный динамит, у него была невеста, великолепная квартира в одном доме со мной, а в квартире, на все шесть комнат, стоял один диван и больше ничего. Кроме того, у него был русский повар, который его обокрал и увез ключи от квартиры, почему он и пришел ночевать ко мне. Постель, в которой он спал, еще не прибрана, и одеяло сохраняет очертания его тела. Вероятно, по всему этому я себя чувствую немного меланхолично, и мне бы хотелось Вам многое рассказать о себе. Поэтому я Вам прочту целый ряд стихотворений, которых Вы не знаете. Это будет и много больше, и немного меньше того, что я сказал бы просто словами.

Все эти стихотворения посвящаются египетской царевне Таиах, бюст которой находится в музее Гюиме[8] (salle VI № 1076) – «Посвящается царице Клеопатре и Мне»!!).[9]

Я Вам дам некоторые хронологические даты стихотворений, Вам уже известных.

Стих<отворение> «Я вся тона жемчужной акварели...» – ноябрь 1903 г. – Москва.

Стих<отворение> «Я ждал страданья столько лет...» – ноябрь 1903, в поезде между Москвой и Парижем.[10]

Затем идет большое стихотворение, из которого Вы знаете только последние строфы о готических чудовищах и о кентаврах.[11] Начала его я Вам никогда не читал. Оно помечено Июнем 1904 г. Париж. Rue du Bac. 3. Мансарда в том доме, где родился Коро, с видом на Сену.

I

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он как вечер тих,
Как стих «Онегина» прозрачен,
Порою слаб, порой удачен...
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны
Становится невольно ближе...

II

Всю цепь умчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать...
Несмелость робкую движений
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И вашу шляпку с васильками,
Покатость ваших слабых плеч
И Вашу медленную речь,
И платье цвета эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Как на статуе Таиах
Царевны древнего Египта.
И так характерный для Вас
Безбровый взгляд печальных глаз.

III

Рассвет... Я только что вернулся...
На веках ночь... В ушах слова...
И сон в душе как кот свернулся...
Письмо от Вас... Едва-едва
В неясном свете вижу почерк –
Кривых каракуль смелый очерк...
Зажег огонь... При свете свеч
Глазами слышу Вашу речь.
Вы снова здесь? О говорите ж...
Мне нужен самый звук речей...
В озерах памяти моей
Опять звонит далекий Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

IV

Гляжу в окно сквозь воздух
мглистый:
Зеркальна Сена... Тюильри...
Монмартр и синий, и лучистый...
Как желтый жемчуг фонари...
Хрустальный хаос серых зданий...
И аромат воспоминаний
Как запах тлеющих цветов
Меня пьянит... Чу! шум шагов...
Под тяжкой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...
Донесся дальний гул народа...
В провалах улиц мгла и тишь...
Но день идет... Гудит Париж.

V

Для нас Париж был ряд
преддверий
В просторы всех веков и стран.
Как мутно-серый океан
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались как во сне
Его ласкающей волне.
Мгновенья, полные как годы...
Как жезл сухой расцвел музей.
Прохладный мрак больших
церквей,
Витро, готические своды...
Толпа, потоки глаз и лиц...
Припасть к земле, склониться
ниц!

VI

Любить без слез, без сожаленья.
Любить, не веруя в возврат.
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула
в кольцах дыма.
Прошла, развеялась...и пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Следить, как тают без следа
Остатки грез и никогда
Не расставаться с грустным
счастьем.
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти...

VII

Здесь все теперь воспоминанье,
Здесь все мы видели вдвоем.
Здесь наши мысли как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами
И вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-вашему понять.
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье...
Но только нет! Продленный миг
Есть ложь... и бледен мой язык.

VIII

Я буду помнить день в Версале,
Тропинку в парке между туй.
Холодноватость синей дали.
Безмолвье мраморных статуй...
Фонтан и кони Аполлона,
Затишье парка Трианона,
Шероховатость старых плит —
Там мрамор сер и мхом покрыт.
Закат, как отблеск пышной
славы

Давно отшедшей красоты,
Окаменевшие цветы...
И глыбой стройно-величавой
Дворец. Пустынных окон ряд
И в стеклах пурпурный закат...

IX

Я буду помнить утро в Hall'е,
Когда у Лувра на мосту
В рассветной дымке мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистые стены.
Капуста точно сгустки пены,
Как солнца – тыквы и морковь
Сырая, красная как кровь.
Корзины пурпурной клубники
И океан живых цветов.
Гортензий, лилий, васильков,
И незабудок и гвоздики,
И серебристо-сизый тон.
Обнявший нас со всех сторон.

X

Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
Сквозь стекла крыши резкий
свет.
Нам Рубенс был смешон и гадок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных
складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше – пустой, изящный,
лживый,
Шарден, интимный и простой,
Коро, жемчужный и седой,
Милле – закат над желтой
нивой...
Веселый лев – Делакруа
И в St. Germain l'Auxerrois

XI

Витро – камней прозрачный
слиток:
И аметисты, и агат...
Там Ангел держит длинный
свиток,
К земле склоняя грустный
взгляд.
Витро мерцают точно крылья
Вечерней бабочки во мгле...
Склоняя голову в бессильи,
Святая клонится к земле
В безумьи счастья и экстаза!
«Tête inconnue»... Когда и кто
Нашел и выразил в ней то,
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней.
Как и в Джоконде, но сильней.

XII

Леса готической скульптуры....[12]

и т.д., что Вы уже знаете, так как я посылал Вам это отдельно как самостоятельное стихотворение. Но если теперь Вы прочтете все это целиком, то Вы увидите совершенно иной смысл.

Непосредственным продолжением этого стихотворения служит следующее. Первые строфы его написаны год тому назад в мае. А закончено оно этой весной.

«St. Cloud»

I

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист...
Хрустальный день пылал так
ярко,
И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле.
Где пел фонтан в зеленой мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллей
И грандиозно, и уютно.
В лазури плыли облака...
Душа как воды глубока.

II

И наших ног касалась влажно
Густая, гибкая трава...
В душе и медленно, и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.
И, смутным оком глядя вдаль,
Вы говорили:
«Смерть сурово
Придет, как синяя гроза,
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: “Ты готова?”
Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень»...

III

«Какая темная обида
Меня из бездны извлекла...
Я здесь брожу как тень Аида...
Я не страдала, не жила...
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,
Чтобы понять язык людей...
Туманен сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто ей поставил здесь межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта..
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил — тех не примет
смерть».

IV

Как этот день теперь далеко
С его крылатою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарей,
Он был как вещий сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей
Неразбудившейся души.
И тайна в утренней тиши
Свершилась: «Кто-то встал
с востока
В хитоне бледно-золотом
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко...»
...Он в мире чью-то кровь
пролил.
И нас той кровью окропил.

V

И трепеща, необычайны,
Мы к небу подняли сердца
И причастились страшной
Тайны
В лучах пылавшего лица..
...И в шумный мир вела дорога:
Исчезнуть, слиться и сгореть...
Земная смерть есть радость
Бога –
Он сходит в мир, чтоб умереть...
И мы как боги, мы как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Друг друга потерять в пути,
Сгореть душой и вновь найти...[13]

---

*Resignation**

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле.
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая...

И арки черные, и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность...
В душе моей растет такая нежность...
Как медленно текут расплавленные дни!

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой...[14]

Надпись на античном барельефе

Мы заблудились в этом свете...
Мы в подземельях страшных... Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы...

По мертвым рекам всплески весел...
Орфей родную тень зовет...
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь... Беззвучны крики...
Рука горит еще в руке...
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики...[15]

---

* Смирение, покорность судьбе *(фр.)*.

Вот пока весь цикл моих «эзотерических» стихотворений. Всецело доверяю их Вашей скромности. То есть, я не боюсь того, что Вы прочтете или перепишете отдельное стихотворение, но не выясняйте их хронологической связи и не поощряйте психологических догадок.[16]

Первое длинное «Письмо» — оно уже слишком многим известно. Оно уже стало самостоятельным. А другие еще не успели отделиться от души, и их стыдно читать.

А теперь до свиданья. Я бы хотел еще Вам написать, но рука очень устает и начинает болеть.

Поблагодарите очень и очень Райчевича. Может, у него найдутся знакомые и в других городах: Триесте, Фиуме, Царе, Спалато?[17] Даже не очень интересные — просто, чтоб иметь в руках начало нити.

До свиданья.

Бедный Медор!![18]

Макс. Волошин.

Жду от Вас очень подробного письма об этих стихах, безусловно откровенного.

Напишите, какие слухи ходят в Крыму об одесских событиях.

Напишите как можно скорее.

Прочтите или перепишите эти стихотворения для мамы. Я Вам буду очень благодарен. Она их еще не знает.

[1] Антонио Райчевич. См. п. 67, примеч. 8.

[2] Волошин в это время жил в пустовавшей квартире М.Н. Семенова.

[3] Речь идет о восстании, вспыхнувшем на броненосце «Потемкин» 14 июня 1905 г.

[4] Интерес Волошина к событиям, предшествовавшим Великой французской революции, найдет свое отражение в статье «Пророки и Мстители. Предвестия Великой революции». См.: Т. 3 наст. изд. С. 274–304, 530.

[5] Переводы Волошина из Верхарна всегда высоко оценивались А.М. Петровой, не стало исключением и «Человечество». Кроме того, в недатированном письме она похвалила вольный перевод из Верхарна «Казнь»: «“Казнь” прекрасна...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 56 об.).

[6] Речь идет о событиях января (ст.ст.) 1905 г. в Петербурге, свидетелем которых был Волошин. См. п. 58, примеч. 3. По поводу стихотворений «Человечество» и «Предвестия» А.М. Петрова писала: «Страшно обидно мне, что только смутно чувствую их прелесть, но совершенно не понимаю. Мне кажется это от того, что я сама мистически мыслю и вижу все. Свое органическое, природное слишком полно и не дает больше места другому. Эти два стихотворения не заразили меня, если можно так выразиться. Мне мало этого. У вас же в “Предвестиях” первые две строки показались мне гимназически неуклюжими. Не попробуете ли их как-нибудь долой?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 55).

[7] Неустановленное лицо.

[8] Таиах (Тайа) – царица Древнего Египта, жена Аменхотепа III. Копию ее скульптурного изображения Волошин видел при посещении музея Гиме (музея восточных религий, основанного в 1879 г. промышленником Э. Гиме) в Париже 24 мая / 6 июня 1904 г. Волошин был поражен сходством скульптурного портрета с М.В. Сабашниковой. См.: *Купченко В.* Муза меняет имя? // Советский музей. 1985. № 3. С. 42–44. Весной 1905 г. Волошин написал стихотворение «Таиах». См.: Т. 1 наст. изд. С. 58, 453.

[9] Такое посвящение поставил на книге своих стихов «Обнаженные нервы» (М., 1895) А.Н. Емельянов-Коханский, которую впоследствии автор предлагал трактовать как пародию на декадентство.

[10] Речь идет о стихотворениях, высланных Волошиным А.М. Петровой еще в 1904 г. См. п. 22, примеч. 2.

[11] Речь идет о фрагменте стихотворения Волошина «Письмо», которое под заглавием «Чудовища» было выслано А.М. Петровой в письме от 24 июня / 7 июля 1904 г. См. п. 38.

[12] Фрагмент стихотворения «Письмо», о котором А.М. Петрова писала: «“Письмо”. – Вот ведь где беда. Не столько содержание его и детали, сколько смысл, уловленный с бабской прозорливостью, совсем меня с толку сбил. И “откровенно” я Вам не напишу. Я вижу, что Вы искренни, и у меня явилось вдруг такое чувство, будто я в щелку подглядывала. Деточка, мне как-то страшно жалко Вас стало. Не нужно эти строки кому-нибудь показывать, не топчите сами себя. Вы под влиянием минуты и мне их написали. Как поэзия – они прекрасны. Но они слишком интимны. <...> Радуюсь, что Вы, наконец, перестали быть каким-то бесполым существом. Только почему все это у Вас так болезненно? Не мудрите. Не стыдитесь своей ясности, своей чистоты душевной. Это Ваша натура, и вы напрасно бунтуете против нее, сваливая на “воспитание”, на “привитые предрассудки”. Прибавляю Вам об этом, основываясь на том, что случайно узнала: кажется, в этом роде Вы жаловались Вашей маме. Эта жалоба про-

тиворечит “Письму”, значит, Вы юродствуете и идете против себя. – – – – Зачем посвящено какой-то мертвой Таиах, когда в каждой строфе звучит и трепещет живое, охватившее Вас? Ясное, чистое, хотя и больное неудовлетворение? Мужайтесь, мальчик. Ну, так вот Вам мое резюме: если Максу нужна женщина, то пусть она будет Амальхен, Каролинхен и т.п., но только не другая и в особенности не русская жуткая женщина. (Не правда ли, ошеломляющая логика?!) То, да не так мне хотелось бы Вам обо всем этом написать. За грубость простите» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 55 об. – 56).

[13] Стихотворение, позже получившее заглавие «Второе письмо» (см. Т. 1 наст. изд. С. 67, 455–456), содержит большое количество разночтений.

[14] Стихотворение, позже публиковавшееся без заглавия (Т. 1 наст. изд. С. 66, 455).

[15] Стихотворение было впоследствии опубликовано без заглавия (Т. 1 наст. изд. С. 61, 453–454).

[16] А.М. Петрова на «эзотерический» цикл Волошина откликнулась скупо, видимо желая соблюсти «скромность», о которой писал Волошин: «Нравится мне и то, что помню “St. Cloud” и “Resignation” и, особенно, “Надпись”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 56).

[17] Триест – город и порт на северо-востоке Италии, с XIV в. до 1919 г. – во владении Австрии. Фиуме (Риека), Царе, Спалато (Сплит) – города в Далмации. Речь идет, видимо, о составлении маршрута поездки в Далмацию. А.М. Петрова отвечала Волошину на его запрос: «У М-r Райчевича никого нет в провинции Далмации, но тот г<осподи>н, которому он Вас рекомендовал, Вам всех укажет» (Там же, л. 57 об.). См. также п. 67, примеч. 7.

[18] Речь идет о собаке А.М. Петровой по кличке Медор. В письме от 10 июня (ст.ст.) 1905 г. А.М. Петрова сообщала Волошину: «Бедный Медор имел нарыв у горла и, промучавшись 2 недели, умер. Все время я ухаживала за ним, надеясь спасти этого единственного теперь друга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 60 об.).

71. А.М. ПЕТРОВОЙ

21 июня / 4 июля 1905 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Как странно меня поразило и обрадовало Ваше письмо.[2] Я еще никогда не чувствовал Вашу мысль так близко... Вы пишете даже некоторые мои слова, которые я никому не говорил

и которые вы не могли знать... Мысль наша бродит около одних и тех же вопросов...

Я буду отвечать Вам по порядку, т.е. следуя беспорядку Вашего письма...

Славянская раса...[3]

Нет, она не вырождается... Напротив, она вступает в свое процветание... В течение ближайших лет (до 1910 года) в Европе должна произойти страшная перемена. Конец этого года и начало будущего должны принести с собой радикальный переворот в Европейской истории. Европе предстоит в течение ближайших месяцев пережить одну из страшнейших конвульсий новой истории. Европе — а не России... Россия пока в стороне... Но славянам принадлежит в этом громадная роль... Но главную роль (еще через несколько веков) сыграют не славяне, а раса, которая выйдет из славянской...

С этого года мир вступает в новый цикл, находящийся под созвездием Льва... Это будут самые кровавые годы Европейского человечества, и лицо Европы будет через пять лет неузнаваемо.[4]

Внешние события будут только отражением духовной перемены, которая будет неимоверна....

И в ней решительное слово скажут славяне...

Предчувствие национальных конвульсий часто вызывает предсказания о конце мира: люди склонны преувеличивать и обобщать, и точно так же серьезный и целительный духовный кризис муки рождения людьми принимается за вырождение. Периоды возрождения и вырождения часто путаются... Вырождение средневековья получило титул Возрождения, а самый ослепительный период человечества, II и III века, называют вырождением, упадком!..

Русское вырождение — это интеллигенция... Она должна быть сметена народной волной вместе с правительством... Она чужда народному духу, заражена Европейским варварством форм, и ей нет места в национальном обновлении.[5]

Это те покровы, которые должны разорваться в муках рождения.

Царская власть... См. последнюю статью Вяч<еслава> Иванова «Религия Диониса» в июньской кн<ижке> «Вопросов Жизни».[6]

Русский царизм — это одно из разветвлений религии страдающего бога... Царизм вытекает из человеческих жертвоприношений. Убийство Царя имеет священный и ритуальный характер... Но не убийство личное, а народная казнь. Это жертва и апофеоз. Тогда Царь — Агнец, принимающий на себя грехи мира... Так заканчивалась царская власть во всех странах... Это мистическое жертвоприношение.

Мое «Письмо из Парижа» — ерунда.[7]

Я переживал этой весной муки духовного возрождения, поэтому адски поглупел. Теперь все прошло...

Скульптуры Люксемб<ургского> музея — вещи, никому не нужные, ловкие, поверхностные и пустые.[8]

Обеими руками подписываюсь под Вашим мнением.

Стихи мои... Я написал Вам «Письмо», потому что как в искусстве, так и в религии есть всегда два смысла: тайный и явный. Оба они выражаются одним и тем же символом, одним и тем же словом, но тайный смысл может понять только тот, который сам носит ключ в своей душе.[9]

А тот, кто носит этот ключ, тот не может оскорбить неосторожным прикосновением.

Поэтому только самые интимные вещи, облеченные в стих, можно бросить по миру и не бояться за то, что они будут оскорблены.

Меня глубоко тронуло Ваше прикосновение... Я не боюсь «бабской прозорливости». Только не говорите об этом никому. А Ваша резолюция о моей судьбе и пожелание Амальхен или Каролинхен... мне напомнило... слова начальн<ика> Охран<ного> Отделения маме о том, что меня женить нужно....

Вы прочтете еще многое в тех стихах, которые я послал Вам позже и которые, очевидно, Вы еще не получили в то время, когда писали свое письмо... Нет... я себе выбрал другую дорогу...

Когда-нибудь мы будем много говорить об этом...

Ваши предчувствия и приметы... Прислушивайтесь к ним и не бойтесь их... Это единственные ворота... В мире нет чуда... Только одни позитивисты и реалисты признают еще чудо, низводя его до мещанской разновидности случая... Но нет ничего случайного, и только углублением <в> свои воспоминания, в свое бессознательное можно нащупать те нити, которые недоступны реальным слепым глазам...

Знаем только мы
Непрозрачность света
И прозрачность тьмы...[10]

Ах, сколько нужно нам говорить об этом, но об этом в письмах нельзя говорить...

Когда я будущим летом приеду в Коктебель, я многое смогу рассказать Вам.

Макс. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 4.7.05. Получено в Феодосии 21 июня.

[2] Имеется в виду недатированное письмо А.М. Петровой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 52–57).

[3] А.М. Петрова в своем письме обращалась к Волошину: «Ради Бога, успокойте Вы меня, Максимилиан Александрович! Вы у меня умница. Правда ли, что мы, славяне, предречены на увядание, на вырождение? Я слышала вчера подобное мнение, обоснованное на многих данных. Все, что угодно, но это заставило меня всколыхнуться и почувствовать до боли реально какой-то мистический ужас перед *смертью великого, глубокого духа*. Разве он умер? Разве он может умереть? Я знаю, т.е. скорее чувствую (старое слово, знакомое!), что мы географически можем размыться, но духовно – ого-го!

Фактическая сторона революции мне до тошноты скучна, все одно и то же. Но ни на минуту не ослабляется у меня чуткость и напряженное внимание там, где я просматриваю другую ее сторону, духовную, в самом широком и вместе с тем тесном смысле. Ведь я националистка, и не только не стесняюсь этого, а жадно ищу, в какую бы форму вылиться самой и нашему народному руслу. Мне противны и гадки те люди, которых именуют теперь “истинно-русскими”, но не могу не чувствовать, что пока и в их среде, кроме глубин народных, руководит ими какое-то бессознательное, стихийное чувство

самосохранения, хотя и крайне уродливо понимаемое. Права ли я? Напишите мне все, что возможно по этому поводу, если, конечно, не затруднит. Я надеюсь, что Вы поймете, чего я хочу, хотя я и выражаюсь не точно и туманно. И латинская раса вырождается, говорят. Не понимаю. Не могу понять. Для меня Китай – культура, а С<еверо>-Ам<ериканские> Соед<иненные> Штаты – варварство. Ведь и Ваш взгляд такой. Только, помнится, Вы и Европу с нами считали варварской. Если интеллигенция, то согласна, если же гущу народную, то нет. И в Европе, и у нас умели и умеют еще жить бредом. Мне это дорого. Это не умрет? А?» (Там же, л. 52–53).

[4] Высказанные здесь идеи и предвидения восходят к прогнозам А.Р. Минцловой, с которой Волошин встречался в Париже в июне 1905 г., и лекции А. Безант «Проблемы судьбы», прочитанной 5/18 июня 1905 г. в Географическом обществе (Труды и дни. С. 136–137). См. также запись Волошина от 19 июня (н.ст.) в дневнике «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 205–206).

[5] Следует отметить, что Волошин отмежевывался от интеллигенции, включая себя в разряд «интеллектюэлей» – своего рода духовной аристократии. Позднее он определял: «Intellectuel – это человек, имеющий свой взгляд на мир и на явления культуры и взявший на себя право стать в стороне от ходовых политических делений и общественных шаблонов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 378).

[6] См. примеч. 13 к п. 42.

[7] Волошин говорит о своей статье «Письмо из Парижа. Выставка у Жоржа Пти. Société nouvelle des peintres et des sculpteurs» (Весы. 1905. № 4. С. 32–37). В ответном письме А.М. Петрова выразила свое возмущение ею: «Как я кипятилась, как я злилась, когда прочла Ваше “Письмо из Парижа” в “Весах”. И забыла Вам об этом написать, как... забывала по сю пору поблагодарить Вас за Карьера. Простите! Перестанете ли Вы себе противоречить и “описывать” картины? Противный мальчишка» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 53–54).

[8] Фотографические снимки привезла из Парижа Е.О. Кириенко-Волошина. А.М. Петрова в недатированном письме Волошину высказала свое мнение: «Мама Ваша привезла мне открытки со снимками со статуй Люкс<ембургского> Музея. И, наконец, так ярко блеснуло у меня то, что мне *не нужны* все эти “статуи”. И поняло – почему. Разве это художество? <...> Ну так вот что: очень ли интересно было бы для Вас, если бы, хотя бы и я, находясь от Вас за тридевять земель, пустилась Вам смаковать и на всякие лады расписывать все эти случайные фигуры, что разглядывала бы в никому

невидимый калейдоскоп? Только лень удержала меня сказать Вам “ответ” на Ваше “Письмо” (да и все “письма” в этом роде)» (Там же, л. 53 об. – 54).

[9] См.: п. 70, примеч. 12.

[10] Вариант заключительных строк стихотворения Волошина «Мир закутан плотно...» (Т. 1 наст. изд. С. 63, 454). А.М. Петрова писала по поводу этого стихотворения: « “Мир закутан”, не знаю почему, мысль мне очень и очень нравится, а форма барабанной дробью ударила по ушам, несмотря на ее мягкость и эластичность. Слишком быстрый темп взяли. А красиво чертовски. Т.е. образы. Рифмы мне мешают <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950, л. 56 об.).

72. В.Я. БРЮСОВУ

30 июня / 13 июля 1905 г. Париж[1]

24 Rue Octave Feuillet.

Дорогой Валерий.

Простите меня, пожалуйста, за мое молчание пред «Весами». Мой дух все время был в областях далеких от литературы, и я совсем ничего не мог писать.[2]

Теперь я надеюсь быстро наверстать упущенное и заполнить свои долги перед «Весами».[3]

Посылаю Вам статью Жана (!!?) Гурмона об «романе».[4] Она пришла совершенно неожиданно для меня. Я в тот же день был у Рэми Г<урмона>, он был несколько сконфужен, и сказал, что он очень занят, что он не мог написать именно этой статьи, но в скором времени он даст другую, а что статья его брата очень хороша, что он ее читал и т.д.

Словом, вот она. Можете принимать ее или нет, как хотите.

А Реми де Гур<мон> статью все-таки даст.[5]

До свидания.

Макс. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 13.7.1905. Получено в Москве 4 июля.

[2] Волошин подразумевает прежде всего свои отношения с М.В. Сабашниковой, жившей в Париже в апреле–июне 1905 г. После отъезда Сабашниковой 11/24 июня в Цюрих Волошин вел с нею оживленную переписку, практически ежедневно сообщая ей о личных переживаниях и событиях своей жизни.

[3] Исполнить это намерение Волошин не сумел: за 1905 г. в «Весах» появилось всего две публикации за его подписью – статья «Творчество М. Якунчиковой» (№ 1) и очередное «Письмо из Парижа. Выставка у Жоржа Пти» (№ 4. С. 32–37).

[4] Жан де Гурмон – брат Реми де Гурмона, автор библиографии его сочинений (1922) и воспоминаний о нем (1924). Сотрудничал в «Mercure de France» как литературный критик. В библиотеке Брюсова имелась книга Ж. де Гурмона «Muses d'aujoud'hui» («Современные музы», 1910) (РГБ, ф. 386, Книги, № 1681). Посланная Волошиным в Москву статья Ж. де Гурмона «Французский роман и романисты» была напечатана в № 8 «Весов» за 1905 г. (С. 31–36). В «Весах» анонсировался также очерк Ж. де Гурмона «Жан Мореас» (1905), изданный Э. Сансот-Орланом (1905. № 5. С. 77; № 6. С. 88; раздел «Перечень новых книг»). Сохранилось, кроме того, письмо Ж. де Гурмона к С.А. Полякову от 6 апреля 1906 г., где французский писатель предлагает «Весам» критическую статью о романе или «новой поэзии» во Франции (ИМЛИ, ф. 76, оп. 3, ед. хр. 64). Вторая статья Ж. де Гурмона под заглавием «Французский роман и романисты» появилась в № 10 «Весов» за 1906 г. (С. 38–42).

[5] «Цветы» Реми де Гурмона появились только в № 8 «Весов» за 1906 г. (С. 30–34).

73. А.М. ПЕТРОВОЙ

2/15 июля 1905 г. Париж

24 Rue Octave Feuilet,
15 juilet.

Дорогая Александра Михайловна!

Только что получил Вашу открытку.[1] Значит, Вы еще не получили два моих письма, переполненных стихами?

Я их послал два: первое заказным, второе простым через день.

Почему Вы ничего не пишете о феодосийских страхах и «Потемкине»?[2] Это, верно, было великолепно? Напишите,

пожалуйста, поподробнее. Один вечер я было совсем перепугался, т<ак> к<ак> в «La Presse» была телеграмма о том, что Феодосию бомбардируют, и город в пламени. Я не телеграфировал Вам только потому, что подумал, что при таких обстоятельствах, если только это правда, то телеграмма все равно не дойдет.

Прилагаю Вам еще несколько стихотворений, написанных с того времени.

У меня теперь страшно плодотворный период.

* * *

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь.
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту звездную пасть —
Робким сердцем приникнуть,
Чуткимухом припасть...

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля...
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля...

Я к земле припадаю...
Быть твоим ... навсегда...
«Знаю... знаю... все знаю»...
Шепчет вода...

...Ночь темна и беззвездна...
Кто-то плачет во сне...
Опрокинута бездна
На водах и во мне...[3]

* * *

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна...
Горе, горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна!..

В нас весенняя ночь трепетала...
Нам таинственный месяц сверкал...
Не меня ты во сне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал...

Нас палящая жажда сдружила...
В нас различное чувство слилось...
Ты кого-то другого любила
И к другой мое сердце рвалось...

Запрокинулись головы наши...
Опьянились мы огненным сном...
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином...

Необъятною звездной сказкой
Прижимались к земле небеса...
И рука с безнадежною лаской
Разбирала мои волоса...[4]

* * *

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней!
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней...

Гаснуть словами в обманных догадках...
Дымом кадильным стелиться вдали...
Разум запутался в траурных складках...
Мантия мрака на безднах земли...

Тени невидимых – жутко громадны.
Звуки родятся и бродят впотьмах.
Память – неверная нить Ариадны –
Рвется в дрожащих руках...

Время свергается в вечном паденьи,
С временем падаю в пропасти я...
Сорваны цепи, разорваны звенья...
Смерть и рожденье – вся нить бытия!![5]

Помните – я жду от Вас хотя бы нескольких слов об каждом стихотворении. Мне страшно важно знать, как Вы их примете.

И, кроме того – перепишите их, пожалуйста, для мамы.

Я выеду из Парижа в первых числах августа, т.е. не раньше 17 июля ст<арого> ст<иля>.

Макс Волошин.

[1] Речь идет об открытке А.М. Петровой, ошибочно помещенной среди писем 1912 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 7). См. п. 67, примеч. 3.

[2] Броненосец «Потемкин» 22 июня находился в Феодосии, где пополнил запасы провианта и угля, 23 июня «Потемкин» ушел в Румынию. 22 июня / 5 июля французские газеты сообщили о приходе «Потемкина» в Феодосию и обстреле города (слух этот оказался ложным).

[3] Стихотворение Волошина «Небо в тонких узорах...» (с вариантом в 1-й строке 4-й строфы) датируется летом 1905 г. (Т. 1 наст. изд. С. 64, 455).

[4] Ранний вариант стихотворения «Если сердце горит и трепещет...» с дополнительной 5-й строфой (Т. 1 наст. изд. С. 60, 453). Стихотворение посвящено ирландской художнице Вайолет Харт, возлюбленной Волошина, с которой он сблизился в мае 1905 г. (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 198–201).

[5] Стихотворение «Быть заключенным в темнице мгновенья....» вошло в цикл «Когда время останавливается...» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 38–39, 447–448).

74. А.В. АМФИТЕАТРОВУ

Начало июля ст.ст. / Середина июля н.ст. 1905 г. Париж[1]

24, Rue Octave Feuillet.

Дорогой Александр Валентинович!

Благодарю Вас за совет и предложения. Я, к сожалению, рассчитывал уехать позже и потому связан в настоящую минуту обещаниями и ожиданиями разных лиц, так что не могу покинуть Париж сейчас.[2]

Да и денег не приберег заранее.

Впрочем, я сейчас об этом и не жалею, так как на меня напала горячая полоса работы, чтения и стихов, которых я пишу так много, как никогда в своей жизни не писал.

Посылаю Вам два перевода или скорее «воспоминания» о стихотворениях Верхарна.[3] Они оба ужасно подходят к моим мыслям и чувствам относительно России, и перевел я их с одушевлением. Напишите мне, как они Вам понравятся.[4] Поклон Илларии Владимировне[5] и всем Вашим.

Макс Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с ответным письмом от 20 июля (н.ст.) 1905 г.

[2] Речь идет о планировавшейся по совету Амфитеатрова поездке в Далмацию (см. п. 67), которая не состоялась, так как Волошин ожидал в это время приезда А.Р. Минцловой.

[3] Имеются в виду два стихотворных перевода — «Казнь» и «Человечество». В автографе, посланном Амфитеатрову, стихотворение «Казнь» имело посвящение: «Перевод посвящ<ается> Русскому Самодерж<цу>». См. также п. 76, примеч. 6.

[4] В ответном письме от 20 июля Амфитеатров оценил посланные стихотворения как «прекрасные», отметив при этом «один недостаток: они фразисто-вячеславо-иванистые», а также сделав замечания по поводу некоторых грамматических и стилистических погрешностей (см.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 22. СПб.: Athencum; Феникс, 1997. С. 383).

[5] Жена А.В. Амфитеатрова.

75. А.В. АМФИТЕАТРОВУ

19 июля / 1 августа 1905 г. Париж[1]

Многоуважаемый Александр Валентинович!

Простите, что не отвечаю Вам сразу. Ваши поручения я исполнил, но потом меня вдруг унесло в Руан и Шартр, откуда я только что вернулся.[2]

Я очень благодарен Вам за предложения «Rosso e Nero».[3] Книги высланы и переданы. Пикару сделаны распоряжения сегодня.[4] На днях напишу Вам подробнее. Сейчас я в вихре.

Вернулся Бальмонт из Мексики.[5]

Макс. Волошин.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 141.

[2] 5/18 июля 1905 г. в Париж приехала А.Р. Минцлова, в обществе которой Волошин совершил поездку (с 23 по 27 июля н.ст.) в Руан и Шартр, знаменитые своими соборами – шедеврами средневекового готического зодчества.

[3] В письме от 20 июля н.ст. 1905 г. из Виареджо (Италия) Амфитеатров приглашал Волошина к сотрудничеству в качестве художника в сатирическом журнале «Rosso e Nero» («Красное и Черное») (редактор Джованни Де Нава) (см.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 22. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 383–384). Об участии Волошина в данном издании сведений не имеется.

[4] В том же письме Амфитеатров просил Волошина выполнить несколько поручений относительно своих изданий: выслать в Италию на имя Дж. Де Нава 2-е издание романа «Марья Лусьева», передать И.З. Лорис-Меликову экземпляры вышедших сочинений, а также выяснить у книгоиздателя Альфонса Пикара условия отправки издательских каталогов.

[5] К.Д. Бальмонт вернулся в Париж из поездки по Мексике и США 16/29 июля 1905 г.

76. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Конец августа ст.ст. / Начало сентября н.ст. 1905 г. Париж

Дорогая мама!

Все это время я то уезжал из Парижа в разные экскурсии, то снова возвращался. Только что я сделал довольно большую экскурсию в Альпах через ледники.

Теперь в Париже Пешковский и Яша.[1] Яша с матерью. Он кончил свое заведение и теперь ищет себе места и хочет остаться в Париже. Мать его уезжает в Россию, чтобы снова приняться за какое-нибудь дело.

Пешковский с женой поселился у меня в мастерской.[2] Жена его очень мила и симпатична. Но он производит очень удручающее впечатление. Он как-то в браке совсем распустился и опустился. Может быть, это производит такое впечатление по сравнению с ее молодостью и свежестью. На самом видном месте в мастерской он повесил на стене ничем не задрапированные клистирные приспособления, одет ужасно, все время при ней считает деньги и боится перерасходовать,

как будто он путешествует на последние средства, потом с ним совершенно не о чем говорить — он отказывается воспринимать самые простые мысли и слова. Словом, его вид меня ужасно удручает и мне жалко его жены, а не его.

Он очень торжественно называет ее «моя жена». Но в общем, кажется, наша совместная гимназическая жизнь оставила в нем такое впечатление, что супружеская ему кажется только ее продолжением. Жена его мне жаловалась, что он ее называет часто «Максом», меня же он уже несколько раз называл Милочкой.

Они уезжают на днях, хотя ей этого очень не хочется и она уговаривает его остаться.[3]

Я сам все это время очень много занимаюсь и читаю по оккультизму и теософии. Теперь, когда наконец я могу покупать себе книги, я завален ими. К сожалению, я не смогу Вам прислать ничего из того, что я читаю, потому что все теософские издания запрещены в России.

Разные обстоятельства мне так и помешали поехать в Далмацию и мое летнее путешествие разделили на несколько маленьких.

Посылаю Вам еще моих фотографий, сделанных мною самим в зеркало.[4]

M-me Юнге[5] я вышлю через несколько дней carte-postal'ей. Теперь у меня сейчас нет.

Читали ли Вы мои стихи в «Руси»?[6] Я не думал, что они решатся их напечатать. Так, как они напечатаны, и в том порядке они очень выразительны. Не правда ли? Перевод из Верхарна «Казнь» я мысленно посв<ятил> Ник<олаю> II.

Как здоровье бабушки? Где теперь Леля Лямина? Что у Вас делается в Коктебеле? Много ли у Вас народу? Хороши ли Ваши материальные итоги этого года?

До свиданья. Целую бабушку.

Макс.

[1] Я.А. Глотов.

[2] См. п. 59, примеч. 1.

[3] Е.О. писала в ответ (10/23 сентября): «Ты пишешь, что тебе жалко жену Пешковского, но, по-моему, он еще более жалок. Так опуститься к 26 годам, это ужасно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[4] Е.О. откликнулась в том же письме: «Твои последние 3 фотограф<ические> карточки мне совсем не нравятся: это какие-то старые уроды».

[5] Е.Ф. Юнге.

[6] Имеется в виду опубликованные в «Руси» 14 августа 1905 г. стихотворение «Предвестия» («Сознанье строгое есть в жестах Немезиды...») и вольные переводы Волошина из Э. Верхарна – «Человечество» («О, вечера, распятые на сводах небосклона...») и «Казнь» («Ты сложишь голову на траурном помосте...»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 251; Т. 4 наст. изд. С. 31, 83.

77. В.Я. БРЮСОВУ

11/24 октября 1905 г. Париж

16. B<ouleva>rd Edgar Quinet.[1]
Paris. 24 octobre 1905.

Дорогой Валерий!

Только что я получил от своей матери и от одного старого друга письма, в которых страшно радуются и ликуют по поводу того, что мне от вас «здорово досталось на орехи» в «Весах»...[2] но я сам, к сожалению, до сих пор еще не видел этого номера. Мне почему-то «Весы» присылают страшно неаккуратно. До сих пор я пользовался номерами Мих<аила> Никол<аевича>, которые приходили ему на квартиру.[3] Сделайте, пожалуйста, распоряжение, чтобы мне «Весы» высылались по новому моему адресу. Мне очень хочется прочесть Вашу статью, и я заранее уверен, что она должна быть хороша и справедлива.

Я думаю, что Вы меня знаете настолько хорошо, чтобы видеть, что чувство обиды, негодования и т<ому> подоб<ное> у меня совершенно атрофированы. Пришлите мне, пожалуйста, поскорей этот номер. Я Вам пишу сейчас именно для того, чтобы сказать Вам, что я статьи Вашей еще не читал и приму ее совершенно объективно без всякого отношения к Вам.

Судя по ликованию моей матери, которое носит всегда педагогический характер, я думаю, что она и едка, и справедлива.

Не удивляйтесь моему упорному молчанию относительно «Весов» в течение стольких месяцев. Я ничего не писал это время, исключая глупых корреспонденций в «Русь». Я слишком был занят в другой области и слишком много ломал и менял в области мысли для того, чтобы иметь возможность писать. Так что не приписывайте это какому-нибудь изменению моих отношений к «Весам».

Если у Вас найдется время, напишите мне, что делается теперь в «Весах»? Какие изменения в редакции и как это отзовется на журнале? Я ровно ничего не знаю об этом.

До свиданья.

Максимил<иан> Волошин.

[1] Волошин переехал в мастерскую на бульваре Эдгара Кине 22 сентября / 5 октября 1905 г. (Труды и дни. С. 147).

[2] В письмах речь идет о напечатанной анонимно в «Весах» (1905. № 8. С. 69–71) заметке Брюсова «О Максе Волошине и древнем змее», в которой был подвергнут сокрушительной критике выполненный Волошиным перевод стихотворения Верхарна «Голова» («La Tête»), опубликованный в газете «Русь» под заглавием «Казнь (Воспоминание из Верхарна)» вместе с другим волошинским переводом из Верхарна – стихотворением «Человечество» (см. примеч. 6 к п. 76). Сам Волошин писал об этих переводах: «Я перевел еще два стихотворения Верхарна и думал об России и об Революции, переводя их. Это должно было сказаться» (письмо к М.В. Сабашниковой (июнь 1905 г.) // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107); к автографу стихотворения «Казнь» Волошин сделал приписку: «мысленно посвящаю этот перевод русскому самодержавию» (Там же, оп. 1, ед. хр. 409, л. 11).

Брюсов в своей заметке выступил против чрезмерных вольностей, допущенных Волошиным в его переводе-«воспоминании», а также против искажения – в ряде случаев – смысла и стиля первоисточника. В заглавии заметки обыгрывается один из приведенных Брюсовым примеров несоответствия волошинского перевода подлиннику Верхарна:

«...Верхарн говорит, что “в толпе змеей проползает грандиозное преступление”. –

La foule, en qui le mal grandiose serpente...

Г. Волошин переводит:

Толпа вокруг тебя, как древний образ змея.

Откуда взялся у г. Волошина этот древний змей? Нет сомнений! он смешал глагольную форму serpente с существительным serpent! Но как же тогда понимал он весь французский стих? Или отсутствие смысла казалось ему особенно пикантным?

Положим, г. Волошин осторожно называет свои стихи не «переводом», а «воспоминанием о Верхарне». Но тогда приходится сказать, что воспоминание о Верхарне у г. Волошина сохранилось довольно смутное. Передавая стихи по-русски, не мешает получше *помнить* их текст ... или значение французских слов».

Еще более резко Брюсов охарактеризовал перевод стихотворения Верхарна «Кузнец», выполненный А.А. Лукьяновым и опубликованный в IV сборнике товарищества «Знание» (СПб., 1905).

Письмо «от одного старого друга» — письмо А.М. Петровой (5/18 октября 1905 г., Феодосия); приводим полностью его текст:

«Что? получили на орешки в “Весах”?

Страшно негодую против Вас.

Я думала, что подзаголовок “воспоминания из” поставлен Вами из тонкого вкуса, и что, озаглавливая так, Вы, — если можно так выразиться, — своеобразно кокетничаете, чувствуя полное превосходство своего перевода, и мне это крайне нравилось. Дитя, раньше я Вам доверяла, а теперь надолго потеряла всякую веру.

Разгильдяйство.

Взбешена и озлоблена страшно.

Макс и — Лукьянов... Этого только недоставало.

А вышло так.

Высекла бы Вас.

Жду публичного покаяния; чтоб оно было полно, искренно и красиво.

Вы понимаете, что Вы должны сделать, и силы на это у Вас *есть*.

А Елена Оттобальдовна хо-о-рошо Вам намылит голову. Вот, — постойте.

Ваша А.П.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 950).

Не менее критичным в адрес Волошина было и недатированное письмо к нему матери: «Когда я пришла вчера к Юнге с последним № “Весов” и радостным заявлением: как хорошо Макса отщелкали за воспоминание из Верхарна “Казнь”, Ек<атерина> Ф<едоровна> не верила, что я на самом деле радуюсь, и я воистину радовалась, что нашелся человек, ставший в защиту Верхарна от таких воспо-

минаний г-д Максов Волошиных, которые по небрежности, лени, без любви, без вдохновения начинают безжалостно искажать своих же любимцев-поэтов. И зачем ты сделал это, Макс? И тебе не жалко было Верхарна? Если бы у тебя не было ни силы, ни дарования поэтического, ни гроша денег на корку хлеба, это было бы простительно, а при твоих блестящих дарованиях, да еще сытому так относиться к художественному произведению возмутительно». Далее в письме Е.О. Кириенко-Волошина передает свой разговор с поэтессой П.С. Соловьевой (Allegro) на ту же тему: «...я сказала: Макса продернули, и хорошо продернули, и поделом продернули. Макс не может отнестись к этому справедливому отзыву равнодушно, он встряхнет, устыдит его. И я радуюсь высказанной правде, радуюсь за полученный Максом урок, надеясь, что он не пройдет даром» (Там же, ед. хр. 652). В ответ на утверждение Волошина о том, что его перевод является лишь вольным переложением стихотворения Верхарна, Е.О. вновь писала ему (1 ноября 1905 г.): «Ты говоришь, что в твоей “Казни” от Верхарнской “Головы” почти ничего не осталось, что ты вполне сознательно придал этому стихотворению другой смысл и т.д., но, сличая оригинал с переводом твоим, напротив, видно совершенно ясно, что это произведение было перед твоими глазами, что не только смысл всего стихотворения остался тот же, но даже размер и число строк в твоем очень небрежном переводе, где ты слово serpenter – змеиться принял за serpent – змея и вместо того, чтобы справиться с лексиконом, преспокойно создаешь какой-то «древний образ змея». Прилагаю мой подстрочный прозаический перевод, из которого ты должен ясно увидеть, как ты местами плохо понимал французский текст, в особенности 3-е и 4-ое четверостишия; впрочем, и 2-ое никуда не годится сравнительно с ярко, красиво, сильно и просто выраженным оригиналом» (Там же).

Брюсовские критические доводы и полное согласие с ними А.М. Петровой и матери – людей, чьи суждения были для Волошина вполне авторитетными, – видимо, оказали на него определенное воздействие. В свою книгу «Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы» (1919) Волошин стихотворение «Казнь» не включил.

Брюсов также перевел это стихотворение: «Голова» («На черный эшафот ты голову взнесешь...»). См.: *Верхарн Эмиль.* Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906. С. 75–76. В предисловии Брюсов упомянул этот перевод в числе тех, в которых он «старался держаться настолько близко к подлиннику, насколько это допустимо при стихотворной передаче» (С. 28).

[3] М.Н. Семенов.

78. Е.А. БАЛЬМОНТ

8/21 ноября 1905 г. Париж[1]

16 B<ouleva>rd Edgar Quinet.
Paris.

Милая, милая Екатерина Алексеевна!

М<а>р<гарита> Вас<ильевна> только что передала мне Ваше письмо.[2] Как я Вам благодарен и как мне хочется говорить с Вами, но только не на бумаге, а с Вами самими – видя Вас, слыша Вас.

Мне все время хотелось писать Вам... Но как я мог Вам писать до тех пор, пока Вы не виделись с М<аргаритой> В<асильевной>?.. Я – я ведь не мог сказать Вам больше того, что я написал в том коротком письме из Цюриха,[3] а не говорить я не мог... Каждую минуту в Цюрихе и после я вспоминал Вас, думал о Вас. Каждый день смотрел на Ютли.[4]

Как много прошло с тех пор, как я показал Вам свое письмо в Москве, которое тут же разорвал,[5] и наших разговоров до рассвета в Париже.[6] Чем мне больше надо сказать, тем у меня меньше слов. Вот сейчас мое сердце переполнено такими благословениями и такой любовью к Вам. Я знаю всю горечь, тяжесть и борьбу, которую Вы теперь переживали.

Рассказать Вам о себе? Я был в очень плохом состоянии, когда мы виделись в Москве, в январе.[7] То что ни разу не был <у> С<абашнико>вых, и М<аргарита> В<асильевна> меня ни разу не позвала и ничего не сказала мне тогда, показалось полною безнадежностью. Когда потом М<аргарита> В<асильевна> приехала в Париж я старался с ней не видеться, со всем разорвать и все позабыть.[8] Я не только уходил, я уже совсем ушел, и вот тогда, когда ушел так далеко, что не думал, что смогу когда-нибудь возвратиться, случилось то, чего я совсем не ожидал. Вернуться тогда мне казалось уже невозможным. Так в этом прошла вся весна. И только в самые последние три дня М<аргариты> В<асильевны> в Париже перед отъездом в Цюрих произошло это-то сказочное благодаря Ан<не> Руд<ольфовне>.[9] И не благодаря ей – потому что она тогда ничего не знала, а благодаря ее одному присутствию.

...Нет, я не могу об этом писать... Мне нужно видеть Ваши глаза, чтобы все Вам рассказать. Я Вам расскажу все про себя, когда Вы приедете в Париж. Я так жалею, что у меня не было возможности подождать Вас в Берлине.[10]

М<аргарита> В<асильевна> мне рассказывала ваш разговор и Ваши слова. Ах, Екатерина Алексеевна, мне таки мучительно, что тут вся тяжесть и боль должна пасть на Мар<гариту> Вас<ильевну>, и что я ничего не могу взять на себя.[11]

Мне теперь кажется, что тот человек, которого я с любовью возьму за руку, не может остаться враждебным ко мне. Мне кажется, что я бы мог преодолеть неприязнь ко мне.

Но как это сделать, где?

А потом я так понимаю М<аргариту> В<асильевну> и так известную всю ненужную и оскорбительную обязанность кому-то заявлять, кому-то сообщать о том, что все должно быть только между нами. Напишите мне, что я могу сделать, что я должен делать... Я так боюсь причинить боль М<аргарите> В<асильевне> и кому бы то ни было из ее близких. Мне так мучительно сознавать себя как раз именно оправдавшим все опасения родных. Как раз самые худшие опасения.

Как я Вам благодарен за Ваше письмо, за Ваше доверие ко мне... Доверие обязывает, вера — создает то, чего не было. Я не могу не оправдать Вашего доверия... До свиданья. Напишите мне, научите меня.

Макс. Волошин.

Мой глубокий привет Нине Васильев<не>.[12] Получила ли она высланные мною ей книги?

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 150. В архиве Волошина сохранился комментарий Е.А. Бальмонт, составленный к этому письму, в котором оно ошибочно датировано декабрем 1905 г.: «Письмо это написано мне Мак<симилианом> Ал<ександровичем> Волошиным в декабре 1905 года в Москву, когда он вернулся в Париж из Берлина, где с Марг<аритой> Вас<ильевной> Сабашниковой слушал цикл лекций Д-ра Штейнера. Той осенью они решили пожениться, что я узнала из письма Макса из Цюриха. *“Каждый день смотрю на Ютли”*... Макс думал обо мне в Цюрихе, потому что там

мы с Бальмонтом несколько лет тому назад тайно от всех решили соединить наши жизни, о чем я в свое время рассказала одному Максу. *“Я знаю всю горечь, тяжесть и борьбу”* ... Бальмонт не мог работать в Москве осенью 1905 г.: он был захвачен революцией, метался среди революционеров, посещал ежедневно М. Горького, ходил по улицам с револьвером, произносил речи, подвергался сериозной опасности. За ним следили черносотенцы, его имя стояло в их списках, — он не находил себе настоящего дела. Тогда мы решили ехать за границу, что мне было оч<ень> тяжело, т<ак> к<ак> там Елена Ц<ветковская>, ставшая потом женой Б<альмон>та, оч<ень> осложняла и портила мне жизнь. *“Ни разу не был у С<абашниковы>х”*. Это родители Марг<ариты> Вас<ильевны>, которые не верили в чувство дочери к Максу и в ее сериозное намерение стать его женой. Они считали, что это очередная фантазия ее, и потому не хотели видеть Макса. *“...благодаря Анне Руд<ольфовне>”*. Анна Рудольф<овна> Минцлова, в то время антропософка, большой мой друг, сблизившийся в то время с Максом и Мар<гаритой> Вас<ильевной> и считавшая, что брак между ними предопределен свыше. *“...ненужную оскорбительную обязанность кому-то объявлять”*... Марг<арита> Вас<ильевна> хотела, чтобы вся ее семья: бабушка (мать ее матери), которую она особенно чтила, и ее родители, и ее родные, одобряли бы ее брак, не считали бы Макса “декадентом”, но не знала, как за это взяться. Она воздержала Макса от всяких эксцентрических выходок. Я Максу советовала подчиняться этим чисто внешним требованиям, что Макс и делал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 6). Об активном участии Е.А. Бальмонт в истории отношений его с М.В. Сабашниковой свидетельствует и сохранившая записка, видимо относящаяся ко времени приезда Волошина в Москву (см. примеч. 7): «Мах, дождитесь меня непременно. К Саб<ашниковы>м *не* ходите, пожалуйста. Позавтракайте с К.Д., я в 2 ч. буду дома» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 5.

[2] М.В. Сабашникова вместе с А.Н. Ивановой (Нюшей) приехала в Париж 7/20 ноября 1905 г. Волошин встретил их на вокзале. Письмо Е.А. Бальмонт, о котором идет речь, неизвестно.

[3] Неизвестное письмо Волошина, которое было написано Е.А. Бальмонт в период его пребывания в Цюрихе с 22 июля / 4 августа по 5/18 августа. Волошин вспоминает о нем в письме к М.В. Сабашниковой от 31 октября / 13 ноября 1905 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111, л. 5–6 об.).

[4] Ютли — гора в Швейцарии.

[5] Видимо, это письмо Волошина содержало какие-то доверительные признания, затрагивающие его отношения с М.В. Сабашниковой.

[6] Речь идет об общении с Е.А. Бальмонт в Париже в июне — июле (н.ст.) 1904 г. (Труды и дни. С. 119—121).

[7] Волошин был в Москве с 21 декабря 1904 по 8 января 1905 г.

[8] М.В. Сабашникова приехала в Париж около 21 января / 3 февраля, жила на улице Октава Фейс на Монпарнасе, занималась живописью, посещала студию Ф. Коларосси, лекции в Сорбонне, Лувр, художественные выставки и Салоны. (См.: *Купченко В.П.* Маргарита Сабашникова: вечное ученичество // Rassian Studies. 2000. Т. III. № 3. С. 366). Об этом периоде М.В. Сабашникова вспоминала: «Весной Макс внезапно перестал приходить. Я удивлялась и огорчалась. Я не знала, что мое чисто дружеское отношение к нему заставляло его страдать. Нюша уехала в Россию. Так что я осталась в Париже в общем-то одинокой» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)*. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. С. 123). Сложный комплекс переживаний Волошина, связанный с приездом М.В. Сабашниковой в Париж, отчасти передает запись в дневнике «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 195—196).

[9] А.Р. Минцлова приехала в Париж 1/14 июня, М.В. Сабашникова выехала в Цюрих 11/24 июня. Об этом периоде см. дневниковые записи Волошина (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 205—210). М.В. Сабашникова вспоминала о появлении А.Р. Минцловой в Париже: «В то время в Париже она явилась мне как некая фея, могущая ответить на вопросы, которые меня мучили. С полным доверием я отдавалась ее руководству. <...> В Париж она приехала ради одного теософского собрания, на которое ждали из Индии Анни Безант. Проездом в Берлине она посетила Германскую ветвь Теософского общества и говорила о ее руководителе таинственными намеками, не называя, однако, его имени. Я познакомила ее с Чуйко и у нее же снова встретилась с Максом. Оба они сразу подпали ее чарам. Рассматривая их руки, она тоже вычитала в них великие судьбы; от этого мы все чувствовали себя высоко вознесенными в своих собственных глазах. Снова бродили мы по Парижу, но как преобразился Париж в ее присутствии!» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)*. Зеленая Змея: История одной жизни. С. 123—125).

[10] Волошин разминулся с Е.А. Бальмонт в Берлине тремя днями. Он был в Берлине с 19 октября / 1 ноября до 28 октября / 10 ноября, где слушал цикл докладов Р. Штейнера. 29 октября / 9 ноября из письма А.Р. Минцловой узнал о том, что утром в понедельник (т.е. 31 октября / 13 ноября) в Берлин должна приехать Е.А. Бальмонт.

[11] М.В. Сабашникова вспоминала: «Удручала меня также необходимость сообщить теперь родителям мое решение выйти замуж за Макса. Я боялась гнева моей матери. <...> Я находилась под влия-

нием Минцловой, которая внушала мне, что Макс и я предназначены друг другу. Было странно только, что я не чувствовала себя счастливой. Тем не менее, мое сообщение, посланное родителям, было так решительно, что мама не протестовала. Этому способствовало участие Екатерины Алексеевны Бальмонт; она всегда чрезвычайно любила и высоко ценила Макса» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)*. Зеленая Змея: История одной жизни. С. 138).

[12] Н.В. Евреинова, близкий друг Е.А. Бальмонт.

79. А.В. АМФИТЕАТРОВУ

25 ноября / 8 декабря 1905 г. Париж[1]

Дорогой Александр Валентинович!

Вы правы – я почти совсем превратился в астральное тело. Простите мое исчезновение – я все время поглощен был с головой личными делами и французской революцией.[2]

Сейчас уже седьмой час, так что сегодня не смогу приехать к Вам. Тем более, что ночью – провожаю своего брата в Россию.[3] Если позволите, то я ... хотел написать приду завтра, но Вы вполне определенно назначаете воскресенье, – так что, может быть, завтра Вас и не будет дома, так я буду, наверное, в воскресенье.[4] Привет Илларии Владимировне.

Очень жаль, что сегодня поздно, и я не смогу увидеть Максима Максимовича.[5]

Макс Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 9.12.05 (отправлено, по всей вероятности, на следующий день после написания).

[2] Пытаясь осмыслить революционную ситуацию в России в оккультном плане, Волошин обращается к изучению мистических течений кануна Великой французской революции, чему была посвящена его статья «Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции» (1906).

[3] Я.А. Глотов.

[4] Воскресенье – 27 ноября / 10 декабря.

[5] М.М. Ковалевский, правовед, один из организаторов и директор Русской высшей школы общественных наук в Париже (1901–1905), в декабре 1905 г. вернулся в Россию после 17 лет пребывания за границей. После его отъезда Амфитеатров временно взял на себя руководство Школой.

80. А.В. АМФИТЕАТРОВУ

Около 20 декабря 1905 г. / Около 2 января 1906 г. Париж[1]

Дорогой Александр Валентинович!

В настоящее время в Петербурге находится моя мать Елена Оттобальдовна Волошина. Если Вам надо что-нибудь переслать в Париж, то это можно сделать. Ее адрес: Симбирская 17, кв. 2 (Орловой). Напишите ей или известите ее. Я пишу ей тоже одновременно и прошу зайти к Вам, если у нее будет время.[2]

Как дела в «Руси»?[3] Как Вы сами себя чувствуете в России? Вчера я был у Илларии Владимир<овны> и застал все Ваше семейство в полном здравии и веселии.

Макс Волошин.

[1] Открытка с репродукцией гравюры Г. Гольбейна «Танец смерти». Датируется по штемпелю получения: 23 декабря 1905 г.

[2] Упомянутое письмо Волошина к матери не сохранилось. Амфитеатров приехал в Петербург в середине декабря (ст.ст.) 1905 г. (по амнистии для политических эмигрантов от 22 октября 1905 г.). Е.О. Кириенко-Волошина собиралась выехать в Париж 31 декабря 1905 г., однако отъезд был отложен в связи с ее арестом во время обыска в квартире Вяч. И. Иванова в ночь с 30 на 31 декабря, а также последующего обыска в квартире Орловой, о чем она сообщала в письме к Амфитеатрову от 31 декабря и назначала ему время встречи. (См.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 22. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 367. Публ. Э. Гарэтто).

[3] Амфитеатров, как и Волошин, был постоянным сотрудником петербургской газеты «Русь».

1906

81. В.Я. БРЮСОВУ

Первая половина января ст.ст. / Вторая половина января н.ст. 1906 г. Париж

16. B<oulev>ard Edgar Quinet. Paris.

Дорогой Валерий,

Мне Ященко сказал, что Вы мне писали несколько раз; я тоже писал Вам. Вероятно, все наши письма пропали.[1]

Я все время ничего не знал о «Весах», и по тем немногим слухам, что доходили до меня, и по словам Бальмонта, я предположил, что они по всей вероятности совсем выходить не будут.[2] Если же так – их решено продолжить – то я в этом году снова стану *деятельным* сотрудником. Я на днях вышлю Вам большую статью о предвестиях и о пророчествах об Революции – главным образом Великой Французской. Она, я думаю, будет интересна для момента.[3]

Я все время был духом очень далек от литературы и только теперь снова начал работать.

Напишите мне, пожалуйста, какие изменения произойдут теперь в «Весах» и кто будет фактически заведовать ими?

Что бы Вы ожидали от меня?

Вот два редакционных дела.

1) У меня Жан де Гурмон справлялся об гонораре, ему еще не выплаченном.[4]

2) Митрохин просил обратить внимание на его рисунки, посланные им в редакцию.[5]

Как Вы пережили московские дни?[6]

Нужны ли стихи для «Весов»?[7]

Максимилиан Волошин.

[1] 12/25 января 1905 г. А.С. Ященко писал Брюсову из Парижа: «...адрес М. Волошина – *Paris, 16, Boulevard Edgar Quinet*. Я его видел последнее время довольно часто и полагаю, что он писем от Вас не получал, т<ак> к<ак> ничего не знал ни о Вас, ни о "Весах". Здесь прошел слух (привезенный М. Сабашниковой), что Вы вышли из редакции "Весов" и последние прекращают свое существование» (РГБ, ф. 386, карт. 110, ед. хр. 37).

[2] Видимо, в такой форме до Волошина дошли известия о нереализованном намерении Брюсова (летом 1905 г.) отказаться от руководства «Весами». См.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 279–280; письмо Вяч. Иванова к Брюсову от 1 августа 1905 г. // Там же. С. 477.

[3] Имеется в виду статья Волошина «Пророки и мстители». Она была опубликована не в «Весах», а в журнале «Перевал» (1906. № 2, декабрь. С. 12–27).

[4] Речь идет о гонораре за статью «Французские романы и романисты» (см. примеч. 4 к п. 72). О запросе Жана де Гурмона относительно гонорара извещал Волошина Адольф Ван Бевер в письме от 24 ноября 1905 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 249–250).

[5] Графические работы Д.И. Митрохина были помещены в «Весах» в 1904 г. (№ 6. С. 29; № 9. С. 80; № 12. С. 58), но впоследствии там не появлялись. Митрохин приехал в Париж осенью 1905 г. (в 1906 г. возвратился в Москву), жил там вместе с польским скульптором Э. Виттигом и регулярно встречался с Волошиным, о котором вспоминал в 1973 г. (записано Л.В. Чагой): «Он нравился мне своей широтой, остроумием, с ним можно было поговорить о поэзии» (см.: Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания / Сост. Л.В. Чага. Подгот. текста и примеч. И.Я. Васильевой. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 14, 20, 427); посещал мастерскую Волошина (см.: А.В. Шевченко. Сборник материалов. М., 1980. С. 117–118).

[6] Имеется в виду московское декабрьское восстание 1905 г.

82. А.М. ПЕТРОВОЙ

1/14 марта 1906 г. Париж[1]

Милая Александра Михайловна!

Как меня тронуло Ваше письмо[2] и как мне жаль, что бабушка проговорилась Вам: жаль – потому что мне стыдно, что

Вы это не от меня самого узнали. Я не хотел никому и ничего говорить раньше времени, пока все не вполне определилось — только поэтому.

По моим стихам, присланным Вам летом, ведь Вы могли и догадывались об многом. Я Вам дал ключ последних лет. Но все то, что было за этот год с лета, — я не смогу написать Вам. Об этом мы будем говорить, когда я приеду летом.

Сказка Сологуба.[3] О! она играла большую роль в моей жизни и во всем этом. Я ее услыхал впервые в прошлом январе в Петербурге из уст одного господина, не любившего Сологуба и ставшего мне читать эту сказку как образец бессмысленности. Она на меня произвела страшное впечатление соединением этих имен, а читал он ее, издеваясь.

Об Маргарите Васильевне я Вам не буду ничего писать — не могу, все равно ничего из рассказа не выйдет, только какое-нибудь ложное и предвзятое суждение себе составите. Картины ее вы, вероятно, в «Мире искусства» видели?[4]

О, если б Вы знали, о чем мне только не надо будет говорить с Вами: о буддизме, об оккультизме, о всем эзотерическом знании.

Для меня этот год был страшно важным не только в этом смысле. Для меня открылся целый мир совершенно нового знания и нового миропонимания, новой морали. Я думаю, что я только Вам впоследствии смогу рассказать все мистерии, через которые я прошел. Я это слово употребляю не в смысле обрядов и ритуала, а тех необычайных обстоятельств жизни, чрез которые меня последовательно провела судьба.[5]

В моей жизни появился еще один человек, с которым мне бы страшно хотелось познакомить вас,[6] потому что я знаю, что для Вас встреча с ним могла бы иметь решающее и определяющее значение.

Это Анна Рудольфовна Минцлова — родная сестра того Минцлова, который когда-то был в Феодосии и <о> котором Вы мне когда-то говорили.[7]

Со своим братом она не имеет ничего общего, кроме того, что он отнял у нее громадную библиотеку, остав<ш>уюся ей от отца, обобрал ее и хотел запереть в сумасшедший дом.[8]

В средние века она, конечно, была бы сожжена уже давно на костре как колдунья, и не без основания. Она читает на всех языках, в том числе по-латыни, по-гречески и по-санскритски. Она почти слепа и узнает людей только по ореолам вокруг головы, почти всегда умирает от болезни сердца, живет переводами Оскара Уайльда;[9] нет ни одного человека, который, приблизившись к ней, остался бы вполне тем, чем он был. На теософском съезде в Лондоне в прошлом году ее встречали с глубокими почестями.[10]

Она меня ввела во многие области тайного знания и познакомила меня с самым гениальным из современных Европейских оккультистов, профессором Штейнером,[11] известным в литературе своими трудами о Гёте с эзотерической точки зрения.[12] Он меня пригласил слушать свой курс, читанный им в Берлине только для нескольких человек, в числе которых была и Маргарита Васильевна.

В мае Штейн<ер> должен приехать в Париж[13] читать курс о «Грядущей Революции» — он хочет читать главным образом для русских.

Более поразительного и гениального лица, чем у него, я никогда не видел в жизни, и та история мира, которую он раскрыл в своем курсе, так поразительна и необычайна, что я не могу Вам дать в письме и намека. Это грандиозный синтез точного знания с боговдохновенностью.

Я не могу писать об этом, но я знаю, что это именно то, что Вам теперь надо, что Вы теперь ищете, и буду Вам летом говорить обо всем.

Штейнер ищет теперь русских, потому что в настоящее время Россия — славянство должны стать ковчегом тайной науки. Правоверные теософы и оккультисты его ненавидят и кричат, что он раскрывает те тайны, о которых нельзя говорить. Но он говорит, что время пришло раскрыть многое, и берет учеников не из тайных школ, а того, кого он сам наметит.[14]

Ох, не знаю, не сочтете ли Вы все мое письмо за бред. Я говорю, что об этом надо с глазу на глаз беседовать, а не в письмах писать. Я скоро уеду в Москву,[15] где верно будет свадьба. Потом вернусь в Париж, а летом приеду в Крым.

Родителями[16] Марг<ариты> Васильевны я еще далеко не признан, так что могут быть еще всякие затруднения. Ко мне в ее семье была всегда страшная антипатия, точно предчувствие. Но теперь там что-то колдовала Ан<на> Рудольф<овна>, и все препятствия падают одно за другим.

До свиданья.

Макс. В.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 155.

[2] Писем А.М. Петровой к Волошину за 1906 г. в архиве не сохранилось. По-видимому, речь идет о предстоящей свадьбе Волошина и М.В. Сабашниковой.

[3] Речь идет о сказке Ф. Сологуба «Благоуханное имя», в которой действуют царевна Маргарита и принц Максимилиан (*Сологуб Ф.* Книга сказок. М.: Гриф, 1905).

[4] Два портрета работы М.В. Сабашниковой были выставлены в Петербурге на выставке «Мира Искусства» (Екатерининский зал на Малой Конюшенной, 3), открывшейся 23 февраля / 8 марта. В № 5 «Золотого Руна» за 1906 г. была напечатана репродукция портрета М.С. Чуйко ее работы (С. 16).

[5] Видимо, имеются в виду события, связанные с посвящением Волошина в масоны Великой ложи Франции, состоявшемся 10/23 мая 1905 г. См. п. 65, примеч. 6.

[6] С А.Р. Минцловой Волошин интенсивно общался в Париже, начиная с июня 1905 г. См. также п. 78, примеч. 9.

[7] Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1953) – писатель, библиограф, владелец одной из самых значительных русских частных библиотек (см.: Книгохранилище С.Р. Минцлова. СПб., 1913).

[8] Рудольф Рудольфович Минцлов (1845–1904), юрист, общественный деятель, публицист.

[9] В 1906 г. в издательстве «Гриф» вышли произведения О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и «Замыслы» в переводе А.Р. Минцловой. См. рецензию В.Я. Брюсова на эти переводы (Золотое Руно. 1906. № 7/9. С. 176–179).

[10] А.Р. Минцлова участвовала во Втором теософском съезде в Лондоне в июле (ст.ст.) 1905 г., где слушала лекцию Р. Штейнера об оккультизме Гёте, общалась с Марией фон Сиверс, Анни Безант. Позже опубликовала статью «О теософическом конгрессе: Письмо из Лондона», датированную 30 июня 1905 г. (Искусство. 1905. № 5, 6, 7. С. 152).

[11] Знакомство Волошина с Р. Штейнером состоялось между 20—28 октября / 2—10 ноября в Берлине, куда Волошин приезжал слушать лекции Штейнера в Свободной высшей школе (Труды и дни. С. 149).

[12] Р. Штейнер участвовал с 1889 г. в «Веймарском издании» трудов Гёте и семь лет проработал архивариусом в архиве Шиллера и Гёте в Веймаре. В 1897 г. Штейнер выпустил книгу «Миросозерцание Гёте» («Goethes Weltanschauung»). Закончив работу в веймарском архиве, он перебрался в Берлин. О значимости представлений Штейнера о Гёте для современного искусства и культуры писал Андрей Белый в исследовании «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (М.: Духовное знание, 1917).

[13] Р. Штейнер приехал в Париж 24 мая 1906 г. и находился там до 18 июня (н.ст.). Об участии Волошина и М.В. Сабашниковой в организации и проведении курса лекций Р. Штейнера в Париже см.: Труды и дни. С. 158.

[14] Штейнер стремился превратить теософию в научно обоснованную религиозно-философскую систему и конфликтовал с «правоверными» теософами. Впоследствии (в 1913 г.) это привело к отмежеванию от Теософского общества и основанию им отдельного Антропософского общества.

[15] Волошин выехал из Парижа в Москву 12/25 марта 1906 г.

[16] В.М. Сабашников и М.А. Сабашникова (урожд. Андреева).

83. В.Я. БРЮСОВУ

9/22 марта 1906 г. Париж[1]

Дорогой Валерий!

Я через четыре дня еду в Москву на месяц и буду сейчас же у Вас.[2] Я очень благодарен Вам за Ваше письмо, и обо всех делах не имеет смысла говорить теперь, когда можно будет на следующей неделе переговорить лично.

Перед «Весами» я очень виноват, но я думаю искупить свою вину теперешней работой.[3]

Я приеду в Москву с молодым поэтом Вальдором, которого Рябушинский ангажировал для «стиля» в «Руне».[4]

До скорого свидания.

Ваш Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 22.3.06. Получено в Москве 13 марта. Ответ на письмо Брюсова от 24 февраля / 9 марта 1906 г. (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 359–361; там же приводятся фрагменты из неотправленного варианта письма, хранящегося в архиве Брюсова и датированного по старому стилю – 23 февраля 1906 г.).

[2] За несколько дней до отъезда Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Приехавши в Москву, я никого из посторонних лиц видеть не буду, сделавши только исключение для Брюсова и Белого, которых я очень хочу видеть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 110). Волошин прибыл в Москву 15/28 марта 1906 г.

[3] 24 февраля / 9 марта Брюсов писал Волошину: «...“Весы” <...> гневаются на Вас и <...> не без права. Вы уехали, год тому назад, из Москвы, дав несколько десятков обещаний редакции, и за двенадцать месяцев не исполнили ни одного. Вы оставили “Весы” безо всяких сведений о парижской художественной жизни, хотя в то же время писали корреспонденции в “Русь”. <...> Должны ли “Весы” искать иного корреспондента в Париже? Если да, то это будет поистине “женская” расплата за их верность Вам в течение Вашего годового молчания! Не сердитесь, дорогой Макс, за эти слова. Подумав, Вы должны будете признать, что эти горькие упреки заслужены Вами. Лично я лично Вас очень люблю, и заранее прощаю Вам все, что Вы сделаете против *меня*. Но, как представитель “Весов”, я не могу извинить Вам, как сотруднику “Весов”, Вашей небрежности к ним» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 359–360). В 1906 г. в «Весах» появилась только одна статья Волошина – «Письмо из Парижа. Национальный салон 1906» (№ 9. С. 37–42).

[4] Эсмер-Вальдор (Eshmer-Valdor) – псевдоним французского поэта Александра Мерсеро (Mercereau), одного из участников литературной группы «Аббатство» (Р. Аркос, Ш. Вильдрак, Ж. Дюамель и др.). Мерсеро посещал мастерскую Е.С. Кругликовой, был знаком с А.В. Гольштейн, которая и связала его в Париже с редактором-издателем журнала «Золотое Руно» Н.П. Рябушинским. Мерсеро работал в Москве некоторое время в редакции «Золотого Руна» в качестве редактора французских переводов; он печатал в «Золотом Руне» и собственные статьи (например, «По поводу Осеннего салона»: 1908. № 10. С. 69–73). Видимо, к этому периоду относится и знакомство Брюсова с Мерсеро. Сохранилась дарительная надпись на книге Мерсеро «Люди из разных мест» («Gens de là et d’ailleurs», 1907): «Поэту-творцу Валерию Брюсову. С выражением искреннего восхищения и в знак особой симпатии г-ну и г-же Брюсовым на память Александр Мерсеро. 8 апреля 1907. Париж – Москва» (РГБ, ф. 386, Книги, № 1625; в оригинале надпись – на французском языке). Свои книги Мерсеро

дарил и Волошину; в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле находятся книги Мерсеро «Les Thuribulums affaissés» («Ветхие кадильницы», 1905) и «Gens de là et d'ailleurs» с дарительными надписями автора (см.: *Заборов П.Р.* Французские писатели — корреспонденты Волошина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 257). Подробнее о Мерсеро и его российских контактах см.: *Богомолов Н.А.* Символистская Москва глазами французского поэта // Наше наследие. 2004. № 70. С. 108–116; Там же (С. 117–119) — рассказ Мерсеро «Дьявольская тройка» («Le troika d'enfer», 1908), навеянный его московскими впечатлениями, в переводе И.И. Кузнецовой. См. также: *Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 338–360.

84. А.Н. БЕНУА

Около 10/23 марта 1906 г. Париж

Дорогой Александр Николаевич!

Так мне и не удалось побывать у Вас перед отъездом.[1]

Вам верно уже не тайна причина моего отъезда и Вас не удивит, что я женюсь на Маргарите Васильевне и что наша свадьба будет в апреле.[2]

После мы сейчас же вернемся в Париж. Жму Вашу руку.

Привет Вашей супруге и молодым фавнам.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 15 к п. 82. Перед отъездом в Москву Волошин регулярно встречался с Бенуа: судя по дневниковым записям последнего, 3, 11 и 20 марта (н.ст.). См.: *Бенуа А.Н.* Дневник 1906 года / Публ., вступ. статья и коммент. Г.А. Марушиной, И.И. Выдрина // Наше наследие. 2006. № 77. С. 88, 90, 91.

[2] Волошин обвенчался с М.В. Сабашниковой в Москве 12 апреля 1906 г. (в церкви Св. Власия в Большом Власьевском переулке). См.: Труды и дни. С. 157.

[3] Имеются в виду жена Бенуа Анна Карловна (урожд. Кинд; 1869–1952) и, видимо, их дети — Анна Александровна (Атя, в замуж. Черкесова; 1895–1984), Елена Александровна (Леля, в замуж. Попова, Вышнеградская, Браславская, Клеман; 1898–1972), Николай Александрович (Кока; 1901–1988) — впоследствии театральный художник.

85. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 13 апреля 1906 г. Варшава[1]

Варшава.

Едем благополучно все вместе.[2] Вероятно, по дороге будем ночевать в Кельне.[3] Ни я, ни Мар<гарита> Вас<ильевна> женатыми себя не чувствуем, а чувствуем только усталыми.

Макс.

[1] Открытка («Warszawa. Fontanna w Ogrodzie Saskim»). Почтовые штемпели: Казатин. 15 IV 1906; Феодосия. 18.4.06.

[2] Обвенчавшись с М.В. Сабашниковой в Москве 12 апреля 1906 г., Волошин в тот же вечер отправился с нею в Париж; до Берлина их сопровождали А.Р. Минцлова, А.В. Сабашников (брат М. Сабашниковой), его приятель А.Л. Любимов, а также, видимо, Е.Н. Гофман с мужем.

[3] В Кёльне Волошин и Сабашникова были вечером 16/29 апреля и утром следующего дня.

86. А.Н. БЕНУА

14/27 мая 1906 г. Париж[1]

Дорогой Александр Николаевич!

Приезжайте к нам на новоселье в понедельник 28 mai вечером[2] (17 Rue Singer: via Versailles – Invalides, а оттуда Invalides – Boulainvillers – это в Passy, и Вы прямо от Вас по жел<езной> дор<оге> почти до нашего дома доезжаете).[3]

Может, Ваша супруга найдет возможным приехать? Я хотел предложить Вам слушать лекции Д-ра Штейнера – самого крупного из немецких оккультистов. Он в настоящее время в Париже. Если хотите, приезжайте к нам в понедельник в 3 часа и пойдем вместе. Он в понедельник читает о восточной и западной Иоге, т.е. о вост<очном> и зап<адном> пути познания. Затем он будет читать об Еванг<елии> Иоанна и об Апокалипсисе. Об нем надо первоначально очень много рассказать. Поверьте мне на слово, что это поразительно интересно, и приезжайте в понедельник в 3 часа. Его адрес 5 Rue Boynouard, лекция в 4 часа.[4]

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 27.5.06. Отправлено из Парижа в Версаль (31. Rue de la Paroisse).

[2] 5/18 мая М.В. Сабашникова писала Е.О. Кириенко-Волошиной о квартире, которую нашел Волошин в Пасси, на rue Singer, 17: «Она прелестна, немного высоко, правда (5 этаж и лифта нет), но зато из всех окон чудный вид на St. Cloud, Медон и Париж; 5 светлых комнат, балконы и сады вокруг» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 36). Переезд по новому адресу состоялся 8/21 мая. Сабашникова вспоминает: «В Париже мы несколько дней прожили в мастерской Макса, пока не завели маленькую солнечную квартирку в Пасси – несколько диванов, покрытых коврами, и множество полок для библиотеки Макса. Лучшим украшением нашего жилища была копия в натуральную величину гигантской головы египетской царевны Таиах, изображенной в виде сфинкса» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.).* Зеленая Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 138).

[3] 28 мая (н.ст.) Бенуа записал в дневнике: «В 1 ч<ас> 38 м<инут> поехал в Париж <...> в Халкографию купить план Парижа Максу на новоселье <...> Обедал и вечер у Волошиных. Очень уютно. На новоселье пришла масса народу: Бальмонты, Минские, M-me Минцлова. Я ужасно много пил. Возвращался часть пути с Яремичем» (Наше наследие. 2006. № 77. С. 104. Публ. Г.А. Марушиной, И.И. Выдрина).

[4] Бенуа откликнулся на это предложение, о чем свидетельствует та же его дневниковая запись: «К 4 ч<асам> на лекцию оккультиста Штейнера в Passy. – Учение о телах человека. Уже известно мне. – Не убеждает. Сам хорош. Выразил восторг меня видеть. Была “троица”. Дима и Зинка все время издевались. Волошина возмущена» (Там же. «Троица» – Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов). Рудольф Штейнер, находившийся в Париже с 24 мая по 14 июня 1905 г., выступил с циклом из восемнадцати лекций. М. Сабашникова свидетельствует: «Мы еще не переехали, когда однажды утром пришла телеграмма, извещавшая нас о приезде Рудольфа Штейнера с друзьями. Так как он не хотел жить в отеле, мы нашли для него меблированную квартиру недалеко от нас. <...> Для небольшого круга Рудольф Штейнер тогда читал в своей квартире на Рю Ренуар цикл лекций, первоначально предназначавшийся для русских слушателей» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.).* Зеленая Змея. С. 138, 139).

87. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

21 мая / 3 июня 1906 г. Париж

17. Rue Singer. Passy.
3 июня 1906.

Дорогая мама!

Поздравляю Вас с именинами. Это сегодня, оказывается, 21 мая. Я неверно рассчитал, пишучи третьего дня. А т<ак> к<ак> сегодня Бальмонт празднует свои именины, то я узнал об ошибке.

Сегодня пришло Ваше письмо. Мы, я думаю, уже недели через две уедем из Парижа.[1] Хотя теперь, когда только что устроились и успокоились,[2] жаль уезжать. Да и очень хорошо у нас. Не чувствуется, что мы живем в городе, а в то же время, благодаря конкам и metropolitaine, мы теперь ближе от центра, чем раньше.

Масса свету и воздуху со всех сторон. Квартира как фонарь и дом на горе. Внутри все еще уютнее и красивее, чем в мастерской.

Сегодня приехал Алеша Сабашников[3] из Германии на несколько дней.

Ан<на> Руд<ольфовна>[4] бывает у нас каждый день. Марг<арита> Вас<ильевна> начала писать ее портрет и очень хорошо. Сегодня начался теософский съезд, и она там теперь проводит целые дни, и лекции Штейнера пока прекратились, но он еще возобновит их по окончании съезда.[5]

Мережковские, т.е. разговоры о них, теперь наполняют нашу жизнь, до такой степени появление их было неотразимо —[6]

Приписка М.В. Сабашниковой-Волошиной:

Дорогая Елена Оттобальдовна,

Спасибо Вам за письмо, скоро мы едем к Вам. У нас здесь рай, а все-таки хочется на природу. Если бы Вы видели нашу квартиру! Да Вы ее наверное увидите будущей зимой, все от нее в восторге. Только Макс все-то не может успокоиться, и ему особенно важно скорее попасть в пустыню.

Целую Вас крепко. Очень рада, что вопрос с кухаркой у Вас разрешен.

Очень-очень радуюсь свиданию.

Ваша Маргарита.

[1] Волошин с женой выехали из Парижа 12/25 июня 1906 г. – в путешествие по Дунаю и по Черному морю до Севастополя; около 1/14 июля прибыли в Коктебель.

[2] См. п. 86, примеч. 2.

[3] Брат М. Сабашниковой А.В. Сабашников, студент, позднее специалист по сельскому хозяйству.

[4] А.Р. Минцлова. Волошин (познакомившийся с нею в Москве в ноябре 1903 г.) испытал ее сильное духовное воздействие. См.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 23–110; У истоков русского штейнерианства / Предисл. К. Азадовского. Публ. и примеч. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6. С. 146–191.

[5] Теософский конгресс проходил в Париже 3–5 июня (н.ст.). 4 июня Штейнер выступил на нем с докладом «Теософия в Германии». В конце мая – первой половине июня (н.ст.) Волошин слушал в Париже лекционные курсы Штейнера.

[6] Подразумеваются встреча (в конце мая н.ст.) на квартире Волошиных Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова, Н.М. Минского с Р. Штейнером и полемика, завязавшаяся между ними. См.: *Волошина М. (Сабашникова М. В.).* Зеленая Змея: История одной жизни. С. 139–140; *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 344–345.

88. А.Н. БЕНУА

31 мая / 13 июня 1906 г. Париж[1]

Дорогой Александр Николаевич!

Я Рябушинского еще не видел и не знаю, в Париже ли он.[2] Слыхал только, что он *должен* приехать. Но видеть его в настоящую минуту совершенно не жажду, т<ак> к<ак> очень занят. Коли он ко мне приедет, то направлю его к Вам. Может быть, узнаю сегодня вечером что-нибудь от Бальмонта.

Мы с Мар<гаритой> Вас<ильевной> приедем к Вам сейчас же, как только закончатся лекции Штейнера.[3] Завтра последняя лекция. Он теперь читает в аудитории Теософского Общества (59. Avenue de la Bourdonnais) в 2½ часа. Завтра лекция об Апокалипсисе.

Маргар<ита> Вас<ильевна> в отчаяньи, что не видела Дягилева. Она думала, что он уже давно уехал.

Мы приедем к Вам с Ан<ной> Руд<ольфовной> Минцловой.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Закрытое письмо – «секретка»; датируется по почтовому штемпелю: Paris. 13.6.06. Получено в Версале в тот же день.

[2] Видимо, в неизвестном нам письме Бенуа спрашивал Волошина, приехал ли в Париж Н.П. Рябушинский. Ранее, летом 1905 г., Рябушинский нанес визит Бенуа в Примеле (Бретань) (см.: *Бенуа Александр.* Мои воспоминания: В 5 кн. М.: Наука, 1990. Кн. 4, 5. С. 435–436). Для издававшегося Рябушинским журнала «Золотое Руно» Бенуа выполнил ряд виньеток (опубликованы в № 6 и 10 за 1906 г.) и долгое время не мог получить за свою работу гонорар. Ср. дневниковые записи Бенуа: «Утром от Рябуш<инского> письмо. Как ни в чем не бывало. Не был у меня, потому что “ленив и странен”, обещает мне выслать чек <...>» (27 апреля н.ст. 1906 г.); «Решил махнуть на Рябуш<инского>: авось сам сюда приедет. Ему же теперь снова писать – значит, показать свое беспокойство <...>» (12 мая н.ст. 1906 г.) (Наше наследие. 2006. № 77. С. 97, 101).

[3] Поездка с М.В. Сабашниковой, А.Р. Минцловой и, видимо, С.П. Дягилевым в Версаль к Бенуа состоялась, вероятно, в один из ближайших дней после 1/14 июня.

89. А.В. АМФИТЕАТРОВУ

2/15 июня 1906 г. Париж[1]

Дорогой Александр Валентинович!

Я готов читать лекцию в среду. Заглавие: «Предчувствия Великой Революции».[2]

В какой зале это будет и в котором часу? Лекция займет от 40 м<инут> до 1 часу. Ни в каком случае не больше.

Привет Илларии Владимировне и Бубе.[3]

Максимилиан Волошин.

[1]Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 15.6.06.

[2] Речь идет о лекции, прочитанной Волошиным 7/20 июня во второй Русской школе общественных наук, которую после отъезда М.М. Ковалевского временно возглавил Амфитеатров. Этот эпизод описан в мемуарном очерке Амфитеатрова «Чудодей: Памяти М.А. Волошина» (Сегодня. 1932. № 252. 11 сент.; перепеч.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 133–139). Как можно заключить из названия, тематика лекции совпадает со статьей «Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции» (см.: Т. 3 наст. изд. С. 274–304).

[3] Домашнее имя сына Амфитеатрова Даниила (1901–1983). Е.А. Бальмонт вспоминала: «Макс познакомил нас с Амфитеатровыми, у которых был сын Буба возраста моей девочки. Мы часто ездили к ним на виллу Монморанси, где дети играли в саду. Бубе Макс тоже уделял много внимания. Когда Макс бывал там, он выдумывал игры для детей, чтобы отвлечь их от нас, матерей. Так раз, помню, дети долго и тихо занимались одни, к нашему удивлению. Оказалось, что Макс вооружил их палками, посадил верхом на огромных сенбернаров, дремавших в передней Амфитеатровых, и уверил их, что они — конная стража, охраняют лестницу, и обещал приз тому, кто дольше просидит» (*Бальмонт Е.А.* Редко кто умел так слушать, как он // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 99).

90. А.А. СУВОРИНУ

Начало июля 1906 г. Крым[1]

Я еще раз пишу Вам и на этот раз из Крыма, куда меня вызвали мои семейные дела, как я предупреждал Вас еще весной.[2]

В Париж я вернусь к 1-му октября — к открытию Осеннего салона и русской выставки.[3]

Я не знаю, смогу ли я заехать на возвратном пути в Петербург, и потому позвольте мне предложить Вам в письме

ряд вопросов, которые, конечно, было бы удобнее разрешить устно, но я надеюсь, что я не очень затрудню Вас письменным ответом.

В течение последнего года я совершенно потерял ориентацию в том, что от меня ждут в «XX Веке»[4] и что мне писать. Столько моих статей, написанных с любовью и с уверенностью, что они будут интересны в данный момент, было не напечатано, и в то же время бывали напечатаны заметки совершенно не значащие.[5] Я вполне понимаю, что при течении русск<их> событий это было неизбежно. Но это ужасно плохо действует на работу. Нельзя писать со старанием и прилагать все свое искусство, зная почти наверно, что статья не будет напечатана и будет служить только оправданием своего существования в газете постоянным сотрудником.

Я говорил с Вами при первом нашем знакомстве[6] об этом: у меня нет темперамента и беглости журналиста, я все-таки только поэт: написать беглую заметку мне труднее, чем написать законченную статью.

Поэтому я прошу Вас об одном условии: напишите мне, какого количества статей ждет от меня «Русь» ежемесячно? Чтобы я мог твердо знать, сколько мне писать, и быть уверенным, что написанное мною будет напечатано.[7]

Будьте добры тоже написать мне — будет ли напечатана статья об «Гильотине», посланная еще в начале этого года? Если нет, то могу ли я получить мою рукопись обратно.[8]

[1] Датировка — по кн.: Труды и дни. С. 161. Черновой текст письма.

[2] Волошин и М.В. Сабашникова вернулись в Коктебель из свадебного путешествия вниз по Дунаю и по Черному морю около 1 июля (Труды и дни. С. 161).

[3] В 1906 г. Волошин в Париж не вернулся.

[4] Газета «Двадцатый Век» стала выходить с 25 марта 1906 г. (вместо запрещенной 20 марта 1906 г. «Руси»). 1 августа была запрещена.

[5] С марта 1906 г. ко времени отсылки письма в газете «Двадцатый Век» были опубликованы стихотворения Волошина «В цирке» (№ 10, 5 апреля), «Голова Princesse de Lamballe» (№ 88, 26 июня),

«Ангел мщенья» (№ 91, 29 июня) (См.: Т. 1 наст. изд. С. 31, 244–245, 252–253), «На север» («Воспоминания из Верхарна») (№ 10, 5 апреля) (См.: Т. 4 наст. изд. С. 33), статьи «Дневник Людовика XVI» (№ 31, 28 апреля), «Весенние салоны 1906 года. Письмо из Парижа» (№ 67, 5 июня), «Багатель» (№ 76, 14 июня) (См.: Т. 5 наст. изд. С. 596–605).

[6] О знакомстве Волошина с А.А. Сувориным см. п. 34, примеч. 14, п. 52, примеч. 7, 8.

[7] 5 сентября 1906 г. в Москве Волошин получил ответ от А.А. Суворина, датированный 3 сентября: «Макс Александрович. О “финансовом кризисе”, как угодно было Н.Е. Попову окрестить маленькую финансовую заминку, вызванную крупными правительственными внезапностями в виде конфискаций, приостановок и пр. – я отвечу Вам немного погодя. Во всяком случае, в настоящую минуту Париж не представляет места особого интереса и спешить Вам в него нечего. Все Ваши статьи, кроме наброска о бух. <?> выставке, напечатаны, и должен сказать, мне очень понравились. И далее я с удовольствием буду печатать такие фельетоны на разнообразные темы (описывайте и самую жизнь, а не только жизнь в книгах других), но прошу не выходить из тех рамок, что были до сих пор, т.е. 350–400 строк. Присылайте и стихи. Ваши стихи из Верхарна, присланные с год назад, я тщетно разыскивал в архивах редакции и типографии. Их можно было бы напечатать. Не сохранились ли у Вас копии? Наверно, да. Тогда пришлите» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159, л. 18–19). Упомянутый в этом письме Н.Е. Попов извещал Волошина о финансовом кризисе в недатированном письме: «Все Ваши вещи были напечатаны, так сказал мне А.А. и просил Вас писать и далее как стихи, так и прозу; жалованье Вам не выслали исключительно вследствие того, что мы переживаем теперь финансовый кризис, конечно, чисто временного свойства; но все-таки пока жалованье задерживается и всем нам. Об этом, конечно, не следует говорить посторонним. Как только кризис минует, Вы получите все полностью, конечно. Итак, пишите и присылайте и стихи, и прозу. Николай Попов» (Там же, ед. хр. 995, л. 1–2).

[8] Статья Волошина «Гильотина как филантропическое движение» была напечатана в № 92 газеты «Двадцатый Век» 30 июня 1906 г. (см.: Т. 5 наст. изд. С. 606–612).

91. А.М. ПЕТРОВОЙ

29 августа 1906 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна!

В субботу мы уезжаем с Марг<аритой> Вас<ильевной> в Москву и будем у Вас.[2] Я нарочно предупреждаю Вас, чтобы этот случай знакомства не расстроился бы и на этот раз.

Мне бы очень хотелось, чтобы М.В. увидела бы картины Кон<стантина> Федор<овича>. Его альбом произвел на нее страшное впечатление – она была в восторге.

Макс. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 29.08.06.

[2] Встреча М.В. Сабашниковой с А.М. Петровой планировалась неоднократно за время пребывания Волошиных в Крыму. В письме, датируемом по штемпелю отправления 9 июля 1906 г., Петрова сожалела о том, что, будучи проездом в Феодосии, Волошин и Сабашникова не смогли встретиться с ней и просила «заглянуть хоть на часок» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 1). Знакомство Петровой и Сабашниковой состоялось только в день отъезда Волошина с женой из Крыма в Москву: суббота – 2 сентября. В Феодосии Волошины посетили Петрову и К.Ф. Богаевского. Впечатления от этой встречи нашли отражение в мемуарных портретах Богаевского и Петровой в кн.: *Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая Змея: История одной жизни. С. 143–144.

92. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7 сентября 1906 г. Москва

Милая мама!

Мы третий день в Москве. Вот только что пришло Ваше письмо: такое грустное, грустное...[1]

Сегодня вечером мы едем в Богдановщину.[2] Аморя[3] страшно счастлива, волнуется. Сколько мы там пробудем, я не знаю – это будет зависеть от погоды и расположения.

Я чувствую страшный подъем в Москве. Несмотря на множество лиц, беготни и разговоров, я эти дни успевал и пи-

сать и читать и совершенно переработал статью об искусстве (Индивидуализм в искусстве), которую я начал писать для «Руна».[4]

Только сегодня мне как-то стало страшно грустно – точно я предчувствовал Ваше письмо.

Мне тут дали отдельную маленькую комнату наверху, всю увешанную портретами и картинами, заставленную книгами. Это кабинет Бор<иса> Ник<олаевича>,[5] который он устроил для себя, но уступил мне.

Но с Маргорей нас разлучили и ей не позволили быть в одной комнате со мной. Она спит с Марг<аритой> Алек<сеевной> и Николенькой.[6] Это очень ее огорчает. Вообще мы снова как будто на положении жениха и невесты, и мне все кажется, что это пребывание в Москве должно снова окончиться венчанием.

Аморя писала Вам, что я получил письмо от Суворина. Оно неопределенно, скорее утешительно, т<ак> к<ак> указывает на продолжение издания,[7] но в Петербург ехать придется очевидно.

Рябушинского в Москве нет, так что денег с «Руна» я не могу еще получить. С другими изданиями пока я еще не входил в сношения.

Я видел пока только всех Скорпионов. И был страшно обрадован видеть Балтрушайтиса,[8] который вернулся после трехлетнего пребывания в Италии в Москву.

Журнал Грифа[9] «Перевал» будет издаваться с октября, и моя статья, которая получила теперь окончательное имя «Пророки и мстители», будет напечатана в первых двух №№.[10]

Мне очень много хочется <с>казать Вам сейчас. Но мы уезжаем через час и надо собраться. Поэтому я уже напишу из Богдановщины.

Макс.

[1] Волошин с женой выехали из Феодосии 2 сентября, прибыли в Москву 4 сентября, остановились в квартире Сабашниковых на Поварской улице. 5 сентября Е.О. писала им: «Милые мои Макс и Аморя, мне было ужасно тоскливо на другой день вашего отъезда, я не знала, за что приняться, чем отвлечь себя от грустных мыслей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[2] Имение Сабашниковых близ станции Издешково (между Вязьмой и Смоленском) по Московско-Брестской железной дороге.

[3] Домашнее имя М. Сабашниковой (также – Маргоря).

[4] Статья Волошина «Индивидуализм в искусстве» была опубликована в № 10 журнала «Золотое Руно» за 1906 г. (С. 66–72). См.: Т. 5 наст. изд. С. 62–73.

[5] Б.Н. Гофман (1875–1941) – муж Е.Н. Гофман, двоюродной сестры М. Сабашниковой; врач.

[6] М.А. Сабашникова и Николай Борисович Гофман (1904 – ок. 1941), сын Е.Н. и Б.Н. Гофманов, позднее математик.

[7] См. примеч. 7 к п. 90.

[8] Ю.К. Балтрушайтис был одним из учредителей издательства «Скорпион». Волошин познакомился с ним в Москве в феврале 1903 г.

[9] Гриф – прозвище С.А. Соколова, владельца и руководителя издательства «Гриф».

[10] См. примеч. 3 к п. 81.

93. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 сентября 1906 г. Москва

Милая мама!

Сегодня я еду в Петербург и остановлюсь у Орлишки.[1] Я спрашивал ее письмом, удобно ли это, и она мне ответила «да».

«Русь» возродилась снова в виде XX ВЕКА.[2] Мы третий день в Москве.[3] Холод, дождь, ветер и снег прогнали нас из Богдановщины. Аморя последние дни была страшно расстроена и последнюю ночь плакала. Богдановщина на этот раз продается. Ее покупают крестьяне. Мысль о том, что она в последний раз в этих местах, приводила А<морю> в отчаяние.

Эти дни я бегал по редакциям. Я думаю, что в том случае, если бы нам пришлось остаться в России – я бы мог прожить при помощи этих трех журналов: «Весов», «Золотого Руна» и «Перевала». Мы бы тогда поселились все вместе у Ольги Михайловны.[4]

Мою статью *Пророки и Мстители* (так я назвал теперь статью о Предвестиях) я буду читать по возвращении из Петер-

бурга в Художественном клубе в пользу конст<итуционных> демократов, по просьбе этой партии.[5]

Посылаю Вам стихи, написанные в Богдановщине:[6]

Быть черною землей... Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего Ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... и долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей... Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть пред собой алмазных рун чертеж —
По небу черному плывущие созвездья...

В мастерской

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Вещий час... Все линии не резки,
Все предметы смутно-далеки.
Светлый луч от алой занавески
Оттеняет линию щеки.
Гул людской как ровный голос моря.
Город смутно плещется вдали.
Стебли трав как кружево... Аморя!
Мы глаза таинственной земли.
В глубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.
Милая девочка, долгой разлукою
Время не может наш сон победить.
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю.
Близко касаются головы наши.

Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем
Нашего слитного, вечного Я.
Ночь придет. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame,
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними Тайну Тайн Египта –
Бледный лик Царевны Таиах.

Эти стихи были написаны, но не закончены еще весною перед отъездом М.В. в Москву.*[7]

– Прочтите эти стихи Поликс<ене> Серг<еевне>.[8] До свиданья. Целую бабушку. Что делает Яша?[9] Скоро ли едут Полик<сена> Сер<геевна> и Ман<а>с<еина> в Петербург?

Напишу из Петербурга сейчас же после свидания с Сувориным.

Макс.

[1] 20 сентября Волошин прибыл в Петербург, остановился в квартире А.И. Орловой у Финляндского вокзала (Симбирская ул., 17, кв. 2); возвратился в Москву 28 сентября.

[2] Выход газеты «Око» (она же – «Русь», «Двадцатый Век»), начатый 6 августа 1906 г., был приостановлен 27 августа, возобновлен 26 сентября, продолжался до 31 октября 1906 г. Под заглавием «Двадцатый Век» газета выходила с 25 марта по 1 августа 1906 г.

[3] Волошин с женой вернулись в Москву из Богдановщины 17 сентября.

[4] Московская квартира О.М. Струковой.

[5] Это выступление Волошина состоялось в московском Литературно-художественном кружке 6 октября 1906 г.

* *Фраза написана на полях текста стихотворения «В мастерской».*

[6] Первое из приводимых стихотворений впервые опубликовано в журнале «Перевал» (1907. № 3. С. 3), второе — в газете «Русь» 25 декабря 1906 г.; оба вошли в книгу Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М., 1910). Варианты печатного текста: «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» — ст. 15: «И видеть над собой алмазных рун чертеж»; «В мастерской» — ст. 6—7: «Все предметы стали далеки. / Бледный луч от алой занавески»; ст. 9 — 11: «Мир теней погасших и поблеклых, / Хризантемы в голубой пыли; / Стебли трав, как кружево, на стеклах...»; ст. 17—18: «Девочка милая, долгой разлукою / Время не сможет наш сон победить»; ст. 28: «Нашего вечного, слитного Я» (Т. 1 наст. изд. С. 75, 70—71).

[7] М.В. Сабашникова выехала из Парижа в Москву около 20 февраля / 5 марта 1906 г.

[8] П.С. Соловьева.

[9] Я.А. Глотов.

94. К.С. СТАНИСЛАВСКОМУ

Не ранее 7 октября 1906 г. Москва

Глубокоуважаемый Константин Сергеевич!

Выходя из Театра, я купил «Око» и нашел мою статью о «Горе от Ума» напечатанной.[1] Спешу Вам послать ее.

Примите ее, как дань моего глубочайшего уважения к Вашему Театру, и Вашей личной деятельности. Я надеюсь, что Вы будете довольны той точкой зрения, с которой я оценивал Ваш художественный подвиг, и не обидитесь на указание тех несовершенств, которые я (может быть и ложно, т<ак> к<ак> видел «Горе от Ума» всего один раз) нашел в Вашей постановке.

М. Кириенко-Волошин.

[1] Имеются в виду Московский Художественный театр и петербургская газета «Око» (см. примеч. 2 к п. 93), в которой 7 октября была помещена статья Волошина «“Горе от ума” на сцене Московского Художественного театра» (№ 30). См.: Т. 5 наст. изд. С. 221—231. Премьера спектакля «Горе от ума» А.С. Грибоедова состоялась в Московском Художественном театре 26 сентября 1906 г. (режиссеры Вл. И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский, в роли Чацкого — В.И. Качалов, в роли Фамусова — Станиславский).

95. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

24 октября 1906 г. Петербург[1]

Дорогая мама!

Я еще до сих пор ничего не написал Вам с самого приезда в Петербург.[1] Тут такая кипучая и полная впечатлений жизнь, что трудно распределить и установить расположение дня.

Мы остались все-таки у Званцевой. В наших двух комнатках тесно, но уютно и поместительно.[2]

Для Вас я, согласно Вашему желанию, нашел комнату – не в одном доме с нами, но рядом (Тверская 3) – уютная небольшая комната в два окна, в первом этаже в старом, но хорошем деревянном домике. И хозяева симпатичные. Она за Вами с 1 ноября и стоит 15 р. в месяц. Я дал уже задаток. А обедать Вы ведь будете с нами? Обед стоит 15 руб. в месяц.

Жизнь в Петербурге страшно интересна, но и утомительна своею интенсивностью и тем, что вечер кончается часа в 3–4.

Аморя совсем истомилась от непрерывного восторга.

Я так поглощен был это время внешними впечатлениями, что ничего не мог почти делать.

Мы в восторге от красоты Петербурга. Я никогда не подозревал, что он так красив, строен и строг.

Вам будет хорошо, я думаю, в той комнатке, что я нанял для Вас. К нам наверх есть лифт, так что подъем не будет представлять затруднений.

Теснота наших комнат представляет только одно затруднение – прием гостей. Но они очень, очень удобны.

Из Коктебеля мне ничего не надо больше – ни книг, ни вещей.

Скоро ли Вы сами приедете?[3]

Приезд дяди Колиной жены Вас освободит, может быть, раньше?[4]

Когда так много разнородных впечатлений – становится нечего писать. А мы теперь ждем Вашего приезда в очень близком времени.

До свиданья. Целую бабушку.
Привет дяди Колиной жене.

Макс.
24 окт<ября>. Вторн<ик>.

Сегодня в первый раз Петербург в желтом тумане, так что в комнатах темно. Мне Петербург так нравится, что я был бы непрочь остаться здесь совсем.

Скоро ли Вы приедете?

[1] Волошин с женой приехали из Москвы в Петербург около 10 октября, поселились в квартире Е.Н. Званцевой – в доме 25 по Таврической ул., этажом ниже квартиры Вяч. Иванова.

[2] Е.Н. Званцева была организатором частной художественной школы в Москве (1899–1906) и школы в Петербурге (1906–1916). В двух несохранившихся письмах к матери, отправленных из Петербурга, Волошин сообщал, что Званцева выделила две комнаты – вместо заранее обещанных трех (одна из комнат предназначалась для Е.О., собиравшейся также в Петербург). 14 октября Е.О. писала Волошину: «...прямо возмущаюсь поступком Званцевой. <...> Разумеется, вам двоим и то будет тесно в этих двух комнатах, если ты даже найдешь в том же доме для меня отдельную комнату» – и предлагала поискать другое помещение (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[3] В письме от 24 октября Е.О. сообщала Волошину, что собирается приехать в Петербург 7–8 ноября. Приехала 9 ноября.

[4] В том же письме Е.О. извещала о приезде в Коктебель Дарьи Владимировны Глазер, жены ее брата Н.О. Глазера: «...живет с нами, по целым дням болтает с бабушкой к великому ее удовольствию. Хочет и в Феодосии пожить с бабушкой месяца два, да вряд ли ее хватит на такой долгий срок – соскучится сидеть постоянно со старухой и с Сашей. Ей только 27 лет, не получила никакого образования, ничего не читала, но не глупа от природы».

96. С.А. ПОЛЯКОВУ

Вторая половина октября (?) 1906 г. Петербург

Таврическая 25, кв. 23.

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Благодарю Вас за гонорар, высланный мне сегодня за мои стихи в «Северн<ых> Цветах» (37 р. 50 <к.>).[1] Только

я боюсь, что тут произошло некое недоразумение. У меня в «Сев<ерных> Цветах» было напечатано 142 стиха. Выходит следовательно, что мне заплатили по 25 коп. за строку. Между тем Валерий Яковлевич говорил мне, что обычная плата 50 копеек. Это же и обычная плата, которую я сам ставлю условием и получаю везде, где печатаю свои стихи. Я надеюсь, что это просто недоразумение со стороны г-на секретаря. Кроме того, будьте добры отдать тоже распоряжение, чтобы мне выслали гонорар за мою статью в последнем номере.[2]

Простите, что я все беспокою Вас этим.

М. Кириенко-Волошин.

[1] Имеется в виду цикл стихотворений Волошина «Минуты прозрений» (Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 51–55).

[2] Гонорар за статью «Письмо из Парижа. Национальный салон 1906», опубликованную в № 9 «Весов» за 1906 г. В ответном (недатированном) письме Поляков заявлял: «Меня очень обижает Ваше недовольство начисленным нами гонораром. Тут может быть две исходных точки: или Вы полагались на наше рассмотрение, в таком случае Вы не имеете права заявлять претензии, или Вы, отдавая стихи в “Северные Цветы”, вначале с кем-либо условились о цене. Если был второй случай, то сообщите, пожалуйста, с кем и когда Вы условились, если же первый <В автографе описка: “второй”. — *Ред.*> случай, то напрасно Вы нас обижаете. Что же касается гонорара за “Северные Цветы”, то этот гонорар был определен в 7 р. 50 к. за страницу за стихи, и такой именно гонорар получил и Валерий Яковлевич за свои стихи в “Северных Цветах”, а потому я очень удивляюсь, почему Вам он мог назначить высшую плату. Гонорар за текущий номер будет выслан своевременно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 990).

97. В.Я. БРЮСОВУ

11 ноября 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий!

Я не видал Чулкова. Но Вяч<еслав> И<ванов> говорил, что 14 нояб<ря> хочет воспользоваться Аничков.[2]

Это мне улыбается.

Я раньше декабря не смогу читать и лучше во второй половине, т<ак> к<ак> я хотел бы остаться в Москве на праздники и желал бы, чтоб это совпало. К 21-му я *не успею* приготовить лекции.

Моя окончательная тема: история античн<ых> богов после падения античного мира, как она отразилась у Ан. Франса, у Р. де Гурмона, Гейне и т.д.

Заглавие: «Судьба богов». Хотя, может, я и придумаю более звучное имя.[3]

Только не раньше декабря. Вы мне сами сказали: «Конец декабря или начало января». Может, Вы обмолвились?[4]

Пожалуйста — вышлите мне мои стихи: крайне необходимо.[5]

«Гностический гимн Деве Марии» вышлю Вам на днях: не успел переписать.[6]

О Верх<арне> буду писать.[7]

Привет И<о>анне Матвеевне.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 11.11.06. Получено в Москве 12 ноября.

[2] 14 ноября 1906 г. состоялось выступление Е.В. Аничкова в Московском Литературно-художественном кружке на тему «Эстетические обоснования общественности». 8 ноября 1906 г. Брюсов (один из руководителей кружка с 1902 г.) писал Волошину: «Если увидите Г.И. Чулкова, условьтесь с ним, пожалуйста, о дне, когда Вам можно читать у нас в кружке. На 14-ое назначен доклад Чулкова, на 21 — А. Волынского, на 28, предположительно, Ваш. Но Чулков не хочет читать 14-го (кажется), и все наши расчеты путаются» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 363). Сообщенный Брюсовым план заседаний (проходивших по вторникам) не осуществился: выступление А.Л. Волынского не состоялось, доклад Г.И. Чулкова «Об утверждении личности» был прочитан лишь 16 января 1907 г.

[3] Выступления на эту тему Волошин не подготовил.

[4] Имеется в виду предварительная договоренность о выступлении Волошина, достигнутая во время пребывания его в Москве в конце сентября — начале октября 1906 г.

[5] Рукописи своих стихов Волошин передал Брюсову в расчете на их публикацию в «Весах», видимо, еще во время своего пребывания

в Москве в марте – апреле 1906 г. Предполагалось, что будут опубликованы сразу несколько его произведений, по установившейся в «Весах» традиции помещать почти в каждом номере цикл стихотворений одного поэта. В апреле 1906 г. Брюсов сообщал Ю.Н. Верховскому (претендовавшему на скорейшее помещение собственного цикла в «Весах»): «Книжки 1–4, как Вы видели, были посвящены К. Бальмонту, Вяч. Иванову и З. Гиппиус. Дальнейшие обещаны: А. Блоку, А. Белому, Ф. Сологубу, Ю. Балтрушайтису, М. Волошину, М. Кузмину и мне» (РНБ, ф. 8, ед. хр. 20). В 1906 г. стихи Волошина в «Весах» не появились.

[6] Это стихотворение Волошина было впервые опубликовано под заглавием «Гностический гимн» («Славься, Мария!..») в журнале «Вестник Теософии» (1908. № 2. С. 58–59); под заглавием «Гностический гимн Деве Марии» и с посвящением Вячеславу Иванову вошло в раздел «Звезда-полынь» в сб. Волошина «Стихотворения. 1900–1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 86–87.

[7] 8 ноября 1906 г. Брюсов писал Волошину: «Я говорил С.А. Соколову, что Вы готовы написать рецензию на моего Верхарна. С.А. очень рад этому и всячески просит Вас не откладывать этой работы. Мне тоже будет очень приятно и желанно, если этот разбор будет написан Вами, человеком знающим и любящим Верхарна, – хотя бы Вы и бранили мои переводы» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 363). Речь идет о книге Эмиля Верхарна «Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова» (М.: Скорпион, 1906), вышедшей в свет в июне 1906 г. По всей вероятности, Волошин выразил Брюсову свою готовность написать о ней во время своего пребывания в Москве в конце сентября – начале октября 1906 г.; тогда же, видимо, было предварительно решено предложить статью Волошина в журнал «Перевал», начатый изданием в Москве с ноября 1906 г. под редакцией Соколова.

98. С.А. СОКОЛОВУ

11 ноября 1906 г. Петербург

25. Таврическая, кв. 23.
С. П. Б.

Многоуважаемый Сергей Алексеевич!

Я условился с Валер<ием> Яковл<евичем>, что я напишу для «Перевала», если Вы ничего против этого не имеете, рецензию о его переводах Верхарна.

Вы ничего против этого не имеете?[1]

Я жду корректур «Пророков и Мстителей». Мне необходимо сделать там в<с>тавку и спайку, о которых я говорил и без которых я не могу допустить ее появления в свет.

Жду корректур![2]

Скоро ли выйдет первый номер?[3]

В Худож<ественном> Клубе в декабре я обещал читать лекцию.

Она верно будет называться «Судьба Богов».

Судьба древних богов после разрушения Античного мира по Р. де Гурмону, Гейне, Анатолю Франсу и т.д.

Хотите эту статью иметь для «Перевала»? Если «да», то я буду ее писать в соответственном духе и стиле.

Ответьте.[4]

М. Волошин.

[1] См. п. 97, примеч. 7. 24 ноября 1906 г. Соколов отвечал Волошину: «Ровно ничего не имею против того, чтобы Вы дали рецензию о Верхарне. Только одно маленькое условие. В одном месте Брюсов пишет: “Я выс*юсь*, как...”. Думается, необходимо указать, что слова “высюсь” нет, а есть “вышусь”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126. Соколов имел в виду строку из стихотворения «Женщина на перекрестке»: «В веках я высюсь древней башней!»; см.: *Верхарн Эмиль*. Стихи о современности в переводе Валерия Брюсова. М.: Скорпион, 1906. С. 50). В своей статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 153–162) Волошин указанием Соколова не воспользовался.

[2] Статья Волошина «Пророки и мстители» готовилась к публикации во 2-м, декабрьском номере «Перевала» (см. примеч. 3 к п. 81). 24 ноября Соколов писал Волошину: «Корректуру “Пророков и Мстителей” послал. По поводу этой вещи имею 2 просьбы: 1) нельзя ли к заглавию добавить подзаголовок: “Предвестия Великой Революции”, – это очень важно для объявлений в газетах о содержании №. 2) Нельзя ли при поправках и переделках *вносить* в корректуру *как можно меньше добавлений.* Материал II № весь готов и раздвинуть № невозможно: и так с трудом вмещается все, что хотелось поместить». 14 декабря 1906 г. Соколов извещал Волошина: «Корректуру Вашей статьи получил. Дополнения все внесены. Ой, сколько корректурных ошибок Вы там напропускали. Хорошо, что стал на всякий случай просматривать еще раз» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3,

ед.хр. 1126). Предложенный Соколовым подзаголовок был сохранен и при переиздании статьи в книге Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб.: Изд. «Аполлона», 1914. С. 339–377; в указателе содержания статья названа: «Пророки и мстители (1905 год)»).

[3] Письмо Соколова к Волошину от 24 ноября 1906 г. ответа на этот вопрос не содержит. Соколов первоначально предполагал, что 1-й номер «Перевала» «выйдет числа 6-го ноября» (письмо к Ф. Сологубу от 28 августа 1906 г. // ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 636), но он появился не ранее середины ноября (ср. дневниковую запись Л.Д. Рындиной от 19 ноября 1906 г.: «На этих днях по поводу выхода “Перевала” был кутеж, было выпито много, много шуму <...>» // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2004. С. 196. Публ. Н.А. Богомолова).

[4] Соколов отвечал 24 ноября: «Относительно “Судьбы Богов” – *в принципе* против ничего не имею, если только по размерам эта вещь будет несколько менее “Пророков” (или таковой ее будет можно сделать, сжав в обработке реферат после его прочтения). Во всяком случае пойдет она уже весной. Помните, когда-то Вы говорили мне, что хотите со временем написать статейку “О пошлости в искусстве” – против “Весов”. Помыслите об этом, если не раздумали». Статью «Судьба богов» Волошин в «Перевал» не представил, рукописей, относящихся к этому замыслу, не обнаружено (равно как и материалов к другой задуманной Волошиным статье, о которой упоминает Соколов).

99. В.Я. БРЮСОВУ

1 или 2 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий.

Я согласился писать рецензию о Ваших переводах Верхарна только по Вашей просьбе. Она написана, и написана против Вас.[2] Я Вам ставлю в ней тяжелые обвинения. Но так как она своим возникновением обязана только Вашим настояниям, то я хочу, чтобы Вы первый ознакомились с ней, и посылаю рукопись Вам.

Мне неприятно печатать ее в «Перевале» благодаря его дерз<к>ому полемическому тону. Этот общий тон журнала даст нежелательный для меня оттенок статье.[3]

Статья обещана Вам. Поэтому Вам я и предоставляю ее судьбу. Хотите – поместите ее в «Весах», хотите – передайте от моего имени Грифу, хотите – сожгите.

Даю Вам полную власть над ней.

Моя лекция?[4]

Я еще не начал писать ее. Пожалуйста, не решайте ничего с ней, пока она хотя бы до половины не будет написана.

Мои стихи. Я настоятельно прошу Вас – вышлите мне немедленно те стихи, которые не будут в «Весах».[5]

Вы меня ставите в очень неприятно<е> положение, т<ак> к<ак> у меня просят стихов в разные издания и я ничего не могу дать, т<ак> к<ак> из 11 стихот<ворений>, что у Вас, *одно* должно быть напечатано.

Я нахожу это очень неделикатным со стороны редакции «Весов».

До свиданья.

М. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 3.12.06.

[2] 2 декабря 1906 г. Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: «...сегодня я весь день работал и закончил статью о переводах Брюсова. Завтра утром посылаю ее <В автографе описка: “их”. – *Ред.*> ему» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111).

[3] В вышедшем к тому времени (см. примеч. 3 к п. 98) 1-м номере «Перевала» «полемический тон» отчетливо проявлялся только в отношении журнала «Золотое Руно» (см. с. 49, 58 – уничтожающая рецензия А.И. Бачинского на повесть «Исповедь» Н. Шинского (Рябушинского), издателя «Золотого Руна»). Однако редактор «Перевала» С.А. Соколов замышлял организовать полемическую кампанию также против «Весов», и в этом отношении волошинская критика переводов Брюсова могла бы сыграть в ней вполне определенную роль. В частности, заказывая Волошину рецензию на «Стихи о сов-

ременности», Соколов пытался исподволь настроить его на критический лад (см. примеч. 1 к п. 98).

[4] См. п. 97, примеч. 3.

[5] См. п. 97, примеч. 5.

100. В.Я. БРЮСОВУ

9 или 10 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий!

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Конечно, я хочу, чтобы статья была в «Весах».[2] В «Перевале», благодаря его резкому полемическому тону, она примет характер какой-то неподобающей выходки против Вас, а этого я отнюдь не хочу. Я так и напишу Сер<гею> Алекс<еевичу>.[3]

Посылаю Вам мою статью о театре — я думаю, она будет Вам интересна.[4] Мне хочется написать об театре Коммиссаржевской для «Весов», но не панегирик, как здесь (по тактическим соображениям — в защиту принципа), а сериозный и строгий разбор, опирающийся на те же принципы, что изложены в данных статьях. Хотите для январского №?[5]

Тогда напишите срок присылки: это необходимо мне знать.

С другой стороны, мне очень интересно посмотреть, что они сделают с «Балаганчиком».[6] «Вечная сказка» — плохо. Положим, и пьеса очень слаба.[7]

Я теперь под тем же заглавием «Лики Творчества» пишу тот ряд характеристик-портретов: дал уже Городецкого и Кузмина (они скоро выйдут).[8] Теперь дам «Эрос» В. Ив<анова> и Ремизова.[9] Поэтому еще не принялся за лекцию, но вовсе от нее не отказываюсь в принципе...[10]

Я не знаю, какой исходный пункт взять мне для статьи о Вас. Не выпускаете ли Вы чего-нибудь в январе?[11] Имея точку опоры в книге, легче. Потому что если писать Вашу характеристику вообще, то я выйду из размеров данного мне фельетона.

Благодарю Вас за стихи мои.[12]

До свиданья.

М. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 11.12.06.

[2] Около 5 декабря 1906 г. Брюсов отвечал на п. 99: «Благодарю за письмо и за присылку статьи. Разумеется, я вообще никогда не воспользовался бы предлагаемым Вами мне правом “сжечь ее”, но всего менее в данном случае. Статья мне очень нравится, хотя я не во всем с ней согласен, даже в большей ее части не согласен. Остается решить, где ее напечатать: в “Весах” или “Провале”. Мне бы лично хотелось в “Весах”. Не потому, что это статья против меня, и не потому, что “Провал” мне не по душе, а просто потому, что статья хороша и жалко отдавать в другие руки интересные страницы. <...> Если Вы находите возможным ждать до февраля, сообщите: я положу Вашу статью в наш “портфель”; если нет, — немедленно перешлю ее С.А. Соколову» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 366. «Провалом» Брюсов насмешливо называет журнал «Перевал»). Статья Волошина «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» была опубликована в № 2 «Весов» за 1907 г. (С. 74–82) – с «пост-скриптумом» Брюсова, в котором заключался ответ на критические доводы Волошина. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 153–162, 665–666. Подробнее см. во вступительной статье К.М. Азадовского и А.В. Лаврова к переписке Брюсова и Волошина (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 258–263).

[3] Это письмо Волошина к С.А. Соколову неизвестно. Соколов отвечал на него 14 декабря 1906 г.: «Очень грущу, что не довелось получить для “Перевала” рецензию о Верхарне. Судьба!...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126). Однако и после этого Соколов не оставлял мысли подвергнуть в «Перевале» критике «Стихи о современности». 13 декабря 1906 г. он писал Г.И. Чулкову: «В свое время, уже довольно давно, М. Волошин взялся писать нам рецензию о Брюсовском переводе Верхарна. На днях он сообщил, что рецензия вышла слишком отрицательной и потому он опасается, что помещение ее в “Перевале” может вызвать двойное негодование Брюсова (это – тайна!). Потому он не придумал иного, как послать ее в “Весы”. Очень прошу, напишите эту рецензию к январскому №. Вы – единственный из наших сотрудников, имеющий право говорить о Верхарне. Если можно, отметьте в рецензии некую безграмотность: в одном месте Брюсов говорит вместо: “вышусь, как скала” – “высюсь”» (РГБ, ф. 371, карт. 4, ед. хр. 2). Однако Чулков – несмотря на то, что он сам переводил Верхарна и издал его пьесу «Зори» в своем переводе (СПб., 1906), который Брюсов подверг острой критике (Новые переводы Верхарна // Весы. 1906. № 9. С. 77–80; подпись: Аврелий), – от написания рецензии на «Стихи о современности» уклонился.

[4] Имеется в виду статья Волошина «Лики творчества. 1. Театр – сонное видение. 2. “Сестра Беатриса” в постановке Театра В.Ф. Коммиссаржевской» (Русь. 1906. № 71. 9 дек.). Позднее Волошин включил вторую часть статьи в макет книги 3-й «Ликов творчества» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 231–236; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 7–12). Это была первая публикация Волошина под рубрикой «Лики творчества». Толчком к написанию статьи послужила постановка В.Э. Мейерхольдом «Сестры Беатрисы» Мориса Метерлинка с В.Ф. Коммиссаржевской в главной роли, имевшая шумный успех. 3 декабря 1906 г. Волошин писал жене: «Вчера я был у Коммиссаржевской в театре на “Сестре Беатрисе”. Это очень хорошо. Я сейчас буду писать об этом статью» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111); 5 декабря – ей же: «Я написал фельетон о “Сестре Беатрисе” <...>» (Там же, ед. хр. 112).

[5] 6 декабря 1906 г. Волошин сообщал жене: «Теперь я буду писать статью о театре Коммиссаржевской для “Весов” <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112). Неизвестно, как именно откликнулся Брюсов на предложение Волошина; скорее всего отрицательно: задуманная статья в «Весах» не появилась. По всей вероятности, Волошин сообщил Мейерхольду о своем намерении написать для «Весов» о его спектаклях; ср. дневниковую запись М.А. Кузмина от 15 декабря 1906 г.: «Всевол<од> Эм<ильевич> ужасно мрачен, говорит, что никому не нужен, что все его бранят; в “Весах” напишут Волошин и Аничков, в “Перевале” – Блок – значит, люди сочувствующие <...>» (*Кузмин М.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 286).

[6] Премьера пьесы А. Блока «Балаганчик» в постановке В.Э. Мейерхольда состоялась в Театре В.Ф. Коммиссаржевской 30 декабря 1906 г.; репетиции начались 10 декабря.

[7] Волошин присутствовал 4 декабря 1906 г. на премьере «Вечной сказки» Станислава Пшибышевского в Театре В.Ф. Коммиссаржевской (постановка В.Э. Мейерхольда). В прессе высказывались противоречивые оценки спектакля, при этом критике подвергалась не только постановка Мейерхольда, но и самая пьеса Пшибышевского (см.: *Рудницкий К.* В театре на Офицерской // Творческое наследие В.Э. Мейерхольда. М.: Всероссийское Театральное Общество, 1978. С. 163–167).

[8] Имеются в виду статьи Волошина «Лики творчества. “Ярь”. Стихотворения Сергея Городецкого» (Русь. 1906. № 80. 19 дек.) и «Лики творчества. “Александрийские песни” Кузмина» (Там же. № 83. 22 дек.). Обе статьи были написаны в начале декабря 1906 г.,

в период тесного общения Волошина с обоими поэтами. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 12–30.

[9] Статья Волошина «Лики творчества. “Эрос” Вячеслава Иванова» (Русь. 1906. № 88. 28 дек.; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 30–39) была написана по корректуре книги и опубликована еще до ее выхода из печати: «Эрос» (СПб.: Оры, 1907) вышел в свет 9 января 1907 г. (см.: ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 495). Намерения написать статью о книге А.М. Ремизова «Лимонарь (Луг духовный)» (СПб.: Оры, 1907), напечатанной в феврале 1907 г., Волошин не выполнил.

[10] Подразумевается лекция «Судьба богов», предназначавшаяся для Московского Литературно-художественного кружка. См. п. 97, примеч. 3. В письме от 30 декабря 1906 г. С.А. Соколов спрашивал Волошина: «Когда прибудете в Москву для чтения реферата? Я, как и писал, весьма непрочь потом напечатать его в “Перевале”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126).

[11] В начале 1907 г. Волошин своего намерения написать статью о творчестве Брюсова не исполнил. На вопрос Волошина, не выпускает ли Брюсов «в январе» новых своих книг, тот, безусловно, ответил, что в ближайшее времядолжна выйти в свет его книга рассказов и драматических сцен «Земная ось».

[12] В письме, отправленном Волошину около 5 декабря, Брюсов сообщал: «Относительно Ваших стихов произошло недоразумение <...> я понял Ваши слова в Петербурге в том смысле, что Вы поручили мне хранить Ваши стихи с тем, чтобы по мере надобности выписывать от меня ту или другую “copie”. Теперь вся рукопись уже в Ваших руках. Как Вы заметили, мною взято не 2, а 3 стихотворения. О времени их помещения в “В<есах>” напишу особо. Очень извиняюсь за свою непонятливость и за возникшее из-за нее недоразумение. Во всяком случае виноват в нем исключительно я, я лично, а не “Весы”, ибо Ваши стихи хранились у меня, а не в редакции» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 366).

101. А.М. ПЕТРОВОЙ

14 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Я буду очень рад видеть Катю Латри,[2] постараюсь познакомить ее с возможно большим числом интересных людей. Пишу только за себя, т<ак> к<ак> Мар<гарита>

Вас<ильевна> в Финляндии и останется там все праздники.[3] Ей Петербург страшно утомителен. Не столько климатом, сколько интересными людьми. Так что мы решили в феврале ехать опять жить за границу: в Мюнхен и надолго.[4]

Я очень много работаю все время: написал много стихов. Готовлю издание сразу двух сборников стихов: «Годы странствий» – для большой публики и «Ad Rosam»* – мистическ<их> и философ<ских> стихот<ворений> для немногих: маленькую книжку. Посылаю Вам несколько из моих новых стихотворений из отдела Rosa mystica – Мистическая роза...[5]

Потом я на днях начну печатать в «Руси» целый ряд фельетонов «Лики творчества», которые уже отчасти написаны: это будут портреты современ<ных> и молодых поэтов.

Я Вам пришлю их, как только они начнут выходить.

Если бы Вы знали, как захватывающе интересна сейчас литературная жизнь в России – те, которые еще не дошли до публики: напр<имер> Кузьмин *<так!>*, Городецкий, Ремизов.[6]

Вяч<еслав> Иван<ов> на днях выпускает поразительную книгу «Эрос».[7]

Если б не здоровье М.В., которая окончательно не может переносить Петербургской жизни, я бы ни за что не уехал из Петербурга.[8]

Но в Мюнхене[9] нас ждут лекции Штейнера, которы<й> туда переселяется окончательно, и наши друзья гр<афиня> Калькрейт, Frl. Stinde.[10] Потом я, наконец, хочу изучить немецкий язык как следует и пройти через мир Германии так же, как прошел через Париж.[11]

Милый Константин Федорович! Как я радовался его успеху в Париже.[12] Я непременно должен написать о его творчестве большую статью, но мне так надо его видеть и видеть его вещи. Послал ли он что-нибудь в «Союз»?[13]

Я так хотел его акварели заставить напечатать в «Золот<ом> Руне» – но с Рябушинским невозможно иметь никакого дела. А теперь там, после смерти Тароватого,[14] полная сумятица.

* К Розе *(лат.)*.

Ах, если бы Конст<антин> Федорович согласился бы сделать обложку к моим стихам. Мне бы больше всего хотелось иметь его обложку. Вот к маленькому сборнику. Он будет иметь фасон продолговатый – вот как лист почтовой бумаги, но меньше.

Поговорите с ним об этом, а я ему напишу сам и буду просить об этом, как только окончательно выяснится вопрос об условиях и форме издания.[15]

«Ad Rosam», вероятно, будет издана Вячес<лавом> Ивановым, который основал свое издательство «Оры», перв<ым> издан<ием> которого будет «Эрос».

До свиданья, дорогая Алекс<андра> Мих<айловна>. Непременно напишите мне адрес Кати Латри[16] или ее направьте ко мне.

Макс. Волошин.

1 Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 170.

2 В недатированном письме А.М. Петрова просила Волошина оказать помощь Е.Н. Латри, феодосийской знакомой, пианистке, первой жене художника М.П. Латри: «...в Петербург поехала Катя Латри и очень просила меня, чтобы я написала о ней Вам. Может быть, Вы и Маргарита Васильевна примете в ней участие, и если только возможно, познакомите ее с кем-либо из музыкального мира. В свою очередь и я очень прошу Вас приласкать ее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 4).

3 М.В. Сабашникова уехала в пансион в Мустамяки 30 ноября 1906 г., возвратилась в Петербург около 22 декабря.

4 Оба начинания остались неосуществленными. См. п. 102, примеч. 6, 7.

5 Волошин выслал Петровой цикл из семи стихотворений «Rosa Mystica» (впервые опубликован в журнале «Перевал» в № 8/9 за 1907 г. под заглавием «Руанский собор», с прозаическим толкованием его символического смысла под названием «Крестный путь») (См.: Т. 1 наст. изд. С. 81–85, 460–461).

6 См. примеч. 4 к п. 100.

7 См. примеч. 8, 9 к п. 100.

8 См. примеч. 9 к п. 100.

9 Отъезд Волошина и Сабашниковой в Мюнхен в 1907 г. не состоялся.

[10] Теософки, последовательницы Р. Штейнера – П. Калькрейт и С. Штиндс.

[11] Здесь налицо влияние М.В. Сабашниковой, ориентировавшейся на немецкую культуру и отвергавшей «галломанство» мужа.

[12] Речь идет об участии К.Ф. Богаевского в выставке Exposition del Art Russe, устроенной в 1906 г. С.П. Дягилевым в Париже при Salon d'Automne. А.М. Петрова в недатированном письме писала: «Как жаль, что Вы не были в Париже при торжестве *нашего* искусства, "конституция" меня не так радовала, как этот полный значения триумф. Тут нет подтасовки. Дягилев привез, указал и заставил поклониться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 4).

[13] Союз русских художников был создан в 1903 г. в результате объединения художников «Мира Искусства» с группой «36 художников». Видимо, Волошин рассчитывал, что сможет увидеть картины К.Ф. Богаевского на IV выставке (вернисаже) Союза русских художников, которая открылась 27 декабря 1906 г. в Петербурге в Академии художеств (затем с 11 февраля 1907 г. экспонировалась в Москве в помещении Строгановского училища).

[14] Н.Я. Тароватый, редактор художественного отдела «Золотого Руна», умер 6 октября 1906 г.

[15] На это обращение Петрова отвечала в недатированном письме (январь 1907 г.): «Я передала милому нашему Костеньке Вашу просьбу, и он, конечно, смущен, конечно, глубоко уверен, что "ничего не выйдет" у него и т.п. скромности. Будет отлично, если Вы ему сами напишете. Надеюсь, это подбодрит его» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 6–6 об.)

[16] Адрес Е.Н. Латри в Петербурге А.М. Петрова сообщила в очередном письме (без даты): Лиговка, дом Сан-Галли, кв. Короткевич.

102. М. ГОРЬКОМУ

16 декабря 1906 г. Петербург[1]

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Я поэт Макс. Волошин, о котором, быть может, Вы слыхали от наших общих друзей – Бальмонта и Амфитеатрова.[2]

Я хотел бы предложить Вам мое сотрудничество в Сборниках «Знания» и посылаю Вам для этого два своих стихотворения «Париж» и «Король».[3]

Последнее носит безусловно общественный характер и навеяно Петербургом, хотя я имел в виду в образе короля не Николая II, а Карла II (испанского) и Генриха III (французск<ого>).[4]

Кроме того, я хочу предложить Вам («Знанию») издание сборника моих стихотворений «Годы Странствий». Это будет сборник средней величины (50–55 стихотв<орений>). В него войдут все мои стих<отворения> обществен<ного> характера (что были в «Красном знамени»),[5] переводы лирическ<их> произведений Верхарна (см. «Красное Знамя») и все описательные и лирические стихотв<орения>, относящиеся ко времени моих странствий по Европе.

В этот сборник совершенно не войдут мои мистические и оккультные стихотворения, которые я издаю отдельной маленькой книгой в издательстве «Оры» (у Вяч<еслава> Иванова) под именем «Ad Rosam».[6]

Поэтому в сборнике «Годы Странствий» не будет ничего исключительного и малопонятного, и я не хотел бы замыкать его смысл маркой Скорпиона или Грифа и обращаюсь с ним к Вам.

Я до сих пор еще не издавал своих стихотворений. Но они отчасти известны публике и книги от меня ждут. Поэтому я думаю, что издание это имеет шансы разойтись.

Если Вы мне ответите в принципе «Да», то я вышлю Вам немедленно, куда Вы укажете, рукопись книги.[7]

Остаюсь с глубоким почтением

Максимилиан Волошин.

Мой адрес: Петербург.

25. Таврическая, кв. 23.

Максимилиану Александровичу Кириенко-Волошину.

[1] Датируется по упоминанию в письме Волошина к М.В. Сабашниковой, датированном «субботой» – т.е. 16 декабря 1906 г.: «...я написал письмо Горькому в Неаполь, предлагая ему издать “Годы Странствий”, и послал “Короля” и “Письмо” для Сборников Знание» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112).

[2] Знакомство Горького и К.Д. Бальмонта состоялось в Крыму в ноябре 1901 г. (см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.:

Наука, 1997. Т. 2. С. 208; М. Горький. Материалы и исследования. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 192–194). Многолетние отношения Горького и А.В. Амфитеатрова отражены в публикации: Переписка <М. Горького> с А.В. Амфитеатровым / Вступ. статья Н.И. Дикушиной. Публ. и коммент. С.И. Доморацкой, Ф.М. Иоффе, Е.Г. Коляды, А.Е. Погосовой // ЛН. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. С. 31–473.

[3] Как явствует из приведенной выше цитаты (примеч. 1), Волошин отослал для помещения в Сборниках товарищества «Знание», издававшихся в Петербурге под руководством Горького с 1904 г. (в декабре 1906 г. вышел XIV сборник «Знания»), стихотворение «Письмо» (впервые опубликованное в 1907 г. в № 12 журнала «Перевал»; см.: Т. 1 наст. изд. С. 48–56) и стихотворение, беловой автограф которого не выявлен (публикация по черновому автографу в рабочей тетради Волошина: Т. 2 наст. изд. С. 541–542).

[4] Образу «царя-жертвы», выведенному в стихотворении Волошина, соответствуют Карл II Габсбург (Карл II Зачарованный или Околдованный, 1661–1700), король Испании с 1665 г., последний представитель дома Габсбургов на испанском престоле, и Генрих III Валуа (1551–1589), король Франции с 1574 г., убитый доминиканским монахом Жаком Клеманом 1 августа 1589 г., последний король династии Валуа.

[5] «Красное Знамя» – журнал, издававшийся в Париже А.В. Амфитеатровым; в 1906 г. с апреля по декабрь вышло шесть номеров (см. коммент. Ф.М. Иоффе в кн.: ЛН. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. С. 72–73). Волошин опубликовал в журнале стихотворения «Голова принцессы Ламбаль» («Это гибкое, страстное тело...») и «Ангел мщенья» («Народу русскому: Я скорбный ангел мщенья...») (№ 1. С. 72–73).

[6] «Оры» – петербургское издательство, основанное в 1906 г. Вяч. И. Ивановым. О работе над составлением своих поэтических книг Волошин писал М.В. Сабашниковой 13 декабря 1906 г.: «Выходят две вполне законченные книги: “Ad Rosam” (25 стих<отворений>) мистическая и “Годы Странствий”, в которой будут все описательные, лирические, “Письмо”, переводы и общественные (50 стихотв<орений>). “Годы Странствий” я тогда попробую предложить “Знанию”. Меня это не скомпрометирует в глазах декадентов, т<ак> к<ак> выйдет одновременно “Ad Rosam” в “Орах”. А разграничение это может только принести пользу для той и для другой книги. <...> Я за вчерашний день составил обе свои книги – целиком» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112). Сборник Волошина «Ad Rosam»

(«К розе») был объявлен на обложке книги Вяч. Иванова «Эрос», вышедшей в январе 1907 г., но издание его не осуществилось.

[7] Ответа на это предложение не последовало, стихотворения Волошина в сборниках «Знание» не были напечатаны. Впоследствии заглавие «Годы странствий» было предпослано первому разделу сборника Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М.: Гриф, 1910).

103. В.Я. БРЮСОВУ

После 19 декабря 1906 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий!

Очень радуюсь тому, что моя статья о Вас нашла себе прибежище в «Весах». Она там уместнее.

Жду «Земной Оси».[2]

Посылаю Вам статью о «Яри».[3]

Быть может, буду в скором времени в Москве.[4]

Издаю книгу мистических стихов новых в «Орах».

Имя ей «Ad Rosam».[5]

Максимилиан.

[1] Видимо, ответ на неизвестное нам письмо Брюсова к Волошину (ответ на п. 100), в котором, в частности, сообщалось о принятии статьи Волошина «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» для публикации в «Весах».

[2] Речь идет о книге: *Брюсов Валерий.* Земная ось. Рассказы и драматические сцены. (1901—1906). М.: Скорпион, 1907. Книга сохранилась в Доме-музее М.А. Волошина, имеет дарительную надпись: «Максимилиану Александровичу Волошину дружески Вал. Брюсов. 1906».

[3] См. п. 100, примеч. 8.

[4] Волошин приехал в Москву вместе с матерью 31 декабря 1906 г. и провел там около недели.

[5] См. п. 102, примеч. 6. Сборник «Ad Rosam» было намечено в скорейшем времени издать в «Орах»: в середине февраля 1907 г. Вяч. Иванов просил Брюсова напечатать объявление о нем и о других готовящихся в «этом сезоне» книгах «Ор», которые «появятся очень скоро» — «все под станком» (ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 497). Волошин первоначально разделил сборник на две части. «Первую часть я назову “Звезда Полынь”, а вторую “Мис-

тические Розы"», — сообщал он жене, настоятельно предлагая и ей включить свои стихотворения в эту книгу: «Это будет наша книга. Совсем интимная» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112). Вскоре Волошин отказался от первоначально избранного заглавия «Ad Rosam»; 1 апреля 1907 г. он писал М.В. Сабашниковой: «Имя этой книге да будет "Звезда Полынь"» (Там же). В объявлениях при книге Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» (СПб.: Оры, 1907), вышедшей в свет летом 1907 г., готовящийся сборник стихов Волошина уже назывался «Звезда-полынь». В издательстве «Оры», однако, книга Волошина так и не вышла; главной причиной этого оказались сложные, весьма запутанные личные отношения между Волошиным, его женой и Вяч. Ивановым, вследствие чего Волошин в сентябре 1907 г. принял решение сборник не издавать.

В Доме-музее М.А. Волошина в Коктебеле сохранилась (не полностью) верстка книги «Звезда-полынь»; приводим содержание этого сборника с дополнениями (в угловых скобках) по другому экземпляру верстки из собрания петербургского коллекционера А.М. Луценко (см.: *Луценко А.* 45 любимых книг (о некоторых раритетах моей библиотеки). СПб., 2004. С. 80–81):

Странник. I. «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...»; II. «По ночам, когда в тумане...» (Валерию Брюсову); III. «Быть заключенным в темнице мгновенья...»; IV. «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...» (Одилону Рэдону). Stella amara. I. Полынь («Костер мой догорал на берегу пустыни...») (К.Ф. Богаевскому); II. «Мир закутан плотно в сизый саван свой...»; III. «Мы заблудились в этом свете...»; IV. Из С. Малларме («...О, зеркало, холодная вода...»); V. Зеркало («Я глаз, лишенный век. Я брошено на землю...»); VI. Кровь («В моей крови — слепой Двойник...») (Вячеславу Иванову); VII. «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»; VIII. Солнцу («Святое око дня, тоскующий гигант!..»). Орфей. <I. «Amori sacrum» («И были дни как муть опала...»)>; II. «Я ждал страданья столько лет...»; III. «На старых каштанах сияют листы...»; IV. «В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»; V. «В серо-сиреневом вечере...»; VI. «Эта светлая аллея...»; <VII. «Как млечный путь любовь твоя...»>. Мистическая роза. Руанский собор (Анне Рудольфовне Минцловой). I. Ночь («Вечер за днем беспокойным...»); II. Лиловые лучи («О, фиолетовые грозы...»); III. Вечерние стекла («Гаснет день. В соборе все поблекло...»); IV. Via dolorosa. Стигматы («Чья рука, летучая как пламень...»); V. На башне. Смерть («Вьются ввысь прозрачные ступени...»); VI. Крипты. Погребенье («Глубь земли... Источенные крипты...»); VII. Утро Воскресенья («Сердце острой радостью ужалено...»). <Гностический гимн Деве Марии («Славься, Мария!..»)>.

1907

104. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

31 декабря 1906 г. — 1 января 1907 г. Москва

Москва. 31 декабря. 1906.

Дорогая Александра Васильевна!

Мне хочется этот последний вечер 1906 года провести несколько минут с Вами. Я пишу Вам из Москвы. Мы с Марг<аритой> Вас<ильевной> приехали сюда вчера и вот сидим на Поварской, не показывая носа из дома, т<ак> к<ак> мороз в 30 градусов.[1]

Дорогая Алекс<андра> Васильев<на>, я до сих пор еще не ответил Вам на Ваше письмо, полученное мною в Петербурге.[2] Оно меня страшно тронуло, и я много раз мысленно отвечал Вам на него, но то, что я до сих пор все-таки ни разу не написал Вам, служит только доказательством того, как много я это время работал и как была полна и интересна моя жизнь.

Я несказанно рад тому, что осенью материальные дела (кризис «Руси»,[3] от которого она в настоящую минуту совершенно оправилась) заставили меня остаться в России. Прикосновение к России и к русской жизни было для меня необходимо. Я не могу описать Вам, как страшно интересна в настоящее время жизнь в Петербурге. Я не про политику говорю, а про искусство.

В области поэзии это начинающееся возрождение.

Сколько совершенно новых, совершенно неожиданных сил.

Мне самому никогда так не работалось и не писалось, как эти месяцы. Точно какие-то путы, тяготевшие на языке, спали. Я написал целую маленькую книгу стихотворений,

которая в феврале выйдет в изд<ательстве> «Оры» под заглавием «Ad Rosam».[4] Там будут собраны исключительно стихотворения с философским и мистическим содержанием. Кроме того, я подготовил к печати и книгу старых моих стихов «Годы Странствий»,[5] тоже значительно дополненную.[6]

Кроме того, я пишу в настоящее время в «Руси» ряд литературных фельетонов-портретов современных молодых поэтов под общим заглавием «Лики Творчества». (Я Вам пошлю некоторые из них). Из них я тоже хочу сделать отдельную книгу.[7] Словом — как видите, я совершенно поглощен литературными предприятиями и работами. «Лики Творчества» имеют успех и очень читаются в Петербурге, что весьма подняло мое положение в «Руси» — меня очень часто и охотно печатают.

Как Вы, вероятно, знаете, мы живем в одном доме с Ивановыми и теперь даже переселяемся после нового года в их квартиру,[8] т<ак> к<ак> Лид<ия> Дм<итриевна>[9] после своей болезни должна будет жить в Царском Селе. Она ведь была очень больна — у нее было воспаление обоих легких, ангина, а теперь флебит, и она еще лежит в больнице. Мар<гарита> Вас<ильевна> совершенно влюблена в Лид<ию> Дмитр<иевну>.

С Вяч<еславом> Ив<ановичем> у нас большая дружба (не прокляните только меня за это), и беседы с ним дают мне страшно много. С Вашим мнением о нем (как о человеке) я не согласен.[10] Я вижу и чувствую, что в нем, в самой глубине его натуры, есть много жуткого и страшного, иногда чувствуешь, что это его жжет изнутри, но эта борьба и присутствие в нем чего-то непонятного только привлекает меня к нему и заставляет его больше ценить и уважать.

У него особая сила оплодотворять мозг друго<го>, будить, понуждать к работе, и я многим обязан ему в том творческом подъеме, который у меня теперь.

Здоровье Мар<гариты> Вас<ильевны> было не очень хорошо все время. Но не благодаря петербургскому климату, который врачи признали для нее совершенно безвредным, а страшному нервному утомлению от обилия и остроты

художеств<енных> впечатлений. Живем мы у Таврического сада – прямо над Государственной Думой. Это очень здоровая местность, почти за городом.

Над нами Вяч<еслав> Ив<анович>, а под нами генер<ал> Куропаткин.[11] Так что в первый день Рождества мы на своей лестнице видели всех героев Маньчжурской Армии – Линевича, Рененкамта[12] и т.д. У нас под окнами в саду бросали бомбы в Дубасова.[13] И няньки после этого очень возмущались и говорили: «И зачем этих генералов сюда пускают. Ведь здесь дети гуляют».

Я вижусь довольно часто с Ариадн<ой> Владимир<овной>,[14] которая живет очень близко от нас. Рядом живут Струве.[15] Он теперь стал редактором «Русской Мысли» после смерти Гольцева.[16]

Как Вы поживаете? Что Вы теперь пишете? Кончена ли Ваша вторая книга рассказов?[17]

Мой привет Влад<имиру>Авгус<товичу>, Нат<алье> Влад<имировне>, Уке и Каролине, Лоло и Татухе.[18]

Видитесь ли Вы иногда с Бальмонтами?[19]

Что делается в русс<ком> кружке?[20] Об одном я только жалел, что не был в Париже во время выставки русской.[21]

Передайте, пожалуйста, мой привет Гилям[22] и Садиа Леви.[23]

До свиданья.

М. Волошин.

* * *

Сейчас час ночи. Мы встретили Новый год и разошлись по своим комнатам. Поздравляю Вас с Новым Годом, Александра Васильевна, и вспоминаю те новогодья, что встречал у Вас.

Когда-то мы теперь увидимся.

Марг<арита> Вас<ильевна> поздравляет Вас и шлет Вам свой привет. Поздравляю Влад<имира> Августовича. Про-

чтите ему непременно все мои стихотворения и спросите его мнения. Кроме тех стихов, что я посылаю Вам, у меня еще есть целая серия стихотворений, посвященных Руанскому Собору.[24]

Но это до другого раза. Сейчас у меня их нет переписанными. Мне очень хочется знать Ваше мнение о моих стихах и статьях.[25]

1-й час 1907 года.

Адрес:

С.П.Б. Таврическая 25.

[1] Новый 1907 г. Волошины встретили в Москве, куда приехали 30 декабря 1906 г., остановились на Поварской, дом Милорадович (в квартире Сабашниковых).

[2] Речь идет о письме А.В. Гольштейн от 18 октября (н.ст.) 1906 г., где она высказала целый ряд опасений, связанных с решением Волошиных остаться в Петербурге: «Мой милый друг, не отвечала Вам и милой Мар<гарите> Вас<ильевне> на Ваше письмо, потому что ожидала увидеть Вас в конце этого месяца. И вдруг узнаю, что Вы собираетесь зимовать в Птб.! Помимо грусти, кот<орую> испытываю при мысли, что Париж будет без Вас, я ужасно испугана Вашим решением *за Марг<ариту> Вас<ильевну>*. Не претендуя на право давать Вам советы, чувствую непреодолимое желание высказать Вам свои страхи. Дорогой друг, последнее место на земном шаре, где Мар<гарита> Вас<ильевна> может проводить зиму, это именно Петерб<ург>, гнилой, сырой, темный, нервный и сухой, чиновничий Петерб<ург>. Разве это место для слабой здоровьем (с хроническим лихорадочным состоянием) Мар<гариты> Вас<ильевны>? Разве это место для талантливой художницы, которой еще нужно пока многому научиться в своем деле, кот<орому> нужен свет, мастерские, выставки, воздух <...>. Марг<арита> Вас<ильевна> будет в Птб. гореть вечно, потому что события и жизнь там будут ее терзать, своей живописью она заниматься там не будет, учиться там не у кого. Удовлетворение она там не получит ни в чем и пропадет у нее год, и очень хорошо, если не безнадежно расшатается здоровье. Мар<гарита> Вас<ильевна>, мой милый, это нечто очень хрупкое <...>. Вы об этом подумали ли? <...> Дайте ей окрепнуть в таланте и в физической силе. <...> Вы поступили, или приняли решение, очень опрометчиво.

Не вижу также, чтобы это решение было выгодно для Вас. Вашей хлебной работой, вероятно, останется художественная крити-

ка, заграничная художественная хроника-корреспонденция. В Птб. Вам вряд ли найдется место в качестве худож<ественного> критика. В этом году Бенуа возвращается в Россию и, конечно, возьмет всю или почти всю работу в этом направлении <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 20–21).

[3] Об этом см.: п. 90, примеч. 7.

[4] См. п. 103, примеч. 5.

[5] См. п. 101.

[6] См. примеч. 6, 7 к п. 102.

[7] Этот замысел при жизни Волошина остался неосуществленным. Цикл статей «Лики творчества», печатавшийся в газете «Русь», воспроизведен в Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 7–149.

[8] См. п. 95, примеч. 1. 13 января 1907 г. по возвращении из Москвы Волошин перебрался в квартиру Вяч. Иванова, который выделил ему две комнаты (см.: Труды и дни. С. 173). Ср. воспоминания М.В. Сабашниковой: «Холодным ноябрьским утром <...> мы приехали в Петербург. Мы заняли две крохотные комнатки; большую, обещанную нам, мы так никогда и не получили. В моей, похожей на коридор, комнатушке, где я спала на узенькой кушетке, оставалось место только для небольшого столика, на котором мы ели. Комната Макса была еще меньше – просто каюта с одним диваном. Письменным столом ему служил широкий подоконник. Через огромные окна открывалось серое петербургское небо. Но теснота меня не огорчала – что значит теснота, если прямо над нами боги справляют свои пиры!» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 145–146).

[9] Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

[10] А.В. Гольштейн еще в начальную пору знакомства и близкого общения Волошина с Вяч. Ивановым в Женеве нелестно отзывалась о человеческих качествах последнего. 10 августа (н.ст.) 1904 г. она писала Волошину: «Ваши ежедневные свидания с Ивановым меня не удивляют: это гибкий интересный ум. Для меня теперь совершенно непонятно, как некоторые стороны – наиболее привлекательные – этого ума уживаются в такой мещанской, скудной и.... гаденькой душонке» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 18–18 об.). В ответном письме от 22 января (н.ст.) 1907 г. Гольшейн замечала: «Проклинать Вас за личную приязнь к Вяч<еславу> Ив<анову> и не подумаю, потому что уверена, что Вы ничего в этом *главном* не понимаете и не поймете. Кроме того, если Вам приятно его любить, то мне то что? <...> из этого не следует, что Вы перестанете меня любить и не следует, что станете похожи на него, так что я Вас разлюблю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 23 об.).

[11] А.Н. Куропаткин, генерал от инфантерии, главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке (1904–1905 гг.). Жил в четвертом этаже на Таврической, 25.

[12] Имеются в виду генерал от инфантерии Н.П. Линевич и П.К. Ренненкампф, генерал от кавалерии.

[13] Ф.В. Дубасов, московский генерал-губернатор, дважды подвергался террористическому покушению за участие в подавлении Декабрьского восстания 1905 г. В данном случае речь идет о событиях 2 декабря (ст.ст.) 1906 г. в Таврическом саду.

[14] А.В. Тыркова-Вильямс, писательница, активный член кадетской партии.

[15] П.Б. Струве и его жена Нина (Антонина) Александровна Струве (урожд. Герд; 1869–1943), педагог. Об отношениях П.Б. Струве и Волошина см.: *Купченко В.П.* «Я его знаю давно и близко». М.А. Волошин и П.Б. Струве // Вестник русского христианского движения. 1993. № 167. С. 156–166.

[16] В.А. Гольцев, фактический редактор журнала «Русская Мысль» со дня его основания в 1880 г., умер 18 ноября 1906 г. П.Б. Струве возглавил издание «Русской Мысли» (вместе с А.А. Кизеветтером) с января 1907 г.

[17] А.В. Гольштейн в 1906 г. издала в Лондоне книгу рассказов о своем детстве «Serf Life in Russia: the Childhood of a Russian Grandmother».

[18] В.А. Гольштейн, Н.В. Семенова, А.В. Гольштейн, Каролина Яковлевна, А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова.

[19] С 1906 по 1913 г. К.Д. Бальмонт с семьей проживал в Париже, считал себя политическим эмигрантом. А.В. Гольштейн отвечала Волошину 22 января (н.ст.) 1907 г.: «К большому сожалению, с Бальмонтами не вижусь никогда. Не вышло. Всякий раз, как встречаю Ек<атерину> Алекс<еевну>, бываю рада, и мы дружески говорим, но она у меня не была, и я у нее не была, так и не вышло. Теперь у нее, кажется, большая девочка. – о “Кружке” ровно ничего не знаю, потому что никто из старых членов его там не бывает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 24).

[20] Имеется в виду Русский Артистический Кружок в Париже «Монпарнас». См. п. 2, примеч. 13, п. 51.

[21] Речь идет о выставке Exposition del Art Russe, устроенной в 1906 г. С.П. Дягилевым в Париже при Salon d'Automne, на которой были выставлены картины К.Ф. Богаевского. См. п. 101.

[22] Рене Гиль и его жена Анна-Алиса Гиль (урожд. Бланшон). См. п. 18, примеч. 3.

[23] Французский поэт и прозаик Садиа Леви был участником кружка русских художников в Париже «Монпарнас». В 1932 г. Воло-

шин занес его имя в список поэтов и писателей, взаимоотношения с которыми на протяжении всей жизни он считал наиболее ценными для себя. (См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 303).

[24] Имеется в виду стихотворный цикл Волошина «Руанский собор». См. п. 101, примеч. 5.

[25] Как следует из ответного письма А.В. Гольштейн, Волошин послал ей стихотворения «Полынь», «Земля», «Кровь», «Солнцу». А.В. Гольштейн резко раскритиковала Волошина и его стихотворения, что повлекло за собой определенное охлаждение в их отношениях почти на год: «С большим удовлетворением, но без радости прочла Ваши стихотворения и с огорчением фельетоны. Все это объясню. Стихотворения отличные. “Полынь”, “Земля” <...> “Кровь” пережить не могу, “Солнцу” – просто не люблю <...>». По мнению Гольштейн, эти стихи Волошина искусственны и несамостоятельны, написаны в результате «страшной впечатлительности», присущей поэту: «Косоротов, говоривший о “губке”, во многом был прав. Вспомните влияние Бальмонта, влияние Вяч. Иванова гораздо сильней. Вяч. Ив<анов> – жуткий, черствый деспот. Он, несомненно, чрезвычайно умен, умственное общение с ним, несомненно, в высшей степени обаятельно. Но его надо бояться. И “Солнцу”, и “Кровь” носят отпечаток деспотии Иванова. Зачем? Разве в душе поэта нет своих идей? Своих *совсем,* без остатка своих. Я думаю, что есть. <...> Несвойственный Вам словарный архаизм бросал на меня из этих стихотворений погребный холод. Вот почему читала без радости». А о стихотворении «Кровь» Гольштейн добавляла: «не люблю “сораспятия”, не люблю жажды кипения крови» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 22–22 об.).

105. А.М. ПЕТРОВОЙ

1 января 1907 г. Москва

Второй час 1907 года.

С Новым годом, дорогая Александра Михайловна.[1] Мне очень захотелось Вам написать сейчас, когда мы, встретив Новый год, разошлись по комнатам. Я вспомнил, как Вы мне как-то написали письмо под новый год ночью.[2]

Я пишу Вам из Москвы: мы сюда приехали вчера к родителям Маргариты Васильевны.

Как этот год был для меня богат и важен и внутренними, и внешними событиями.

Получили ли Вы от меня письмо со стихами о Руанском соборе и пачку моих фельетонов, посланную заказной бандеролью?[3]

Посылаю Вам еще два фельетона об Кузьмине <*так!*> и об Вячеславе Иванове. Это будет целая серия портретов. Теперь я пишу о Ремизове, потом о Сологубе и о Брюсове:[4] уже намечены и задуманы. Я хочу сделать потом общую книгу об современных поэтах.[5]

Накануне моего отъезда из Петербурга я познакомился с Суковым на вернисаже «Союза».[6] Надо признаться, что он мне не очень понравился со своей безапелляционной уверенностью и суждениями о предметах, ему совершенно неизвестных (я говорю о живописи).

И я заговорил с ним о Конст<антине> Федоровиче[7] и о том восторге, в который нас с Марг<аритой> Вас<ильевной> привели его альбомы. И только из его удивленного ответа я понял, как в сущности страшно одинок Конст<антин> Федор<ович>.[8]

Ведь только Вы одна понимаете его искание и можете поддержать его. Но Вы не имеете того авторитета в живописи, которому он мог бы безусловно поверить. Ведь рисунки его лучше его картин. Это настоящая серьезная работа не современного, а старого мастера. А этой работы теперь ни у кого нет. На выставке «Союза» это поражало — никто, никто серьезно не работает.

Ведь только он — он первый в современной живописи — во всей Европейской живописи понял это трагическое лицо пейзажа. И Суков говорил, что он его рисунки не очень одобрял, а что в картинах его есть кое-что недурное. Только краски ему не удаются, да работает он с натуры мало, а все от себя.

У! Ценители!!

Как я теперь каюсь в том, что я так мало его видел и так мало с ним говорил летом.

Мне хочется, страшно хочется написать об нем большую статью, чтобы заставить на него смотреть, заставить его це-

нить. Но для этого мне надо иметь его альбомы перед глазами. А я не знаю, когда я попаду в Коктебель, потому что, вероятно, этой весной мы поедем в Мюнхен на теософский съезд.[9] Меня, между прочим, совершенно неожиданно и против всяких правил, т<ак> к<ак> я не член общества, выбрала германская группа распорядителем съезда. Кроме того, после съезда Штейнер будет читать курс для своего кружка в горах. Так что мы хотим непременно ехать.

«Так что лето мы проведем, по всей вероятности, в Тироле или в Северной Италии.

А на зиму, попозже, вернемся в Петербург.

Я теперь захвачен полосой работы. Мои литературные фельетоны имеют успех, очень читаются.

«Ярь» Городецкого благодаря моей статье сразу разошлась в Петербурге.[10] А моя статья «Театр — сонное видение» вызвала целую бурю.[11] Петербургские театральные критики почувствовали себя лично оскорбленными и чуть ли не собирались меня побить. Такого успеха я совершенно не ожидал.

Вот мои последние стихи:

Кровь

В моей крови — Слепой Двойник.
Он редко кажет дымный лик —
Тревожный, вещий, сокровенный.
Приникнул ухом...
                    Где ты, Пленный?
И мысль рванулась... и молчит.
На дне глухая кровь стучит.
Стучит-бежит... стучит-бежит...
Слепой огонь во мне струит.
Огонь иной, чем пламень звезд,
В нем память темных, старых мест,
В нем пламень черный, пламень древний,
В нем тьма горит, в нем света нет.
Но он властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.

Слепой Двойник, мой пращур пленный.
Носитель мне невнятных грез.
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душные принес?
Зачем во тьму кровосмешений
К соприкасанью алых жал
Меня — Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?[12]

Солнцу

Святое Око Дня — тоскующий Гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты — всезрящее — покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы — к тебе, истоку дня:
Земля — свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте.[13]

Для уяснения смысла этих стихотворений я должен сказать, что человек древнее земли и жил раньше на других планетах и что кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца, и что Солнце оторвалось от нее. Поэтому кровь не должна никогда видеть солнца.

Кровь знает больше человека и помнит сокровенные тайны мироздания. Черная Магия была этим древним знанием крови.

Оно хранилось в человечестве, пока были браки в одной семье — кровосмешение. Но когда надо было закрыть этот источник знания, то кровосмешение стало преступление<м>. Но преступившие получали знание. Поэтому по древнему мифу — Эдип — кровосмеситель. Остальное понятно из этого.[14]

До свиданья, Алекс<андра> Мих<айловна>. Кланяйтесь Кон<стантину> Фед<оровичу>.

Кати Латри[15] я не видал еще. Она ко мне не приходила, а я в эти дни праздников не успел забежать к ней.

Пишите мне по старому адресу: 25. Таврическая. До 10 января же Москва. Поварская, д<ом> Милорадовича, кв. Сабашникова.

М. Волошин.

[1] См. примеч. 1 к п. 104.

[2] Речь идет о письме Волошина к А.М. Петровой от 14 декабря 1906 г. См. п. 101.

[3] См. примеч. 8, 9 к п. 100. А.М. Петрова в ответном письме от 28 января 1907 г. писала Волошину о своих впечатлениях: «С радостью и удовлетворением прочла Ваши разборы (“Лики Творчества” и др.). Меньше мне понравились об Эросе и о Кузмине. Вы сами еще слишком полны были этими вещами, чтобы поведать о них публике. Может быть, ошибаюсь» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 10—10 об.).

[4] Речь идет о статьях Волошина, которые в составе цикла «Лики Творчества» были опубликованы в «Руси» в 1907 г.: «Алексей Ремизов. “Посолонь”» (№ 95, 5 апреля), «Федор Сологуб. “Дар мудрых пчел”. Трагедия в пяти действиях (“Золотое Руно”)» (№ 152, 14 июня) и «Валерий Брюсов. “Пути и перепутья”. Том I собрания стихов, издат. “Скорпион” 1908» (№ 348, 29 декабря) (См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 76—82, 110—123).

[5] Об этом замысле Волошин сообщал также в письме к А.В. Гольштейн. См. п. 104, примеч. 7.

[6] Волошин был на открытии вернисажа Союза русских художников в Петербурге в Академии художеств 27 декабря 1907 г.

[7] К.Ф. Богаевский.

[8] А.М. Петрова отвечала в открытке, отправленной 6 января 1907 г.: «Как меня радует, что Вы так близки к Костеньке. Нужно убедить его переслать альбомы Вам, о чем немедленно похлопочу. Напишите и Вы ему об этом, а то не ручаюсь, что решится» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 3). А 28 января 1907 г. она сообщала Волошину: «Костенька написал Вам. И альбомы послал. И этому без конца радуюсь. Только смотрите: не зачаруйте. Оставьте ему простор. Не нужно спешить, чтобы его поняли. Вы сами правы, что его сила в его одиночестве» (Там же, л. 11).

[9] Теософский конгресс в Мюнхене прошел в мае — июне 1907 г. Р. Штейнер в рамках конгресса с 22 мая по 6 июня (н.ст.) прочел 14 докладов под общим заглавием «Теософия розенкрейцеров». Волошин и М.В. Сабашникова участия в конгрессе не принимали.

[10] Речь идет о первом сборнике С. Городецкого «Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические». (СПб.: Кружок молодых, 1907. Обложка Н.К. Рериха, фронтиспис Л.С. Бакста, марка издательства и концовка М.В. Добужинского). О статье Волошина см. п. 100, примеч. 8.

[11] См. п. 100, примеч. 4. В письме к М.В. Сабашниковой от 18 декабря (ст.ст.) 1906 г. Волошин пересказывал реплику жены А.А. Суворина об этой статье: «Ну, знаете, Ваш фельетон возбудил такие страсти, что если бы Вы прошлое воскресенье пришли к нам, то я не ручаюсь, чтобы Вас не побили. Теперь только об нем и говорят. И театральные рецензенты в полном составе считают себя лично оскорбленными им...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112).

[12] Стихотворение Волошина «Кровь». См.: Т. 1 наст. изд. С. 77, 458–459.

[13] Стихотворение Волошина позже получит название «Солнце» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 79, 459). А.М. Петрова отозвалась о присланных стихотворениях в письме к Волошину от 28 января 1907 г.: «Как какой-нибудь шквал налетели Ваши последние стихотворения (Кровь, Солнцу и Полынь). И потом как раз тогда, когда и я была в периоде сильнейшего духовного брожения. <...> И Вам, и особенно Маргарите Васильевне я не говорю, а хочу кричать: бросьте! Если душа сама до чего доходит, то она радуется, ибо открывает по мере сил, творит гармонично. Но Ваше слушание лекций и еще того хуже – книги, проклятые книги, – ведь, это насилие! Если вино было дано некогда, чтобы притупить остроту сознания, то книги в наше время вдвое овладевают и порабощают, и затемняют, затемняют радость бытия. <...> от Ваших стихотворений я в экстаз пришла. Браво! браво! Дорого то, что Вы заговорили наконец, как *СЫН*, непосредственный, кровный отпрыск. <...> Бесконечно радуюсь, что Вы приобщились, наконец, к России». Далее Петрова излагала отзыв К.Ф. Богаевского: «Он был в редком, глубоком восторге от Ваших стихотворений (которые мне все хочется назвать гимны). И просил передать Вам, что это именно то, что он всегда чувствовал. Он как-то особенно радовался им, особенно "Солнцу" и "Полыни". Видно, как Вы родственны друг другу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 8–8 об., 10 об.–11 об.).

Стихотворение «Полынь» («Звезда полынь»; «Костер мой догорал на берегу пустыни...»), в тексте письма отсутствующее, возможно, прилагалось на отдельном листе или было переслано Петровой в недошедшем до нас письме. В январе 1907 г. Волошин еще раз писал Петровой. Подтверждение этому находим в той благодарности, которую Петрова высказывает в недатированном письме к Волошину за участие в судьбе Кати Латри: «Милый, милый! Очень, очень я

обрадовалась, что Вы так сочувственно отнеслись к Кате. Спасибо!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 6).

[14] Эти теософские воззрения, восходящие к Р. Штейнеру («Aus der Akasha-Chronik», 1904), были сообщены Волошину А.Р. Минцловой. В письме к М.В. Сабашниковой от 12 ноября (ст.ст.) 1906 г. он вкратце пересказывал их: «Она успела мне только сказать, что у крови есть связь с Сатурном. Она возникла там. При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете. <...> Кровь знает больше человека. От ужаса крови человек может умереть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111).

[15] Е.Н. Латри. В открытке от 6 января 1907 г. Петрова сообщала новый ее адрес: Пески, д. 6, кв. 3 (пропущено название улицы; Пески — обиходное название городского района), а позже в письме от 2 марта (ст.ст.) 1907 г. писала: «Что Катя? Она очень и очень довольна тому, что попала в Ваш круг, и я очень рада за нее. Понравилась ли она Марг<арите> Вас<ильевне>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 13 об.).

106. В.Я. БРЮСОВУ

23 января 1907 г. Петербург[1]

Таврическая 25.

Дорогой Валерий!

Пишу Вам со специальной целью унизить Вас. Стыдитесь: Вы уже стали классиком, которого изучают в гимназиях.

На днях ученицам 6-го класса Стоюнинской гимназии[2] задано сочинение на тему: «Взгляды Валерия Брюсова на русско-японскую войну по его стихотворениям, помещенным и книге «Στέφανος».

Стоюнинские гимназистки теперь ищут «Венок»[3] по всем книжным магазинам и у всех знакомых. Таким образом весть об этом дошла и до меня, а я спешу передать ее Вам.

У нас на верхушке башни (откуда выселился Городецкий, а мы вселились на его место)[4] идут события: арестованы «33 урода» в количестве *333* (!!) экземпляров, изъято из

обращения 333 соблазна для публики,[5] что служит явным предостережение<м> о судьбе «Трехсот тридцати трех соблазнов — Posae Veneris» и 33-х стихотворениях, составляющих «Эрос».[6]

Вообще мы находимся в каком-то мистическом кружении Звериного числа,[7] что не предвещает ничего доброго.

Из Парижа приходят слухи (а Париж специально следит за тем, что происходит в башне, и знает все раньше, чем Петербург),[8] что скоро в башне будет произведен descente de la police,* но уже не с политической целью,[9] а с иной. Если прибавить к процессу о «33-х уродах» то, что Маргарита Васильевна тоже обвинялась уже раз в оскорблении нравов своей картиной «Г-жа Кошка», которая была снята с выставки по приказанию полиции,[10] а что Комитет иност<ранной> цензуры при осмотре моей библиотеки, прибывшей из Парижа, задержал несколько изданий и документов, свидетельствующих о моей принадлежности к одной из парижских масонских лож, и что на днях в «Вертог<ра>де Житейском» должна появиться большая статья Городецкого об «Эросе» с точки зрения уранической любви,[11] и что моя мать, живущая вместе с нами, ходит обыкновенно в мужском костюме, и что наша новая кухарка где-то в провинции только что обварила кипятком свою соперницу в любви и скрылась в Петербург, не зная ничего о последствиях своего деяния, то нельзя отрицать того, что парижские инсинуации имеют под собой почву и что мы можем ожидать всяких интересных и неожиданных эпизодов в нашей мирной надмирной[12] и затворнической жизни.

А пока до свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 23.I.07. Получено в Москве 24 января.

[2] Частная женская гимназия М.Н. Стоюниной в Петербурге (Кабинетская ул., 20), основанная известным педагогом и историком русской литературы В.Я. Стоюниным; имела репутацию передового учебного заведения. Русскую литературу в ней с 1904 г. преподавал Владимир Васильевич Гиппиус (1876—1941) — поэт, один из

* Полицейский налет *(фр.)*.

участников символистского движения 1890-х гг., а также известный педагог, служивший, кроме того, и в Тенишевском училище.

[3] «Στέφανος. Венок. Стихи 1903–1905 года» (М.: Скорпион, 1906) – книга Валерия Брюсова, вышла в свет в конце декабря 1905 г.

[4] Волошин с женой переселились на «башню» к Вяч. Иванову сразу же после возвращения из Москвы – около 13 января 1907 г. Об отношениях Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал в 1906 г. с С.М. Городецким, который был избран ими для «духовно-душевно-телесного» союза, предназначенного явиться прообразом некоего грядущего всеобщего, «хорового» начала, соединяющего людей, см. в примечаниях О.А. Дешарт в кн.: *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 756– 764; также: *Богомолов Н.А*. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. С. 241– 242; *Богомолов Н.А*. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. С. 199–204.

[5] Повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» (СПб.: Оры, 1907) после выхода в свет (16 января 1907 г., согласно дневниковой записи М.А. Кузмина: *Кузмин М*. Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 308) была 23 января изъята из продажи по обвинению в безнравственности (см.: Перевал. 1907. № 4, февраль. С. 59; ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 496–497). Арест с книги Зиновьевой-Аннибал в феврале 1907 г. был снят (см.: Перевал. 1907. № 5, март. С. 48).

[6] Имеется в виду стихотворение Вяч. Иванова «Veneris figurae» («Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда...»), которое тогда печаталось в «Весах» (1907. № 1. С. 16); в книгу Вяч. Иванова «Cor ardens» (Т. I. М.: Скорпион, 1911) вошло под заглавием «Узлы Змеи». Еще до выхода стихотворения из печати Вяч. Иванов читал его в кругу близких литераторов, в частности – у Блока 12 января 1907 г.: «Вяч. Иванов <...> прочел стихотворение про 666 положений при любовных занятиях», – сообщал на следующий день А.А. Кондратьев С.А. Соколову (ЛН. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 268). См. также примеч. 9 к п. 100.

[7] Образ из Апокалипсиса: «Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр. XIII, 18). Это число, по мнению средневековых теологов (Беды Достопочтенного, Альберта Великого и др.), содержит в себе тройственное и окончательное отречение от Бога.

[8] Упоминание о «слухах» из Парижа представляет собой, скорее всего, шуточную мистификацию. Здесь и далее в письме нашла

свое отражение игровая, артистическая, эзотерически-маскарадная атмосфера, которой был подчинен быт на «башне» Вяч. Иванова.

[9] Имеется в виду обыск на квартире Вяч. Иванова, произведенный в ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. См. хроникальную заметку об этом в «Золотом Руне» (1906. № 1. С. 14), заметку Д.В. Философова «Конституционная идиллия» (Народное хозяйство. 1905. № 13, 30 дек. С. 3), а также мемуары Вл. Пяста «Встречи» (М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 76–79, 294–295 – коммент. Р. Тименчика). Жертвой обыска оказалась мать Волошина Елена Оттобальдовна, гостившая в декабре 1905 г. в Петербурге и познакомившаяся там с Вяч. Ивановым. «Вывернув карманы у трех-четырех десятков людей, охранка под утро отпустила всех по домам, – вспоминает Конст. Эрберг. – Арестован был лишь один человек – мать поэта Волошина. Тонкие психологи охранки решили, что для крупного преступника лучший способ укрыться и быть незамеченным – это носить экстравагантный костюм (по своему обыкновению Волошина была в мужской одежде). На следующий же день она была отпущена» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 129).

[10] См. п. 25, примеч. 4.

[11] Статья С. Городецкого, содержащая анализ книги Вяч. Иванова «Эрос», нам неизвестна. Позднее Городецкий опубликовал статью «Три поэта» (Перевал. 1907. № 8/9, июнь–июль. С. 86–89), посвященную творчеству Брюсова, Вяч. Иванова и Бальмонта. Понятие «уранической любви» восходит к греческим представлениям о двух Афродитах – Афродите Урании (Небесной) и Афродите Пандемос (Всенародной, Низкой). В «Пире» Платона (181 cd) Афродита Небесная характеризуется как покровительница любви к юноше, в прекрасном теле которого воплощена высшая красота (см.: *Платон.* Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 107). В сходной тональности и мифологизированном ключе Вяч. Иванов стремился воспринимать свои переживания, вызванные общением с Городецким, что нашло непосредственное отражение в книге «Эрос» и, в частности, в стихотворении «Вызывание Вакха».

В журнале «Перевал» было напечатано сообщение: «Как мы слышали, в Петербурге предполагается новый журнал “Житейский Вертоград” под ред. С. Городецкого» (1907. № 3, январь. С. 51). Однако названное издание не состоялось. «Вертоград житейский» – скорее всего, метафорическое обозначение «башни», по аналогии с названием издательства «Оры», имевшего на «башне» свой организационный центр. Вертоград – сад; Оры (Горы) – в греческой мифологии богини времен года, три дочери Зевса и Фемиды: Ауксо –

божество роста, Талло — божество цветения, Карпо — божество зрелого плода. Составной частью марки-эмблемы издательства «Оры» был венок из цветов; первый коллективный альманах, выпущенный издательством «в складчину» — т.е. средствами участвовавших в нем авторов, связанных с «башней» (см. письмо Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к В.К. Шварсалон от 24 марта 1907 г. // ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 274—275), — назывался «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907) и открывался посвятительным стихотворением Вяч. Иванова «Оры, щедрые Оры, с весеннею полной кошницей...».

[12] Намек на «башню» Вяч. Иванова: квартира располагалась на шестом, последнем этаже углового дома (на углу Таврической и Тверской улиц), увенчанного круглой башней-куполом; сверху, из окон открывался вид на Таврический сад и далее.

107. А.М. РЕМИЗОВУ

1 февраля 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Маргарита Васильевна чувствует себя сегодня плохо[2] и прийти не может.

Просит известить, что придет завтра.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по ответному письму Ремизова от 1 февраля 1907 г., в котором он приглашал Волошина вместе пойти на Вечер искусств в «Кружке молодых», где А.А. Блок читал драму «Незнакомка» (Труды и дни. С. 174): «Дорогой Максимилиан Александрович! Если Вы пойдете сегодня в университет, то хорошо бы вместе. Не знаю, когда там начало: наверное, в 8. Вот мы, Господи Благослови, около 8-и и пошли бы. Зайдите, если охота будет. Хочет идти СП <С.П. Ремизова. — *Ред.*>, может вдвоем нам бы удалось легче ее провести. Маргариту Васильевну жду завтра» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 3).

[2] М.В. Сабашникова с момента приезда в Петербург постоянно недомогала, об этом не раз писал Волошин к своим корреспондентам (см. п. 104), а сама Сабашникова вспоминала: «Я тогда страдала непонятным для врачей упадком сил <...>» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая Змея: История одной жизни. М., 1993. С. 155).

[3] Визиты Сабашниковой к Ремизову в феврале 1907 г были связаны с ее работой над портретом писателя. Об этом в своих вос-

поминаниях Сабашникова писала: «Один художественный журнал заказал мне портреты Ремизова и Кузмина. Я рисовала углем Ремизова, кутающегося в свой платок, с его висячими чертиками на заднем плане — в манере натуралистического гротеска <...>» (Там же. С. 157). Упоминаемые Сабашниковой портреты были заказаны «Золотым Руном», однако позже отвергнуты Н. Рябушинским. Об этом см. дневник Волошина «История моей жизни» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 253). Впервые портрет А.М. Ремизова работы Сабашниковой опубликован в Т. 1 собрания его сочинений (в 8 т.), вышедшем в декабре 1910 г. В настоящее время портрет Ремизова работы Сабашниковой хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

108. В.Я. БРЮСОВУ

23 или 24 февраля 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий!

Т<ак> к<ак> я приеду в Москву только на 2 дня для чтения своей лекции в Худож<ественном> кружке и не уверен, успею ли я увидать Вас, то пожалуйста — будьте во вторник в клубе. Мне бы очень хотелось и видеть Вас и чтобы Вы выслушали эту лекцию «Пути Эроса». Это опыт оккультного комментария к Συμπόσιον.[2] Я приеду в понедельник[3] и остановлюсь у Сабашниковых на Поварской, д<ом> Милорадович. Быть может, можно увидеться в «Скорпионе», во вторник, около 5 часов? Скажите мне по телефону (33—36).

До свиданья.

М. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 25.2.07.

[2] Во вторник 27 февраля 1907 г. газета «Русские Ведомости» (№ 46) сообщала, что в этот день состоится «18-е собеседование членов литературно-художественного Кружка, со вступлением в беседу М.А. Кириенко-Волошина на тему “Пути Эроса”, в помещении “Кружка” (Большая Дмитровка, д. Востряковых), в 9 ч. вечера». «Συμπόσιον» — «Пир», диалог Платона, опытом «мистического комментария» к которому было выступление Волошина. См. текст до-

клада и комментарии к нему: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 208–235, 825–837. 8 марта 1907 г. Брюсов писал К.И. Чуковскому: «О лекции Макса Вы, вероятно, слышали. Мое впечатление: “глупо”. Со стороны Макса глупо, что он *это* читал *этим*. Со стороны же публики было глупо *все*, что они говорили» (Контекст-2008. Историко-литературные и теоретические исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 333).

[3] 26 февраля.

109. А.М. ПЕТРОВОЙ

12 марта 1907 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Наши планы так меняются и перестраиваются, что когда я прочел в Вашем письме, чтобы я познакомился в Мюнхене с пастором, то я сперва ничего не понял: «Как, я и в Мюнхен собирался ехать?»[2] Это было так давно...[3]

Теперь я еду в Коктебель, Александра Михайловна, и в конце марта буду у Вас.[4] Еду с мамой. Марг<арита> Вас<ильевна> остается пока в Царском Селе, а после едет раннею весною в Смоленскую губ<ернию> к себе в деревню, где будет жить с Вяч<еславом> Ивановым[5] и куда я приеду позже летом.[6] В Коктебель она в этом году не решается приехать, т<ак> к<ак> и море, и ветер, и горы слишком тревожат ее и не дают покоя, и сейчас ей <это> не вынести.[7] Я же жажду уединенной работы и горного одиночества.

Мне очень хочется видеть Вас, и я надеюсь, что Вы приедете-таки к нам в этом году, т.е. ко мне, потому что я очень хочу уединенных бесед с Вами в горах.

Лекцию свою я привезу с собой, чтобы ее отделывать,[8] а также и все рассказы, и новости об себе и других. А пока до свиданья в Феодосии.

М. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю оправления: Санкт-Петербург. 12.03.07. Получено в Феодосии: 16 марта.

[2] О намерении Волошина и М.В. Сабашниковой ехать в Мюнхен см. п. 105. В письме от 2 марта 1907 г. А.М. Петрова спрашивала: «Когда в Мюнхен? Хочу предложить Вам опять одно сватовство: там

живет бывший цюрихтальский пастор Льготский, очень сильная и очень интересная личность. Ему о Вас уже успела я доложить через Финочку Богаевскую, и он интересуется познакомиться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 12 об. – 13).

[3] В феврале 1907 г. отношения между Волошиным и М.В. Сабашниковой осложнились вследствие взаимного влечения Вяч. Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и М.В. Сабашниковой. Хроника событий, связанных с переживаниями Волошина, представлена в кн.: Труды и дни. С. 173–182. В общих контурах история отношений между Волошиными и Ивановыми в это время изложена самой М.В. Сабашниковой в книге воспоминаний «Зеленая Змея: История одной жизни» (М.: Энигма, 1993) и непосредственно зафиксирована в дневнике Волошина «История моей души» (См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С 251 – 266). См. также: письма Вяч. Иванова к Сабашниковой (Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 159–161. Публ. Г.В. Обатнина); *Богомолов Н.* Из оккультного быта «Башни» Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 1997. Vol. XVI. № 2. С. 207–220.

[4] Результатом драматически напряженных отношений между Волошиным и М.В. Сабашниковой в этот период стало его решение на время расстаться с женой. Волошин уезжает из Петербурга с Е.О. Кириенко-Волошиной 19 марта 1907 г. в Москву, затем 20 марта – в Крым. (См.: Труды и дни. С. 178). См. также п. 111, примеч. 5.

[5] Свое пребывание в Царском Селе М.В. Сабашникова описала в мемуарах «Зеленая Змея: История одной жизни» (С. 163).

[6] Лето 1907 г. Ивановы и М.В. Сабашникова планировали провести в имении Сабашниковых Богдановщина близ станции Издешково Московско-Брестской железной дороги. Этим планам не суждено было реализоваться. В воспоминаниях М.В. Сабашникова, рассказывая об этом, называет себя в третьем лице: «Когда ночная скиталица явилась в добропорядочный родительский дом, она почувствовала себя по чести обязанной объяснить матери обстоятельства своей семейной жизни: она больше не расстанется с Ивановыми, Вячеслав ее любит, а Макс и Лидия согласны. Мама пришла в неописуемый ужас. Она заявила, что я уйду к Ивановым только через ее труп, и она была в таком состоянии, что можно было в это поверить. Я написала Ивановым, они немедленно ответили, что при таких обстоятельствах они, само собой разумеется, в Богдановщину не поедут; они наймут помещение в имении в одной из западных губерний и там всегда будут рады меня видеть. Тем временем их дети вместе со своей воспитательницей вернулись из Женевы в Петербург» (Там же. С. 164–165).

[7] Позднее эти планы изменились (см. п. 125).

[8] Имеется в виду лекция Волошина «Пути Эроса», которую он читал в 14 февраля на «среде» у Вяч. Иванова, а затем 27 февраля в Московском Литературно-Художественном кружке. (Труды и дни. С. 175, 176). См.: Т. 6, кн. 2. наст. изд. С. 208–235, 825–837. А.М. Петрова в письме от 2 марта 1907 г. спрашивала Волошина: «Что деточка замолчала? Вчера от бабушки узнала, что едете в Москву лекцию читать. Где будет напечатана?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 12).

110. В.Ф. БОЦЯНОВСКОМУ

Январь – март (?) 1907 г. Петербург

Многоуважаемый Владимир Феофилович!

Оставляю Вам стихи Бальмонта и 2 рассказа, которые их авторы почему-то сочли нужным прислать на мое имя для передачи в «Русь».[1]

М. Волошин.

[1] В.Ф. Боцяновский в 1903–1908 гг. заведовал отделом критики в газете «Русь». О каких рассказах идет речь, неясно. В первой половине 1907 г. в Иллюстрированном приложении к «Руси» были напечатаны стихотворения К.Д. Бальмонта «Зов Беовульфа» (№ 2. С. 21), «Усни» и «Взводень» (№ 10, 6 марта. С. 181, 183), «Темным» (№ 11, 13 марта. С. 191), «Крылья» (№ 13, 30 марта. С. 215), «Приметы» (1. «Пред дождем»; 2. «Меняющийся одуванчик») (№ 14, 6 апреля. С. 229), «Храм» (№ 15, 13 апреля. С. 239), «Туманный конь» (№ 16, 16 апреля. С. 253), «Лен» (№ 21, 2 июня. С. 311).

111. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

21 или 22 марта 1907 г.[1]

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель.
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре,
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях́.
Я коснусь ногою звонкой острых щебней безлесных гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,

Завернусь я в бледный саван холодеющего песка.
Обовью я чобром, мятой и полынью свою главу...
Здравствуй ты в весне распятый, мой таинственный Коктебель![2]

Вот еще одно стихотворение для «Звезды Полыни»[3] — если ты найдешь его достойным, Вячеслав. Им можно начать отдел «Stella amara». Тогда «Полынь» будет идти после него.[4] Но предоставляю тебе полное право решить. Пишу в поезде где-то между Орлом и Курском.[5] Может, ты найдешь нужным и в самом стихотв<орении> что-нибудь изменить? Привет Лидии.[6] Поезд идет убийственно медленно, и я жду не дождусь Коктебеля. Я отправил тебе открытку из Москвы.[7] До свиданья. Я очень люблю тебя.

Максимилиан.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Курск. 22.3.07; Петербург. 23.3.07.

[2] Опубликовано в журнале «Золотое Руно» (1907. № 4) в составе цикла «Terre antique», в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М., 1910) — в составе цикла «Киммерийские сумерки». В опубликованном тексте — с делением на два четверостишия; варианты: ст. 5 — «Припаду я к острым щебням, к серым срывам размытых гор»; ст. 7 — отсутствует; ст. 8 — «Обовью я чобром, мятой и полынью свою главу...». См.: Т. 1 наст. изд. С. 89.

[3] См. примеч. 5 к п. 103. Ко времени отправления письма верстка книги Волошина уже была подготовлена в издательстве «Оры».

[4] Стихотворение «Полынь» («Костер мой догорал на берегу пустыни...», декабрь 1906 г.) в верстке «Звезды-полыни» открывает второй раздел «Stella amara». Оно было впервые опубликовано под заглавием «Коктебель» в иллюстрированном приложении к газете «Русь» 6 февраля 1907 г.; в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910» — первое в цикле «Киммерийские сумерки». См.: Т. 1 наст. изд. С. 88.

[5] 19 марта Волошин вместе с матерью выехал из Петербурга в Москву, вечером следующего дня они отбыли из Москвы в Феодосию, куда прибыли утром 23 марта. Отъезд Волошина в Коктебель был вызван в значительной мере попыткой разрядить напряженность во взаимоотношениях, сложившихся на «башне» между ним, М. Сабашниковой, Вяч. Ивановым и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (см. его записи в «Истории моей души» за период от 1 марта до 11 марта

1907 г.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 251–266). М. Сабашникова вспоминает: «Весной мать Макса, горячо участвовавшая в нашей жизни, впала в меланхолию <...>. Она решила вернуться в Коктебель <...>. Макс не хотел отпустить ее в таком состоянии одну и поехал с ней. Может быть, он – фанатик свободы! – считал, что он должен предоставить мне полную свободу решений?» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)*. Зеленая Змея: История одной жизни. С. 162). См. также: *Лавров А.В.* Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин в 1907 г. (Эпистолярные иллюстрации) // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 143–161.

[6] Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

[7] Эта открытка, по всей вероятности, не сохранилась.

112. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

26 марта 1907 г. Коктебель

Понедельник 26 марта.

Дорогой Вячеслав!

Три дня я в Коктебеле. Три дня не ослабевает и не утихает буря. На всем пространстве залива море пенится и клубится.

Ураган колотит в двери и вырывает их из рук. По утрам я сражаюсь с неприступными поленьями; пилю, колю, ношу и топлю ими свою комнату, но это повышает только температуру во мне, а не вне меня, и жизни интеллектуальной я могу предаваться у себя в комнате только закутавшись в шубы, пледы и одеяла.

Только одна гимнософистика[1] поддерживает меня и согревает в этой бесплодной борьбе со стихийными проявлениями мира.

Тем не менее я все-таки написал сонет о Диане де Пуатье. К «Звезде Полыни» он совершенно не подходит. Поэтому, прочтя его, передай пожалуйста Георгию Ивановичу для Невского Альманаха (я адрес его забыл).[2]

Кроме того я исправил стихотворение о Коктебеле, что я послал тебе на открытке с дороги.[3] Теперь оно в окончательном виде, и я думаю, его можно включить в книгу.

Послал ли ты рукопись Ан<не> Руд<ольфовне>? Я здесь еще ни от кого, кроме нее, не имел известий.[4]

Холод и ветер мешают мне наслаждаться моим одиночеством и предаваться как следует работе.

Но когда наступит тепло, я буду вполне счастлив.

До свиданья. Жду вестей с башни и из Царского.[5]

Целую Лидию.[6]

Максимилиан.

P.S. Не приходили ли посылки с книгами на мое имя? Переправлены ли они по моему адресу?

[1] Гимнософистами (дословно: «нагие мудрецы») греки называли индийских философов-аскетов. См. жизнеописание Александра Македонского (LXIV) у Плутарха (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. II. С. 441–442).

[2] Речь идет о Г.И. Чулкове и комплектовавшемся им «петербургском альманахе» «Белые ночи» (СПб., 1907); в дневниковой записи М. Кузмина от 13 марта 1907 г. этот альманах упоминается под предварительным заглавием «Нева» (*Кузмин М.* Дневник 1905–1907. СПб., 2000. С. 333). В альманах «Белые ночи» (вышедший в свет в июне 1907 г.) сонет «Диана де Пуатье» не был включен, впервые опубликован в журнале «Русская Мысль» (1907. № 6), вошел в книгу Волошина «Стихотворения. 1900–1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 30.

[3] См. п. 111, примеч. 2.

[4] Письмо от А.Р. Минцловой было получено Волошиным в Коктебеле 24 марта. О получении рукописи от Вяч. Иванова Минцлова сообщила Волошину в письме из Москвы от 25 марта (Труды и дни. С. 178, 179).

[5] В Царском Селе (в Свято-Троицкой санатории) с 16 марта до 29 марта жила М. Сабашникова.

[6] Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

113. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

3 апреля 1907 г. Коктебель[1]

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин...
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Зубчатых гор трагический венец
В пытливых сумерках таинственно печален.
Чьей темною тоской мой вещий дух ужален
Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей как прежде звонки щебни,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов...

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отверженных богов
Глядят и требуют... зовут неотвратимо.[2]

Вот последнее мое стихотворение. Быть может, ты его тоже найдешь возможным включить в Звезду-Полынь,[3] Вячеслав? Очень жду звука твоего голоса. Целую Лидию.[4]

До свиданья.

Максимилиан.
Коктебель. 3 апреля. 1907.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 3.4.<07>; Петербург. 6.4.07.

[2] Впервые опубликовано в составе цикла «Киммерийские сумерки» в альманахе «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907), в книге Волошина «Стихотворения 1900—1910» — в составе одноименного цикла. Варианты опубликованного текста: ст. 5—7 — «Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец / В зеленых сумерках таинственно печален. / Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?»; ст. 13 — «И лики темные отвергнутых богов». См.: Т. 1 наст. изд. С. 90. Второе стихотворение Волошина, вместе с приведенным составившее цикл в «Цветнике Ор», — «Старинным золотом и желчью напитал...». 3 мая 1907 г. Вяч. Иванов писал Волошину: «Я ни в чем не виноват перед тобой <...> — кроме произвола, выразившегося в наименовании твоих двух сонетов “Киммерийскими Сумерками” (мне очень нравится это соединение и кажется соответственным и выразительным), и, быть может, отчасти произвольного выбора той редакции их из многочисленных твоих вариантов, которая представляется мне наиболее безупречною формально. За это прости дружески» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 155. Публ. Г.В. Обатнина).

[3] См. примеч. 5 к п. 103.

[4] Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

114. А.Р. МИНЦЛОВОЙ

10 апреля 1907 г. Коктебель

Вторник 10 Апреля 1907.

Коктебель.

Милая, дорогая Анна Рудольфовна, я получил Ваше письмо от 6-го (пятница).[1]

Оно меня волнует и вдохновляет. Я это непременно напишу. Я чувствую это. Но мне надо больше знать. Напишите мне больше, напишите мне сколько возможно о возникновении стихий жизни на разных планетах.

Сатурн – кровь и звуки. Солнце – зрение и? Луна – пол и?

Какая сила готовится на Вулкане? Я все смутно предчувствую, все смутно вижу. Мне достаточно намека, одного слова, и вокруг него все станет собираться и формироваться.

Анна Рудольфовна, приезжайте в Коктебель теперь же.[2] Вам надо отдохнуть, побыть в одиночестве, в тишине, около моря в горах. Это надо теперь же.

Я не верю, что светильник может угаснуть случайно, от физических причин – *Ваш* светильник. Вы не можете уйти, не совершивши всего до конца. Для других могут быть случайности, но не для *Вас.*

Но и Вы *не должны* безрассудно жечь фитиля, потому что он драгоценен.

Если Вы приедете в Коктебель теперь, когда никого нет из людей, то это даст Вам глубокое отдохновение и великой запас сил. Коктебель не успокаивает. Он тревожит, требует, но укрепляет и целит. Здесь душа проходит крещение горных трав – ароматных, горьких и суровых. Камни пахнут этими пустынными травами, точно в запахе этих трав их сознание.

*

Эта неделя для меня была днями напряженного беспокойства. Благодаря какой-то почтовой путанице все мои письма, адресованные Аморе,[3] возвращались из Петербурга в Коктебель с надписью «выехала в Феодосию», а сама она в

течение 10 дней молчала, не получая от меня писем. Я телеграфировал Вячеславу, но не получил ответа.[4]

Сегодня, наконец, я получил письмо от нее, где она пишет, что не получила еще ни одного письма от меня и недоумевает.[5]

Это ежедневное ожидание было невыносимо и парализовало всякую мысль. Теперь я понял, что нет ничего более гибельного для духа человеческого, чем ожидание. Поэтому знанье будущего замкнуто для нас...

Еще одно горькое знание воплощенья прибавилось во мне.

Я чувствую, что ближайший путь мой — это испытующий меня путь воплощений, мне раньше совсем неведомых. Я ведь не знал тогда до весны 1905 года в Париже, что есть «ожидание», «разлука», «болезнь», «боязнь потерять», «обида».[6]

Теперь все это подымается на меня и смотрит мне в глаза. Смогу ли я сохранить свое радостное спокойствие...

Я молился о воплощении — оно дано. Я молился о *своей* боли — она есть. Но я верю, что я преодолею их, и они действительно будут радостными дарами моего человечества.

*

Вот единственное стихотворение, написанное в эти смутные дни ожиданий. Оно навеяно «Гротом Нимф» Порфирия.[7]

В прошлом письме Вы получили верно два моих других сонета.[8]

Я излюбил теперь эту форму.

Пещера Нимф.

О странник-Человек! Познай священный Грот
И надпись скорбную «Amori et Dolori»*
Из бездны хаоса грез огненное море
В Пещеры Времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход.
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадет к божественной Амфоре
Где тайной Эроса хранится вещий мед.

---

* Любовь и боль *(ит.)*.

Отмечен *Вход Людей* оливою ветвистой...
В пещере влажных Нимф таинственной и мглистой
Где вечные ключи рокочут в тайниках

Где пчелы в темноте смыкают сотов грани
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.[9]

Максимилиан.

Ан<на> Руд<ольфовна>, покажите эти стихи Мих<аилу> Алек<сандровичу> Эртелю и напишите, что он скажет об них.[10] Вы знаете, как я теперь дорожу его мнением. На днях в сборнике памяти Урусова я прочел несколько страниц Он<исима> Б<орисовича> Гольдовского об Вашем отце.[11] Прочел их с большим волнением и интересом. Видели ли Вы их? Это в издании Александры Алексеевны.[12]
Том II, стр. 243.

Аморя пишет мне в сегодняшнем письме, что Мар<гарита> Алек<сеевна>[13] «вне себя от беспокойства» за нее. Вы не знаете почему? Только ли то, что она переехала из Царского в Петербург, или есть какие-нибудь слухи и страхи относительно Ивановых?[14] Вы не знаете? ***Я*** теперь совсем *за все* спокоен.[15]

[1] 6 апреля А.Р. Минцлова писала Волошину: «Милый мой, мне все больше и больше нравится Ваша “Луна”... Как я рада, что Вы написали это, сказали это... Я хочу теперь, чтобы Вы написали о звездах <...> Расскажите о “Сатурне”... о том Сатурне, где витали не люди еще, нет! но призраки-люди, тени людей, бледные грезы, которых никто не мог видеть еще, до того прозрачными были очертания их... Ни “эфирного”, ни “астрального” тела не было у них еще — бледные очерки мечты, и *звука* — они носились по неописуемой, волшебной стране-планете (на Сатурне — человек был *звук*...), и эти бледные мелодии-звуки носились, струились в вечном видоизменении формы (смерти — не было *нигде* еще в мировом пространстве). В состоянии глубочайшего транса кружились, они и жизнь их была непередаваемо сказочна и страшна... Там в глубине своей Сатурн изготовлял *кровь* для будущего, далекого земного человечества, как и сейчас Земля готовит страшные дары свои для человечества Венеры, Вулкана. —

Расскажите обо всем этом, дорогой мой. <...> Я Вам многое, многое еще расскажу, перескажу, когда приеду к Вам...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 18 об. – 19 об.).

[2] Приглашением в Коктебель Волошин откликнулся на признания А.Р. Минцловой: «Устала я, очень... Все больше и больше горит жизнь, все ярче светильник – но фитиля уже немного осталось, и не надолго свет» (Там же, л. 19 об.).

[3] М.В. Сабашникова.

[4] Текст телеграммы Волошина Вяч. И. Иванову неизвестен.

[5] Имеется в виду письмо М.В. Сабашниковой от 5 апреля 1907 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1067, л. 32–33 об.).

[6] Подразумевается развитие отношений Волошина и М.В. Сабашниковой весной 1905 г. в Париже.

[7] Философский трактат Порфирия «О пещере нимф» (по словам Волошина в письме к М.С. Цетлиной от 2/15 сентября 1915 г.) написан на основе поэтической картины из XIII песни «Одиссеи» Гомера. Немецкий перевод сочинения Порфирия «Quaestionum Homericarum ad Odysseum pertinentien reliquiae» был издан Г. Шрадером (Leipzig, 1890). Представление о трактате Порфирия могло быть сформировано у Волошина через общение с кругом теософов, к которому принадлежала и А.Р. Минцлова.

[8] Речь идет о несохранившемся письме Волошина. В ответном письме от 15 апреля А.Р. Минцлова писала: «Дорогой мой, милый, спасибо за письмо! Из Ваших стихов я получила "Луну", "Обращение к Коктебелю", Диана-де-Пуатье и 3 стихотворения "Коктебель"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 24).

[9] Стихотворение впервые опубликовано в составе цикла Волошина «Terre antique» в журнале «Золотое Руно» (1907. № 4) под заглавием «Грот Нимф» с посвящением Сергею Соловьеву (см.: Т. 1 наст. изд. С. 80, 460). По поводу этого стихотворения А.Р. Минцлова писала Волошину 15 апреля 1907 г.: «..."Пещера Нимф"... Только она мне *не* нравится, эта пещера... Насколько хороши первые стихотворения, – настолько, по-моему, слабо это – – Что-то душное, затхлое есть в этих стихах... Я не умею передать словами то, что думаю. Но здесь, есть что-то *очень* физическое, тяжелое, как ожидание, которое есть тот же закон тяготения, только в еще более грубой форме...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 24–24 об.).

[10] М.А. Эртель. Волошин в дневнике «История моей жизни» отметил важный для себя «длинный разговор» с М.А. Эртелем, после чтения реферата «Пути Эроса» 27 февраля в Москве (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 252–253). А.Р. Минцлова сообщала Волошину: «Эртелю

страшно понравилась Ваша “Луна” (остальных я не успела показать ему)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 24 об.).

[11] Речь идет о статье московского адвоката и журналиста О.Б. Гольдовского «Князь А.И. Урусов как патрон» в издании: Князь А.И. Урусов. Статьи его. Письма его. Воспоминания о нем: в 3 т. (в 2-х кн.). М., 1907. Т. 2/3. С. 243–261. Этому изданию Волошин посвятил отдельную статью, вышедшую в составе цикла «Лики творчества» в газете «Русь» (№ 115, 26 апреля). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 71–76).

[12] А.А. Андреева, сестра Т.А. Бергенгрин, Е.А. Бальмонт и М.А. Сабашниковой.

[13] М.А. Сабашникова.

[14] М.В. Сабашникова вернулась из Царского Села в Петербург в квартиру Ивановых 29 марта 1907 г.

[15] А.Р. Минцлова в ответном письме сообщала Волошину: «Что касается Марг<ариты> Ал<ексеевны> – я ее видела раза *2–3,* не больше, после Вашего проезда через Москву. Она была очень спокойна. Мы с ней очень мало говорили. <...> Я с большим восторгом (вполне искренно, конечно!) говорю о Вяч. Ив<анове>. И мне кажется очень неудачной фраза, что М.А. *вне себя* от беспокойства. У нее есть неприятное, смутное чувство чего-то неладного – и это чувство, конечно, только усилилось, после Вашего отъезда из Петерб<урга>. Но она – совсем спокойна во внешности, и по-моему успокаивается и внутренно, отрешается, отходит, сама решает что-то для себя, для своего духовного “*Я*”. И по-моему ее и следует оставить в покое» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 27–28).

115. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

15 апреля 1907 г. Коктебель[1]

Я здесь расту один, как пыльная Агава
На голых берегах среди сожженных гор.
Здесь моря вещего немолкнущий простор
И одиночества змеиная отрава...

А там – на севере крылами плещет Слава,
Там древний бог взошел на жертвенный костер,
Там в дар ему несут кошницы легких Ор,
Там льды Валерия, там солнца Вячеслава,

Там снежный хмель взрастил и розлил Александр,
Там брызнул Константин струями саламандр,
Там Лидиин «Осел» мечтою осиян

И лаврами увит, там нежные хариты
Сплетают верески свирельной Маргариты...
О мудрый Вячеслав, χαιρή!*

Максимилиан.

Коктебель 15 апреля 1907.[2]

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 16.4.07; Петербург. 19.4.07.

[2] На присылку этого сонета Иванов откликнулся в письме к Волошину от 3 мая 1907 г.: «...прими благодарность за твой очаровательный поэтический привет “Орам”» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 156. Публ. Г.В. Обатнина). Варианты автографа, отправленного М.В. Сабашниковой 17 апреля 1907 г.: ст. 3 — «Здесь моря вещего глаголящий простор»; ст. 6 — «Восходит древний бог на жертвенный костер»; ст. 9—10 — «Там брызнул Константин певучих саламандр, / Там снежный хмель взрастил и розлил Александр» (Т. 2 наст. изд. С. 398). В сонете упоминаются участники собранного Ивановым альманаха «Цветник Ор. Кошница первая» (см. примеч. 11 к п. 106): Валерий Брюсов, Александр Блок, Константин Бальмонт, Лидия Зиновьева-Аннибал (опубликовавшая там первое действие своей комедии «Певучий осел») и Маргарита Сабашникова (поместившая там же стихотворный цикл «Лесная свирель»).

116. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

18 апреля 1907 г. Коктебель.[1]

Коктебель 18 апреля 1907.

Дорогой Вячеслав! Аморя советует мне не выпускать теперь моей книги,[2] и отложить ее на осень, т<ак> к<ак> и ты теперь очень занят, и уже поздно, да и я летом напишу еще

* Привет! *(др.-греч.).*

многое, что сможет сделать ее гораздо более содержательной. Так что, если это возможно – отложи ее до осени.

Если это так, то тогда (если это только тебе улыбается) можно оттуда взять кое-что для «Цветника», напр<имер> Гност<ический> Гимн Деве Марии или четыре последних Руанских собора.[3] Сонеты, что я пишу теперь, слагаются в определенную серию, которая только что начинает<ся>. Быть может, их лучше и не печатать еще (я говорю <о> «киммерийских» сонетах). Мне приходит в голову сделать серию – Одиссей в Киммерии.[4] Но это я еще не знаю. Словом, я очень хочу отложить «Звезду Полынь» на осень, т<ак> к<ак> для окончательной редакции я чувствую, что необходимо мое присутствие. Вот еще сонет, написанный сегодня:

Туманный день раскрыл больное око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Дробясь, скользит над мутной глубиной –
То колос дня от пажитей востока!

И чаша вод колышется широко,
Обведена серебряной каймой...
Темнеет мыс, зубчатою стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

О этот час в затишьи бледных утр,
Когда в горах струится перламутр,
Журчат ручьи, безмолвствуют долины,

Звенит трава и каждый робкий звук
Поет струной... И солнце как паук
Дрожит в сетях алмазной паутины.[5]

Привет Лидии. Как подвигается «Осел».[6] Напиши мне о «Цветнике» и о журнале.[7]

Максимилиан.

[1] Открытка; почтовый штемпель отправления: Феодосия. 19.4.07.

[2] Речь идет о книге стихов «Звезда-полынь», сверстанной в издательстве «Оры» (см. примеч. 5 к п. 103).

[3] В альманахе «Цветник Ор» эти стихотворения не были помещены. 3 мая 1907 г. Иванов писал Волошину: «...твое участие в “Цветнике Ор” не соответствует ни твоему, ни моему желанию. Давно уже отпечатаны первые листы книги, и что-либо переменить или дополнить в твоем отделе было невозможно, когда я получил твое письмо о “Цветнике”. Я нимало не сожалею, что в “Цв<етник>” вошли твои превосходные “киммерийские” сонеты; но мне жаль, что я располагал в момент напечатания только двумя из этого цикла (“Закатным золотом...” и “Здесь был священный лес”)» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 155. Публ. Г.В. Обатнина). «Гностический гимн Деве Марии» («Славься, Мария!..») был впервые опубликован в «Вестнике Теософии» (1908. № 2) под заглавием «Гностический гимн», в книге Волошина «Стихотворения. 1900–1910» это стихотворение напечатано с посвящением Вячеславу Иванову. Цикл из семи стихотворений «Руанский собор» впервые опубликован в полном объеме в журнале «Перевал» (1907. № 8/9). См.: Т. 1 наст. изд. С. 81–85.

[4] Замысел «серии» не был реализован. Сонет «Одиссей в Киммерии» («Уж много дней рекою Океаном...») – заключительный в цикле Волошина «Киммерийские сумерки». Сонет (впервые опубликованный в его книге «Стихотворения. 1900–1910») посвящен Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал и датирован днем ее кончины – 17 октября 1907 г. См.: Т. 1 наст. изд. С. 95–96.

[5] Первоначальная редакция сонета «Равнина вод колышется широко...», входящего в цикл «Киммерийские сумерки» и впервые опубликованного в «Золотом Руне» (1907. № 4) в составе цикла «Terre antique». Варианты автографа первоначальной редакции в творческой тетради Волошина: ст. 7 – «Мутится мыс, зубчатою стеной»; ст. 10–13 – «Когда в горах златится перламутр / И чуткий дым встает со дна долины, / Ручьи журчат, и каждый тихий звук / Звенит струной, и солнце, как паук» (Т. 1 наст. изд. С. 390–391).

[6] См. примеч. 2 к п. 115. Комедия Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Певучий осел. Сатирический маскарад в четырех ночах» (вариации на темы «Сна в летнюю ночь» Шекспира с многочисленными прообразами и аллюзиями, указующими на Иванова и его окружение и на обстоятельства «башенной» жизни) впервые опубликована в полном объеме Н.А. Богомоловым с его вступительной статьей «На грани

быта и бытия» в журнале «Театр» (1993. № 5. С. 159–191). См. также: *Зиновьева-Аннибал Лидия.* Тридцать три урода. М.: Аграф, 1999. С. 319–398.

[7] Инициатива издания в Петербурге журнала под эгидой Вяч. Иванова тогда осталась нереализованной. Ср. примеч. 11 к п.106.

117. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

30 апреля 1907 г. Москва[1]

САТУРН

На тверди видимой алмазно и лазурно
Созвездий медленных мерцает бледный свет,
Но в небе времени снопы иных планет
Несутся кольцами и в безднах гибнут бурно.

Пусть темной памяти источенная урна
Их пепел огненный развеяла как бред –
В седмичном круге дней горит их беглый след.
О Пращур Лун и Солнц, вселенная Сатурна,

Где ткало в дымных снах сознание-Паук
Живые ткани тел, но тело было звук,
Где лился музыкой непознанной для слуха

Творящих числ и воль мерцающий поток,
Где в горьком сердце Тьмы сгущался звездный сок,
Что древним языком лепечет в венах глухо!..[2]

Дорогой Вячеслав, вот еще один сонет, который должен войти в «Звезду Полынь» к циклу «Луны», «Солнца», «Крови»...[3]

Ради Бога, напиши мне хоть несколько строк на открытке о судьбе моей книги: отложена ли она на осень?[4] Без окончательного просмотра ее мною ее невозможно выпускать, т<ак> к<ак>, судя по словам Амори, я заключаю, что, благодаря путанице в письмах, вновь присланные мною стихотворения могут быть напечатаны совсем не в том окончательном виде, который они получили.

Кроме того *теперь* у меня совершенно нет денег. И я не могу не видеть книги до ее выхода. На основании Амориных писем я считал ее окончательно отложенной на осень. Теперь же я совершенно запутался в ее словах. Пожалуйста, напиши хоть несколько слов. До свидания. Привет Лидии.[5]

Максимилиан.

Москва. Поварская, д<ом> Милорадович.[6]

[1] Открытка; почтовые штемпели: Москва. 30.4.07; Петербург. 1.V.07.

[2] Сонет впервые напечатан в «Вестнике Теософии» (1908. № 3), вошел в книгу Волошина «Стихотворения 1900—1910». Вариант заключительной строки в опубликованном тексте: «Что темным языком лепечет в венах глухо» (Т. 1 наст. изд. С. 78).

[3] 3 мая 1907 г. Иванов в письме к Волошину давал оценку полученным сонетам: «...очень люблю и высоко ценю, кроме вчерашнего Сатурна, весьма, на мой взгляд, сумбурного» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 155. Публ. Г.В. Обатнина).

[4] В том же письме Иванов отвечал на вопрос Волошина относительно судьбы его «Звезды-полыни»: «Печатных дел мастера согласились хранить набор до осени; но выяснилось это только вчера, ранее же велись об этом инциденте дипломатические переговоры» (Там же).

[5] Л.Д. Зиновьева-Аннибал.

[6] В доме Никиты Александровича Милорадовича располагалась квартира родителей М. Сабашниковой.

118. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

3 мая 1907 г. Москва[1]

Москва. 3 мая.

Дорогая мама!

Вот уже прошло пять дней, но мы еще по-прежнему в Москве.[2] Но, верно, на следующей неделе мы поедем в Богдановщину.[3] Затруднение в том, что для нас (до приезда Ива-

новых) тоже нужно кухарку. Вообще все здесь совершается в высшей степени сложным манером.

Аморя здесь страшно мается и страдает, не получая писем от Ивановых, и все стремится назад в Петербург.[4]

Сегодня был у Ольги Михайлов<ны>.[5] Она в очень плохом виде. Маргарита Алексеевна предлагает ей место — и представьте, какое: быть экономкой в санатории д<окто>ра Вяземского в Тумановой Балке![6]

Это должно решиться на днях.

Аморя все мечтает о квартире рядом с Ивановыми. Но решение этого вопроса я отлагаю на лето. Это не к спеху.

Неудобство, между прочим, в том, что вход туда по черной лестнице.

Велосипедом в Москве я не пользуюсь, т<ак> к<ак> надо платить налог, брать номер и т.д. Кроме того, за время переезда одна из новых шин уже перестала держать воздух, и я отдал его в починку.

Сегодня Мар<гарита> Вас<ильевна> сказала своей матери о любви своей к Иванову (ее страшно мучило то, что она этого не знает). Подробностей разговора я не знаю. Но Марг<арита> Алекс<еевна> это уже чувствовала и видела раньше очевидно.[7]

Приехал ли уже кто-нибудь в Коктебель? M-me Юнге[8] третьего дня должна была уже выехать в Крым. Приехали ли Манасеины?[9]

Герцыков я застал еще в Москве, был у них и много говорил с ними о проектируемом журнале.[10] Но все длинные разговоры мы отложили на то время, когда я вернусь в Крым.

Вчера у Брюсова видел Кобылинского, которого не видал 6 лет.[11] Он очень изменился. Стал красавцем. Но, к сожалению, очень плохо пишет стихи и очень резко самоуверенно и грубо критикует всех поэтов. Он просил очень кланяться Вам и бабушке, если она его помнит.

Пока я еще мало кого из знакомых здесь видел: только Эртеля,[12] Балтрушайтиса и Брюсова. Работается мне здесь очень плохо. Не появлялось ли в «Руси» чего-нибудь моего? Я не имею возможности здесь ее следить; поэтому, пожалуйста — если что-нибудь будет — пришлите мне вырезки с обозначение<м> № газеты и числа (непременно).

Я думаю, что теперь Вы мне можете свободно писать в Богдановщину. (Ст. Издешково Моск<овско>-Брест<ской> ж. д. Имение Сабашниковых).

Но в том случае если Аморя теперь все-таки поедет в Петербург, как она собиралась уже несколько раз, то я прямо вернусь в Коктебель.

До свиданья. Целую бабушку. До сих пор не имел от Вас никаких писем.

Это третье письмо, что я пишу Вам (раньше я послал две открытки).[13]

Макс.

[1] Закрытос письмо — «секретка». Почтовыс штемпели: Москва. 4.5.07; Фсодосия. 7.5.07.

[2] Волошин прибыл в Москву из Фсодосии 28 или 29 апрсля, откликнувшись на призыв М. Сабашниковой (телеграмма от 26 апреля), остановился в квартире Сабашниковых на Поварской ул.

[3] Эта поездка состоялась между 21 и 28 мая (по всей вероятности, 28 мая Волошин выехал из Москвы в Феодосию), М. Сабашникова возвратилась из Богдановщины в Москву 5 июня. Первоначально предполагалось, что в Богдановщину присдут такжс Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал (которая писала Волошину 12 мая: «Мы присдсм в началс июня» // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 587).

[4] Е.О. откликнулась на это сообщение в письме от 10–11 мая: «Прочитав твои стихи об Аморе, об ее тоске в ожидании писем, мне стало ее ужасно жалко. Она их любит так, что теперь вся жизнь, весь смысл жизни только в них, а они живут своею полною жизнью, отвечая на ее любовь частицею своего чувства, не страдая, не тоскуя в разлуке с нею. Плоха ее доля, – много еще тоски и муки придется перенести. Не расстроился бы только их приезд в Богдановщину; хоть бы это лето провела Аморя счастливая и довольная. А за лето туман ее увлечения рассеется, она будет относиться к ним хладнокровнее, не отдаваясь вся этому чувству, проявится более ясный, критический взгляд на обоих, и тогда только она сможет вполне оценить тебя, твои отношения к ней, и благо ей будет, если она опять обретет тебя с твоим преданным, неизменным чувством к ней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[5] О.М. Струкова.

[6] М.А. Сабашникова. Терентий Иванович Вяземский (1857–1914) – московский врач, естествоиспытатель. Тумановская балка (Карагач-Кабурга) – участок земли под Карадагом, близ Коктебеля; Вяземский основал там Карадагскую научную станцию, которая открылась весной 1914 г. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 346, 612.

[7] Об этом объяснении с матерью, состоявшемся 3 мая, Сабашникова рассказала на следующий день в письме к Зиновьевой-Аннибал: «...мы остались вдвоем, и она спросила меня про Макса, отчего я не хочу быть его женой и что с ним; почему он уезжал. А потом прибавила, что она всегда все про меня знает вперед; и я знала, что она знает, тогда я сказала, что люблю В<ячеслава>. Она сказала: ты этого слова и произносить не смеешь, потому что не знаешь, что оно значит. Раньше ты была очень строга в словах, а этот последний год вы с Максом черт знает сколько говорите и все это ложь. Ты тоже говорила, что любишь его; ты всегда омраченная; стоишь с закрытыми глазами и воображаешь, что видишь, всегда поглощена каким-то вихрем своей фантазии, всегда все стихийно, напролом, рассудочна, когда не нужно, и безрассудна, и всегда самоуверенна. Меня и отца, кот<орый> тебя обожает, ты всегда швыряешь для своих прихотей. Твое отношение к Максу было позорно, не было у тебя никогда любви к нему и т.д. Потом она спросила, как В<ячеслав> относится ко мне. Я сказала: он меня любит и Лид<ию> Дим<итриевну>. Я почти ничего не говорила, говорила она. “В вас смирения нет перед Богом, ты только себя слушаешь, а не Бога; и он, если думает все вместить, гордый и несмиренный человек; вы боги, конечно, и разобьешь ты их жизнь, свою жизнь и Макса, и нас топчешь”. Конечно, речь только о платон<ической> любви» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 12).

[8] Е.Ф. Юнге.

[9] 30 апреля 1907 г. Е.О. писала Волошину: «Только что приехала Нат<алья> Ив<ановна> с Катей <...> На мой вопрос, что в Петербурге нового, Нат<алья> Ив<ановна> ответила: говорят, что Вяч<еслав> Ив<анов> влюблен в Мар<гариту> Вас<ильевну>. — Я на это заметила: очень может быть; я бы на его месте также влюбилась. — А что он влюблен в нее, заключают из того, мол, что пишет много стихов и всё ей посвящает» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 652).

[10] Неосуществленный замысел. «Журнал о мифотворчестве» (см. запись Волошина от 23 сентября 1907 г. // Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 274) собиралась издавать В.С. Гриневич, на роль редактора предполагался Вяч. Иванов. Упоминаются сестры Герцык — Аделаида Казимировна и Евгения Казимировна; Волошин познакомился с ними в Петербурге в декабре 1906 г. на квартире Вяч. Иванова, к 1907 г. относится начало их дружбы.

[11] Упоминаемую встречу с Эллисом Волошин описал в дневнике (запись от 20 сентября 1907 г. // Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 270—271).

[12] М.А. Эртель. Волошин посвятил ему сонет «Сатурн» (апрель 1907 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 78.

[13] Эти открытки, вероятно, не сохранились.

119. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5 мая 1907 г. Москва[1]

5 мая 1907.

Дорогая мама!

Только что получил Ваше письмо.[2] Сегодня у нас все благополучно — Аморя получила наконец письмо от Лидии[3] и совершенно успокоилась: эти дни она изнывала в тоске и ожидании и была уверена, что Ивановы в Богдановщину не приедут.

Марг<арита> Алекс<еевна> ее признание приняла довольно спокойно и очевидно ожидала и видела это раньше.[4]

Срок нашего отъезда в Богдановщину все еще не решен окончательно.

Сегодня я, между прочим, получил письмо от одной моей парижской знакомой англичанки художницы miss Hart, ко-

торая мне пишет, что она очень усердно занимается русским языком и очень хотела бы приехать в Россию в какое-нибудь русское семейство, чтобы жить в обмен за уроки английского языка. Я зову ее в Коктебель осенью погостить на месяц, если она попадет в Россию. Она очень талантливая портретистка и скрипачка. Вы верно ее не помните, но она Вас знает. Я был с ней одно время очень дружен в Париже, а потом она жила в Венгрии, и мы переписывались изредка. Помните, я показывал Вам в Петербурге ее карточки, что она мне прислала в письме? Она очень энергична, интересна и страшно увлечена Достоевским и Россией. Мне будет очень приятно, если она решится приехать в Крым.[5]

На велосипеде я, как писал Вам, никуда еще за город не ездил. Это очень сложно. Но если отъезд в Богдановщину еще задержится, то я начну все-таки ездить, доезжая на извозчике до заставы.

Аморя чувствует себя физически хорошо, но страшно тоскует по Башне.

В Богдановщину Ивановы не приедут раньше конца мая.[6]

Одеяла, вязанного бабушкой, ни я, ни Аморя не брали, и я что-то второго одеяла в своих комнатах не видал.[7]

Как чувствует себя бабушка? Привет Нат<алии> Ив<ановне> и Кате.[8] Скоро ли приедет Поликсена Серг<еевна>?[9]

Я думаю, что Вы еще можете писать мне в Москву.

Адрес Богдановщины (если Вы его позабыли) таков: Ст. Издешково Мос<ковско->Бр<естской> ж. д. Имение Сабашниковых «Богдановщина».

До свиданья. Аморя целует Вас.

[1] Закрытос письмо – «секрстка». Почтовые штсмпели: Москва. 5.5.07; Феодосия. 7.5.07.

[2] Письмо от 30 апрсля.

[3] Л.Д. Зиновьсва-Аннибал. С М. Сабашниковой ес связывали доверительныс отношсния, продиктованныс стрсмлснисм к душев-

ному «тройственному союзу» между Ивановым и ими обеими; тональность и стилистика этих взаимоотношений сказываются в упомянутом письме Зиновьевой-Аннибал от 2 мая: «Дорогая Маргарита, боюсь, что мы замучили тебя молчанием. Была же я с тобой, несмотря на него, хотя трудно бывало словить *тебя* в тех протекающих личинах, в которых ты и ты и ты и ты и еще и снова ты. Но не любомудрствовать возлегла я, а сказать той, которую неизменно люблю, той, которая неизменно от Святого, хотя бы себя не знала и поэтому не имела, – что́ и как здесь без нее и все же неизбежно с нею делается. Милая, никогда не тревожься замедлением писем, оно никогда не означает измены. <...> Напряжение очень и очень большое и требует, действительно, стальных мускулов души и тела. Вячеслав вступил в стихию трагедии. Подхватил своего Прометея, составил весь остов в голове и ведет дальше хоры и своего Ковача. Это значит, что он весь погружен в работу. Но при этом еще написал твои четыре сонета. Два психологических и два изобразительных. При этом он вел огромные корректуры как последних листов Зверинца, так и Цветника, “долженствующего появиться” в конце этой недели. <...> Все же до конца мая не выбраться <...> я вся в литературе. Ясно и навсегда поняла бесповоротность своего писательства и поэтому решила, что в жизни мне прежде всего необходима веселость» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 76. В тексте упоминаются: трагедия Вяч. Иванова «Прометей», завершенная годами позднее; его сонеты, составившие цикл «Золотые завесы»; выпущенные в 1907 г. петербургским издательством «Оры» книга рассказов Зиновьевой-Аннибал «Трагический зверинец» и альманах «Цветник Ор. Кошница первая»). См. также письма Зиновьевой-Аннибал к Сабашниковой, публикуемые в кн.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 204–205, 207–209.

[4] См. п. 118, примеч. 7. М.А. Сабашникова, однако, как свидетельствует М.В. Сабашникова также и в мемуарах, реагировала совсем иначе: «Мама пришла в неописуемый ужас. Она заявила, что я уйду к Ивановым только через ее труп, и она была в таком состоянии, что можно было в это поверить. Я написала Ивановым, они немедленно ответили, что при таких обстоятельствах они, само собой разумеется, в Богдановщину не поедут» (*Волошина Маргарита* (*Сабашникова М. В.*). Зеленая Змея: История одной жизни. С. 164–165).

[5] Вайолет Елизабет Харт – художница ирландского происхождения; в 1905 г. – возлюбленная Волошина. См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 198–201, 222–223. Ее письма (на французском) к Волошину хра-

нятся в его архиве (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1430). Вайолет Харт приехала в Коктебель 5 июля 1907 г., пробыла там до середины ноября.

[6] О том, что Ивановы вместо Богдановщины отправятся в Витебскую губернию в имение тетки М.М. Замятниной, Зиновьева-Аннибал сообщила дочери, В.К. Шварсалон, 17 мая, а Волошину и М. Сабашниковой – 21 мая. См.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. С. 204–205.

[7] Е.О. спрашивала об этом одеяле в письме к Волошину от 30 апреля.

[8] Екатерина Михайловна Манасеина (1895–1955) – дочь Н.И. и М.П. Манассиных, актриса.

[9] П.С. Соловьева.

120. Ф. СОЛОГУБУ

8 мая 1907 г. Москва[1]

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я очень и очень огорчен тем, что доставил Вам неприятности ожидания; но это не вполне моя вина, т<ак> к<ак> мой фельетон об «Даре Мудрых Пчел» давно уже написан и лежит в редакции газеты «Русь» в ожидании того, когда А.А. Суворину заблагорассудится его напечатать (о дне же и часе не весть никто).[2] Я думаю, что это одна из лучших моих статей, т<ак> к<ак> я писал ее с большой любовью и считаю Вашу трагедию одним из прекраснейших произведений нашего времени. Позвольте мне поблагодарить Вас за «Змия», которого я получил на днях,[3] и за Ваш роман, которого я не получил и увы![4] не имею надежды получить, т<ак> к<ак> тот экземпляр, который Вы мне послали, погиб в хаосе ивановской квартиры.[5] Мне это очень прискорбно, т<ак> к<ак> я тоже хотел писать о нем. Впрочем, я писал в Шиповник, прося выслать мне экземпляр для отзыва, и надеюсь получить оттуда. Вы, вероятно, не знаете, что я уехал из Петербурга еще в марте и жил в Крыму,[6] а в настоящее время нахожусь в Москве (*Поварская, д<ом> Милорадович, кв. Сабашниковых*).[7]

«Змий» был мне доставлен в Крым через месяц после его отправки (я получил в момент моего отъезда), а «Мелкий бес» должна была привезти сюда Маргар<ита> Вас<ильевна>, но не могла найти его. Об этом я только теперь узнал.

Поэтому простите мне всю мою невольную невежливость. У меня остается до сих пор ремингтонирова<нный> экземпляр «Д<ара> М<удрых> Пчел». Должен ли я его Вам выслать?

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Санкт-Петербург. 8.V.07.

[2] Ответ на письмо Ф. Сологуба от 26 апреля: «Многоуважаемый Максимилиан Александрович, Напоминаю Вам о моем существовании для такой причины: давно, с полгода назад, Вы говорили мне, что хотите написать обо мне в Ваших “Ликах Творчества”. Все ждал. С большим любопытством открывал “Русь”. Но так как ожидание вдолге доходит до степени утомительной, то вот моя просьба в чем: если Вам не хочется писать обо мне, будьте милы сообщить мне это» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 157. Публ. В.П. Купченко).

Волошин присутствовал при чтении Ф. Сологубом трагедии «Дар мудрых пчел» 28 октября 1906 г. в театре Коммиссаржевской (Труды и дни. С. 166). О намерении написать статью о Сологубе речь шла и в письме к А.М. Петровой от 1 января 1907 г. См. п .105. Статья Волошина «Федор Сологуб “Дар мудрых пчел”» опубликована 14 июня 1907 г. (см. п. 105, примеч. 4).

[3] Речь идет об издании: *Сологуб Ф.* Змий. Стихи. Книга шестая. СПб., 1907. Книга хранится в личной библиотеке поэта в Коктебеле (№ 260) с дарительной надписью Волошину.

[4] Имеется в виду роман Сологуба «Мелкий бес» (СПб.: Шиповник, 1907). Книга хранится в личной библиотеке Волошина (Коктебель, Дом поэта, № 476).

[5] С 10 января 1907 г. Волошин с М.В. Сабашниковой жили в квартире Вяч. Иванова.

[6] Волошин жил в Коктебеле с 28 марта по 28 апреля 1907 г.

[7] 29 апреля 1907 г. по «вызову» М.В. Сабашниковой Волошин приехал в Москву, где остановился в доме ее родителей.

121. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

Первая декада мая 1907 г. Москва

Дорогой Вячеслав,

эти дни были очень смутными днями, и много писем к тебе и к Лидии было разорвано.[1] Только сегодня, сейчас кончилось это наваждение и могу снова с полной верой как брат говорить тебе. Я снова верю, что мы можем и найдем те формы, ту истину общей любви, которая позволит нам всем жить вместе, верю в то, что мы – я и ты – преодолеем любовью к Аморе те трепеты вражды, которые пробегают между нами невольно.

И верю в то, что я, обрученный ей, и связанный с ней таинством, и принявший за нее ответственность перед ее матерью и отцом, не предам ни ее, ни их, ни мою любовь к ней, ни ее любовь к тебе.

Вячеслав! верю тебе как брату безусловно и вполне и требую твоей веры к себе – иначе нельзя жить. Нельзя Аморю подвергать как младенца суду Соломонову.[2] Но, когда мы снова будем вместе, помоги и ты мне не предать доверие тех, кто больше всех трепещет за нее.

Хочу простой жизни, деятельной жизни, хочу смирения перед законами и истинного познания их.

Спасибо за твое письмо, спасибо за судьбу моей книги.[3]

[1] См. отражение переживаний этих «смутных дней» в письмах М.В. Сабашниковой к Иванову, относящихся к маю 1907 г. (*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. С. 202–203).

[2] См.: 3 Цар III, 16–28.

[3] Имеется в виду письмо Иванова к Волошину от 3 мая 1907 г., опубликованное Г.В. Обатниным в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год» (СПб.: Академический проект, 1994. С. 155–156). См. п. 116, примеч. 3, п. 117, примеч. 3, 4.

122. Л.Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ

Середина мая 1907 г. Москва

Дорогая Лидия,

из писем к Вячеславу[1] ты видишь, какие тяжелые дни были у нас.

Сегодня только все разошлось. Я и тебе не мог отвечать на письмо это время.[2]

Мне было эти дни так же смутно, как Аморе, от всевозможных нравственных конфликтов. Все казалось безвыходным и темным и не было веры в себя, мне казалось, что мы совсем заблудились в лабиринте психологии и морали.

Я в области психологии как дельфин на суше и с радостью присоединяюсь к твоему кличу: «Долой психологию!», душа моя затосковала в этом обществе астральных чудовищ и требует простоты, звериности и смирения.[3]

Мне невольно приходится быть посредником между Аморей и ее матерью, любовь которой к Аморе я ценю все больше и больше.[4]

Трудно все совмещать и хранить в душе — и вас далеких, и Аморину любовь к Вячеславу, переходящую в безвыходную смуту, и тревогу матери, которая *мне* доверяет ее и для которой таинство, связующее нас, воистину ненарушимо.

Против помещения «Луны» и «Как звезд<ный> путь» в «Белых Ночах» я, разумеется, ничего не имею.[5]

На вопросы о Богдановщине отвечает <?> Аморя в письме к Вячеславу.[6]

[1] См. п. 121 и примеч. 1 к п. 121.

[2] 12 мая 1907 г. Зиновьева-Аннибал писала Волошину: «Дорогой Макс, почему от вас "молчание"? Если бы Маргарита не обещала в последнем письме от 3-го мая, — письмо на *следующий же день*, то я не так бы тревожилась, приписывала бы молчание просто ненастроению к письму. Ответь тотчас, дорогой Макс. Поверь, что я очень с тобою. Это так прочно и кровно — мое отношение к тебе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 587).

[3] Отклик на признания Зиновьевой-Аннибал в том же письме: «Чувствуем себя просто и жизненно, что выйдет из будущего — не знаю. Но в настоящем в нашей жизни *нас двоих* бездонная глубина и полнота через края. Просты мы в конце концов до элементарности и здоровы как-то по-звериному и религиозны, может быть, тоже по-звериному, и всё, что не такое, — временное поэтическое переживание. Давайте все вместе жить простую, художническую жизнь и любить просто как любится. На всё простое и убедительное каждый из нас отзовется цельно и красиво».

[4] Ср. признания М. Сабашниковой в недатированном письме к Вяч. Иванову, относящемся, видимо, к маю 1907 г.: «...Макс неожиданно, видя, вероятно, невменяемость мою и чувствуя себя ответственным перед моими (они, мама особенно, очень близка с ним, безумно обо мне тревожится и с ним говорит), сказал мне, что не считает возможным обманно успокаивать маму своим присутствием; не хочет петербург<ского> положения и чтобы я сейчас же ответила, могу ли я открыто быть с тобой, п<отому> ч<то> он открыто расстанется со мною навсегда. Он все делает стремительно, ничего не может скрывать и решил сейчас же и навсегда уезжать. А у меня бред уже начался с его приезда, и вот я не могла ничего ему ответить. Я понимаю, что его положение очень тяжело. Но насильственно что-то решать в бреду я не могу. Открыто и внезапно расстаться с ним — это значило не только навсегда с ним расстаться, но убить мою мать и моего отца, соединясь открыто с тобой. И вот когда я вижу папу и его седую голову и кротость, я знаю, что не могу его старость оскорбить. <...> В моем черном бреде два смертельных страха — за него и за вас. Боюсь кощунства моей разорванной души» (*Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах. Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. С. 203).

[5] В письме к Волошину от 12 мая Зиновьева-Аннибал сообщала, что Г. Чулков просит у него «стихов для альманаха “Белые ночи” <...>. Можно ли напеча<та>ть “Седой кристалл” и “Как Млечный путь”». Указанные стихотворения — «Луна» («Седой кристалл магических заклятий...», первоначальная редакция магистрала венка сонетов «Lunaria») и «Как Млечный Путь, любовь твоя...» — были опубликованы в «петербургском альманахе» «Белые ночи» (СПб., 1907. С. 193—194). См.: Т. 1 наст. изд. С. 406—407, 73.

[6] В приписке к цитированному письму Сабашникова сообщала Иванову: «В Богдановщину можно ехать между 20 и 25» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 9, л. 47. Указываются дни мая 1907 г.).

123. А.М. ПЕТРОВОЙ

1 июля 1907 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна!

У меня после моего похода в Судак (пешком)[2] очень болит нога,[3] и я боюсь, что это может мне помешать быть в Феодосии в понедельник. Тогда, пожалуйста, примите miss Hart[4] и переправьте ее в Коктебель вместе с Конст<антином> Федоров<ичем>.[5]

Но я все-таки надеюсь, что смогу на велосипеде приехать.

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 1.7.07.

[2] Летом 1907 г. Волошин часто навещал сестер А.К. и Е.К. Герцык, с которыми у него установились крепкие дружеские отношения. Об одном из таких посещений Е.К. Герцык вспоминала: «В конце мая мы в Судаке, и в один из первых дней он у нас: пешком через горы, сокращенными тропами (от нас до Коктебеля сорок верст), в длинной, по колена, кустарного холста рубахе, подпоясанной таким же пояском. Сандалии на босу ногу. Буйные волосы перевязаны жгутом, как это делали встарь вихрастые сапожники. Но жгут этот свит из седой полыни. Наивный и горький веночек венчал его дремучую голову. Из рюкзака вынимает французские томики и исписанные листки – последние стихи» (*Герцык Е.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 189). В данном случае речь идет о походе, совершенном около 27 июня – 30 июля в Судак, через мыс Меганом (Труды и дни. С. 186).

[3] После похода в Судак у Волошина пошли фурункулы по ноге.

[4] В мае 1907 г. Волошин пригласил В. Харт (см. п. 119, примеч. 5) погостить в Коктебеле и получил согласие. В течение мая – июня в переписке с ней, он обсуждал условия ее приезда в Коктебель (Труды и дни. С. 184–186). В. Харт должна была приехать в Феодосию 3 июля, и несмотря на то, что накануне была получена открытка, где она сообщала, что приедет только 5 июля, Волошин все-таки поехал ее встречать.

[5] К.Ф. Богаевский.

124. А.К. ГЕРЦЫК

15 августа 1907 г. Коктебель

Дорогая Аделаида Казимировна!

Маргарита Васильевна приехала вчера в Коктебель.[1]

Но мы не сможем собраться в Судак на этой неделе. Сейчас она устала очень, а в воскресенье я должен, к сожалению, читать на вечере в пользу курсисток в Феодосии.[2] Так что мы приедем не раньше, чем во вторник на следующей неделе.

Коктебель, кажется, одержал на этот раз победу над ее сердцем. Венки из полыни и мяты, которыми мы украсили с Violet[3] ее комнату, покорили ее душу во сне своим пустынным ароматом.[4]

Эти дни я все твержу про себя стихи Шарля Герена.[5]

Послушайте, как это хорошо:

Contemple tous les soirs Ie solee qui se couche;
Rien n'agrandit les yeux et l'âme, rien n'est beau,
Comme cette heure ardente, heroïque et farouche,
Où le jour dans la mer ren verse son flambeau.*

И еще эти строфы из «Песни Главка» Лорана Тальяда.[6] Это обращение к морю:

Je l'aime
    Cet amour est éclos avec ombre,
Avec l'ombre a grandi silencieusement,
Lorsque impubère encore et près des flots dormant
Je sentais, a mon front, de ses glauques vallées,
Monte languissament des haleines salées.**

---

* Каждый вечер созерцаю заходящее солнце;
Ничего нет значительней для глаз и души, ничего прекрасней,
Чем этот пылающий час, героический и яростный,
Когда день опрокидывает в море свой факел *(фр.)*.

** Я люблю его, эта любовь просыпается во мне с наступлением темноты, с наступлением темноты она внезапно усиливается, когда еще в ранней юности, погруженный в сон вблизи моря, я чувствовал, как моего лица слегка касались соленые брызги морских волн *(фр.) (Перевод П.Р. Заборова.)*

До свиданья. У нас надежда, что Ивановы все-таки приедут, мы шлем им неотвратимо-заклинающие письма.[7] Употребите и вы одновременно свою заклинательную силу, чтобы сделать их приезд неизбежным.

Мой привет Евгении Антоновне и Евген<ии> Казим<ировне>.[8] Я имел большое удовольствие видеть еще раз, хотя и на несколько минут, Людмилу Павловну.[9]

Привет Влад<имиру> Казимиров<ичу>.[10]

Максимилиан Волошин.

15 августа 1907.
Коктебель.[11]

[1] М.В. Сабашникова приехала в Коктебель 14 августа 1907 г.

[2] 19 августа Волошин по приглашению А.А. Крым выступал в Феодосии в театре И. Бескоровайного с чтением стихов на вечере в пользу недостаточных курсисток (Труды и дни. С. 189).

[3] В. Харт.

[4] О своем приезде в Коктебель М.В. Сабашникова вспоминала: «Трогательным вниманием встретил меня Макс, которому я заранее сообщила о своем заезде к Ивановым. Белые отштукатуренные стены его дома к моему приезду были украшены гирляндами полыни. Цветов в этой местности нет. Мы вместе бродили по окрестностям, так им любимым. Теперь только я ощутила их суровое величие. Но невыразимо печальны были наши встречи. Между ним и мной стоял фантом, державший меня в плену» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993. С. 165–166). В ответном письме от 17 августа А.К. Герцык сообщала: «На этот раз письмо пришло удивительно быстро. Вместе с Вами торжествуем победу Коктебеля – теперь уж это навсегда! – пустыня покоряет медленно, но неотвратно. Слава серебряной полыни!» (*Сестры Герцык*. Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.: ИНАПРЕСС, 2002. С. 138).

[5] Французский поэт, знакомый Волошина. Источник цитируемого стихотворения обнаружить не удалось.

[6] В ответном письме А.К. Герцык просила Волошина привезти стихи Герена и Тальяда, «чтоб прочесть их целиком», и добавляла: «Как удивительно про “heure ardente, heroïque et farouche!..” Если бы Вы перевели это!» (*Сестры Герцык*. Письма. С. 139).

[7] По пути в Коктебель М.В. Сабашникова заезжала в имение Загорье (в Могилевской губернии), где уславливалась с Ивановыми об их приезде в Коктебель. (См.: *Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая змея: История одной жизни. С. 165).

[8] Е.А. Герцык (урожд. Вокач), мачеха сестер Герцык, и Е.К. Герцык.

[9] Л.П. Гриневич – племянница В.С. Гриневич, удочеренная ею.

[10] В.К. Герцык, брат А.К. Герцык.

[11] Первая половина этого письма (до абзаца «И еще эти строфы...») приведена в воспоминаниях Е.К. Герцык. См.: *Герцык Е.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 193–194.

125. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

15 августа 1907 г. Коктебель[1]

Дорогой Вячеслав, вчера приехала в Коктебель Аморя радостная и счастливая после свиданья с тобой и принесла с собой твое веянье и твои отблески, и мое сердце тоже с радостью устремлено к тебе теперь и благословляет то, что ты *еси*.[2]

Я жду тебя и Лидию в Коктебель.[3] Мы должны прожить все вместе здесь на той земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее Одиссеево море.

Все, что было неясного и смутного между мною и тобой, я приписываю ни тебе и ни себе, а Петербургу.

Здесь я нашел свою древнюю ясность, и все, что есть между нами, мне кажется просто и радостно. Я знаю, что ты мне друг и брат, и то, что оба мы любим Аморю, нас радостно связало и сроднило и разъединить никогда не может.

Только в Петербурге с его ненастоящими людьми и ненастоящей жизнью я мог так запутаться раньше.

Я зову тебя не в гости, а в твой собственный дом, потому что он там, где Аморя, и потому что эти заливы принадлежат тебе по духу.

На это<й> земле я хочу с тобой встретиться, чтобы здесь навсегда заклясть все темные призраки петербургской жизни.

Лидия, Вячеслав, вы должны приехать сюда и как можно скорее.

Материальные соображения ни в каком случае не должны останавливать вас.

Здесь вам ваша жизнь не будет стоить ничего и это ни для кого не будет ни стеснением, ни ущербом.

Мама, которая тоже вышла из петербургских наваждений, вас обоих очень любит, очень зовет и ждет с радостью.

Крепко целую тебя и Лидию.

Привет Марье Михайловне, Вере, Косте и маленькой Лидии.[4]

Максимилиан.

[1] Датируется по упоминанию дня приезда М.В. Сабашниковой в Коктебель (14 августа; см.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 370). Почтовые штемпели: Отузы. 18.8.07; Любавичи. 20.VIII.07.

[2] Еси – EI, надпись на дверях храма Аполлона в Дельфах. Статья Вяч. Иванова «Ты еси» была опубликована в «Золотом Руне» в 1907 г. (№ 7/9). Сабашникова выехала из Москвы в имение Загорье (Могилевской губернии, близ Любавичей), где проводили лето Вяч. Иванов и Зиновьева-Аннибал, 8 августа, провела там два дня, после чего отбыла в Феодосию (приехала 13 августа) и на следующий день в Коктебель. См. свидетельства об этом визите Сабашниковой в Загорье (включая ее письмо к Иванову от 13 августа) в кн.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. С. 219–223.

[3] Ср. текст телеграммы, отправленной из Судака 23 августа 1907 г. Вяч. Иванову и Л. Зиновьевой-Аннибал за подписями А.К. и Е.К. Герцык, Сабашниковой и Волошина: «Заклинаем приехать Аделаида Евгения Маргарита Максимилиан» (РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 4). Несмотря на интенсивные и многократные призывы приехать в Крым, исходившие от Сабашниковой (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 223–231), Ивановы этими приглашениями не воспользовались.

[4] М.М. Замятнина (1862–1919) – ближайшая подруга Зиновьевой-Аннибал, воспитательница ее детей; Вера Константиновна Шварсалон (1889–1920) и Константин Константинович Шварсалон (1892–1917 или 1918?) – дети Зиновьевой-Аннибал от первого брака; Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985) – дочь Иванова и Зиновьевой-Аннибал, впоследствии композитор.

126. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 1 сентября 1907 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Конечно, да! Ждем Вас с нетерпением всех. Только не забудьте, если Вы останетесь ночевать, то необходимо привезти с собой всем подушки, простыни, одеяла – мы совсем лишены этого.

Рябушинского зовут Николай Павлович (Новинский бульвар, д<ом> Рогожина. Золотое Руно).

Мы были это время в Судаке – застряли там благодаря дождям на целую неделю.[2] Мар<гарита> Васил<ьевна> в восторге от Судака.

Я верно буду в Феодосии на днях и тогда возьму у Вас деньги Пешковского. Я думаю быть в понедельник[3] – если не будет дождя и слишком сильного ветра.

Только теперь заканчиваю статью об Констан<тине> Федор<овиче>, которая задержалась перерывом в Судаке.[4]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с письмом А.М. Петровой от 31 августа 1907 г.: «Милый, Максимилиан Александрович! Чтобы не перепутать и не забыть пишу Вам по пунктам. 1) Вы позабыли у меня те 25 рублей, что Пешковский просил передать Елене Оттобальдовне. <...> Что с ними делать? Переслать ли по почте или сохранить до востребования? 2) Константин Феод<орович> просит Вас написать ему имя и отчество Рябушинского; от него он получил личное приглашение в “Золотое Руно” и не может ответить по незнанию. <...> 3) Самый страшный пункт! В пятницу или субботу (7-го или 8-го) собираемся к Вам на 1–2 дня в следующем составе:

Cu – Константин Феодорович,

Cu_2O – Супруга его.

Hy – Екатерина Николаевна,

H_2O Петр Николаевич,

CO_2 – Ваша покорная слуга.

Удобоваримо ли это? Если у Вас какие-либо планы на эти дни, то, пожалуйста, сообщите; очень не хотели бы помешать. Что де-

лаетс?....» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 16–16 об.). В письме А.М. Петровой речь идет о феодосийцах: К.Ф. Богаевском и его жене Ж.Г. Богаевской (урожд. Дуранте), П.Н. Лампси и Е.Н. Латри.

[2] Почти всю третью декаду августа Волошины провели в Судаке у сестер Герцык.

[3] Понедельник – 3 сентября.

[4] Статья Волошина «К.Ф. Богаевский» была опубликована в журнале «Золотое Руно» (1907. № 10). (См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 177–186, 675). Замысел этой статьи возник у Волошина еще зимой 1906–1907 г. См. п. 105. Позже в письме от 24 января 1908 г. А.М. Петрова признается Волошину: «Костенька наш золотой сердчает на Вас за статью в “Руне”. И я тоже очень...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 20).

127. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 8 сентября 1907 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна!

На днях приезжает в Коктебель Анна Рудольфовна Минцлова: морем из Одессы.[2]

Т<ак> к<ак> я никогда не уверен, смогу ли я приехать из Коктебеля, чтобы встретить, то я прошу ее непременно зайти с парохода к Вам, а Вас очень прошу помочь ей из Феодосии переправиться в Коктебель, т<ак> к<ак> она очень неприспособлена к жизни практической. Прошу Вас об этом без всякого стеснения, так как знаю, что встреча и знакомство с ней для каждого величайшее счастье, и мне хочется, чтобы Вы хоть несколько минут пробыли с ней наедине, и чтобы она была в Вашем доме.

Я, вероятно, буду на днях в Феодосии (может в понедельник), чтобы встретить кузин Мар<гариты> Вас<ильевны>, что приезжают в Коктебель.[3] Еще просьба: не можете ли Вы узнать, у кого в Феодосии можно достать *пианино* на прокат в Коктебель (!!!).

Это для одной из кузин, которая поет.[4]

До свиданья.

М. Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с почтовым штемпелем получения: Феодосия. 9.09.07.

[2] А.Р. Минцлова приехала в Коктебель только 20 сентября. См. запись от 20 сентября в дневнике Волошина «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 270).

[3] 15 сентября 1907 г. Волошин пешком пошел в Феодосию, чтобы встретить кузин М.В. Сабашниковой — А.Н. Иванову и Е.Н. Гофман (Труды и дни. С. 190).

[4] Пианино требовалось для занятий А. Ивановой, певице.

128. В.Я. БРЮСОВУ

7 декабря 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Валерий!

В день моего отъезда из Москвы[2] я видел у Эллиса первый том полного собрания Ваших стихов.

Не будете ли Вы добры прислать мне экземпляр, т<ак> к<ак> мне очень хочется писать о нем[3].

Мой петербургский адрес: Пушкинская 7, кв. 39. Привет.

Максимилиан Волошин.

7 декабря 1907 г.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Петербург. 7.12.07; Москва. 9.12 07.

[2] Волошин прибыл в Москву 19 ноября и уехал оттуда в Петербург 5 декабря 1907 г. (Труды и дни. С. 192, 193).

[3] В библиотеке Дома-музея М.А. Волошина сохранилась книга Брюсова «Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. I» (М.: Скорпион. 1908) с надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину дружески Валерий Брюсов. 1909. Пб.». Судя по датировке и топографическому указанию (Петербург), надпись была сделана позднее — в начале марта 1909 г., когда Брюсов и Волошин встречались в Петербурге; в частности, 3 марта 1909 г. Брюсов слушал лекцию Волошина «Аполлон и мышь»: «Был на лекции Макса о мыши (!)», — сообщал он 4 марта И.М. Брюсовой (РГБ, ф. 386, карт. 69, ед. хр. 6).

129. А.М. РЕМИЗОВУ

14 декабря 1907 г. Петербург[1]

Невский 34.
Мебл<ированные> комн<аты> «Эрмитаж».

Дорогой Алексей Михайлович!

Очень, очень благодарен Вам за книгу[2] и за письмо. Но не знаю, смогу ли я быть во вторник. Через 3 дня по приезде в Петербург[3] я заболел астмой и вот уже 6 дней сижу у себя дома и не только выходить, но и спать не могу.

Иначе я давно уже был бы у Вас, т<ак> к<ак> страшно хочется Вас видеть. Б<ожьей> м<илостью> Вы сами, если найдете минутку, зашли бы ко мне до вторника.

Мой привет Серафиме Павловне и зайцам.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с письмом А.М. Ремизова от 14 декабря 1907 г.: «Дорогой Максимилиан Александрович! Хотелось бы Вас повидать – мы скоро пойдем к Наташе на елку – если Вам можно, приходите во вторник 18 декабря вечером.

Кланяемся Елене Оттобальдовне и просим ее с Вами к нам. У меня завелись два зайца, которые вот уже 5<-й> месяц едят морковку и ни на кого не обращают никакого внимания» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 4. Упоминается Наталья Алексеевна Ремизова (1904–1943), дочь Ремизова).

[2] Вероятно речь идет о книге Ремизова «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб.: Оры, 1907). См.: Труды и дни. С. 194.

[3] Волошин приехал в Петербург 6 декабря (Труды и дни. С. 193).

[4] С.П. Ремизова-Довгелло. Зайцы – игрушки (видимо, смастеренные Ремизовым). Ср. описания ремизовских игрушек (в том числе и «Зайчика Иваныча») в статье Волошина «Алексей Ремизов. “Посолонь”» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 56–57).

130. И.И. САМОНЕНКО

15 декабря 1907 г. Петербург[1]

73 Невский.
Мебл<ированные> комн<аты> «Эрмитаж».

Милостивый Государь!

Ваше письмо, приглашающее меня к участию в сборнике «Чтец-Декламатор»,[2] я получил, к сожалению, лишь два месяца после его отправки, т<ак> к<ак> уже более полгода не был в Петербурге и возвратился только теперь.[3]

Вы просите меня указать Вам мои стихотворения для Вашего Сборника. Т<ак> к<ак> книга моя еще не вышла,[4] то укажу Вам на журналы, в которых можно найти мои стихи. В «Перевале» в № 2 в конце моей статьи «Пророки и мстители» помещено мое стихотворение «Ангел Мщенья», для декламации подходящее и уже не раз перепечатанное.[5] В том же «Перевале» в одном из летних №№ вы найдете серию моих стихотворений «Руанский собор» и в последнем № «Перевала» стих<отворение> «Письмо».[6]

В одном из летних №№ «Золотого Руна» помещена серия моих стихов «Terre Antique».[7]

И еще могу сослаться на Альманахи: «Ор», «Белые Ночи», «Северные Цветы» (III книга).[8]

Я посоветовал бы Вам выбрать «Ангел Мщенья». Из «Руанского Собора» — «Стигматы» и «Погребение» и потом еще два сонета «Киммерийские сумерки», что были помещены в одной из осенних книжек «Русской Мысли» 1907 г.[9]

Ссылаюсь на эти журналы, предполагая, что все эти издания должны быть у Вас под руками.

О первых двух сборниках «Чтеца-Декламатора» понятие имею, но не точное. Поэтому прошу Вас выслать мне оба тома, тем более что в них, как я знаю, было напечатано мое стихотворение «В вагоне».[10]

Мой адрес на всю эту зиму: Невский 73. Меблирован<ные> комнаты «Эрмитаж». Максимилиану Александровичу Кириенко-Волошину.

Да! Еще могу Вам очень рекомендовать как стихотворение, подходящее для сцены: «Голова M-me de Lamballe». Оно было напечатано в «Красном Знамени» и перепечатано затем во многих русских журналах и сборниках (в газете «Русь», в сборнике «В Борьбе»).[11]

Если Вы не сможете найти какого-нибудь из этих стихотворений — то напишите мне, и я пришлю Вам. Теперь же не могу сделать этого, т<ак> к<ак> не знаю ни рода стихотв<орений>, которые Вы ищете, ни числа, котор<ое> Вы желали бы иметь.

Стихотв<орения> неизданные могу прислать только под условием уплаты гонорара.

Что касается моего портрета, то в настоящую минуту у меня нет такового под руками.

Если еще есть время, то напишите — я постараюсь достать.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Петербург. 15.12.07. Получено в Киеве 19 декабря.

[2] Письма И.И. Самоненко к Волошину не выявлены. Серию сборников под общим заглавием «Чтец-декламатор» Самоненко начал издавать в Киеве в 1902 г.

[3] См. примеч. 2 к п. 128.

[4] Авторская книга стихотворений Волошина.

[5] См. примеч. 3 к п. 81. Стихотворение «Ангел мщения» («Народу русскому: Я скорбный ангел мщенья...») было еще до его публикации в составе статьи «Пророки и мстители» напечатано 29 июня 1906 г. в газете «Двадцатый век», в парижском журнале «Красное Знамя» (1906. № 1. С. 73) и в сборнике «В борьбе» (СПб., 1906. Вып. 3. С. <18>).

[6] См. примеч. 3 к п. 116, примеч. 3 к п. 102.

[7] Цикл «Terre antique» составили пять стихотворений: «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...», «Темны лики весны. Замутились влагой долины...», «Травою жесткою, пахучей и седой...», «Равнина вод колышется широко...», «Грот нимф» («О, странник-человек! Познай Священный Грот...») (Золотое Руно. 1907. № 4. С. 27—29).

[8] См. примеч. 2 к п. 113, примеч. 5 к п. 122. В «Северных Цветах. III альманахе книгоиздательства “Скорпион”» (М., 1903) было

опубликовано одно стихотворение Волошина — «В вагоне». Вероятно, в данном случае Волошин подразумевает «Северные цветы ассирийские. Альманах IV книгоиздательства “Скорпион”» (М., 1905), в котором был напечатан его цикл из семи стихотворений «Минуты прозрений» (с. 51—55).

[9] Под общим заглавием «Киммерийские сумерки» в «Русской Мысли» были помещены сонеты Волошина «Над темной рябью вод встает из глубины...» и «Запал багровый свет. Над тусклою водой...» (1907. № 9. Отд. I. С. 60—61).

[10] Имеются в виду издания: Чтец-декламатор. Художественный сборник стихотворений. Киев: Изд. И.И. Самоненко, <1902>; Чтец-декламатор. Т. 2. Стихотворения, рассказы, монологи и стихотворения в прозе; Юмористические рассказы и стихотворения. Киев: Изд. И.И. Самоненко, <1905>. Стихотворение «В вагоне» во втором из указанных сборников не было перепечатано (первый сборник вышел в свет до публикации волошинского стихотворения в 3-м альманахе «Северные цветы»); было помещено в этом издании позднее (см.: Чтец-декламатор. Т. II. Киев: И.И. Самоненко, 1909. С. 57—58).

[11] Под заглавием «Голова Princesse de Lamballe» это стихотворение было напечатано 26 июня 1906 г. в газете «Двадцатый век», под заглавием «Голова принцессы Ламбаль» — в журнале «Красное Знамя» (1906. № 1. С. 72) и в сборнике «Вольница» (СПб., 1906. Сб. 2. С. 26).

131. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

18/31 декабря 1907 г. Петербург

СПБ. Невский 73.
Мебл<ированные> комнаты.
18/31 декабр<я> 1907.

Дорогая Александра Васильевна!

Поздравляю Вас с новым годом. В эту ночь я был опять с Вами, как прошлые годы.

И ровно год прошел с тех пор, как я писал Вам в последний раз.[1] Но мне было очень трудно писать Вам, невозможно отвечать тогда на то письмо, которым Вы ответили мне — письмо, полное предостережений о Вячеславе.[2]

Я получил его как раз в тот день, когда мы переселились в одну квартиру с Ивановыми. И почти с того же дня началась у меня внутренняя борьба с ним или скорее внутренняя борьба с самим собой между любовью и ненавистью к нему. Письмо Ваше было слишком сильным аргументом против него, и поэтому я не мог писать, не мог отвечать Вам.

Против моей воли жизнь Вячеслава и Лидии сплелась слишком тесно с нашей жизнью – моей и Амориной.[3] И я много раз стоял на грани окончательной вражды.

И только теперь – в самое последнее время, когда мы встретились с ним снова уже после смерти Лидии,[4] стало мне окончательно ясно, что мы друзья, а не враги.

Это была в моей жизни, б<ыть> м<ожет>, самая тяжелая борьба с человеком, и я ее выдержал, не поступившись *ничем своим.*

Но были очень трудные минуты, и Ваше письмо, Александра Васильевна, было тоже тем, против чего надо было бороться.

Поэтому, когда были нерешительность, колебания и сомнения, нельзя было Вам писать, потому что чувствовал, что Вам надо дать ответ.

Но летом <в> Коктебеле я был часто мысленно с Вами.[5]

В честь Вас моя комната была украшена сухими репейниками, и, перечитывая несколько раз «Axel»[6] и «Canne de Jaspe»,[7] которые только теперь стали мне настольными книгами, я тоже говорил с Вами и часто вспоминал Ваш маленький рабочий стол и большое окно с чащей каштановых листьев.

В настоящее время я в Петербурге и один. Т<ак> к<ак> Марг<арита> Васильевна со своей матерью[8] и кузиной Нюшей,[9] которые обе больны, уехали на всю зиму в Рим (сейчас они еще в Берлине).[10] Я очень рад, что это так устроилось. Петербургская жизнь для Марг<ариты> Вас<ильевны> слишком тяжела и слишком полна волнений и потрясений.

Мне же приходится быть в Петербурге (хотя в глубине сердца я предпочел бы вернуться скорее в Париж, по которо-

му очень тоскую), так как нет никакого определенного заработка.

Я по-прежнему работаю в «Руси». Но она так подавлена запрещениями и штрафами, что платит аккуратно только тогда, когда сам находишься в Петербурге. Да вообще теперь как-то ни на одну газету нельзя положиться в России: еще не успеешь доехать до Парижа, как ее закроют. Так что приходится быть в Петербурге.

Против меня еще теперь ведется уголовное дело по обвинению в кощунстве. За статью о романе R. de Gourmont «Une Nuit au Luxembourg».[11] Обвинение самое нелепое. Т<ак> к<ак> я высказывался *против* этого романа, а сам он был уже переведен по-русски.[12] Но если меня признают виновным, то единственное наказание по этому пункту — ссылка на поселение без срока. Пока же до суда я прикреплен к Петербургу.

Тем не менее я надеюсь, что к весне я смогу уехать за границу. Мне теперь так хотело<сь> снова на много, много лет в Париж.

Для поэзии моей год этот был плодотворен — я писал много и чувствую, что подвинулся вперед в смысле честности и четкости стиха.

Летом написал целый ряд сонетов об архаическом Крыме под заглавием «Киммерийские сумерки».[13]

Вопрос о книге стихов моих все еще остается открытым. Одна маленькая книга избранных стихов была даже уже набрана, но я сам отказался от нее.[14]

Теперь так много издается стихов талантливых, но всегда небрежных, что хочется дать нечто вполне законченное, не случайное.

Мне очень хочется знать об Вас, о Владимир<е> Август<овиче>, о Семеновых, о Lolo и Татухе, об Уке, о Каролине...[15]

Над чем работаете Вы теперь? Вышел ли второй том Вашей английской книги?[16]

Как живут Гили, Леви и Ван Беверы?

Передайте им мой привет.

Мой самый дружественный привет Владимиру Августовичу, Натал<ье> Влад<имировне>, Уке и Каролине.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о письме Волошина от 31 декабря 1906 г. – 1 января 1907 г. (п. 104).

[2] Имеется в виду письмо А.В. Гольштейн Волошину от 22 января (н.ст.) 1907 г., в котором прозвучала резкая критика не только стихов Волошина, но и его творческой позиции и натуры. См. п. 104, примеч. 25.

[3] Речь идет о сложных личных отношениях зимы-весны 1907 г. между супругами Волошиными и Ивановыми. См. п. 109, примеч. 3.

[4] Л.Д. Зиновьева-Аннибал умерла в три дня от скарлатины 17 октября в имении Загорье Могилевской губернии, где Ивановы проводили лето.

[5] А.В. Гольштейн ответила Волошину на его признания 5 января (н.ст.) 1908 г.: «Дорогой друг. Я была до глубины души тронута Вашим письмом. Оно из тех, которые лучше всяких теорий доказывают, <...> что помимо "отношений" существует высшее средство и что это ...навеки нерушимо... Я знала, что мое письмо стоит между нами препятствием к внешнему общению, но знала, что внутреннее общение останется и навсегда останется, даже если никогда не вернется между нами внешнее общение. Я знала, что враг силен, но верила в чуткость... души моего поэта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 25).

[6] «Аксель» (1889) – драма-мистерия Вилье де Лиль-Адана.

[7] Сборник рассказов Анри де Ренье «Яшмовая трость» (1897).

[8] М.А. Сабашникова.

[9] А.Н. Иванова.

[10] М.В. Сабашникова с А.Н. Ивановой, которая перенесла тяжелое воспаление легких, выехали из Москвы в Берлин 11/24 декабря 1907 г., затем они посетили Флоренцию, с 29 декабря / 11 января находились в Риме. М.А. Сабашникова присоединилась к дочери 20 декабря (ст.ст.) в Берлине (Труды и дни. С. 194).

[11] Роман Реми де Гурмона «Ночь в Люксембурге» (1907). Статья Волошина о нем была опубликована в газете «Русь» 30 июня 1907 г. (№ 168). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 82–92, 643–644. Сведениями о судебном деле, о котором говорит Волошин, мы не располагаем.

[12] Публикация русского перевода романа Реми де Гурмона («Ночь в Люксембургском саду») была осуществлена в «Вестнике Иностранной литературы» (1907. № 5. С. 1—50).

[13] См.: Т. 1 наст. изд. С. 88—96, 463—467.

[14] Речь идет о книге стихов «Ad Rosam» («Звезда-полынь»). См. п. 102, примеч. 6.

[15] В.А. Гольштейн, Н.В. Семенова и Ю.Ф. Семенов, А.Ю. Семенов, Н.Ю. Семенова, А.В. Гольштейн, Каролина Яковлевна.

[16] См. п. 104, примеч. 17.

132. А.М. РЕМИЗОВУ

18 декабря 1907 г. Петербург[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Я еще не могу выходить[2] и потому, к сожалению, не могу быть у Вас. Посылаю к Вам вместо себя мою большую приятельницу англичанку художницу miss Violet Hart.[3]

Привет Серафиме Павловне.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 194.

[2] По приезде в Петербург Волошин сильно простудился и заболел.

[3] В. Харт.

[4] С.П. Ремизова-Довгелло.

133. А.К. ГЕРЦЫК И Е.К. ГЕРЦЫК

Около 25 декабря 1907 г. Петербург[1]

Дорогие Адель Казимировна и Евгения Казимировна!

Прежде всего поздравляю Вас с праздником.

Долговременное мое заключение[2] заставляет меня оценить разные виды роскоши, которые раньше я не ценил по

всей справедливости, имея возможность пользоваться ими по желанию.

Теперь же я мечтаю о том, как я буду приходить к Вам вести долгие беседы, как только вполне восстановится мое ритмическое общение с миром духов, которое, как известно, происходит посредством дыхания.

Думаю, что болезнь, посланная мне, не случайна и что «некое нарушение было совершено мною самим». Но в чем оно, дать себе отчета не могу.

Очень благодарю Вас за Плотина и Бёме.[3] Не отнял ли я его у Вас? Может, Вы занимались им теперь. Тем более, что я просил кого-нибудь одного из них. Читать их обоих сразу нельзя.

Поэтому пока я возвращаю Бёме. А у Плотина я нашел уже очень важные вещи – некоторые почти буквальные совпадения в мыслях и даже словах с «Отдыхом Седьмого Дня».[4]

Я только что закончил статью о Брюсове – Его общую характеристику как поэта.[5]

Прежде чем дать ее в «Русь», мне бы очень, очень хотелось бы, *надо* было бы ее прочесть Вам.

Б<ыть> может, это можно было бы сделать сегодня вечером или завтра утром? Может, Вы можете заехать ко мне?

Я прошу тоже Веру Степановну[6] об этом, но боюсь совершить неловкость и стеснить ее моим приглашением. Пожалуйста, сделайте, чтобы это не было никакой неловкостью.

Как чувствует себя Евг<ения> Антон<овна>[7] в Петербурге?

Очень хотелось бы видеть Владимира Казимир<овича>.[8]

Привет им и Вам.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с упоминанием в письме праздника – Рождества. Это письмо приводится Е. Герцык в «Воспоминаниях» в следующей редакции текста (без окончания):

«Дорогие Аделаида Казимировна и Евгения Казимировна! Прежде всего поздравляю вас с праздником. Долговременное мое

заключение заставило меня оценить разные виды роскоши, которые раньше я недостаточно ценил, имея возможность пользоваться по желанию. Теперь же я мечтаю, как буду приходить к вам, вести длинные беседы, как только восстановится мое ритмическое общение с миром духов, которое, как известно, происходит посредством дыхания.

Как мне благодарить вас за пожелания и за книги. И Бальмонт, и Плотин, и... индюк. Этот дар Веры Степановны тронул меня больше всего и польстил. Я почувствовал себя древним трубадуром. Зимой, когда они удалялись в тишину своего дома и подготовляли к летним странствиям новые песни, из окрестных замков, согласно обычаю, им присылали дары: жареных кабанов, оленей, индюков. Вы понимаете, с какой гордостью приму восстановление этих прекрасных литературных традиций.

У Плотина я нашел очень важные вещи – некоторые почти буквальные совпадения в мыслях и даже словах с Клоделем, о котором мысленно уже пишу.

Я только что закончил статью о Брюсове. Его общую характеристику как поэта. Прежде чем отдать ее в “Русь”, мне бы очень хотелось, *надо* было бы прочесть ее вам. Может, это можно было бы сделать сегодня вечером или завтра утром? Может, вы можете заехать ко мне?..» (*Герцык Е.* Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 196). Этот вариант письма возник в результате контаминации двух писем Волошина – к сестрам Герцык и его письма к В.С. Гриневич (п. 134).

[2] Речь идет о болезни Волошина – приступах астмы, последовавших за простудой.

[3] Книги Плотина и Якоба Бёме из библиотеки семьи Герцык.

[4] Имеется в виду драма Поля Клоделя «Le repos du septième jour» (1901), перевод которой Волошин осуществил в 1908 г. См. п. 166, примеч. 2.

[5] Речь идет о статье Волошина «Валерий Брюсов. “Пути и перепутья”. Том I собрания стихов, издат. «Скорпион» 1908», которая была опубликована в газете «Русь» 29 декабря 1907 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 110–123.

[6] В.С. Гриневич. Ср. п. 134.

[7] Е.А. Герцык.

[8] В.К. Герцык.

134. В.С. ГРИНЕВИЧ

Около 25 декабря 1907 г. Петербург

Дорогая Вера Степановна,

как мне благодарить Вас за пожелания и за книги.

И Бальмонт, и Плотин и... индюк...[1] Последнее намерение Ваше тронуло меня больше всего и польстило. Я почувствовал себя древним трубадуром. Зимой, когда они удалялись в тишину своего дома и подготовляли к летним странствиям новые песни, из окрестных замков согласно обычаям им присылали дары: жареных кабанов, оленей и индюков...

Вы понимаете поэтому, с какой гордостью приму восстановление этих прекрасных литературных традиций.

Только лишь раскрыв «Эннеады»,[2] я нашел там мысли, которые были мне необходимы для статьи о Клоделе.[3] Об нем есть между прочим интересная статья Рене Гиля в «Весах».[4] Но я с ней не вполне согласен.

Я только что закончил статью о Валерии Брюсове. Его общую характеристику по поводу «Путей и Перепутьев». Мне бы очень хотелось прочесть ее Вам и Герцыкам, прежде чем послать в «Русь».[5] Но я выходить еще не могу,[6] и с другой стороны совсем не знаю, могу ли просить Вас заехать ко мне, т<ак> к<ак> это может быть стеснительно для Вас. Но если Вы соберетесь сегодня или завтра, я буду очень, очень рад Вам.

О книге Бальмонта я думаю написать.[7] Она мне навеяла много воспоминаний – все эти статьи писались и читались при мне, так или иначе входя в мою жизнь.

Но сейчас я хочу быстро написать фельетон о Теософск<ом> Сборнике (это очень надо, мне думается)[8] и затем работать над статьей о Клоделе, которая уже созрела в душе.

Посылаю Вам «Divagations» Маллармэ.[9] Вы, кажется, их не знаете. А это все-таки высшее воплощение Латинской души, и Клодель, как справедливо утверждает Рене Гиль, вышел отсюда.[10]

До свиданья.

Поздравляю Вас с праздником и еще благодарю за Ваше внимание.

Максимилиан Волошин.

[1] Перечисляются рождественские подношения (ср. п. 133). Книга К.Д. Бальмонта, вышедшая в декабре 1907 г., — «Белые зарницы. Мысли и впечатления» (СПб., изд. М.В. Пирожкова, 1908).

[2] «Эннеады» — собрание сочинений Плотина, составленное и изданное его учеником Порфирием; состоит из шести разделов по девять трактатов. Во французском переводе Буйе (W. N. Bouillet) «Эннеады» изданы в трех томах в 1857—1861 гг.

[3] Замысел работы о Поле Клоделе был осуществлен Волошиным значительно позднее. См.: Т. 3 наст. изд. С. 94—133, 488. Плотин упомянут в ней в ряду авторов, на которых Клодель «воспитал свою мысль» (Там же. С. 95).

[4] Имеется в виду статья Рене Гиля «Поль Клодель и Сен-Поль-Ру» (Весы. 1907. № 12. С. 65—74), представляющая собой рецензию на книги: *Claudel Paul*. Connaissance de l'Est. — Art poétique. Deux volumes. Paris: Ed. Mercure de France, 1907; *Saint-Pol Roux*. Les Féeries intérrieures. Vol. III des «Reposoirs de la Procession». Paris: Ed. Mercure de France, 1907.

[5] См. п. 133, примеч. 5.

[6] Последствия заболевания астмой.

[7] Это намерение не было осуществлено.

[8] Статья Волошина «О теософии», представлявшая собой отклик на выход в свет в декабре 1907 г. сборника статей «Вопросы Теософии» (Вып. 1. СПб., 1907), была написана и подготовлена к печати, но осталась неопубликованной. См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 236—246, 837—840.

[9] Книга прозы Малларме «Разглагольствования» («Divigations», 1897).

[10] Имеется в виду следующая характеристика «Art poétique» Клоделя, данная Гилем: «На иных же страницах, проследовав за ним по вычурным изгибам его диалектики и примирившись с торжественностью его тона (наподобие «Divagations» Малларме, которые, несмотря на мое поклонение перед учителем, не могут мне нравиться), <...> мы вдруг находим давно признанную мысль...» (Весы. 2907. № 12. С. 69).

135. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

27 декабря 1907 г. Петербург

Невский 73.
27 декабря 1907.

Дорогая Александра Васильевна, Ваше письмо принесло мне большую радость и скрепило мою волю к Парижу.[1] Мне почувствовалось совсем необходимым быть там и беседовать с Вами.

В России жить очень тяжело, особенно в Петербурге. Зато особенно чувствуешь всю «inélégance de la vie».* И потом, жизнь здесь идет не творчеством, не событиями, а «переживаниями», чего я совсем не выношу теперь. Быть может, я так мрачно смотрю на Петербург, потому что я здесь задыхаюсь в буквальном смысле. Вот уже месяц, как я сюда приехал и все время прикован к своей неуютной меблированной комнате приступами астмы и удушья.

Но я хочу говорить прежде всего о Вячеславе и Лидии.[2] Все дети с Марьей Михайловной[3] здесь, с Вячеславом, и живут на «башне». Только Сережа[4] в университете в Юрьеве, но и он теперь приехал на каникулы. У всех детей страшная любовь, привязанность к Вячеславу и трогательная заботливость о нем. Сережа хлопочет об том, чтобы принять его имя.

Вера[5] ни на минуту не оставляет его и проводит с ним все ночи. Она очень замкнута, печальна, сильна и строга. Он хочет, чтобы она все знала, что касается жизни Лидии и его. И она молча присутствует при всех его разговорах.

Жизнь Лидии за последний год была непрерывным горением. Еще зимой во время своей большой болезни она два раза была на пороге смерти. Выздоравливая, она писала «Трагический Зверинец».[6] Все лето в «Загорье»[7] для нее было одним порывом вдохновения и работы. Мне все-таки кажется, что уже в «Трагическом Зверинце» она нашла себя и свой язык. Я очень люблю эту книгу. Она писала стихи, и Вячесл<ав> читал мне ее прекрасное стихотворение, напи-

* Неизящество жизни *(фр.)*.

санное за несколько дней до смерти. Болезнь и смерть были молниеносны. Она сгорела в том же страшном восторге, в котором она жила в последние месяцы. Она сознавала смерть и умирала с радостной улыбкой. Последние слова ее, сказанные уже в бреду, были: «Возвещаю вам великую радость: Христос родился!»

В ней была страшная борьба с Вячеслав<ом> и ***за*** Вячеслава этот год. И смерть была ее победой и заветом.[8]

Я знаю и понимаю, что Вы называете «Злым Гением» в Вячеславе.[9] Но ведь Вы же знаете, что в нем есть и другое. За это другое я продолжал его любить в минуты наибольшей боли и враждебности, нас разделявшей. Я знаю, что его близость страшно гибельна для всех, кто близок ему, особенно для тех, кого он любит. Он не умеет обращаться с людьми, он ломает и коверкает их. Надо страшную силу иметь в себе и страшную любовь к нему, чтобы бороться и противустоять ему. Но эта Злая сила в нем, но не от него. И теперь я не могу ее ставить в вину ему, потому что и для него самого она такая же боль и такое же испытание.

Всё это время после смерти Лидии до последних дней с ним была неотлучно Анна Рудольфовна,[10] которую Вы знаете только по немногим моим словам. (Она имела очень большое значение в моей жизни). Это страшно сильный и всегда пламенеющий дух. Эти месяцы она всецело отдала ему и борьбе со «Злым Гением».

И она закрепила и утвердила в душе его победу Лидии.

Он еще не может пока работать. Но думаю, что теперь он войдет в жизнь совсем иным и преображенным.

Их материальное состояние очень плохо. Вы ведь знаете, что прошлой зимой Зиновьевы совершенно разорились, и у Лидии не оставалось больше ничего. Как сложится их жизнь теперь, невозможно предвидеть. Во всяком случае все дети не хотят жить иначе, как с Вячеславом.

Мне было страшно радостно, более даже радостно, чем я думал, услыхать звуки Вашего голоса. Родные аполлонические звуки, по которым я страсть тоск<у>ю среди всех этих всероссийских дионисических переживаний.

Здесь легко отдавать — поэтому легче писать и работать. Но неоткуда брать, не на что опереться. Здесь так легко потерять все критерии вкуса и гармонии.

Здесь только строгий и безрадостный Коктебель спасает меня.

Мне страшно хочется в Париж. У меня много планов работ, что осуществимы только там. И потом, мне так хочется гармонии и стройности во внешней жизни, которых так мучительно не достает здесь.

За строки о Бальмонте очень благодарю Вас.[11] Я так часто *это* думаю о нем среди всего того, что здесь. Так радостно бывает почувствовать его аристократическое благородство.

Вот еще из моих последних стихов. (Коктебельских)[12]

Над горестной Землей, пустынной и огромной,
Больной прерывистым дыханием ветров,
Безумной полднями, облитой кровью темной
Закланных вечеров,
Свой лик бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несешь ты славе Дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.
Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь Креста к закату клонишь ты,
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.
На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры — сторожа покинутой Земли
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Растет тогда вдали.
И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письмена дорог, начертанных в пустыне,
И числа стройных звезд.

* * *

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, спят на пороге пустынь.
В чёрно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоённых духом лаванды,
Тёмным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
В зное плывут над землёй.
«Травы древних могил, мы взросли из вещего праха,
К свету из ночи и тьмы, к солнцу на зов возросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха,
Тайны умершей Земли.
В зное полдней глухих мы пьянеем, горькие травы.
Млея по красным холмам, с иссиня-серых камней.
Душный шлём фимиам — благовонья сладкой отравы —
В море расплавленных дней.

Я все-таки жду от Вас, Алекс<андра> Васильевна, письма о Вас, о Ваших планах и работах, о всех Ваших и о наших Парижских друзьях. Привет всему дому.

1

Рдяны краски
Воздух чист.
Вьется в пляске
Алый лист.
Это осень.
Далей просинь.
Гулы сосен.
Веток свист.

2

Ветер клонит
Ряд ракит.
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати
И на скате
Перекати-
Поле мчит.

3

Воды мутит,
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

4

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили
Пепеля.
Чьи-то руки
Напружили.
Точно луки
Тополя.

5

В море прянет —
Вир встает.
Воды стянет,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти
Дышит в пасти
Пенных вод.

6

Ввысь — в червленый
Солнца диск
Миллионы
Алых брызг!
Струй отливы,
Гребней взвивы
Коней гривы,
Пены взвизг!

Гроза в Крымских Степях

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью –
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью.
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам,
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло.

То Землю древнюю, тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду письмо Гольштейн от 5 января (н.ст.) 1908 г.

[2] Гольштейн тяжело переживала смерть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, а в упомянутом письме к Волошину интересовалась: «Напишите мне непременно все внешнее, касающееся детей моей бедной Лидии. Где они будут жить, чем они будут жить, в каком они состоянии после кончины матери» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 26).

[3] М.М. Замятнина.

[4] С.К. Шварсалон.

[5] В.К. Шварсалон.

[6] Книга рассказов Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (СПб.: Оры, 1907), вышла в свет в июне 1907 г.

[7] В имение Загорье (Могилевской губернии) Ивановы прибыли 21 июня 1907 г. и провели там оставшуюся часть лета и часть осени.

[8] Подробности о смерти Л.Д. Зиновьевой-Аннибал Волошин знал со слов Вяч. Иванова, с которым встретился 24 ноября 1907 г. в Москве; запись беседы см.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 286–287.

[9] О своем негативном отношении к человеческим качествам Вяч. Иванова А.В. Гольштейн неоднократно писала Волошину. См. п. 104, примеч. 10, см. ниже п. 137.

[10] А.Р. Минцлова.

[11] Речь идет о признаниях А.В. Гольштейн из недатированного письма 1907 г., в котором она описала свое посещение русского поэтического вечера и впечатления от выступления Бальмонта, отмечая его «аристократический революционаризм»: «И вдруг я в первый раз увидела Бальмонта. Как все просто и как все из духа вышедшее. Глубоко, широко и без лести черни. <...> Тогда я в первый раз увидела настоящее я Бальмонта <...> не обезьянье, не фокусное, а другое, наверное, настоящее. И вот это Бальмонтовское *я*, я <...> и полюбила навсегда. А это к тому, что я многое поняла в Вас, когда увидела

Бальмонта. А еще к тому, что я всегда и беспощадно ругала Вам Бальмонта, и поэтому нахожу необходимым Вам сказать, что я его теперь видела в первый раз и, конечно, всегда буду любить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 81 об. – 82).

[12] См.: Т. 1 наст. изд. С. 102, 113, 100, 92.

136. В.Я. БРЮСОВУ

27 декабря 1907 г. Петербург[1]

Невский 73. Меблир<ованные> комн<аты>.

Дорогой Валерий!

Очень благодарю Вас за «Пути и перепутья».[2] Их появление дало мне, наконец, возможность написать статью о Вас. Она уже написана и на днях, вероятно, появится в «Руси».[3] Написав ее, я почувствовал, что она только первая из целой серии. В данной статье я ограничиваюсь только «Путями и перепутьями», т.е. лишь корнями и ростом, но не венцом.

Исходная метафора всей статьи – это установление Вами Римской Империи в русск<ой> поэзии и воля к власти, которая ведет Вас от одного осуществления к другому.

Вячеслав,[4] которому я читал эту статью, был очень против ее и даже просил ее не печатать. Но я уверен в том, что то, что я говорю о Вас, должно быть сказано и оскорбительным для Вас быть не может. Я вижу в Вас поэта Завоевателя, основателя Империй и установителя Законов, и «Пути и перепутья», приведшие Вас к Империи, для меня важны и драгоценны. В глубине сердца мне бы хотелось написать о Вас книгу, подобную «Il Principe»,[5] но к этому я не чувствую еще себя готовым.

До свиданья.

Максимилиан.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Петербург. 27.12.07; Москва. 28.12.07.

[2] См. примеч. 3 к п. 128.

[3] См. примеч. 5 к п. 133 и примеч. 5 к п. 134. В первый том «Путей и перепутий» входили стихотворения Брюсова 1892–1901 гг., распределенные по трем разделам: «Юношеские стихотворения», «Это – я», «Третья стража».

[4] Вяч. И. Иванов.
[5] «Il Principe» («Государь») – известный политический трактат Никколо Макьявелли (1469–1527), изданный в 1532 г. и возвеличивающий сильного монарха-деспота, который не пренебрегает никакими средствами во имя национальных интересов.

137. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

29 декабря 1907 г. Петербург

73 Невский.
29 декабря 1907.

Дорогая Александра Васильевна! Мне хочется послать вам еще несколько слов вослед своему большому письму.[1]

Какая большая, честная и верная Ваша ненависть к Вячеславу! Она стоит всякой дружбы и всякой любви. И как любовь, она должна быть драгоценна тому, кому она отдана. Она великий дар.

Потом я не сказал в письме всего, что дали мне слова Ваши о Бальмонте.[2] Может быть, больше всего дали они мне Votre frisson*, и меня потянуло к Вам в Париж. Как я люблю Вашу пламенеющую справедливость, такую неправую и такую истинную.

Вы знаете, что я Ваших воспоминаний о Бакунине *не* получил. Вероятно, они или пропали, или были конфискованы.[3]

В глубине души я решил во что бы то ни стало весною ехать в Париж и снова на много лет. Теперь я буду делать все для осуществления этого. И теперь, решив вновь покинуть Россию, я поставил себе как долг до отъезда во что бы то ни стало издать две книги – *Книгу стихов* и *Сборник моих статей*.[4] Чувствую, что, не сделав это, не имею права уезжать. Надо ликвидировать эту эпоху и подвести итоги. Это чувство есть в душе. До свиданья. Мой горячий дружественный привет Владимиру Августовичу.[5]

Максимилиан Волошин

[1] См. п. 135.
[2] См. примеч. 11 к .п. 135.

---

* Ваша дрожь *(фр.)*.

[3] Речь идет о публикации: *Баулер А. <Гольштейн А.В.>* М.А. Бакунин накануне смерти: Воспоминания // Былое. 1907. № 7 (19). С. 62–87.

[4] До отъезда в Париж Волошину эти замыслы осуществить не удалось. В письме, начатом 24 января (н.ст.) 1908 г., А.В. Гольштейн откликнулась на это признание Волошина: «Я, конечно, страшно сочувствую Вашему плану издать свою поэзию и прозу. Насчет стихов ничего не опасаюсь, твердо верю, что сборник будет отличный (в смысле и *отличия*), но насчет прозы хочу Вас просить о величайшей осмотрительности. Не печатайте ничего, чем Вы не безусловно довольны. Бросьте за борт все, что просто парадоксально» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 33).

[5] В.А. Гольштейн.

138. И.И. САМОНЕНКО

Конец декабря (?) 1907 г. Петербург

Невский 73. С.П.Б.

Милостивый Государь!

Очень благодарю Вас за 2 книжки «Чтеца-Декламатора», которые я получил.[1] Посылаю Вам мою фотографию (с просьбой вернуть).

А также несколько стихотворений, которые, по-моему, на<и>более подходят к Вашему сборнику.[2] (Их Вы едва ли встречали). Относительно переводов иностранных поэтов я, к сожалению, ничего не могу указать Вам, т<ак> к<ак> не следил за этим. На всякий случай прилагаю три собствен<ных> перевода из Верхарна, б<ыть> м<ожет>, они будут Вам полезны.

Готовый к услугам

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 10 к п. 130.

[2] В сборнике «Чтец-декламатор. Стихи и проза. Т. 3. Новая поэзия» (Киев: И.И. Самоненко, 1908) были напечатаны стихотворения Волошина «Тесен мой мир» (с. 52), «Киммерийские сумерки» (I. «Старинным золотом и желчью напитал...», II. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...», III. «Над темной рябью вод встает

из глубины...») (С. 93–95), «Голова madame de Lamballe», «Полынь», «Осень» (С. 157–160), «Письмо» (С. 253– 260) и фотопортрет Волошина (С. 157). Год спустя в томе IV сборника «Чтец-декламатор. Антология современной поэзии» (Киев: И.И. Самоненко, 1909) также были помещены фотопортрет Волошина (С. 519) и его стихотворения «Киммерийские сумерки» (I. «Старинным золотом и желчью напитал...», II. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...»), «Зеркало», «Письмо. Отрывок», «В Булонском лесу», «Осень», «Полынь», «Голова madame de Lamballe» (С. 519–527).

1908

139. В.Я. БРЮСОВУ

3 января 1908 г. Петербург

3 января 1908 г.
Невский 73. Мебл<ированные> комн<аты>.

Дорогой Валерий!

Сегодня днем я получил Ваше письмо, которого ждал, и Ваш «протест».[1]

Составив ответ на него, я послал и «протест» и «ответ» Суворину с просьбой напечатать Ваш протест во что бы то ни стало, даже если, находя неудобным завязывать полемику, он не захочет напечатать моего «ответа». Только что я получил от него извещение, что и то, и другое появится либо завтра, либо послезавтра (4-го или 5-го января).

Я благодарен Вам за письмо, которое доказало мне, что статью мою Вы не приняли за действие вражде<б>ное Вам, чего я отчасти опасался. *Враждебности* к Вам у меня нет и не может быть, так как есть, наоборот, глубокое уважение и удивление к той силе преодоления и завоевания, которую я хотел особенно оттенить в моей статье о Вас.

Резкость и безжалостность Вашего письма в Редакцию тоже обрадовали меня, т<ак> к<ак> дали мне повод высказаться принципиально о приемах своей критики в «Ликах Творчества» и самому сказать о пределах, до коих, я считаю, простирается мое *право* критики.

Не буду излагать своего «Ответа», т<ак> к<ак> Вы, вер<о>ятно, получите номер газеты раньше, чем это письмо, которое пойдет лишь завтра утром.

В следующе<й> статье моей о Вас, как о поэте города,[2] ни наружности, ни личности мне не придется касаться, т<ак> к<ак> она будет посвящена лишь Вашему отношению к городу историческому и к городу будущего. Статья эта идет вразрез с теми мнениями, что уже установились о Вас в русс<кой> критике, и думаю, что дает более точные определения этой стороне Вашего творчества.

Последующих же статей я пока еще не вижу.

Ваше творчество для меня загадка, и поэтому я стараюсь ее разрешить честно, собирая все данные, характеризующие Вас как творца. Факты интимной жизни сюда, разумеется, не могут входить уже по тому одному, что в человеческих поступках и отношениях я очень мало понимаю и еще меньше замечаю и знаю. Для меня, таким образом, вне книги остаются три области, доступные моему чтению: лицо, вещи и слова.

Вопрос о личной обиде смущал меня. Но думаю, что это надо предоставить на волю судьбы и писать о живых так, как если бы они уже умерли сто лет назад.

Меня удивил очень Ваш протест против цитирования наших разговоров. Удивил потому, что когда я весною, предполагая писать о «Земной оси» и «Огненном Ангеле», спрашивал Вас, имеете ли Вы что-нибудь против того, чтобы я привел наши беседы о спиритизме (бывшие еще при самом первом знакомстве нашем),[3] Вы не высказали никакого протеста.

Вообще же я позволяю себе приводить только те собственные слова, которые были мною *тогда* же записаны.

Никак не ожидал я протеста против этого, и еще с Вашей стороны!

Во всяком случае на моей стороне все художественные традиции французской литературы: и Гонкуры, и Т. Готье, и А. Франс, и Баррэс, и Мирбо, и сам Вик<тор> Гюго, не говоря уже об едких личных выпадах Тальяда, не свойственных мне по темпераменту.

Мне очень жаль, что детство Ваше прошло не так, как я представил его себе по «Путям и перепут<ьям>»,[4] но т<ак> к<ак> я об нем не знаю ни слова и никогда не говорил с Вами, то моя фикция все же остается для меня единственною реаль-

ностью. Почему Вам, воспользовавшись обманом моей мечты, не дать самому, как опровержение легенды, которая может возникнуть из моих слов, воспоминаний о своем детстве и о первых шагах своего творчества? Такие литературные документы так драгоценны, что я буду гордиться тем, что ошибка моя послужит Вам толчком к этому.

До свиданья и очень прошу Вас верить моему дружескому чувству.

Максимилиан Волошин.

P.S. Обратите внимание на то, что я изменил свой адрес. Теперь он: Невский 73. Мебл<ированные> комн<аты>.

[1] Письмо Брюсова к Волошину от 1 января 1908 г. было отправлено по прочтении его статьи о «Путях и перепутьях» (см. примеч. 6 к п. 133) и содержало протест в связи с сообщением в этой статье сведений, почерпнутых благодаря личному знакомству и частным беседам с автором книги. Прилагая текст составленного по этому поводу «письма в редакцию», Брюсов заявлял: «Я считаю совершенно необходимым напечатать протест против Вашей статьи и пересылаю его Вам в виде “письма в редакцию Руси”. *Если Вы хотите сохранить со мною добрые отношения*, я прошу Вас устроить это письмо в “Руси”. Я мог бы послать его непосредственно в редакцию, но счел, что это было бы обидою для Вас, и захотел непременно передать его через Ваши руки <...>» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 377). Текст письма Брюсова приведен в извлечениях в т. 6, кн. 1 наст. изд. (С. 648–649), там же перепечатаны «письмо в редакцию» Брюсова, опубликованное 4 января 1908 г. в № 3 «Руси», и «Ответ Валерию Брюсову» Волошина, напечатанный в том же номере (С. 649–651). Впервые эта полемика освещена в статье: *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван: Айастан, 1973. С. 453–455.

[2] Статья Волошина «Город в поэзии Валерия Брюсова» опубликована в «Руси» 22 января 1908 г. (№ 21). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 123–138.

[3] Запись разговоров о спиритизме имеется в набросках воспоминаний Волошина о Брюсове (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 330–331).

[4] В статье о «Путях и перепутьях» Волошин писал: «Надо знать, что он <Брюсов. – *Ред.*> рос в Москве на Цветном бульваре, в характерном мещанском доме с большим двором, заваленным в глуби-

не старым железом, бочками и прочим хламом. (В “Urbi et Orbi” он посвятил целую поэму его описанию)» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 115). Брюсов замечал в письме к Волошину от 1 января 1908 г. в этой связи: «...Вы знаете меня (т.е. мою личную жизнь) в общем мало, и многие из Ваших сообщений совершенно неверны. Так, напр<имер>, поэма «Мир» говорит *вовсе* не о доме на Цветном бульваре; дом этот принял свой теперешний вид лишь за последние годы, а прежде был *иным*; детство мое прошло *не* в этом доме и т.д. и т.д.» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 377. Упоминается автобиографическое стихотворение Брюсова «Мир» (1903). Первые годы детства Брюсова прошли в доме Бари на Яузском бульваре (см.: *Брюсов Валерий.* Из моей жизни. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 14); в 1877 г. его дед приобрел собственный дом на Цветном бульваре, где Брюсов жил до 15 августа 1910 г.).

140. ЭЛЛИСУ

Не ранее 4 января 1908 г. Петербург

Дорогой Лева,

мне очень хочется послать тебе эту статью о Брюсове, порожденную во многих своих частях нашими разговорами.[1]

Я употреблял в ней слова безжалостные и резкие, но думаю, что лишь такие штрихи могут выявить его настоящую фигуру, отлитую из бронзы.

Валерий почувствовал себя лично оскорбленным и в письме ко мне, резком, но дружественном, протестовал и благородно прислал мне письмо в редакцию «Руси», дабы я ознакомился с ним заранее и сам передал его для напечатания. Что я и сделал немедленно, напечатав вместе и свой ответ ему.

Посылаю тебе все эти три документа и очень хочу услышать твое мнение, как человека глубоко любящего и глубоко судящего Брюсова.

Наши личные отношения не поколеблены. Под своим письмом ко мне он подписывается «Ваш *дружески* Валерий».

Но, безусловно, это начало большой борьбы, т<ак> к<ак> я пишу еще следующую статью о нем.[2] Конечно, для меня очень важно, чтобы наши *личные* отношения с ним не были затемнены и запятнаны, потому что (ты ведь знаешь

это) я очень люблю его именно за его неудержимую волю к власти, за <то>, чем он был вначале и что он создал из себя. Мне очень хочется слышать твой голос и твое слово об этом.

Твой Максимилиан.[3]

[1] Эти разговоры проходили в Москве в мае 1907 г. (см.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 270–271). К письму прилагались газетные вырезки со статьей Волошина о «Путях и перепутьях» Валерия Брюсова, «письмом в редакцию» и «ответом» Волошина (см. примеч. 5 к п. 133, п. 139, примеч. 1). Намерение Волошина ознакомить с этими публикациями именно Эллиса было обусловлено тем, что последний в это время входил в круг ближайших сотрудников «Весов» и в своих печатных выступлениях всячески подчеркивал солидарность с Брюсовым и преданность ему. Ср. суждения об Эллисе в записи Волошина от 20 сентября 1907 г.: «Он искренен и страстен до конца. <...> Он бескорыстное и поэтому страшное — слепое, честное — орудие в руках Брюсова» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 270). См.: *Лавров А.В.* Брюсов и Эллис // *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М.: Прогресс–Плеяда, 2007. С. 129–138.

[2] Имеется в виду статья «Город в поэзии Валерия Брюсова». См. примеч. 2 к п. 139.

[3] Эллис переправил это письмо Брюсову (автограф хранится в архиве Брюсова), давая ему оценку в своем сопроводительном письме от 10 января 1908 г.: «Статью Волошина, присланную мне с приложением след<ующего> странного письма, пересылаю вам, чтобы между <нами> не могло возникнуть тени недоразумения. Конечно, вся статья — сплошное хулиганство и невежество, внушенное мерзавцем В. Ивановым <...> Волошину, конечно, напишу, что вполне солидарен с содержанием вашего ответа <...> После рецензии Чулкова эта статья — самое несправедливое, поверхностное и рассчитанно-гнусное изо всего, что написано о вас. <...> Еще раз хотелось бы спросить вас, почему такие люди, как Волошин, этот безграмотный пародист на Т. Готье, могли выступать так недавно в одном строю с вами?» (Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 316. Упоминается чрезвычайно резкая по тону и выводам рецензия Г. Чулкова на книгу Брюсова «Земная ось», опубликованная в 1907 г. в № 4 журнала «Перевал»). Написал ли Эллис ответное письмо Волошину, неизвестно; в архиве Волошина сохранились два письма Эллиса к нему (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1336), не имеющие отношения к данной теме.

141. З.А. ВЕНГЕРОВОЙ

Около 9 января 1908 г. Петербург[1]

Многоуважаемая Зинаида Афанасьевна!

Очень благодарю Вас за книги. Об Мэтерлинке буду писать непременно и о Мирбо тоже.[2]

Т<ак> к<ак> я уже купил себе Ваш перевод Мирбо, то не смею удерживать Ваш экземпл<яр> и возвращаю Вам с благодарностью. Как досадно, что «Шиповник» допустил так много опечаток даже в именах!

Моя болезнь затягивается, и я как-то не предвижу, когда будет возможно выходить.

Заканчиваю в настоящее время вторую ст<атью> о Брюсове как о поэте города.[3] Очень отрицательную, т<ак> к<ак> города он не понимает совсем, а понимает лишь Улицу.

До свиданья.

Очень. Очень Благодарю Ваш

[1] Текст – на визитной карточке; в функции подписи – печатное: «Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин».

[2] З.А. Венгерова писала Волошину (закрытое письмо – «секретка»; доставлено по адресу «Невский 73. Меблированные комнаты», не по почте): «...с удовольствием посылаю Мирбо (перев<од> мой – с рукописи) и II и III т. Метерлинка. Очень приятно будет, если Вы напишете о Метерлинке. Перевод ведь прекрасный (посмотрите, как тонко передана Беатриса) – и не грех бы вознаградить Л.Н. за труд. А Вы к тому же должны ей revanche. С огромным интересом жду “лик” Минского. Надеюсь, что он скоро воссияет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 330. Упоминаются драма М. Метерлинка «Сестра Беатриса» и Л.Н. Вилькина). Имеются в виду издания: *Метерлинк Морис.* Сочинения в трех томах, в переводе Л. Вилькиной. СПб.: Изд. М. Пирожкова, <1906–1908>; *Мирбо Октав.* «628–е–8». Путешествие в автомобиле / Перевод З.А. Венгеровой и В. Бинштока. <СПб.:> Шиповник, 1908. Ни рецензию на издание Метерлинка, ни статью о Н.М. Минском (в цикле «Лики творчества») Волошин не написал; отзыв его о книге Мирбо сохранился в виде черновых набросков под заглавием «Автомобиль» (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 581–586, 926).

[3] См. примеч. 2 к п. 139. В цитированном письме к Волошину Венгерова касалась его статьи о «Путях и перепутьях» Брюсова:

«Большое спасибо за статью о Б<рюсове>. Я вполне за Вас <...> И Брюсов наверное был бы только доволен (великолепен Ваш рисунок вначале: кошачья круглость, опаленные веки и т.д.) – если бы не "двери Публичного дома". C'est raide <Это круто. – *фр.*>» (подразумевается фраза из статьи «Валерий Брюсов "Пути и перепутья"»: «Вся юность Валерия Брюсова прошла перед дверьми Публичного Дома» // Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 115).

142. А.Н. БЕНУА

11 января 1908 г. Петербург

Невский 73.

Дорогой Александр Николаевич!

Только что получил от Марг<ариты> Вас<ильевны> еще письмо с просьбой, касающейся Вас: ей для работы в музеях надо удостоверение, что она действительно художница.[1] Это удостоверение должно быть от общества, в котором она выставляла. В «Союз» она приглашена, но еще не выставляла.[2] К кому можно было бы обратиться туда? Но мне приходит в голову, что, быть может, Дягилев или даже Вы сами могли бы дать ей это удостоверение, как устроители парижской выставки?[3] Если это возможно, то, б<ыть> м<ожет>, для скорости Вы сами отправите ей это удостоверение непосредственно: Ее адрес *Via Sistina, 68*.[4]

Напоминаю Вам тоже о Вашем обещании дать ей рекомендации к католическим священникам, которых она жаждет.

Я все еще не могу выходить из дому. Но есть надежда, что на будущей неделе меня выпустят.

Максимилиан Волошин.
Пятница 11 января.

[1] Волошин пересказывает содержание письма М.В. Сабашниковой, отправленного из Рима 4/17 января 1908 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1063).

[2] Имеется в виду «Союз русских художников», возникший в феврале 1903 г. на основе выставочных группировок «36 художников» и «Мир Искусства». Бенуа входил в число его членов-учредителей.

[3] Подразумевается выставка русского искусства в Осеннем салоне в Париже, открывшаяся 6 октября 1906 г.; устроителем ее был С.П. Дягилев, которому помогали Бенуа и Л.С. Бакст. См.: Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. В 2 т. / Сост., авторы вступ. статьи и коммент. И.С. Зильберштейн и В.А. Самков. М.: Изобразительное искусство, 1982. Т. 1. С. 204, 401–408.

[4] М.В. Сабашникова и ее двоюродная сестра А.Н. Иванова приехали в Рим 29 декабря 1907 / 11 января 1908 г., отбыли оттуда в Париж 15/28 марта 1908 г.

143. А.М. РЕМИЗОВУ

17 января 1908 г. Петербург[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю Вам мою статью о Брюсове и письма его, вызванные ею, вместе с моим ответом.[2]

Очень благодарю Вас за Ваши книжки.[3]

Скоро думаю выздороветь и для этого собираюсь завтра ехать в Сестрорецк.[4]

Привет Серафиме Павловне.[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с днем отъезда в Сестрорецк – 18 января 1908 г. (Труды и дни. С. 197).

[2] См.: п. 133, примеч. 5, п. 139, примеч. 1, п. 140, примеч. 1.

[3] По предположению В.П. Купченко, речь идет, в том числе, о книге А.М. Ремизова «Чертов лог и Полунощное солнце» (СПб.: Eos, 1908), надписанной «"болящему" М.А.» (Труды и дни. С. 196).

[4] См. п. 129. Волошин был на курорте в Сестрорецке с А.К. Герцык приблизительно с 18 января по 22 января 1908 г. (см.: Труды и дни. С. 197). 22 января Волошин и А.К. Герцык возвращаются в Петербург. В этот же день сделана дневниковая запись (не вошедшая в подборку дневниковых текстов Волошина в Т. 7 наст. изд.).

22 января 1909.

Адель: Вечером накануне нашего отъезда из Судака Вячеслав отвел Д.Е. в миндальную аллею и говорил ему, что если мы не женим-

ся в первом же городе, куда мы проедем, то он совершит подлость, т<ак> к<ак> сам компрометирует меня и мою семью.

Это Вячеслав говорил... А теперь он сам разве не компрометирует Женю? Да, он говорил тогда, что Женя может жить на башне, потому что она живет не у него, а у его падчерицы... Теперь он пишет мне, что он поселил ее как защитницу своих идей к Мережковским, и она несколько часов беседовала с Гиппиус.

~ ~ Вы, наверное, возмутитесь, но у меня такое чувство, что я должна стать достойна их жизни там. И недостойна ее.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 408. Д.Е. – Жуковский, будущий муж А.К. Герцык. Женя – Е.К. Герцык).

[5] С.П. Ремизова-Довгелло.

144. А.М. ПЕТРОВОЙ

Конец января 1908 г. Петербург[1]

Невский 73.

Простите меня за молчание, милая Александра Михайловна. Целых полтора месяца был я болен и замкнут в комнату.[2] Тогда не хотелось писать, хотя и было на это слишком много времени. Но зачем писать в минуты горечи и уныния духа? Теперь же уже неделя как я бегаю и вижу тысячи людей, которых еще с приезда не видал. Я ведь почти никого не видал.

В глубине все очень грустно.[3] Живу «пока». Одна мысль – скорее распрощаться с Петербургом и надолго в Париж. Мне очень тяжек и Петербург, и Россия. Тяжко все, что было здесь в прошлом году. Я, едучи сюда, надеялся не «думать» – а жить в действии. Но для «думанья» оказалось очень много времени. Смотрю в свою душу и сам удивляюсь. С Вячеславом[4] быть мне очень радостно и спокойно. А к Аморе[5] глубокое отчуждение. Кажется порой, что невозможно нам больше быть вместе.[6]

[1] Датируется по соотнесению с содержанием. Волошин заболел астмой по приезде в Петербург в первой декаде декабря 1907 г. и проболел до конца января 1908 г. (См.: Труды и дни. С. 197).

[2] По приезде в Петербург в декабре 1907 г. Волошин поселился в меблированных комнатах (гостиница «Эрмитаж»), по адресу: Невский, 73.

[3] Речь идет о драматическом развитии отношений с М.В. Сабашниковой, Вяч. Ивановым и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал зимой-весной 1907 г. См. п. 109, примеч. 3.

[4] Вяч. И. Иванов.

[5] М.В. Сабашникова.

[6] Брак Волошина с Сабашниковой, по некоторым данным, оставался фиктивным с самого начала, после 1907 г. они и жили порознь.

145. В. ПЯСТУ

Январь (?) 1908 г. Петербург[1]

Посылаю Вам обещанную автобиографию, многоуважаемый Владимир... (Какая дурная привычка не писать на визитных карточках своего отчества!)[2]

Простите за замедление.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 197.

[2] Вероятно, Вл. Пяст передал Волошину свою визитную карточку, указав на ней адрес, по которому следовало отправить автобиографию. Автобиография была предназначена для начатого подготовкой в 1907 г. издания (инициаторы и составители – М.Л. Гофман, Б. Дикс (Б.А. Леман) и Вл. Пяст) «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» (СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, <1909>), осуществленного под редакцией Модеста Гофмана и включавшего критические очерки о тридцати современных поэтах (в том числе о Волошине), а также их избранные стихотворения и автобиографии, воспроизведенные факсимиле. См.: Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 214, 563–564.

146. А.М. РЕМИЗОВУ

25 февраля 1908 г. Петербург[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Я хотел Вас видеть в пятницу на вечере,[2] но был болен и не попал, потому пишу Вам о деле.

Кузмин ничего Вам не говорил?[3]

Предлагают нам ехать в Саратов втроем читать.

Платят дорогу и сто рублей каждому. Хотите? Я думаю, что хотите. Но ответьте скорей.[4]

Я сейчас очень занят подготовкой к лекциям и никуда не выхожу.[5]

Максимилиан Волошин.
Невский, 73.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 199.

[2] Речь идет о вечере, организованном в Технологическом институте студентами-технологами при участии артистов и литераторов. Газета «Речь» оповестила о вечере 19 февраля (№ 42).

[3] М.А. Кузмин участвовал в вечере. 22 февраля 1908 г. он записал в дневнике: «Чулков страшно взволновался, что будет читать Неведомский и Арабажин, и поехал умолять Макса и Ремизова отказаться, мне же прислал письмо. Но я поехал с вожатым и Ал<ексей> Мих<айлович> тоже. Только вдвоем и оказались» (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 21. В комментарии к этой записи (С. 586–587) приводится письмо к Кузмину Г.И. Чулкова от 22 февраля, в котором предлагалось отказаться от участия в вечере «технологов», поскольку на нем ожидались выступления, направленные против «нового искусства»).

[4] А.М. Ремизов отвечал Волошину в тот же день согласием и добавлял: «Только надо установить, что читать. Потом, как насчет денег, эти 100 руб. не могут ли прислать вперед, и потом на билет туда. А то – в таком положении, что к Вам бы я не в состоянии был приехать, не только что в Саратов. А.С. Гляссер устраивает вечер 5 III. Она, наверное, Вам написала об этом. Я получил еще от Каратыгина письмо, где он пишет, что на этот вечер предполагалось пригласить нас троих» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 6). Упоминаются Антонина Сигизмундовна Гляссер, преподавательница пения на музыкальных курсах И.А. Гляссера, и Василий Гаврилович Каратыгин, музыкальный критик. Волошин также получил письмо от В.Г. Каратыгина с приглашением принять участие в вечере вместе с Ремизовым и Кузминым, но не 5-го, а 8 марта (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 625, л. 1). Этот вечер, по всей вероятности, не состоялся.

[5] Поездка с чтением лекций в Саратов Кузмина, Ремизова и Волошина не состоялась.

147. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

16/29 марта 1908 г. Петербург

Дорогая Александра Васильевна!

Простите, что я так долго не отвечал Вам.[1] Я думал, что то, что Вы писали о переводах для madame Безобразовой,[2] более исполнимо, но оказывается, что это совсем невозможно. Теперь все завалено переводами и изданиями.[3] Как проникают в издательства и как устраивают свои переводы, я, право, не знаю, я везде встречал только отказы, точно так же, как и для моих собственных книг и переводов. Так что мне придется уехать теперь из России, не издав ни моих стихов, ни моих статей.

Не удалось мне тоже найти издателя для драм Поля Клоделя, которые я перевел.[4]

Очевидно, тут необходимо знать какой-то *секрет*, которого я не знаю.

Пока я еще в Петербурге и в Париж, верно, попаду лишь в самом начале мая, т<ак> к<ак> не собрал еще необходимой суммы денег.

Приехав, я буду жить первое время с Бальмонтами,[5] т.е. почти рядом с Вами (60 Rue de la Tour).

Я так предчувствую скорое свидание, что мне не хочется ничего писать в письме. Событий у меня никаких нет, а общие впечатления России – разве это так расскажешь?

Поэтому пока до свиданья, до скорого свиданья.

Мой привет Влад<имиру> Августов<ичу> и Каролине.[6]

Максимилиан Волошин.

16/29 Mars 1908.
Невский 73.

[1] Ответ на письмо А.В. Гольштейн, начатое 24 января (н.ст.) 1908 г. и оконченное, видимо, в конце января – начале февраля (н.ст.), перерыв в написании был вызван ее болезнью (инфлюэнца).

[2] М.С. Безобразова.

[3] О замысле Волошина издать книгу стихов и критической прозы см. п. 137.

[4] Интерес Волошина к творчеству Поля Клоделя возник в конце 1907 г. (см. п. 134). В 1908 г. он приступил к переводу драмы Клоделя «Отдых Седьмого дня» и завершил его (см.: Т. 4 наст. изд. С. 234–311, 933–934).

[5] К.Д. Бальмонт и Е.А. Бальмонт жили в Париже с 1906 г.

[6] В.А. Гольштейн, Каролина Яковлевна.

148. А.М. РЕМИЗОВУ

2 апреля 1908 г. Петербург[1]

Четверг. Невский 73.

Дорогой Алексей Михайлович!

Простите мне, пожалуйста, мою вчерашнюю бестактность. Я, только подымаясь к себе, понял, что мою жалобу относительно того, что хватит ли мне денег на поездку в Париж, Вы могли принять за намек о долге. Мне это совсем не пришло в голову. Пожалуйста, извините меня и не думайте этого. Мне так стыдно, что я спешу сейчас же написать это письмо. И ради Бога, не думайте об этом долге,[2] и очень прошу Вас в случае нужды обратиться ко мне без всякой мнительности и сомнений. Мне так стыдно, что вчера это так глупо у меня вышло.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с ответным письмом Ремизова от 3 апреля 1908 г.

[2] Речь идет о денежном долге А.М. Ремизова, который, видимо, возник в марте 1908 г., о чем свидетельствует его письмо к Волошину от 3 марта, где Ремизов спрашивает: «Обращаюсь к Вам, не найдется ли источник Золотой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 7). Вероятно, Волошин дал А.М. Ремизову в долг, хотя сам в это время находился в процессе поиска средств на поездку в Париж, запланированную им на май 1908 г. (см. п. 147).

[3] Ремизов ответил Волошину: «Дорогой Максимилиан Александрович! Не думаю я ничего, это вы по расстройству вашему так подумали, и спасибо вам, что вспоминаете обо мне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 10).

149. А.М. РЕМИЗОВУ

29 июня / 12 июля 1908 г. Париж

Paris. 35 Rue Boulard.
12 juillet 1908.

Дорогой Алексей Михайлович!

Как Вы поживаете и где Вы теперь? Надеюсь, что это письмо в Петербурге Вас уже не застанет, а будет Вам переслано куда-нибудь в далекую глушь...

Знаю только, что Вы не в Крыму? Почему?

И поедете ли?

Я весь этот месяц провел с Бальмонтами.[1]

Константин был радостен, кроток и хром.

Мы ходили с ним под руку гулять к Трокадеро[2] или в Булонский лес[3] и вели длинные беседы.

С Ниникой[4] мы опять в большой дружбе: она настоящая M-lle Бальмонт — капризная, благородная, обаятельная и вся из порывов.

Теперь я у себя: устроил свою раковину.[5]

У меня мастерская светлая, большая. В углу Царевна Таиах[6] стоит, ткани индусские и все мои книги, и велосипед в углу. Во все окна зелень глядит.

Сам себе обед готовлю. Никого не вижу. Сижу и работаю.

А иногда езжу далеко за город.

Иль де Франс[7] — самая красивая страна: леса и хлебные поля, замки с парками и старинные городки совсем пустынные, сплошь из камня сложенные, и аллеи по дорогам. Весь воздух свежей лесной прелью проникнут.

И есть даже такие места, где автомобилей нет. Только редки они.

А с газетами вот плохо.

«Русь» закрылась,[8] а «Слово»[9] меня еще не печатает: ждет, хочет раньше узнать, правда ли «Русь» шантажом занималась. Они мне так и написали.

Страшное любопытство. Мне вот это почему-то совсем не интересно.

Если увидите, Алексей Михайлович, Гительмана,[10] намекните ему, пожалуйста, что это совсем не я «торгово-промышленный отдел» в «Руси» писал, и даже не я Милюкова бил. Если можно, так даже напишите ему. А то они, верно, это все на меня подумали и поэтому печатать не хотят, боятся, что я их скомпрометирую. Приятно сознавать, что *репутация моя* постепенно складывается и определяется в литературе: теперь я уже не только человек, весьма сведующий в области *порнографической* литературы, но еще и, кроме того, и кое-что понимающий в банковских делах. Это очень лестно.[11]

Как чувствует себя Серафима Павловна?[12]

Привет ей, Вам и всем зверям Вашим.

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин приехал в Париж 17/30 мая 1908 г. и остановился рядом с Бальмонтами по адресу: Rue de la Tour, 55. (Труды и дни. С. 204).

[2] Трокадеро (Place du Trocadero) — площадь в западной части Парижа (район Пасси).

[3] Булонский лес (Bois de Boulogne) — знаменитый парижский парк (850 га) между правым берегом Сены и западной частью укреплений Парижа, традиционное место прогулки парижан.

[4] Н.К. Бальмонт, дочь К.Д. Бальмонта и Е.А. Бальмонт. О «любви» Волошина и Ниники писала в своих мемуарах о нем Е.А. Бальмонт. (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 101).

[5] В 20-х числах июня (н.ст.) 1908 г. Волошин переехал в ателье на rue Boulard, 35. Описание мастерской Волошина оставил в своих воспоминаниях Вацлав Рогович: «Высокая, просторная мастерская в павлиньих разводах; две или три широкие, почти квадратные софы с темными коврами, с красочными и мягкими подушками; масса желтых непереплетенных книжек на простых полках на стенах; огромный стол-бюро и печь, почти посередине, с неэстетичной, но доминирующей здесь трубой, дерзко возвышающейся, как шея какого-нибудь сказочного жирафа, под самый потолок. Здесь, в этой артистической комнате, на самом юге Парижа, даже за Монпарнасом, в Монружс, собирались по вторникам разноязыкие служители и почитатели Красоты и — хозяина, Максимилиана Волошина, жив-

шего в этой мастерской» (*Рогович В.* Прирученный кентавр и девушка // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 169).

[6] См. п. 70, примеч. 8. Алебастровый слепок с головы древнеегипетской царевны Таиах был одним из любимых предметов интерьера Волошина и объектом мифологизирования в ближайшем окружении поэта. Одна из мифологических версий сохранилась в воспоминаниях Е.П. Кривошапкиной, которая писала: «В молодости Максимилиан Александрович работал бесплатно в одном из музеев в Париже, чтобы получить этот слепок» (*Кривошапкина Елизавета.* Веселое племя «обормотов» // Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 318).

[7] Иль-де-Франс (Ile-de-France) – историческая область Франции, центром которой является Париж, расположена между реками Сена, Марна, Уаза.

[8] С газетой «Русь» Волошин сотрудничал с 1904 г. и был ее постоянным корреспондентом (см. п. 34, примеч. 14). Закрытие газеты (последний номер вышел 18 июня 1908 г.) было связано с громким политическим процессом: Милюков против газеты «Русь». П.Н. Милюков в кадетской газете «Речь» выступил с обвинениями в адрес «Руси» в шантаже и вымогательстве финансирования у ряда столичных банков. В мае 1908 г. сотрудники газеты «Русь» нанесли визит Милюкову домой, который закончился рукоприкладством со стороны Н.Е. Попова.

[9] Петербургская газета «Слово» (1903–1909). См. п. 52, примеч. 6.

[10] Семен Вениаминович Гительман, помощник присяжного поверенного, сотрудник газеты «Слово».

[11] Ремизов в ответном письме от 8/21 сентября 1908 г. советовал Волошину обратиться в московские журналы: «Теперь о делах литературных. В Москве новый журнал “Северное сияние”, заведует поэзией Виктор Иванович Стражев. М. Смоленский б<ульвар> Неопалимый пер. 1. Посылайте туда. Вас там с руками и ногами примут. Потом посылайте в “Образование” Б. Московская, 5» и добавлял, откликаясь на рассуждения Волошина о состоянии российской прессы: «Если вас обвинили, что вы будто бы Милюкова били и с банками путались, то сейчас, не знаю, какой-то шутник пустил в газетах, будто бы я с кошками творил непотребное – истязал их и мучил <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 13).

[12] С.П. Ремизова-Довгелло.

150. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ СЛОВО»

29 июня / 12 июля 1908 г. Париж

Милостивый Государь.
Г-н Редактор!

Предлагаю «Русскому Слову»[1] свое сотрудничество; именно: корреспонденции и фельетоны из Парижа по вопросам литературы и искусства.

Предполагаю, что имя мое Вам известно и что мне не надо упоминать о моей осведомленности во франц<узской> литературе и жизни, т<ак> к<ак> я живу в Париже уже около 10 лет.

Условия мои обычно такие:

1) Гонорар – 15 к. за строку.
2) Высылки газеты.
3) Неприкосновенность моих статей: они должны быть или напечатаны без изменений, или высланы мне обратно без замедлений.
4) Обязательство аккуратно отвечать на письма.

Прошлым летом я спрашивал Григория Спиридоновича о том, желательно ли мое сотрудничество для «Рус<ского> Слова», он ответил мне утвердительно.[2]

Теперь, вернувшись в Париж,[3] я поэтому обращаюсь к Вам с этим предложением.

Жду от Вас ответа.[4]

Максимилиан Волошин.

Paris. 35. Rue Boulard.
12 июля 1908.

[1] «Русское Слово» – ежедневная газета либерального направления, выходившая в Москве в 1894–1917 гг. (издатель И.Д. Сытин, фактический редактор с 1902 г. – В.М. Дорошевич); одна из наиболее распространенных и популярных в читательской среде газет России.

[2] Подразумевается Г.С. Петров, общавшийся с Волошиным летом 1907 г. в Коктебеле; с 1899 г. – один из ведущих публицистов «Русского Слова», сначала имевший большое влияние на издателя

газеты, но с 1908 г. почти в ней не печатавшийся и не игравший существенной роли в ее делах. См.: *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М.: Книга, 1983. С. 104–106.

[3] Волошин приехал в Париж 17/30 мая 1908 г.

[4] По всей вероятности, положительного ответа на это предложение не последовало.

151. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

19 июля / 1 августа 1908 г. Ла Боль

Дорогая Александра Васильевна!

Я совсем не знаю, где Вы и что с Вами. Точно так же, как и Вы обо мне, и притом по моей вине. Дней десять тому назад я уехал из Парижа к Бальмонтам (La Baule. Loire Inférieure. Villa des Oeillets) и вот, верно, завтра уезжаю от них, чтобы вернуться в Париж (на велосипеде).[1]

Я сделал прекрасное путешествие по замкам Луары.[2] Но нахожу все-таки, что Ile-de-France красивее всего. Здесь хотя и берег океана, но не очень хорошо. Как-то тесно и пыльно.

Я, быть может, если не очень устану, подъезжая к Парижу, зайду к Вам в Gallui[3] (на всякий случай — там ли Вы или нет).

Дела мои литературные плохи по-прежнему, и мне придется вернуться в Россию, но все-таки я думаю остаться здесь до января, но тогда надо будет все ликвидировать с Парижем.

До свидания.

М. Волошин.
1 августа.
Привет всем.

[1] Около 9/22 июля 1908 г. Волошин выехал из Парижа на велосипеде по окрестностям. 13/26 июля он приехал в Ла Боль, где проводили лето Бальмонты. Об этом периоде вспоминала Е.А. Бальмонт, ошибочно датируя этот эпизод летом 1909 г.: «Летом 1909 года Макс вернулся уже один в Париж. Он путешествовал на велосипеде по Франции, ездил по берегу Луары и заехал к нам на берег моря в Ла Боль, где мы проводили с Бальмонтом лето» (Воспоминания о

Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 100). В Париж Волошин вернулся около 20 июля / 2 августа 1908 г. (Труды и дни. С. 207).

[2] Долину реки Луара за обилие королевских замков и дворцов называют «Долиной замков». Об этой поездке Волошин более подробно пишет в п. 156.

[3] Галлюи – деревня, расположенная приблизительно в 50 верстах от Парижа по Брестской дороге.

152. А.А. ПОЛИЕВКТОВОЙ

14/27 августа 1908 г. Париж[1]

Жене моей законной – Ане:[2]
Тебя я видеть очень рад
И приготовил уж заранс
Печенья, чай и шоколад.
Тебя нс видя, почему-то
Я стал ленив и нсуклюж.
Прощай... До вторника![3]
Максюта.
Твой верный друг, медведь и муж.
P.S. А к приезду Ниники[4]
Приготовлю апельсины и финики.

[1] Открытка; почтовый штемпель отправления: Paris. 27.8.08. Отправлено в Ла Боль (La Baule, на берегу моря в устье Луары), по адресу Е.А. Бальмонт «для Ани».

[2] В архиве Волошина сохранилось недатированное письмо к нему А. Полиевктовой с подписью: «Твоя жена Аня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 985). С нею и двумя другими дочерьми Татьяны Алексеевны Полиевктовой (урожд. Орешниковой; 1877–1962), сестры В.А. Зайцевой (жены Б.К. Зайцева) и подруги Е.А. Бальмонт, Волошин общался в Ла Боле, где гостил у Бальмонтов в июле 1908 г. около недели. Е.А. Бальмонт вспоминаст: «У нас гостила тогда Татьяна Алексеевна Полиевктова со своими тремя дочками, 10-ти, 12-ти и 13-ти лет. Макс тотчас же подружился с ними, называя себя Синей Бородой, а их и Ниnику своими женами»; «Ни одна прогулка детей не обходилась без него, они купались вместе, и дома все "четыре жены" "Синей Бороды" <...> не отходили от него» (Труды и дни.

С. 207; Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 100).

[3] Во вторник 19 августа / 1 сентября Т.А. Полиевктова с дочерьми приехала в Париж.

[4] Нина Константиновна Бальмонт (в замуж. Бруни; 1901—1989) дочь Е.А. и К.Д. Бальмонтов. Общение Волошина с Ниникой описано в воспоминаниях Е.А. Бальмонт (Воспоминания о Максимилиане Волошине. С. 96—103).

153. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 17/30 августа 1908 г. Париж

Дорогая мама!

Совершенно неожиданно, к великой моей радости, я получил известие от Суворина о том, что «Русь» возрождается. Он извещал меня об этом и просил статей.[1] Я уже ему отправил одну.[2] Я очень, очень радуюсь этому, но это не меняет моих намерений относительно возвращения в Россию. У меня ясное сознание того, что мне надо быть в России.

Я постоянно вспоминаю наше последнее расставанье с тобой в Петербурге,[3] и мне кажется, что мне надо быть с тобой, как и для тебя, так и для меня. Всегда и раньше, когда я уезжал куда-нибудь и прощался с тобой, у меня была какая-то острая грусть о тебе или, скорее, *к* тебе, но она быстро забывалась. Когда я теперь разглядываю свою жизнь и свою душу, то вижу, что к тебе у меня есть что-то самое невыясненное, невысказанное, невыявленное из всего, что есть в моей жизни. Чувствую, что всегда делал что-то наоборот как раз тому, что было надо и что в глубине хотелось делать. Всегда был какой-то нестерпимый стыд показать это. Теперь я так часто думаю о тебе и так знаю, что мне надо быть с тобой, по-иному, чем раньше, не только рядом. И когда я думаю о том, как тебе теперь, должно быть, страшно одиноко и как тебе было одиноко и тогда, когда я бывал с тобой, мне грустно, и я чувствую, что то самое важное не сделано.[4]

Сегодня воскресенье, и я провел целый день за городом — ездил к Гольштейнам.[5] Они живут верст за пятьдесят за Парижем в деревне по Брестской дороге. По парижской Брестской дороге, которая мне напомнила московскую Брестскую дорогу. Сегодня четкий осенний день, мраморные облака и проносящиеся проливни. Весь воздух проникнут холодком и острым осенним уже запахом леса. Там удивительно хорошо, где они живут. Ты совсем не видала таких мест под Парижем, — настоящей деревни и остатков больших барских имений с запущенными парками. Каждый излог почвы, каждый выгиб долины, каждая группа деревьев там проста, величава, закончена и проникнута непередаваемой элегантностью.

Я наконец закончил предисловие к «Les Diaboliques» Барбэ д'Оревильи, над которым я работал так долго, и отправил его в «Пантеон».[6] Теперь спокойно могу ждать денег.

До свиданья. Крепко целую тебя и бабушку. Как идет постройка дома?[7]

Макс.

[1] 12/25 августа 1908 г. А.А. Суворин писал Волошину: «Выходит с субботы 16-ого августа “Новая Русь” и посему жду от Вас вестей — статей, заметок, стихов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1159). «Новая Русь» издавалась в Петербурге до 1 мая 1910 г.

[2] Статья Волошина «Президент Фальер и смертная казнь» была опубликована 19 августа 1908 г. в № 4 газеты «Новая Русь». См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 241–244.

[3] Волошин выехал из Петербурга в Париж (через Гамбург) 11/24 мая 1908 г.

[4] В ответном недатированном письме (видимо, от 23 августа / 3 сентября) Е.О. признавалась: «Твое чувство тебя не обмануло: мне все это время (недели 3) ужасно тяжело, и я не в силах освободиться от этого подавленного унылого состояния духа моего» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[5] В.А. и А.В. Гольштейн.

[6] Книга французского прозаика Жюля Амеде Барбе д'Оревильи «Лики дьявола» («Les diaboliques», 1874) в переводе Александры Чеботаревской была выпущена в свет петербургским издательством «Пантеон» в конце октября — начале ноября 1908 г.; тексту были

предпосланы две вступительные статьи Волошина («Жизнь Жюля Барбэ д'Оревильи», «Личность и творчество Барбэ д'Оревильи). С незначительными изменениями вошли в кн. 1 «Ликов творчества» Волошина (1914) под заглавием «Барбэ д'Оревильи» (Т. 3 наст. изд. С. 41–70).

[7] В июле 1908 г. Е.О. начала в Коктебеле постройку нового дома, рядом с прежним. В ответном письме она сообщала о том, что заканчивается постройка второго этажа, а также о предстоящих тратах на расплату с рабочими и за доставку строительных материалов (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

154. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 5/18 сентября 1908 г. Париж

Милая мама,

Только что получил твое письмо (от 31<-го>). Меня очень обеспокоила твоя дизентерия, ведь теперь в России холера, и хотя она еще не захватила Крыма, но ее отголоски в виде разных желудочных заболеваний должны быть всюду. Тебе нужно особенно тщательно вылечиться от нее.

То, что ты пишешь о черточке, которая разделяет нас, очень правда.[1] Я очень помню на пороге детства то время, когда ты была со мною страшно нежна и ласкова, и после это вдруг прекратилось – с началом ученья. Я помню, что я очень страдал от этого, но не знал, как сказать и исправить. Помню, что раз даже стал тебе говорить и просить тебя, чтобы все было «снова как прежде», но ты не поняла меня, или я говорил слишком смутно и спутанно, конфузясь. Но я ясно помню это. И после этого я уже никогда этого не говорил. Но как-то инстинктивно создалось, что я стал от тебя тщательно скрывать все переживания чувства, всю сантиментальность, которую считал стыдной. Да так осталось и все время. Ведь и той весной, что мы жили на башне, я тебе не показывал того, что я действительно переживал, и казался, думаю, все время совсем спокойным. А между тем этот месяц и потом то время, когда я был в Коктебеле и возвращался в Москву, – это было самым тяжелым, что я испытывал в моей жизни.

И думаю, что это действительно было очень тяжело, потому что только теперь я снова вернулся к самому себе, и всетаки есть ужасно много такого, к чему и сейчас больно прикоснуться. Все это время во мне была борьба, очень долгая и очень мучительная борьба с самим собой, которую я тщательно скрывал от тебя. И я думаю, что вот в это время у тебя и возникло сознание того, что ты «лишняя», потому что раньше ведь этого у тебя никогда не было, этого чувства.

Это было тогда, когда я отходил и уходил от тебя во многие мгновения, которые я хотел скрыть от тебя. Я всегда при тебе был несколько иной и не мог почему-то быть совсем сам собой. Да, это было так. Но мне кажется, что больше этого не будет, я не хочу, чтобы так было.

До свиданья. Крепко целую тебя.

[1] 31 августа 1908 г. Е.О. писала Волошину (вслед за сообщением о своем заболевании дизентерией и о больших затратах на постройку): «Твое письмо предпоследнее (имеется в виду п. 153; следующее письмо Волошина не сохранилось. – *Ред.*) меня очень тронуло; и грустное и радостное чувство пробудилось во мне от слов твоих. Да, нам обоим нужно суметь подойти друг к другу, быть по-иному друг с другом. Ведь только какая-то черточка разделяет нас, нужно преодолеть ее, перешагнуть, – и мы не можем. Я ведь даже не могу подойти к тебе с обыкновенной лаской, простым нежным словом, меня что-то удерживает от всяких наружных проявлений любви к тебе; ведь я не могу даже вместо “милый Макс” написать “мой милый мальчик”. Ах, если бы всегда вместе и по-иному, чем раньше, не только рядом. Но вот мне все чувствовалось, казалось, что даже это “только рядом” бывало лишним, ненужным тебе, временами даже тяготило тебя; и сознание этой лишности своей вызывало тягостное, грустное чувство, связывало, сковывало меня, делало мои отношения к тебе еще более сдержанными, при сознании, что причина этого – больше во мне, чем в тебе, что я больше виновата в таких установившихся отношениях наших <...> Но теперь ты поможешь мне, правда?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

155. А.М. ПЕТРОВОЙ

8/21 сентября 1908 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна!

В течение целого года я не мог написать Вам. Я часто и много думал о Вас. Но душа переживала смутное и тревожное время,[2] без граней, без уверенностей. А у меня такое чувство, что к Вам мне надо подходить лишь с уверенностями. Да вообще ко всем людям надо подходить с уверенностями. Сомнения и колебания не следует показывать. А этот год был смутен и полон колебаний, и лишь теперь, где-то на дне я вновь нащупал нечто твердое. Я много раз принимался писать Вам зимой и не мог. Но ведь Вы знаете, что мое отношение к Вам измениться не может, и не думаю, чтобы мое молчание вы истолковали как забвение.

То, что произошло в эти годы в моей жизни, действительно было очень важно, и лишь теперь я даю себе отчет, как это было тяжело. Мне психологически необходимо было вернуться в Париж, чтобы подобрать здесь нити, оборванные три года назад.

Всю эту зиму я жил лишь желанием уехать как можно скорее, и это не удавалось. Это все время <шла> долгая и очень трудная борьба внутри себя за Вячеслава. Я не хотел, не мог допустить себя до чувства нелюбви, до чувства вражды к нему, что казалось мне позорным и недостойным. Так дух мой непроизвольно был связан с ним и с его жизнью. И только уехав из Петербурга, я почувствовал, как я устал об нем думать. Теперь мне радостно, что я ничего не знаю об нем. Даже его мистицизм заставил меня отойти от мистицизма. За это я ему очень благодарен.[3]

Теперь я глубоко понял, что для человека нет иного откровения, кроме того, что скрыто в каждом событии жизни, в каждом мгновеньи бытия. Что надо внимательно читать жизнь, не упуская ни одного извива ее. Что своего истинного «я» надо искать не во внутреннем созерцании, а в том, как прео<б>р<а>жается в нас внешний мир. Я понял теперь глубокую и нежную любовь к жизни и, в то же время, отсутствие

желаний, стесняющих свободное и широкое течение ее. Что все события надо встречать как радостных гостей, что не надо отказываться ни от какого действия, ни дурного, ни хорошего, чтобы не пропустить ни одной страницы.[4]

Сейчас мы в этом очень далеко разошлись с Аморей.[5] Я пишу ей редко. Но жду, без нетерпения и тихо, что наши пути когда-нибудь снова пересекутся.[6]

Я не писал за это время стихов (с зимы).[7] Посылаю Вам лишь те, что были написаны в Петербурге и что я обещал еще тогда прислать К<онстантину> Фед<оровичу>.[8]

В январе я вернусь в Россию. На этот раз окончательно. Перевезу в Коктебель все свои книги и любимые вещи. Приеду туда ранней весной 1909 года на много месяцев. В Париж, верно, уже не вернусь много лет. Если уеду, то только в Грецию. Но не знаю ничего и не строю никаких определенных планов.

До свиданья. Привет К.Ф.

Макс.

Стихотв<орение> «Созвездия» мне очень хочется посвятить Вам. Можно?[9]

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 208. Штемпель получения: Феодосия. 12/25 сентября 1908 г.

[2] Видимо, имеются в виду события 1905–1906 г., связанные с отношениями Волошина и М.В. Сабашниковой. Волошин уехал из Парижа в свадебное путешествие весной 1906 г.

[3] Вяч. И. Иванов.

[4] 2/15 ноября 1908 г. Петрова отвечала Волошину: «Что бы там ни было, но мне кажется, что мне удастся усадить Вас на... пчельник. Не удивляйтесь. И дело *вполне* никому не вредящее (только бедняге трудней придется иногда быть), стоящее, и заработок настолько велик, что Вы пять раз в году сможете во все страны разъезжать. А работа – пустячная. Как только приедете, изложу все по пунктам. <...> Помните, Вы мечтали заняться трудом на земле. А это – среди цветов, пчел. Земля да небо, и пропасть свободного времени. При рациональном ведении дела <...> 100 ульев могут дать в год около 3 тысяч рублей чистого дохода. Меня все убеждает заняться этим делом. Я и хочу звать Вас в компанионы, видя, что это даст Вам полную свободу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 24–24 об.).

[5] М.В. Сабашникова.

[6] Весь 1908 г. Сабашникова провела за границей (в Италии и в Германии).

[7] Какие именно стихотворения были высланы Петровой, неизвестно, но в своем ответном письме от 2/15 ноября 1908 г. она признавалась: «Все Ваши стихотворения мне в высшей степени понравились (кроме одного). Бесконечно благодарна за посвящение одного из самых прекрасных. Меня радует, что по ним виден Ваш продолжающийся рост. Но как Вы ужасно одиноки в них. Впрочем, это высокий удел. Удивительно сходство сущности творчества у Вас и у Конс<тантина> Фед<оровича>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 27 об.).

[8] К.Ф. Богаевский.

[9] Стихотворение Волошина «Созвездия» («Звенят Весы и клонят коромысла...») датируется зимой (январь-февраль) 1908 г. (Т. 1 наст. изд. С. 115, 473), впервые опубликовано в № 1 журнала «Аполлон» за 1909 г.

156. А.М. РЕМИЗОВУ

Около 12/25 сентября 1908. Париж[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Только что шел домой и с утра об Иуде думал: какой я про него рассказ напишу, а, придя, Ваше письмо нашел.[2] Это очень хорошо, что Вы написали о нем «представление». Помните, как мы с Вами говорили о том, что всем на одну тему писать надо? «Евангелие от Иуды» посылаю Вам.[3] Но и Вы пришлите мне и Апокриф, и Представление. Непременно и поскорее. Я все об нем в Библиотеке Национальной ищу, но не могу ничего точного найти. Если пришлете, напишу Вам много примечаний – все, что сам знаю.

Холера издали очень пугает.[4] Боюсь, что все в Петербурге вдруг умрут. Лучше там самому быть. Пожалуйста, кипятите все как следует. Вот Мечников[5] в «Matin»[6] пишет, что холера самая незаразительная из всех болезней и что насморк гораздо опаснее. Только все кипятить и ошпаривать нужно.

Мы об Вас постоянно говорим и вспоминаем (мы = я со своим кузеном Яксом[7] живу – Вы его у Вяч. Иван<ова> ви-

дели). Когда мы обед себе готовим, то это у нас называется «макароны в плевательнице (солененькие)», а «petits beurres»* известны под именем собачих будок.

Артамошкой с Эпифашкой у нас состоят Ал. Толстой с женой.[8] Они очень милые и нисколько не обижаются, и даже сами друг друга так называют. Толстой теперь стал стихи гораздо лучше писать. Мы с ним очень подружились. Он в Петербурге прикидывался совсем иным — взрослым.

А относительно котов у нас очень хорошо: в мастерской стеклянная крыша, и на ней все происходит. Коты матерые черные, в ошейниках с бубенчиками. Одного третьего дня при мне под воротами брили: здесь такие специальные котобреи и песьи цирульники (что собак подо львов стригут) ходят. А раз в лунную ночь у нас кошка на стекле рожала. Толстой иногда к ним на крышу лазит, чтобы их валерьяновыми корешками кормить.

Бальмонт вчера проезжал через Париж из Бретани в Мюнхен.[9] Там он месяц пробудет. Ходят слухи, что Брюсов из Испании на Париж идет.[10] Здесь его уже многие во сне видели, так что думают, что может уже и здесь, но скрывается.

Зато по ночам здесь на улицах видимы Феофилактов,[11] Мильоти[12] и Семенов-Скорпион.[13]

Бальмонт за это лето написал пять рассказов. Про себя. Но реальные. Мне читал в Боле[14] лишь первый. Очень, очень хорошо. Хотя, может быть, потому, что его очень жалко: это как он в окно бросался.[15]

Я среди лета к нему из Парижа в Бретань на велосипеде ездил. По всем луарским замкам. В г. Тиффоже (в Вандее) был, где Жиль де Рэтц (Синяя борода) в подземельях детей в жертву приносил.[16] В Нанте был в тех кварталах, где любилища для матросов. Ни в одном городе не видел ничего страшнее. Не по улицам, а по каким-то склизким кишкам лезешь, и во всех дверях лица, как сгнившие морские медузы.

Спасибо за указания журналов.[17]

Привет Серафиме Павловне.[18] Где были летом?

Максимилиан Волошин.

* Тартинки с маслом *(фр.)*.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 209.

[2] Речь идет о письме Ремизова от 8/21 сентября 1908 г.: «Дорогой Максимилиан Александрович! Вот вернулись в Петербург. К Вам в Коктебель не попали: еле в Петербург вернулись. <...> Просьба к вам: пришлите мне составленное вами из евангелия – евангелие Иудино.

Рукопись вашу хранить буду.

Я написал представление "Иуда, принц Искариотский". Сейчас кое-что дополню, но в этом месяце исполню. Очень хотелось бы сесть с вами и прочитать. При печатании в примечании я приложу апокриф, но я не знаю этому апокрифу источник. Не свалился же он с неба в г. Путивль Курск<ой> Губ<ернии>?

Надумаю послать вам еще до печати и представление, и апокриф» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 13). В письме Ремизова речь идет о пьесе «Трагедия о Иуде, принце Искариотском» (1908), написанной на сюжет апокрифического «Сказания о Иуде предателе», найденного в Курской губернии. (См.: *Бессонов П.* Калики перехожие. Сб. стихов. Исследование. М., 1863. С. 210–214).

Подготовленная в 1908 г. Н.Н. Евреиновым постановка этой пьесы Ремизова в Театре на Офицерской с В.Ф. Коммиссаржевской в роли Ункрады за несколько часов до премьеры была неожиданно запрещена по постановлению Синода. Премьера пьесы, под измененным названием «Проклятый принц», состоялась лишь в 1916 г. в Москве, в Театре-Студии Ф.Ф. Коммиссаржевского.

[3] См. наброски незавершенной статьи Волошина «Евангелие от Иуды» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 586–591, 927–930).

[4] Холера в Петербурге была зарегистрирована 25 августа 1908 г. Заболело более 20 тысяч человек, умерло 4 тысячи. О холере в Петербурге в 1908 г. см.: *Заболотный Д., Златогоров С., Кулеша Г. и Яковлев В.* Холерная эпидемия 1908–1909 гг. в Петербурге. СПб., 1910. Ремизов писал Волошину 8/21 сентября 1908 г.: «На улицах и около домов посыпают чем-то белым – карболовый воздух над Петербургом. 400 человек мрет в день. <...> Белых палаток больше не вижу из окна, лежит на их месте каменный уголь. И туман-туман. И повсюду ходят какие-то бабы с подвязанными зубами» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 13).

[5] И.И. Мечников, русский биолог и патолог, постоянно жил и работал в Париже, активно занимался исследованием инфекционных заболеваний, в том числе холеры.

[6] «Matin» («Утро») – популярная ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1902–1916 гг. и публиковавшая на своих страницах новости крупнейших столиц мира.

[7] Я.П. Глотов.

[8] Артамошка с Епифашкой – персонажи сказки А.М. Ремизова «Котофей-Котофеич» (1905, позднейшее заглавие «Зайка»), входящей в его книгу «Посолонь» (1907); см.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 79–88; прозвища А.Н. Толстого и его второй жены С.И. Дымшиц-Толстой. О дружбе Волошина в 1908 г. с Толстыми см.: *Дымшиц-Толстая С.* Из воспоминаний // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 174–175.

[9] К.Д. Бальмонт уехал в Мюнхен. См. его письмо оттуда к Волошину от 6/19 октября 1908 г. (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 46).

[10] В.Я. Брюсов с конца июля по октябрь 1908 г. с женой совершил большое путешествие по Европе, посетив Италию, Францию (некоторое время жил в Париже), Бельгию.

[11] Художник-оформитель журнала «Весы» Н.П. Феофилактов; см. п. 31, примеч. 18.

[12] В.Д. Милиоти (Миллиоти), художник, участвовал в оформлении журналов «Весы» и «Золотое Руно».

[13] М.Н. Семенов. См. п. 43, примеч. 1.

[14] Летом 1908 г. Волошин, совершая путешествие на велосипеде по долине Луары, заезжал к Бальмонтам в Боле.

[15] Речь идет о рассказе Бальмонта «Крик в ночи», впервые опубликованном в кн. 6 «Литературно-художественных альманахов издательства “Шиповник”» (СПб., 1908. С. 123–136).

[16] Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Рэ, граф де Бриен (Gilles de Montmorency-Laval, baron de Rais, comte de Brienne; 1404–1440), известен как Жиль де Рэ (Gilles de Rays) или Жиль де Рец (Gilles de Retz) – участник Столетней войны, сподвижник Жанны д’Арк, маршал и алхимик. Был арестован и казнён по обвинению в многочисленных истязаниях и убийствах, которые он совершал в своих замках в Анжу и в Бретани, в Тиффоже, Шамтосе и Нанте; достоверность этих обвинений в настоящее время подвергается сомнению). Послужил прототипом для легендарного персонажа «Синяя борода». Процесс над Жилем де Рэ воссоздается в романе Жориса Карла Гюисманса «Là-bas» («Там, внизу» или «Без дна», 1891), известном Волошину.

[17] См. примеч. 11 к п. 149.

[18] С.П. Ремизова-Довгелло.

157. Н.Г. ГЛАЗЕР

15/28 сентября 1908 г. Париж[1]

28 сент<ября> 1908.

Милая бабушка! Поздравляю Вас с днем Вашего ангела[2] <...> в январе возвращаюсь в Россию и снова хочу надолго водвориться в Коктебеле. Нам с Яшей очень хорошо живется вместе,[3] и мне ни с кем так не удобно жить, как с ним. Марг<арита> Вас<ильевна> сейчас в Германии, она все ездит за доктором Штейнером и слушает его лекции по теософии.[4] Она Вас целует. <...>

[1] Открытка; почтовые штемпели: Paris. 28.9.08; Феодосия. 20.9.08.

[2] Именины Н.Г. Глазер — 17 сентября ст.ст.

[3] Я.А. Глотов поселился у Волошина по приезде в Париж в середине сентября н.ст.

[4] М.В. Сабашникова находилась в Германии с 3/16 апреля, в июле (н.ст.) более трех недель провела в Скандинавии. Ее перемещения (Берлин, Гамбург, Нюрнберг, Христиания, Гётеборг, Штутгарт, Карлсруэ, Лейпциг и др.) были в основном сопряжены с лекционными поездками Р. Штейнера. См.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В.П. Купченко // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Т. III. № 3. С. 371—372.

158. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 17/30 сентября 1908 г. Париж

Милая мама, твое последнее письмо ужасно безнадежно, и я так понимаю твое состояние. Все эти жизненно-практические дела — если они не несут интереса сами в себе — становятся нестерпимы своей назойливостью. Но я совершенно не знаю, как помочь тебе и чем успокоить тебя. Единственное средство борьбы с таким состоянием — это известное внутреннее сосредоточивание: надо вечером себе перед сном приказать то, что нужно делать на другой день, и утром тоже

в течение пяти минут сосредоточиться на этой же мысли. Так ты создашь себе *желание* сделать то, что необходимо, создать известную *волю*, которая только тогда успокоится, когда будет исполнена. Это единственное средство против неврастении действия. Я писал тебе уже об этом. И я очень очень прошу тебя попробовать это, чтобы убедиться, какое магическое действие производит на расположение духа такое приказание.

У меня же благодаря отсутствию денег наступила глубокая беззаботность, и я так рад, что могу свободно работать, не будучи связанным обязательствами немедленной реализации.

«Золотое Руно», кажется, продолжается,[1] но «Русь» молчит, несмотря на мое решительное заявление, отправленное Суворину.

Сейчас у нас гостит на полатях «Девочка», приехавшая в Париж на 2 недели.

Она кончила гимназию, поступила на курсы и теперь приехала повидать свою «Американскую маму».[2]

Она очень мила, но при постоянном сожительстве немного приедается. Положим, она дома только по вечерам.

Аморя сейчас все еще на Гарце.[3] Она снова начала рисовать: я получил от нее открытку сегодня. Очень счастлива горами и осенью и старыми германскими городками.

Напиши мне, что ты знаешь об Вячеславе и Герцыках. Долго ли пробудут они еще в Судаке?[4] Видела ли ты Вячеслава летом?

Как чувствует себя бабушка? До свиданья.

Макс.

[1] Слухи о скором прекращении «Золотого Руна» были стимулированы известием о попытке самоубийства (в первой половине сентября 1908 г.) владельца журнала Н.П. Рябушинского.

[2] «Девочка» – прозвище Маргариты Константиновны Гринвальд, приятельницы А.В. Сабашникова; курсистки, позднее переводчицы. Кто подразумевается под «американской мамой», неизвестно.

[3] В местечке Вернигероде (на Гарце) М.В. Сабашникова жила в сентябре 1908 г., приехала оттуда в Берлин 19 сентября / 12 октября.

[4] Лето 1908 г. Вяч. Иванов провел в Судаке, в доме семейства Герцык.

159. А.Н. БЕНУА

24 сентября / 7 октября 1908 г. Париж[1]

Дорогой Александр Николаевич!

Мой приятель — поэт Valmy-Baysse,[2] главный редактор большого, ежемесячного, интернационального юмористического журнала «Comica»,[3] в котором участвуют все известн<ые> парижс<кие> рисовальщики, просит меня просить Вас о Вашем сотрудничестве. Журнал этот только что возник и поставлен широко и роскошно. Его адрес «80. Rue Miromesnil: Comica». Вышедшие №№ журнала он Вам вышлет.

Как Вы поживаете? Мой привет Ан<не> Карловне.[4] Я наслаждаюсь парижской осенью, но увы! к январю приходится возвращаться в Петербург.

Максимилиан Волошин.

Paris 35 Rue Boulard.

[1] Открытка с репродукцией: «Chantilly. — Musée Condé (370). — Le Plaisir Pastoral — Watteau». Почтовые штемпели: Paris. 7.10.08; Петербург. 27.9.08.

[2] Жан Вальми-Бейс (1874 — после 1934) — французский поэт; принадлежал к окружению Рене Гиля, входил в число сотрудников журнала «La Nouvelle Revue moderne». О нем упоминает Р. Гиль в своих «Письмах о французской поэзии» («Письмо IV. О двух группах молодых поэтов» // Весы. 1904. № 11. С. 6—18), он же рецензировал в «Весах» (1907. № 6. С. 83—86) книгу стихов Вальми-Бейса «Очарованная жизнь» («La vie enchantée», 1907).

[3] «Comica» — журнал, издававшийся в Париже с сентября 1908 по февраль 1909 г.; вышло шесть номеров.

[4] А.К. Бенуа, жена А.Н. Бенуа.

160. В.Я. БРЮСОВУ

27 сентября / 10 октября 1908 г. Париж[1]

Дорогой Валерий!

Только что я узнал от Вальдора, что Вы в Париже и завтра будете у них.[2] Мне очень, очень хочется видеть Вас, и я все время боялся, что Вы пр<о>едете через Париж incognito.

Мой адрес: 35 Rue Boulard (около Lion de Belfort).[3]

Быть может, завтра мне удастся попасть к Аркосу[4] и Вальдору, когда Вы там будете.[5] Вальдор обещал известить меня.

Я надеюсь, что мы встретимся друзьями и что астральные чудовища, рождаемые отсутствием и молчанием, не переживут нашего свидания.[6]

Дружески жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

10 octobre 1908. Samedi. 35 Rue Boulard.*

[1] Закрытое письмо – «секретка». Почтовый штемпель: Paris. 19.55.10. du 10.08. Направлено по адресу: «27. Rue de l'Arcade. Chez m-me Viot. Monsieur Valère Brusoff».

[2] В Париж Брюсов приехал вместе с женой в начале октября (н.ст.) 1908 г. В августе 1908 г. он был в Италии, в сентябре – в Сен-Жан-де-Люс (городе на берегу Бискайского залива у юго-западной границы Франции). В Париже Брюсов общался с Эсмер-Вальдором (Александром Мерсеро) и другими членами литературного объединения «Аббатство» («L'Abbaye»). См.: *Брюсов Валерий.* Дневники. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 140–141. В конце октября (н.ст.) Брюсов уехал из Парижа в Брюссель и затем в местечко Кайуки-Бик (Бельгия), к Э. Верхарну.

[3] В ателье на улице Булар Волошин жил с июля 1908 г. Lion de Belfort («Бельфорский лев») – скульптурное изображение льва, воздвигнутое в память о защитниках Бельфора в 1870 г. (скульптор – Фредерик-Огюст Бартольди; 1834–1904).

[4] Жан Рене Аркос (Arcos; 1881–1959) – французский поэт, член «Аббатства»; состоял в переписке с Брюсовым, участвовал в «Весах»: обзорные статьи «Взгляд на французскую литературу в 1907 г.» (1908. № 2. С. 90–95), «Несколько новых книг. Письмо из Парижа» (1908. № 9. С. 77–83), «Осенний салон. Письмо из Парижа» (1908. № 11. С. 81–87), статья «Анатоль Франс» (1909. № 6. С. 93–99). Аркоса и Волошина связывали дружеские отношения (см.: Французские писатели – корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 236–237).

[5] Ср. конспективную дневниковую запись Брюсова, относящуюся к пребыванию в Париже в октябре 1908 г.: «Париж. <...> По-

* 10 октября 1908. Суббота. Улица Булар *(фр.)*.

селяемся у m-me Viot rue de l'Arcade. Разыскиваю знакомых. <...> Посещение Arcos'а и Mercereau. Весь кружок «Abbaye». У Макса Волошина» (*Брюсов Валерий*. Дневники. С. 140). Сохранилось письмо А. Мерсеро к Брюсову (Париж, 7 декабря 1908 г.), в котором от имени всей группы «Аббатство» высказано сожаление о «том скромном приеме, который мы оказали Вам и госпоже Брюсовой» (РГБ, ф. 386, карт. 94, ед. хр. 49).

[6] На следующий день Брюсов отвечал Волошину: «Я тоже буду очень рад Вас увидеть. У Арко я надеюсь быть сегодня половина второго или около двух. Если мы не встретимся там, может быть, Вы зайдете ко мне. <...> Думаю, что Вы преувеличиваете, говоря о "чудовищах", бродивших между нами» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 381).

161. В ДОМ РАУЛЬ ГРОПИРОН

29 сентября / 12 октября 1908 г. Париж[1]

12 octobre 1908.

Recommandée.

Maison Raoult Grospiron.
195, Rue de Grenelle.

N'ayant pu obtenir aucune satisfaction amiable au sujet de mes 8 colis, expédiés les 23 et 25 juin 1906 par l'entremise de votre sujet de Passy,[2] je viens par la présente vous mettre en devoir de me remettre ces colis ou la somme représentant leur valeur.

<...>

Перевод:

Заказное.
Дом Рауль Гропирон.
195. Улица Гренель.

Не добившись от вас удовлетворительного ответа касательно 8 пакетов, посланных 23 и 25 июня 1906 года через вашего агента в Пасси,[2] настоящим письмом убедительно прошу вас вернуть мне эти пакеты или возместить их стоимость.

<...>

[1] Черновик письма, адресованного в парижскую фирму по перевозке мебели. Окончание текста осмысленному прочтению не поддается.

[2] Речь идет об имуществе, находившемся в парижской квартире Волошина и М.Сабашниковой в Пасси (rue Singer, 17).

162. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 3/16 октября 1908 г. Париж

Милая мама, я получил твои два письма одно за другим и вот отвечаю на них лишь четыре дня спустя: так снова сгустились события жизни. Т.е. событий в сущности никаких нет, но то, что «Девочка»[1] с нами живет, совершенно перевернуло весь строй нашей жизни, и для того чтобы написать маленькую статью о русс<кой> живописи для одной французской газеты,[2] мне пришлось потратить три дня, урывая минуты молчания в мастерской. Впрочем, она очень мила и не ведает, что творит, и нам с Яшей[3] доставляет много радости. Она уезжает на будущей неделе обратно в Петербург. Аморя пишет, что письмо твое получила «очень нежное и грустное». Адрес ее теперь Berlin. Motzstrasse 72.[4] Она страшно счастлива своим пребыванием на Гарце в лесах. Она переживает все время старое и до сих пор еще не успокоилась. Слишком много она морализирует и думает о том, что нужно и что не нужно. Как будто бы не все нужно.

Она ото всех требует определенной цели в жизни и безусловности и думает, что в человеке нужно любить только одно хорошее. Мы с ней в этом сейчас совсем не сходимся. В ней это то же самое, что в ее матери, и она не подозревает, что вся насильственность проистекает из требований безусловных. Она не понимает, что такие требования можно ставить только самому себе, но никак не другим, и что понятия добра и зла различны глубоко в каждом и для каждого отдельного человека.

Теперь о Нюше и о деньгах.[5] Я Нюше напишу и думаю, что она не откажет. Она очень странна и неопределенна в

отношении к денежным делам. Она страшно мало тратит на самое себя, и ей всегда трудно доставать деньги для других, т<ак> к<ак> каждый раз она обращается за ними к Василию Михайловичу.[6] Васил<ий> Мих<айлович> является только ее поверенным. Но она думает, что если она захочет сама распоряжаться ими, то это будет ударом для него. Все это происходит от ее воспитания и от Марг<ариты> Алекс<еевны>.[7] Они с Ляйзей[8] были сиротами, и к деньгам их существовало преувеличенно щепетильное отношение. Их приучили к мысли, что они не имеют права тратить на себя. И Нюша с глубокой грустью иногда говорит: «Я совершенно не умею быть богатой». И несмотря на ее глубокую внимательность, чуткость и желание помочь людям, она часто не помогает им, не решаясь просить у Вас<илия> Мих<айловича>. Словом, здесь все та же страшно сложная и запутанная сабашниковская психология. Я пишу тебе все это, предвидя затруднения Нюши в этом деле.

Но сколько нужно тебе денег?[9] Я думаю, что если просить ее (конечно, только формально, под залог дома и с обычными процентами), то надо так рассчитать, чтобы я мог расплатиться здесь со всеми моими парижскими долгами и переправить на эти же деньги свои вещи и книги в Крым. Словом, я думаю, что мне надо было бы (с зачетом того, что я ей уже должен) около 1000 рублей (мож<ет>, даже больше), и тебе, верно, столько же. Словом, я думаю написать ей о двух тысячах, т<ак> к<ак> сумму эту можно всегда уменьшить, если ты найдешь ее чрезмерной. Потом я думаю, что это, разумеется, надо сделать под залог моего дома, а не твоего. Хорошо?

Я ей, если мне не помешают, напишу сегодня же обо всем этом.

Здесь сейчас Валер<ий> Брюсов. Мы с ним видимся часто и у нас вооруженная дружба.[10]

До свиданья. Крепко целую тебя и ужасно хочу поскорее быть с тобой. Если бы только удалось устроиться в Петербур-

ге более сносно, чтобы менее бы вторгались всевозможные inélégances de la vie,* как в прошлом году.

Целую бабушку.

Макс.

[1] См. п. 158, примеч. 2.

[2] Статья, по всей вероятности, написана не была.

[3] Я.А. Глотов. См. примеч. 3 к п. 157.

[4] Адрес пансиона рядом с Теософским обществом. М.В. Сабашникова поселилась там 29 сентября / 12 октября.

[5] Нюша – Анна Николаевна Иванова, двоюродная сестра М.В. Сабашниковой. О необходимости взять в долг деньги, чтобы завершить строительство коктебельского дома, Е.О. впервые сообщила Волошину в письме от 21 сентября (ст.ст.); касаясь того же вопроса в недатированном письме, отмечала: «...мне почему-то сегодня вспомнилась Нюша, ее богатство, и явилась мысль: не могла ли бы она ссудить нас деньгами под залог дома и за известные проценты, в случае крайности и невозможности достать мне здесь денег»; наконец, упоминая о необходимости расплаты с поставщиками строительных материалов, она снова писала Волошину 29 сентября (ст.ст.) 1908 г.: «Невольно мысль направляется опять к Нюше: нельзя ли расплатиться при помощи ее денег, платя ей проценты и под закладную дома. Она ничем не рискует. Напиши ей, пожалуйста, поскорее, если находишь это возможным» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[6] В.М. Сабашников.

[7] М.А. Сабашникова.

[8] Ляйза (Лайза) – домашнее имя Елизаветы Николаевны Гофман (урожд. Ивановой; ок. 1876–1941), сестры А.Н. Ивановой и двоюродной сестры М.В. Сабашниковой.

[9] В ответном письме от 12/25 октября Е.О. сообщила, что ей требуется «не менее 1000 р.», в следующем письме к Волошину (от 15/28 октября), известив его о получении согласия на ссуду от А.Н. Ивановой, изложила содержание своего ответа: «...написала, что если для тебя лично понадобится более 1000 р., то всей ссуды потребуется на 2500» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[10] Волошин встретился с Брюсовым, по всей вероятности, 28 сентября / 11 октября 1908 г. в квартире Рене Аркоса (см. п. 160, примеч. 6). В письме к Волошину от 29 сентября / 12 октября 1908 г. Брюсов сообщал о своем намерении посетить его в среду 14 октября (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 380).

* Житейские неурядицы *(фр.)*.

163. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5/18 октября 1908 г. Париж[1]

Милая мама, я только что получил твое второе письмо, в котором ты пишешь о деньгах и о Нюше.[2] Я ей уже написал и вчера отправил заказным письмо об этом с просьбой, если она согласна, написать тебе прямо об этом, чтобы не терять слишком много времени на переписку. Жаль, что ты не пишешь мне точную сумму, которая нужна тебе. Я написал ей о 2 или 2½ тысячах. Т<ак> к<ак> рассчитываю, что мне, чтобы со всеми долгами окончательно расплатиться в Париже и зачесть сюда мой собственный долг ей и разные покупки и переправки вещей: все вместе выйдет не меньше тысячи руб. Я думаю, что она согласится на эти предложения. Я, конечно, настаиваю, чтобы это было сделано вполне официально и с соответственными процентами. Так что, верно, она напишет и тебе и мне одновременно.

Мои лекции с Пантеоном едва ли выйдут,[3] т<ак> к<ак> у Пантеона по последним сведениям нет денег совершенно и он никому не платит. Моя статья о Барбэ д'Оревильи печатается,[4] но о деньгах пока ни слуху ни духу. До свиданья. Целую бабушку и тебя. Не падай духом.

Макс.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 18.10.08; Феодосия. 10.10.08.

[2] См. п. 162, примеч. 5.

[3] Замысел чтения лекций при финансовой поддержке петербургского издательства «Пантеон» не был осуществлен. Е.О. очень надеялась на этот дополнительный источник средств, о чем свидетельствует ее письмо к Волошину от 29 сентября 1908 г.: «...придется довольствоваться грошами, сравнительно, если предложение с лекциями не состоится. Прилагаю вырезку о лекциях Мережковского; не мог ли бы ты в качестве лектора присоединиться к этой компании» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[4] См. п. 153, примеч. 6.

164. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 6/19 октября 1908 г. Париж

Милая мама! весть о смерти Павла Павловича дошла до меня раньше твоего письма.[1] Она не поразила и не удивила меня. Этого давно можно было ожидать. И не по состоянию его здоровья, а внутренно, психологически его жизнь, казалось мне, уже кончилась. Быть может, уже давно. Б<ыть> м<ожет>, с первых же лет переселения его в Коктебель. Ведь у него уже не было никаких устремлений, целей и желаний в жизни. А в то же время не было и той мудрости, которая, отрекаясь от целей, принимает смыслом бытия лишь созерцание и понимание мира. А у Пав<ла> Пав<ловича> давно притупилось восприятие нового.

Его смерть не произвела на меня впечатления ужаса и жути, сопутствующих обычно смерти. Скорее это было отмирание, отпадение уже кончившегося.

Что случилось с Абсетаром? (Ты пишешь о его *ране,* говоря о последних днях П.П.).[2]

Ты спрашиваешь меня о припадках удушья? Как раз именно теперь у меня начались было они. После жаркого почти летнего октября в Париже сразу наступили холода. Мы были без печки, и я простудился. У меня началось было по всем признакам то же, что было в Петербурге, но благодаря мерам и средствам, данным мне Гольштейном, это не разыграется, кажется. Но теперь я из благоразумия сижу дома. У нас большая печка, которая прекрасно отапливает наш сарай.

Вчера, к моему изумлению (я совсем отвык уже от этого), я получил 189 f. 95 ct. из «Золотого Руна». От Нюши[3] еще нет ответа. Но я думаю, что мы получим его одновременно, т<ак> к<ак> я просил написать ответ и тебе.

«Девочка»[4] наконец уехала, и мы почувствовали большое облегчение, т<ак> к<ак> она нам удивительно мешала работать. Она ужасно многого все-таки не понимает и не чувствует. Впрочем, если не считать это<го>, она была очень мила и забавна, и мы расстались большими друзьями.

У меня по понедельникам бывает масса народу: и франц<узов> и русских. Последнее время я познакомился с

целой компанией польских поэтов, которые меня совсем очаровали.

Я начал получать наконец №№ «Новой Руси». Очевидно, это ответ на мои письма. Но больше ничего.

Как идет постройка дома? Скоро ли конец ее? Как ты сама себя чувствуешь?

Здесь сейчас Брюсов, Минский, Венгерова (верно, она уже уехала только что), Вилькина. Словом, весь букет русской поэзии.

До свиданья. Крепко тебя целую.

Максимилиан Волошин.

[1] 2 октября (ст.ст.) Е.О. сообщила Волошину о кончине П.П. фона Теша: «...сегодня хоронят на Коктебельском кладбище Павла Павловича. Он умер внезапно 30 сентября в своем винном подвале, где работал вместе с Иваном, который после слов: “иди теперь обедать”, — успел сделать только несколько шагов к выходу, как услышал звук падения, подбежал к умиравшему, бросился звать соседей, и прибежавшие Мокржецкие еще застали его с признаками жизни, потухшей в несколько минут. Павел Павлович последние два месяца своей жизни как бы преобразился, просветлел; был радостен, покоен, как-то любовно, хорошо относился к окружающим людям <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[2] Абсетар — коктебельский рабочий, крымский татарин. В том же письме Е.О. сообщала, что Теш за несколько дней до кончины откликнулся «на ночной призыв к раненому Абсетару» и провел несколько часов за перевязкой. На вопрос Волошина Е.О. ответила в письме от 21 октября (ст.ст.): «Абсетар был ранен из мести Абселямом, Абселям арестован, Абсетар выписался из больницы, но работать не может, живет в качестве сторожа у Манасеиных» (Там же).

[3] А.Н. Иванова.

[4] М.К. Гринвальд.

165. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 8/21 октября 1908 г. Париж

Дорогая мама, вот теперь только, читая твое письмо, я понял, что мы наконец оба дошли до того вопроса, без которого все время жизнь оставалась мертвой между нами.[1]

Я столько раз хотел и не смел спросить тебя о твоей жизни. Но ведь раньше это и нельзя было спрашивать. Из всех людей я меньше всего знаю тебя (и меньше и больше всего). Но меньше всего потому, что никогда не решался спросить тебя о тебе самой. Мне это казалось непозволенным любопытством с моей стороны. И в то же время я чувствовал, что это самое нужное, самое важное. Но не знал, как сказать, как спросить. Ведь каждый вопрос в себе самом уже несет свой ответ. До тех пор, пока на него нет ответа, нельзя выразить вопрос в словах.

Я в детстве очень мало замечал вокруг себя. Ты казалась мне всегда очень сильной, бодрой и всегда выше других. Я думаю, что так было и на самом деле, потому что теперь, глядя в те годы, я удивляюсь поверхностности, пустоте и мелочности всех тех людей, которые сопровождали твою и мою жизнь.

Все годы моего детства вплоть до Феодосии, или скорее до последнего месяца перед Феодосией – до Досекиных,[2] удивительно серы. Не знаю, было ли это хорошо или плохо, но, судя по тому, какой блестящей, разнообразной, интересной и широкой показалась мне жизнь в Феодосии, я заключаю, до какой степени мне были нужны внешние впечатления, внешний материал для жизни, и как его было мало в Москве все годы в гимназии и до гимназии. Я даже думаю, что будь тогда больше внешних впечатлений, то и гимназические мудрости были бы для меня более приемлемы, менее отвратительны, чем тогда, когда они обязательно составляли все содержание жизни.

У меня было всегда глубокое доверие ко всему, что ты делала, и безусловная вера в твою непогрешимую справедливость. Я вообще ведь склонен верить всем словам и всем авторитетам (хотя в то же время внутри есть какой-то инстинкт, который не дозволяет никогда сделать хоть что-нибудь действительно противное природе моей). Ты для меня была безусловным авторитетом, и я считал себя очень преступным и, несмотря на это, инстинктивно, бессознательно и пассивно не принимал ничего, что было несвойственно моему духу.

Когда я писал тебе о моем чувстве к тебе и о ласке, то я не обвинял и не упрекал тебя. Это ведь, быть может, единствен-

ное, что я до сих пор вполне и всем существом понял в жизни: что никого нельзя ни в чем обвинять; нужно только понимать.

Я понял тоже (и это самое важное), что все наше *свободное творчество духа* может быть применимо лишь к нашему *прошлому,* но не к настоящему, ни к будущему. Мы никогда не знаем, что выйдет из нашего поступка – добро или зло. Это зависит совсем не от нас и не от наших намерений. За будущее мы совсем не ответственны. Настоящее бывает прекрасно лишь тогда, когда мы переживаем его, не замечая и не думая о нем. Когда мы беззаветно отдаемся текущему мгновению. В текущем миге стихии добра и зла неразличимы, нерасчленимы.

Лишь прошлое пронизано для нас сознанием, и лишь за прошлое мы ответственны сами перед собой. Но тайна в том, что прошлое вовсе не закончено и не исправимо. Оно живет в нас каждую минуту. И от нас, только от нас зависит, чтобы уже совершенный поступок со всеми его последствиями стал в нашей жизни живым или мертвым. Если мы найдем его смысл, его связь с нашей душой, то он будет жив и свят. Если же событие прошлого не находит себе оправдания, то оно становится мертвою тяжестью нашего духа. Так что только прошлое доступно нашей воле и нашему выбору.

Я очень поздно заметил тоску и безрадостность твоей жизни. Б<ыть> может, впервые мне померещилось что-то, когда ты в первый раз приезжала ко мне в Париж и была такой одинокой и потерянной в иной обстановке.

Более ясно я сознал это в тот вечер, когда я сказал тебе, что я женюсь на Мар<гарите> Вас<ильевне>. Но уже совсем недавно только я понял, насколько я сам являюсь твоей жизнью.

Если можешь, если хочешь, расскажи мне о себе и своей жизни. Именно это я всегда хотел тебя просить и не смел. Я думаю, что в письме и отрывками это легче всего.

Я тоже всегда хотел, чтобы ты рассказала мне подробно и все о моем отце и о том, как я возник, и мне всегда было страшно тебя попросить об этом.[3]

Каждое слово твоего сегодняшнего письма так мучительно и так важно для меня. И от каждого слова падают перего<ро>дки, стоящие между нами.

Крепко целую тебя и жду твоего ответа.

Макс.

Я думаю, что о камушках надо справиться в Феодосийской таможне.[4]

[1] Волошин отвечает на недатированное письмо Е.О. следующего содержания:

«Да, милый Макс, я, я одна виновата в отношениях, установившихся между нами; не мне винить тебя в чем-либо. И не оправдывать себя хочу, а уяснить бы желала, почему исчезла нежность и ласка моя с детскими годами твоими, а для этого придется вспоминать о многих и многих тяжелых, безрадостных годах своей жизни, с краткими и редкими просветами счастья, личного удовлетворения, после которых еще тяжелее только было тянуть эту лямку вечных забот, труда в самой невозможной обстановке, как, например, годы, прожитые после Таганрога у бабушки в Москве. Я теперь не понимаю даже, как хватило меня вытерпеть эту пору моей жизни. <...> Благодаря физической крепости, здоровью, избытку энергии как-то не замечалось даже, сколько приходилось выносить на своих плечах, и только в редкие часы упадка духа приходила гнетущая тоска с сознанием тяготы и ненужности такого существования. Такие упадки духа с годами приходили чаще, наседали сильнее; постоянно натянутые нервы расшатывались, начала проявляться крайняя болезненная раздражительность, больше всего отражавшаяся на моих отношениях к тебе. Я не могла спокойно, рассудительно относиться к проступкам твоим детским, <*нрзб.*> «двойкам», мучилась за них сама, мучила тебя, наказывала, но каждым наказанием наказывала и себя мукой за тебя, невозможностью радостно и спокойно пользоваться вместе часами, днями праздничного отдыха. Временами это был какой-то ужасный кошмар, пытка, доводившие меня до бешенства отчаяния. Я помню, что в эти времена мне часто приходилось опять во сне, вторично переживать всю муку дня, со всем его безысходным отчаянием, вспышками безумной раздражительности. Прости, забудь эту болезненную ненормальность моего духа. В настоящее время я в самом угнетенном состоянии: тяжело быть с людьми, не могу принудить себя чем-нибудь заняться, читаю, чтобы забыться только. Нет во мне никакой бодрости, радость жизни точно навек отлетела от меня. Целую крепко» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[2] В московской квартире художника Н.В. Досекина Волошины снимали комнату весной 1893 г.

[3] Е.О. отвечала на эту просьбу в письме от 12/25 октября: «Вот, не знаю, смогу ли, сумею ли рассказать в письмах <...> о себе, о своей жизни, об отце твоем. Думаю, не хватит у меня на это ни уменья, ни откровенности. Ведь это своего рода исповедь, для которой нужно преобороть врожденную, а может быть только привитую с детства замкнутость, сдержанность характера моего <...> Вот попробую как-нибудь, только не сегодня, а когда захочется и будет больше настроения для таких автобиографических писем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[4] Цитированное выше (примеч. 1) письмо Е.О. завершалось сообщением: «Камешков до сих пор не получила, и нет об них ни слуху ни духу».

166. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 15/28 октября 1908 г. Париж

Милая мама!

Только что получил я от Нюши письмо, в котором она с большой готовностью выражает согласие дать деньги под залог дома и просит разных разъяснений.[1] Но, вероятно, ты все это уже написала ей сама, так как она пишет мне, что одновременно отправила (как я просил) письмо и тебе о своем согласии.

Не мог назначить, кроме того, ей точной суммы.

Мне бы хотелось для себя достать около 1500 рублей, для того чтобы совсем (и с нею в том числе) расплатиться за все, что я задолжал это время, купить себе разных необходимых туалетов, переправить в Коктебель все здесь оставшиеся книги, мулажи, велосипед, ковры, и чтобы, кроме того, у меня осталось денег и на дорогу и на первое время в Петербурге.

Сейчас я получил 189 fr. от «Золотого Руна». M-me Гриневич (которая сейчас в Цюрихе) просит меня сейчас же писать предисловие к переводу Клоделя, который она хочет издавать зимой.[2]

Я этим именно сейчас и займусь.

Мой бронхит и астма, кажется, миновали благополучно, но зато у меня снова начались нарывы, теперь на колене, и это очень мне мешает двигаться.

Тем не менее я каждое утро хожу позировать одному польскому скульптору – Виттиху, который делает мой бюст гигантских размеров (в два раза больше натуральной величины).[3]

Он еще три года назад просил меня позировать ему, но я тогда не мог.

Уже теперь после трех сеансов он становится очень похож и величествен. Он лепит меня в венке с обнаженными плечами и грудью, с наклонной головой. Выходит совсем Зевс Отриколийский.[4]

Он потом хочет высечь его из камня. А мне даст гипсовый мулаж.

Пока до свиданья. Я сегодня сижу вечером и пишу десятки писем – плачу старые долги. Пора спать.

Макс.

[1] О своем согласии А.Н. Иванова уведомила Волошина в письме от 11/24 октября (в автографе описка: ноября) 1908 г.: «Вчера я говорила об этом с дядей, т<ак> к<ак> в этих делах он более сведущ, чем я, и у него моя доверенность на все <...> я вчера же написала Е<лене> От<тобальдовне>, прося ее ответить мне по возможности скорее на все вопросы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 585. Дядя – В.М. Сабашников).

[2] В.С. Гриневич, прося Волошина (в недатированном письме) помочь ее детям в ознакомлении с Парижем, спрашивала: «...как обстоит дело с предисловием к Клоделю? Я бы очень хотела к Рождеству издать обе драмы. Ведь Вы не изменили этого намерения и рукопись перевода у Вас?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 462). К тому времени Волошин перевел на русский язык драму Поля Клоделя «Отдых Седьмого дня» («Le repos du septième jour», 1901); перевод тогда остался неизданным (см.: Т. 4 наст. изд. С. 234–311, 933–934). Переводы для издания Клоделя готовили также А.К. и Е.К. Герцык. См.: *Сестры Герцык.* Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской. СПб.; М.: ИНАПРЕСС, 2002. С. 98, 106, 108, 414.

[3] Бюст Волошина работы Виттига находится в Париже во дворе дома 66 на бульваре Экзельманс.

[4] Бюст Зевса из Отриколи в Италии, римская копия с греческого оригинала IV в. до н.э.; хранится в Ватикане. Ср. соотносящиеся с впечатлениями от скульптуры работы Э. Виттига начальные строки стихотворения Волошина: «Я узнаю себя в чертах / Отриколийского кумира» (Т. 1 наст. изд. С. 191).

167. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 20 октября / 2 ноября 1908 г. Париж

Милая мама!

Я получил твое письмо и открытку[1]. Относительно денег: я думаю, что лучше всего занять 3000 руб., на всякий случай, чтобы хватило на зиму. Если же не понадобятся они, то можно будет тогда же зимой вернуть. Я же напишу Нюше и попрошу ее, чтобы она мне выслала сюда 1000 р. Это будет мне на расплату, перевозку вещей и на дорогу.

Пожалуйста, теперь, когда у тебя уже больше времени, напиши мне подробнее о новом доме: ведь я так и не знаю ни плана, ни местоположения его.[2]

Потом напиши мне, пожалуйста, разобраны ли мои ящики с книгами. Пожалуйста, если еще не разобраны, то перенеси их наверх и поставь в моей комнате. Эти ящики заказаны так, чтобы они могли бы служить полками для книг, и крышки у них на винтах, так что отнюдь не нужно их отрывать, а отвинтить и поставить один на другой. Я очень боюсь за книги, что они сгниют, если останутся внизу и не раскуп<о>ренные.

Потом напиши мне о своих планах: когда ты сможешь уехать из Коктебеля и куда поедешь прежде всего.

Как устраивается судьба бабушки на эту зиму?

Кончились чем-нибудь счеты твои с Елен<ой> Павловной? Где она теперь?[3]

Какие последствия имела в Коктебеле смерть Пав<ла> Павловича? Кому теперь принадлежит его земля? Кто будет жить в его доме?

Я писал тебе, кажется, что Адель Герцык теперь в Италии и, верно, приедет скоро в Париж. Это я знаю от детей Грине-

вич, которые сейчас здесь.[4] Евгения, говорят они, может, тоже приедет. Не знаешь ли ты что-нибудь о Вячеславе и где Анна Рудольфовна?[5]

M-me Гриневич решила издавать зимой переводы Клоделя, и я теперь занят обширным предисловием к этой книге.[6]

У нас ясная и очень холодная осень. Но мне не приходится ездить на велосипеде, т<ак> к<ак> все время у меня что-нибудь есть – либо нарывы, либо простуда.

Я не буду отвечать тебе в письме на твои возражения мне относительно «творчества в прошлом». Об этом надо говорить, а не писать.

Потом напиши мне заранее, какие тебе нужно исполнить поручения перед отъездом. Ведь наверно надо будет целый ряд покупок в Париже.

До свиданья.

Крепко целую тебя и бабушку.

Макс.

[1] Вероятно, подразумеваются письмо от 12/25 октября и открытка от 15/28 октября.

[2] Е.О. дала описание нового дома в письме к Волошину от 29 октября / 11 ноября 1908 г., добавив: «Дом совсем несуразный с виду и неизвестно на что похож» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[3] Е.П. Паскина (урожд. Теш; 1869–1937), дочь П.П. фон Теша. Е.О. отвечала в том же письме: «Ел<ена> Пав<ловна> будет зимовать у меня вместе с бабушкой. Все имущество П.П. досталось 3-м дочерям; кроме недвижимости деньгами около 12 000. Е.П. мне почти заплатила деньгами, но за ней еще ремонт дома и возмещение всего сломанного и пропавшего. Об этом речь будет весною, и, вероятно, она откажется от этого обещания своего, когда я не захочу отдавать ей дома в аренду, т<ак> к<ак> положительно боюсь серьезных повреждений».

[4] См. п. 166, примеч. 2. Дети – сыновья В.С. и Павла Ивановича Гриневича – Вадим, Юрий, Анатолий.

[5] Евгения – Е.К. Герцык. Ответ на этот вопрос содержался в письме Е.О. от 21 октября / 3 ноября (еще не полученном Волошиным), в котором она сообщала, со слов Н.И. Манассиной, что последняя ехала в одном поезде из Феодосии в Петербург вместе с Вяч. Ивановым, его дочерью и падчерицей, а также с М.М. Замятниной и А.Р. Минцловой.

[6] 14 ноября (н.ст.) 1908 г. В.С. Гриневич писала Волошину из Энгадина (Швейцария): «Мне очень нравится Ваша идея издать Клоделя в возможно полном виде, т.е. так, как предлагаете Вы: с большой руководящей статьей и выдержками из “Conn<aissance> de l’Est” и “L’Art poétique”, а также с драмой “Voilaine”. Я думаю, что такая книга не только окупится, но явится действительно выдающейся за последнее время. Стоит поэтому Вам поработать над нею, а мне – взять на себя расходы по изданию. С этим письмом совпадет приезд Ад<елаиды> Каз<имировны> к Вам, и Вы еще можете обсудить этот вопрос. Вы увидите, что и Ад<елаида> Каз<имировна> и Евг<ения> Каз<имировна> теперь заняты другим, а пот<ому> всю работу над Клоделем и перевод Вы лучше возьмите на себя. Сообщите мне, пожалуйста, сколько печатн<ых> листов будет иметь приблизительно книга, и придумайте заглавие. Может быть, так: “Клодель. Драмы и очерки”? Или что-нибудь характернее, значительнее! От души буду рада, если Вы с любовью возьметесь за дело – тогда его успех будет обеспечен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 462). Задуманное издание не осуществилось. Статьи Волошина о Клоделе были опубликованы позже (в журнале «Аполлон» в 1910–1911 гг.), вошли в его сборник «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914).

168. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 3/16 ноября 1908 г. Париж

Милая мама,

это время как-то сгустились мелкие события и дела, и потому я ничего не делал и даже не успевал писать писем и теперь отвечаю тебе сразу на два письма. Я каждый день утром позирую для бюста два-три часа – Виттиху.[1] Он уже наполовину закончен. Он удивительно хорош. Я не говорю о сходстве, но он сам по себе будет очень крупным произведением искусства. Он в очень строгом античном стиле и напоминает голову Зевса. Я позирую в венке из полыни, как обычно хожу в Коктебеле. Последнее время очень подружился с польскими литераторами. Один из них драматург Рогович пишет обо мне большую статью для польского журнала.[2] Я познакомился тоже с очень влиятельным польским критиком Лорентовичем.[3] Он был у

меня. Мне потом объяснили, что это очень большая честь, т<ак> к<ак> он никогда не бывает у русских.

Вчера я проводил в Россию моих друзей Алекс<ея> Ник<олаевича> Толстого (поэта) и его жену.[4] Я, кажется, писал тебе о них. Я с ними очень сошелся и подружился за это лето. Они уехали в Петербург. Мне бы очень хотелось поселиться где-нибудь с ними или недалеко от них. Так что, когда ты поедешь в Петербург, то я пришлю тебе их адрес, и Толстой обещал мне помочь тебе найти комнаты недалеко от них. Теперь я еще не знаю их адреса. Они наверное тебе очень понравятся. Он очень в твоем вкусе: преисполнен молодости, всем увлекается, широкая русская натура, очень прост и талантлив.

Что касается моего отъезда, то я еще ничего не могу сказать определенного: во всяком случае не раньше начала русс<кого> января, но, быть может, и еще несколько позже.

Ек<атерина> Алекс<еевна>[5] очень просит меня, когда кончится срок моей мастерской, еще немного пожить у них, и очень легко может быть, что так и случится. Я теперь все это время как-то очень мало успевал делать то, что хотел.

Относительно займа у Нюши: по последним известиям она приезжает на днях в Париж, и тогда я узнаю, как все обстоит, и напишу тебе.[6]

Я прошу очень Аморю приехать на Рождество в Париж повидаться.[7] А то мне очень не хочется видеть ее проездом в Берлине «между табльдотом и музеем». Она пишет, что на днях будет тебе писать большое письмо.

Относительно «Моих Записок» Леонида Андреева я вполне твоего мнения.[8] Ты знаешь, ведь это та самая повесть, про которую он говорил мне, что она будет ответом мне на мои статьи о нем.[9] Но что для меня было безусловно отвратительно в этом сборнике «Шиповника», это два сонета Минского.[10]

На днях приезжает в Париж Адель Герцык.[11] Я последнее время с ней в переписке (с тех пор как она за границей).

Напиши мне подробнее свои планы: когда хотела бы ты быть в Петербурге и когда хотела бы меня встретить? Ничего, если я приеду в середине или даже в конце русск<ого> января?

Думаешь ли ты прямо проехать в Петербург или остаться в Москве?

Знаешь ли ты что-нибудь об Ольге Михайловне?[12] Жива ли она еще?

До свиданья. Крепко целую тебя и бабушку.

[1] См. п. 166.

[2] Вацлав Рогович (1879–1960) – польский драматург и переводчик; описал Волошина в статье «Прирученный кентавр и девушка» о творчестве Э. Виттига (журнал «Tygodnik Illustrowany». 1910. № 39); фрагмент из нее, посвященный Волошину, см. в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 169–171 (перевод Н.М. Иванниковой).

[3] Ян Лорентович (1868–1940) – польский литературный и театральный критик, публицист, издатель, переводчик.

[4] Граф А.Н. Толстой, тогда начинающий поэт, и его вторая жена С.И. Дымшиц-Толстая, жившие в Париже с января 1908 г., познакомились с Волошиным в мае того же года, в ателье Е.С. Кругликовой. См.: Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину / Вступ. заметка, сост. и коммент. Вл. Купченко // Литературное обозрение. 1983. № 1. С. 107–112; *Хайлов А.И.* К публикации статьи А.Н. Толстого «О Волошине» // А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 210–215.

[5] Е.А. Бальмонт.

[6] В письме к Волошину от 27 октября / 9 ноября Е.О., передавая содержание письма А.Н. Ивановой, выражала опасения: «Видно по всему, что денег этих долго придется ждать, а мне долго мучиться в Коктебеле в ожидании их» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[7] Приезд М. Сабашниковой в Париж тогда не состоялся.

[8] «Мои записки» Л. Андреева были опубликованы в «Литературно-художественных альманахах издательства “Шиповник”» (Кн. 6. СПб., 1908. С. 165–262). Е.О. отозвалась об этом произведении в цитированном письме: «“Мои записки” Андреева – только удручают, оставляя в душе тяжелое, смутное чувство какой-то неправды, оскорбительной для человека неправды. У меня никогда не явится желания перечесть эти “Мои Записки”, как не может его явиться для “Полов<ой> Психологии” Крафта-Эбинга, относящегося к своим пациентам с бóльшей любовью, правдой и снисхождением, чем Андреев к своему автору записок».

[9] Имеются в виду статьи «Леонид Андреев и Федор Сологуб», «“Елеазар”, рассказ Леонида Андреева», «Некто в сером», опубликованные в 1907 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 43–53, 93–102, 166–176.

[10] В 6-й книге альманахов «Шиповник» были помещены эротические сонеты Н.М. Минского «Видение» («Я созерцал в саду два строгих существа...») и «Треугольник» («На пламень уст твоих, лобзаньем воспаленных...»). В ответном письме от 11/24 ноября Е.О. соглашалась с Волошиным: «Я только что прочла 2 сонета Минского — да, они отвратительны» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[11] В письме к Волошину от 3 ноября (н.ст.) 1908 г. из Генуи А.К. Герцык сообщала, что собирается пробыть в Италии «еще дней 10—12» и затем приехать в Париж: «Да, я приеду, я горячо хочу увидеться с Вами и увидеть Париж через Вас, но — Вы не знаете, как все изменилось и куда ведет меня нежданная стезя (боюсь, неправая...)» (*Сестры Герцык.* Письма. СПб.; М.: ИНАПРЕСС, 2002. С. 141).

[12] В ответном письме от 11/24 ноября Е.О. сообщала об О.М. Струковой: «Ол<ьга> Мих<айловна> умерла в июне, и я тебе о смерти ее писала давно. Наши письма должны пропадать в изрядном количестве, т<ак> к<ак> один из действующих почтов<ых> мешков, за утерей ключа от него, отбывает свои обязанности с распоротым боком».

169. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 6/19 ноября 1908 г. Париж

Милая мама!

Только что получил твое письмо о деньгах и о Нюше.[1] Я не думал и не знал, что все это так ужасно сложно и запутанно. Нюши здесь еще нет: она пока еще в Берлине у Амори.[2] Я сделаю лучше всего вот что: покажу твое письмо Екатерине Алексеев<не>,[3] и она мне скажет, что делать, и, может, сама поговорит с Нюшей. Ек<атерина> Алекс<еевна> всегда очень быстро и энергично решает практические вопросы и умеет говорить об них. Я боюсь теперь, что это очень плохо, что все это дело будет идти через Вас<илия> Мих<айловича>. Это будет очень сложно и медленно. Может, было бы даже лучше, если б это устроилось без этих денег. А я как-нибудь тогда устроюсь лично с Нюшей. Так что если ты достанешь эти деньги от Крыма,[4] то доставай только для себя и лишь немного лишних, чтобы в Петербурге хватило нам обоим первое время на

жизнь, потому что, Бог его знает, достану ли я сейчас же по приезде то, что должен мне Суворин и Пантеон.[5]

Впрочем, нет, если можно, достань на мою долю. Потому что теперь, если это расстроится, то мне совсем неловко будет просить денег у Нюши. Если возможно, достань на мою долю хотя бы 500 рублей.*

Это было в сущности ужасно непрактично, что я уехал в Париж весной, и не знаю, собрался ли бы я в конце концов, если б Нюша не прислала мне тогда неожиданно денег на дорогу. Теперь, возвращаясь в Петербург, я себе вовсе не представляю, где я буду писать и где меня будут печатать, и у меня заранее глубокое отвращение к газетам и редакциям.

Пока я пишу предисловие к Клоделю, которого решила издавать m-me Гриневич.[6] Но работается мне очень плохо. Я почти ничего не делаю, у меня уже недели две страшно сонное состояние, из которого я не могу выйти. Думаю, что это ежедневное позирование так действует на меня. Мне еще осталось два-три раза позировать, и я теперь жду уже с нетерпением конца. Но это потерянное время сторицей возвращено его результатами. Бюст — великолепен. Виттих пришлет мне слепок с него, когда он его высечет в камне.[7]

Яша[8] каждый раз тебе посылает свой привет и поклоны, но я, конечно, позабываю об этом писать.

Я сейчас должен идти к Гилю, и поэтому заканчиваю письмо. До свиданья. О плане дома я напишу в другой раз. Я не вполне понимаю его.[9]

Макс.

[1] Письмо от 1/14 ноября, в котором Е.О. сообщала (по получении письма от В.М. Сабашникова, ведавшего денежными делами А.Н. Ивановой) о сложностях с оформлением ссуды, с определением сроков платежей и т.п. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[2] В том же письме Е.О. замечала: «А.Н. теперь в Париже, может, ты с нею уже виделся, но говорить с нею об этом не стоит, нужно договариваться с В.М.». О встрече в Берлине у М.В. Сабашниковой с А.Н. Ивановой Волошину сообщил А.Н. Толстой в недатированном письме, отправленном из Берлина через несколько дней после отъ-

* *Абзац приписан позднее под строкой.*

езда из Парижа (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 135 – с ошибочным указанием места написания: «Париж»).

[3] Е.А. Бальмонт, тетка А.Н. Ивановой.

[4] В письме к Волошину от 1/14 ноября Е.О. извещала о намерении взять денежный кредит у своего «поставщика лесного материала» И.С. Крыма.

[5] Подразумеваются гонорары, причитавшиеся Волошину за статьи в газете «Русь» («Новая Русь») и за статьи о Барбе д'Оревильи (см. примеч. 1, 2, 6 к п. 153). Здесь имеется в виду основатель издательства «Пантеон» З.И. Гржебин.

[6] См. п. 166, примеч. 2.

[7] См. п. 166.

[8] Я.А. Глотов.

[9] План нового коктебельского дома, сделанный Е.О., сохранился при ее письме к Волошину от 29 октября / 11 ноября 1908 г.

170. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 10/23 ноября 1908 г. Париж

Милая мама,

конечно, то письмо, в котором я писал о том, как мне противно думать о редакциях и других прелестях,[1] было написано в минуту уныния. На самом деле у меня теперь совсем нет такого отвращения от Петербурга. Мне хочется скорее вернуться. Я как-то отошел уже от Парижа. Чувствую, что все мои сроки здесь прожиты и что я как созревший плод, которому не удержаться на ветви. Будто я все соки от Парижа взял. Меня мало интересует все внешнее в нем теперь. С книгами я увезу <с> собой все ценное для меня, и меня не потянет больше сюда. Чувствую, что уезжаю надолго. Навсегда, быть может. Но работать мне все не работается, и это меня огорчает очень. Совсем не могу писать, как ни борюсь с собой. Надо просто ждать, что это пройдет. Боюсь, что, как всегда, мне будет хотеться уехать раньше положенного срока. Это может случиться, хотя мне надо было бы очень остаться до 26 янв<аря>.[2]

Я рад все-таки, что ты решила занять деньги в Феодосии.[3] Но если можно, то для меня займи не 500, а все же ты-

сячу. Иначе у меня и здесь будет мало и копейки не будет по приезде в Петербург. Я писал тебе, на что мне нужно.

Я отчасти потому рад тому, что ты решила занять деньги не у Нюши, что я теперь смогу обратиться к Нюше с предложением издать на свой счет мои книги,[4] что было бы мне неловко сделать, если бы состоялся этот заем у нее. Чувствую, что мне необходимо это сделать, что от этого зависит очень-очень моя литературная работа, т<ак> к<ак> никогда, пока у меня не будет книги, ко мне не будут относиться как следует. А теперь выходит, что меня знает лишь читающая публика, между тем как редакторам и издателям я неизвестен совершенно.

Но мне как-то вообще очень грустно это время. Грустно потому, что мне кажется, что между нами с Аморей что-то окончательно порвалось. Раньше я всегда думал, что разлука наша временная и необходимая для нее. Но что потом, когда пройдет время, все переживется и мы опять встретимся. Мы мало и редко переписывались летом, не касаясь ничего главного. Но когда осенью я написал ей большое письмо, то ответила мне, что все, что было между нами, «все кончено», что «все забыто». Это она повторяла в целом ряде писем. Прибавляя: «Чем самостоятельнее и бодрее ты будешь жить и меньше нуждаться во мне, тем лучше». При этом писала, что чувствует ко мне большую дружбу и хотела бы меня спасти и направить на настоящий путь, что мне надо выучить немецкий язык, приехать в Берлин и заниматься оккультизмом, к чему я предназначен.

Но в Париж, как я ее звал приехать увидеться, она отказалась решительно. Словом, все показывает, что между нами все кончено. Письма ее все страшно сухи, рассудительны и холодны. Она отошла от искусства; она занимается самовоспитанием и моральным самоусовершенствованием. Многое сейчас в словах ее напоминает мне ее мать. И все это так не похоже на все, чем она была.

Вячеслав[5] был в ее жизни как злой огонь: он сжег все, что было, и сам ничего не дал ей, оставив ее с опустошенной и одинокой душой. И в одной ли ее жизни только? Что<-то> подобное же чудится мне и в жизни Адели Герцык, которая

бежала из Судака. Чувствую в этом несправедливость, с которой нет примирения. Самое нежное, самое робкое и самое драгоценное растоптано бесцельно и, вероятно, даже бессознательно.

Сознание этого лежит большой грустью.

Все это, конечно, только между нами.

Крепко целую тебя.

Макс.

Как поживает бабушка? Ты давно ничего не писала об ней.

[1] Имеется в виду п. 169.

[2] 13/26 января 1909 г. Волошин был возведен в степень магистра масонской Великой Ложи Франции.

[3] Об этом Е.О. писала Волошину 1/14 ноября и 2/15 ноября.

[4] Этот план не был реализован.

[5] Вяч. Иванов.

171. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 11/24 ноября 1908 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Ваше письмо[2] принесло с собою веянье далекой радости, и точно запах морского ветра потянул меня домой. Париж для меня кончен. Я это знаю теперь. Как созревший плод, налившийся соками дерева, я могу без боли и без сожаления отделиться от него. А веянье мысли будет всегда со мной. Но надо «домой», на родную Землю. И эта земля для меня не Россия, а лишь «Киммерии печальная область».[3] Чувствую, что лишь там могу «умереть и принести плод».[4] Знаю, что долго не вернусь на Запад. Если уйду в странствие, то лишь на восток. Малая Азия, Персия – они одни лишь манят меня теперь.

От Парижа мне уже нечего брать. Сердце уже перестало впитывать соки, кипящие кругом. Я не могу больше писать о Париже. Источник ритма здесь иссяк для меня. Я не мог написать за все эти месяцы здесь ни одного стихотворения.

Впрочем, нет. Вот несколько строф, что я написал месяц тому назад.

Перепутал карты я пасьянса.
Ключ иссяк и русло пусто ныне...
Взор пленен садами Иль-де-Франса,
А душа тоскует по пустыне...
Бродит Осень парками Версаля,
Вся осенним заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.
Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы....
Ах! В душе пустыня Меганома —
Зной и камни и сухие травы...[5]

Как Вы угадали, Александра Михайловна, что мне хочется отряхнуть с себя журнализм и найти другие источники средств для жизни?

Неужели это так? Неужели можно в Коктебеле разводить пчел, и Вы меня всему научите? Это было бы самое лучшее, что бы я мог себе представить. Пчелы — самый мне дорогой символ за последние годы, и меня несказанно радует такая возможность совместной с ними работы. Но Вы в таком случае должны переселиться в Коктебель, и мы будем все это вместе разводить и заводить. Я чувствую большие обязательства свои перед Коктебелем. Я приезжал туда лишь путешественником. Я там жил, но совершенно не соприкасался с жизнью, не касался руками этой земли. Я чувствую как свой долг внести в строй жизни ритм и гармонию, которых в тамошней жизни совсем нет. Но не знаю, как *я* сделаю это. Ах, как мне надо Вас видеть и как много говорить с Вами. Нет, не уезжайте из Феодосии. Еще если в Петербург, то это ничего. (Хотя и очень плохо). Что Феодосия будет без Вас?

Я понимаю вполне Ваше чувство «хочется подчиниться, раствориться в общем деле». Но этого теперь нельзя Вам. Тот, кто после тех путей, что прошли Вы, дошел до такого состояния духа, тот должен еще сделать трудный шаг и смиренно принять отдельность своей индивидуальности и власть над

другими. От власти эгоистичной можно отрекаться, а власть истинная возлагается как служение. Ваше присутствие в Феодосии это служение. Ведь вы одно из тонких волокон, через которые все великое прошлое великой земли передается неизвестному будущему. Вы органически связаны со всей тканью жизни Киммерийской (не хочется говорить Феодосийской), и искать дела случайного и самирастворенного в чуждых областях Вам нельзя.

Сейчас я не вижу пред собой тех татарских орнаментов, о которых Вы пишете,[6] и потому не могу со всем сердцем откликнуться на это, но думаю, что когда приеду, то проникнусь этим вполне. Думаю и чувствую, что это очень важно и нужно. Передайте мой привет от всей души Конс<тантину> Фед<оровичу>.[7] Мне теперь больше всего хочется работать рядом с ним и вместе с ним.[8] Если мы действительно дополняем друг друга, то я горжусь этим. До свиданья. С Аморей[9] у нас очень неровная и порывистая переписка, исполненная всяких недоразумений. Она ищет себя вне земных условий, в отречении и забвении. Я же утверждаюсь здесь на земле и не хочу ни от чего отрекаться. Мы не до конца понимаем друг друга. До свиданья. Вашему письму я долго буду радоваться: и пчелам, и горшкам, и полотенцам.

Макс.

1 Датируется по почтовому штемпелю: 24.11.08. Париж.

2 Имеется в виду письмо А.М. Петровой от 2 ноября 1908 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 27–27 об.).

3 Измененная строка из «Одиссеи» Гомера в переводе В.А. Жуковского. Ср.: «киммериян печальная область» (XI, 14).

4 Ин. XII, 24.

5 Стихотворение Волошина, позже вошедшее в состав цикла «Париж» с посвящением А.К. Герцык. См.: Т. 1 наст. изд. С. 28–29, 443.

6 В письме от 8 ноября 1908 г. А.М. Петрова, давно уже собиравшая образцы орнамента крымских татар, сообщала о своем намерении издать их рисунки в альбоме и просила Волошина написать для него статью (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952). См.: *Спасская Е.Ю.* Старо-Крымские узоры // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. Т. 3. С. 181–184; *Она*

же. Татарские вышивки Старо-Крымского района (по материалам А.М. Петровой) // Известия Азербайджанского университета, востоковедение, 1926 г. Т. 1. С. 27–41.

[7] К.Ф. Богаевский.

[8] В своих письмах А.М. Петрова нередко сравнивала творческий дар и судьбу Волошина и К.Ф. Богаевского (см., например, примеч. 7 к п. 155).

[9] М.В. Сабашникова.

172. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 17/30 ноября 1908 г. Париж

Милая мама,

получил только что твое письмо из Феодосии, снова наполненное тревогой о денежных делах.[1]

Почему же, если все так сложно, не обратиться тебе к Вас<илию> Мих<айловичу>,[2] как было решено раньше, за всею суммой? Мне кажется, что это было бы благоразумнее на тот случай, если произойдет какая-нибудь задержка и заминка в погашении долга. Потому что Бог его знает какие требования будут предъявлять феодосийские кредиторы. Если еще ничего не сделано, то я советую и настаиваю на том, чтобы взять деньги у Нюши. Ты могла бы занять самую необходимую сумму теперь на несколько дней, а потом, проехав в Москву, покончить это все лично в несколько минут с Вас<илием> Мих<айловичем>. Может, даже теперь можно это сделать и вернуть деньги, взятые в Феодосии? Подумай об этом. Я очень боюсь разных непредвиденных случайностей с этими феодосийскими и крымовскими случайностями. Что же касается меня, то мне на выезд нужно minimum 600 р. Так что, пожалуйста, вышли мне их, как только ты достанешь – из Москвы ли или из Феодосии.

Мне, как выясняется, можно и не оставаться до конца января в Париже – я смогу уехать в начале января. Так что напиши подробно о твоих планах и когда ты будешь в Петербурге.

Если мне «Русь» и «Пантеон» заплатят то, что должны, то у меня сразу будет рублей 400, может 500.

Мне и самому не хочется долго оставаться в Париже теперь, тянет в Россию. Когда что-нибудь решено окончательно, то нельзя дождаться до положенного срока.

Я почти каждый день вижусь с Аделью Герцык, которая поселилась в Passy в двух шагах от Бальмонтов и Гольштейн.

Не знаешь ли ты, скоро ли Богаевские едут за границу?[3] Я жду от тебя теперь письма об Алекс<андре> Мих<айловне>.[4] Ведь ты ее не видела все лето?

До свиданья. Крепко целую тебя.

Макс.

P.S. Только что получил письмо от А. Толстого. Он мне пишет, что ищет в Петербурге такую квартиру, где бы мы могли поселиться вместе.[5]

Мы с ним раньше об этом говорили. Если это будет так осуществлено, то ты сможешь прямо приехать туда. Я попрошу его, чтобы он, когда это будет выяснено (сейчас он в Москве), написал бы тебе. Хорошо?

Кроме того, когда ты приедешь в Петербург, мне хочется, чтобы ты познакомилась с моей новой подругой Лилей Дмитриевой, с которой мы очень подружились в письмах.[6] Это, помнишь, та маленькая и страшно сериозная и юная девушка, которая раз приходила вместе с «Девочкой».[7] Я напишу ей, и она придет к тебе.

[1] 11/24 ноября Е.О. писала Волошину о предстоящей поездке в Феодосию, чтобы узнать, у кого «можно достать денег под залог дома» («знаю о существовании какой-то барыни, дающей под залог за 8% годовых, и думаю, что с ней мы при непосредственных сношениях скорее покончим, чем при письменных с Вас<илием> Михайловичем»), а также просила ограничить сумму ссуды на собственные расходы 1000 рублями (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[2] В.М. Сабашников.

[3] В письме к Волошину от 3/16 декабря 1908 г. Е.О. сообщала: «Богаевские, как я уже тебе писала, кажется, 10 XII едут за границу и остановятся в Берлине» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653). Имеются в виду К.Ф. Богаевский и его жена Жозефина Густавовна Богаевская (урожд. Дуранте; 1877–1969).

[4] Отправляясь в середине ноября (ст.ст.) на несколько дней в Феодосию, Е.О. предполагала остановиться у А.М. Петровой.

[5] В недатированном письме к Волошину, отправленном из Москвы перед поездкой в Петербург, Толстой сообщал: «Относительно квартиры решено положительно, т<ак> что, когда она будет снята, напишу тебе, и пусть твоя матушка приезжает к нам» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 143).

[6] Е.И. Дмитриева познакомилась с Волошиным в марте 1908 г. в Петербурге, тогда же завязалась их переписка. Письма Волошина к Дмитриевой не сохранились, ее письма к Волошину частично опубликованы впервые Вл. Глоцером (12 писем; Новый мир. 1988. № 12. С. 153–158) и В.П. Купченко (25 писем; Русская литература. 1996. № 1. С. 210–235). В полном объеме письма Дмитриевой к Волошину напечатаны в кн.: *Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной: Жизнеописание. Письма 1908–1928 годов. Письма Б.А. Лемана к М.А. Волошину / Сост., подгот. текстов, примеч. Вл. Купченко и Р. Хрулёвой. Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2009.

[7] М.К. Гринвальд.

173. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 28 ноября / 11 декабря 1908 г. Париж

Милая мама,

все эти последние дни проходили у меня нелепо: я ничего не успевал делать – ни работать, ни писать писем, ни бывать на выставках. Сперва была многодневная спячка благодаря позированию, которое меня гипнотизировало. Потом приехала Адель Герцык, путешествующая под внимательной и трогательной опекой Жуковского.[1] Она останется здесь месяца 3. Потом были домашние неурядицы – нам изменяла менажица,[2] и мастерская моментально превращалась в ледяную помойную яму и приходилось убегать из дому без оглядки на целый день.

Нюша уже дней десять в Париже. Я с ней все-таки говорил о деньгах, и вот что выяснилось: она, конечно, ни о каких процентах и не думала, но В.М. сказал ей, что, т<ак> к<ак> ей надо продать бумаги для этого (бумаги, которые стоят теперь

ниже цены нормальной), то она при этом потерпит около 20% убытку при продаже – откуда 8% по его расчету для возмещения. Я очень рад, что это так, иначе это меня очень огорчало. Относительно же задержки, то она говорит, что никакой быть не может, если ты согласишься на векселя. Иначе же для «заклада» земли, это действительно очень сложно, и самому В.М. надо ехать в Крым для этого. Относительно же векселей, то сроки эти необходимы для составления векселя, но условны, т<ак> к<ак> вексель всегда и сколько угодно можно отсрочивать. Так что, по-моему, если не поздно, то лучше все-таки, если бы ты могла сделать этот заем у Нюши. Потому что, б<ыть> может, с неизвестными феодосийск<ими> лицами это гораздо опаснее в смысле сроков уплаты и требований.

Мне никак не обойтись меньше чем с 1000 р. Если ты достанешь эти деньги, то переведи мне 700 р. в Париж сейчас же. Мне главным образом хочется скорее возместить то, что я брал теперь и раньше из Амориных денег (которые лежат ведь здесь на мое имя), и перевести их на ее имя в Берлин. И кроме того, мне надо заплатить часть либреру[3] и портному (т<ак> к<ак>, покидая Париж, я себе заказал все-таки в запас платья).[4]

Мой отъезд теперь определился. Я выеду сейчас же после 13/26 января. Этот день определился потому, что мне необходимо присутствовать на одном масонском собрании, в этот день меня должны произвести в степень мэтра. А это мне важно для России. Так что я во всяком случае в Петербурге буду до 20 января ст.ст.[5]

Адреса Толстого пока еще не могу тебе сообщить, потому что он пока в Москве.

Я недавно получил большое письмо от Алек<сандры> Мих<айловны>, где она, узнав, что я надолго поселяюсь в Коктебеле, уговаривает меня заняться пчеловодством. Мне эта мысль очень мила.[6] Алек<сандра> Вас<ильевна> Г<ольштейн> тоже советует мне и пришла в восторг от этой мысли. Поговори об этом с Алекс<андрой> Михайловной. Это мне кажется очень разумным и сериозным. Б<ыть> может, ты поселилась бы пока в декабре на некоторое время в Феодосии?

Напиши мне о Ек<атерине> Феод<оровне>,[7] где она теперь и как себя чувствует.

Посылаю тебе фотографию с моего бюста. Это он в его теперешнем состоянии (в глине).[8] Но он будет иссечен в камне как древний «Герм».[9] Около сажени высоты. И лицо будет сделано гораздо общее — завуалированнее.

До свиданья. Крепко целую тебя.

Макс.

[1] Д.Е. Жуковский. Волошин был шафером на венчании А. Герцык и Жуковского в Париже 10/23 декабря 1908 г.

[2] От femme de ménage (*фр.*) — приходящая домашняя работница.

[3] Libraire (*фр.*) — книгопродавец.

[4] Согласно письму В.М. Сабашникова к Волошину от 12 августа 1910 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1056), долг Волошина А.Н. Ивановой (Нюше), возвращенный в те дни, составлял 1000 р., проценты не назначались.

[5] Волошин приехал в Петербург, по всей вероятности, 27 января/9 февраля 1909 г.

[6] Речь идет о письме А.М. Петровой от 2/15 ноября 1908 г.; см. ответное письмо (п. 171).

[7] Е.Ф. Юнге.

[8] Свои впечатления от бюста работы Виттига Е.О. изложила в письме к Волошину от 3/16 декабря 1908 г.: «Смотрю на него — и нет удовлетворения. Я вижу только страшную дисгармонию между нижней и верхней частями всей головы, всего лица. Хочется сколоть весь череп до самых бровей. Этот узкий лоб, окаймленный слишком пышной растительностью на висках, отнимает всю значительность широкого спокойного лица. Этому лбу нужно другое лицо, — этому лицу — другой лоб. И этот лоб, мне кажется, был бы совсем другой, если бы иначе окаймлялся волосами, скрывшими виски и верхние боковые обнаженности лба. И вот получился этот узкий овал лба при таких широких четырехугольных скулах. Только когда я закрою весь лоб с пышными боковыми начесами — я с удовольствием смотрю на лицо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[9] Далее — рисунок с изображением будущего памятника. Герм (герма) — у древних столбик с головой или бюстом Гермеса, иногда Вакха, Пана и др.; служил межевым знаком или для украшения.

174. В.Я. БРЮСОВУ

11/24 декабря 1908 г. Париж[1]

Дорогой Валерий,

Благодарю Вас очень за Ваши книги, которые я получил все (2 т<ома> «Огненного Ангела», т. II «Пути и перепутья»[2] и № «Весов»). Я с большим удивлением и прискорбием узнал, что «Весы» высылались мне в течение всего года на «башню».[3] Если мне никто за всю прошлую зиму не потрудился там сказать об этом, то, очевидно, получить мне эти №№ и теперь не удастся. Увы мне.

Мне писал Толстой, что виделся с Вами в «Эстетике» и читал при Вас стихи свои.[4] Скажите, какое впечатление вынесли Вы?[5] Мне он кажется весьма самобытным и на него можно возлагать всяческие надежды. В самом духе его есть что-то подлинное «мужицкое» в хорошем смысле.

Я ничего не прислал пока, как обещал, в «Весы». Но я все это время был совершенно вне литературы и ничего не писал и даже ничего не смотрел. Но «Весы», как до меня дошли слухи, вопреки Вашим собственным мрачным предвиденьям, продолжаются, так что время не ушло.[6]

А относительно офортов, что я подарил Вам,[7] знаете, они, верно, пропали, потому что ведь я их принес Вам в тот вечер, когда у Вас были фр<анцузские> поэты, и оставил их свернутыми в трубочку в передней, но позабыл предупредить Вас. Но это ничего. Офорт не представляет собой единственности, и потому я Вам пришлю эти офорты, как только сделаю новые оттиски.

Я сейчас перечитывал в Нац<иональной> Библ<иотеке> все редкие и полузабытые вещи Вилльє де Лиль-Адана («Morgane», «Elën», «Nouveau Monde»).[8] Там есть страницы поразительные и концепции редкой драматической силы, несмотря на юношескую реторику и местами излишнюю сложность.

Видели ли Вы новое издание Ван-Беверовских «Les Poètes d'aujourd'hui» в двух томах, очень расширенное и дополненное?[9]

До свиданья. Жму Вашу руку. Привет Иоанне Матвеевне.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 24.12.08. Получено в Москве 14 декабря.

[2] Имеются в виду издания: *Брюсов Валерий*. Пути и перепутья. Собрание стихов. Т. II. Риму и миру. Венок. М.: Скорпион, 1908; *Брюсов Валерий*. Огненный Ангел. Повесть XVI века. Часть I—II. М.: Скорпион, 1908. Первая книга вышла в свет в апреле 1908 г., вторая (вторая часть) — в ноябре 1908 г. (первая часть романа — в январе 1908 г.). В 1909 г. издательство «Скорпион» выпустило второе, дополненное издание «Огненного Ангела» в одной книге. Том II «Путей и перепутий» сохранился в библиотеке Дома-музея М.А. Волошина; дарительная надпись: «A Maximilien Wolochine confraternellement Valère Brussov 18 novembre 1908» («Максимилиану Волошину дружески Валерий Брюсов 18 ноября 1908»).

[3] 6/19 ноября 1908 г. Брюсов писал Волошину: «Что касается “Весов”, то они аккуратно высылаются Вам весь год в Петербург, так как Вы не заявляли конторе о перемене адреса. Вытребуйте Ваш экземпляр из Пб. (Таврическая, 25). №№ 10—12 направим в Париж» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 382).

[4] О своем выступлении в Москве в «Обществе Свободной Эстетики» Толстой сообщал Волошину: «...попросил меня Брюсов читать. При гробовом молчании, замирая от ужаса, освещенный двумя канделябрами, положив руки на красную с золотой бахромой скатерть, читал я “Чижика”, и “Козленка”, и “Купалу”, и “Гусляра”, и “Приворот” <...> После чтения подходят ко мне Брюсов и Белый, взволнованные, и начинают жать руки. В результате — приглашение в “Весы”» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. С. 145). Стихотворения А.Н. Толстого «Сомакан», «Семик», «Косари» были опубликованы в № 1 «Весов» за 1909 г. (С. 15—18). Впрочем, еще до чтения в «Обществе Свободной Эстетики» Толстой прислал в «Весы» два своих стихотворения — «В изумрудные, вечерние поля...» и «В мансарде» (письмо со стихами выслано из Парижа 13/26 февраля 1908 г. // РГБ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 10).

[5] Брюсов на это письмо, видимо, не ответил. Поэзию А.Н. Толстого он высоко оценил в отзыве о его книге «За синими реками» (М., 1911) (Русская Мысль. 1911. № 2; см.: *Брюсов Валерий*. Среди стихов.

1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М.: Сов. писатель, 1990. С. 340) и в предисловии к французской «Антологии русских поэтов» (1911) (ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 203). 21 декабря 1908 г. Толстой писал Брюсову: «...очень, очень я рад еще раз слышать от Вас мнение о стихах моих. Сознаюсь, мне было страшно свеситься на чаше Весов Ваших, но теперь я еще сильнее укрепился в той исходной точке творчества, которая намечалась всегда и независимо от моих хотений» (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. С. 148. Уточнено по автографу).

[6] Подразумевается намерение С.А. Полякова осенью 1908 г. прекратить издание «Весов». Об этом кризисном моменте в истории журнала и о переговорах между Поляковым, Брюсовым и ближайшими сотрудниками «Весов» см.: *Азадовский К.М., Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // ЛН. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 302–306.

[7] 6/19 ноября 1908 г. Брюсов сообщал Волошину: «Я забыл у Вас Ваши офорты, которые Вы мне подарили. Очень хотел бы их получить» (ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 382).

[8] Волошин перечисляет драматические произведения Вилье де Лиль-Адана: «Моргана» (1866), «Элен» (1865), «Новый Свет» (1880).

[9] См. п. 26, примеч. 3.

175. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Около 14/27 декабря 1908 г. Париж

Милая мама,

конечно, я могу обойтись в конце концов и с 600 и с 700 рублями. Так что вышли мне сюда, когда получишь деньги от Вас<илия> Мих<айловича>, 600 руб., и мне будет достаточно, чтобы выплатить здесь необходимое и доехать до Петербурга, а там я надеюсь получить хоть что-нибудь с «Пантеона» и «Руси».[1] 600 рублей мне хватит.

Я наконец избавился от своей спячки и сонливости и теперь стараюсь воспользовать<ся> последними днями в Париже и читаю и собираю материалы в Национальн<ой> Библиот<еке> и хожу по улицам... Третьего дня я был на балу Интернов в Бюллье. Это бал медиков, подобный балу художников (Bal des Quat'z-Arts).[2] Но с соответственными оттенка-

ми. В то время как на балу художников линия, цвет и форма имеют первенствующее значение, медики предпочитают просто анатомию. Там дамы – по большей части модели, а здесь было несколько больших публичных домов, приглашенных в полном составе. «Эти дамы» были совершенно без одежд и лишь в черных чулках. Но нагота эта не производила никакого впечатления. Она скорее казалась каким-то парадным туго затянутым мундиром, и они имели в нем корректный и строгий вид воскресных городовых. Забавы были более грубы и чувственны, чем на балу художников, но общий вид залы был все же очень красив и в разнузданности было нечто очень древнее и поэтому строгое и глубокое, как бывает глубок всякий жест, в котором человек забывает свою индивидуальность для одного устремления.[3]

Я очень часто вижусь теперь с Ад. Герцык и с Жуковским. Только теперь я начал узнавать его впервые и совершенно изменил о нем свое мнение. Он очень хороший, благородный и далеко не глупый человек. Только он очень скромен и ум его лишен всякого внешнего блеска. Я теперь глубоко убежден, что, если их брак состоится, то это будет очень, очень хорошо и для него и для нее. Только об этом (т.е. об этом браке) не надо пока говорить.

Меня глубоко возмутило, что Нат<алия> Иван<овна> *смеет* об этом говорить и писать.[4] Еще на днях тоже через посредство Нат<алии> Иван<овны> дошел до Парижа слух о том, что Вячеслав женится на Жене Герцык (что есть ложь). Но как у ней хватает бесстыдства на все четыре стороны пускать свои маленькие «житейские» гипотезы о жизни людей ей чужих, ей чуждых, о жизни, в которой совершается действительно важное и трагическое. Мне известны близко, и хорошо, отношения Ад<ели> Г<ерцык> и Жуковск<ого>, и Вячес<лава> и Жени Г<ерцык>. Известны в их интимных и неопределимых оттенках. Но почему же первая весть об Адели Г. должна была дойти до меня в глупой и пошлой фразе Нат<алии> Ив<ановны>: «А.Г. вышла замуж за Ж.»? Эта бесцеремонная и навязчивая болтливость просто кощунственна и поэтому отвратительна. Я твердо решил никаких

сношений с Нат<алией> Иван<овной> не иметь, и особенно в Коктебеле, и воспользоваться всеми выгодами моей прошлогодней глупой, но столь удачной ссоры. О, я вполне понимаю, что об людях и о человеческих отношениях следует говорить и следует размышлять над ними и высказывать свои размышления. Но размышления эти только тогда имеют цену, когда за частным индивидуальным случаем они открывают общее и вечное. Когда же они общее низводят к частному, то становятся простою сплетней. Пока «любопытство» Нат<алии> Ив<ановны> я замечал лишь по отношению к себе, к Аморе — т.е. к тому, что было мне слишком близко, то несмотря на то, что оно было очень оскорбительно, я не решался осудить ее, боясь личной пристрастности. Теперь же у меня нет оскорбления за себя, и я могу совершенно беспристрастно ее судить и считаю необходимым вычеркнуть ее из числа тех людей, с которыми мне желательно видеться и иметь сношения. Если бы она не жила в Коктебеле, то таких крайних мер не нужно было бы принимать. Но в Коктебеле такое соседство слишком опасно.[5]

Меня беспокоит то, что ты пишешь о здоровье бабушки. При ее слабости всякая болезнь может быть роковой, а с другой стороны, боюсь тоже, что эта болезнь может затянуться и задержать тебя на неопределенное время в Коктебеле.[6]

Аморю мне бесконечно жаль,[7] и в то же время я чувствую, что я становлюсь от нее все дальше и дальше и что она, боясь больше всего, что я люблю ее и страдаю, старается оттолкнуть меня. Она нарочно переводит все наши отношения на отвлеченные рассуждения на моральные темы, так что переписка между нами стала невозможной. В Париж приехать на Рождество она отказалась безусловно. Я же написал ей, что не хочу видеть ее мельком в Берлине, на несколько дней, проездом, т<ак> к<ак> такие свидания бывают полны лишь разного рода недоразумений, как было наше свидание в Гамбурге.[8] Но хотя я ей написал это, но думаю тем не менее остановиться в Берлине, но только так, чтобы наше свидание вышло для нее совершенно неожиданно. Иначе она будет ждать, будет готовиться к нему и будет все время сама не своя. Так

что этот мой план – полный секрет. Дело в том, что она очень хочет меня спасать, меня учить, обращать в теософию. Это все надо преодолеть. Ведь я все эти годы был целиком в теософии, но теперь, не разрывая и не отказываясь от прежних мнений, я их углубил и по-своему связал их с реальной жизнью и искусством. Но когда я ей пишу об этом, она как будто совсем ничего не понимает и, возражая мне, высказывает те же самые мысли, но лишь иными словами.

Я хочу застать ее неожиданно, врасплох и этим избежать тех ужасных первых часов и дней, которыми начинаются неизбежно все наши встречи с ней.

Пока до свиданья. Мой отъезд по-прежнему, значит, остается на конец здешнего января. Крепко целую бабушку и желаю ей как можно скорее выздороветь.

Макс.

[1] См. п. 169, примеч. 5. Упоминается В.М. Сабашников.

[2] См. очерк Волошина «Весенний праздник тела и пляски («Bal des Quat'z-arts») (1904; Т. 5 наст. изд. С. 400–407).

[3] Многое из увиденного Волошин описал в незавершенном наброске очерка «Бал интернов». См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 592–594.

[4] Имеется в виду Н.И. Манассина. Еще 29 октября / 11 ноября 1908 г. Е.О. писала Волошину: «Из письма Манассиной узнала, что Адель Герцык, m-me Гриневич и Жуковский в санатории, а сегодня до меня дошли вести, что она вышла замуж за кого-то. Неужели же за Жуковского? Это совсем невероятно»; той же темы она вновь касалась в письме к Волошину от 2/15 ноября: «До Коктебеля дошел слух, что Адела Герцык выходит замуж за Жуковского; неужели они могут составить пару понимающих любящих друг друга существ?!!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653).

[5] 20 декабря (ст.ст.) 1908 г. Е.О. писала в ответ: «...мне кажется, ты уже слишком строго и немного пристрастно относишься к Нат<алии> Ив<ановне>. Ведь, собственно, эта ее болтливость глупая и любопытство безудержное чуть не единственный капитальный недостаток ее; человек же она в сущности совершенно порядочный, добрый и отзывчивый, только с примесью некоторой сухости и расчета. Я к ней совершенно равнодушна, но и антипатии она во мне никакой не вызывает. <...> О замужестве А.Г. я узнала не от Н.И., а от одной знакомой своей, прекрасной, доброй девушки, с большой

любовью и сочувствием относящейся ко всем Герцыкам. Зная и любя А., она боится за нее, за брак этот» (Там же).

[6] 3/16 декабря Е.О. сообщала Волошину: «Бабушка совсем расхворалась, ослабела, лежит в постели, кашляет; у нее бронхит <...> Теперь, разумеется, я не двинусь никуда из Коктебеля, пока она не поправится». В следующем письме, от 10/23 декабря (полученном Волошиным, видимо, уже после отправления настоящего письма), Е.О. извещала об ухудшении здоровья Н.Г. Глазер: «Я не могу уехать, пока не наступит выздоровление или смерть, а потому совсем не знаю теперь, когда приеду в Петербург» (Там же).

[7] Отклик на суждения Е.О. о М.В. Сабашниковой в письме от 3/16 декабря: «Мне ужасно жалко ее. Она представляется мне такой несчастной, слабой девочкой, с такой тяжелой, непосильной ношей для ее слабых детских плеч; и никого-то нет возле нее сильного, любящего, могущего разбудить и поднять ее для настоящей, радостной, реальной жизни» (Там же).

[8] Волошин заезжал в Гамбург для встречи с Сабашниковой по пути из России в Париж, с 13/26 по 16/29 мая 1908 г.

176. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

20 декабря 1908 / 2 января 1909 г. Париж

2 января 1909. Ночь.

Милая мама,

только что, вернувшись от Гольштейнов, я нашел дома твое письмо с вестью о смерти бабушки.

Оно такое спокойное, ясное и грустное, как и подобает вести о смерти.[1] И во мне не возникло сожаление, но лишь грусть и тишина. Все эти дни во мне (после твоих первых писем о смерти) жила какая-то уверенность, что это болезнь последняя, от которой бабушка не оправится, и эти последние дни (когда, значит, уже шло твое письмо) я думал часто о ней как об умершей уже и лишь ждал вести. Как хорошо, что смерть настала так тихо во сне, была таким тихим переходом. Последние годы жизни бабушки были так смутны и тяжелы. Мне бы было бы страшно такой старости; страшно так запоздать на земле и так заблудиться в незнакомых и новых време-

нах, сохранить интерес лишь к подробностям жизни и быть от них отрезану слепотой, глухотой и слабостью. Была глубокая негармоничность во всей жизни вокруг нее и в ее отношениях к чуждой ей жизни, и мы не сумели создать гармонии вокруг нее.

Но за тебя я чувствую теперь радость; мне кажется, что твоя жизнь в Коктебеле станет теперь гармоничнее и что ты сама почувствуешь себя сильнее и цельнее, и спокойнее в глубине души.

Я думаю, что и дяде Саше теперь будет лучше. Жизнь его будет нормальнее и строже. Хотя относительно него у меня такое чувство, что он недолго переживет бабушку. Напиши мне, как принял он смерть ее[2] Пав<ел> Пав<лович>,[3] бабушка... как быстро все сменилось в Коктебеле. Сразу отошла целая полоса жизни.

Я чувствую теперь, что мы теснее остались с тобой вдвоем, мама, и что моя жизнь теперь теснее прикрепляется к Коктебелю.

Теперь нужно создать новые, более цельные и гармоничные формы жизни, и ты должна сделать меня своим помощником. Потому что не должно быть в твоей жизни больше того состояния непрерывного раздражения, сменяющегося упадком духа и равнодушием, как до сих пор. И я сделаю все, что могу, чтобы этого больше не было.[4] Я думаю, что и для меня мое искание жизни в далеких краях теперь кончилось... Почти кончилось... Быть может, это была теперь моя последняя долгая отлучка из России. Когда я понял, что Аморя совсем отошла, то я почувствовал себя глубоко одиноким. Но все, что было, – хорошо. И то, что есть, *должно* быть хорошо. Надо теперь устраивать цельную, полную и настоящую жизнь в Коктебеле.

Эту осень у меня бывали моменты глубокой грусти. Пока еще одно стихотворение, написанное в эту же осень.

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь!
Чтобы мигов легкие звенья

Не спаялись в трудную цепь.
— Ах, как тяжко бремя свободы!
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете,
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылия
Живых вестей
Здесь на развилии
Слепых путей?

Не зови того, кто уходит,
Не жалей о том, что прошло.
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит.
Позабудь и знак и число.
Ах, как долы дики и строги!
Как грустна вечерняя муть!
— Но иди. В полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь.

Край одиночества.
Земля молчания.
Сбылись пророчества.
Свершились чаянья.
Под синей схимою
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.[5]

Прочти, пожалуйста, оба эти стихотворения Алекс<андре> Мих<айловне>.[6]

Я вижусь теперь часто у Алекс<андры> Вас<ильевны>[7] с Мар<ией> Серг<еевной> Безобразовой, и мы питаем большую симпатию друг к другу.

Адрес Алексея Николаев<ича> Толстого в Петербурге: Глазовская улица, 15, кв. 18.[8] Он пишет мне так торопливо и несвязно (он в Петербурге раздираем очевидно, как я когда-то), что я советую тебе лучше, приехав, остановиться у Орлишки,[9] а потом пойти сперва посмотреть, можем ли мы

поселить<ся> вместе с ними. Они оба очень молодые, непрактичные и легкомысленные. Мне очень хочется, чтобы они понравились тебе. Крепко целую тебя.

Числа 10—12 янв<аря> я покидаю свою мастерскую и переселяюсь к Гольштейнам. Но ты пиши мне письма на имя Ек<атерины> Алек<сеевны> Бальмонт (60 Rue de la Tour). Напиши мне об Алекс<андре> Мих<айловне>. Привет ей.

[1] 13 декабря 1908 г. Е.О. сообщала Волошину: «...сегодня в 12½ часов ночи бабушка скончалась после 10-дневной болезни <...> она заснула в кресле, и этот сон перешел незаметно в короткую легкую агонию. <...> Завтра в 1 ч. дня мы ее хороним на деревенском кладбище. <...> Я довольна, что бабушка болела и умерла при мне, так, как ей этого хотелось. У нее спокойное, доброе, хорошее лицо» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 653). Могила Н.Г. Глазер сохранилась на коктебельском кладбище.

[2] На этот вопрос о ее душевнобольном брате, Александре Глазере, Е.О. отвечала 31 декабря 1908 г.: «На слова мои: мать умерла, — он ответил вопросом: неужели? — сказанным очень прочувствованным тоном, но не встал с постели, и на другой день не хотел идти в комнату, где лежало тело; только в день выноса его уговорили пойти проститься, и он, подошедши к гробу, посмотрел на лицо, на ноги, сказал: зачем, что такое? — и ушел в свою комнату. И потекли его дни прежним порядком: пачкает бумагу целыми днями, спит, ест, моется» (Там же).

[3] См. п. 164, примеч. 1.

[4] В том же ответном письме Е.О. отмечала: «...кажется мне, начнется у меня другая, новая жизнь какая-то. Я чувствую радостный покой в ожидании скорого свидания с тобой, милый Макс, в ожидании этой новой совместной жизни».

[5] Стихотворение было впервые опубликовано (с посвящением Ек. Ал. Бальмонт) в кн.: *Волошин М*. Стихотворения 1900—1910. М., 1910. С. 97—98. Вариант ст. 21 в опубликованном тексте: «Ах, как дики эти излоги!» (Т. 1 наст. изд. С. 103).

[6] А.М. Петрова. Е.О. сообщала Волошину 31 декабря: «Оба стихотворения твои нам с Ал<ександрой> Мих<айловной> очень нравятся; больше нравится второе: Возлюби просторы мгновенья, — но я кое-что в них не понимаю, ты мне объяснишь».

[7] А.В. Гольштейн.

[8] Этот адрес Толстой сообщил Волошину в недатированном декабрьском письме (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. Т. 1. С. 147).

[9] А.И. Орлова.

1909

177. А.М. РЕМИЗОВУ

6/19 января 1909 г. Париж

Дорогой Алексей Михайлович!

Простите мое непростительное молчание, наставшее по получении Вашего «Иуды».[1]

Это последние недели, что я живу в Париже. И готовлюсь его покинуть надолго, если не навсегда...

За это время один скульптор вытягивал из меня по утрам жи<зне>нную силу для своего бюста[2] и отпускал меня выжатым и сонным.

За это время я снова был болен отсут<ст>вием воздуха.

За это время я ликвидировал свою мастерскую и заколачивал в ящики свои книги и статуи, и посылал их в Крым.

Но все это, конечно, не помешало бы мне писать Вам, но мне очень трудно было писать о Вашем Иуде.

Вы знаете, насколько у меня личные отношения к нему, и мне очень трудно принять иное, чем мое, отношение к нему.[3] Вы понимаете его иначе, чем я. И мне очень трудно отрешиться от своего взгляда и быть объективным.

Я очень люблю Вашего «Иуду» как произведение апокрифическое и бытовое. Разговоры Орифа и Зифа[4] все великолепны. Это настоящий хороший Ремизов. Но по своему художественному значению – они, а не Иуда являются срединным в произведении. Я очень люблю ту легенду об Иуде-кровосмесивце, которую Вы приняли как основу. Но для меня она неизбежно связуется с предательством. Предательство в этих событиях прошлой жизни Иуды должно находить свое подготовление или оправдание.[5]

Но как бы то ни было, что бы не писалось об Иуде, и логически, и психологически центром действия об Иуде является тайная вечеря и предательство.

Вы этого совсем не касаетесь, и потому Ваш Иуда почти совсем не Иуда. Это Эдип,[6] а не Иуда.

И упоминание о Христе, оно кажется ненужным и лишним. Даже почти как и самое имя Иуды.

Это мои личные возражения. Они очень субъективны, потому что я ждал от Вас того «главного» об Иуде, и мне трудно привыкнуть к этому, частичному пониманию его.

Иуда мне представляется темой, равной Каину и Фаусту.[7] И хочется, чтобы каждый написал своего Иуду. Как каждый должен написать своего Прометея,[8] своего Фауста.

Я уже совсем скоро возвращаюсь в Петербург. Сейчас доживаю здесь последние дни. Поэтому все разговоры более подробные откладываю до скорого свиданья.

Одна просьба, Алексей Михайлович: я потерял адрес Алекс<ея> Ник<олаевича> Толстого, который мне крайне необходим.

Пожалуйста (т<ак> к<ак> Вы, верно, его знаете), напишите мне его немедля на открытке в Берлин на имя Марг<ариты> Васильевны[9] (Berlin, 72 Motzstrasse. Fr. Margarita Woloschin. для меня). Или если его увидите, то велите ему написать.

Привет Сераф<име> Павлов<не>.[10] Очень, очень радуюсь Вас увидеть.

19 янв<аря> 1909.
Paris.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о пьесе А.М. Ремизова «Трагедия о Иуде, принце Искариотском» (1908), впервые опубликованной в журнале «Золотое Руно» (1909. № 11/12. С. 15–47). См. п. 156, примеч. 2.

[2] Бюст Волошина лепил польский скульптор Эдвард Виттиг, ученик Родена, с которым Волошин познакомился в 1908 г. в Париже и творчеству которого посвятил статью «Эдуард Виттиг» (см. п. 367,

примеч. 8). Виттигу адресовано послание Волошина «Ты из камня вызвал мой лик...» (1911) (Т. 2 наст. изд. С. 552, 722). После отъезда Волошина из Парижа Виттиг перенес гипсовый бюст Волошина на камень и назвал его «Поэт» (см.: *Тавитиан Катрин.* Волошин и Париж // Невский альманах. 2004. № 5/6. С. 18–19).

[3] Тема предательства Иуды не раз становилась предметом творческой рефлексии Волошина, который посвятил ей незавершенный этюд «Евангелие от Иуды» (см. п. 156, примеч. 3), стихотворение «Иуда-апостол» (Т. 1 наст. изд. С. 359), статью «Некто в сером» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 166–176). О предательстве Иуды Волошин говорил и в лекции «Пути Эроса» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 234–235).

[4] Ориф и Зиф – персонажи пьесы А.М. Ремизова «Трагедия о Иуде, принце Искариотском», слуги Иуды.

[5] О различиях творческой интерпретации темы предательства Иуды у Ремизова и Волошина см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Волошин и Ремизов // *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб.: Скифия, 2004. С. 138–144; *Иезуитова Л.А.* Три Иуды в русской литературе Серебряного века: Л. Андреев, М. Волошин, А. Ремизов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.; Салерно, 2003. С. 55–68; *Иезуитова Л.А.* Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб.: Петрополис, 2010. С. 431–444.

[6] Эдип (*греч. миф.)* – царь Фив, который по неведению, но во исполнение божественного предсказания, стал убийцей своего отца Лая и мужем собственной матери Иокасты. Варианты мифа об Эдипе нашли отражение в античной трагедии («Эдип-царь», «Эдип в Колоне» Софокла, «Эдип» Сенеки) и во многих произведениях литературы нового времени.

[7] В данном случае имеется в виду образ Фауста в одноименной трагедии Гёте.

[8] Прометей (*греч. миф.*) – сын титана Иапета, двоюродный брат Зевса, восставший против богов и пожертвовавший собой ради людей. Подробное рассмотрение образа Прометея в мировой литературе см.: *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.

[9] М.В. Сабашникова.

[10] С.П. Ремизова-Довгелло.

178. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 января / 1 февраля 1909 г. Берлин

1 февр<аля> 1909.

Милая мама, вчера вечером я приехал в Берлин[1] и остановился в том же пансионе, где Аморя (72. Motzstr<asse> bei Lawreuz). Я нашел ее не грустной, не далекой, но очень тихой, слишком тихой и говорящей еще медленнее. Отношение ее ко мне очень хорошее, дружественное, но не живое, какое-то слишком «христианское». Ее борьба с собой, ее любовь и страдание – все это, чувствуется, улеглось и стихло.

Но с ней трудно говорить. Она живет религиозным откровением, которое она находит в словах Штейнера. И поэтому когда с ней говоришь и высказываешь ей свое, то чувствуешь, что она все сравнивает с тем, что она считает верным, незыблемым и единственным, и без всяких колебаний отвергает все, что не ортодоксально. В этом, теперь особенно, когда я отошел от теософии, между нами глубокое разделение.

Сейчас она стоит совсем вне жизни, еще дальше, чем она стояла раньше. И все, что во мне, ей чуждо и далеко. Хотя она делает самоотверженные усилия, чтобы не показать мне это.

То же и в искусстве: она ищет и требует простоты и сухости. Это очень хорошо. Но она так далеко проводит свои требования, что выходит за грани искусства. Все то, что я пишу, она находит слишком блестящим.

Но это всё впечатления первого вечера. Я останусь здесь несколько дней, неделю быть может, т<ак> к<ак> Бог весть, когда мы увидимся снова. Ничего, что я заставляю тебя так долго дожидаться меня одну в Петербурге? Но ведь теперь уже мы долго не расстанемся. Напиши мне о Толстых и как мы с тобой устроимся.[2] Не надо ли тебе чего-нибудь определенного купить в Берлине? Кошелек я куплю здесь, т<ак> к<ак> они здесь дешевле и лучше, чем в Париже.

Я пишу тебе всё на адрес Орлишки,[3] т<ак> к<ак> не знаю наверно, где ты остановилась.[4]

До скорого свиданья. Крепко целую тебя.

Макс.

[1] Волошин выехал из Парижа в Россию 17/30 января, по дороге задержался в Берлине на неделю.

[2] 21 января / 3 февраля Е.О. писала Волошину в Берлин: «Была у Толстых, они оба очень понравились мне во всех отношениях, но квартира их так мала (3 маленькие комнаты), что вместить всех нас не может» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[3] А.И. Орлова.

[4] По приезде в Петербург (9 января ст.ст.) Е.О. остановилась не у А.И. Орловой, а у Марии Васильевны Глазер, вдовы дяди Волошина Владимира Оттобальдовича Глазера (Надеждинская ул., 38, кв. 17).

179. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

3 февраля 1909 г. Петербург[1]

Многоуважаемая Анастасия Николаевна! Очень благодарю Вас за Ваше приглашение, но не могу принять его, т<ак> к<ак> очень мало знаком с Ростовцевыми и не был туда приглашен;[2] кроме того, я сейчас <не> в очень радостном настроении, поэтому нет настоящего вкуса к маскараду. Вот если бы я пробыл всю зиму в Петербурге,[3] то верно было бы иное. Очень, очень благодарю Вас за внимание.

Привет Федору Кузьмичу.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка, датируется по кн.: Труды и дни. С. 216.

[2] Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), историк, филолог-классик, археолог и его жена Софья Михайловна Ростовцева (урожд. Кульчицкая; 1878–1963). В доме Ростовцевых проходили знаменитые «вторники», в которых принимала участие интеллектуальная и творческая элита Петербурга. Речь идет о вечере во вторник 3 февраля.

[3] Волошин приехал в Петербург около 27 января (ст.ст.) (Труды и дни. С. 216).

[4] Ф. Сологуб.

180. И.Ф. АННЕНСКОМУ

5 марта 1909 г. Петербург

Глазовская 15, кв. 18. СПБ.

Глубокоуважаемый Иннокентий Феодорович!

Сейчас около пяти часов утра, и для меня еще не кончилось бодрствование дня нашей встречи:[1] Вернувшись домой, мне не захотелось так оборвать беседу с Вами, и я сел читать «Античный миф в современной французской поэзии»[2] – имена мне милые, слова мне дорогие и идеи мне близкие, потому что я в свое время «*пошел* к французам в школу».

Мне радостно, что теперь после десятилетия в Париже, возвращаясь окончательно в Россию, я встретил Вас; потому что увидел в Вас (а это так редко!) человека, с которым можно не только говорить, а у которого можно учиться. Мне хочется теперь же, не давая другим мыслям заслонить глубину первого впечатления, засвидетельствовать пред Вами все уважение и удивление мое пред тою моральной и умственной силой, которая помогла так надолго *затаить* выражение Вашего творчества, и проявлениям его этим дала такую терпкую и настоящую полноту.

С глубоким уважением

Максимилиан Волошин.

[1] 4 марта 1909 г. Волошин и С.К. Маковский нанесли первый визит И.Ф. Анненскому (в Царское Село). В мемуарных записках «Об Иннокентии Анненском. Страницы и строки воспоминаний сына» В. Кривич сообщает: «И Маковский, и приехавший вместе с ним Макс. Волошин имели до того времени об И.Ф. Анненском довольно поверхностное представление, и поэтому, конечно, встреча с *таким* Иннок<ентием> Анненским явилась для них полным сюрпризом. А отец, как нарочно, в этот вечер был необыкновенно интересен и блестящ. Он так и рассыпал драгоценнейшие блестки и самоцветные камни своего ума, исключительной эрудиции и высокого остроумия. Оба писателя были буквально ошеломлены тем, что они встретили в этом «переводчике Еврипида», – да нисколько и не скрывали того огромного впечатления, кот<орое> он на них произвел. Помню я те откровенно восхищенные взгляды, кот<орыми> они беспрестанно обменивались» (*Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Ин-

нокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л.: Наука, 1983. С. 97). Рассказ Волошина о первой встрече с Анненским зафиксирован в записи, сделанной 27 марта 1924 г. Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 447–448).

[2] Подаренный Волошину при встрече отдельный оттиск статьи Анненского (СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1908), опубликованной в журнале «Гермес» (1908. Т. II. № 7–10).

181. И.Ф. АННЕНСКОМУ

Около 8 марта 1909 г. Петербург

Дорогой Иннокентий Федорович!

Благодарю Вас за письмо. То, что говорите Вы о *слове*, отвечает самым глубинным моим мыслям.[1]

Тайна поэзии раскрылась мне, когда я прочел впервые слова Гераклита:

«Путь познания мира лежит через имена».[2]

Тогда я понял, что, назвав все вещи мира сего их собственными именами, поэзия расколдует мир вещества.

Вещи тусклые, темные, будничные больше всех других ждут своих имен, своих настоящих имен, и как вспыхивают они от каждого прикосновения слова!

Растворить весь материальный мир в слове! Так вижу я назначение поэзии.

Слово – изначальная сущность всех вещей – «В начале бе Слово»,[3] – я понимаю это *буквально*.

Шарля Кро я люблю и ценю. Но знаю его, к сожалению, лишь отрывками и того, на что Вы намекаете («Do-re-mi-fa-sol...»), я, к стыду моему, не знаю.[4]

Эта разность тысячелетий, которые русские люди носят в душе, эти отдаленные века, в которые нежданно проваливаешься, выходя на площади, необходимость говорить языком отшедших времен – это тяжелое бремя.

Но радуюсь ему и принимаю. Вижу в нем великий возбудитель сознания.

Иннокентий Федорович! Могу ли я попросить Вас на время одолжить мне все Ваши книги. Я должен сказать Вам, что я только отрывочно знаком с Вашими трудами. Это, б<ыть> м<ожет>, простительно, имея в виду, что десять лет я жил в Париже и бывал в России лишь наездами.

Вы существовали для меня до самого последнего времени не как один, а как много писателей.[5]

Я знал переводчика Эврипида,[6] но вовсе не соедин<ял> его с тем, кто писал о ритмах Бальмонта и Брюсова.[7] Я помнил, как однажды Алекс<андра> Вас<ильевна> Гольштейн (Вебер), говоря о Михайловском, прибавила: «Михайловский образованный человек? Все, что он знал о литературе, он знал из разговоров И.Ф. Анненского». И, конечно, этого И.Ф. Ан<ненского> я не мог соединить с И. Анненским, «молодым» поэтом, которого Гриф со «строгим выбором» печатал в «Перевале».[8]

И только теперь, в мой последний приезд из Парижа, все эти отрывочные впечатления начали соединяться и, наконец, три дня тому назад они слились окончательно в конкретную личность и в цельный характер, к которому я не мог не почувствовать глубочайшего уважения и удивления.

Максимилиан Волошин.

P.S. Позвольте мне послать Вам два моих фельетона, которые, б<ыть> м<ожет>, будут интересны для Вас.[9]

[1] 6 марта 1909 г. Анненский писал Волошину: «А разве многие понимают, что́ такое *слово* – у нас? Да почти никто. Нас трое, да и обчелся. Впрочем, я, может быть, ошибаюсь. Сергей Констант<инович> <Маковский. – *Ред.*> и Вы видите дальше вперед, чем я, слишком удрученный прошлым <...> за последнее время и у нас ух! как много этих, которые нянчатся со словом и, пожалуй, готовы говорить об *его культе*. Но они не понимают, что самое *страшное* и *властное* слово, т.е. самое загадочное – может быть именно слово – *будничное*» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. 1906–1909 / Сост. и коммент. А.И. Червякова. СПб.: «Галина скрипт» – Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. С. 288).

[2] Ту же мысль Волошин развивает в статье «Horomedon» (1909; см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 301, 722 – комментарии Н.В. Лощинской).

[3] Ин I, 1.

[4] В цитированном письме Анненский спрашивал Волошина: «Любите Вы Шарля Кро?.. Вот поэт – Do-re-mi-fa-sol-la-si-do... Помните? Вот что нам – т.е. в широком смысле слова – нам – читателям русским – надо» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. С. 288). Приводится повторяющаяся строка из стихотворения Кро «Intérieur» («Интерьер») из его книги «Сандаловый ларец» («La Coffret de santal», 1873), переведенного Анненским. См.: *Анненский Иннокентий.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 273–274 (Б-ка поэта. Большая серия).

[5] Аналогичное признание содержит рассказ Волошина об Анненском, записанный 27 марта 1924 г. Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 448).

[6] Имеется в виду прежде всего издание: Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: В 3 т. / С двумя введениями, статьями об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида И.Ф. Анненского. СПб.: Тип. Книгоиздательского Т-ва «Просвещение», 1906. Т. 1. Ему предшествовали девять отдельных изданий трагедий в переводе Анненского (см.: Библиография Иннокентия Федоровича Анненского. Ч. 1. Произведения И.Ф. Анненского. 1881–1990 / Сост. А.И. Червяков. Иваново, 2005. С. 55–56).

[7] Подразумевается статья «Бальмонт-лирик», входящая в «Книгу отражений» Анненского (СПб., 1906). См.: *Анненский Иннокентий.* Книги отражений / Издание подготовили Н.Т. Ашимбаева, И.И. Подольская, А.В. Федоров. М.: Наука, 1979. С. 93–122 («Литературные памятники»). Статьи о поэзии Брюсова Анненский не написал.

[8] Гриф – С.А. Соколов, редактор журнала «Перевал», в котором были опубликованы три стихотворения Анненского («Облака», «Старая шарманка», «Я на дне» // 1907. № 11), его статьи «Гейне и его “Романцеро”» (1907. № 4), «Бранд» (1907. № 10), а также рецензии на роман А. Кондратьева «Сатиресса» (М., 1907) (1907. № 4) и на книгу Ф. Зелинского «Из жизни идей. Т. III. Соперники христианства» (СПб., 1907) (1907. №7).

[9] Поскольку ответа на это письмо Волошина не последовало (или ответное письмо Анненского не сохранилось), неясно, какие именно статьи были приложены. Волошин и Анненский встреча-

лись в один из ближайших после отправки этого письма дней, о чем свидетельствует дарительная надпись Анненского на его книге «Тихие песни» (СПб., 1904), выпущенной под псевдонимом «Ник. Т–о»: «Максимилиану Александровичу Волошину на память “Аполлоновских” дней разоблаченный Ник. Т–о. 10 III 1909. И. Анненский» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 243).

182. А.И. ОРЛОВОЙ

8 или 9 марта 1909 г. Петербург

Милая Орлишка,

в ответ на мое письмо к тебе я получил неожиданно дерзкую записку от Константина Ивановича Лукьянчикова, в которой он мне сообщает, что *перехватил* мое письмо, написанное исключительно для тебя.[1]

Предполагая, что письмо мое так и осталось тебе неизвестным, я пользуюсь любезностью моих друзей, которые должны тебе передать это письмо лично из рук в руки.

Я хочу тебе сказать и подтвердить, что я тебе остаюсь верным другом, что ты можешь рассчитывать на какую угодно помощь с моей стороны и что я прошу у тебя позволения помочь тебе выйти из той тяжелой обстановки, что замкнулась вкруг тебя.

Так как ввиду неожиданных осложнений с Константином Ивановичем я не могу прийти к тебе, не рискуя тебя подвергнуть всей неприятности скандалов и криков, то очень прошу тебя зайти к нам или назначить место для нашего свидания.

О часе и дне передай, пожалуйста, устно теперь же моему другу графу Алексею Николаевичу Толстому, который вручит тебе это письмо.[2]

До свиданья. Крепко тебя целую и верю, что мне удастся освободить тебя от этого кошмара.

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо Волошина к безответно любившей его А.И. Орловой, давней приятельнице Е.О. Кириенко-Волошиной (текст его нам неизвестен), стало поводом для двух посланий мужа Орловой К.И. Лукьянчикова. В одном из них, адресованном Волошину, содержалось требование: «Милостивый Государь! Прошу подобных писем не присылать моей жене, с огнем опасно шутить, можете обжечься. <...> Письмо Ваше в моих руках. Составляйте собственную <жизнь>, а не вмешивайтесь в чужую!»; в другом, обращенном к матери Волошина, было заявлено: «...прошу прекратить посещения моей семьи и посоветовать Вашему сыну (*как мать*) не посылать писем чужой жене с гнусными предложениями» (полностью опубликованы в кн.: *Кобринский Александр.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 152). Сама Орлова написала Волошину вечером 8 марта: «Вчера случилось нечто в высшей степени нелепое и неожиданное. Письмо твое К.И. принес мне утром, я еще лежала в постели, незнакомый и чужой мне почерк сбил меня совершенно с толку, я попросила его вскрыть письмо, прочесть подпись. Узнав, чье оно, я крикнула: “Не читай, отдай сейчас”. Он отдал, но ждал, что, прочитав, я дам и ему, я же сейчас разорвала его на кусочки и бросила в умывальное ведро, откуда он его после достал, склеил, прочел, а что было дальше, лучше не вспоминать... <...> Твое письмо я прочла вскользь, торопясь и волнуясь. Но все-таки на самое главное тебе вот что отвечу: ты ни в чем не виноват, тяжесть моего положения происходит от меня самой, моего неумения приспособляться вообще к жизни, мириться с тем, что не по душе, отстаивать вечно свое человеческое достоинство <...> я веду борьбу тихо, почти спокойно, но очень настойчиво и думаю, что удастся в конце концов убедить человека в ложности его взглядов, устарелых, давно отошедших в область предания» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 916). Подробное изложение всего инцидента см. в указанной книге А. Кобринского (С. 151–156).

[2] Визит А.Н. Толстого состоялся 10 марта. См. п. 183 и 184.

183. Н.С. ГУМИЛЕВУ, А.Н.ТОЛСТОМУ

10 марта 1909 г. Петербург

Николай Степанович и Алексей Николаевич!

Я прошу у вас дружеской услуги: отправиться от моего имени к г-ну Лукьянчикову (Константину Ивановичу)[1] и под угрозой поединка потребовать у него трех действий:

1) Немедленно поехать извиниться перед моей матерью за неподобающую грубость, которую он позволил себе по отношению к ней в прилагаемом открытом письме.[2]

2) Не вмешиваться в личные отношения Александры Иосифовны Орловой с ее старыми друзьями[3] – моей матерью и мною.

3) Уничтожить на ваших глазах мое письмо, адресованное мною Александре Иосифовне, которое он имел нескромность прочесть.

<В> переговорах с г-ном Лукьянчиковым прошу вас иметь в виду, что самое важное для меня – это исполнение этих требований, а вовсе не поединок, т.е. личных отношений к нему у меня нет, и крови его я вовсе не жажду. Дуэль является для меня здесь лишь прис<к>орбной неизбежностью.

В случае же его отказа от дуэли прошу Вас прибегнуть к угрозе оскорбления действием с моей стороны, только в крайнем случае, т<ак> к<ак> должен заранее предупредить вас, что исполнять ее я вовсе не собираюсь.

С доверием вручаю вам защиту моих интересов.

Максимилиан Волошин.
Вторник, 10 марта
2 часа дня.

[1] К.И. Лукьянчиков, второй муж Е.И. Орловой, давней подруги Е.О. Кириенко-Волошиной и Волошина.

[2] См. п. 182, примеч. 1.

184. Н.С. ГУМИЛЕВУ, А.Н. ТОЛСТОМУ

10 марта 1909 г. Петербург[1]

Николай Степанович и Алексей Николаевич!

За этот день случились новые обстоятельства, изменяющие мои требования к К.И. Лукьянчикову.[2]

Моя мать получила от Александры Иосифовны Орловой, которой г-н Лукьянчиков сообщил о предполагаемой

дуэли, письмо, в котором она просит нас — меня и мать мою — пощадить ее и не вмешиваться в ее жизнь.[3]

Поэтому требование мое о невмешательстве г-на Лукьянчикова в отношения моей матери и мои к А.И. Орловой теряет смысл.

Мать же моя, со своей стороны, заявляет, что оскорбленной г-ном Лукьянчиковым она себя не считает и извинений его ей не надо.

Письмо же мое к А.И. Орловой, перехваченное г-ном Лукьянчиковым, как сообщает А.И. Орлова, уже уничтожено.

Таким образом, все три мною поставленные требования падают сами собой, и так как никаких личных отношений у меня к г-ну Лукьянчикову нет, то я считаю это дело для себя поконченным.

В том же случае, если сам г-н Лукьянчиков считает себя оскорбленным мною, то прошу Вас передать его секундантам, что я всегда к его услугам, а также прочесть им данное письмо.

Максимилиан Волошин.

[1] Датирустся по соотнесению с письмом А.И. Орловой к Е.О. Кириенко-Волошиной (см. ниже, примеч. 3), написанным 10 марта 1909 г.

[2] См. п. 183, примеч. 1.

[3] А.И. Орлова писала Е.О. Кириенко-Волошиной:

Эскимос!

Ради всего святого — не допускай до того, на что идет К<онстантин> Ив<анович>, он едет сейчас к товарищам и адвока<та>м, я слышала переговоры Толстого сама, т<ак> к<ак> они говорили в классе.

К<онстантин> Ив<анович> не извинится, а идет на вызов Макса. Умоляю нс допускать дело до дуэли, ради Бога, я сама боюсь своего душевного состояния, почти примирившегося с мыслью о самоубийстве. Ради моего мальчика простите, если можете, я пишу опять потихоньку. Простите.

Ваша Орлишка.

Господи! За что все это?

Если тебя чем-нибудь оскорбил К<онстантин> Ив<анович>, прости.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 321, л. 17).

А.Н. Толстой, живший тогда рядом с Волошиным, успел нанести визит К.И. Лукьянчикову, что и стало поводом к написанию приведенного письма А.И. Орловой к Е.О. Кириенко-Волошиной, сыгравшего важную роль в этой дуэльной истории. Более подробно о ней: *Кобринский Александр.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 151–156.

185. Ф. СОЛОГУБУ

11 марта 1909 г. Петербург[1]

СПб., Глазовская ул., 15, кв. 18.

Дорогой Феодор Кузьмич!

Благодарю Вас за Ваше предложение написать о «Ночных Плясках»,[2] но не знаю, принимать ли его. Судите сами:

Вашу пьесу я очень люблю и считаю ее благодарнейшим материалом для хорошей постановки. Очень люблю и всех участвовавших в ней: и всех вместе, и каждого в отдельности.

Но нет для меня никакого сомнения в том, что играли мы скверно и вместо тонкой и умной сказки «злого и нежного» поэта создали балаган. Мы и пьесу испортили, и Вас позорили, и сами позорились, и скомпрометировали художественну<ю> репутацию наших самоотверженных режиссеров. Добродушию публики, которая нам не свистала и ничем в нас не швыряла, я глубоко изумлен. Объясняю это только ее глубоким равнодушием и невежеством. Сам же думаю, что все, кто читал «Ночные Пляски», обязаны были бы это сделать, чтобы раз навсегда отучить нас, литераторов-участников, от таких дружеских услуг своим собратьям.

Конечно, виноваты в этом не Вы, не режиссеры, не актеры, а нелепая мода на подобные любительские спектакли, столь компрометирующие все хорошие произведения, которые исполняются на них.

Я уже несколько раз говорил, что в качестве участника я еще согласен принимать участие в таких спектаклях, но ни в коем случае в качестве зрителя.[3]

В пыльных, дремучих, но не девственных лесах закулисья есть своя заманчивость. Может быть потому, что там моментами все же «святы лики, сняты маски».[4] Этот соблазн привлекает.

Но на самом деле со стороны нас, участников, по отношению к Вам – поэту это большая подлость так искажать Ваши произведения. Получается «самая худшая из пародий – дружеская».[5]

И мне кажется, судя по тому мрачному состоянию духа, в котором я видел Вас ночью после спектакля, Вы сами это очень чувствовали.

Так вот, если хотите, Феодор Кузьмич, чтобы я написал статью на эту тему, с точки зрения не зрителя из залы, а зрителя со сцены, то я к Вашим услугам.

Но, может быть, лучше не надо?[6]

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: 11.III.1909. Петербург.

[2] Пьеса «Ночные пляски» Ф. Сологуба впервые опубликована в журнале «Русская Мысль» (1908. № 12. Отд. I. С. 144–167).

[3] 9 марта 1909 г. Волошин участвовал в постановке «Ночных плясок» в Литейном театре. Пьеса готовилась к постановке еще в феврале 1909 г. (Речь. 1909. № 32. 2 февр. С. 3), несколько раз переносилась. Подробнее об этом см.: *Обатнина Елена.* Реалистический подтекст символической пьесы Федора Сологуба «Ночные пляски» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации. Материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2010. С. 318–329.

О подготовке к спектаклю упоминает в своих мемуарах Н.В. Крандиевская-Толстая: «Помню, однажды поэт Сологуб Федор Кузьмич, просил <...> меня принять участие в очередном развлечении, в своем спектакле “Ночные пляски”, режиссировать который согласился В.Э. Мейерхольд.

– Не будьте буржуазкой, – медленно уговаривал Сологуб загробным, глуховатым своим голосом без интонаций, – вам, как и всякой молодой женщине, хочется быть голой. Не отрицайте. Хочется плясать босой. Не лицемерьте. Берите пример с Софьи Исааковны, с Олечки Судейкиной. Они – вакханки. Они пляшут босые.

И это прекрасно» (*Крандиевская-Толстая Н.* Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977. С. 72).

Наиболее развернутые сведения о спектакле, с уточнением имени режиссера, дала газета «Речь» (1909. № 66. 9 марта. С. 4), в заметке «Театр и музыка»: «Сегодня, 9 марта, идут в Литейном театре давно обещанные “Ночные пляски” Ф. Сологуба. Роли юного поэта и королевичей – американского, басурманского, датского и др., распределены между поэтами и художниками – Городецким, Ремизовым, Дымовым, Бакстом, Билибиным, Кустодиевым и др. 12 королевен представлены артистками Малого и Драмат<ического> театров и женами литераторов. В 1-м действии – чертог короля Политовского – поют и пляшут Малявинские бабы, танцует артист Н.С. Поздняков; во 2-м появление “Снов” сопровождается музыкой В.А. Сенилова; 2-я картина заполнена “плясками” 12 королевен-босоножек в царстве заклятого царя в стиле Дункан (пост<ановка> М.М. Фокина). Костюмы, художественно выполненные Н.В. Воробьевым, и декорации специально написаны для этого спектакля Н.К. Калмаковым (автором костюмов “Саломеи”), музыка – молодым композитором В.А. Сениловым. Режиссерская часть в руках Н.Н. Евреинова, знакомого публике по Старинному и Драматическому театрам. Оставшиеся в небольшом количестве билеты на спектакль и танцы продаются в кассе театра (Лит<ейный>, 51). Билеты, взятые в зал Павловой, недействительны». В анонсе, данном в журнале «Театр и Искусство» (1909. № 7. 15 февр. С. 124), участниками этого спектакля названы также К.А. Сомов, М.В. Добужинский, Г.И. Чулков, а «в числе 12 босоножек (королевен)» – Есипович, Валерская, Потапенко, Тимс и др. Общая оценка спектаклю была дана в «Золотом Руне» (1909. № 4. С. 92) Сергеем Ауслендером: «“Ночные пляски” Федора Сологуба, поставленные при участии литераторов С. Ауслендера, С. Городецкого, М. Волошина, О. Дымова, Ю. Верховского, А. Ремизова, гр. А. Толстого и художников Бакста, Билибина, Кустодиева, а также актеров, актрис, жен писателей и т.п., под руководством Н. Евреинова, оказались одним из интересных grand-спектаклей сезона, даже не только как традиционно-благотворительное зрелище. Спектаклем интересным, не скажу удачным. Слишком тонки шелковые сети сологубовской иронии; слишком несказанна печаль о царстве заклятого царя, чтобы можно было воплотить с телесным образом ограниченных сценических возможностей этот насмешливо-томный тон. Разве только пляски королевен, поставленные изумительно М.М. Фокиным в стиле Дункан (так и по словам пиесы), с новым счастливым для балета сочетанием не только музыки, но и стихов,

нот, немножко приблизились к свершению замысла. Смелость костюмов королевен (непрофессиональных балерин) была искуплена и не посрамлена, опровергнув ворчливые предсказания о скандале новоиспеченных блюстителей строгости и чистоты нравов».

[4] Цитата из финала 2-го действия «Ночных плясок». Ср.:

Все цветы раскрыли глазки.
Рейте, вейте в легкой пляске,
Зачинайте ласки-сказки,
Забывайте сон дневной.
Там под солнцем только маски,
Здесь развязаны завязки,
Святы лики, сняты маски,
Все святое предо мной.

(*Сологуб Федор.* Собр. соч. Т. 8. СПб.: Шиповник, <1910>. С. 261).

[5] Негативное отношение Волошина к этому спектаклю, видимо, стало складываться еще на стадии его подготовки, в том числе и под влиянием отзывов друзей. Так, С.И. Дымшиц-Толстая в недатированном письме сообщала Волошину: «Вчера я не могла прийти, потому что до 8 ч. занималась омовением ног, а с 8 танцевала с Фокиным ночные пляски. В четверг я была на репетиции у Сологуба. Евреинов нашел, что у меня хороший голос. Кроме того, у меня большая неприятность. Бакст меня страшно ругал за этюд последний. Он сказал, что я этюдами хочу его поразить и что это похоже на балаган. Меня это очень обидело и вконец расстроило. К тому же мне на нервы действуют мои соучастницы в спектакле. Я окончательно становлюсь женоненавистницей от всех этих “сериозно-бездушных” под Дункан, Коммиссаржевской, Сары Бернар и от беспрерывной, без передышки болтовни. Это ужасно, я совсем печальна» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1186, л. 1–4 об.).

[6] Ф. Сологуб не согласился с мнением Волошина о спектакле, продолжая настаивать на том, чтобы он откликнулся на постановку статьей. 12 марта 1909 г. Сологуб писал Волошину: «Мне кажется, что Вы слишком мрачно смотрите на дело. Играли совсем не скверно, а некоторые так и совсем хорошо. Напр<имер>, Городецкий, по-моему, был очень на месте и давал то впечатление, которое и требовалось. Нувель был превосходным Зельтерским королем, иногда даже слишком. Кроме игры, в которой многие, право, были весьма интересны, есть и другие положительные стороны: постановка Евреинова, костюмы и декорации, музыка, постановка танцев Фокиным, самые танцы. Мое “мрачное” настроение ничего не доказывает: оно

у меня довольно обычнос настросние и со спектаклем никакой связи не имело. Но, во всяком случае, когда я писал Вам, что интсрссна была бы Ваша статья об этой постановке, я вовсс нс хотел сказать, что интсрссна она будет в меру Ваших всему похвал. Что бы и как бы Вы ни написали, это всс-таки будет интересно, в этом я уверен. Ваше мрачное, злое, совершенно демонскос, яростно демонское отношение к любительской игре Литераторов в “Ночн<ых> пл<ясках>” нисколько не расхолаживает моего желания увидеть в печати Ваш именно отзыв, и я буду очень рад, если Вы его напишете» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 161. Публ. В.П. Купченко). Статья так и не была написана Волошиным.

186. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

23 марта 1909 г. Москва[1]

Милая мама, все поручения твои были исполнены в первый же день:[2] бумаги проданы (по 90 р.), купоны получены. А г-жу Сохацкую, которую я не мог найти во всей Москве, я нашел в соседнем доме на Малой Дмитриевке,[3] случайно увидав ее карточку, проходя мимо, и сам зашел и передал ей письмо. Она обещала прислать ответ или мне, или прямо тебе. Я остановился у Сабашниковых. Ляйза[4] мне, оказывается, писала, но писем я не получил. Мой адрес: Настасьинский пер., д<ом> Крюковой. Лекция моя прошла без скандалов, но зато и без публики, что и можно было ожидать ввиду вербной субботы.[5] Очень наслаждаюсь Москвой после Петербурга. Думаю выехать в четверг.[6] Раньше, очевидно, невозможно. До свиданья. Целую Артамошку с Эпифашкой.[7]

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 23.III.1909. Получено в Петербурге 24 марта 1909 г.

[2] Волошин приехал из Петербурга в Москву 21 марта.

[3] Правильно: Малая Дмитровка.

[4] См. п. 162, примеч. 8.

[5] 21 марта Волошин выступил в Литературно-художественном кружке с лекцией «Аполлон и мышь». Опубликована в кн.: Северные цветы. Альманах 5. М.: Скорпион, 1911. С. 85–115. См.: Т. 3 наст. изд. С. 134–157.

[6] Четверг – 26 марта. Видимо, именно в этот день Волошин выехал из Москвы в Петербург.

[7] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая. См. п. 156, примеч. 8.

187. С.К. МАКОВСКОМУ

Конец апреля 1909 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович!

Привет из Коктебеля.[2]

Здесь глубокая тишина, безлюдье и больше нет времени. Не знаю, пять ли здесь я дней или месяцы, и не помню уже, какое число. Перевожу Клоделя[3] и пишу гимны Аполлону, потому что нельзя написать одного. Пока задуманы два: Аполлону Делийскому и Аполлону Дельфийскому.[4]

По дороге в Москве[5] я виделся с санскритологом Эртелем, о котором я говорил Вам. Он прекрасный переводчик Бхагават-Гиты и Гари-Ванши (эти переводы теперь печатаются отдельным изданием).[6] Я спрашивал его, не может ли он дать переводов для «Аполлона».

У него есть переводы из Риг-Веды и Гитаговинды[7] (отрывки), но, принимая в расчет, что «Аполлон» – Аполлон, он предлагает закончить летом перевод одной из двух начатых им трагедий «Девадасси» или «Анагунды».[8]

Анагунда – индусский Прометей – женщина. Что Вы думаете об этом, Сергей Константинович?

Мне кажется это очень желательным и интересным. Если Вам это нравится, то надо поскорее с ним списаться.

Жму Вашу руку. Привет Ин<нокентию> Фед<оровичу> и Ак<иму> Льв<овичу>.[9]

Не оставляйте меня без кратких вестей.

Максимилиан Волошин.

Адрес: Феодосия. Коктебель. Волошину.[10]

«Задача “Аполлона” уяснять и развивать неизбежные для русского искусства стремления к Аполлоническому началу творчества.

Далекий от "академизма" и от косности школ, давая простор всем новым устремлениям художественной мысли, "Аполлон" будет называть *своим* только строгое искание красоты, только свободное, стройное и ясное, только сильное и жизненное искусство, стоящее за пределами болезненного распада духа и лже-новаторства.

Это определяет боевые задачи журнала: во имя будущего неизбежна борьба за культурное достояние.

Отсюда непримиримая вражда с художественной нечестностью во всех областях творчества: с порнографией, посягающей на хороший вкус, с морализирующей тенденциозностью, со всяким обманом — будь то выдуманное ощущение, фальшивый эффект, позлащенное невежество или иное злоупотребление личиной искусства».

Вот, Сергей Константинович, как представляются мне первые фразы «манифеста».[11] Почему меня не удовлетворили некоторые слова Вашего текста,[12] я объяснил на полях рукописи, которую посылаю отдельно бандеролью. Я буду очень рад, если мои соображения окажутся Вам полезными.

[1] Датируется по соотнесению с ответным письмом Маковского от 2 мая 1909 г.

[2] Волошин приехал из Петербурга в Коктебель в середине апреля 1909 г.

[3] Речь идет о работе над переводом оды Поля Клоделя «Музы» («Les Muses», 1905). См.: Т. 4 наст. изд. С. 312–325.

[4] Эти замыслы реализованы в стихотворениях «Дэлос» («Оком мертвенным Горгоны...») и «Дельфы» («Стеснили путь хребтов громады...»). См.: Т. 1 наст. изд. С. 108–111. Согласно мифологическим представлениям, олимпийский бог Аполлон, сын Зевса и его возлюбленной Лето, родился на плавучем острове Астерия, который после этого стал именоваться Делосом. В Дельфах Аполлон, убив змея Пифона, опустошавшего окрестности этого города, основал на месте древнего прорицалища храм и учредил в свою честь Пифийские игры.

[5] Волошин выехал из Петербурга вместе с матерью в Феодосию около 12 апреля (Труды и дни. С. 220).

[6] Это издание не состоялось. Бхагават-Гита — «Бхагавадгита» (середина 1-го тысячелетия до н.э.), древнеиндийская религиозно-философская поэма, входящая в 6-ю книгу «Махабхараты», фило-

софская основа индуизма. В переводе Эртеля был издан фрагмент из нее; см.: «Б'хагават Гита (Перевод с санскритского)» / Предисл. и перевод М. Э. // Вопросы теософии. Вып. 1. СПб., 1907. С. 224–232. Гари-Ванша – «Хариванша» («Хариваншапурана», «Сказание о роде Хари») – общее название свода легенд на санскрите, прославляющих бога Вишну; окончательно сложилась, по всей вероятности, в последних веках 1-го тысячелетия н.э.

[7] Риг-Веда – «Ригведа» («Книга гимнов») – первый, древнейший памятник индийской литературы (окончательное оформление – X в. до н.э.), включающий 1028 гимнов, составляющих 10 книг или «циклов» (так называемая мандала). «Гитаговинда» («Песнь пастуху», конец XII в.) – поэма Джаядевы; памятник санскритской литературы, канонический текст вишнуизма.

[8] В своде памятников санскритской литературы произведения, с которыми можно было бы соотнести приводимые заглавия, не представлены. Не исключено, что в данном случае могла подразумеваться драма «La Devadassi» (1868) французского писателя Луи Жаколио (1837–1890), прожившего долгие годы в Индии, автора множества книг об индийской культуре. Применительно к М.А. Эртелю и его творческим замыслам возникновение любого рода аберраций и неточностей вполне предсказуемо: как свидетельствует Андрей Белый, Эртель неоднократно обнаруживал свою некомпетентность в тех областях, в которых претендовал быть знатоком; в этюде «Великий лгун» Белый утверждал, что Эртеля (выведенного под именем Степушки Венделя) «в целом ряде кружков <...> уличили во лжи, невежестве, шарлатанстве» (Утро России. 1910. № 247. 12 сент.).

[9] И.Ф. Анненский и А.Л. Волынский входили тогда в круг ближайших сотрудников будущего «Аполлона» (20 апреля 1909 г. газета «Речь» сообщала о выходе «с осени» нового журнала «Аполлон» и о том, что «во главе журнала стоят С. Маковский, М. Волошин, И. Анненский и А. Волынский»). В ответном письме от 2 мая Маковский сообщал: «С И.Ф. Анненским встречаюсь часто и каждый раз все больше в него влюбляюсь... А.Л. Волынский уехал на днях в Афины, где собирается писать статью об "Аполлоне". Страшновато немного! Но Бог даст, удастся сгармонировать с нами и его воинственную душу. Обещал он вернуться к 20-му июля и отдаться целиком редакционным работам...» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 383). По мере оформления литературно-эстетической программы «Аполлона» и круга его ведущих авторов Волынский отдалялся от будущего журнала и в сентябре 1909 г. отказался от участия в его редактировании. См.: *Лавров А.В.* А. Волынский и журнал «Аполлон» // *Лав-*

ров А.В. Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 395–406. Подробнее о журнале см.: *Корецкая И.В.* «Аполлон» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1984. С. 212–256; *Дмитриев П.В.* «Аполлон» (1909–1918). Материалы из редакционного портфеля. СПб., 2009.

[10] Последующий текст приложен на отдельном листе.

[11] Подразумевается программное «вступление» к первому номеру «Аполлона» (Аполлон. 1909. № 1, октябрь. Отд. I. С. 3–4); в работе над его составлением участвовали также Анненский, Маковский, Вяч. Иванов и А.Н. Бенуа. См.: И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому / Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 224–226.

[12] Текст «манифеста», составленный Маковским, опубликован по автографу, посланному им Анненскому 6 мая 1909 г. (Там же. С. 225).

188. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

Около 7 мая 1909 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Васильевна,

Вы не сердитесь на меня за молчание? Ведь Вы знаете, что я прихожу беседовать с Вами лишь в минуты ясного спокойствия. И поэтому только теперь я собрался написать Вам. В Петербурге трудно найти спокойствия. Все эти месяцы, проведенные мною там после отъезда из Парижа, прошли в беганье в поисках работы, в устройстве дел. Но дела мои денежные пока находятся в отвратительном состоянии, но зато в будущем большие надежды.

Все-таки за это пребывание в Петербурге многое сделано и намечено, и что особенно меня радует, это то, что в том деле, которое у меня теперь создается, Вы, Александра Васильевна, были и наставницей, и прорицательницей.

Помните, как в наших долгих разговорах перед моим отъездом Вы завещали мне путь Аполлона в России?

И вот, как бы по Вашему указанию, все исполнилось. Я об этом много думал по дороге и по приезде, и, совер-

шенно случайно разговорившись с Сергеем Маковским — художеств<енным> критиком и устроителем блестящ<ей> картин<ной> выставки «Салон»,[2] человеком очень культурным и честолюбивым, которому лавры Дягилева не дают спать, я узнал, что он давно уже мечтает об основании большого литер<атурно>-худож<ественного> журнала с именем «Аполлон», именем, которое должно быть и программой, и отчасти боевым кличем против Диониса. Но у него не было людей, близких и способных отдаться этому делу. Теперь это предприятие уже решенное настолько, что уже нанято и отделано большое помещение для редакции.[3]

Редактором этого журнала будет Сер<гей> Маковский. А ближайшими членами редакции Иннокент<ий> Феод<орович> Анненский[4] и я. Кроме того, очень близкое участие в нем будет принимать Волынский,[5] который сейчас в Греции и работает над большим исследованием об Аполлоне. Волынский — это, конечно, неожиданно и страшно, потому что он в течение двадцати лет был подвергнут остракизму и молчанию и сидел, как в арабс<ких> сказках демон, запечатанный в бутылке Соломоновой печатью.[6] Но для него, как для альпийских рек, будет подготовлено цементированное ложе, и он не станет выходить из берегов. И кроме того, он один обладает боевым темпераментом для борьбы с Дионисом, темпераментом, которого ни у кого из нас остальных нет.

Я буду там заведовать, очевидно, литературно-критическим отделом, и мне будет поручена франц<узская> литература.[7]

Я готовлю туда теперь ряд статей и переводов.

Там пойдут мои переводы Клоделя «Отдых седьмого дня» и «Гимн Музам». Я готовлю перевод «Axel» и целый ряд статей о Клоделе и о Вилльe и Ренье.

Издание «Аполлона» начнется с октября,[8] и до января выйдут три сборника. А с января начнется правильный выход журнала. Мы думаем потом отделить хронику (которая должна быть очень полной по образу Mercure'а)[9] в двухнедельные тетради, а журнал сделать, б<ыть> м<ожет> двухмесячным. Но это еще не решено. Да! Он будет с воспроизведениями, как «Мир Иск<усства>».

Алекс<андра> Васильевна, хотите принять участие в этом журнале? Мне теперь поручено составление для этих первых трех №№ хроники Французск<ой> литературы, с правом для этого лично приглашать сотрудников. Я, конечно, берясь за это, больше всего рассчитывал на Вас. Хотите написать ряд небольших статей и заметок о новых книгах за эту весну и лето? Перед нами еще все лето. Но надо условиться, о чем и что. Появилась ли уже Ваша статья о «Poètes du Trroirres»[10] – вот ее было бы хорошо в «Аполлон». Не было ли бы сейчас уместно написать о Морисе Герене и его сестре?[11] Я жду от Вас, Алекс<андра> Вас<ильевна>, и советов, и указаний.[12] Надо было бы выработать вместе целый ряд тем, о ком и о чем надо сейчас писать, и о ком взялись бы Вы написать. Хорошо?

Где Вы проводите это лето? Как здоровье детей,[13] Влад<имира> Авг<устовича>,[14] Каролины? Шлю им всем мой привет.

Посылаю Вам одно из новых стихотворений[15] – из того цикла, что я готовлю для «Аполлона».

Да, еще кроме того: «Аполлон» издаст книгу моих стихов.[16] «Шиповник» заказал мне перевод «Canne de Jaspe»,[17] а «Пантеон» – монографии о Реми де Гурм<оне> и Ан<атоле> Франсе как о критиках,[18] а «Гриф» издаст книгу моих статей о живописи и о Париже.[19]

Это все будущей зимой. А пока у меня нет ни копейки денег.

Максимилиан Волошин.

[1] Датировка – по кн.: Труды и дни. С. 221.

[2] Речь идет о выставке живописи, графики и скульптуры, которую организовал С.К. Маковский в Петербурге в январе 1909 г. по образцу знаменитых парижских Салонов. Как отмечала критика, выставке «удалось собрать под одним кровом живописцев совершенно противоположных лагерей» (Вестник Европы. 1909. № 3. С. 424). См.: *Северюхин Д.Я.* Салон Маковского // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. II. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. С. 355–369.

[3] Первый адрес редакции журнала «Аполлон»: Мойка, 24, кв. 6.

[4] В ответном письме А.В. Гольштейн выразила свои сомнения в необходимости участия И.Ф. Анненского в «Аполлоне»: «Аннен-

ского знаю с его детства и думаю, что он будет настоящим чиновником для такого дела, но он, насколько знаю его писания, не особенно талантлив, чтобы не сказать бездарен...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 37).

[5] Ко времени начала издания «Аполлона» А.Л. Волынский отстранился от участия в журнале. См.: примеч. 9 к п. 187.

[6] Согласно Агаде, третий царь Израильско-Иудейского государства Соломон владел чудесным перстнем («Соломонова печать»), с помощью которого укрощал демонов.

[7] Здесь обращает на себя внимание расхождение представлений Волошина о своей роли в «Аполлоне» с тем местом, которое было отведено ему редактором. Так, сохранились сделанные на собрании «аполлоновцев» 9 мая 1909 г. записи К.А. Эрберга о распределении тем для будущего журнала по авторам, согласно которым Волошин должен был в первую очередь освещать «возможные пути театра» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 186). В то же время запись Волошина («Для “Аполлона”»), содержащая перечень тем, которые он предполагал воплотить в журнале, включает 16 позиций. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 366. Пояснения к обозначенным здесь темам приведены в комментариях к последующим письмам.

[8] Первый номер журнала «Аполлон» вышел в свет 24 октября 1909 г.

[9] Имеется в виду «Mercure de France».

[10] Возможно, должно читаться: «Poètes du Trottoir» (*фр.* — «Поэты Тротуаров»). Эта статья А.В. Гольштейн не выявлена.

[11] Имеется в виду Жорж Морис де Герен (Guérin), французский поэт. Ближайшей помощницей Герена в работе являлась его сестра Эжени де Герен (1805—1848), которая оставила интимный дневник «Journal et Fragments d’Eugenie Gueren». Герен рассматривался как непосредственный предшественник символизма.

[12] А.В. Гольштейн откликнулась на обращение Волошина в недатированном письме: «“Аполлон” говорите Вы, это и программа, и направление. Конечно. Но все же надо сговориться. <...> Гармония, порядок, простота, ясность, *жизнь,* внесенная в искусство, думаю я. Жизнь, внесенная в искусство, это отсутствие вычурности <...> глубокая искренность слова, и линия “Аполлона” для меня это Тургенев, Тютчев, но *не* Достоевский, на котором все Вы выросли. <...> храм Аполлона, разрушенный в России, надо строить с основания <...>. Звать к хаосу, к разгулу, <...> гораздо легче в России, чем звать к настоящему, строгому искусству, к стройной мысли. <...> “Апол-

лонизм” в двух словах сказать – искренний талант. Это вообще. В частности, касательно моего сотрудничества: да, конечно, не отказываюсь писать, <...> если он <журнал> будет политически приличный. Не говорите, что худож<ественный> журнал не может быть полит<ически> непристойным, – в России может» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 36 об. – 38).

[13] Речь идет о внуках А.В. Гольштейн – А.Ю. Семенове и Н.Ю. Семеновой.

[14] В.А. Гольштейн.

[15] Вместе с письмом Волошин выслал А.В. Гольштейн стихотворение «Дэлос». См.: Т. 1 наст. изд. С. 108. Впервые опубликовано в № 1 «Аполлона» за 1909 г.

[16] Первая книга стихов Волошина «Стихотворения. 1900–1910» вышла в 1910 г. не в «Аполлоне», а в издательстве «Гриф». См.: Т. 1 наст. изд. С. 434–437. См. п. 197, примеч. 5.

24 октября 1909 г. руководитель «Грифа» С. Соколов писал Волошину о том, чтобы он срочно выслал ему материалы для книги стихов, и добавлял: «Мне радостно выпустить в свет I книгу ценимого и любимого мною поэта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126).

[17] См. п. 203, примеч. 7.

[18] Петербургское издательство «Пантеон» (1907–1910), возглавляемое З.И. Гржебиным. Официальным его представителем был М.С. Фарбман. В 1908 г. «Пантеон» издал книгу Ж. Барбе д’Оревильи «Лики дьявола» с предисловием Волошина. Книг на указываемые темы Волошин для «Пантеона» не написал. 11 августа 1909 г. М.С. Фарбман писал ему в Крым: «Мы, к сожалению, не фиксировали точно времени присылки рукописи “Реми де Гурмона” (или “Анатоль Франса”). Мы лишь определили, что Вы представляете ее нам “к осени”. Между тем для нас чрезвычайно важно получить ее теперь, в августе, так как только в таком случае мы можем выпустить книгу в сентябре. А это имеет для нас существенное значение. Сейчас у нас совершенно книг нет, а через месяц их будет слишком много, и я боюсь, Ваша монография может залежаться.

Мне очень хотелось бы получить рукопись до конца августа. Если же это невозможно, то нам придется снова обсудить, к какому времени желательно и возможно ее получить. Будет очень жаль, если Вы будете торопиться с рукописью, а затем она будет лежать пару месяцев без движения» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1216, л. 1).

[19] В издательстве «Гриф» в 1910 г. вышла только книга стихов Волошина. Проект издания его статей о живописи и Париже в этот период осуществлен не был.

189. М.К. ГРИНВАЛЬД

10 мая 1909 г. Коктебель[1]

Милая Маргарита Константиновна,

Как Вы поживаете? Чему смеетесь? Кто Вас огорчает? Кого и к кому ревнуете? Скоро ли едете на Кавказ? Когда приедете в Коктебель?[2]

«Зачем же позабыли мы священный женский смех?»

Хочется Вас повидать, с Вами посмеяться.

Max.

[1] Открытка с репродукцией картины М.В. Нестерова «Весною». Почтовые штемпели: Феодосия. 10.5.09; Петербург. 14.5.09.

[2] На вопросы Волошина Гринвальд отвечала в письме, датированном четвергом – 14 мая 1909 г.: «Ревную Вас и Нэлли, но кого к кому, не понимаю, и *еще многих*. <...> Я еду 26-го или 27-го с Нэлли и, вероятно, с изысканным жирафом. Вы уже слышали, что Артамоша про него рассказал:

Косясь на дуло пистолета,
Считает медленно шаги.
Ах, ямбы вечные враги
Для долговязого поэта.

Остановлюсь я сначала в имении И.Т. Слива Магарач, близ Ялты, и проведу там неделю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 471). Упоминаются: Е.И. Дмитриева (Нэлли), Н.С. Гумилев («изысканный жираф» – образ из его стихотворения «Жираф», 1908), А.Н. Толстой (Артамоша), Иван Трофимович Слива – управляющий имением Магарач, отец Веры Ивановны Сливы (приятельницы М.В. Сабашниковой и Е.И. Дмитриевой).

190. С.К. МАКОВСКОМУ

Середина мая 1909 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович!

Посылаю Вам несколько новых стихотворений. Первое из них «Дэлос» из Аполлонова цикла.[2] Это не гимн. Но это тот Аполлон юга, которого я люблю и вижу всюду вокруг себя.

Теперь я начал писать «Κλητικοί» (это песни, которыми встречалось весеннее возвращение Аполлона от Гипербореев).[3]

Не знаю, удастся ли мне дать этот порыв яростный и стройный.

Я окончил перевод «Муз» Клоделя.[4] Но не закончил еще. Работаю сейчас над синтаксисом. Это воистину самое чудовищное по трудности, что мне приходилось переводить. Через несколько дней вышлю Вам его.

Чем больше работаешь над Клоделем, тем больше начинаешь уважать его.

Он из тех, кто правильно понял божественное указание: «Nullus dies sine linea»,* т.е. понял в том смысле, что работа целого дня ни в каком случае не должна превышать одной строчки. Кто поймет этот эзотерический смысл, тот становится поэтом.

Каждый вечер я ухожу в горы и на закате на вершине скалы зажигаю огонь в честь Аполлона Энаура,[5] из прошлогодних трав и свежей полыни. Дым подымается горький и пахучий, угодный богу.

Так по мере своих сил и возможностей я тоже занят редакционными подготовлениями.

Я еще не писал отсюда Ин<нокентию> Фед<оровичу>. Хочу написать, как только закончу новые стихи из Апол<лоновского> цикла, и пошлю их ему на суд.[6]

Нельзя ли мне выслать как-нибудь его «Вторую книгу Отражений»? Она должна быть очень интересна.[7]

Радуюсь, что у «Аполлона» уже есть свой «дом».[8]

Вы мне ничего не написали, Сергей Константинович, относительно моего разговора с Эртелем. Что думаете Вы об индусской драме «Девадасси»?[9]

Очень жду первого манифеста.[10]

Пишете ли Вы сами стихи? Пришлите, если можно.

Крепко жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

Феодосия. Коктебель.

Май?[11]

* «Ни дня без строчки» (*лат.*; правильно: «Nulla dies sine linea»).

[1] Датируется по соотнесению с ответным письмом Маковского от 19 мая 1909 г.

[2] См. п. 187, примеч. 4. Стихотворение посвящено Сергею Маковскому, опубликовано в № 1 «Аполлона» (Отд. III. С. 8). Маковский отвечал 19 мая: «Благодарю Вас за милое письмо и прекрасные стихи. Совсем безупречен – "Дэлос". "Как венец с пяти сторон..." удивительно. Я уже предвижу тот великолепный цикл аполлонических строф, который венчает наш первый номер. С радостью вижу, что Ваш солнечный день – день поэта, для которого "nullus dies sine linea"» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 386).

[3] См.: Т. 1 наст. изд. С. 106–107. Κλητικοί (*др.греч.*) – призывы, зовы. Гипербореи (*греч. миф.*) – народ, живущий на крайнем севере («за Бореем») и особенно любимый Аполлоном, который проводил в стране гипербореев зимние месяцы. Гипербореи – жрецы и слуги Аполлона, воспевающие его в гимнах и ведущие блаженную жизнь, сопровождаемую песнями, танцами, музыкой и пирами. См. 10-ю Пифийскую оду Пиндара (в русском переводе: *Пиндар, Вакхилид.* Оды. Фрагменты / Издание подготовил М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. С. 108–110. «Литературные памятники»).

[4] См. примеч. 3 к п. 187.

[5] Одна из эпиклесс (прозвищ) Аполлона, связанная с островом Крит: Аполлон Энаурос, бог рассвета. См.: La Grande encyclopédie inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts... T. 3. Paris, s. a. P. 357. Этим изданием Волошин постоянно пользовался (см.: *Купченко В.П.* Библиотека М.А. Волошина // Волошинские чтения: Сб. научных трудов. М., 1981. С. 116), другой эпитет Аполлона, приведенный в энциклопедической статье следом за этим («l'Apollon Horomédon»), он всесторонне осмыслил в статье «Horomedon» (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 297–305, 716–724 – комментарии Н.В. Лощинской).

[6] См. п. 195.

[7] 19 мая Маковский отвечал: «"Вторую книгу отражений" Ин<нокентий> Ф<едорович> вышлет Вам сам в пятницу. В этот день я буду у него с Вяч. Ивановым <...>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 386. Пятница – 22 мая). В библиотеке Волошина в Коктебеле сохранилась «Вторая книга отражений» Анненского (СПб., 1909) с дарительной надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину в воспоминание и в залог часов лучшего художественного настроения. И. Анненский. 5 V 1909. Ц<арское> С<ело>. Захаржевская, д<ом> Панпушко». См. также п. 194.

[8] Подразумевается редакционная квартира на Мойке (д. 24, кв. 6). 2 мая Маковский сообщал Волошину: «Все же до лета удастся устроить одно большое редакционное собрание в только что оборудованном помещении журнала; это необходимо для окончательного сговора о “первых шагах” осенью» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 383. Первое редакционное собрание по организации «Аполлона» состоялось 9 мая 1909 г. в помещении редакции).

[9] См. п. 187, примеч. 8. Маковский (в ответном письме от 19 мая) откликнулся на предложение Эртеля без энтузиазма: «...все зависит от перевода. М<ожет> б<ыть>, он согласится, в виде опыта, прислать несколько песен. Я, разумеется, не против всяческого экзотизма, но подумайте, какая у нас грандиозная программа; мы обязаны давать предпочтение современным, жгучим вопросам искусства – в десяти-одиннадцати листах как все это уместить?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 386–387).

[10] Имеется в виду текст программного «вступления», готовившегося к опубликованию в 1-м номере «Аполлона». Маковский отвечал 19 мая: «Первый “манифест” вышлю Вам на днях: все еще вожусь с редакционными поправками. Как определить в нескольких словах, что называем “аполлоническим началом творчества”? Обратите внимание именно на это выражение. Остальное – как будто удовлетворительно» (Там же. С. 386).

[11] Эта строка соотносится с началом п. 187: «Здесь <...> больше нет времени» и т.д.

191. А.М. ПЕТРОВОЙ

20 мая 1909 г. Коктебель[1]

Александра Михайловна!

Не удается на этой неделе путешествие к Латри[2] – получил письмо от Толстых,[3] что они будут на этой неделе: жду их в четверг (по моим расчетам). Буду в четверг утром в Феодосии. Если они приеду<т>, приведу их. Если же нет, то посижу у Вас.

До свиданья. Приеду с новыми стихами.

Max.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Феодосия. 20.05.09.

[2] М.П. Латри имел в имении Боран-Эли под Феодосией мастерскую. 20 мая 1909 г. Волошин получил открытку от А.М. Петровой, в которой она сообщала: «Дитя мое. Константин Федорович приедет из деревни только в субботу (23-го), а потому, чтобы мне опять не досталось, я вас предупреждаю об этом. Приезжайте уговориться, когда к Латри» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 18). Упоминается К.Ф. Богаевский.

[3] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая. 21 мая 1909 г. Волошин встретил их в Феодосии и познакомил с А.М. Петровой (Труды и дни. С. 222).

192. С.К. МАКОВСКОМУ

20 мая 1909 г. Коктебель

20 мая 1909. Коктебель.

Дорогой Сергей Константинович!

Посылаю Вам «Κλητικοί» – Весенний гимн Аполлону и одновременно заказною бандеролью перевод «Муз» Клоделя. Это великолепная, но дьявольски трудная вещь, которую я с трудом одолел, но горжусь переводом. Как Вы думаете, не написать ли к ней род комментария, выделивши главнейшие идеи ее (в виде предисловия?). Напишите Ваше впечатление от «Муз» и критику стихам.[1] Теперь я занят переводом «Акселя» Вилье де Лиль-Адана.[2]

До свиданья.

Жму Вашу руку. Жду известий.

М. Волошин.

[1] См. п. 190, примеч. 3, п. 187, примеч. 3. Маковский отвечал 27 мая: «Вы действительно вправе гордиться Вашим переводом “Муз”. Это – настоящая победа! Лишь бы хватило у читателей “Аполлона” терпения вдуматься в бронзовую чеканку этой удивительной поэмы. Предисловие Ваше во всяком случае необходимо – о Клоделе вообще и о “Музах” в частности. Напечатать можно было бы в первом же №. <...> Ваш “Κλητικοί” мне нравится, но не думаете ли Вы,

что для *вступительного гимна* – тяжеловато? Хотелось бы несколько легких ямбов, мелодичных, как молитва, и точных, как формула...» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 388). Стихотворение «Κλητικοί» было впервые опубликовано в журнале «Весы» (1909. № 10/11. С. 133–134).

[2] «Аксёль» («Axël») – опубликованная в 1890 г. драма в четырех частях французского писателя графа Филиппа-Огюста Вилье де Лиль-Адана. Волошин перевел ее в полном объеме (см.: Т. 4 наст. изд. С. 84–233).

193. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

27 мая 1909 г. Коктебель

Феодосия. Коктебель. 27 мая 1909.

Дорогая Александра Васильевна!

Только что с большой радостью получил Ваше письмо[1] и с радостью принял Ваш нагоняй, с которым вполне согласен: он вполне заслужен, и я вижу по его тону, что мне не надо объяснять, что появление моей статьи в «юбилейном номере» Суворина[2] было для меня самого сюрпризом, т<ак> к<ак> я давал ее в маленький театральный журнальчик Лит<ературно>-Худ<ожественного> Общ<ества>, правда, издаваемый Сувориным, но тем не менее им не редактируемый, и им не направляемый и никакого отношения к «Нов<ому> Вр<емени>» не имеющий. Приобщение же мое к юбилею Суворина было неожиданностью. Прибавлю только, что гонорар, получен<ный> за эту статью, был *единственным* моим заработком за всю зиму. Меня *нигде* не печатали, а там, где печатали, там не платили. Но это все не интересно.

А вот об «Аполлоне».

Прежде всего, должен разделить, где могу говорить «мы», где только «я».

Я, конечно, не назвал бы журнал «Аполлоном», но имя уже существовало в желании Маковского раньше, чем мы с ним разговорились. Его следовало принять или не принять. Но почему же было не принять то имя, которое было уже на сердце. Точно так же и участие Волынского...

Привлечение же Анненского[3] было *нашим* общим делом. Его близость в редакции кажется мне залогом безусловной порядочности и хорошего тона. И сам же Маковский – человек вполне светский (петербургски светский). Конечно, имя «Аполлон» страшно. Да, и не думаю, чтобы храм Аполлона можно было воздвигнуть в России посредством журнала. Разумеется, в журнал войдут не только Аполлонические элементы. Да и где же сейчас в России наберешь чисто Апол<лонических> художников слова? Об этом мы много говорили уже в Петербурге и приблизительно сговорились на том, чтобы считать Аполлона не противником и врагом Диониса, как Ницше,[4] а как бога, венчающего и умиряющего Дионисическую стихию: Бога, превращающего сонмы менад в трагедию; Бога, статуя которого в Дельфах стояла над могилой Диониса. Ведь и самый Парнас был поделен между Дионисом и Аполлоном, и в зимние месяцы в Дельфах совершались служения Дионису.[5] Словом, *мы* приняли Аполлона не как отрицание Диониса, а как его завершение. Да и не может быть иначе в России, где сейчас все искусство Дионисично.[6]

«Город страшной ночи» Томсона[7] я, конечно, помню и употреблю все усилия, чтобы перевести его. Очень прошу Мар<ью> Серг<еевну> выслать его мне. Но думаю, что было бы очень хорошо поместить этот перевод с небольшой статьей о Томсоне в виде предисловия. Вы бы не хотели этого сделать, Алекс<андра> Васильев<на>?

Что же касается постоянной работы для Мар<ьи> Сергеевны[8] в редакции, то сейчас я ничего не могу Вам ответить, потому что этим всецело распоряжается Маковский, у которого есть свой круг лиц, а я сейчас в Коктебеле и обмениваюсь с ним довольно редкими письмами. Когда я осенью буду в Петербурге и начнется реализация журнала, тогда другое дело. И Вы знаете, какую симпатию я чувствую к Мар<ье> Сергеевне, и я тогда сделаю все, что могу.

Мне кажется Ваша мысль написать об Элемире Бурже[9] очень подходящей.

А не хотели бы Вы написать небольшую статью (2—3 стр.) о Барресе, хотя бы по поводу брошюры Henri Massis (La pensée de Maurice Barrés.[10] Merc<ure> de Fr<ance>? Вам бы это было так легко сделать после Вашей статьи.

А вот еще одна тема, которая мне казалась бы очень своевременной: написать обо всех изданиях и сборниках Леона Сеше,[11] касающихся истории романтизма и, может быть, в связи с «Романтизмом» Лассера.[12] Мне кажется, что это очень нужно было бы сделать, и, это прекрасная тема для большой статьи.

Что же касается Эврара и Миомандра,[13] то, б<ыть> м<ожет>, Вы, Алекс<андра> Васильев<на>, все-таки сами бы написали о них для «Аполлона», несмотря на Ваши уже напечатанные фельетоны, написали бы для библиографического отдела, но придав этому тот общий характер (поворот к простоте в эволюц<ии> франц<узского> романа), о котором Вы пишете.

Вот я совсем не знаю, кто будет писать у нас об английс<кой> литературе и будут ли статьи о Суинберне и Мередите.

Если бы Вам хотелось их написать, то я бы мог сейчас же списаться.

Я сам не хотел бы писать ни об Эвраре, ни о Миомандре, т<ак> к<ак> сейчас (и все лето буду) слишком занят теми работами, что взял на себя: переводами и статьями о Клоделе, Виллье и Ренье. Я психологически сейчас не могу выйти из этого круга.

А статья о Барресе была бы очень уместна, т<ак> к<ак> мне хотелось бы дать перевод «Un Amateur d'Ames».[14]

Напишите мне, Алекс<андра> Вас<ильевна>, какое впечатление произвела на Вас Маргар<ита> Васильев<на>?[15]

Мне Екат<ерина> Алек<сеевна> писала об ней длинное и радостное письмо,[16] но мне хотелось бы слышать и Ваше впечатление, если только оно было <не> слишком мимолетно. Успели ли Вы поговорить с ней?

Моя жизнь сейчас тиха и обильна. Она проходит между книгами в комнате, где полумрак от притворенных ставней утром, а на закате – в горах.

Сейчас приехали уже 2 дня Толстые.[17]

До свиданья.

Максимилиан Волошин

P.S. Относительно гонорара – не знаю ничего точного, во всяком случае он будет не меньше, а больше, чем обычный журнальный.

P.P.S. Мама и Толстые шлют Вам привет.

[1] Речь идет о недатированном письме А.В. Гольштейн, в котором она признавалась в том, что испытала жгучий стыд за «юбилейный номер» А.С. Суворина, в котором среди прочих принял участие и Волошин (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 36).

[2] В № 7 «Журнала театра Литературно-художественного общества» за 1908/1909 г., приуроченном к 50-летию литературной деятельности А.С. Суворина, была опубликована статья Волошина «Некоторые черты французского театра» (с. 23–26, расширенный вариант статьи «Лица и маски» 1904 г.). В кн. 1 «Ликов творчества» Волошина – под заглавием «Французский и русский театр». См.: Т. 3 наст. изд. С. 168–177, 502.

[3] О привлечении С.К. Маковским и Волошиным весной 1909 г. И.Ф. Анненского к участию в редакционной работе журнала «Аполлон» см.: И.Ф. Анненский. Письма к С.К. Маковскому / Публ. А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 222–242; И.Ф. Анненский. Письма к М.А. Волошину / Публ. А.В. Лаврова и В.П. Купченко // Там же. С. 242–252.

[4] На противопоставлении Диониса и Аполлона была основана концепция Фридриха Ницше, нашедшая воплощение в его книге «Рождение трагедии из духа музыки», которая получила в России широкое распространение.

[5] По одной из мифологических версий, Аполлон по приказанию Зевса составил тело Диониса из кусков и захоронил его на Парнасе. Могилу Диониса показывали в Дельфийском храме рядом с золотой статуей Аполлона. Таким образом, считалось, что Дельфийский храм был посвящен и Дионису, которому служили там зимой, и Аполло-

ну, обитавшему там летом. Подобные представления могли быть актуализированы в сознании Волошина беседами с И.Ф. Анненским. (См.: *Анненский И.Ф.* История античной драмы: Курс лекций / Сост., вступ. ст. В.Е. Гитина, подг. текста В.Е. Гитина при участии В.В. Зельченко, примеч. В.В. Зельченко. СПб.: Гиперион, 2003. С. 57–58).

[6] 4/17 июня 1909 г. А.В. Гольштейн отвечала Волошину: «Для Вас важен дионисианизм, для меня совсем другое <...>. Слово. Это стихия жизни, хаотическая борьба, бунт материи против высшего начала, все равно какого. Искусство едино, и это аполлонизм, строительство <...> проникновение <...> возвышение стихии в область духа, души – это как Вам угодно <...> несите жизнь в искусство, а не искусство в жизнь. <...> Мне думается, что только временно и под влиянием величайшего хаоса стихии в России (революция) зародился в нашей литературе дионисианизм. Нам не надо искать в Греции и ее мифах опоры аполлонизму. Мы всегда были аполлоничны, когда не ломались и не спивались, и не впадали в истерию и эпилепсию с Достоевским. Я верю, что и в России вырастет снова разрушенный храм великого Бога. Наш Аполлон был младенцем <...>. Дайте срок – когда отзвучит у нас революционный крик, вызванный реакцией времени Александра III-го, мы войдем в берега и наша литература, – и только она, – быстро дойдет до высот и возвысится над ними» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 34–35).

[7] А.В. Гольштейн предлагала Волошину (в письме из Лондона, относящемуся к середине мая 1909 г.) опубликовать перевод философской поэмы «Город страшной ночи» («The City of Dreadful Night», 1874) английского поэта Джеймса Томсона: «Предлагаю Вам напечатать перевод – ***прозаический*** и ***точный*** – поэмы Томсона "The City of the Dreadful Night". Помните? Того поэта, о кот<ором> я часто Вам говорила? По моему совету его перевела М<арья> Сер<геевна> Безобразова. Если Вы согласны рекомендовать эту вещь редакции, я попрошу М<арью> Сер<геевну> выслать Вам перевод. Вы сделаете доброе дело. М<арья> Сер<геевна> писательница не важная, ее повести скучны и растянуты и неинтересны, но переводит она до зависти хорошо и язык ее до зависти богат, прост, красив. Вообще, милый Макс, если бы Вы могли пристроить ее в редакции "Аполлона", за небольшую плату, в качестве постоянной переводчицы, корректора или что-нибудь в таком роде, то *спасли* бы хорошего, даровитого человека. Во всякой редакции есть уйма черной литературной работы, которую отлично сделает человек, хорошо владеющий языком, трудолюбивый и не имеющий никаких претензий. М<арья> С<ергеевна> хорошо знает немец<кий>, франц<узский> и англий-

ский язык. Она вернется в Птб. осенью. Подумайте и напишите, возможна ли такая возможность. Полагаю, что помещение поэмы Томсона, поэта мало известного даже англичанам, будет ценно для начинающего журнала» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 38 об. – 39 об.)

[8] М.С. Безобразова.

[9] Элемир Бурж принадлежал к кругу С. Малларме. Волошин упоминает его имя в «Письме из Парижа. Литературные банкеты “La Plume”» (см. Т. 5 наст. изд. С. 583–585). Статья «Элемир Бурже» А.В. Гольштейн была опубликована в «Аполлоне» (1910. № 6. С. 37–46).

[10] Речь идет о брошюре: *Massis Henri*. La Pensée de Maurice Barrès. Paris: Mercure de France, 1909. Упомянутая брошюра в «Аполлоне» не рецензировалась.

[11] Леон Сеше – автор исследований об эпохе романтизма: «Alfred de Vigny et son temps» (1902), «Etudes d’histoire romantique»: «Sainte-Beuve» (1904), «Lamartine, de 1816 à 1830» (1905), «A. de Musset, d’après des documents inédite» (1907), «Le Cénacle de la “Muse française” (1823–1827)» (1908), «Le roman de Lamartine» (1909).

[12] Пьер Лассер (Lasserre) – автор книги «Французский романтизм» («Le Romantisme français», 1907).

[13] Статьи о Ю.Ж. Эврарс и Ф. де Миомандре в «Аполлоне» не появились.

[14] Речь идет о рассказе Мориса Барреса «Коллекционер душ» («Un Amateur d’âmes», 1893; отд. изд.: Paris: E. Fasquelle, 1899), вошедшем в состав его книги «О крови, страсти и смерти» («Du sand, de la volupté et de la mort». Paris, 1894, 2 éd., 1903).

[15] М.В. Сабашникова с апреля по начало июля (н.ст.) 1909 г. жила в Париже у Бальмонтов.

[16] 1/14 мая 1909 г. Е.А. Бальмонт писала Волошину о приезде Сабашниковой в Париж: «Встретились мы с Маргорей как будто и не расставались. А я очень боялась. Мы все готовились увидать ту Маргорю, которую Вы видели в Берлине. И ничего подобного. <...> с первых же минут она ко мне, к К.Д., и ко всем потом была так внимательна, ласкова, нежна, что я растерялась от неожиданности. <...> Она добрая, вот что в ней меня удивило больше всего, оживленная. Интересуется всем: любым разговором. В восторге от улиц, лиц парижских, мод, шляп. Говорит с упоением о своих впечатлениях. Наголодалась в Германии без художественных впечатлений и без родных душ, говорит она» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 230, л. 40–41).

[17] См. п. 191, примеч. 3.

194. С.К. МАКОВСКОМУ

Около 31 мая 1909 г. Коктебель[1]

Феодосия. Коктебель.

Дорогой Сергей Константинович,

«Муз» Клоделя Вы, верно, уже получили?[2] От статьи о Театре с удовольствием отказываюсь, т<ак> к<ак> сейчас вне этого порядка мыслей, а те идеи о театре, что я Вам отчасти передавал, хочется оставить еще полежать на дне.

Для первого № я дам общую эстетическую статью – это будет с одной стороны мое profession de foi,* отчасти опыт новой классификации искусств, принимая за базу идею времени, и в то же время толкование к «Музам» Клоделя.[3] Но я дам статье не характер рассуждения, а лирический, воспользовавшись, б<ыть> м<ожет>, некоторыми формами Клоделя, столь мне близкими. Словом, так, чтобы Гимн музам и моя статья были в одном стиле.

У меня она уже наполовину сделана, эта статья. Но имени ее еще не знаю.

Потом, как условлено, будут две большие статьи «Грядущая Ева» и «Клодель и Гогэн».[4] Над ними я постепенно работаю, но еще не реализую их. Перевожу «Акселя».[5] Об остальном пока не думаю.

Потом вот: мне предлагают прозаический перев<од> «The City of Drea<d>ful Night» Томсона – поэта великого и столь же мало известного, как Клодель.[6] Я просил его выслать мне поскорее. Я думаю, что это очень подошло бы к Аполлону. Я справляюсь тоже, могут ли дать статью о Томсоне.[7] Кстати, будут ли у нас статьи об умерших Суинборне и Мередите.[8] Если еще нет, то я имею в виду, кому можно это поручить.[9]

Я получил Вторую книгу Отражений и сегодня пишу Ин<нокентию> Феод<оровичу>.[10]

Вы спрашиваете, нужно ли мне книг? Книг – нет, у меня достаточно. Но вот журналов мне было бы нужно для составления библиогр<афического> отдела. Может, можно было бы

* Исповедание веры *(фр.)*.

выписать для Аполлона «Revue de Paris», «Academos», «Vers et Prose»[11] пока на мое имя, а потом перевести их в Петербург?

Сергей Константинович, мне страшно нужны деньги, и поэтому я позволяю себе напомнить Вам обещание выслать мне, как только можно будет, в счет рукописей моих, уже принятых, руб<лей> 200–300. Мне ужасно не хочется теперь отрываться от работы для «Аполлона», чтобы писать в иные журналы для денег. А я все время совсем изнемогаю без них.

Относительно «Индии», я думаю, Вы правы, и пока не надо ничего просить у Эртеля. Напишите мне о свидании Вяч<еслава> Иван<ова> с Анненс<ким>.[12]

Жму Вашу руку.

Приедете ли в Коктебель? Это было бы очень хорошо.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо от 19 мая 1909 г.

[2] См. п. 192.

[3] По мере работы этот замысел был реализован в виде двух самостоятельных статей – «Horomedon» и «Предисловие к “Музам” Поля Клоделя». См. п. 197.

[4] Статьи на указанные темы Волошин в «Аполлон» не представил. Позднее он вкратце охарактеризовал роман Вилье де Лиль-Адана «Грядущая Ева» («L'Ève future», 1886) в заметке «Грядущая Ева и Эдисон» (Московская газета. 1911. № 130, 12 окт.). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 431–433.

[5] См. п. 192, примеч. 2.

[6] См. п. 193, примеч. 7.

[7] См. п. 193.

[8] Алджернон Чарлз Суинберн (Swinburne) умер 10 апреля 1909 г., Джордж Мередит (Meredith) – 18 мая 1909 г.

[9] Подразумевается прежде всего А.В. Гольштейн (см. п. 193). Общая характеристика обоих писателей была дана в «Письме из Англии» More Adey, в котором сообщалось: «В течение 1909 года английская литература потеряла двух своих наиболее знаменитых представителей: Суинбёрна и Мередита» (Аполлон. 1909. № 3, декабрь. Отд. II. С. 5).

[10] См. п. 195.

[11] Французские литературные журналы «La Revue de Paris» (издавался с февраля 1894 г.), «Akademos. Revue mensuelle d'art libre et

de critique» (вышло два номера в 1909 г.), «Vers et Prose» (издавался с марта 1905 по март 1914 г., вышло 36 номеров). О журнале «Vers et Prose», основанном Полем Фором в 1905 г., см. в заметке В.Я. Брюсова «Новый французский журнал» (Русская мысль. 1913. № 7. Отд. III. С. 23). 13 июня 1909 г. Маковский отвечал Волошину: «Revue de Paris, Academos, Vers et Prose, — разумеется, будут выписаны, и я направлю их непосредственно Вам» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 393).

[12] Имеется в виду совместная поездка Маковского и Вяч. Иванова к Анненскому в Царское Село 22 мая. См. письмо Маковского к Иванову от 19 мая 1909 г. (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 139—140. Подгот. текста Н.А. Богомолова и С.С. Гречишкина).

195. И.Ф. АННЕНСКОМУ

Около 31 мая 1909 г. Коктебель

Дорогой Иннокентий Феодорович,

простите, что не сейчас же пишу Вам, получив Вашу «Книгу Отражений».[1]

Очень, очень благодарю за нее. Но сюда она пришла такая чужая и непримиренная. На этой почве, проникнутой горьким запахом сожженных трав, и среди этих холмов, хранящих успокоенную сухость греческих линий, она кажется таким сжатым клубком мучений. Я не мог читать ее днем, не мог читать, когда были звезды в окне. Только притворив ставни, поставив рядом с постелью лампу, я нашел возможность прочесть ее. Ее надо прятать от неба и от солнца. Она верная и справедливая, Ваша книга. И ее жестокость — не жестокость приговора, но жестокость судебного отчета о процессе. Но зато какая утонченная гибкость образов («Волчья шея» Бранда, «Белый долмен» Родэновского Бальзака, мысли Л. Андреева «выпуклые как больные сны»[2]).

Я думаю, что никто так не понимал Достоевского, как Вы. Розанов и Мережковский сами как бы написаны Достоевским и многое прозревают изнутри. Но вы прозреваете снаружи самый механизм его творчества, вплоть до геометрического чертежа.

Этот геометрический чертеж спасает от последнего отчаянья, с ним «Город Страшной Ночи»[3] — Петербург — может, и страшнее, но выносимее. Вы дали его почти «теософически»; сначала он кажется рисунком из книги Лидбитера и Анни Безант, но постигаешь в нем глубоко сокрытую эллинскую геометрию идеи. Ваше эллинство, так глубоко скрытое в этой Петербургской книге, так неотвратно обличает себя словами о том, что оживленная статуя — приговор искусству.

Я люблю у Вас «равнодушную к людям красоту» Пушкина, *разбойничество* Лермонтова, *исстрадавшуюся* любовь у Гоголя, «наглость властной красоты» у Тургенева.[4] Но говорить ли о том, что умирающий Гейне мне ближе всего?[5]

Но Ваша книга почти не книга, настолько в ней трепетности письма или дневника. Вы осуществляете слова Р. де Гурмона о том, что критика самый интимный род исповеди.[6] Но Вы еще заставляете исповедываться и писателей и их героев...

.....Я эти два месяца провел в тишине среди книг и моря. Теперь в Коктебеле стало шумнее: приехали Гумилев, Толстой и еще кое-кто.[7] Стало литературнее.

Посылаю Вам, Иннокентий Феодорович, мои новые стихи об Аполлоне. Я хочу сделать из них целый цикл под именем: «Алтари в пустыне», куда войдут и некоторые из старых, напр<имер>, «Созвездья» и др., что я передал Серг<ею> Конст<антиновичу> для № 1.[8]

Жалею, что не могу сейчас послать последнего стихотворения «Дельфы», в котор<ом> недописаны последние строки.[9]

Жму крепко Вашу руку.

Привет Кривичу.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 190, примеч. 7.

[2] Образы из статей «Бранд» («Меня интересуют Бранды, <...> люди, для которых нет смены горизонтов, потому что неподвижная волчья шея раз навсегда ограничила для них мир полем их собственного зрения»; «...белый дольмен роденовского Бальзака» — о скульптуре Бальзака, выполненной О. Роденом в 1893–1897 гг.), «Иуда, новый символ» («У Леонида Андреева нет анализов. Его мысли, как

больные сны, выпуклы: иногда они даже давят, принимая вид физической работы»). См.: *Анненский Иннокентий*. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 175, 178, 150.

[3] Название поэмы Дж. Томсона (см. п. 193, примеч. 7).

[4] Образы — в цитатах и в суммарном изложении — из статьи «Символы красоты у русских писателей» (*Анненский Иннокентий*. Книги отражений. С. 131—134).

[5] Подразумевается статья «Гейне прикованный. Гейне и его “Романцеро”» (Там же. С. 153—161).

[6] Эти слова Реми де Гурмона из его «Литературных прогулок» («Promenades littéraires», 1904) Волошин предполагал поставить эпиграфом ко 2-й книге своих статей «Лики творчества» (см.: Т. 5 наст. изд. С. 653, 654).

[7] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая приехали в Коктебель 21 мая, Н.С. Гумилев и Е.И. Дмитриева — 30 мая (Труды и дни. С. 222).

[8] Подразумеваются стихотворения, посланные С.К. Маковскому для помещения в № 1 «Аполлона». Раздел «Алтари в пустыне» (включающий и стихотворение «Созвездия») в составе девяти стихотворений и с посвящением Александре Васильевне Гольштейн выделен в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910» (М.: Гриф, 1910. С. 99—112). 13 августа 1909 г. Анненский писал Волошину: «Стихи Ваши мне понравились, конечно, очень; да и не может не понравиться то, что “осуществляет мысль”. <...> Присылайте еще *алтарей*» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. СПб., 1909. С. 352).

[9] Стихотворение «Дельфы» («Стеснили путь хребтов громады...») впервые опубликовано в разделе «Алтари в пустыне» в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910». См.: Т. 1 наст. изд. С. 110—111.

196. С.К. МАКОВСКОМУ

Около 8 июня 1909 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович!

Пишу это письмо с невольной, не от меня зависящей задержкой: в Коктебель присылают только простые письма, а о заказных (Вы послали текст «манифеста» Аполл<она> заказн<ым>) присылают лишь повестки, потом за ними надо ехать или посылать в город, так что они всегда запаздывают на 5—6 дней!

Мне показалось, что некоторые слова можно сказать точнее и решительнее, а с двумя-тремя словами я не мог согласиться. Посылаю Вам мой вариант и примечания на полях.[2]

Для первого № я дам статью «Horomedon» (Вождь часов). Это классификация искусств согласно идее времени: музыка владеет стихией прошлого; вся «пластика» — стихией настоящего и поэзия (— слово) — стихией будущего.

Эта идея уже давно мне близкая, для которой я лишь теперь наметил и нашел формы. Это больше всего подойдет к № 1, т<ак> к<ак> является моим profession de foi.

Посылаю Вам еще два «аполлонических» стихотворения.[3] Их, «Κλητικοί», «Дэлос», «Созвездья», «Полдень», «Призыв» и др., что я Вам передал пред отъездом, мне бы хотелось поместить в № 1 под общим именем «Алтари в пустыне».[4]

Что же касается «вступительного гимна» Аполлону, я чувствую, что Вы хотели бы, и постараюсь и подумаю. Все эти стихотворения я писал, не думая об вступительной формуле, а лишь стараясь постичь подлинный характер Эллинского Аполлона, к нашему же Аполлону-Гиперборейскому лишь теперь подойду и, б<ыть> м<ожет>, найду верные слова для формулы.[5]

Я очень рад, что Вы едете теперь в Париж, Сергей Константинович. Прежде всего мне хотелось бы, чтобы Вы увидали Бальмонтов[6] и Гольстейн. Они живут рядом. Вот адреса: *Balmont*. 60 Rue de la Tour. Passy; de Holstein (Александра Васильевна фон-Гольштейн). 75 Rue de la Tour.

С m-me Гольштейн я уже списывался относительно некоторых статей по французской хронике (т<ак> к<ак> Вы ведь мне этот отдел, как помните, вручили со всеми полномочиями).[7] Сейчас она в Англии, но вернется к концу июня. Она одна из самых близких друзей моих и относительно французов сделает для Вас все то, что я мог бы сделать сам: наш круг знакомств почти одинаков. Она очень близка с Одилоном Рэдоном и с Гилем, она живет уже около 30 лет в Париже и все это время была непосредственно близка к движению симво-

листов. Она может достать Вам в Париже письма и рекомендации решительно к кому угодно.

И я предупрежу и попрошу ее сделать все для Вас.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с ответным письмом Маковского от 13 июня 1909 г..

[2] См. п. 187, примеч. 11. Текст редакционного «вступления» к 1-му номеру «Аполлона» в редакции Волошина и с его маргиналиями, по всей вероятности, не сохранился.

[3] По всей вероятности, к письму были приложены автографы стихотворений «Станет солнце в огненном притине...» и «Дельфы» (см.: Т. 1 наст. изд. С. 105, 110–111).

[4] Это пожелание Волошина не было реализовано редакцией «Аполлона», поместившей в 1-м номере лишь три его стихотворения из «аполлонического» цикла. Формируя раздел «Альманах <...> т.е. стихи» для № 1 «Аполлона», Маковский писал И.Ф. Анненскому 6 августа 1909 г.: «...надо только привести в порядок “Алтари” Волошина. Ох этот Макс!» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 347). См. примеч. 8 к п. 195.

[5] Предполагаемого «вступительного гимна», обращенного к «Аполлону Гиперборейскому» (см. примеч. 3 к п. 190), Волошин не написал, и ни одно из его стихотворений «аполлонического» цикла не было использовано в этой функциональной роли в первом номере «Аполлона».

[6] Имеются в виду К.Д. Бальмонт и Е.А. Бальмонт. О том, что ему «должно быть, в середине июня придется-таки съездить в Париж», Маковский писал Волошину 27 мая 1909 г., однако в следующем письме из Петербурга (от 13 июня) замечал: «Как видите, в Париж я все-таки не попал» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 388, 393).

[7] См. п. 188.

197. С.К. МАКОВСКОМУ

Конец июня (?) 1909 г. Коктебель

Дорогой Сергей Константинович!

Я очень давно не писал уже Вам: я был весь в переводе «Акселя».[1] Теперь он кончен и осталась только последняя чистка. Теперь я принимаюсь за осуществление статей.

Статьи следовательно будут вот какие:

1) Horomedon. (Статья небольшая для первого №: эстетическое profession de foi).

2) Примечания и комментарий к «Музам».[2]

3) Статья о Вилье де Лиль-Адане и об его Акселе.[3] (В ней я дам очерк его жизни и характера с точки зрения основных идей Акселя).

4) «Грядущая Ева» – тоже по поводу Вилье, но с другой стороны его творчества и значении машины в современной нравствен<ной> жизни.

5) «Клодель и Гогэн».[4]

Теперь вот что мне надо было бы знать, Сергей Константинович: выслать ли Вам «Акселя» теперь же для набора? или это не спешно? Мне бы хотелось лучше теперь же, чтобы иметь возможность более тщательно почистить его в наборе уже.

Пора ли высылать для набора мою книгу стихов?[5]

Я хочу уговорить Богаевского сделать четыре фронтисписа для четырех отделов книги; хорошо?[6] А обложка просто – шрифт. Так?

Кроме того я приготовлю переводы нескольких рассказов Ренье[7] и «Amateur des Ames» Баррэса.[8]

Гумилев в Коктебеле написал стихотв<орный> цикл «Капитаны», который хотел и верно уже предложил в «Аполлон».[9] Он мне кажется вполне заслуживающим внимания, и я подаю свой голос за его помещение.

Пересылаю Вам тоже «Дафниса и Хлою» Алексея Толстого.[10]

Статьи буду Вам высылать, не спрашивая, пора ли, по мере написания.

Благодарю Вас за 100 руб. Но, пожалуйста, как только это окажется возможным для Вас, пришлите мне еще.

Напишите мне немного о том, что теперь делается в «Аполлоне». Вышли ли объявление и манифест?[11]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. Я думаю, хорошо бы для отдела рецензий в первом № приготовить целый ряд небольших статей о всех примечательных книгах за последние месяцы, включая, напр<имер>, сюда и «Земля цветет» Блока и «Пламенн<ый> Круг» Сологуба, не только «Урну» Белого.[12]

[1] См. п. 192, примеч. 2.

[2] См. примеч. 3 к п. 187. Выполненный Волошиным перевод «Муз» П. Клоделя был опубликован в «Литературном альманахе» «Аполлона» вместе с предварявшей его статьей Волошина «Предисловие к “Музам” Клоделя» (1910. № 9, июль-август. С. 19—40); намерение написать «примечания и комментарий» к «Музам» реализовалось таким образом в форме связного текста, который под заглавием «Музы» и с незначительными изменениями вошел в книгу Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914. С. 115—129; Т. 3 наст. изд. С. 94—105).

[3] Эта статья Волошина была опубликована в «Аполлоне» лишь в 1912 г. (№ 3/4. С. 68—90) под заглавием «Апофеоз мечты и смерти»; под заглавием «Апофеоз мечты (Трагедия Вильс де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни)» и с некоторыми изменениями и дополнениями вошла в «Лики творчества» (Кн. 1. С. 5—46). См.: Т. 3 наст. изд. С. 7-40.

[4] См. п. 194, примеч. 4.

[5] Первоначально предполагалось опубликовать книгу стихотворений Волошина под маркой «Аполлона», однако выпуск отдельных изданий параллельно с журналом в 1909 г. налажен не был (книги с обозначением «Издание “Аполлона”» начали выходить в свет лишь с 1911 г.). Ко времени отправления письма Волошин уже получил предложение из московского издательства «Гриф» издать свою книгу стихов; руководитель «Грифа» С.А. Соколов писал ему 16 мая 1909 г.: «...книгу Ваших стихов я издал бы и *издам, если Вы мне ее дадите, очень охотно*, и в любой момент. Пускай стихи по нашим временам <...> расходятся слабо! По крайности материальная сторона была бы уравновешена удовольствием издать в “Грифе” первую книгу стихов подлинного поэта. Поэтому, если б дело не устроилось с “Аполлоном” или Вы передумали, я снова повторяю на этот счет мое преж-нее предложение» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126). Волошин воспользовался этим предложением, когда определенно выяснилось, что в «Аполлоне» издание книг откладывается. 16 октября 1909 г. Е.И. Дмитриева сообщала из Петербурга А.М. Петровой о Волошине: «“Аполлон” не будет издавать его стихи; Макс хочет обратиться к “Грифу”» (*Черубина де Габриак*. Из мира уйти неразгаданной.

Феодосия; М., 2009. С. 45). 24 октября 1909 г. Соколов писал Волошину в Петербург: «Вчера же телеграфировал Вам по адресу “Аполлона” <...> о своем полном согласии на издание к январю Вашей книги. <...> Высылайте весь материал немедленно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126). Книга Волошина «Стихотворения.1900–1910» (М., 1910) вышла в свет в издательстве «Гриф» 27 февраля 1910 г.

[6] Помимо фронтисписов к пяти разделам книги Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (к четырем разделам первоначального плана добавился пятый – венок сонетов «Corona Astralis», написанный в августе 1909 г.), художник-феодосиец К.Ф. Богаевский выполнил также еще семь иллюстраций, помещенных в тексте. Отмечая в письме к Волошину от 14 ноября 1909 г., что воспроизведение 12 рисунков удорожает книгу, Соколов тем не менее заявлял: «В крайности, если Вам больно отказаться от этого, сделаю все 12» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126).

[7] Выполненный Волошиным перевод «Рассказов о маркизе д'Амеркёре» из сборника «Яшмовая трость» («La canne de jaspe», 1897) Анри Франсуа Жозефа де Ренье (1864–936) был напечатан в «Аполлоне» в 1910 г. (№ 6, март. Отд. III. С. 3–49). В полном объеме этот цикл был издан отдельной книгой (см.: *Ренье Анри де.* Маркиз д'Амеркёр / Перевод М. Волошина. М.: Альциона, 1914; Т. 4 наст. изд. С. 646–702).

[8] См. п. 193, примеч. 14.

[9] Цикл из четырех стихотворений «Капитаны» был опубликован в первом номере «Аполлона» (Отд. III. С. 11–15), вошел в книгу Н.С. Гумилева «Жемчуга» (М.: Скорпион, 1910. С. 80–86).

[10] Цикл из пяти стихотворений А.Н. Толстого «Хлоя. Весенние стихи» был опубликован в «Аполлоне» (1909. № 2, ноябрь. Отд. III. С. 11–16) с иллюстрациями Д. Митрохина; составившие его стихотворения («Хлоя», «Гроза», «Дафнис и медведица», «Дафнис подслушивает сов», «Утро») вошли в книгу Толстого «За синими реками» (М.: Гриф, 1911).

[11] Подразумеваются объявление о начале издания «Аполлона» и редакционный «манифест», который, возможно, предполагалось напечатать еще до выхода в свет первого номера журнала.

[12] Имеются в виду издания: *Блок Александр.* Земля в снегу. Третий сборник стихов. М.: Изд. журнала «Золотое Руно», 1908; *Сологуб Федор.* Пламенный круг. Стихи. Кн. 8. М.: Изд. журнала «Золотое Руно», 1908; *Белый Андрей.* Урна. Стихотворения. М.: Гриф, 1909. Отзывов об этих книгах в «Аполлоне» не появилось – по всей вероятности, потому, что ко времени начала издания журнала они уже не были новинками: «Земля в снегу» вышла в свет в июле 1908 г., «Пламенный круг» — в мае того же года, «Урна» – в марте 1909 г.

198. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

2 августа 1909 г. Коктебель

Коктебель.
2 августа 1909.

Дорогая Александра Васильевна,

несколько дней тому назад я получил от Марьи Сергеевны ее перевод «Города Страшной Ночи»[1] и совершенно смущен. Читала ли она его Вам? Видели ли его Вы? Это очень большой и очень добросовестный труд. Но это подстрочный перевод стихов, слово за словом... В нем нет ни одной попытки к художественному перевоплощению, к самостоятельному обобщению, к «adaptation».* Его совершенно невозможно читать по-русски, так он коряв и неуклюж. Я согласен, что есть известная прелесть в этой наивности, абсолютно точной, как гипсовый слепок, передачи конструкции английской фразы, и, быть может, в особом издании texte en regard** такой перевод был бы очень *полезен*, но он совершенно невозможен для «Аполлона».

Я думаю, Александра Васильевна, что Вы совсем не видали этого перевода, иначе Вы не стали бы побуждать Марью Сергеевну на этот большой и такой бесплодный труд, потому что я совершенно не знаю, куда сможет она пристроить его. В России, как Вы знаете, прозаические переводы стихотворных произведений совершенно не приняты еще, что указывает, разумеется, на отсутствие вкуса, и моя мысль была именно ввести в «Аполлоне» прозаические переводы, сделанные художественно. Но этот перевод... Я совершенно не могу рекомендовать его «Аполлону». Я могу переслать его, но голос свой подам против него. Мне это очень неприятно, Александра Васильевна, и я чувствую, как неприятно это будет для Вас, и очень боюсь, что Вы рассердитесь на меня, и все же никак не могу иначе.[2]

---

* Переработка *(фр.)*.
** Параллельный текст *(фр.)*.

Я все это лето сам тоже усиленно работал над переводами; я перевел «Акселя»[3] всего и «Музы», оду Клоделя.[4] И написал большие вступительные статьи и о том, и о другом. Эти переводы будут в «Аполлоне».Теперь перевожу «La Canne de Jaspe» для «Шиповника».[5] Видите, мое лето было очень полное в смысле работы.

Был ли у Вас кто-нибудь от «Аполлона»? Сперва хотел ехать в Париж сам Сер<гей> Маковский,[6] и я хотел его лично рекомендовать Вам и просить у Вас для него всякого руководительства, но т<ак> к<ак> он потом не смог и возложил свои поручения на Трубникова[7] (из «Старых Годов»), которого я почти не знаю, то я воздержался рекомендовать его Вам.

Первый номер «Аполлона» должен выйти 15 октября.[8] Осуществили ли Вы, Александра Васильевна, какой-нибудь из тех проектов статей, о которых мы говорили в начале лета? Кроме этих больших статей не будет ли у Вас, быть может, какого-нибудь материала для хроники французской художест<енной> и идейной жизни: заметок, цитат, сведений, мыслей размером от 5 строк до страницы? Или заметок о новых книгах, о новых статьях или событиях?

Я сам за эту часть работы еще не принимался: почти все лето сплошь было наполнено переводом «Акселя» – только Вы знаете, что это значит. А я могу сказать с гордостью, что насколько касается философской части его, т.е. I, III и IV акта, я сделал все, что только возможно сделать на русском языке, и «Аксель» явится в приличных одеждах. Второй же акт – его не очень сам люблю... и эти бесконечные разговоры слуг... он несколько слабее и поспешнее сделан.[9]

А вот переводом Клоделя «Les Muses»[10] я горжусь. Сравните их, когда они появятся, с их текстом, что был во втором номере «Vers et Prose».

Что теперь делается у Вас на «Туре»?[11] Очень ли изменились дети? Какое влияние на них имела Англия?[12] Чем теперь увлекается Lolo?[13]

Как поживает Владимир Августович?[14] Многих ли из русских друзей Вы видели у себя это лето? До свиданья, Алекс<андра> Васильевна.

Привет Каролине.[15]

Максимилиан Волошин.

P.S. Меня ужасно удручает и смущает перевод Марьи Сергеевны. Напишите мне, Алекс<андра> Васильевна, что Вы думаете. Как ей вернуть его?

[1] Об этом см. п. 193, примеч. 7.

[2] 10/23 августа из Парижа А.В. Гольштейн отвечала Волошину: «Разве я могу не только *сердиться*, но даже иметь хоть мимолетное неудовольствие на чужое мнение, не совсем согласное с моим? <...> Перевод не был сделан в виду “Аполлона” или даже печати вообще. Он был начат зимою, кончен до моей поездки в Англию. Следовательно, “Аполлон” тут не при чем, что делает все дело легче и Вам, и мне. <...> Я не восхищена переводом. Но вот что надо сказать Марье Сергеевне: это длинно и поэтому не подходит. Нельзя ли поместить одну часть – и самую лучшую поэмы – а именно: “Так было оно, как в пустыне я шел...”. Если это возможно, было бы хорошо и для Марьи Сергеевны, и для журнала. При этом Вы бы и сказали то удачное, что сказали – это, мол, гипсовый слепок с подлинника и дает нам о нем представление» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 42–44).

[3] См. п. 131, примеч. 6.

[4] См. п. 197, примеч. 2.

[5] См. п. 203, примеч. 7.

[6] Поездка С.К. Маковского в Париж была отложена по причине болезни.

[7] А.А. Трубников, один из основателей журнала «Старые годы» и сотрудник «Аполлона», писавший статьи по истории искусств под псевдонимом Андрей Трофимов, работал в Картинной галерее Эрмитажа в 1908–1917 гг.

[8] См. п. 188, примеч. 8.

[9] См. п. 193.

[10] Здесь речь идет об оде Клоделя «Музы», впервые опубликованной в журнале «Vers et prose», отдельное изд.: *Claudel Paul*. Ode: Les muses. Paris: Bibliothêque de l’Occident, 1905. 31 p.

[11] Так по-домашнему называли адрес А.В. Гольштейн в Париже.

[12] С весны по осень 1909 г. А.В. Гольштейн находилась в Лондоне.

[13] А.Ю. Семенов.

[14] В.А. Гольштейн.

[15] Каролина Яковлевна.

199. С.К. МАКОВСКОМУ

2 августа 1909 г. Коктебель

2 августа 1909. Коктебель.

Дорогой Сергей Константинович!

Не могу не согласиться решительно со всем, что Вы говорите о «Horomedon'e».[1] Это правда, я не думал о читателе реальном, когда писал его, а имел в виду лишь того идеального «понимающего», для которого ищешь самой законченной и четкой формы, когда работаешь над стилем. Дело в том, что эта статья очень важна для моего сознания. Я в ней скристаллизировал свою эстетику, она мое «profession de foi». Все обобщения и построения, которые рождались в уме за последние годы, я в ней синтетизировал с этой аполлонической точки зрения, не совсем обычной, но на которую я имею филологические права – Аполлон – бог времени.

Кроме того мне лично (тактически) хотелось выступить в «Аполлоне» с такою сериозной и законченной формулой для того, чтобы противопоставить ее несколько моей известности (увы!) как газетного фельетониста.

Но это всё соображения личные. Что же касается тактики журнала, я согласен с Вами вполне.

Я одновременно с этим письмом высылаю Вам целый ряд новых законченных рукописей.

1) Предисловие к «Музам» Клоделя.[2] Это отдельная небольшая статья – поясняющая, ясная и в то же время представля<ющая> самостоятельный от «Муз» интерес.

2) Статья об «Акселе» Вилье де Лиль-Адана.[3] Большая, обобщающая и <с> подробной характеристикой самого Вилье.

3) Перевод рассказа Баррэса «Коллекционер душ». Он сделан не мной, но под моим непосредственным руководством, так что я ручаюсь за него.[4] Впрочем, Вы сами будете судить о его литературных достоинствах.

Это пока. Перевод «Акселя» уже закончен,[5] но остается последняя шлифовка, а эти статьи меня отвлекали последнее

время. Кроме того, на этих же днях я закончу переработку «Аполлона и Мыши».

Видите, Сергей Константинович, эти летние месяцы уединенной и сосредоточенной работы представляют для меня запасы работы накопляющей и подготовительной, на которую в Петербурге нет времени. Поэтому все то, что я пишу летом, неизбежно будет отличаться и замкнутостью и малодоступностью. Но не бойтесь этого. В Петербурге начнется расточительство, которого нельзя себе позволить здесь. Там в атмосфере редакции я сейчас же найду тот и доступный и не ложно-популярный тон, который нам нужно. Пока же это плоды моих рабочих уединений, когда я работаю *для себя.* Но в статьях о «Музах» и об «Акселе», вы увидите, этих смущающих трудностей не будет совершенно.

Единственное, что мне жаль немного, если «Horomedon» не появится в первом №, – это то, что он задуман в своей форме, как «pendant»* к «Музам» – охватывающий аполлоническое творчество с иной стороны, с той, которую не затрагивает Клодель. Быть может, можно было бы устранить от «Horomedon'a» возможность его понимания, как редакционного манифеста, какой-нибудь вступительной оговоркой с моей стороны, ставящей его в непосредственную связь с «Музами»?

Впрочем в этом отношении, Сергей Константинович, я вполне признаю Вашу абсолютную власть, как и было условлено вначале. Вам одному выбор и лепка номера, особливо первого.

Теперь несколько вопросов: когда мое прибытие в Петербург было бы желательно? Мне лично было бы очень важно дольше пробыть здесь, чтобы успеть здесь еще закончить начатые работы, которые прервутся неизбежно в Петербурге.

Потом мне хотелось бы (если возможно) немного выяснить заранее мое материальное положение в Петербурге: скажите, можно ли рассчитывать на постоянное месячное вознаграждение от «Аполлона», как предполагалось весной, и в каких пределах? Это мне очень важно было бы знать теперь, чтобы решить, как устроиться там по приезде.

* Параллель, дополнение *(фр.)*

Вышел ли Манифест Аполлона?[6] Пришлите мне несколько экземпляров.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Получил письмо от Бальмонта: он высылает на днях в «Аполлон» 4 «солнечных стихотворения», отрывки из драмы Словацкого «Гелион» и небольшой очерк отвлеченного характера.[7] Он хотел это все выслать мне, но я прошу его выслать прямо Вам по адресу редакции, чтобы не было задержек.

[1] Рукопись статьи «Horomedon» Волошин выслал Маковскому, видимо, в первой половине или в середине июля 1909 г. 24 июля Маковский писал Волошину: «Прочитав Ваше прекрасное стихотворение в прозе “Horomedon”, насыщенное такою тонкой и глубокой мыслью, — насладившись его ритмом и певучим лаконизмом, я (сознаюсь Вам по совести) призадумался... Не слишком ли все это утонченно, филологично, «избранно-субъективно» — для нашего будущего читателя? Не слишком ли это недоступно comme entrée en matière <как подход к делу — *фр.*>? Не запугаем ли мы сразу нашу публику? Ведь статья Ваша по теме является как бы разъяснением редакционного “Аполлонизма”; читая ее, обыкновенный смертный, не умеющий мыслить образами, захочет найти ответ — один из ответов, одно из раскрытий того символа, который мы выставляем лозунгом журнала... И вот, вместо ответа, он окончательно перестанет *понимать* и решит, что мы пишем для “очень немногих”. Сравниваю я “Horomedon’a” хотя бы с Вашей лекцией об “Аполлоне и мыши”. В сущности — это дальнейшее развитие той же мысли, но насколько язык Ваш, способ выражаться в первом случае — доступнее, проще! <...> мы должны избегать языка авгуров, мы, инициаторы и главные работники журнала... Пожалуйста, Максимилиан Александрович, напишите мне, так же откровенно, как пишу я, Ваше мнение относительно этой моей редакторской (не личной!) точки зрения» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 396—397).

[2] См. примеч. 2 к п. 197.

[3] См. примеч. 3 к п. 197.

[4] См. примеч. 14 к п. 193. Перевод этого рассказа М. Барреса в «Аполлоне» не был опубликован. Его выполнила в Коктебеле в июле

1909 г. Е.И. Дмитриева. См.: Хроника жизни и творчества Е.И. Васильевой (Черубины де Габриак) / Сост. В.П. Купченко // *Черубина де Габриак.* Исповедь. М.: Аграф, 1998. С. 321. В набросках к воспоминаниям о Е.И. Дмитриевой Волошин передал отзыв Маковского («Баррес не интерессен», «перевод сделан небрежно») и высказал предположение, что перевод был отвергнут под влиянием Гумилева (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 476).

[5] См. примеч. 2 к п. 192.

[6] См. примеч. 11 к п. 197.

[7] Волошин почти дословно передает содержание письма К.Д. Бальмонта к нему, отправленного из Франции 15/28 июля 1909 г.; ср.: «Макс, сообщи мне, пожалуйста, как обстоят дела с “Аполлоном”? Если воистину он готовится, я по получении от тебя письма вышлю тебе 3–4 солнечных своих стихотворения, только что засветившиеся, отрывки из неоконченной драмы Словацкого “Гелион” и небольшой очерк отвлеченного характера» (*Давыдов З.Д., Купченко В.П.* Письма К.Д. Бальмонта к М.А. Волошину // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 46). «Гелион» – неоконченная и не имеющая авторского заглавия драма польского поэта и драматурга Юлиуша Словацкого (1809–1849), впервые опубликованная в 1884 г. под редакторским названием «Самуэль Зборовский» («Samuel Zborowski»). Бальмонт перевел из нее несколько сцен и опубликовал под заглавием «Гелион – Эолион», аргументировав в предисловии (датированном 31 июля 1909 г.) свое решение тем, что эта «солнечная драма, герой которой, Гелион – Эолион, есть в сущности воплощение самого Словацкого». «Издатели произвольно дали этой драме заглавие “Самуэль Зборовский”, по имени одного из ее героев», в то время как, полагает Бальмонт, Словацкий «вырабатывает целую систему миросозерцания солнечно-гармоничного, и если уж называть эту драму именем одной из нарисованных фигур, конечно, она должна именоваться “Гелион – Эолион”. Словацкий называет своего героя то одним, то другим именем, – то солнечным по преимуществу он представляет его себе, то воздушным, бурно-воздушным» (Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Кн. 11. СПб., 1909. С. 113). См. также: *Словацкий Юлий.* Три драмы: 1. Балладина. 2. Лилля Венеда. 3. Гелион – Эолион / Перевод с польского стихами К.Д. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911.

200. С.К. МАКОВСКОМУ

8 августа 1909 г. Феодосия

8 августа 1909. Феодосия.

Дорогой Сергей Константинович!

Пишу Вам второпях из Феодосии. Во-первых, отправляю Вам лавину рукописей: вчера отправил «книгу стихов» моих,[1] а сегодня посылаю посылкой

1) Перевод «Акселя».

2) Статью об «Акселе».

3) Комментарий к «Музам».

4) Перевод Баррэса.[2]

5) Стихи Бальмонта.[3]

Стихи Бальмонта получил только что – стихи великолепны, это Бальмонт самой лучшей своей эпохи.

Просьба: прочтите статью об «Акселе» раньше перевода.

Но главное и самое спешное вот что: только что я провел два дня с композитором Ребиковым (он живет в Феодосии).[4]

Из бесед с ним выяснилось, что он очень близок нам по идеям: он ведет борьбу за «Орфизм» (по его терминологии) против «Вакхизма».

Сейчас он заканчивает статью для «Золотого Руна».[5] Статью очень боевую, являющуюся выражением всех музыкальных его теорий, и по форме очень интересную: это беседа двух музыкантов в 1965 г., целая музыкальная утопия. Я эту статью очень хочу вырвать у «Золотого Руна» и достать для нас. Такая боевая статья по музыке для первого номера была бы великолепна. Я его уже почти убедил в том, что ему надо ее дать нам.

Поэтому, Сергей Константинович, если это Вам улыбается – то напишите ему, пожалуйста, сейчас же приглашение в сотрудники и просьбу о статье. (Феодосия. Дача Ребикова. Владимиру Ивановичу Ребикову).

И у нас будет статья о музыке для первого №, которая несомненно произведет громадную бурю.[6] Вы ведь знаете, какой успех музыка Ребикова имела теперь в Париже и что французская критика признала, что он имел несомненное влияние на Дебюсси.[7]

До свиданья.

Известите меня, пожалуйста, по получении моей посылки с рукописями.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 5 к п. 197.

[2] См. примеч. 14 к п. 193, примеч. 3, 2 к п. 197, примеч. 4 к п. 199.

[3] В № 1 «Аполлона» за 1909 г. были опубликованы два стихотворения К.Д. Бальмонта – «Купина» («Купина огнепалимая...») и «Последняя заря» («Я вижу свет моей зари последней...») (Отд. III. С. 5). Оба стихотворения вошли в книгу Бальмонта «Зарево зорь» (М.: Гриф, 1912).

[4] Волошин встречался с В.И. Ребиковым в Феодосии 6 августа; на следующий день он записал в подробностях беседу с ним в дневнике «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 312–315).

[5] В «Золотом Руне» статья Ребикова не появилась.

[6] 15 августа 1909 г. Маковский сообщал Волошину, что по прочтении его письма «сейчас же написал Ребикову» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 405). В первом номере «Аполлона» Ребиков не участвовал. В двух недатированных письмах к Маковскому Ребиков предлагал для помещения в «Аполлоне» «большую статью "Музыка через 50 лет" и две литературных пьесы, обе идейные»; 20 апреля 1910 г. выслал Маковскому первые главы статьи «Музыка будущего», предупредив его о том, что «вся статья около 100 страниц» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 3592). Эта статья Ребикова (написанная в форме беллетризованных диалогов, отнесенных к 1960 году) в «Аполлоне» не была напечатана, опубликована под заглавием «Через пятьдесят лет» в «Русской музыкальной газете» (1911. № 1. Стб. 6–12; № 2. Стб. 33–36; № 3. Стб. 73–76; № 6. Стб. 150–157; № 7. Стб. 185–188; № 13. Стб. 329–334; № 14. Стб. 361–365. № 17. Стб. 415–419; № 18/19. Стб. 451–454; № 22/23. Стб. 497–500; № 24/25. Стб. 531–539).

[7] Судя по дневниковой записи Волошина от 7 августа 1909 г., приводимые сведения восходят непосредственно к рассказу Ребикова о его пребывании в Париже; тогда были обнаружены параллели между музыкальными пьесами Ребикова, изданными в 1900 г., и оперой Клода Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда» (1902).. См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 313–314.

201. Н.В. ДРИЗЕНУ

14 августа 1909 г. Коктебель[1]

Коктебель 14 августа 1909.

Многоуважаемый Барон!

Спешу поблагодарить Вас за любезное Ваше предложение принять участие в «Ежегоднике»[2] и выразить свое сочувствие этому Вашему предприятию, о котором я уже много слыхал, и готовность для него работать. Тема о французском театре мне очень близка.[3]

Но я думаю, что писать о теоретических вопросах французского театра вообще не представляло бы большого интереса, т<ак> к<ак> они слишком отличаются от тех, которые стоят в настоящее время перед русской сценой. Но если подымать эти вопросы по поводу постановок Михайловского театра,[4] то, думаю, этому можно было бы придать не малое значение и интерес.

Если бы Вы мне предложили общие ежемесячные отчеты, ведомые в этом духе, об Михайловском театре, я бы принял его с большим удовольствием.

Я надеюсь быть в Петербурге в середине сентября[5] и тогда сейчас же поспешу Вас увидеть, чтобы переговорить об этом деле, которое очень интересует меня.

Готовый к услугам

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Н.В. Дризена от 31 июля 1909 г., в котором он предлагал Волошину стать сотрудником «Ежегодника Императорских Театров» и излагал программу этого издания: «Узнав Ваш дачный адрес от С.К. Маковского, спешу исправить ошибку, невольно сделанную мною при встрече с Вами у А.Я. Головина, а именно: прошу Вас быть сотрудником “Ежегодника”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 1). В письме Дризена, возможно, речь идет о встрече в мастерской художника А.Я. Головина, на хорах Мариинского театра 16 марта 1909 г., о которой Волошин оставил запись в дневнике «История моей души» (Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 302–303).

[2] «Ежегодник Императорских Театров» – периодическое издание, выпускалось Дирекцией императорских театров в Петербурге с 1892 по 1915 гг.

[3] Волошин испытывал особый интерес к французскому театру и посвятил ему большое количество статей. Не случайно С.К. Маковский первоначально планировал поручить Волошину вести в журнале «Аполлон» театральную проблематику. См. примеч. 7 к п. 188.

[4] Императорский Михайловский театр.

[5] Волошин прибыл в Петербург 5 сентября 1909 г.

202. С.К. МАКОВСКОМУ

Между 10 и 15 августа 1909 г. Коктебель

Дорогой Сергей Константинович!

Посылаю Вам несколько новых стишков. Получили ли Вы груды моих рукописей?[1]

Очень жду известия об этом, а также и о крайнем сроке, когда присутствие мое в Петербурге будет необходимо. Я теперь в полном разгаре работы.

Очень жду обещанных денег.[2] Мне необходимо не меньше 200 руб. Пожалуйста, пришлите мне как только возможно скорей.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

P.S. Только что, в одном письме (не мне адресованном) Н.С. Гумилев сообщает, что он приглашен вести «ежемесячную хронику стихов» в «Аполлоне».[3] Так ли это, Сергей Константинович? Так как весною Вы предназначали мне одно время общее заведыванье литературной критикой, то позвольте мне протестовать против этого выбора. Я ценю Гумилева как поэта, обладающего законченностью форм и совершенством рифмы, но считаю его вне этих пределов, ограниченных академической брюсовской поэтикой, très peu capable.* У него совершенно нет ни широкого понимания *идей* (он чувствителен только к формам и совершенно не чувствует мысли), ни

* Мало способным *(фр.)*.

достаточной широты, углубленной историческим знанием литературы, чтобы судить минутные проявления современности. Поэтому я боюсь, что он может внести в стихотворную критику ту нетерпимую и доктринерскую сухость, которая отличает стихотворную критику «Весов». А ведь нам необходимо как раз противуположное: нам надо не отметать, а собирать ценное и настоящее, где бы оно ни встретилось. Нам не надо боевой критики отрицания и <надо> критику *понимания*. Круг же понимания Гумилева в области поэзии кажется мне ограниченным только известными проявлениями. Я бы решился ему дать на критику только очень немногих поэтов, которых он любит, но ни в каком случае не тех, которые пишут в ином стиле, чем он. Хроника стихов такой важный и ответственный отдел, что это известие очень меня встревожило. Я думаю, что ее сможет взять на себя только кто-нибудь из нас трех: Вы, Анненский или я. Скорее всего, быть может, Ин<нокентий> Феод<орович>, который один сумеет найти надлежащий для оценки тон.[4]

М. В.

[1] См. п. 200.

[2] 13 июня 1909 г. Маковский писал Волошину: «Вашей просьбе о субсидии я уже внял, но, к сожалению, сию минуту не могу исполнить ее целиком: выслал Вам только 100 рублей, – при малейшем приливе денег вышлю и остальные» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 393).

[3] Это несохранившееся письмо Гумилева было адресовано, скорее всего, Е.И. Дмитриевой или А.Н. Толстому. В Петербург Гумилев прибыл 4 августа и на следующий день присутствовал на втором организационном собрании в редакции «Аполлона» (см.: *Степанов Е.* Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Николай. Соч.: В 3 т. М.: Худож. литература, 1991. Т. 3. С. 361; *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. С. 157). С первого номера «Аполлона» Гумилев стал вести в журнале раздел «Письма о русской поэзии», содержавший критические обзоры новейших книг стихов и поэтических сборников (в этом разделе выступали с рецензиями и другие авторы). Всего под рубрикой «Письма о русской поэзии» в «Аполлоне» было опубликовано 26 корреспонденций Гумилева, последняя – в № 1 за 1916 г.

[4] Как свидетельствует Маковский в мемуарном очерке «Николай Гумилев по личным воспоминаниям», с аналогичными возражениями относительно кандидатуры Гумилева выступал Вяч. Иванов: «Всем нам <...> самоуверенное тщеславие Гумилева только помогало в общем сотрудничестве. Себя в большинстве случаев он “плохо слышал”, но других умел ценить и наставлять с удивительно тонким беспристрастием. Я понял это, и меня не смущало ироническое отношение к нему аполлоновцев. Не удалось и Вячеславу Иванову <...> убедить меня не поручать ему в “Аполлоне” “Писем о русской поэзии”. Будущее доказало мою правоту» (Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М.: Вся Москва, 1990. С. 81). В другом мемуарном очерке о Гумилеве Маковский приводит дословно контраргументы Иванова: «Ведь он глуп, – говорил Вячеслав Иванов, – да и плохо образован, даже университета окончить не мог, языков не знает, мало начитан...» (*Маковский Сергей.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1962. С. 200).

203. С.К. МАКОВСКОМУ

15 августа 1909 г. Коктебель

15 авгус<та>.

Дорогой Сергей Константинович!

Получил только что Ваше письмо от 8 авг<уста>. Очень меня огорчает судьба «Horomedon’a».[1] С Вашим замечанием относительно трудности стиля я согласен вполне, но не могу согласиться с Ан<ненским> и Вол<ынским>. Я, разумеется, не будучи филологом, вовсе и не претендую на сериозную эрудицию и на филологические исследования. В мифологии я ищу идейных символов и комбинирую их согласно тому, как это *мне* кажется удобным. Поэтому вопрос о верности филологических построений относится только к основному имени Horomedon. Такой эпитет Аполлона существует; он был ему присвоен в Тэносе. И кроме того у Аполлона были эпитеты ὡριτης (бог часов) и νεομήνίος (обновитель месяцев). Все это можно отыскать у Рёшера.[2] Эти свойства Аполлона находятся, конечно, в противоречии с Отфрид-Мюллеровской теорией.[3] Но ведь <я> не вхожу в филологические споры. Я только пользуюсь материалом. А в первых строках «Horomedon’a» я

даже даю мост между Аполлоном божеств<ом> моральным и Ап<оллоном> божеств<ом> – солнечным.

Но все эти чисто филологические разногласия кажутся мне совершенно несущественными. Я видел свою (и нашу) задачу не в том, чтобы исследовать древние культы Аполлона, а в том, чтобы создать новый – наш культ Аполлона, взявши семенами все символы, которые мы можем найти в древности. И для нас они, конечно, получат новое содержание. Соединение идей Аполлона Мойрагета[4] с идеей Апол<лона> – вождя времени я, конечно, не считаю античной. Но для современной мысли, полагаю, это сопоставление может сказать много.

Что же касается перевода «Муз», то я могу за него постоять.[5] Я работал над ним почти два месяца и для каждого слова могу привести его мотивы. Неточности (бессознательные) могут быть лишь в 3–4 местах, где и для меня текст Клоделя оставался темен. Что же касается тяжести, то я думаю, что тут лишь какое-нибудь недоразумение в ритме чтения. Его надо читать громко, декламируя, и я старался в нем передать именно музыкальную меру подлинника. Вот Вы увидите сами, когда я прочту его Вам вслух.

Но во всяком случае я без протестов подчинюсь общему приговору, каков бы он ни был.

Теперь следующее недоразумение. Вы не поняли меня, Сергей Константинович, мои слова о «жаловании» вовсе не были требованием, а лишь вопросом, вызванным желанием быть осведомленным о том, на какие средства могу я рассчитывать, устраивая свою жизнь в Петербурге,[6] потому что, не буду скрывать от Вас, у меня в течение этого года не будет ни копейки вне того, что я получу от литературы. Это очень нехорошо во всех отношениях, но дела сложились так. Отсюда мои вопросы. Поэтому поймите их и не ищите в них интонации просьбы или требования.

Что же касается моего приезда, то я сегодня же по получении Вашего письма решил выехать первого сентября. Раньше не могу никак, потому что именно эти две недели необходимы мне, чтобы успеть закончить перевод книги Ренье «La Canne de Jaspe» для «Шиповника».[7] В Петербурге эта работа

станет невозможна. Благодарю Вас за высылку 200 р., которые еще не пришли. Без них мне отсюда не выбраться.

Чувствую, что мое личное присутствие необходимо.

Пока до свиданья.

Ваш Максимилиан Волошин.

[1] В упомянутом письме Маковский извещал Волошина: «Вашу статью (“Horomedon”) я передал Анненскому и затем Волынскому. Таков, если помните, был уговор между нами четырьмя. И вот оба нашли, что статью в том виде, как она написана, печатать нельзя. Анненский первый заявил, что такого Аполлона «вождя часов» Horomedon'а – вовсе никогда не бывало и что потому филологически Ваша идея несостоятельна. Волынский – тоже. Я же лично протестовал исключительно против *стиля* (из боязни сразу запугать нашу публику). Вы придаете этой статье большое значение... Если бы Вы были здесь, Вы, конечно, сумели бы ее защитить, но что прикажете *мне* делать?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 401).

Не принятую редакцией «Аполлона» статью «Horomedon» Волошин передал в «Золотое Руно», где она и была опубликована (1909. № 11/12. С. 55–60; номер журнала вышел в свет с опозданием, в марте 1910 г.). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 297–305, 716–724 (комментарии Н.В. Лощинской).

[2] Имеется в виду, вероятно, «Подробный лексикон греческой и римской мифологии» в 6 томах («Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie». Leipzig, 1884–1890), изданный под редакцией немецкого филолога и археолога Вильгельма Генриха Рошера (Rocher; 1845–1923). Волошин мог также пользоваться «Исследованиями по сравнительной мифологии греков и римлян» (т. 1, «Аполлон и Марс») того же автора («Studien zur vergleichenden Mythologie der Griechen und Römer. Bd. 1. Apollon und Mars». Leipzig, 1873).

[3] Подразумевается теория локализма мифов (согласно которой происхождение мифов приписывается отдельным местностям), обоснованная немецким филологом, археологом, историком античности, представителем мифологической школы Карлом Отфридом Мюллером (1797–1840) в его книге «Пролегомены к научной мифологии» («Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie», 1825).

[4] Мойрагет – водитель судьбы (мойры – в греческой мифологии богини судьбы).

[5] В цитированном письме от 8 августа Маковский сообщал Волошину: «Другая беда. Тот же Анненский находит Ваш перевод

"Муз" (он подробно сличал его с подлинником) слишком неточным и тяжелым. Я попросил его лично написать Вам <...>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 401). В письме к Маковскому от 30 июля 1909 г. Анненский представил список неточных или ошибочных, по его мнению, фрагментов в волошинском переводе «Муз» Клоделя (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. СПб., 2009. С. 347–348).

[6] 8 августа Маковский писал Волошину: «Вы спрашиваете о жаловании от "Аполлона". Но будьте чуточку справедливы! В течение всего лета я один исполнял *все* обязанности по редакции, и в будущем, конечно, не меньше работы. Однако, *пока* я не считаю себя вправе назначить себе гонорар. Все будет зависеть от того, *как* пойдет дело и как распределится труд. <...> Ровно через неделю я буду в состоянии выслать Вам еще 200 рублей – когда получу первые оборотные средства» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 401).

[7] В петербургском издательстве «Шиповник» книга А. де Ренье «Яшмовая трость» («La canne de jaspe»; см. примеч. 7 к п. 197) в переводе Волошина не была издана; опубликован только переведенный им входящий в нее цикл рассказов «Маркиз д'Амеркёр». В полном объеме сборник «Яшмовая трость» Волошин, по всей вероятности, не перевел. В его архиве сохранилась лишь рукопись выполненного менее чем наполовину перевода еще одной новеллы Ренье из этого сборника (цикл «Черный трилистник») – «Гермократ, или Рассказ о его похоронах» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 432).

204. И.Ф. АННЕНСКОМУ

18 августа 1909 г. Коктебель

Коктебель 18 августа 1909.

Дорогой Иннокентий Феодорович!

Не могу передать, как меня порадовало Ваше письмо.[1] Когда Сергей Константинович несколько дней назад мне написал, что Вам не понравил<ись> ни мой перевод, ни моя статья,[2] это меня страшно огорчило и расстроило. Но всякое мнение, когда его слышишь непосредственно из уст того, кто его высказывает (а не слышишь через третье лицо), имеет силу крепительную и бодрящую.

Относительно «Муз».[3] Я работал очень много над этим переводом, но работал в полном уединении, т<ак> к<ак> вокруг меня не было никого, кто бы не только интересовался Клоделем, как поэтом, но даже никого, кто увлекся бы мощной реторикой именно этой вещи, хотя бы в моем переводе. Увы! Молодые поэты – (Толстой и Гумилев) так чужды поэзии идей и пафоса мысли. При такой уединенности моей работы, не находившей опоры ни в чьем понимании, ни критики, я, разумеется, мог впасть в большие ошибки. И я буду Вам благодарен, Иннокентий Феодорович, за Вашу критику и за все указания недочетов и вновь переработаю весь этот перевод целиком, т<ак> к<ак> *хочу*, чтобы он был совершенным.[4]

Я выеду в Петербург 1 сентяб<ря> (следов<ательно>, буду 5 с<ентября>). И время до октября еще будет.

Кроме того, я постараюсь оправдаться во многих *сознательных* отступлениях, сделанных на основании всего моего понимания творчества Клоделя.

Что же касается «Horomedon».[5] То такой эпитет Аполлона существует, Иннокентий Феодорович. Мне помнится, что я видел его у Рошера.[6] Но сейчас у меня Рошера нет под руками. Но вот «La Grande Encyclopédie» в огромной статье «Apollon», подписанной инициалами «А. – М.В.», в списках эпитетов Аполлона, разделенных по его функциям, в числе эпитетов А<поллона> как божества «солнечного» есть эпитеты и ῶρίτης и νεομήνιος и рядом Heoos и Enauros – «Horomédon» (на Тэносе). (Vol. 3, p. 357).[7]

Там же, при перечислении эпитетов Аполлона как божества морального, я нахожу «Μοίραγέτης».[8] Статья моя была задумана гораздо раньше, как опыт классификации искусств, согласно иллюзиям настоящего, прошлого и будущего. Но когда я начал обрабатывать ее, то мне пришла в голову эта связь одного из наименее определимых ликов Аполлона – вождя времени с парками, которые тоже так странно повторяют идею прошлого, настоящего и будущего. И мне захотелось связать эти (безусловно, не научные) анало<гии>*

* *Лист с окончанием текста утрачен.*

[1] Имеется в виду письмо Анненского к Волошину от 13 августа 1909 г. (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. СПб., 1909. С. 351–352).

[2] См. п. 203, примеч. 1, 5.

[3] Отклик на суждения Анненского в упомянутом письме: «Маковский показывал мне Клоделевских “Муз” в Вашем переводе, и я просидел за ними часа четыре... Ну, уж и работа была. Но отчего, скажите, Вы послали брульён? Нет ли тут просто недоразумения? Я сверил половину с текстом... Нет, Вы должны переработать это. Этого требуют музы прежде всего. А потом и имена: и Ваше и Клоделевское. Чертовски трудно, конечно, но если не Вы, то кто же будет русским переводчиком Поля Клодель?»

[4] Некоторые из отмеченных Анненским погрешностей Волошин устранил при публикации перевода «Муз». См. комментарии А.В. Лаврова и Р.Д. Тименчика в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 236, – а также комментарии А.И. Червякова в кн.: *Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. С. 357.

[5] Отклик на слова Анненского в цитированном письме: «“Горомедон” меня тоже не вполне удовлетворил, и, прежде всего, откуда Вы взяли это слово – его нет ни в одной специальной энциклопедии, ни в одном словаре, ни в глоссарии, ни в регистрах...»

[6] См. п. 203, примеч. 2.

[7] См. примеч. 5 к п. 190.

[8] См. п. 203, примеч. 4.

205. С.К. МАКОВСКОМУ

27 августа 1909 г. Феодосия

Дорогой Сергей Константинович!

Благодарю за деньги – получил сегодня. Спасибо за письмо.[1] Выезжаю через 5 дней – 1 сентября, значит буду 5<-го> в Петербурге. Поэтому не пишу ничего.

Приеду с новым циклом стихов («Венок сонетов»)[2] –

До свидания. Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

27 ав<густа> четв<ерг>. Феодосия.

[1] Имеется в виду письмо Маковского от 20 августа 1909 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 406–407).

[2] Венок сонетов «Corona Astralis»; Волошин написал его в августе 1909 г. 29 сентября 1909 г. Е.И. Дмитриева сообщала А.М. Петровой из Петербурга: «"Венок" Макса производит огромное впечатление, Вячеслав (Иванов. – *Ред.*) очень волновался, узнав, что М<акс> написал его в 6 дней, а он свой в ½ года. Вячеславу "Венок" очень понравился» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М.: Издат. дом «Коктебель», 2009. С. 45). Венок сонетов впервые опубликован как заключительный раздел книги Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910. С. 113–124). Первоначально предполагалось напечатать его в «Аполлоне», однако публикация была отложена Маковским из-за данного Вяч. Иванову обещания напечатать ранее его «Венок сонетов», законченный к весне 1909 г. 6 сентября 1909 г. Иванов записал в дневнике: «Был у больного Маковского. Он <...> рассказывал о том, что явился Макс с "Венком Сонетов". Иронически я сказал, что рассчитываю на деликатность Макса и счел бы опубликование "Венка" раньше моего не вполне корректным» (*Иванов Вячеслав.* Собр. соч. Т. II. Брюссель, 1974. С. 802–803).

206. И.Ф. АННЕНСКОМУ

5 сентября 1909 г. Петербург[1]

Сегодня приехал воскресенье[2] буду у Вас в два Волошин.

[1] Телеграмма; отправлена из Петербурга (Волошин поселился на Ординарной ул., д. 18, кв. 2) в Царское Село.

[2] Воскресенье – 6 сентября.

207. Н.В. ДРИЗЕНУ

Между 27 и 30 сентября 1909 г. Петербург[1]

Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Я готов начать свои посещения Михайловского театра, чем скорее, тем лучше. К сожалению, у меня в настоящую ми-

нуту нет под руками репертуара, так что я не могу назначить дня. Но не все ли равно? Я буду там в любой вечер, когда Вы назначите.

Я должен очень извиниться перед Вами, Николай Васильевич, что я до сих пор не исполнил Вашего поручения относительно Вячеслава Иванова[2] – не по забывчивости: я был так занят эти дни спешными приготовлениями материала для № 1 «Аполлона», что ви<дел> В. И. только раз[3] и при таких обстоятельствах, что невозможно было улучить минуты для разговора.

Я увижу его сегодня или завтра вечером и тогда немедленно напишу Вам о результате разговора.

Простите, если моей задержкой я доставил Вам какое-нибудь неудобство.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с письмами Н.В. Дризена от 27 сентября и 30 сентября 1909 г. На автографе письма Волошина в левом верхнем углу рукой Н.В. Дризена сделана помета: «Отв. 30/IX 909».

[2] В письме от 27 сентября 1909 г. Дризен спрашивал Волошина: «Какой ответ от Вячеслава Иванова о фельетоне “Орфей”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 3).

[3] Вероятно, речь идет о посещении «башни» 12 сентября 1909 г. (см.: Труды и дни. С. 228).

208. Г.К. ЛУКОМСКОМУ

2 октября 1909 г. Петербург

Пятница 2 окт<ября> 1909.
Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Георгий Кресцентович!

Предисловие к Вашему каталогу готово.[1]

Я не смогу зайти в редакцию раньше чем в понедельник. Если Вам удобно, то зайдите лучше ко мне часа в четыре завтра – в субботу. Я прочту Вам мою страницу и Вы мне укажите, что было бы для Вас желательно добавить.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду каталог выставки работ Г.К. Лукомского (акварели, гуаши и рисунки на архитектурные темы), которая была открыта в помещении редакции журнала «Аполлон» одновременно с выходом в свет (24 октября 1909 г.) первого номера журнала. «Предисловие» Волошина нашло отражение в его хроникальной заметке «Первая выставка в редакции “Аполлона”» (Аполлон. 1909. № 2, ноябрь. Отд. II. С. 13; Т. 5 наст. изд. С. 278–279).

209. Н.В. ДРИЗЕНУ

4 октября 1909 г. Петербург[1]

Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Благодарю Вас за карточку, полученную мною сегодня. Вчера я, наконец, смог подробно переговорить с Вячесл<авом> Ивановым. Он высказал свою полную готовность написать статью об «Эринниях»,[2] останавливаясь главным образом на мифолог<ическом> понятии Эрриний и сводя их к Эсхилу[3] и Л<еконту> де Лилю. У него есть некоторые вопросы, о которых он хотел бы переговорить с Вами. Напр<имер>, величина статьи, он предполагает ее в размерах немного меньше печатного листа. Затем он хотел бы посмотреть постановку «Эрриний» и обратиться к Вам за содействием, т<ак> к<ак>, кажется, достать билет весьма трудно.

Он осведомился у меня тоже о гонорарных условиях, о чем я ничего не мог сообщить ему, т<ак> к<ак> сам позабыл спросить Вас об этом.

Адрес его Вы верно помните: Таврическая, 25.

Еще раз извиняюсь перед Вами за эту невольную задержку.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с событиями 3 октября 1909 г., когда Волошин, встретившись с Вяч. И. Ивановым в редакции журнала «Аполлон», выполнил поручение Н.В. Дризена и переговорил с ним о статье для «Ежегодника Императорских Театров» (см.: Труды и дни. С. 229). На автографе рукой Н.В. Дризена в верхнем левом углу сделана помета: «Отв. В.И. Иванову 4 / X 909».

[2] Первоначально Дризен, как следует из его письма Волошину от 27 сентября 1909 г., заказывал Вяч. Иванову фельетон об «Орфее», возможно, имея в виду готовившийся с 1908 г. В.Э. Мейерхольдом, А.Я. Головиным, М.М. Фокиным на сцене Мариинского театра спектакль «Орфей и Евридика». Более подробно об этом спектакле см.: *Хмелева Надежда.* Райское виденье // Наше наследие. 2003. № 66. Относительно статьи о трагедии Ш. Леконта де Лиля «Эринии» («Les Erinnyes», 1873; рус. перевод О.Н. Чюминой – 1908), в связи с постановкой на сцене Михайловского театра, еще в августе 1909 г. Дризен договорился с И.Ф. Анненским, который 23 августа 1909 г. писал: «Я с удовольствием напишу для редактируемого Вами “Ежегодника императорских театров” статью о пьесе, в которой в свое время я пережил каждый штрих» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. / Сост. и коммент. А.И. Червякова. СПб.: Издательский дом «Галина скрипсит», 2009. С. 360). Статья Анненского «Леконт де Лиль и его “Эринии”» была опубликована в «Ежегоднике Императорских Театров» (1909. Вып. V. С. 57–93). Премьера «Эринний» состоялась 25 сентября 1909 г., 4 октября 1909 г. Дризен написал Вяч. Иванову: «М.А. Волошин сообщил мне о Вашей любезной готовности написать для “Е<жегодника> и<мператорских> т<еатров>” статью об античной драме в связи с текущими постановками “Ифигении” и “Эринний” в Михайловском т<еатре> <...> специально о Леконт де Лиле и его “Эр<инниях>” написал статью И.Ф. Анненский. Чтобы не встретиться с ним на одной теме, хотя, вероятно, разно трактованной, я просил бы Вас сказать вообще что-либо о античной драме» (РГБ, ф. 109, карт. 18, ед. хр. 21). Вяч. Иванов в письме к Дризену от 24 ноября 1909 г. выразил согласие «представить желательную <...> статью о греческой трагедии в связи с “Эринниями” в Ежегодник» (РНБ, ф. 263, ед. хр. 159), но замысел этот остался нереализованным.

[3] Имеется в виду заключительная часть трилогии Эсхила «Орестея» – трагедия «Эвмениды».

210. И.Ф. АННЕНСКОМУ

2 ноября 1909 г. Петербург[1]

Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Иннокентий Феодорович!

Только что получил от «Грифа» письмо: «Буду рад, если устроите, чтобы Анненский обратился ко мне. Напишите об этом».

Потом еще спрашивает: «Она не очень огромна, его книга? Огромная не пойдет. Убедился на опыте».[2]

Как Вы теперь предпочитаете, Иннокентий Феодорович: хотите, чтобы я написал ему еще или сами напишете? Было бы более удобно намекнуть ему, чтобы он Вам сам написал...[3]

Что касается величины книги, то я думаю, что можно сделать ее убористее и меньше форматом. Так я делаю со своей книгой.[4] Она ведь велика тоже. Она будет в размере «Урны».[5]

Условимтесь в среду.[6]

Адрес Грифа: Москва. Тверская. Благовещенский пер., д<ом> Синицына, кв. 22.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с цитируемым письмом С.А. Соколова.

[2] Гриф – С.А. Соколов, руководитель одноименного московского издательства. Цитируется с неточностями его письмо к Волошину от 1 ноября 1909 г., в котором также говорится: «Издать книгу Анненского согласен с удовольствием. <...> Я его очень ценю» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126). С предложением издать в «Грифе» книгу стихов Анненского Волошин обратился к Соколову, видимо, в неизвестном нам письме.

[3] Анненский отвечал Волошину 4 ноября: «Благодарю Вас за Ваши любезные хлопоты о “Кипарисовом ларце”. Так как я раз уже предлагал Грифу свою книгу, то, мне кажется, было бы целесообразнее предложить ее вторично лишь в крайнем случае, т.е. если бы Соколов не захотел сделать первого шага. И потому Вы бы меня очень обязали, написав ему еще раз, чтобы шаг был сделан с его стороны. Если же он затруднится это сделать, то я сделаю это, конечно, сам; напишу, что слышал от Вас, что Гриф не прочь издать мою книгу» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. СПб., 2009. С. 411. Ранее Анненский обращался к С.А. Соколову с аналогичным предложением в январе 1907 г.; см.: Там же. С. 108–110).

[4] Имеется в виду готовившаяся к печати в издательстве «Гриф» книга Волошина «Стихотворения. 1900–1910». См. примеч. 5 к п. 197.

[5] «Урна. Стихотворения» – книга Андрея Белого (М.: Гриф, 1909).

[6] Среда – 4 ноября. Подразумевается назначенное на этот день заседание редакции «Аполлона», на котором Анненский не смог присутствовать по болезни.

211. И.Ф. АННЕНСКОМУ

6 ноября 1909 г. Петербург

Многоуважаемый Иннокентий Феодорович!

Как раз сегодня, за несколько часов до получения Вашего письма,[1] я получил письмо от Грифа по поводу моей книги (она выйдет к Рождеству) с припиской «Анненскому завтра напишу».[2] Так что, вероятно, Вы получите его письмо одновременно с этим.[3] Но, пожалуйста, известите меня об этом, т<ак> к<ак> если он почему-либо заленится писать (это так часто бывает у русских издателей), то я ему еще раз напомню.

Я только что вернулся с великой при в редакции «Аполлона», о которой Вы верно знаете даже подробнее меня от Валентина Иннокентьевича,[4] т<ак> к<ак> опоздал к началу. Статья Ваша многих заставила сердиться. Это безусловный успех.[5] «Венок» прошлый раз не обсуждался. Ввиду Вашего отсутствия я настоял, чтобы обсуждение было отложено до следующего раза.[6] Боюсь только, что и в следующую среду[7] Вы еще не начнете выходить. А откладывать в третий раз невозможно. До свиданья. Если позволите, я бы навестил Вас в течение наступающей недели, известив предварительно о дне.

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо от 4 ноября 1909 г. (см. примеч. 2 к п. 210).

[2] См. примеч. 5 к п. 196. Упоминается письмо С.А. Соколова (Грифа) от 4 ноября 1909 г. с сообщением: «Днем уже сдал книгу в набор» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1126).

[3] Письмо Соколова к Анненскому датировано 5 ноября 1909 г.: «Мне пришлось узнать, что издательство при журнале “Аполлон” откладывается и таким образом оказывается свободной Ваша книга стихов “Кипарисовый ларец”. Поэтому я позволю себе предложить Вам издать эту книгу в “Грифе”. <...> Если Вы в принципе согласны, не откажите сообщить предполагаемый размер книги. <...> Книгу мог бы выпустить в начале февраля» (*Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. СПб., 1909. С. 414–415). «Кипарисовый ларец. Вторая книга стихов (посмертная)» Анненского (М., 1910) вышла в свет в издательстве «Гриф» в апреле 1910 г.

[4] В. Кривич.

[5] Имеется в виду статья Анненского «О современном лиризме», начатая печатанием в первом, октябрьском, номере «Аполлона» (Отд. I. С. 12–42). На редакционном собрании «Аполлона» 6 ноября предметом обсуждения был первый номер журнала (Повестка: РГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 6, л. 65). М. Кузмин записал в этот день: «На заседании Волынский ругался последними словами, Маковский защищался, я тоже выскакивал, и Гумилев, как аполлоновские клевреты» (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. С. 182).

[6] На заседании редакции «Аполлона» 4 ноября предполагалось обсудить венок сонетов Волошина «Corona Astralis» (см. примеч. 2 к п. 205; пригласительная повестка в архиве Анненского: РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 393, л. 5). Вероятно, именно этот эпизод подразумевается в «сатире» В. Хлебникова «Карамора № 2-ой»: «Из текста помещичьего изваянный Зевес / Не хочет свой “венок” вытаскивать из-за молчания завес» (*Хлебников Велимир.* Собр. соч.: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2002. Т. 3. С. 33).

[7] 11 ноября.

212. И.Ф. АННЕНСКОМУ

19 ноября 1909 г. Петербург[1]

Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Иннокентий Феод<о>рович!

Простите, что не могу быть у Вас, как было условлено, в субботу.[2]

Сговоримтесь в другой раз, если Вы захотите меня видеть.

Максимилиан Волошин.

Четв<ерг>.

[1] Открытка; отправлена через день после написания (почтовые штемпели: Петербург. 21.11.09; Царское Село. 21.11.09).

[2] Суббота – 21 ноября. Утром следующего дня, 22 ноября, состоялась дуэль между Волошиным и Н.С. Гумилевым. Анненский был вечером 19 ноября на собрании «аполлоновцев» в мастерской А.Я. Головина, когда Волошин нанес Гумилеву оскорбление (дал пощечину) и получил от него вызов на дуэль. В рассказе Волошина об

Анненском, записанном 27 марта 1924 г. Л.В. Горнунгом и Д.С. Усовым, отмечается: «Мне хорошо запомнилась фигура Иннокентия Федоровича, присутствовавшего при этом, и фраза, которую он произнес: “Да, я убедился в том, что Достоевский прав: звук пощечины, действительно, мокрый”. Это была последняя фраза, которую я от него слышал» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 450. Подразумевается эпизод из романа «Бесы» (ч. 1, гл. 5, VIII) – оскорбление, нанесенное Шатовым Ставрогину; см.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. С. 166). Описывая это событие, М. Кузмин отмечает: «Все потрясены, особенно Анненский» (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915. С. 187). См. об инциденте и дуэли в записях воспоминаний Волошина о Черубине де Габриак (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 469–471, 654–656), а также в ряде документальных и мемуарных источников, суммированных в статье В.П. Купченко «История одной дуэли» (Ленинградская панорама. <Вып. 2>. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 388–400) и в кн.: *Кобринский Александр.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 89–158; *Лукницкий П.Н.* Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. С. 196–204 (подгот. текста и коммент. Т.М. Вахитовой).

213. А.М. ПЕТРОВОЙ

21 ноября 1909 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Вчера я послал в уплату и в погашенье 10 р<ублей>. У меня действительно не было ничего до этого дня. Как мне благодарить Вас за Вашу внимательность?[2] Я сегодня же перевожу Вам 6 рублей. Простите, что сейчас не могу написать ничего о себе – надо мне очень большое письмо писать Вам. Я напишу через несколько дней. Мои стихи выходят к Рождеству в «Грифе». Вчера уже получил корректуры.[3] Сию минуту все обстоятельства нашей общей жизни осложнились, но на этих дня<х> жду благодетельного кризиса и тогда напишу во всех подробностях ретроспективно.[4] Лиля[5] пишет гениальные стихи. Аморя ее страшно любит. До свиданья, милая, заботливая, больная Александ<ра> Мих<айловна>.[6] Целую Конст<антина> Федор<овича>.[7] Я ничего, ничего ему не

написал. Мне стыдно. На будущей неделе буду платить свои письмен<ные> долги.

Макс. Волошин.

СПБ. Ординарная 18, кв. 2.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Петербург. 21.11.09. Получено в Феодосии 24 ноября.

[2] 12 ноября А.М. Петрова выслала Волошину повестку Ссудо-сберегательного Товарищества с напоминанием о необходимости уплаты процентов и погашения займа. 16 ноября 1909 г. она писала: «Дитятко мое, хорошее! Простите! Болезнь до того мне головку "заморочила", что я совсем из виду упустила, посылая Вам повестку <...>, что Вам, может быть, трудно теперь, а вовсе Вы не забыли о сроках. Опомнилась я вчера и сегодня внесла за Вас 5 руб. погашения и 95 коп. процентов, т.е. месячный и требуемый взнос, сроком по 4 декабря этого года» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 31).

[3] См. п. 197, примеч. 5. В письме от 12 ноября 1909 г. А.М. Петрова, критикуя вышедший первый номер журнала «Аполлон» за отсутствие вкуса, спрашивала: «Почему Ваши стихи не издадут?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 30). А в письме от 16 ноября она отмечала: «Но ведь из письма Ел<изаветы> Ив<ановны> я знаю, что издание Ваших стихотворений опять отложено <...>» (Там же, л. 31об.).

[4] Речь идет о событиях, связанных с дуэлью между Волошиным и Н.С. Гумилевым. См. примеч. 2 к п. 212.

[5] Е.И. Дмитриева.

[6] В письме от 12 ноября Петрова сообщала о своей болезни, связанной с хроническим заболеванием сердца («слабости сердца»), а в письме от 16 ноября – о приступе ишиаса (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 30 об., 31 об.).

[7] К.Ф. Богаевский.

214. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 ноября 1909 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Только теперь могу, наконец, писать Вам. Вы уже осведомлены, вероятно, из газет о моей дуэли с Гумилевым, которая кончилась благополучно, несмотря на тяжелые условия.

Он промахнулся. У меня была дважды осечка. Надо ли говорить, что я целил в воздух. Вызвана эта дуэль была тем, что я дал ему несколько дней назад пощечину за то, что он стал распускать слухи, оскорбительные для чести Лили, получив пред этим в четвертый раз отказ на свое предложение. Это все результат (психологический) всей запутанной, сложной и тяжелой зимы этого года.[2]

Вы, конечно, догадались, Александра Михайловна, что Черубина де Габриак, чьи стихотворения помещены во втором номере «Аполлона», – Лиля.[3] Хотя в тесном литературном круге этот псевдоним уже стал секретом полишинеля, но он должен остаться тайной для публики.[4] Эти стихи производят сейчас в Петербурге громадную сенсацию, им подражают, их знают наизусть. О Черубине создана легенда, и она существует уже как совершенно самостоятельная личность. Теперь Лиля уже сможет сама создать свою поэтическую индивидуальность, которая гораздо крупнее и глубже. Но Черубина тот ключ, которым я попытался открыть глубоко замкнутые родники ее творчества.[5]

Вот внешние факты, о внутреннем значении которых Вы, верно, сами догадывались, милая Александра Михайловна.

Теперь события, не вынесенные на поверхность жизни. Все, что касается Амори, – все радостно. Когда я сказал ей о любви моей к Лиле, она сразу почувствовала себя освобожденной. (То, что Вы говорили и советовали мне летом).

И после этого многое из старой дружбы, старой связи воскресло. Она очень дружна с Лилей, и здесь все радостно.

Но есть другая сторона, очень горькая и трудная. У Лили есть жених, которому она обещала стать его женой три года назад.[6] Это юноша бесконечной доброты и самоотвержения, который бесконечно любит ее. Но кроме сердца у него нет ничего – ни ума, ни лица. Он знает все. Он любит меня. Во всех его отношениях ко мне я узнаю свои отношения к Вячеславу[7] три года назад. Я перешел через ряд тех же самых ступеней, тех же самых положений, в которых Вячеслав был по отношению ко мне. Вы можете представить себе, с какой осторожностью

и с каким ужасом временами, когда слышал свои старые слова и угадывал свои движения души и свою борьбу. Вот что остается совершенно неразрешимым еще. Между нами, т.е. мною и Всеволодом Николаевичем (так зовут его), это разрешимо и теперь даже легко. Но это все совсем неразрешимо в душе Лили и рождает в ней смертельную тоску и жажду безумия и забвения во внешней жизни.

Вот схема того, что есть. Но как это ни сложно, ни запутано сейчас, у меня есть какая-то глубокая вера в то, что все будет хорошо для Лили, и большая радость.

Посылаю Вам пока это *краткое* письмецо. Мы все беспокоимся о Вашем здоровье.[8] Привет милому Констан<тину> Федор<овичу>.[9] Я пред ним глубоко виноват своим молчанием. До свиданья. Моя книга стихов выходит к Рождеству в изд<ании> Грифа.[10]

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Петербург. 26.11.1909. Получено в Феодосии 29 ноября.

[2] Дуэль между Волошиным и Н.С. Гумилевым получила широкий резонанс в прессе (см.: Труды и дни. С. 235).

[3] В № 2 журнала «Аполлон» за ноябрь 1909 г. была помещена подборка стихов Черубины де Габриак, а также статья Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак» (Отд. II. С. 1–4; Литературный альманах. С. 1–10). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 260–266, 698. См. также п. 217.

[4] В ответном недатированном письме А.М. Петрова отмечала: «Очень, очень жалею, что литературным кругам известно стало о Черубине де Габриак. <...> Мне очень понравились все ее стихи, и я радуюсь ее огромному успеху. Постарайтесь, чтобы она не мучалась. Правда, все сложности жизни очень простыми делаются, если мы сумеем взглянуть на них с точки зрения *сегодняшнего дня, как средоточия и вечности»* (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 38–38 об.).

[5] Инициатором мистификации, связанной с созданием образа Черубины де Габриак и с публикацией стихотворений Е.И. Дмитриевой под этим псевдонимом, был Волошин. См.: Воспоминания о Черубине де Габриак // Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 451–471; *Черубина де Габриак (Дмитриева Е.И.)* Исповедь // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 195–198). См также: *Ланда М.С.* Сим-

волистская поэтесса: опыт мифотворчества // Русская литература. 1994. № 4. С. 120–133.

[6] Имеется в виду Всеволод Николаевич Васильев (1883–1944), инженер-гидролог, в 1911 г. он стал мужем Е.И. Дмитриевой.

[7] Вяч. И. Иванов.

[8] См. п. 213, примеч. 6.

[9] К.Ф. Богаевский.

[10] См. п. 197, примеч. 5, п. 211.

215. Н.В. ДРИЗЕНУ

26 ноября 1909 г. Петербург[1]

Ординарная 18, кв. 2.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Когда в прошлый раз Вы предложили мне так любезно аванс за мою статью, Вы сами прибавили, что не можете мне дать сразу больше 50 р., но что спустя некоторое время я могу взять еще аванс. Можно мне, Николай Васильевич, попросить теперь Вас об этом снова. Быть может, Вы найдете возможным выдать мне еще 50 руб. в счет той же моей статьи?[2]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с п. 216.

[2] Речь идет о статье Волошина «Современный французский театр. I. Основные течения», которая была заказана для «Ежегодника Императорских Театров» (1910. Вып. 1. С. 56–81). См.: Т. 3 наст. изд. С. 177–202.

216. Н.В. ДРИЗЕНУ

27 ноября 1909 г. Петербург[1]

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Я, безусловно, согласен с Вашими положениями относительно краткости, схематичности и яркости реферата, предшествующего беседе.[2]

Я так и постараюсь сделать. Это мне тем более легко, что я не собираюсь писать длинной статьи для «Аполлона».[3] Длина необходима лишь там, где присутствуют описания и история — а я хочу собрать просто несколько парадоксов о театре, которые, разумеется, покажутся возмутительными строгим любителям театра, и следовательно, вызовут оживленную беседу.

Темы мои еще не установлены точно. Но мне хотелось бы, с одной стороны, коснуться логики театрального действа, которая, по-моему, есть логика сновиденья. А с другой стороны, психологии публики, которая является синтезом тех разрозненных элементов, из которых состоит театральное действо.

Наконец, о режиссерах, которые за отсутствием драматических авторов, публики и актеров, остались одни представителями театра.

Это все, как видите, разрозненно, но через несколько дней я это все свяжу и заострю в парадоксы.

Тогда я сообщу Вам свои основные положения. Во всяком случае приму меры, чтобы реферат не превышал 15 мин<ут>. Это, я думаю, должно быть естественной нормой.

Вчера я позволил направить Вам маленькую деловую записку, на которую с нетерпением жду ответа.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по соотнесению с письмом Н.В. Дризена от 27 ноября 1909 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 7–8).

[2] В своем письме Дризен приглашал Волошина выступить 10 декабря 1909 г. с докладом (рефератом), посвященным вопросам теории и истории театра, у себя на «среде». О выступлении Волошина на «среде» у Н.В. Дризена см.: Труды и дни. С. 237; Т. 3 наст. изд. С. 502–503.

[3] Речь идет о статье Волошина «Организм театра», опубликованной в № 5 журнала «Аполлон» за 1910 г. (Отд. 1. С. 32–40) под заглавием «Мысли о театре». См. п. 236, примеч. 4.

[4] См. п. 215.

217. А.М. ПЕТРОВОЙ

29 ноября 1909 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Еще очень много не успел Вам дописать в прошлом письме. Не сказал, например, что книга моя издается в «Грифе»[2] и выйдет к Рождеству. «Аполлон» вообще к стихам моим охладел, и «Κλητικοί»[3] и «Венок сонетов»[4] туда приняты не были. Вообще от этого журнала я духовно далеко. Моего влияния там нет никакого.[5] Но готовлю целый ряд статей для него для №№ будущего года.[6] Вся атмосфера литературная, около него скопившаяся, мне тягостна, и Гумилев был как раз одним из главных, установивших эту атмосферу литературного карьеризма, столь неподобающую искусству.

До сих пор я материально был совершенно связан с «Аполлоном». Только теперь у меня начинаются новые связи и возможности работы в других местах.[7] Материальное положение мое из рук вон плохо. Не только отдавать долгов невозможно, но приходится занимать иногда по рублям у кого можно. Но теперь все идет к улучшению.

Скоро ли приедет Людвиг?[8] Мы все ждем его с нетерпением. Я говорил об нем Головину. Он пришел в восторг и просил непременно привести его. Б<ыть> м<ожет>, ему можно будет устроить какую-нибудь работу при Мариинском театре с помощью Головина. Мы очень подружились с Головиным в этом году, когда он делал с меня портрет – литографию для «Аполлона».[9] Сейчас он пишет меня еще красками – большой портрет, которым очень увлечен.[10] Кроме того, он затевает коллективный портрет современных поэтов.[11] Вчера я водил к нему Аморю – на «Лоэнгрина» – Вы ведь знаете, что мастерская его помещается над сценой Мариинского Театра, и оттуда все слышно и немножко видно.[12]

Успех Черубины де Габриак – громаден. Ей подражают, ее знают наизусть люди, совсем посторонние литературе, а петербургские поэты ее ненавидят и завидуют.[13]

Кажется, это самая бурная из всех зим, которые я проводил в Петербурге. Страшно хочется тишины, уединения и

возможности долго и много работать, писать стихи и большие серьезные статьи. Но стихов я совсем не могу писать в Петербурге, а статьи такие, как я хотел бы писать, нигде не принимаются. «Аполлон» – мне заказывает все новые, а из приготовленных летом ничего не печатает.

Так хочется уехать поскорее в Феодосию и замкнуться в Коктебеле; если бы только была малейшая возможность для этого!

Я писал Вам о тех отношениях, которые теперь между Аморей, Лилей и мной. Практически и жизненно самое необходимое сейчас – это начинать хлопоты о разводе (пока это полная тайна). Но для этого надо денег, очень много денег, очень много времени. Я совсем теряюсь и не знаю, и не вижу, что будет, как это устроить?

Но минуты уныния и упадка духа все же у меня очень редки. И я всегда вспоминаю в эти минуты Вас, милая Александра Михайловна, и то, что Вы в меня верите, и что у меня есть, куда вернуться, чтобы найти самого себя неизмененным.

До свиданья, Александра Михайловна. Напишите мне о Вашем здоровии. Очень, очень кланяюсь Конст<антину> Федор<овичу>.[14] Как идут его работы этой осенью?

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Петербург. 29.11.09. Получено в Феодосии 2 декабря.

[2] Об этом Волошин уже сообщал А.М. Петровой ранее. См. п. 213, 214.

[3] См. п. 192, примеч. 1.

[4] См. п. 205, примеч. 2, п. 197, примеч. 6.

[5] А.М. Петрова в ответ на сетования Волошина спрашивала: «Уйдете ли из "Аполлона"? Уходите. У меня полнейшее разочарование в С. Маковском. Экая безвкусица. <...> Я очень болею за Вас душою, что Вы не можете жить и работать, как хочется. Право, может быть, Вы могли бы здесь жить? <...> Я так люблю Вашу поэзию. Она мне очень, очень много дала в жизни. Будет ли напечатан "Венок сонетов" в Вашем сборнике? Пошлите его на прочтение Бальмонту. Мне кажется, он как никто другой оценит Вас. "Κλητικοί" я не могу простить Маковскому. Вместо дребедени А. Бенуа, этот стих дал

бы тон всему журналу. Болван, не понял этого. Простите за ругань» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 39—39 об., 42 об.).

[6] Вероятно, подразумеваются статьи, опубликованные в «Аполлоне» в 1910 г.: «Анри де Ренье» (№ 4), «Мысли о театре» (№ 5).

[7] В это время Волошин получил приглашение от П.Б. Струве участвовать в газете «Великая Россия», о чем он сообщал матери (Труды и дни. С. 230). «Как хорошо, что Вас пригласил Струве», — замечала Петрова в ответном письме, видимо, получив эту информацию от Е.О. Кириенко-Волошиной (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 39). Издание газеты под указанным названием не состоялось.

[8] Л.Л. Квятковский, художник-феодосиец из бедной семьи, в юности подававший большие надежды. Ему в то время протежировали К.Ф. Богаевский, А.М. Петрова, сам Волошин, позже М.В. Сабашникова и А.А. Андреева. На вопрос Волошина Петрова отвечала: «Людвиг уже снаряжен и поедет числа 12—14 января. Как я Вам благодарна, что Вы не забываете и хлопочете о нем! Вот хорошо было бы, если бы он имел какую-либо работу у Головина.

Вы знакомы с Химона? Конст<антин> Феод<орович> послал ему все работы Людвига. Попросите у него и покажите Головину и еще кому найдете нужным. Только в Балстовщину его не сбивайте. Потеря времени получится» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 41—41 об.); упоминается Николай Петрович Химона (1865—1920), художник-пейзажист, ученик А.И. Куинджи).

[9] Литографированный портрет Волошина работы А.Я. Головина был помещен в № 3 «Аполлона» за 1909 г.

[10] Местонахождение этого портрета неизвестно.

[11] Речь идет об большом групповом портрете сотрудников «Аполлона», который был задуман А.Я. Головиным. 13 ноября 1909 г. Волошин был в мастерской Головина, который распределял местоположение «аполлоновцев» на портрете (Труды и дни. С. 233).

[12] 27 ноября 1909 г. Волошин и М.В. Сабашникова слушали оперу Р. Вагнера «Лоэнгрин» по его же либретто (1848) в Мариинском театре из мастерской А.Я. Головина.

[13] Имеется в виду публикация стихов Е.И. Дмитриевой (Черубины де Габриак) в журнале «Аполлон». См. п. 214, примеч. 3, 5.

[14] К.Ф. Богаевский.

218. КОНСТ. ЭРБЕРГУ

4 декабря 1909 г. Петербург

Шестая строка сверху на седьмой странице:

«Не правда ль, недурен он?»[1]

Может быть, увижу Вас сегодня, Константин, на похоронах Анненского?[2]

Максимилиан.[3]

[1] В «Примечаниях мемуарного характера» к письмам из своего архива Эрберг дал пояснение: «Относящаяся к 1909 г. записка является ответом на один мой вопрос библиографического характера» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 53, л. 32).

[2] Похороны И.Ф. Анненского (скоропостижно скончавшегося 30 ноября) состоялись 4 декабря 1909 г. на царскосельском Казанском кладбище: «За гробом следовали <...> члены редакции художественного журнала “Аполлон” – С.К. Маковский, М.А. Волошин, М. Кузмин, Е.А. Зноско-Боровский, гр. А.Н. Толстой, С. Ауслендер и др.» (Речь. 1909. № 334. 5 дек.). Из ближайших сотрудников «Аполлона» на похоронах отсутствовали Вяч. Иванов, который был болен (см. его телеграмму к Н.В. Анненской от 1 декабря 1909 г. // РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед.хр. 455, л. 17), и Н.С. Гумилев, отбывший из Петербурга 26 ноября в Киев и затем в Одессу для дальнейшего следования в Африку. О смерти и похоронах Анненского Волошин написал в статье «И.Ф. Анненский – лирик» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 276–277).

[3] Подпись Волошина Эрберг сопроводил следующим пояснением в «Примечаниях мемуарного характера»: «Письма Максимилиана Ал<ексан>дровича Волошина подписаны лишь его именем (без фамилии). Это объясняется установившимся у нас с ним обычаем называть друг друга по имени, не переходя на ты. Такой своеобразный вид брудершафта был предложен Волошиным <...> в один из вечеров, когда мы втроем сидели за вином в одном из петербургских ресторанов (третьим был Алексей Ник. Толстой, – не знаю, помнит ли он это). Волошин вообще имел много странных привычек; ходил, например, у себя дома в Коктебеле в одеянии, схожем с римской тогой, не обращая никакого внимания на удивление, которое возбуждал среди местных жителей. Делал он это не для какого-нибудь эпатажа (он был скромный, одинаково со всеми вежливый человек); он просто не считался с их мнением. “Привыкнут, – говорил он, – и перестанут удивляться”. Его мать, как на грех, ходила в мужском

костюме, и, когда они шли вместе, то коктебельские кумушки говорили: “Дывысь, о ций, що в штанах – то мать, а та, що в спидньще – то сын”» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 53, л. 31).

219. В. КРИВИЧУ

Около 13 декабря 1909 г. Петербург

Многоуважаемый Валентин Иннокентьевич,

Я очень прошу Вас дать мне на несколько дней «Кипарис<овый> Ларец», т<ак> к<ак> иначе я не смогу написать той статьи, что обещал, для январского № «Аполлона».[1]

Что касается «трагедий»,[2] то в этой статье я не думаю касаться, т<ак> к<ак> думаю написать отдельно. Они мне необходимы – но на срок более продолжительный. Мне точно так же был бы необходим «Эврипид».[3] Но это не спешно, хотя бы очень хотелось иметь всё вместе, но с возможностью держать долго. Стихи же мне надо на 2–3 дня. Я сделаю выписки. Я нарочно не сразу ответил на Ваше письмо, т<ак> к<ак> в эти дни спешно работал над статьей об Ренье, которую требует от меня Сер<гей> Конст<антинович>.[4]

Я был бы очень благодарен, если бы Вы завезли рукопись ко мне (Ординарная 18, кв. 2). Я из дому почти не выхожу и в редакции[5] не бываю. Можно попросить Вас привезти мне «Кип<арисовый> Лар<ец>» во вторник или в среду[6] – я буду дома до 4 часов дня.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Имеется в виду рукопись готовившейся к печати книги стихов И.Ф. Анненского «Кипарисовый ларец» (см. примеч. 3 к п. 210). Статья Волошина «И.Ф. Анненский – лирик» была написана в декабре 1909 г. по заказу редакции «Аполлона» и помещена в подборке статей памяти Анненского (1910. № 4, январь. Отд. II. С. 11–16) наряду со статьями Ф.Ф. Зелинского («И.Ф. Анненский как филолог-классик»), Г.И. Чулкова («Траурный эстетизм (И.Ф. Анненский – критик)», Вяч. Иванова («О поэзии И.Ф. Анненского»). См.: Т. 6, кн. 1

наст. изд. С. 267–277. В архиве Волошина сохранились выписки из предоставленных ему В. Кривичем рукописей «Кипарисового ларца» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 256).

[2] Выпущенные отдельными изданиями трагедии Анненского «Меланиппа-философ» (СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1902) и «Царь Иксион» (СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1902), а также лирическая трагедия «Лаодамия», опубликованная в сборнике «Северная Речь» (СПб., 1906. С. 137–208).

[3] См. примеч. 6 к п. 181.

[4] С.К. Маковский. Статья Волошина «Анри де Ренье» была опубликована в январском номере «Аполлон» за 1910 г. (№ 4. Отд. I. С. 18–34), вошла (с добавлением заключительной главы) в книгу Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914. С. 85–112). См.: Т. 3 наст. изд. С. 71–93.

[5] Подразумевается редакция «Аполлона».

[6] 15 или 16 декабря.

220. А.М. ПЕТРОВОЙ

17 декабря 1909 г. Петербург

Ординарная 18, кв. 2.
17 декабря 1909.

Милая Александра Михайловна, спасибо за Ваше подробное и длинное письмо.[1] Оно меня очень обрадовало сегодня утром. Оно пришло очень вовремя. Приди оно вчера, я бы ответил на него сейчас же длинным и совершенно не нужным потоком сердечных излияний. И Вас бы расстроил, и свою душу бы разболтал. Но сегодня утром уже успокоился после нового кризиса[2] (на этот раз без каких бы то ни было внешних событий) и сейчас уже могу снова смотреть с точки зрения «настоящего дня». В Петербурге я очень часто теряю эту способность. Это уже свойство этой главной реторты всероссийской психопатии: только чуточку ослабеешь, а уже подхватит и понесет в общем водовороте. Так уже все здесь пропитано психическими бациллами и флюидами, и эманациями. Моя хозяйка, очень милая дама 19 лет, уже пятый раз отравляется за стеной – все слышно. Пока неудачно. Но я уже привык. Недавно Гиппиус у Сологуба читала

свой рассказ о самоубийцах. Там было и по моему адресу – о дуэли «двух третьестепенных поэтов», дравшихся из «отвращения к жизни».[3] Психологи! Это у меня-то отвращение к жизни! Впрочем, в литературных кругах это установившееся мнение, что ищу смерти, поэтому и на дуэли дрался.

Но в жизни-то я не разочаровываюсь, несмотря на все неразрешимые узлы психологических сплетений и мелкие, беспрерывные уколы в литературной жизни, которые сами по себе ничтожны, но своей непрерывностью изводят, в конце концов. Quel sale métier d'être un poète!* Главное, что все это связано с гонорарами, и вне этого деться некуда.[4] Впрочем, теперь я обдумываю один новый выход. Это не шелководство, но я думаю, что Вы одобрите его.[5] Бросить работу в журналах и заняться чтением публичных лекций по провинции. Лекции должны удовлетворять потребностям в понимании нового искусства, быть популярны, давать ориентировку. Это важно, это нужно, и каждая такая лекция, при самом скромном успехе, может дать от 50 до 100 рублей. Я как раз эти дни много толковал об этом с одним моим приятелем, который берется взять на себя практическую сторону предприятия. Б<ыть> м<ожет>, удастся что-нибудь осуществить в виде опыта весною. А если удастся, то летом я приготовлю целый систематический курс. Очень мне важно знать, какие вопросы искусства могли бы больше всего интересовать, на какие вопросы надо отвечать. Я думаю, что после первой же поездки это выяснится, но хотелось бы подготовиться заранее. Александра Михайловна, если Вам не трудно, напишите мне Ваши соображения и, главным образом, относительно темы. Мне это дело кажется очень важным, и я думаю, что обладаю данными, чтобы исполнить это хорошо. Мною были всегда довольны как лектором. Вопрос в том, чтобы стать очень простым и ясным. Мне кажется, что это я могу.

А потом это мне дает возможность узнать Россию, уйти от писателей и стать лицом к лицу с читателями. Вот – мои практические мечты. А пока «Аполлона» мне покидать не-

* Какое мерзкое занятие – быть поэтом! *(фр.)*

льзя. Но посещения редакции я прекратил почти совершенно. Сижу дома и пишу статьи, которые заказывают. Работаю еще и в «Ежегоднике Императорск<их> Театров», где оказался довольно неожиданно специалистом по истории современ<ного> франц<узского> театра.

Это о практических моих мероприятиях.

В делах личных – все очень сложно. Тяжелее всех, конечно, Лиле.[6] Ей надо выбирать между любовью и долгом. Она, конечно, жертвует первым и выбирает второе. Хотя это страшно тяжело и, боюсь, гибельно для нее. И опять борьба благородством со всех сторон, и ни одна сторона не может возобладать, а боль от этой борьбы страшная. Главное, что все готовы отдать самое драгоценное и самих себя. Когда иногда смотрю со стороны объективно, то вижу, что необходимо кому-нибудь из чувства простой человечности совершить простую себялюбивую подлость, что<бы> вывести из этого состояния нестерпимого равновесия. Сегодня я могу опять думать и говорить об этом спокойно, но до вчерашнего дня вся эта неделя – было нестерпимо думать.

Я боюсь, что может случиться так, что Лиле невозможно будет приехать это лето в Коктебель из-за той же борьбы благородства. И тогда я совсем не знаю, что будет, так как все мои творческие планы связаны уже с нею и с присутствием ее. Может быть, это малодушный страх снова остаться совсем одному, может, это даже и нужно, но я не могу его преоборать в себе, не могу совладать с собою. И для нее ведь это тоже почти наверно отказ от творчества, потому что ее творчество неразрывно слито с моим и мною призвано к бытию.

Я очень хочу быть простым, очень боюсь перемудрить, но все так перепутано в наших отношениях.

Аморе тоже тяжело – от другого.[7] Ее сердце по-прежнему устремлено к башне. А там глубокое неблагородство. Мы не говорили об этом. Видимся мы редко. Все-таки между нами встала непереходимая пропасть. Мы не понимаем друг друга. Я несколько раз натыкался в ней на такой ледяной морализм, когда ждал живого отношения, что это сно-

ва замкнуло области, которые приоткрылись было. Они с Ан<ной> Руд<ольфовной>[8] живут уединенно и тихо. Мало кого видят. Мне неуютно там теперь, несмотря на всю дружественность их.

С мамой все хорошо. Она в хорошем расположении духа и, кажется, довольна. Мы часто беседуем. Все коктебельское наваждение как рукой сняло.[9]

Толстых вижу не часто.[10] Он идет вперед гигантскими шагами. Его последние повести пророчат в нем очень крупного романиста. Его литературная дорога уже обеспечена.[11]

Мой сборник печатается. «Венок сонетов» будет его заключать.[12] Он выйдет в январе. Медведюшку[13] приму с радостью.

Напишите Лиле поскорей. Ей так нужна нравственная поддержка. До свиданья. Пожалуйста, не болейте больше.

Макс.

[1] Речь идет о недатированном письме А.М. Петровой (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 37–42 об.).

[2] Новый кризис, о котором сообщает Волошин, был вызван осложнениями в отношениях с Е.И. Дмитриевой. Волошин откликается на слова Петровой в связи с историей разоблачения мистификации с Черубиной де Габриак (см. примеч. 4 к п. 214).

[3] Речь идет о рассказе З.Н. Гиппиус «Лунные муравьи», который Волошин слушал у Ф. Сологуба 12 декабря 1909 г. (Труды и дни. С. 237). Рассказ впервые опубликован в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей» (1910. № 11550, 11552, 11556, 5, 6, 9 февр.), вошел в кн.: *Гиппиус З.Н.* Лунные муравьи. Шестая книга рассказов. М.: Альциона, 1912. Персонажи рассказа беседуют «о недавней комичной дуэли между двумя третьестепенными поэтами»:

«— С чего это они? — говорю. — Только людей насмешили и калошу потеряли.

— Да... Но, знаете, как-никак, я присматривался: ужасно им жизнь надоела. Опротивела».

(*Гиппиус З.* Собр. соч. Т. 4. Лунные муравьи. Рассказы. Пьесы. М.: Русская книга, 2001. С. 13).

[4] Видимо, имеется в виду не только охлаждение отношений с редакцией «Аполлона», но и ряд шаржей и фельетонов, появив-

шихся в прессе в ноябре – декабре 1909 г. (см.: Труды и дни. С. 235). А.В. Гольштейн в письме к Волошину от 2 января (н.ст.) 1910 г. писала об «ушате помоев», вылитых на голову поэта, и прибавляла: «<...> не Вам, Макс, справиться с этим литературным миром» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438).

[5] Намек на проекты Петровой лета 1908 г. о необходимости работать на земле и заниматься пчеловодством или шелководством (см. п. 155, примеч. 4).

[6] Е.И. Дмитриева.

[7] М.В. Сабашникова об этом периоде своей жизни вспоминала: «Чтобы остаться вблизи Вячеслава, я решила поселиться в Петербурге. Борис Леман нашел для нас с Минцловой на Васильевском острове квартирку с мастерской. <...> Вернувшись в Петербург, я нашла Вячеслава для меня недоступным. Он был как будто в чьей-то чужой власти. Я отошла» (*Волошина Маргарита (Сабашникова М.В.)* Зеленая Змея: История одной жизни. С. 184).

[8] А.Р. Минцлова.

[9] Отношения Волошина с матерью, которая с годами становилась всс более раздражительной, периодически обострялись.

[10] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая.

[11] Подразумеваются, видимо, рассказы и повести А.Н. Толстого «Архип» (Новый Журнал для Всех. 1909. № 12, октябрь), «Смерть Налымовых» (Утро России. 1909. № 40. 24 ноября), «Неделя в Туреневе» (Аполлон. 1910. № 4, янв.).

[12] См. п. 197, примеч. 6, п. 205, примеч. 2.

[13] Медведюшка – прозвище феодосийца С.О. Сысуева. В недатированном письме (декабрь 1909 г.) Петрова писала Волошину: «...на днях пошлю Вам с Медведюшкой что-то очень вкусное. Он поедет с экскурсиею в Москву и Питер и непременно навестит и Вас, как одну из достопримечатльностей Петербурга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 37).

221. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

Конец декабря 1909 г. Петербург

Статья об Иннокентии Феодоровиче сегодня начинает писаться, Евгений Александрович, т.е. совершается последняя часть работы (предварительные все покончены).[1] Это займет один или два дня. Ко 2-му янв<аря> Вы будете ее иметь наверно.

Благодарю за книги.

Прилагаю две книги для Михаила Алексеевич<а>.[2]

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о статье Волошина «Лики творчества. И.Ф. Анненский – лирик». См. п. 219, примеч. 1.

[2] М.А. Кузмин. Судя по его дневниковой записи от 27 декабря 1909 г., он виделся с Волошиным в этот день у Маковского (см.: *Кузмин М.* Дневник 1908–1915. С. 197).

1910

222. А.Р. МИНЦЛОВОЙ

6 января 1910 г. Петербург

Ординарная 18, кв. 2.
6 янв<аря> 1910 г. СПб.

Дорогая Анна Рудольфовна, у меня к Вам одна большая просьба: Вы ведь часто видитесь с Андреем Белым? Пожалуйста, спросите его, не хотел ли бы он издать в «Музогете»[1] мои переводы «Отдыха седьмого дня» Клоделя[2] и «Акселя» Вилье де Лиль-Адана,[3] с моими вступительными статьями, примечаниями и т.д. Если не обе эти книжки, то одну из них? Можно?[4]

Я скоро уезжаю в Феодосию, Анна Рудольфовна. Очень устал и здесь. И все ненужно. А хочется работать много и сериозно. До свиданья.

Максимилиан.

[1] Московское издательство «Мусагет» было организовано в 1909 г. музыкальным и литературным критиком Э.К. Метнером. Название «Мусагет» — в честь Аполлона, — означает «водитель муз». Соучредителями и ближайшими сотрудниками издательства были Андрей Белый и Эллис (Л.Л. Кобылинский). Секретарями «Мусагета» работали А.М. Кожебаткин (1910—1912 гг.), затем его сменил В.Ф. Ахрамович (1912—1913), и, наконец, с октября 1913 г. Н.П. Киселев. «Заведующим коммерческой частью» с 1914 г. был В.В. Пашуканис. См.: *Безродный М.* Из истории русского германофильства: Издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. М.: ОГИ, 1999. С. 157—198; *Он же.* Издательство «Мусагет»: Групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1998. № 2. С. 119—131, *Толстых Г.А.* Издательство «Му-

сагет» // Книга: Исследования и материалы. Сб. 56. М.: Книга, 1988. С. 112–133.

[2] См. п. 133, примеч. 4, п. 166, примеч. 2.

[3] Рукопись перевода трагедии Вилье де Лиль-Адана находилась в это время в редакции «Аполлона» (см. п. 200).

[4] В ответном письме от 15 января 1910 г. А.Р. Минцлова извещала: «Дорогой Макс, я только *сейчас* получила Ваше письмо, помеченное *6* января – (оно шло, значит, 9 дней сюда от Петербурга!) И спешу Вам ответить, голубчик, Андрея Белого сейчас нет в Москве, он уехал с 10-го янв<аря> в деревню к Рачинскому, и вернется к *25 янв<аря>*. Писать ему туда об этом бесполезно, т<ак> к<ак> он из деревни не может решить этого вопроса один – для этого ему надо переговорить со всей редакцией Мусагетов. – Но я увижу здесь на днях Метнера, и скажу ему об этом предложении Вашем – если Метнер согласится, то это устроится наверное, и А. Белый не будет, конечно, против. – Как только узнаю, напишу Вам, дорогой Макс, тотчас после свидания с Метнером» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 54–55). Издательство «Мусагет» приняло от Волошина перевод пьесы Поля Клоделя «Отдых Седьмого дня», но издание его не состоялось.

223. А.М. ПЕТРОВОЙ

7 января 1910 г. Петербург[1]

Дорогая Александра Михайловна, с Новым годом! Мы, верно, скоро увидимся с Вами. Я приеду в конце января в Феодосию и останусь до весны в городе – не поеду в Коктебель. Очень хочу работать. Не могу больше выносить Петербурга, литераторов, литературы, журналов, поэтов, редакций, газет, интриг, честолюбий и т.д. Хочу замкнуться надолго в серьезной и большой работе. А февраль и март хочу провести в Феодосии вместе с Вами и Конст<антином> Федор<овичем>.[2] Хочу писать много стихов, а здесь не могу. Хочу писать большую книгу критики – «Итоги символизма». (О новом реализме, возникающем на почве символизма).[3] Но мне так нужно уйти от этих литературных дрязг. Больше не могу. Вот выйдет моя книга стихов,[4] и я приеду. Я думаю около 25 янв<аря> выехать из Петербурга.[5] Думаю надолго, совсем надолго уединиться <в> Киммерию. Кроме того, еще один проект у меня,

который Вы, наверное, одобрите: хочу подготовить большой курс, 5–6 лекций для чтения в провинции: своего рода «Введение в современную литературу».[6] Очень ясное, полное и популярное, без унизительности и без банальности. Надо будет первые опыты сделать в Феодосии. Вы ведь мне поможете, Александра Михайловна, в выборе темы. Вернее, в определении тех вопросов, на которые надо отвечать. Я на Вас очень рассчитываю и без Вашей помощи совсем не буду знать, как приступиться.

В событиях моей личной жизни все та же запутанность и неразрешимость. Я думаю, что отъезд мой многое упростит и, быть может, что-нибудь постепенно выяснит. А пока все совершенно темно.

Был у меня и у Лили Медведюшка,[7] но не застал никого дома, оставил банки с вертутой[8] и не оставил своего адреса. Боюсь, что он так и исчезнет из Петербурга, больше не появившись. А мы все готовились его встречать.

Рисунки Людвига сейчас у меня.[9] Показывал их Маковскому. Он назвал их гениальными. Сегодня вечером повезу их к Головину.[10] Хочу показать еще Бенуа и Баксту.

Напишу о впечатлении.

Алекс<андра> Мих<айловна>, как бы мне в Феодосии устроиться?[11] Очень хотелось бы совсем близко к Вам какую-нибудь комнатку рублей за 10 в месяц найти. Возможно это? Может, Вы знаете, где? А то денег у меня безнадежно мало.

До свиданья. Страшно радуюсь и мечтаю пожить в Феодосии с Вами в тишине и в работе.

Макс.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 239.

[2] К.Ф. Богаевский.

[3] Этот проект осуществлен Волошиным не был.

[4] Речь идет о первой книге стихов Волошина, которая была подготовлена к выходу в издательстве «Гриф» в январе 1910 г. В письме от 21 января 1910 г. С.А. Соколов сообщал Волошину из Москвы, о задержке печатания книги в типографии В.М. Саблина из-за забастовки (Труды и дни. С. 240).

[5] Волошин выехал из Петербурга в Москву 28 января 1910 г. (Труды и дни. С. 241).

[6] Этот замысел родился у Волошина еще в конце 1909 г. См. п. 220. Позже в 1910 гг. Волошин действительно выступит с рядом лекций в провинции.

[7] Речь идет о феодосийском знакомом Волошина Сысуеве. Лиля – Е.И. Дмитриева. См. п. 220, примеч. 17.

[8] Вертута, пирог-рулет из вытяжного теста (молдавская кухня).

[9] В письме от декабря 1909 г. А.М. Петрова сообщала Волошину о том, что рисунки Л.Л. Квятковского находятся у Н.П. Химона (адрес: Казанская 1–2, кв. 25), и просила забрать их для того, чтобы показать А.Я. Головину и другим художникам.

[10] 6 января 1910 г. Волошин вместе с М.В. Сабашниковой был у А.Я. Головина, и ему удалось договориться с ним о месте для Квятковского в качестве помошника декоратора. См. п. 224. В ответном письме Петрова писала: «У меня нет слов благодарности Вам за Людвига. Только буду *очень, очень* сердита, если Вы смутите его невероятными успехами; испортить его нельзя, но *обременять* непосильным – просто грех» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 34).

[11] В ответ Петрова писала Волошину: «Как я рада, как я рада, милый Максимилиан Александрович, что Вы приезжаете сюда! И Конст<антин> Феод<орович> рад, и все мы ждем Вас в нашу родную семью. Полон рот хлопот у меня: отправляю Людвига 13-го (хотя я бранилась за число) и ищу Вам комнату. Приезжайте во всяком случае прямо ко мне, найду или не найду. Хочу угодить Вам и потому буду осмотрительна» (Там же).

224. А.М. ПЕТРОВОЙ

15 января 1910 г. Петербург[1]

Милая Алекс<андра> Мих<айловна>, только что получил Вашу открытку. Я верно буду в начале февраля в Феодосии,[2] т<ак> к<ак> надо остановиться в Москве на несколько дней. Я думаю, Алекс<андра> Мих<айловна>, что мне все-таки лучше будет остановиться в Коктебеле, т<ак> к<ак> надо очень много работать. Но я буду каждую неделю точно и регулярно приходить на два дня к Вам. Я боюсь, что в Феодосии я не смогу ограничиться Вами и К.Ф.,[3] если поселюсь, и тогда для работы – плохо. Так что не ищите мне комнаты,

Алекс<андра> Мих<айловна>. Если можно, я остановлюсь по приезде у Вас или у Конст<антина> Фед<оровича> на несколько дней? А потом уеду в Коктебель. И буду еженедельно приходить.

Аморя писала Вам, какое громадное впечатление произвели вещи Людвига на Головина?[4] Не пишу Вам ничего о себе. Расскажу при свидании. Слыхал, что К.Ф. много и удачно продал вещей в Москве.[5] Страшно радуюсь за него. Привет ему. Как я томлюсь здесь от невозможности писать стихи. Масса планов. Теперь я долго уже не уеду из Коктебеля. Довольно Петербурга. Лиля[6] не пишет стихов, тревожна, мы видимся страшно редко. До свиданья. Нравится ли Вам моя карточка?[7]

Макс.

[1] Письмо скопировано в архиве М.С. Волошиной в начале 1970-х гг. Датируется по почтовому штемпелю отправления: 16.I.10. Получено в Феодосии 19 января.

[2] Первоначально Волошин предполагал поселиться в Феодосии, для чего в своем письме к Петровой от 7 января 1910 г. просил ее подыскать ему недорогую комнату. См. п. 223, примеч. 11.

[3] К.Ф. Богаевский.

[4] См. п. 223, примеч. 10.

[5] Речь, видимо, идет о VII выставке «Союза русских художников», которая работала в Москве с 26 декабря 1909 года в помещении Литературно-художественного кружка (ул. Б. Дмитровка, дом Востряковых).

[6] Е.И. Дмитриева.

[7] Возможно, речь идет о фотооткрытке Волошина, которую 27 января 1910 г. Он подарил также Ф. Фидлеру (см.: Труды и дни. С. 241).

225. Т.Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

19 января 1910 г. Петербург

Многоуважаемая Татьяна Львовна,

непременно и с большим удовольствием буду у Вас в субботу в 5 часов.[1] К сожалению, я не располагаю только в этот день

всем вечером, т<ак> к<ак> обещал читать на литературном благотворительном вечере, который состоится в этот день на кв<артире> кн. Эристова.[2] Так что часам к 10-ти мне придется исчезнуть.

Привет Николаю Борисовичу.[3]

Максимилиан Волошин.

Ординарная 18, кв. 2.
19 янв<аря> 1910.

[1] 18 января 1910 г. Т.Л. Щепкина-Куперник писала Волошину:

Я надеюсь, многоуважаемый Максимилиан Александрович, что Вы свободны в субботу и придете к нам пообедать (в 6 часов) совсем запросто; после этого Поляков прочтет нам свою пьесу, но это будет так в ½ 9-го, а я хочу, чтобы Вы пришли к обеду и мы могли бы побеседовать до пьесы.

Принесите побольше своих стихов, хорошо?

Жму Вашу руку, муж шлет свой привет и оба мы ждем Вас непременно.

Уважающая Вас Щепкина-Куперник.

Суббота будет 23-е – это на случай если Вы рассеянны.

(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1322).

В письме речь идет о критике и прозаике Соломоне Львовиче Полякове (псевдоним С. Поляков-Литовцев или С. Литовцев), хорошо знакомом Волошину по Парижу с 1902 г. Андрей Седых в мемуарном очерке о Бальмонте зафиксировал следующие воспоминания поэта, относящиеся к 1902 г.: «Обыск. Высылка. Я уехал в Англию переводить Шелли. Потом в Париже я застал Максимилиана Волошина и С.Л. Полякова-Литовцева. Они жили дружно, бедно и трогательно, всем друг с другом делясь» (*Седых Андрей*. Далекие, близкие. 2-е изд. <New York: Изд. «Нового Русского Слова»>, 1962. С. 73).

[2] Кн. Георгий Дмитриевич Сидамон-Эристов (1865–1953), присяжный поверенный, журналист.

[3] Н.Б. Полынов (1873–1939) – муж Щепкиной-Куперник, адвокат, редактор журнала «Юрист».

226. А.М. ПЕТРОВОЙ

Около 25 января 1910 г. Петербург[1]

Милая Александра Михайловна,

Решено: в четверг мы с мамой выезжаем из Петербурга,[2] но остановимся на три дня в Москве, так что в Феодосии будем не то в среду, не то в четверг. Я решил поселиться все-таки в Коктебеле, но часто и на несколько дней приходить в Феодосию. У меня, главным образом, боязнь, что слишком много старых знакомых выплывет, если поселюсь в Феодосии, — и не будет уединения, которое мне нужно больше всего теперь.

Вы, конечно, знаете все об Людвиге — что он устроился у Головина, об том, как Аморя воспитывает его и т.д.[3] По приезде расскажу Вам подробнее обо всем, что знаю. Книга стихов моих все задерживается.[4] Надеюсь что-нибудь узнать в Москве об ней. Приехавши в Феодосию, хотел бы остаться дня 2–3 до отъезда в Коктебель. Можно мне у Конс<тантина> Фед<оровича>[5] остановиться? Работает ли он сейчас? Впрочем, вопросы эти риторические, т<ак> к<ак> Вы не можете мне ответить на них. В Москве остановлюсь у Пешковского. Сумеем ли мы говорить с ним на этот раз?[6] До скорого свидания, дорогая Александра Михайловна.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 241

[2] Волошин и Е.О. Кириенко-Волошина выехали из Петербурга 28 января (четверг) 1910 г. в Москву.

[3] Л.Л. Квятковский с 20 января по начало апреля 1910 г. жил на квартире М.В. Сабашниковой.

[4] Речь идет о книге стихов Волошина, которая печаталась в типографии Саблина в Москве. См. п. 223, примеч. 4.

[5] К.Ф. Богаевский.

[6] А.М. Пешковский, друг Волошина, с которым они вместе учились в Феодосийской гимназии, общались и позже. В 1904 г. отношения между Волошиным и А.М. Пешковским осложнились, о чем поэт писал А.М. Петровой из Женевы. См. п. 42.

227. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

8 февраля 1910 г. Коктебель

8 февраля 1910 г. Коктебель.

Посылаю Вам, Евгений Александрович, просимые переводы из Суареса.[1] Я перевел те, которые он сам обозначил, кроме двух: по-моему, этого вполне достаточно.[2] Он поэт интересный, но все же лишь продолжатель и ученик Клоделя. Вещи у него неровные, наравне с поразительными словами — безвыходная реторика. Я перевел его беспощадно точно, иначе он утратит весь смысл.

Но зачем нам так много Суареса, когда мы еще не дали Клоделя. Весь «Bouclier de Zodiaque» навеян «Connaissance de l'Est» Клоделя.[3] А именно эту книгу я хотел использовать и исчерпать для своей статьи об экзотизме Клоделя.[4] Клодель грандиознее, проще и совершенно чужд реторики. Что же касается того, чтобы просить Суареса прислать для перевода поэмы еще не изданные — я этого не сделаю. Вы знаете, что я в принципе против этого: в уже изданном можно найти и выбрать гораздо больше ценного и нового и никому не известного. А прося о неизданном, мы подвергаемся всем неприятным случайностям получить слабые вещи, от которых нельзя уже отказаться. Не было ли уже этого урока с повестями Рашильд?[5]

Из Вашего письма, Евгений Александрович, я понимаю, что мартов<ский> № *не будет* экзотическим.[6] Поэтому пока откладываю свою статью о Клоделе. Но когда понадобится она?

Некоторые особенности почтовых сношений с Коктебелем:

Скорее всего и проще доходят письма простые. Заказные рискую<т> пролежать на почте неделю и больше, т<ак> к<ак> присылаются лишь повестки, с которыми нужно ехать самому в город за 20 верст, что зимой очень сложно, т<ак> к<ак> нельзя пользоваться велосипедом. Телеграммы доходят только «с нарочным», для чего при отправке доплачивается 1 р. 50 к.

Кроме того, очень прошу Вас присылать мне заказы для № с тем расчетом, чтобы у меня оставалось по крайней мере 2 недели для их исполнения. Т.е. лучше всего (считая по 5 дней на путь писем) за месяц до последнего срока.

До свиданья. Жму Вашу руку.

Привет Сергею Констан<тиновичу> и Мих<аилу> Алекс<еевичу>.[7]

Максимилиан Волошин.

P.S. «Музы», значит, идут в марте?[8] А переводы Ренье?[9]

[1] Волошин перевел шесть фрагментов из книги Андре Сюареса (Suarès) «Щит Зодиака» («Le Bouclier du Zodiaque», 1908) по предложению самого автора (см. письмо Сюареса к Волошину от 30 декабря 1909 г.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 251–252. Публ. П.Р. Заборова). Переводы Волошина из Сюареса в «Аполлоне» не появились; впервые опубликованы П.Р. Заборовым по черновым автографам из архива Волошина в т. 4 наст. изд. (С. 784–792).

[2] В упомянутом письме к Волошину Сюарес назвал избранные им фрагменты для перевода и указал соответствующие страницы своей книги.

[3] «Connaissance de l'Est» – книга очерков П. Клоделя «Познание Востока» (1900; 2-е изд., доп. – 1907). См. новейший русский перевод Анны Курт и Анны Райской: *Клодель Поль.* Познание Востока. М.: Эннеагон Пресс, 2010.

[4] Волошин реализовал этот замысел в статье под заглавием «Клодель в Китае» (Аполлон. 1911. № 7. С. 43–62), вошедшей в его книгу «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914. С. 129–162). См.: Т. 3 наст. изд. С. 106–133.

[5] В «Аполлоне» были опубликованы две новеллы Рашильд – «Три розы (Светская историйка)» и «Две овечки (Сельская историйка)» – как «перевод с рукописи», выполненный М.А. Кузминым (1909. № 2, ноябрь. Отд. III. С. 62–70). Как сообщает Маковский в письме к И.Ф. Анненскому (около 10 ноября 1909 г.), Рашильд поставила условием этой публикации «напечатание ее рассказов *не позже* ноября» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 347).

[6] Упоминаемое письмо в архиве Волошина не сохранилось.

[7] С.К. Маковский и М.А. Кузмин.

[8] Этот перевод Волошина был опубликован в «Аполлоне» лишь в июльско-августовском номере за 1910 г. (см. примеч. 2 к п. 197).

[9] См. примеч. 7 к п. 197. 5 февраля 1910 г. Маковский писал Зноско-Боровскому из Бологого: «Исправил я <...> переводы Ренье Волошина (нашел ужасные неточности!) и привезу его готовеньким» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 2645).

228. А.М. ПЕТРОВОЙ

13 февраля 1910 г. Коктебель

13 февр<аля> 1910. Коктебель.

Милая Александра Михайловна,

Только что я получил от Бертрена[1] письмо, в котором он просит меня сказать перед спектаклем, устраивающемся 25 февр<аля> в пользу пострадавших от Парижского наводнения,[2] несколько слов – маленькую conference* о Париже, перед поднятием занавеса (на ¼ часа! Я с удовольствием принимаю это предложение.

Сейчас я очень много работаю: пишу и читаю. Написал много маленьких стихотворений. Пишу статьи.

Очень тихо и хорошо. Громадное успокоение после Петербурга. Я пью тишину и уединение, по которым совсем изголодался. Поэтому не сердитесь, что сейчас я не приду в Феодосию. Мне не хочется нарушать того ритма, который установился в жизни и внутри.

Я приеду 25<-го> к вечеру и тогда останусь на несколько дней. Мне хочется сказать об общем значении Парижа в европейской культуре – прошлой и настоящей. Очень немного и очень просто.

До свиданья. Привет Конст<антину> Фед<оровичу>.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Французский консул в Феодосии.

[2] Наводнение в Париже произошло 16/29 января 1910 г. Концерт-спектакль в пользу пострадавших состоялся в Феодосии 25 февраля в театре Савускана. Волошин готовился к выступлению

* Выступление *(фр.)*.

на вечере и даже представил текст планируемого выступления Бертрену для одесской цензуры, но выступление не состоялось, так как Бертрен отказался оплачивать Волошину проезд в Феодосию и обратно. См.: Т. 6 кн. 2 наст. изд. С. 619–623, 951–952.

[3] К.Ф. Богаевский.

229. Н.В. ДРИЗЕНУ

4 марта 1910 г. Коктебель

4/III 1910 Коктебель.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Сегодня, наконец, высылаю Вам вторую часть моей статьи о «Современном французском театре».[1]

Я говорю в ней о трех вещах: о психологии парижских зрителей, о трафаретах театра нового и новейшего и о новых намечающихся течениях фр<анцузского> театра.

Она вышла несколько длиннее, чем первая статья, благодаря обилию разных документальных деталей, впрочем, необходимых и интересных. Но ее, быть может, удобнее окажется разделить на две книги.

Кроме того, мне было бы необходимо ее самому окончательно прокорректировать, т<ак> к<ак> боюсь, что <не> истребил всех повторений и галлицизмов, что всегда удобнее сделать в корректуре.

Теперь я думаю начать подготавливать те портреты драматических критиков, о которых я Вам говорил.[2] Но их, я думаю, сделать гораздо короче.

Меньше листа каждый.

Прошу Вас передать привет Вашей супруге и всем участникам Ваших собраний, о которых я очень часто вспоминаю.[3]

До свидания.

Максимилиан Волошин.

P.S. Я буду, конечно, очень благодарен, если Вы найдете возможным мне, как и раньше, дать аванс в счет этой статьи.

Адрес: Феодосия. Коктебель.

[1] Имеется в виду статья «Современный французский театр. II. Драматурги и толпа. III. Театральные трафареты. IV. Новые течения» (Ежегодник Императорских Театров. 1910. Вып. 3. С. 60–94); в исправленном виде вошла в книгу Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914. С. 249–290). См.: Т. 3 наст. изд. С. 177–236.

[2] См. п. 233.

[3] В Петербурге в квартире Н.В. Дризена (Б. Московская ул., д. 8) в 1909–1917 гг. по средам устраивались собрания, на которых выступали ученые, писатели, актеры, режиссеры, художники. Сохранился рукописный журнал Н.В. Дризена «Наши среды» (РНБ, ф. 263, ед. хр. 363). Волошин, живя в Петербурге в 1909 – начале 1910 г., был одним из участников «сред» Н.В. Дризена. См.: *Конечный А.М.* Блок и театрально-литературные беседы («среды») Н.В. Дризена // Мир А. Блока. Блоковский сборник <V>. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 657). Тарту, 1985. С. 74–87.

230. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

4 марта 1910 г. Коктебель

4 III 1910. Коктебель.

Многоуважаемый Евгений Александрович!

Высылаю Вам книгу Суареса одновременно с этим письмом.[1] Я в ней немного разочаровался при ближайшем ознакомлении. Слишком много «для шику».

Переводов Малларме и Ренье, о которых Вы мне пишете, – у меня нет.[2] Но это можно было бы сделать. Только пусть г. Держановский пришлет мне текст Малларме – у меня нет всего собрания стихов Малларме – и напишет, в каком томе Ренье это стихотворение, – я его не знаю, а найти по первой строчке довольно трудно в 7-ми томах.

У меня наполовину написана статья о Китайской экзотике Клоделя,[3] но окончить ее я еще не успел, т<ак> к<ак> все время был занят статьей о Франц<узском> Театре для «Ежегодника».[4] Сегодня я отправляю ее и через неделю закончу и вышлю статью об экзотике.

До свиданья. Привет Серг<ею> Конст<антиновичу>.[5] Что же февральск<ий> номер?

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 227, примеч. 1. В письме от 28 февраля 1910 г. Зноско-Боровский просил Волошина выслать книгу Сюарсса как «очень нужную при печатании французского №» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 410. 6-й, мартовский номер «Аполлона» за 1910 г. был заполнен почти исключительно материалами, поступившими из Франции).

[2] В том же письме Зноско-Боровский передавал Волошину вопрос музыкального критика В.В. Держановского: «...нет ли у Вас переводов стихов Малларме "Sainté" и Анри Ренье "Le grand vent d'outremer"?» – и просьбу прислать, если таковые имеются, для вечеров современной музыки (Там же). Имеются в виду стихотворение «Святая» («A la fenêtre recelant...», 1865) Ст. Малларме и «Les grands vents venus d'outremer» А. де Ренье, получившее известность как текст песни Мориса Равеля (1906).

[3] См. п. 227, примеч. 4.

[4] См. п. 229, примеч. 1.

[5] С.К. Маковский.

231. С.К. МАКОВСКОМУ

13 марта 1910 г. Коктебель

Дорогой Сергей Константинович,

Не имейте обиды на меня за долгое молчание, наступившее после моего отъезда:[1] *мне* необходимо было отмолчаться в работе после Петербурга. Приехавши, я погрузился в землю и книги: перекашивал плантаж и перечитывал поэтов. Только теперь, но и еще с трудом начинаю подымать голову от страницы и оглядываться на окружающее. Задумываю много стихов – всё большими циклами, но пока делаю только подготовительные работы. Я дошел до грани жизни, когда должен начаться период большого уединения и молчаливой, очень замкнутой работы.

Поэтому Петербург был так тяжел для меня этою зимою, а теперь я, как жаждущий, пью каждое мгновение молчания и работы с тихим удовлетворением.

Получил № 5 «Аполлона». Он очень мне нравится. Приятно то, что с каждым номером журнал действительно крепнет и получает физиономию.

«Приключения лорда Фирфакса» – прекрасная вещь.[2] Увидеть «Венок» Вячесл<ава> Ив<анова> было для меня большой радостью. Я ведь *глазами* его еще ни разу не читал.[3]

До свиданья. Жму Вашу руку. Привет Мих<аилу> Ал<ексеевичу> и Евг<ению> Алек<сандровичу>.[4]

Получили ли Вы мою книжку?[5] Увы, она издана очень небрежно...

Максимилиан Волошин.

13 III 1910. Коктебель.

[1] См. примеч. 2 к п. 226. Из Москвы в Коктебель Волошин прибыл, по всей вероятности, 6 февраля (Труды и дни. С. 241).

[2] Повесть М. Кузмина «Путешествие сера Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам», опубликованная в «Аполлоне» (1910. № 5, февр. Отд. III. С. 13–64).

[3] «Венок сонетов» Вяч. Иванова (магистрал – «Мы – два грозой зажженные ствола...») был опубликован там же (Отд. III. С. 65–73) с подзаголовком «Из книги “Любовь и Смерть”» и с посвящением: «Посвящается Л.Д. Зиновьевой-Аннибал». Живя в Петербурге в 1909 г., Волошин слушал его в авторском чтении.

[4] М.А. Кузмин и Е.А. Зноско-Боровский.

[5] Книга Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (см. примеч. 5 к п. 197). Авторские экземпляры Волошин получил, видимо, 5 марта 1910 г. (Труды и дни. С. 243).

232. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

18 марта 1910 г. Коктебель

18.III. 1910.

Дорогая Александра Васильевна,

Ваше письмо было первым приветом моей книге,[1] и я так счастлив, что первое слово об ней я услышал от Вас. Понимание, признание хорошо тем только, что оно *освобождает*. Вот книга уже стала не моя, она уже чужая – ее поняли, ее усыно-

вили. И я могу, значит, этого уже не нести каждую минуту в себе: плод созрел, упал, отмер.

Я благодарен, как дерево, которое может начать новые завязи, когда плоды собраны. У меня чувство страшной легкости, я готов для будущего. Мне позволено не оглядываться. Вслед за Вашим письмом я получил сразу много писем от разных друзей[2] (судя по датам, почта нарочно их задержала, чтобы дать Вашему прийти первым). Они очень единодушно одобряют книгу. Вы спрашиваете об отзывах в печати. Я нисколько себя не льщу надеждами, что там будет что-нибудь хорошее. Сейчас, в этом году, в газетах и журналах прямо какое-то остервенение против литературы. Все — один за другим подвергаются какой-то неистовой травле, а я еще недавно был обильно поливаем помоями во всех газетах — особенно в Московских и провинциальных — за мою дуэль,[4] которую уже тогда называли «рекламой» для моей книги стихов. Так что ничего доброго ждать мне нечего. Впрочем, это все, вероятно, пройдет без моего ведома, т<ак> к<ак> до Коктебеля сведений доходит немного. Впрочем, мне переслали уже один отзыв,[5] но не знаю, из какой газеты: но это очевидное недоразумение, и автор его не замедлит взять свои слова обратно. Посылаю его Вам. Я уже полтора месяца в Коктебеле и страшно счастлив, что уехал из Петербурга.[6] Мне очень работается, и я работаю целыми днями. Мне кажется, что я могу оставаться здесь не месяцы, а годы, и то не успею переделать всего. Для меня началась полоса неодолимой потребности работать, и я рад, что совершенное отсутствие всяких денежных средств указало мне путь в Коктебель, где тишина, все мои книги, безлюдье и весь день целиком в моем распоряжении. Но и он кажется мне коротким. Денег у меня нет теперь совершенно, но зато здесь для текущей жизни и для первых потребностей их мне и не нужно. Так что мучит только часто невозможность выплаты разных долгов, которые оказались у меня за эти годы, но я надеюсь, что дела не могут же продолжаться так плохо постоянно. Но сейчас мне очень хорошо, и бодро, и радостно.

Спасибо за то, что «Венок Сонетов» Вам понравился. Я очень сам люблю его и ревнив к нему, и боялся, что он Вас не удовлетворит.

Как Влад<имир> Август<ович>[7] отнесся к моей книжке? Большой привет ему. Привет Каролине. До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. Эти желтенькие цветочки – цветки кизиля.

P.P.S. Я еще не выслал моей книжки Гилю – но у меня сейчас нет экземпляров, а когда я получу – я сейчас же вышлю ему.

[1] Речь идет о письме А.В. Гольштейн от 12/25 марта 1910 г., в котором она отзывалась о вышедшей около 5 марта 1910 г. первой книге стихов Волошина «Стихотворения. 1900–1910» (М.: «Гриф», 1910; А.В. Гольштейн в ней был посвящен раздел «Алтари в пустыне»):

«Милый Волошин, милый друг.

Я получила свою “внучку”, – ведь если Вы мне названный сынок, то книга Ваша мне приходится внучкой. Я нашла засохшие, но увы! еще цветные листочки, нежные, хрупкие, красивые... <...> Сборник хорош, ценен, значителен. Я боялась впечатления холодной печатной буквы <...>. Думала – вдруг не выдержит Ваш стих такого холода. Выдержал, и многое стало значительней. Вы наш единственный парнасит, – это как-то подчеркнула печать. Для публики это должно было бы быть яснее, чем для меня. Для меня ведь каждое слово – знакомый намек, для публики нет. Потому для публики Ваш стих особенно должен расцветать как цветок, “холодный, душистый и белый”. Я вижу и *голубизну*. Итак, я надеюсь, в России поймут Ваш холодный, белый, безупречной формы стих. А впрочем, не поймут и в конце концов наплевать... “Венок сонетов” – единственный незнакомый мне цикл – *удивительной красоты*. <...> Вы дошли, или совсем подошли – до настоящего искусства. <...> Благодарить ли за посвящение? Не буду. Благодарю... за сухие листики, стало быть, за ту нежную дружбу, которая годами живет. Я в очень умиленном настроении, ведь Вы это чувствуете» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 53–53 об.).

Волошин выслал А.В. Гольштейн свою книгу с дарительной надписью: «Эта книга – ровесница нашей дружбы, и большинство стихов было написано в той тетради, которую Вы мне подарили» (Труды и дни. С. 244)

[2] Волошин получил поздравления с выходом книги стихов и слова одобрения в ее адрес в письме М.В. Сабашниковой от 8 марта 1910 г., которая отмечала: «...мы все ее читаем с радостью» (Труды и дни. С. 244). Б. Леман писал Волошину: «...рад Вашей книге, я уже достал ее, как только она появилась, и так было хорошо, наконец, увидать все это напечатанным. Мне лишь немного обидно за плохое воспроизведение рисунков Богаевского, и Гриф в данном случае оказался не на высоте, но это сущие мелочи. Между прочим я собирался Вам сказать, что при внимательном разборе Ваша Corona Astralis мне понравилась, и я беру назад свои слова, только все же чуть сухо, пожалуй, хотя и это, б<ыть> м<ожет>, не плохо. Вообще она в стиле средневековой энциклопедии какого-нибудь монаха вроде Бёме, где есть и мифы, и естественные науки, и искусство, и все пронизано одной мистической нотой. И пра́во она мне понравилась очень. Хотя слов в ней очень много, но здесь это хорошо. Спасибо за Солнце, очень Вы меня этим порадовали» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 777, л. 15–15 об. Стихотворение «Солнце» – с посвящением Б.А. Леману). М. Моравская откликнулась на книгу Волошина в письме от 16 марта 1910 г.: «...Ваши стихи произвели на меня очень сильное впечатление. <...> Быть может, в Ваших стихах есть мелкие несовершенства, которых я пока не вижу. Быть может, не все стихи одинаково ценны, но одно для меня несомненно. Ваша книга – крупное, очень крупное явление в нашей литературе. Прежде всего огромное богатство образов, таких четких, выпуклых, прямо осязаемых! И нигде нет повторений: даже самые красивые образы, которые любой из наших "знаменитых" постарался бы повторить в двадцати видоизменениях, у Вас обронены, как бы случайно, и Вы никогда не нагибаетесь, чтобы поднять их вновь. Впрочем, есть исключение: Вы влюблены в царевну Таиах... Но она так прекрасна, что заслуживает многих портретов. Что касается ритмов, то Ваша книга несомненно станет настольной книгой для всех начинающих поэтов. Можно подумать, что Вы дали обет никогда не повторять одного и того же ритма. И откуда они у Вас берутся? Лучше всего Ваши ритмы скорбной и строгой тоски: "Вещий крик осеннего ветра в поле" <...> Хочется только еще заметить Вам вот что: стихи за первое пятилетие более лиричны, хотя менее богаты образами; а позднейшие Ваши стихи холодные, сдержанные... Все эмоции тщательно спрятаны в пышных складках царственных одежд Ваших стихов. Мне лично – это неприятно. Меня печалит Ваш парнассизм, Ваша холодность. И мои любимые стихи – не самые красивые, а самые лиричные. Напр<имер>: "Вослед". Поразили меня маленькие размеры Вашего сборника: я

ожидала увидеть основательный томище и вдруг: 124 стр.! эта цифра рядом с пометкой: 1900–1910 г. – такая пощечина современным поэтам, которые каждый год выпускают по сборнику! Ведь между публикой и писателем уже установилось молчаливое соглашение, что в сборнике может быть ¼ совершенных стихов, а остальное – в качестве свиты. И вдруг – маленький сборник только избранных стихов! Воображаю, какое впечатление это произведет на бедного читателя. Отвык он уже от таких приятных сюрпризов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 853, л. 3–5 об.). См. дарительную надпись Волошина Моравской на этой книге (Коктебель. 25. IV. 1910): Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 65, 62 (факсимиле). А.Я. Головин писал Волошину 24 марта 1910 г.: «Дорогой Максимилиан Александрович, как я был рад получить от Вас весть и с подарком и таким утонченным. Я прямо упиваюсь им, мне все нравится и как издано, и формат, а содержимое меня заставило как-то воспрянуть. Какие чудесные песни и сколько они еще дают почувствовать впереди, и наш балет тут приплетен каким-то кружевом. Как бы хотелось осуществить все наши мечты <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 429, л. 1–2).

[3] Критика встретила книгу Волошина вполне лояльно и в целом одобрительно. См.: Труды и дни. С. 244; Т. 1 наст. изд. С. 434–435.

[4] Об этом см.: Труды и дни. С. 235.

[5] 9 марта К.В. Кандауров отослал из Москвы К.Ф. Богаевскому вырезку из газеты для передачи Волошину (Труды и дни. С. 244), предположительно ее Волошин и мог выслать А.В. Гольштейн.

[6] Волошин приехал в Коктебель около 6 февраля 1910 г. (Труды и дни. С. 241).

[7] В.А. Гольштейн.

233. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

22 марта 1910 г. Коктебель

Коктебель. 22. III. 1910.

Дорогая Александра Васильевна, я получил только что Ваше второе письмо:[1] как странно – когда я прочел его, я *вспомнил*, что положил цветы в книгу, и теперь помню. Но я послал одну книгу. Что касается упреков за небрежность издания: я очень мучительно чувствую его недостатки, но не я

в них виновен. Корректуры были сделаны мною со всем тщанием, но после набор лежал два месяца (была забастовка), и вышло вдруг Бог знает что.[2] Обложку мне хотел сделать Яремич – но Гриф[3] уже заказал сам Арнштаму и не захотел, и не показывал мне до последнего мгновения, когда изменять уже нельзя было. Вообще же книга печаталась в Москве, а я был в Петербурге, а потом в Коктебеле. Теми же тремя днями, что я провел в Москве, я воспользовался только для того, чтобы выбрать бумагу и тон для обложки. Все же остальное делалось без моего ведома и, очевидно, скрывалось от меня для устранения хлопот и протестов с моей стороны. Книга уже много дней была в магазинах, когда мне наконец прислали ее, а теперь протестовать поздно...

До свидания. Привет Влад<имиру> Авг<устовичу>.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о письме А.В. Гольштейн от 27 марта (н.ст.) 1910 г., в котором она недоумевала по поводу того, что ей пришло два экземпляра книги стихов Волошина: одна с вложенными в нее цветами кизила (см. п. 232), другая с дарительной надписью (см. примеч. 1 к п. 232): «Как странно: сегодня я получила *настоящий свой* экземпляр Вашей книги, с Вашей надписью и подписью. Кто же послал мне *ту* книгу с листиками *на* первой странице *первого Письма?* Кто положил их на *эту* страницу, значительную в нашей личной дружбе? – Пусть это случай (конечно, случай, кто знает, что было тогда между нами?), но я прочла в листиках Ваш нежно-дружеский привет и сохраняю уверенность, что <...> все же Вы послали мне бессознательно эти листики. И за вторую, уже сознательную посылку книги *благодарю»* (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 55–55 об.).

[2] В том же письме Гольштейн ругала Волошина за то, что он выпустил свою книгу стихов с большим количеством опечаток (Там же).

[3] С.А. Соколов, владелец издательства «Гриф».

[4] В.А. Гольштейн.

234. Н.В. ДРИЗЕНУ

27 марта 1910 г. Коктебель

27/ III 1910 Коктебель.

Многоуважаемый Николай Васильевич,

благодарю Вас за аванс и посылаю Вам расписку.[1] Получили ли Вы книжку моих стихов, что я выслал Вам на днях?[2]

Благодарю за оттиски.[3] Но позвольте мне напомнить Вам, что Вы обещали мне выслать «Ежегодник» (отнеся плату в счет гонорара), и я очень жду его. Трудно установить настоящий тон статьи, не имея журнала перед глазами.

Мои статьи о критиках я хочу озаглавить «Маски театральных критиков».[4]

Туда войдут: Жюль Леметр,[5] Теоф<иль> Готье,[6] Поль де Сен-Виктор,[7] Барбэ д'Оревильи,[8] Сарсэ.[9] А впоследствии и, б<ыть> может, Ж<юль> Жанен,[10] Вейсс, Кат<юль> Мандэс, Зола,[11] Польти,[12] Герольд – но для них у меня еще ничего не готово.

Такие характеристики дадут попутно возможность затрагивать и более детально различные стороны фр<анцузского> театра.

Кроме того, я хочу еще написать отдельно характеристику кн. А.И. Урусова как театрального критика.[13] Это может быть очень интересно.

Пожалуйста, не забудьте моей просьбы о корректурах моей статьи – ей нужно непременно сделать окончательную ретушь.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 229, P.S.

[2] В письме от 2 апреля 1910 г. Н.В. Дризен отвечал Волошину: «Я был очень тронут получить от Вас, многоуважаемый Максимилиан Александрович, Вашу книгу стихов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 9).

[3] Оттиски статьи Волошина «Современный французский театр. II. Драматурги и толпа. III. Театральные трафареты. IV. Новые течения».

[4] Этот замысел Волошина остался нереализованным.

[5] Жюль Леметр (Lemaitre). В 1883 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Комедия после Мольера и театр Данкура», с 1885 г. вел отдел театральной критики в крупнейшей парижской газете «Journal des Débats». Итогом его работы в качестве театрального критика стал свод статей «Театральные заметки» («Impressions de théâter», 10 томов, 1888–1898).

[6] Из критических работ Теофиля Готье (Gautier) выделяются книга о забытых поэтах XV–XVII вв. «Гротески» (1844), «История романтизма», вышедшая посмертно (1874), очерк о Ш. Бодлере.

[7] Фельетоны и театральные отчеты Поля де Сен-Виктора появлялись в течение четверти века в газетах «Pays», «Presse» и «Liberté». Один из главных трудов Сен-Виктора «Les deux Masques» (1880–1883) – обширная история театра «От Эсхила до Бомарше», которая не была завершена из-за смерти автора.

[8] Журнальные статьи Жюля Амеде Барбэ д'Оревильи (Barbey d'Aurevilly) составили грандиозную серию «Произведения и люди. XIX в.» («Les œuvres et les hommes. XIX siècle»). Статья о нем вошла в сборник Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914; см.: Т. 3 наст. изд. С. 41–70). Волошин написал также предисловие к переводу Ал.Н. Чеботаревской книги Барбэ д'Оревильи «Les Diaboliques», вышедшей в издательстве «Пантеон».

[9] Театральная критика Франсуа Сарсе (Sarcey) объединена в сборниках «Comediens et comediennes» (1878–1884), «Quarante ans de théâtre» (1900).

[10] Жюль Жанен (Janin) с 1830 г. на протяжении многих лет сотрудничал в «Journal des Débats», где вел отдел театра и публиковал многочисленные фельетоны, статьи, нравоописательные физиологические очерки и портреты современных артистов и художников. Впоследствии фельетоны были объединены Жаненом в многотомном издании «История драматической литературы» (1853–1858).

[11] Статьи Эмиля Золя (Zola) о театре объединены в сборниках «Натурализм в театре» («Le naturalisme au théâter», 1881) и «Наши драматурги» («Nos auteurs dramatiques», 1881).

[12] См. упоминания о критических работах Ж. Польти в позднейшей мемуарной записи Волошина (27 марта 1932 г.; Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 203–204). См. также п. 363.

[13] Для Волошина была значима фигура кн. А.И. Урусова как знатока французской культуры, много сделавшего для установления творческого диалога между русским и французским искусством. Между тем этот замысел остался неосуществленным.

235. В. КРИВИЧУ

27 марта 1910 г. Коктебель

27/ III 1910. Коктебель.

Благодарю Вас, Валентин Иннокентиевич, за Ваше внимание.

Статья о Лек<онте> де Лиле снова заставила звучать в ушах голос Ин<нокентия> Феод<оровича> и сжаться сердце.[1]

Посылаю Вам книжку моих стихов – до сих пор не было экземпляров, потому так поздно.[2]

Привет Вашей матушке.[3]

Максимилиан Волошин.

P.S. Как идет печатанье «Кипарисового Ларца»?[4]

[1] В. Кривич выслал Волошину статью И.Ф. Анненского «Леконт де Лиль и его "Эриннии"», опубликованную в «Ежегоднике Императорских Театров» (1909. Вып. 5. С. 57–93).

[2] См. примеч. 5 к п. 231. 3 апреля 1910 г. Кривич писал Волошину: «Большое спасибо Вам за книгу стихов. Еще ярче в книге выступает удивительная, какая-то "отточенная", четкость Ваших линий, уверенных и благородно-красивых. Здесь, в целом – еще ярче та "насыщенность", кот<орая> всегда меня поражала в Ваших стихах, и благородная изысканность их скульптуры и мелодий, насквозь и с любовью продуманных...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 713).

[3] Надежда (Дина) Валентиновна Анненская (урожд. Сливицкая, в первом браке Борщевская (Хмара-Барщевская); 1841–1917), вдова И.Ф. Анненского.

[4] См. примеч. 3 к п. 211.

236. С.К. МАКОВСКОМУ

3 апреля 1910 г. Коктебель

3 IV 1910. Коктебель.

Посылаю Вам, Сергей Константинович, статью об «экзотизме» («Клодель в Китае»), наконец законченную.[1] Получили ли Вы мою книжку стихов?[2] Я Вам уже давно послал ее.

Я надеюсь, что Вы, прочтя эту статью, полюбите Клоделя, так же как Ренье: здесь он в своих ясных страницах.

Теперь я начну осуществлять свои статьи по русской литературе: о Кузмине, о Сологубе, об историчес<ком> романе (Брюс<ов>, Мережк<овский> и Кузмин) и т.д., как предполагалось.[3] У меня уже многое для этого подготовлено.

Мне очень бы хотелось посылаемую статью самому прошлифовать в корректурах, если возможно. Это очень важно.

Позвольте мне тоже напомнить, что я за февраль не получил до сих пор гонорара.[4]

Привет Евг<ению> Алекс<андровичу> и Мих<аилу> Алексеевичу.[5]

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 227, примеч. 4.

[2] См. п. 231, примеч. 5.

[3] Эти замыслы не были реализованы. См. подготовительные наброски Волошина к статье о Ф. Сологубе (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 594–599).

[4] В февральском номере «Аполлона» была опубликована статья Волошина «Мысли о театре» (1910. № 5. Отд. I. С. 32–40).

[5] Е.А. Зноско-Боровский и М.А. Кузмин.

237. А.М. РЕМИЗОВУ

4 апреля 1910 г. Коктебель

4/IV 1910 Коктебель.

Дорогой Алексей Михайлович!

Я тоже очень, очень жалею, что мы совсем не виделись эту зиму.[1] Но мне все было так противно в Петербурге, что не хотелось никому из хороших знакомых показываться. С меня довольно Петербурга – теперь я не скоро уже вернусь туда. Как Ваше здоровье, Алексей Михайлович? Для Вас эта зима была очень тяжела? Что это за времена настали? Комета, должно быть...[2]

Об Лапландии ничего не знаю, Алексей Михайлович.[3] Но знаю, что все, что известно об Лапландцах – все собрано в Трудах Угро-Финского Общества, издающихся в Гельсингфорсе. Около 12 том<ов>, кажется.[4]

Очень хорошо, что Вы туда поедете, да еще с Пришвиным.[5] Передайте мой привет ему.

Алексей Михайлович, у меня так и остались те материалы, которые Вы мне дали для моей, не увидевшей света, статьи о плагиате.[6] Выслать мне Вам их? Рукопись этой статьи моей так и исчезла. Я писал Галичу[7] (она у него), чтобы он выслал. Но разве от него толку добьешься когда-нибудь? Может, если увидите его, Алексей Михайлович, то воздействуйте на него в этом отношении – чтобы вернул... Потому что я бы ее переработал и напечатал бы. Теперь с обвинением в плагиате Сологуба[8] еще материалу прибавилось.

Привет Серафиме Павловне.[9]

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин отвечает Ремизову на его письмо от 24 марта 1910 г.: «Дорогой Максимилиан Александрович! Очень Вам благодарен за Вашу книгу, получил ее. Зачем Вы не зашли тогда перед отъездом, я Вас все ждал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 26).

[2] Речь идет о комете Галлея. В 1910 г. ученые сообщали, что утром 19 мая комета точно расположится между Солнцем и Землей на расстоянии 22,5 миллиона километров от Земли, а так как длина хвоста кометы Галлея к этому времени превышала 30 миллионов километров, то Земля, двигаясь по своей орбите, должна была пройти через ее хвост. Весь мир ожидал этого события с ужасом. Газеты были наполнены предсказаниями гибели человечества от отравления угарным газом. Обсуждались разные версии негативного влияния кометы на поведение людей.

[3] В своем письме Ремизов просил Волошина: «Напишите мне, Максимилиан Александрович, кто такие лопари. В конце мая едем с Пришвиным в Лапландию. А мне Белкин (Верхотурский) сказал, что вы о лопарях знаете. Я о них знаю, что колдуны они, знаю, что Ивану Грозному привозили лопаря – нойда, знаю о некоторых нойдах – что делали при жизни и по смерти, знаю, что русских лопарей 2000, так считают, но их больше – есть такие умерли, а ходят по Лапландии, ищут, кому бы ключи передать. Напишите, Максимилиан Алексан-

дрович, я поеду и буду смотреть» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 26). Вместе с письмом Ремизов выслал Волошину два отзыва о его книге стихов: из газеты «Утро России» (1910, 30 марта; автор – О. Б.) и из журнала «Современный мир» (1910, № 4; автор – В.М. Волькенштейн). Упоминаемый Ремизовым художник В.П. Белкин (Верхотурский) – знакомый Волошина еще по Парижу 1902 г. (см. п. 1).

[4] В ответном письме Ремизов указал Волошину «самую лучшую книгу, где дается и история, и география, и всякие рассказы» о Лапландии, книгу Харубина «Русская Лапландия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 26). Имеется в виду книга Н.Н. Харузина «Русские лопари. Очерк прошлого и современного быта» (М., 1890).

[5] План совместной с М.М. Пришвиным поездки в Лапландию для сбора фольклора не был реализован. См.: Письма М.М. Пришвина к А.М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е.Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 173–175.

[6] 16 июня 1909 г. в вечернем выпуске «Биржевых Ведомостей» было опубликовано «письмо в редакцию» «Писатель или списыватель?» (подписанное псевдонимом Мих. Миров), в котором Ремизова обвинили в плагиате. Поводом послужила публикация писателем сказок «Небо пало» и «Мышонок» без ссылки на фольклорный первоисточник – «Северные сказки» Н.Е. Ончукова (1908). Более подробно об этом см: *Данилова И.Ф.* Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование / Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. Хельсинки; М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 292–316; *Данилова Инга.* Литературная сказка А.М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 99–124. 3 октября 1909 г. Ремизов написал об этих обвинениях Волошину и выслал ему газетные материалы со своими пометами для статьи «О плагиате», которая не была опубликована. Сохранились черновые материалы к ней (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 605–615, 935–940).

[7] Галич – псевдоним Л.Е. Габриловича. В ответном письме Ремизов сообщал Волошину: «Габриловича я не видал. Я опять заболел: опять простудился и кашляю. А потом мне неловко о себе статью просить. Лучше отрядите Белкина, пускай отыщет этого Габриловича» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1020, л. 26).

[8] В январе 1910 г. литературные критики супруги Редько развернули в печати кампанию по обвинению в плагиате Ф. Сологуба (См.: *Редько А.* Ещё проблема // Русское Богатство. 1909. № 1; *Редько А.* Фёдор Сологуб в бытовых произведениях и в «творимых легендах» // Русское Богатство. 1909. № 2–3; *Анчар* <*Боцяновский В.Ф.*>. Плагиат ли? // Новая Русь. 1910. № 28, 29 января; *Боцяновский В.* О плагиате

Сологуба // Новая Русь. 1910. № 86. 29 апреля). В дневнике К. Чуковского (запись от 25 апреля 1922 г.) сохранились зафиксированные признания Ф. Сологуба по этому поводу: «Сологуб в пальто сел у открытого окна и стал буффонить. <...> Очень игриво говорил он о своих плагиатах. “Редько, — говорил он, — отыскал у меня плагиат из дрянного французского романа и напечатал en regard. Это только показывает, что он читает плохие французские романы. А между тем у меня чуть ли не на той же странице плагиат из Джордж Элиот, я так и скатал страниц пять, — и он не заметил. Это показывает, что серьезной литературы он не знает”» (*Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра - Книжный клуб, 2006. Т. 12. С. 39).

[9] С.П. Ремизова-Довгелло.

238. В. ПЯСТУ

4 апреля 1910 г. Коктебель

4 IV 1910. Коктебель (Феодосия).

Дорогой Владимир Алексеевич,

С удовольствием бы выслал Вам мою книжку, и выслал бы уже давно, — но все никак не могу добиться еще экземпляров от Грифа[1] — а тех, которые он выслал, оказалось слишком мало. Как только получу — сейчас же вышлю.

За это время я получил* некоторые страницы Вашей «Ограды».[2] В ней стыдливость смешана с дерзкой откровенностью. Хорошо, когда Вы как бы преодолеваете неловкость, чтобы сказать верно и точно.

«И я, войдя в земную клеть,
Стал плотью, кровью, костью».[3]

Над чем сейчас Вы работаете? Пишете ли стихи? Пришлите — если не лень переписать — последних.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

P.S. Только что получил экземпляры книги и посылаю одновременно с письмом.

---

* *Вероятно, описка (по аналогии со словом «получу» в предыдущей строке).*

[1] Гриф – С.А. Соколов. Видимо, в неизвестном нам письме В. Пяст обращался к Волошину с просьбой о его книге «Стихотворения. 1900–1910» (см. примеч. 5 к п. 231).

[2] Имеется в виду «Ограда. Книга стихотворений» Вл. Пяста (СПб.: Изд. М.О. Вольф, 1909), вышедшая в свет в мае 1909 г. Пяст подарил ее Волошину 27 января 1910 г. (Труды и дни. С. 241).

[3] Заключительные строки стихотворения «Двойник» («Опять на улице на миг...»), входящего в книгу «Ограда». См.: *Пяст Владимир.* Стихотворения. Воспоминания. Томск: Водолей, 1997. С. 22.

239. А.М. ПЕШКОВСКОМУ

4 мая 1910 г. Коктебель

4 V 1910 Коктебель.

Мой милый Саша, я действительно должен тебе признаться, что твои переводы не только мне не понравились, но даже *очень* не понравились, и отчасти поэтому я заставил тебя так долго ждать моего ответа.[1] Но ты моему мнению не придаешь слишком большого значения, и потому я не побоюсь высказать его целиком. Когда ты читал мне их в Москве, то я был так заинтересован опытами твоими над размерами, что совершенно не обращал внимания на слова. Теперь, когда я прочел их сам, то увидел, как это тяжеловесно и не похоже на подлинник. (У меня есть Гораций в прозаическом переводе Леконта де Лиля,[2] считающемся совершенным, и вместе с латинским текстом, так что я имел возможность дешифрировать подлинник). У тебя совершенно и безнадежно не схвачен ни дух, ни стиль Горация. Я думаю, ты не будешь оспаривать, что перевод должен давать эквивалент подлинника. Гораций – поэт светский, легкий, с улыбкой сообщающий свою легкую житейскую мудрость. Его обаяние – это ясность стиха и простота слов. А что ты сделал из него. (Почему «злато», а не «деньги»? Почему «слава», а не «молва»? и т.д.[3]) В смысле передачи горацианского духа мне кажется идеальным вольный пушкинский перевод «Кто из богов мне возвратил...»[4] Стиль Пушкина – вот русский эквивалент стилю Горация. А ты почему-то счел нужным писать слогом ломоносовским. Твои переводы

трудно понять – в них торжественный штиль, лжеклассицизм дурного тона. Я понял смысл некоторых строф, только прочтя их по-французски. Разве это игривые, любезные, латински-ясные стихи светского bon-vivant, каким он был? Это подстрочник, переложенный в стихи, – не больше. В них нет ни малейшего творчества... Ну, вот, а теперь, хотя я тебя окончательно разобидел и оскорбил, то хочу прибавить, что как ритмические опыты это мне все же кажется очень интересно и нужно и полезно для русского стиха. И Сапф<ическая> и Алкеева – мне нравятся, но Архилохова III – я ее не смог почувствовать.[5] Спондеи по-русски – нелепость и возможны только в правильных гекзаметрах и то с крайнею осторожностью и для каждого должны быть свои логические и звуковые оправдания. А здесь это просто отсутствие одного слога, которое режет ухо. Ты только по одному дню на оду употреблял? Это при новых и непривычных языку размерах просто престижитаторство. Чтобы передать такую строфу, как Архил<охова> III, надо по крайней мере месяца два непрестанно жить в ее ритме, твердя его про себя за каждым делом и отбирая к ней группы возможных слов и сочетаний. Разве можно иначе?

Я, когда уехал из Москвы после нашего разговора, целый месяц выстукивал в уме Алкееву строфу и сделал потом несколько опытов. Посылаю тебе один, если тебе интересно. (В третьей строке на конце два долгих).[6]

Я пишу тебе мое мнение голословно, потому что оно настолько отрицательно. Я пробовал твои переводы исправлять, но это, по-моему, безрезультатно. Но если хочешь – напиши, и я тогда напишу тебе детальный разбор каждого слова и оттенка 2–3-х строф, чтобы убедить тебя в сериозности моего мнения.

А теперь – пожалуйста, не сердись на меня: если очень станет обидно, то махни рукой и скажи «декадент» – от это<го> обида пройдет.

Привет Людм<иле> Серг<еевне>.[7] Книжка моя вышла, купить ее можно в любом книжном магазине (ц. 80 к.).[8] Прости за резкость моего осуждения.[9]

Макс.

[1] Речь идет о стихотворных переводах из Горация; Пешковский познакомил Волошина с ними в Москве 29 января 1910 г. (Труды и дни. С. 241). В письме к Волошину (около 18 апреля 1910 г.) Пешковский сообщал: «...принялся за обработку переводов по твоему рецепту, т.е. посвящая каждой оде чуть не день. В результате переработал 2 оды и заново перевел одну, что и предлагаю твоему благосклонному вниманию. <...> мне очень хочется знать твое мненье и во всяком случае о красоте или некрасоте стиха, т.е. звуков, размера, выражений и т.п., ты мне скажешь, а я уж разберусь, в чем виноват я, а в чем Гораций. Дело в том, что я не считаю возможным *исправлять* или *комментировать* в переводе (таков вообще мой взгляд на перевод) и поэтому стараюсь неясное или двусмысленное у Горация передать столь же неясно и двусмысленно, вычурное – вычурно, необычное для латинского языка – необычным для русского, наоборот, простое, иной раз слишком прозаическое – простым и прозаическим и т.п.» Не дождавшись ответа, Пешковский вновь написал Волошину 1 мая: «Получил ли ты мое письмо с переводами? Если даже твое мнение самое уничтожающее, то и то напиши и даже тем скорее сделай это, так как это заставит меня поскорее развязаться с этого рода деятельностью (конечно, если и от других я услышу то же самое)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[2] Имеется в виду издание: Œuvres de Horace. Traduction nouvelle par Leconte de Lisle. T. 1–2. Paris, 1873.

[3] Имеются в виду начальные строфы оды, обращенной к Саллюстию Криспу (Оды, II, 2), в переводе Пешковского (сапфическая строфа):

В злате нет красы, в глубине сокрытом
Жадных недр земных, сребролюбья чуждым,
Крисп Саллюстий! Нет, лишь в разумной трате
Злато сияет!

Будет долго жить Прокулей, известный
Тем, что к братьям был по-отцовски щедр:
Он в веках живет, вознесен на крыльях
Славы нетленной.
(ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 39).

Волошин предпринял попытку исправить эти строки; его карандашные варианты ст. 1: «Нет в деньгах красы, в тайниках сокрытом»; ст. 4: «Будет жить в веках Прокулей, известный».

[4] «Кто из богов мне возвратил...» (1835) – вольный перевод оды Горация, обращенной к Помпею Вару (Оды, II, 7).

[5] См.: *Гаспаров М.Л.* Стихотворные размеры Горация // Гораций Флакк Квинт. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худож. литература, 1970. С. 423–429. Архилоховой третьей строфой написана ода, обращенная к Сестию (Оды, I, 4); в переводе Пешковского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964, л. 40 об., 41 об.):

Ковы слабеют зимы, // сменяются // вешних ветров лаской,
По брусьям в воду // челн сухой сползает,
Стойлу не рад уж бычок, // встревоженный, // теплой печке пахарь,
Седой в полях белеет реже иней;

Вон уж Венера спешит с подругами; в лунном блеске мчатся
В веселом танце хоры нимф и граций;
Легкою поступью такт отбивается; той порой циклопам
Вулкан ужасный мечет в горы пламя.

Ныне, власы умастив, прикроем мы пышной ветвью мирта,
Скрепив цветком земли согретой даром;
Ныне под сенью дерев, таинственной, чтить мы будем фавна,
Заклав козла иль, если хочет, агнца.

Бледная смерть равно стучится ведь в дверь лачужки бедной
И в царский замок. О блаженный Сестий!
Краткий итог наших дней далекие нам пресек надежды;
Настигнут мрак тебя и рои Манов

В доме Плутона скупом. И только лишь страшный вход замкнется,
Царем пиров не будешь ты уж боле,
Нежный тебя и Лики́д не тронет уж, кем юнцы все бредят
И скоро девы тайно увлекутся.

[6] Стихотворный текст при письме отсутствует; из ответного письма выясняется, что Волошин отправил Пешковскому автограф стихотворения «Седым и низким облаком дол повит...» (8 февраля 1910 г.), написанного алкеевой строфой. См.: Т. 1 наст. изд. С. 157. В ответном письме Пешковский отмечал: «Мне твой à la Гораций очень нравится, но боюсь, что человек, не видавший Коктебеля, его не поймет и сочтет оригинальничением. Отчасти мои опасения оправдались: кому я ни читал, “полосы йода и пятна желчи” действовали на всех так, как если бы их вымазали йодом или изрыгнули перед ними желчь <...> Особенно мне нравится: “Жгутами струй сечет глаза дождь”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 964).

[7] Л.С. Пешковская.

[8] См. примеч. 5 к п. 230. В письме, отправленном около 18 апреля 1910 г., Пешковский спрашивал Волошина: «*Вышла ли твоя книга и если да, то где ее можно купить?*». В ответном письме Пешковский сообщал: «Стихи твои я купил, но не успел как следует в них вчитаться, как пришлось уезжать, и я их отдал на лето в переплет. Странное отношение у меня получилось к “венку сонетов”: я в нем ничего не понимаю, а в то же время он на меня как-то действует, и мне его *страшно* хочется понять».

[9] Ответное недатированное письмо Пешковского было отправлено после значительного временного перерыва; в нем, в частности, говорилось: «...досадно стало, что я тебе в свое время не ответил и что наша переписка не продолжилась... Ты наверно подумал, что я обиделся, а я, напротив, очень и искренно был тебе благодарен за откровенность и эту горячую благодарность вот уже несколько месяцев как собираюсь тебе высказать <...> спасибо тебе, что ты не оскорбил меня ложью. Если бы для меня твое слово бесповоротно решало дело, то твое благодеяние было бы еще бóльшим, так как я бросил бы переводы, которые как-никак отвлекают меня от языковедения, и сосредоточился бы на своей главной задаче; разбрасывание мне порядочно вредит. Но, к сожалению, твой отзыв не убедил меня по 2-м причинам: 1) ты подошел к делу не с той стороны, с которой мог быть мне полезен. Посылая тебе переводы, я никак не думал, что ты вздумаешь посмотреть в оригинал, и если бы знал, то не послал бы. Мне важно было твое мнение именно, как человека, не знающего по-латыни, с одной стороны, и литературно развитого, с другой, т.е., другими словами, как будущего *читателя* моих переводов, но не *критика* <...> Во-вторых, у тебя получилась уж слишком резкая противоположность между отзывом, данным в Москве, и коктебельским. В Москве ты все находил слишком простым, прозаическим, ясным и т.д. – в Коктебеле, наоборот, ломоносовским. <...> все же контраст получился странный, а в отдельных мелочах даже смехотворный: в Москве ты говорил: “почему деньги, а не металл, не серебро, как в оригинале?” (об оригинале ты узнал тогда от меня). Из Коктебеля ты пишешь: “зачем злато, а не деньги?” и т.д. Я даже удивился твоей забывчивости». Далее Пешковский изложил положительный отзыв профессора классической филологии А.А. Грушки и сообщил о своем решении «переводов не покидать, но предварительно побольше вчитаться в римскую поэзию». Переводы Пешковского из Горация (и из других римских поэтов) в печати не зафиксированы.

240. А.М. ПЕТРОВОЙ

7 мая 1910 г. Коктебель

7/V 10. Коктебель.

Дорогая Александра Михайловна, я исполнил поручение относительно Судака немедленно:[1] съездил в тот же день, все узнал и написал. Я думал попасть к Вам в Эссен Эли[2] очень скоро, но все задержки: мама сегодня уезжает судиться — сперва в Феодосии (8-го), а затем в Ст<аром> Крыму (10-го). Так что я пока прикован к Коктебелю и буду у Вас, вероятно, 11-го мая (или б<ыть> м<ожет>, 10-го).[3]

Приеду на несколько дней и жду этого с большим нетерпением.

До свиданья.

Макс. Волошин.

[1] Речь, вероятно, идет о поручении А.М. Петровой, связанном с просьбой студента-археолога Б.Н. Эдинга (см. п. 244, примеч. 2), который намеревался приехать на раскопки в Судак и просил узнать к 10 мая, кому принадлежит земля близ Судака с развалинами средневековой церкви (Труды и дни. С. 246).

[2] Эссен-Эли (Бабенково) — имение в Крыму.

[3] Волошин посетил Петрову в Эссен-Эли 11 мая 1910 г. (Труды и дни. С. 248).

241. ВЯЧ. И. ИВАНОВУ

17 мая 1910 г. Коктебель

17.V.1910. Коктебель.

Благодарю за слова ко мне и обо мне.[1] Любовь к тебе велика и не умрет. Но *не судить* тебя не могу. А судию во мне вызвал к сознанию и бытию ты сам. Я же преобороть его *пока* не могу. И он судит тебя гневно и негодуя. Ты сам знаешь.

Твои слова обо мне справедливы: таинство Жизни для меня закрыто — я его *понимаю*, и не умею жить.

Твое предостережение от моей поэзии я бы принял, если бы оно не было голословно. Такие слова требуют точных указаний, анализа и комментария. *Мне* оно понятно, но понятно ли тем, кого ты от меня предостерегаешь? Недоумение Кузмина (которого за статью благодарю и упреки в «перегруженности» принимаю) перед тем, что он называет моим* «оккультизмом,[2] свидетельствует, что эта самая важная сторона моей лирики (и «опасная») останется темна, б<ыть> м<ожет>, для всех, кроме тебя. Я же стою на том, что лирика не должна быть прикована к сфере Камы, а должна захватывать Манас,[3] и моя точка зрения всегда оттуда. До свиданья.

Максимилиан.

[1] Отвст на письмо Вяч. Иванова от 9 апреля 1910 г., написанное по получснии книги Волошина «Стихотворсния. 1900–1910» (М., 1910) с надписью:

Вячсславу – Максимилиан

Еще <нс> отжиты связавшие нас годы,
Ещс нс пройдены сплетсния путей:
Вдвосм, руслом одним, – не смешивая воды,
Любовь и нснависть текут в душе моей.

7. III. 1910 г. Коктебель.

(*Купченко В., Марков А.* «Как знак... в дар... на память...» Дарствснные надписи М.А. Волошина на книгах // Дружба народов. 1984. № 7. С. 232). Иванов опубликовал рецензию на «Стихотворения. 1900–1910» в «Аполлонс»: «Это богатая и скупая книга замкнутых стихов – образ замкнутой души. Она учит поглощать мир, а не расточать свою душу. Поэт “Киммерийских Сумерек” должен научиться быть щедрым, чтобы петь, как поет птица» (1910. № 7. Отд. II. С. 38). Тс жс размышления и оценки – в письме Иванова от 9 апреля:

«Дорогой Макс, благодарю тебя за твою книгу, и один из двух голосов твоей души благодарю я за произнесенное им слово – “любовь”. Другому же голосу говорю: “Да нс будст! Да обличится и претворится в тебе все, как во мнс все обличилось и претворилось!”

* *Слово написано дважды.*

Книга, как собрание давно мне знакомого и частию глубоко близкого, нравится мне своею густотою, своею содержательностью. Богатая и скупая книга замкнутых стихов, образ замкнутой души. Я радуюсь, что она существует; но я не хотел бы, чтобы она влияла на поэтов. Она учит поглощать мир, а не расточать свою душу. Моя критика: научись быть щедрым, чтобы петь, как поет птица. *И прости мою неправду*.

С любовью *Вячеслав*».

(Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 157. Публ. Г.В. Обатнина. Исправлено по автографу: ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 581).

[2] Имеется в виду рецензия М. Кузмина на «Стихотворения. 1900–1910» (Аполлон. 1910. № 7. Отд. II. С. 37–38), в которой говорилось: «...стремясь к возможной насыщенности всех отдельных строк, поэт часто перегружает их до потери равновесия, так что, случается, одна строчка уничтожает другую, как бы выбивает из представления читателя предыдущие образы. К сожалению, мы недостаточно осведомлены в тайных науках, чтобы судить, насколько глубок оккультизм Максимилиана Волошина. <...> Однако для нас важно то, что сама точка зрения автора – его взгляд на вещи, природу и человеческие чувства – насквозь проникнута оккультизмом. Эта в конце концов внежизненная, “внемировая” лирика, трепетно холодная и гипнотизирующая, одетая в слепительно яркие, но не всегда согласованные между собою краски, эти местами щегольские по технике, перегруженные, тяжеловато-пышные, торжественные строки производят впечатление влекущей и странной, несколько страшной маски... Можно не испугаться, не поверить, но пройти мимо, не смутившись хотя бы в первую минуту, невозможно» (*Кузмин Михаил*. <Соч.> Т. III. Эссеистика. Критика. М.: Аграф, 2000. С. 90).

[3] Основные понятия древнеиндийской философии, востребованные теософией: «*Кама* (санскр.). Дурное желание, вожделение, хотение; привязанность к существованию»; «*Манас* (санскр.). Буквально, “ум”, ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо <...> *Эзотерически*, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго, или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. С. 210, 269–270).

242. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

17 мая 1910 г. Коктебель

17.V. 1910. Коктебель.

Дорогая Александра Васильевна, Ваше письмо[1] пришло в такой же безветренный и серый день, в какой Вы написали его, и потому у меня действительно осталась иллюзия беседы с Вами. Я согласен со всем, что Вы говорите о Толстом.[2] В нем громадные и еще не сознавшие себя силы. Каждая новая вещь является как бы неожиданностью для него самого, но неожиданностью, являющеюся следствием очень серьезной и упорной работы. Я горжусь тем, что угадал эту силу в нем еще в Париже и уже тогда советовал ему писать то, что он пишет теперь. Читали ли Вы его «Сорочьи Сказки»? Какие громадные скачки он делает и какой путь прошел за эти два года![3] Только бы ему не застрять в Петербурге. Там немного страшно за него. Его там затеоретизируют. А ему это никак нельзя. Его художественность в первобытной цельности, в насыщенной бессознательности. В «Аполлоне» его уже приспособляют к писанию критических статей,[4] а Вячеслав[5] его приобщает к мифотворцам. Но он довольно защищен.

Я не могу спокойно и равнодушно вспомнить Петербург и атмосферу редакции «Аполлона» – так во мне все подымается снова. Я больше в Петербург не вернусь. Я теперь надолго замкнулся в Коктебеле и отмалчиваюсь. «Плюмитизм»* устрашает меня. Сейчас я ничего не пишу. Молчу и читаю. Читаю между прочим Бергсона («Ev<olution> Créat<rice>»), читаю медленно, страницу за страницей, наслаждаясь каждой фразой всею осязательною чувственностью моего мозга.[6] И, конечно, постоянно вспоминаю Вас и мысленно благодарю Вас за то, что Вы мне «велели» его слушать и его читать.

Сейчас в моей жизни как бы большой антракт. Сейчас ослабли, частью порвались, частью разошлись все связи с прошлым, со всеми обстоятельствами и со всеми людьми, наполнявшими жизнь за последние семь лет. Я опять стою на распутье, ничем не связанный с прошлым. Буду ждать, чтобы

---

* *Здесь, вероятно:* «бумагомарание».

на этот раз вырос ростом более мудрый и крепкий. Поэтому теперь мне не грустно, но как-то очень безрадостно, не тихо, но бесшумно.

Вы просили меня послать Вам, что обо мне будут писать. Как я и ждал, ничего, кроме суровых осуждений, стихи мои не вызвали.[7] Но и то хорошо, что все решительно признают меня если и бездарным, но во всяком случае «культурным» поэтом. Хотя это произносится с видимым осуждением. Посылаю Вам несколько образцов критики, случайно попавших в мои руки.[8]

Адел<аида> Казимировна,[9] как я только что узнал, приехала на днях в Судак, и я туда поеду вскоре навестить ее. Я ведь с Парижа не видел ее.

Прилагаю тоже несколько стихотворений, написанных этою весною в Коктебеле.[10]

До свиданья. Привет Вл<адимиру> Авг<устовичу>[11] и Каролине.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о письме А.В. Гольштейн от 22 мая 1910 г.: «Мой милый Волошин! Сегодня... теплый, скучный воскресный день. Как-то особенно тихи каштаны перед моим окном, и это соединение весны с осенней грустью и тишиной, совсем небесной, напомнило мне Вашу книгу. Но читать ее не хочется, а захотелось написать Вам, хотя писать хочется не об Вас и не о себе, а о Толстом. Не знаю, что Вы думаете о нем, но я в восторге. Я вижу в нем большого писателя <...>. Писателя "русской земли". Для меня это какой-то родной талант. В нем дальнейшая эволюция нашей литературы, ее стыдливая простота, ее внутренняя сила, кот<орая> говорит душе, не бьет по нервам. <...> И что мне ценно – он отошел от шатания, ввел нас снова в жизнь. Хочу знать, согласны ли Вы с этим. Я обретаюсь в черной меланхолии. Сама не знаю – почему. Вижу часто Бальмонта, с которым нахожусь в дружбе, но не в умственном общении. Зато с Екат<ериной> Алекс<еевной> чувствую себя все нежнее связанной. Мне безумно жалко Бальмонта, не Бальмонта человека, а писателя. Зачем он тратится на всякую билеберду, не пойму! <...> А Вы, мой милый, что пишете? Я надеюсь, что Вы не отдадите себя стереть "плюмеризму"? Думайте об устройстве для себя чего-нибудь, т.е. заработка, помимо писания!» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 57–58).

[2] А.Н. Толстой подарил Волошину сборник «Сорочьи сказки» 25 декабря 1908 г. (Труды и дни. С. 235). В № 3 «Аполлона» за 1909 г. была опубликована рецензия Волошина на него (см.: Т. 6 кн. 1 наст. изд. С. 287–289, 712–713).

[3] См. примеч. 13 к п. 220.

[4] Предположительно имеется в виду публикация рецензии А.Н. Толстого на книгу М. Багрина «Скоморошьи и бабьи песни» в № 7 (апрельском) «Аполлона» за 1910 г. (С. 42–43).

[5] Вяч. И. Иванов.

[6] Речь идет о труде Анри Бергсона «Творческая эволюция» (1907). Интерес к Бергсону у Волошина восходит к концу 1908 г., когда в ноябре-декабре в Париже он слушал его лекции. О воздействии Бергсона на творчество Волошина см.: *Wallrafen Claudia.* Maksimilian Vološin als Künstler und Kritiker. München, 1982. S. 205–224.

[7] Предположительно, Волошин мог выслать А.В. Гольштейн рецензии на свою книгу из «Утра России» и «Современного мира», полученные от Ремизова (см. п. 237, примеч. 3) и фельетон В. Буренина (Новое Время. 1910. 25 апр.), который ему переслал А.Н. Толстой.

[8] Откликаясь на выход в свет книги Волошина, критика по преимуществу писала об интеллектуальной насыщенности стихотворений. Так, в «Утре России» было сказано: «Это лирика ума, лирика эмоций и созерцаний, схваченных рассудком», об этом шла речь и в рецензии С. Городецкого (Золотое Руно. 1909. № 11/12): «Книга ума, а не чувства, тонкой ювелирной работы, а не вдохновения». В.М. Волькенштейн в «Современном Мире» (1910. № 4. С. 132) писал: «Изысканная, сложная, но лишенная поэтической силы книга». О Волошине как «изысканнейшем, утонченнейшем, культурнейшем нашем поэте» отозвался В. Полонский во «Всеобщем ежемесячнике» (1910. № 5) в статье «Цветы весенние» (Труды и дни. С. 249).

[9] А.К. Герцык. Общением с ней и ее супругом Д.Е. Жуковским отмечен был конец 1908 г. в Париже (см.: Т. 7 кн. 1 наст. изд. С. 300).

[10] Какие стихи выслал Волошин, неизвестно.

[11] В.А. Гольштейн.

243. Н.В. ДРИЗЕНУ

19 мая 1910 г. Коктебель

19/V 1910 Коктебель (Феодосия).

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Высылаю Вам одновременно корректуры.[1] Извиняюсь за некоторое промедление — это вина почтового неустрой-

ства — за заказными посылками надо самому ехать в город за 20 в<ерст>. Я получил только вчера вечером их и сегодня возвращаю.

Большая просьба: могу ли я просить Вас еще о высылке аванса: я взял уже 50 р. В этой статье немного больше 2-х листов. Б<ыть> м<ожет>, можно было бы мне теперь же получить гонорар за нее? Если нельзя, то еще 50 р. авансом. Простите, что я все надоедаю Вам этим.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

P.S. К какому сроку Вы бы хотели иметь от меня дальнейшие статьи?[2]

P.P.S. Я все же не получаю журнала! И позволю себе еще раз Вам напомнить о моей просьбе, выслать мне его в счет гонорара.

[1] Речь идет о корректурах статьи «Современный французский театр. II. Драматурги и толпа. III. Театральные трафареты. IV. Новые течения». См. п. 233.

[2] 25 мая 1910 г. Н.В. Дризен отвечал Волошину: «Корректуры обратно получил. Спасибо. Дальнейшие сроки <...> до ½ августа, но при непременном условии дать мне сразу не более 1-го или 1½ печ. листов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 10).

244. А.М. ПЕТРОВОЙ

Весна — начало лета (?) 1910 г. Коктебель

Дорогая Александра Михайловна!

Позвольте мне направить к Вам Бориса Николаевича Фон-Эдвина — специалиста по истории искусства.[1]

Нельзя ли ему показать как-нибудь, если это удобно сейчас Костенькину мастерскую?[2]

Я собираюсь на днях в Феодосию — сейчас заканчиваю третью статью с моего последнего посещения и хочу кончить ее раньше. Видите — я занят с утра и до вечера — это меня так долго и не пускало никуда.

Макс.

[1] Вероятно, ошибка Волошина, и имеется в виду Б.Н. фон Эдинг (см. п. 240, примеч. 1), автор монографии «Ростов Великий. Углич» (М., 1913), муж художницы Л.С. Поповой. В 1910 г. в Судаке Б.Н. Эдинг проводил исследования по поручению Императорского Московского Археологического Общества. Он произвел раскопки в урочище Шайтан-Дере, между Судаком и Новым Светом, и обнаружил фундамент храма с остатками фресок и древнюю мельницу неподалеку.

[3] Имеется в виду мастерская К.Ф. Богаевского.

245. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

7 июля 1910 г. Коктебель

7 июля 1910. Коктебель. (Феодосия).

Многоуважаемый Евгений Александрович,

Я получил Ваше письмо,[1] заключающее ответы на мои вопросы, и рукопись «Акселя», за которую очень благодарен.[2] Денег от «Аполлона» я не жду и считаю Серг<ея> Конст<антиновича> от заключенных нами перед моим отъездом[3] условий свободным. Что же касается до числящегося за мной аванса, то он может быть покрыт (и, думаю, с избытком) моими статьями, находящимися в распоряжении редакции. Напоминаю, что за статью о Ренье и за перевод рассказов[4] я гонорара не получал — следовательно, они тоже пошли в погашение аванса. Но мне желательно было бы иметь счет моего долга и его погашения, о чем очень прошу Вас сделать распоряжение. Тоже прошу Вас известить меня, все ли имеющиеся у Вас статьи мои приняты и в какие месяцы они будут напечатаны. Ежели есть непринятые, то прошу возвратить. Что же касается новых статей, то не нахожу возможным посылать их в «Аполлон» до тех пор, пока не будут напечатаны те, что уже мною Вам переданы.

Максимилиан Волошин.

[1] Это письмо в архиве Волошина не сохранилось.

[2] Возвращение рукописи «Акселя» (см. п. 192, примеч. 2) было обусловлено невозможностью или неготовностью редакции «Апол-

лона» опубликовать ее в журнале (20 августа 1909 г. С.К. Маковский писал Волошину: «Должен сознаться – меня пугает размер! Ведь это пять-шесть печатных листов, если не больше – и какой сложной прозы! Не лучше ли будет издать “Акселя” отдельной книгой вместе с Вашим предисловием (тоже – превосходным!), благо у нас будет свое издательство? Подумайте только, какая *тяжесть* для журнала в 10 листов ежемесячно да еще с такой широкой программой, как “Аполлона”, – эта длиннейшая философская драма. Вильє гениален, слов нет, но... <...>» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 406), или отдельным изданием. Впрочем, и после этого в «Аполлоне» заходила речь о вероятной ее публикации – хотя бы частичной; так, 27 августа 1910 г. Маковский писал Зноско-Боровскому: «Не дать ли в № 11 <...> перевод Волошина Villiers de l'Isle-Adam с предисловием-статьей. Одно *первое* действие разумеется» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 2645).

[3] Подразумевается отъезд из Петербурга в конце января 1910 г.

[4] См. примеч. 7 к п. 197, примеч. 4 к п. 219.

246. А.М. ПЕТРОВОЙ

9 июля 1910 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, простите мое молчание – у меня было глубокое уныние от семейных обстоятельств все это время. Простите, что так вышло с Ссудо-Сберегательн<ым> Товариществом:[2] теперь этого больше не будет: я внес за четыре месяца вперед, и они мне обещали, что вперед будут посылать напоминания мне лично. Я просил их вернуть Вам Ваш взнос за меня, но они отказались. Я верну его Вам сейчас же, как только увижу Вас. У нас плохо: Миша сходит с ума, мама живет в непрерывном исступлении.[3] Бесконечно ее жаль, и помочь ничем нельзя, и самого этот непрекращающийся гнев и крик переворачивает и удручает.

Сейчас в Судак приехала Ан<на> Рудольфовна,[4] вызванная m-me Герцык,[5] которая уже 18 дней находится между жизнью и смертью. Теперь явилась надежда на выздоровление (я вчера вернулся оттуда). А.Р. вероятно во вторник приедет в Коктебель, останется два дня и проедет в Москву. Она шлет Вам привет и очень хотела бы Вас увидеть. Не собираетесь ли

Вы в Феодосию в среду или четверг? Мне тоже очень, очень хотелось бы видеть Вас. Я буду в Феодосии в пятницу и субботу. Привет Ольге Александровне.[6]

Макс.

P.S. В суб<боту> 10 июля я должен читать на вечере Ракитина.[7] Найду ли я ключи от Вашего комода, где мой единств<енный> черный костюм?

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 251.

[2] Видимо, А.М. Петрова получила напоминание от Ссудо-сберегательного Товарищества о займе Волошина. 8 июля 1910 г. Волошин внес деньги в Ссудо-сберегательное товарищество за четыре месяца (Труды и дни. С. 251).

[3] М.С. Лямин, двоюродный брат Волошина, был психически нездоров, что, видимо, и является тем семейным обстоятельством, которое вызвало в поэте «глубокое уныние». О М.С. Лямине упоминает в своих воспоминаниях Л. Фейнберг: «...Миша, невысокий, худощавый. Небольшие глаза. Довольно странный взгляд. Кажется, племянник Елены Оттобальдовны. Увы – психически больной. Мания преследования. Иногда он отваживался пообедать со всеми, но чаще предпочитал есть у себя на чердаке дома, где он жил и где он мог тщательно обследовать еду, прежде чем решиться ею воспользоваться» (*Фейнберг Леонид.* Три лета в гостях у Волошина. Мемуары. Эссе. Стихи. М.: Аграф, 2006. С. 28).

[4] А.Р. Минцлова приехала в Судак 1 июля 1910 г. по телеграмме о болезни Е.А. Герцык (Труды и дни. С. 250). 30 июня 1910 г. она писала Волошину из Судака: «Дорогой Макс, я получила телеграмму о том, что Евг<ения> Ант<оновна> тяжело больна – и приехала сюда, к ней. Не ожидала никак попасть сюда теперь, это все произошло так быстро, и я так спешила к Герцык, что не успела Вам дать знать. Пробуду здесь с неделю, вероятно. Хотелось бы Вас увидеть, приезжайте» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 58). Минцлова посетила Волошина 29–30 июля 1910 г. в Коктебеле на пути в Феодосию для отъезда в Москву (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 845, л. 60, 61).

[5] Е.А. Герцык.

[6] О.А. Дуранте, тетка А.М. Петровой, владелица имения в Эссен Эли.

[7] Вечер Ю.Л. Ракитина, назначенный на 10 июля, не состоялся.

247. М.Л. МОРАВСКОЙ

15 июля 1910 г. Коктебель

15/VII 1910 Коктебель. Феодосия.

Дорогая Мария Людвиговна, для меня из Вашего письма[1] ясно одно: Вам сейчас так одиноко, смутно и тяжело, что оставаться теперь одной в Петербурге с 19 рублями, от которых, наверное, не осталось теперь и половины, Вам немыслимо. Поэтому приезжайте ко мне в Коктебель, а дальше будет видно. Найти переводы не так просто, потому что *все* ищут переводы. На это надо и время. Вы приедете сюда ко мне, и здесь мы подумаем, сообразим и напишем всюду, куда можно (Троповского я *не* знаю). Одновременно я посылаю Вам на дорогу 20 рубл<ей>. (Билет до Феодос<ии> от Петерб<урга> III кл<асса> с плацкартой стоит 13 руб. и мальпост[2] от Феодосии до Коктебеля 60 к.). Не отказывайтесь принять эти деньги: у меня самого сейчас денег так мало, что я не от избытка своего посылаю Вам, а товарищески с Вами делюсь. Помочь я Вам могу, только предложив Вам приют, а без денег на билет Вы сюда никаким образом не попадете. Здесь у меня присутствие Ваше никого ни стеснить, ни обременить не может. Вам же это даст возможность продержаться в тишине на берегу моря несколько месяцев, а пока мы найдем для Вас заработок, занятия, переводы ли, уроки ли — это будет видно. Поэтому, получив деньги, немедленно выезжайте. Вы знаете, как я ценю Ваше искусство, и как надеюсь на Вас. Если *Вы* от *меня* не захотите принять такой помощи, то это будет просто самолюбивая капризность. То, что Вы ко мне обратились как к близкому другу в такой тяжелый момент Вашей жизни, мне дает право не только предложить Вам мою помощь в таком виде, но и настаивать, просить Вас, чтобы Вы ее приняли. Ведь не то еще плохо, что Вы сейчас без денег, а то, что Вы совершенно одна, заброшенная в таком тяжелом и недобром городе, как Петербург.

Когда Вы приедете в Феодосию, то прямо идите на мальпост (он отходит от вокзала в 8 час. утра), и к 12 ч. Вы будете в Коктебеле, и Вам всякий покажет мой дом.

В случае, если Вы останетесь на несколько часов в Феодосии, то зайдите от моего имени к Городскому Судье Петру Николаевичу Лампси (камеру его Вам укажет всякий) и скажете, что Вы автор стихотворения «Алмаз».[3] Он Вас тогда устроит и отправит в Коктебель. (Имейте в виду, что в Коктебель кроме мальпоста ходит еще линейка, она отходит в 3 часа дня).

Осень Вы пробудете у нас в Коктебеле, а тем временем мы найдем для Вас в Петерб<урге> или Москве какую-нибудь работу.

Б<ожьей> М<илостью> и здесь для Вас найдется урок или какое иное занятие.

До свидания, милая Мария Людвиговна. Ради Бога, не отказывайтесь от того, о чем я прошу Вас, и приезжайте немедленно.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] С Моравской Волошин познакомился в Петербурге в конце декабря 1909 – начале 1910 г. 13 января 1910 г. Е.И. Дмитриева писала Волошину: «...поздравляю тебя с Марией Моравской, *очень* нравятся ее стихи» (*Черубина де Габриак.* Из мира уйти неразгаданной. Феодосия; М., 2009. С. 49). 2 июля 1910 г. Моравская жаловалась Волошину: «Моя жизнь внезапно изменилась. Я больше не живу с Франеком. Живу в городе одна и не вижу уже леса и озер. Мне очень тяжело. У меня есть 19 руб., я постараюсь прожить на них месяц; если за это время не найду себе какого-нибудь занятия, то покончу с собой. Помогите мне, Максимилиан Александрович: пришлите мне рекомендательное письмо к какому-нибудь литератору, который знаком с Ев<гением> Троповским. Троповский – редактор польского книгоизд<ательства>, и он мне может дать работу – переводы. Я писала ему: просила сообщить, когда он будет в городе (он теперь в Финляндии), но мне, как незнакомому человеку не сочли нужным ответить...

Я знаю, у Троповского есть работа, он задумал издать много польских произвед<ений>. Уверяю Вас, что переводить я буду хорошо, я часто упражнялась в этом деле.

Исполните мою просьбу.

Только ради бога не присылайте мне денег. Такой помощи я *ни в каком случае не приму.*

Если не можете мне помочь физически, то напишите, что хорошо относитесь ко мне. Жду ответа. М. Моравская» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 853, л. 23–23 об.).

[2] Мальпост – легкая почтовая карета, перевозящая письма и пассажиров.

[3] Речь идет о стихотворении, высланном Моравской Волошину в письме от 15 апреля 1910 г.:

Алмаз

Радуги, насильно пробужденные
Пыткой шлифовального станка,
Радуги, кроваво обрамленные
Розами рубинного венка;
Радуги алмазного кристалла,
Скованные платиной кольца,
Воды, отразившие все жала
Солнечного яркого лица!
Жаждала я радостных сплочений
Твердости и радужных горений...
В стройно-пламенеющий аккорд...
Дух мой безнадежно обессилен
Пытками бесчисленных гранилен,
Дух мой многоцветен, но не тверд...

(Там же, л. 12–12 об.).

[4] Моравская в Коктебель не приехала. 28 июля 1910 г. она писала Волошину: «Дорогой Максимилиан Александрович! До того, как я получила Ваше письмо, я была у Вяч. Иванова и просила его достать мне работу. Он отнесся ко мне исключительно хорошо и обещал помочь. При его содействии я получила из Аполлона маленькую работу – мне поручили перевести с чешского яз<ыка> хронику о живописи. Вяч<еслав> Иванович сказал, что больше ничего он для меня сделать не может, но позже, осенью, можно надеяться получить работу. Конечно, в моем положении ждать было очень мучительно, и потому, когда я получила Ваше письмо, я решила немедленно ехать к Вам: это было самое лучшее, что Вы могли для меня сделать – пригласить меня к себе. Мне было невероятно тяжело, и я знала, что с Вами станет легче – это главное; (что в материальном отношении это было громадной поддержкой – само собой понятно)» (Там же, л. 24–25). Здесь же Моравская признавалась, что не приехала в Коктебель сначала по причине болезни, а позже к ней вернулся Ф. Эртнер (Франек). Деньги Моравская выслала обратно «дорогому *другу*» Волошину.

248. А.М. ПЕТРОВОЙ

18 июля 1910 г. Коктебель

Дорогая Александра Михайловна,

за час до получения Вашего письма[1] я грохнулся с велосипеда и очень сильно расшибся, так что не смогу владеть прав<ой> рукой недели три.[2] Это меня лишает возможности отвечать на Ваше письмо (пишет мама) и приехать в Эссен-Эли. Мы с мамой будем страшно рады Вашему приезду на сентябрь и октябрь к нам в Коктебель. От Марии Моравской получил письмо,[3] настолько отчаянное, что счел единственно рациональным выписать ее немедленно в Коктебель. Очень хочется поскорее Вас увидеть; много есть о чем поговорить; необходимо. Сейчас весь поглощен болью от ушибов. Был Людвиг.[4]

Макс.

18/VII 1910.

[1] Речь идет о письме А.М. Петровой от 15 июля 1910 г. из Эссен Эли (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952).

[2] 17 июля Волошин упал с велосипеда и серьезно повредил правую руку, которую потом долго лечил. См. ниже, п. 250.

[3] См. п. 247.

[4] Л.Л. Квятковский.

249. С.К. МАКОВСКОМУ

8 августа 1910 г. Феодосия[1]

Рад был очень получить от Вас, Сергей Константинович, письмо.[2] Но сейчас не могу ответить – очень сильно расшибся.[3] Невралгические боли. Ушиб нервы. Не могу владеть правой рукой. Через 2 недели, верно, смогу уже писать. На зиму остаюсь в Коктебеле. В Петербург не приеду. Напишу и отвечу подробно, когда рука начнет мне повиноваться.

М. Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 8.8.10; Веселые Терны. 12.8.10. Адресовано на рудник С.Н. Колачевского (станция Веселые Терны Екатеринославской губ.), где Маковский жил тем летом.

[2] 1 августа 1910 г. Маковский писал Волошину: «Мне давно хочется написать Вам для того, чтобы извиниться (задним числом) за неисполнение моего обещания относительно ежемесячных денежных посылок в Коктебель – и, главное, поделиться с Вами многими мыслями о будущей судьбе “Аполлона”. <...> Первый год был, надо сознаться, *очень* трудный. Второй должен быть лучше: ярче, цельнее, определеннее. Я очень надеюсь на Вас, Максимилиан Александрович, мечтая об этой спокойно-созидательной работе второго года <...>. В каком положении Ваши литературно-критические статьи? Есть ли новые стихотворения? Вообще, с каким багажом вернетесь Вы к нам?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 414).

[3] См. п. 248.

250. А.М. ПЕТРОВОЙ

24 августа 1910 г. Отузы[1]

Дорогая Александра Михайловна,

с моей рукой нескончаемая история: мне еще придется делать массаж месяца 1½ не прекращая, – иначе она останется согнутой на всю жизнь.[2] Пока, с отъездом Мар<ии> Капит<оновны>,[3] я хожу за массажем в Отузы ежедневно. Но недели через 2 думаю для этого переселиться в Феодосию. Можно ли мне будет остановиться у Вас внизу в комнате? Или и она будет занята?

Писать мне по-прежнему запрещено. У меня громадное кровоизлияние в сустав, и оно не дает действовать рукой.

До свиданья.

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Отузы. 24.8.10.

[2] Об этом см. п. 248.

[3] Мария Капитоновна Петрова (урожд. Добровольская; 1874–1948) – физиолог; доктор медицины; жена Г.С. Петрова, имевшего дачу в Коктебеле.

251. Н.В. ДРИЗЕНУ

15 сентября 1910 г. Феодосия

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Благодарю Вас за предложение принять участие в театр<альной> секции СПб. Общ<ественного> народн<ого> Университета,[1] но, к моему большому сожалению, принять его не могу, т<ак> к<ак> этой зимою я в Петербурге не буду: я, вероятно, буду всю зиму в Коктебеле. Со мной случилась летом маленькая катастрофа – я очень сильно расшибся и разбил правую руку,[2] и мне вот уже два месяца запрещено писать, и хотя я нарушаю иногда это запрещение для писем, но работать еще не могу, а потому не смог написать продолжение начатой серии статей. Как только мне разрешат писать, я вышлю Вам обещанное. Мне жаль, что мне не придется быть участником Ваших собраний этой зимы.[3] Доклад об Обер-Аммергаутских мистериях был бы мне глубоко интересен, я видел их в прошлое десятилетие (в 1900 г.).[4] Собрания «Ежегодника» это единственные литературн<ые> Собрания Петербурга, о которых я жалею. Прошу Вас передать мой дружеский привет всем участникам их.

Семейные и личные обстоятельства приковывают меня на зиму к Коктебелю. Но зато у меня здесь уединенный дом на самом берегу моря и очень большая библиотека: все что нужно для работы.

Максимилиан Волошин.

15/IX 1910 Феодосия.

[1] 3 сентября 1910 г. Дризен писал Волошину: «Вы знаете, конечно, о существовании в СПб Общества народн<ых> Университетов. В этом году Театральная Секция этого Об<щест>ва предполагает устроить ряд лекций, посвященных текущим вопросам соврем<енного> театра. Не примете ли Вы в них участие? Это было бы в высшей степени ценно. Изъявили согласие читать: Вс.Э. Мейерхольд, Н.Н. Евреинов, Е.В. Аничков, Ф.Ф. Зелинский и др. Хочу позвать еще Вяч. Ив. Иванова. Лекции начнутся 1 окт<ября>, но сейчас необходимо составить программу. Буду рад, если откликнитесь на это. А что

продолжение <...> о франц<узской> драме? Я жду их с нетерпением. – В этом году мы продолжим наши собрания. Вот что уже намечено интересное. 29-го сент<ября> (первый вечер) будет беседа о мистерии в Обераммергау <...> 13-го окт<ября> состоится сообщение кн. С.М. Волконского (быв<шего> директ<ора> Имп<ераторских> театров) по вопросу о совр<еменной> театральной технике. Хорошо, если бы Вы приняли в этих вечерах участие и сами привезли нам реферат. Вы видите, что значит ½ года не видеться с Вами! Какая масса вопросов» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 11–12).

[2] См. п. 248, 250.

[3] См. примеч. 3 к п. 229.

[4] С 1634 г. жители селения Обераммергау в Баварии раз в 10 лет разыгрывают действо на библейский сюжет смерти и воскресения Христа. В 1900 г. Волошин посетил постановку Обераммергауских мистерий, о чем оставил записи в «Журнале путешествий». См.: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 23–25. В том же 1900 г. он написал фельетон «В Обер-Аммергау» (Т. 5 наст. изд. С. 288–299).

В 1910 г. мистерию в Обераммергау посетил кардинал Рати (будущий Пий XI), что было воспринято как знак церковного благословения этой мистерии. Доклад об Обераммергауских мистериях был сделан самим Дризеном.

252. К.В. КАНДАУРОВУ

21 сентября 1910 г. Коктебель.

Дорогой Константин Васильевич!

Позвольте мне обратиться к Вам с просьбой: я получил письмо от miss Hart-Полуниной, и она позабыла написать свой адрес.[1] Я предполагаю, что Вы знаете ее адрес. Пожалуйста, надпишите его на прилагаемом письме и опустите его в ящик, чтобы оно успело еще застать ее в России.[2] А также напишите мне открытку с ее адресом. Я только из ее письма понял, что Вы знаете ее адрес: я всё лето ко всем обращался и спрашивал, где она, и не догадался спросить Вас.[3]

Привет Анне Владимировне.[4]

Максимилиан Волошин.

Коктебель. Феодосия. 21.IX.1910.

[1] Речь идет, вероятно, об одном из недатированных писем Вайолет Харт; единственное датированное ее письмо к Волошину, относящееся к этому времени, помечено 6 июня 1910 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1430, л. 35—35 об.).

[2] В письме к К.Ф. Богаевскому из Москвы от 11 сентября 1910 г. К.В. Кандауров просил передать Волошину, что Вайолет Харт вместе с мужем, В.Я. Полуниным надолго покидает Россию (Труды и дни. С. 254).

[3] Письмо Волошина дошло до В. Харт, о чем можно судить по ее ответному письму от 26 сентября из Польши.

[4] А.В. Кандаурова, жена К.В. Кандаурова.

253. А.М. ПЕТРОВОЙ

9 октября 1910 г. Феодосия

Дорогая Александра Михайловна,

свой отъезд я окончательно решил на среду 13 окт<я>бр<я>.[1] Может, приедете накануне? Людвиг[2] все не имеет ответа от Головина. Надо ему ехать прямо в Москву. Я сейчас же повидаюсь по приезде с Кандауровым,[3] переговорю и тогда ему буду телегр<афировать>, может ли он приезжать. Живу у Вас тихо и хорошо.

До свиданья.

Max.

9/X 1910

[1] Волошин выехал из Феодосии в Москву в этот день. Письмо адресовано в Эссен-Эли.

[2] Л.Л. Квятковский.

[3] К.В. Кандауров.

254. АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

17 октября 1910 г. Москва

(Адрес для писем *пока*: Ред<акция> «Русской мысли»).

Москва 17/X 1910.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна, Ваше письмо застало меня на выезде из Феодосии.[1] *С большим удовольс-*

твием даю мое согласие на перепечатку статьи о «Лаодамии», бывшей в «Руси».[2] Но я не помню, за какой год. Кажется, это было одновременно с появлением трагедии в печати. Я очень жалею, что не готова моя статья о Сологубе, которую я давно задумал и хотел написать этой зимой в Коктебеле, но, вероятно, мой приезд в Москву задержит ее. Мне хочется написать большую статью о «Тяжелых снах», как о программе всего творчества Сологуба и вывести оттуда развитие всех основных тем его творчества. Гл<авным> образ<ом> мне хотелось выяснить *нежность* Сологуба как источник его мечты и его жесткости к действительности.[3]

Я приехал в Москву на всю зиму. Петербург после прошлой зимы стал для меня нестерпим (как и Вам, судя по Вашим словам о литерат<урной> «кухне и дрязгах»).

Мне не удалось остаться на всю зиму в Коктебеле для работы, благодаря тому, что правая рука, которую размозжил летом и которая прекратила всякую спок<ойную> работу на 3 месяца, требует лечения.[4] Но писать по крайней мере мне уж разрешено.

Брюсов мне говорил, что Феод<ор> Кузьмич скоро будет в Москве. Правда ли это. Мне бы очень хотелось повидаться с ним. До свиданья.

Максимилиан Волошин.

P.S. Очень жалею, что у меня нет с собою списка моей статьи, и я не могу Вам выслать его.

[1] В письме А.Н. Чеботаревская просила Волошина: «Не будете ли Вы так любезны разрешить мне перепечатать Вашу статью о “Лаодамии” (в “Руси”, кажется?) для сборника критических статей и заметок, который я собираюсь издать о Сологубе. <...> Мы на новой квартире сейчас, очень милой в старинном доме, вдали от дрязг и кухни “литературы”. Ф.К. много работает – шлет Вам сердечный привет. Я – тоже» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1269, л. 1–2). В письме Чеботаревской речь идет о сборнике, который вышел в свет в 1911 г. в издательстве «Шиповник»: «О Федоре Сологубе: Критика. Статьи и заметки» / Составлено Анаст<асией> Чеботаревской.

[2] Речь идет о статье Волошина «Федор Сологуб. “Дар мудрых пчел”. Трагедия в пяти действиях (“Золотое Руно”)». См. п. 105, примеч. 4. Она перепечатана в сборнике «О Федоре Сологубе», так

же как и статья Волошина «Поль Верлэн. Стихи избранные и переведенные Ф. Сологубом», впервые опубликованная в газете «Русь» 22 декабря 1907 г. (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 102–110).

[3] Этот замысел Волошина осуществлен не был. «Тяжелые сны» (1895) – первый роман Ф. Сологуба. Сохранились наброски незавершенной статьи Волошина о Сологубе, предположительно датируемые 1908–1909 гг. (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 594–599, 932–935).

[4] Об этом см. п. 248, 250.

255. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

21 октября 1910 г. Москва.[1]

21 X 1910.

Многоуважаемый Евгений Александрович,

Книги для отзыва я получил перед моим отъездом в Москву,[2] где я нахожусь теперь и остаюсь всю зиму. Адрес мой: *Сытинский пер. д<ом> Шапошникова, кв. 30.*

Рецензии пришлю скоро.[3] Будьте добры сообщить мне, когда будет напечатан мой отзыв о «Стереоскопе» Алек<сандра> Иванов<а>.[4] Прошу Вас тоже выслать мне мою рукопись об «Акселе» Вилье де Лиль-Адана,[5] т<ак> к<ак> я хочу сделать из нее публичную лекцию и исправить кое-что по недавно вышедшей книге Ружемона.[6] Если «Аполлон» – хочет ее иметь, то напишите мне точно, в каком месяце она будет напечатана? Она находится у Вас уже больше года. А теперь я могу ей найти место здесь.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Зноско-Боровского от 29 сентября 1910 г.: «...сегодня я посылаю Вам заказной бандеролью 5 книг: Загорский, Чуковский, Горнфельд, Айхенвальд, Словарь, и очень прошу Вас дать постепенно отзыв о тех из них, которые интересны. Отзывы не должны быть длинные, но острые, пускай с цитатами, – впрочем, Вы сами лучше меня знаете» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 415). Речь идет о книгах: «Юлий Словацкий. Бальмонт, как его переводчик» (М.: Польская библиотека, 1910) Евг. Загорского (псевдоним поэта, переводчика,

критика Евгения Михайловича Завиловского); «I. Нат Пинкертон и современная литература. II. “Куда мы пришли?”». 2-е изд., доп. (М., 1910) Корнея Чуковского; «На Западе» (СПб., 1910) А.Г. Горнфельда; «Силуэты русских писателей. Вып. III» (М., 1910) Ю.И. Айхенвальда. Под «Словарем», возможно, подразумевается издание: *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. Т. II. Гогоцкая – Карамзин. СПб., 1910.

[2] Волошин выехал из Феодосии в Москву 13 октября.

[3] Ни одной рецензии на книги, присланные Зноско-Боровским, Волошин в «Аполлон» не представил.

[4] Повесть А.П. Иванова «Стереоскоп» была напечатана отдельным изданием (СПб.: Тип. «Сириус», 1909). Рецензию на нее Волошин написал и передал в редакцию «Аполлона» осенью 1909 г. Она осталась неопубликованной, ее беловая рукопись, по всей вероятности, утрачена. Текст рецензии, воспроизводимый по черновому карандашному автографу, см. в т. 6, кн. 2 наст. изд. (С. 247–251).

[5] См. п. 197, примеч. 3. Зноско-Боровский выслал статью Волошину вместе с письмом от 26 октября 1910 г., сообщив, что Маковскому она «очень нравится, и ему очень хочется напечатать ее в № 2, 3 за 1911 г.» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 416–417).

[6] Эдуар де Ружемон (Ружмон; 1881–?) – французский критик. Речь идет о кн.: *Rougemont Edouard de.* Villiers de l'Isle-Adam: Biographie et bibliographie. Paris: Mercure de France, 1910. В статье «Апофеоз мечты (Трагедия Вилье де Лиль-Адана “Аксель” и трагедия его собственной жизни)» Волошин упоминает ее, перечисляя «лучшие книги о Вилье де Лиль-Адане» (Т. 3 наст. изд. С. 8).

256. К.Ф. БОГАЕВСКОМУ

21 октября 1910 г. Москва[1]

Москва. Сытинский пер., д<ом> Шапошникова, кв. 30.

21/X 1910. Дорогой Константин Фео<дорович.>* Только что нанял себе две комнаты.[2] А т<ак> к<ак> мама не приедет еще[3] <...> то присылайте Людвига[4] немедленно ко мне. Я его приючу на пер<вое вр>емя. А когда он будет здесь, то его гораздо легче будет устроить. Мы так и решили с Конст<антином>

* *Часть текста утрачена (вырезана марка).*

Васильев<ичем>.[5] Пусть он выезжает, не откладывая, в тот же день. Обедать он будет у Кандауровых – о<н> ведь рядом с Рербергом.[6] Что касается меня, то я сейчас уже попал в весь водоворот московской жизни. И дела у меня, очевидно, будет много. Дризен (редак<тор> Ежегодника[7]) подел<ил> все московские театры между мною и Эфросом. Так что будет где писать о театре и об живописи. Сомнительна только газета. Я не очень верю, сойдусь ли я с «Утром России»,[8] а газета – это материально самое важное было бы.

Вчера Конст<антин> Василь<евич> говорил мне с восторгом о той акварельной бумаге, которую он Вам посылает. Что делается у Вас? Как поживает Влад<имир> Антон<ович>?[9] Приезжала ли Алекс<андра> Мих<айловна>[10] из деревни? Как работается Вам? Теперь, с продажей Ваших карт<ин> в Третьяков<ку>, путешествие на Синай становится не только бесплотной мечтой?[11] До свиданья. Привет Жозефине Густавовне.[12] Присылайте немедленно Людвига.

Максимилиан Волошин.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Штемпель отправления: 21.X.1910.

[2] Приехав в Москву около 15 октября 1910 г., Волошин сначала остановился в квартире Е.К. Герцык (Солянка, Ивановский пер., дом Расторгуева) (Труды и дни. С. 256).

[3] Е.О. Кириенко-Волошина приехала из Феодосии в Москву, по всей вероятности, 9 ноября (см.: Там же. С. 258).

[4] Л.Л. Квятковский.

[5] К.В. Кандауров.

[6] Имеется в виду художественное училище Ф.И. Рерберга в Москве; занятия по рисунку и живописи велись в квартире на Мясницкой ул. (д. 24).

[7] «Ежегодник Императорских Театров».

[8] «Утро России» – ежедневная газета, издававшаяся в Москве в 1907–1918 гг. (редакторы Д.А. Толбузин, С.Ф. Плевако, издатели П.П. Рябушинский, И.Ф. Родионов). В сезон 1910–1911 г. Волошин опубликовал в ней одиннадцать статей.

[9] В.А. Полуэктов.

[10] А.М. Петрова.

[11] Путешествие Богаевского в Палестину не состоялось. Третьяковская галерея приобрела его картину «Воспоминания о Мантенье» (1910, холст, масло; другие авторские названия: «Подражание Мантенье» и «Посвящение Мантенье»). См.: *Бащенко Р.Д.* К.Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984. С. 53–54, 177, 194.

[12] Ж.Г. Богаевская, жена К.Ф. Богаевского.

257. А.М. ПЕТРОВОЙ

2 ноября 1910 г. Москва[1]

2/XI. 1910.
Москва. Сытинский пер<еулок>, д<ом>
<Шапошникова, кв. 30>.

Дорогая Александра Михайловна.

<...> Людвиг[2] и Оря.[3] Оря в 4 часа уезжает дальше, а я поведу Людвиг<а> к Кандаурову[4] в эж<...> но ранее назначено. Не знаю пока еще, как мы устроим Людвига после – пока он будет <...> <Канда>урова. Марг<арита> Василь<евна> теперь в Париже.[5] Она туда вернулась только что после больш<ого путешествия> (Перуджия, Ассизи).

Эту неделю я провел в водовороте дел и встреч <...> для «Ежегодника»,[6] читал о них же лекцию в Женск<ом> клубе,[7] вчера был в Религиоз<но>-Филос<офском обществе> <...> Достоевском. Словом, все это время идет о Достоевском и невольно о Толстом.[8] Если Его ун<......>дость и чувствуется каждым как свое личное и глубоко важное. Я пока сошелся с <....> собраниях.[9] Там большая сериозность. Все говорят тихими голосами «о сам<ом важ>ном», н<икто> не кричит и никто не спорит. Там очень хороший дух. Там идут занятия по ритмике по методу Андр<ея> Белого,[10] курс филологический и эзотерический об Орфее (Нилендер),[11] курс о Фете, курс о Бодлере.[12] Я там бываю везде и принимаю даже деятельное участие.

Бердяев приехал только третьего дня, и я встретил его вчера в Религиоз<но>-Философ<ском> Собрании. Так что еще не успел с ним поговорить. Но мы будем видеться часто.

Вообще я чувствую себя очень счастливым в Москве, точно здесь я нашел себя снова верным, снова соответству-

ющим людям — чего не было в Петербурге. Здесь мне все очень близко, понятно. Нету того чувства, что я «не ко двору». Я чувствую здесь какое-то доверие к себе, чего так мучительно не было в Петербурге. Это сказывается в неуловимых словах и в мелочах.

Брюсов теперь как-то оказался вне всего литературн<ого> движения. Он по горло занят какими-то делами. Всегда торопится, даже утерял свое спокойствие. В нем явилась растерянность. Я вижу его все урывками и не могу еще понять, что с ним и куда он теперь идет. Бальмонт остается за границей. Теперь он в Брюсселе и увлечен египтологией. Я опять очень сошелся с моим старым товарищем — Эллисом-Кобылинским. Он теперь шире переживает Штейнера.[13]

Людвиг и Оря доехали благополучно. Только Оря все время боялся воров и что украдут вещи. Поэтому не давал Людвигу спать по ночам, а заставлял «держать вахту», по очереди. Ехали они с ярославскими мужиками, которые Людвигу, по-видимому, очень понравились, и он с ними много разговаривал.

Портрет Метнера раб<оты> Марг<ариты> Вас<ильевны>[14] я видел у Сабашниковых. Он действительно прекрасен и удивительно сериозен и закончен.

Анна Рудольф<овна> уже 1½ месяца исчезла без вести.[15] Никто не знает ни где она, ни куда уехала. Евген<ия> Герцык остается еще на месяц в Судаке. Передайте мой привет Адриану.[16] Как идет постройка летатель<ной> машины? И это все под Вами. Только бы Вам не улететь вместе со вторым этажом дома. И Кон<стантину> Фед<оровичу> грозит опасность. Как я рад, что Вы вернулись в Феодосию и все там уладилось. Я Вам все время не писал и теперь вдруг поймал себя на глупой инстинктивной мысли, что, пока Вы в деревне, Вы не видимы и что потому туда Вам и писать нельзя. Вероятно, <п>отому и не писал.

Привет Кон<стантину> Фед<оровичу>, Жозеф<ине> Густав<овне>.[17] Круг поклонников Конс<тантина> Фед<оровича> в Москве все растет, и за<х>вачены в него все люди очень сериозные. Все чаше высказываются мнения, что он

первый русс<кий> пейзажист-творец. Это не только Грабарь говорит, но еще многие. До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Письмо («секретка») хранится в Феодосийской картинной галерее (фонды). Часть текста утрачена (вырезана марка).

[2] Л.Л. Квятковский.

[3] О.М. Петров.

[4] К.В. Кандауров. При посредстве К.В. Кандаурова Волошин, А.М. Петрова и К.Ф. Богаевский планировали устроить Квятковского в Москве.

[5] М.В. Сабашникова около 10 августа выехала за границу (Прага, Штутгарт, Берлин, Париж) и жила там до середины июля 1911 г.

[6] «Ежегодник Императорских Театров». Видимо, в несохранившемся письме от начала октября 1910 г. Волошин предлагал Н.В. Дризену вести московскую театральную хронику для этого издания (Труды и дни. С. 255).

[7] Информацию об этом выступлении Волошина обнаружить не удалось.

[8] 1 ноября 1910 г. Андрей Белый читал в Москве в Религиозно-философском обществе имени Вл. Соловьева (в особняке М.К. Морозовой) лекцию «Трагедия творчества у Достоевского и Толстого». В 1911 г. в издательстве «Мусагет» вышло отдельное издание: *Белый Андрей.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой.

[9] 22 октября 1910 г. в газете «Утро России» была опубликована статья Волошина «Имел ли Художественный театр право инсценировать “Братьев Карамазовых”? — Имел», написанную под впечатлением от спектакля «Братья Карамазовы» в Московском Художественном театре. 31 октября в Литературно-Художественном кружке состоялась лекция С. Глаголя о «Братьях Карамазовых», на которой Волошин присутствовал. В то же время газеты были полны сведениями об уходе Л.Н. Толстого из Ясной Поляны, а затем его болезни и смерти. См.: Уход и смерть Льва Толстого. Корреспонденции. Статьи. Очерки. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010.

[10] В апреле 1910 г. при издательстве «Мусагет» была организована работа Ритмического кружка для изучения русского стиха. *Белый Андрей.* Между двух революций. М.: Худож. литература, 1990. С. 350—353; *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам, XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 101—106. Возглавлял кружок Ан-

дрей Белый. Ср. его сообщение о «мусагетовских» курсах в письме к А. Блоку от конца октября 1910 г.: «...сейчас при “Мусагете” маленькие курсы: I. Семинарий по эстетике Канта (с рефератами и обсуждениями). II. Работы по ритму (отнимающие много времени). Человек 15 здесь работают жарко; у нас создалась как бы своя лаборатория ритма. III. Курс о Фете (Садовского). IV. Курс по истории французского символизма (Эллиса)» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 376).

[11] В объявлениях издательства «Мусагет» сообщалось о готовящейся книге «Гимны Орфея» в переводе Вл. Нилендера, однако это издание не состоялось.

[12] Имеется в виду «Курс по истории французского символизма», который читал Эллис (Л.Л. Кобылинский). Сохранились записи Эллиса по истории французской символистской школы (РГАЛИ, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 12) и его черновая рукопись «Поэт-демон. Лирика и проза Ш. Бодлэра» (РГБ, ф. 167, карт. 10, ед. хр. 3).

[13] О приобщении Эллиса в 1910 г. к штейнерианству см.: *Майдель Рената фон.* «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 214–239.

[14] Над портретом Э.К. Метнера М.В. Сабашникова работала в феврале 1910 г.

[15] А.Р. Минцлова в конце лета 1910 г. приехала в Петербург из Москвы, откуда 18 августа написала письмо Вяч. Иванову в Рим. Это последнее свидетельство о ней. Никаких достоверных сведений о ее последующей судьбе или смерти нет. См.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 105–107.

[16] Адриан М. Петров с женой осенью 1910 г. поселились у А.М. Петровой в первом этаже, она заняла второй этаж. Об этом она писала Волошину, иронизирующему по поводу утопических инженерных проектов летательного аппарата, разработчиком которых был Адриан.

[17] К.Ф. Богаевский и его жена Ж.Г. Богаевская.

258. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

3 ноября 1910 г. Москва[1]

Многоуважаемый Евгений Александрович, с удовольствием принимаю предложения «Аполлона» относительно составления Хроники московской жизни.[2] Но, сколько мне

известно, ее пишет Лиакирдопуло.[3] Очень прошу Вас выяснить заранее вопрос о нашем размежевании с ним, и только тогда я смогу принять эту работу. Иначе я оказываюсь в неловком положении относительно его. Предупреждаю, что я уже пишу о московских театрах в Ежегоднике,[4] но совместно с Эфросом, так что не обо всем, и там статьи, а не хроника. Живописную хрон<ику> принимаю с особым удовольствием. Желал бы иметь и литературную.

Прошу Вас выслать мне текст моей статьи о «Стереоскопе». Статья была написана для первого номера «Аполлона» по соглашению с Сер<геем> Констант<иновичем>. И ссылка на то, что она *запоздала*, меня глубоко изумляет. А если статья не подходит, то предупреждают тогда же, а не *через год*. Эта же статья была мною даже прокорректирована и отложена лишь ввиду обилия материала до следующего номера, и этого следующего № я ждал в течение года!! Согласитесь, что Ваш ответ о ее *запоздании* невероятен.[5]

Статью об «Акселе» я верну Вам в конце декабря, переработав биографич<еские> данные по новым документам. Что же касается перевода «Акселя», то я его дам только в том случае, если «Аполлон» согласен напечатать не первое действие, а *всё* целиком.[6] У вас еще одна моя статья «Клодель в Китае» (Об экзотике). Она лежит уже 6 месяцев, и я даже не извещен, принята ли она. Пришлите мне ее, пожалуйста. Если «Аполлон» ее хочет — я ее сохраню для него и верну к тому месяцу, в который она пойдет, а пока она мне нужна здесь.[7] До свиданья. Привет Сергею Константиновичу.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Москва. 3 XI 1910; Петербург. 4 XI 10.

[2] 26 октября 1910 г. Зноско-Боровский писал Волошину: «Не хотите ли взять на себя труд на будущий год составления для нас московской художественной и театральной (отчасти и литературной) хроники; у нас хроника будет выходить 2 раза в месяц (1 и 15 числа) <...>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 417).

[3] Имеется в виду переводчик, критик, журналист Михаил Федорович Ликиардопуло (1883–1925), в 1906–1909 гг. секретарь журнала «Весы».

[4] «Ежегодник Императорских Театров».

[5] См. п. 255, примеч. 4. «Рецензия о “Стереоскопе” слишком запоздала», – писал Зноско-Боровский Волошину 26 октября; по получении данного письма он отвечал Волошину: «Я писал не о том, что Вы поздно дали статью о “Стереоскопе”, но что теперь уже поздно ее печатать. Ее при первой возможности вышлю Вам <...>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 417, 418).

[6] См. п. 197, примеч. 3, п. 244, примеч. 2. «Ждем статью об “Акселе”, но всей этой вещи напечатать нам не удастся», – отвечал Зноско-Боровский Волошину 9 ноября (Там же. С. 418).

[7] См. п. 227, примеч. 4. Обещая в том же письме выслать статью о Клоделе, Зноско-Боровский сообщал, что Маковский просит ее «вернуть в начале будущего года, когда она намечена к печати» (Там же).

259. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

11 ноября 1910 г. Москва

11/XI 1910.

Многоуважаемый Евгений Александрович,

Согласен на все условия. Хронику литературной жизни я именно и понимал, как сведения о настроениях, разговорах, литер<атурных> группировках и лекциях.[1] Не смогу доставить первой хроники раньше, чем через 5 дней, т<ак> к<ак> сейчас занят лекцией о Толстом и перебиркой на новую квартиру.[2] Извиняюсь за задержку рецензий о книгах, мне присланных. Скоро закончу их и пришлю.

Очень жду присылки статьи о «Стереоскопе» (лучше рукописи, чем набора, т<ак> к<ак> хочу напечатать ее в газете фельетоном)[3] и ст<атьи> о Клоделе.

Мой адрес теперь: Богословский пер. (Бронная), д<ом> Нарышкина, кв. 3.

Максимилиан Волошин.

[1] 9 ноября 1910 г. Зноско-Боровский писал Волошину: «...мы очень просим Вас вести *всю* московскую хронику — Ликиардопуло ничего писать не будет. Главное у Вас — художественная и театральная хроника, о музыке будет писать другой корреспондент. А что Вы понимаете под литературной хроникой? Мне кажется, что давать сведения о литературной жизни — хорошо, но разбор книг и журналов, выходящих в Москве, лучше объединить в одних руках» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 418).

[2] Волошин переехал по новому адресу на первой неделе ноября 1911 г. 10 ноября он выступил со словом о Л.Н. Толстом в Обществе Свободной Эстетики (см.: Труды и дни. С. 258), на основе которого написал статью «Судьба Льва Толстого», опубликованную в «Русской Мысли» (1910. № 12).

[3] По всей вероятности, рукопись этой статьи была затеряна в редакции «Аполлона» и возвращена автору не была (ср. примеч. 4 к п. 255).

260. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

11 ноября 1910 г. Москва

Москва. Богословский пер<еулок> (Бронная).
д<ом> Нарышкина, кв. 37.
11.XI.1910.

Дорогая Александра Васильевна,

скоро уже месяц, как я в Москве.[1] Как Вы знаете, верно — я расшибся посреди лета, и это меня лишило возможности писать, т<ак> к<ак> я размозжил себе локоть правой руки.[2] Три месяца ушло на ее лечение, и наконец мне посоветовали ехать в Москву. Это расстроило все мои планы об зимовке в Коктебеле и планы моих работ. В Москве же мне сказали хирурги, что рука моя никогда расправляться до конца не будет и что можно прекратить массаж и лечение. В Москве я сразу нашел себе работу и в журналах, и газетах,[3] так что теперь мое материальное положение оказывается сносно. Кроме того, здесь я нашел ту литературную атмосферу, которая мне близка. Это главным образом в редакции «Мусагета».[4] Не

знаю почему: потому ли что в Москве действительно лучше, и литература не отравлена Вячеславом,[5] или я больше москвич в душе (я так много лет отрочества и юности жил здесь), или Петербург мне лично стал настолько нестерпим, но здесь я чувствую себя хорошо и, главное, гармоничным. Я не писал Вам и никому, потому что до середины октября мне было строго запрещено писать, а потом я попал сразу в весь водоворот московских дел. Зиму эту думаю провести в Москве до конца. Сейчас завален массой статей, лекций и литературных дел. Но планы о Монголии и Китае только отложены, но они ведь ни в каком случае не могли бы быть осуществленными немедленно. Спасибо за память о моей просьбе и за обещание поговорить с Ольденбургом.[6]

Мама со мною в Москве,[7] и здесь, вне Коктебеля и хозяйства, она чувствует себя прекрасно.

Простите, что пишу так мало и торопливо: сегодня должен еще успеть подготовить речь о Толстом для Свободной Эстетики.[8] Привет Владимиру Августовичу[9] и Каролине.

Максимилиан Волошин.[10]

[1] См. примеч. 2 к п. 256.

[2] Об этом см.: п. 248, 250.

[3] В 1910 г. Волошин сотрудничал с журналом «Русская Мысль», газетами «Утро России» и «Московская газета».

[4] Об этом см. п. 257.

[5] Вяч. И. Иванов.

[6] В связи с планами Волошина посетить Монголию и Китай А.В. Гольштейн собиралась в Париже переговорить с С.Ф. Ольденбургом, о чем сообщала в недатированном письме к Волошину (Труды и дни. С. 257).

[7] Е.О. Кириенко-Волошина приехала в Москву 9 ноября.

[8] «Общество Свободной Эстетики» было создано в Москве в 1907 г. (деятельность его прекратилась в 1917 г.), было одним из творческих и культурных центров Москвы 1910-х гг.; устраивало собрания в помещении Литературно-Художественного кружка. Подробно описано в воспоминаниях Андрея Белого «Между двух революций» (М.: Худож. литература, 1990. С. 194–219). Волошин значится в списке действительных членов общества 1910–1911 гг. (РГАЛИ, ф. 464, оп. 2, ед. хр. 9, л. 6–8).

10 ноября 1910 г., после доклада В.Я. Брюсова о похоронах Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, Волошин выступил в «Обществе Свободной Эстетики» со словом о Толстом (Труды и дни. С. 258). Содержание выступления нашло отражение в его статье «Судьба Льва Толстого», опубликованной в № 12 «Русской Мысли» за 1910 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 328–334, 731–733.

[9] В.А. Гольштейн.

[10] К письму были приложены листки со стихотворениями «Я не просил иной судьбы у неба...» (под текстом датировка: «7/XI 1910. Москва») и «Теперь я мертв. Я стал строками книги...». Оба стихотворения вошли в книгу Волошина «Иверни. Избранные стихотворения» (М.: Творчество, 1918). См.: Т. 1 наст. изд. С. 129, 155.

261. Н.В. ДРИЗЕНУ

14 ноября 1910 г. Москва

14/XI 1910 Москва. Богословский пер. 8/15
(Бронная 1<5>, кв. 3).

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Спешу Вам возвратить корректуру[1] и сообщить мой московский адрес.

Две просьбы: 1) Можно ли мне попросить 50 руб. в счет этой статьи?

2) Я не получил посланного выпуска «Ежегодника» до сих пор – можно ли распорядиться выслать его сюда?

Я был на лекции С.М. Волконского «Об искусстве актера» и глубоко радуюсь, что мне ее все же удалось прослушать, хотя и не у Вас:[2] это первая практическая и дельная статья о театре, которую мне пришлось выслушать за последние годы. Я глубоко во всем с ним согласен, и главное, с его подходом к театру.

До свидания. Привет всем участникам собраний.[3]

Максимилиан Волошин.

P.S. Сейчас в Москве идут споры и лекции о Карамазовых.[4] Не хотели ли бы Вы поместить еще одну мою статью о Карамазовых на тему: «Античная и христианская трагедия об отцеубийстве (Эдип и Карамазовы)».[5]

Это не имело бы уже прямого отношения к постановке Худ<ожественного> Театр<а>, а между тем, именно этот вопрос теперь горячее всего дебатируется среди московских литераторов.

М<аксимилиан> В<олошин>.

[1] Корректура статьи Волошина «“Братья Карамазовы” в постановке Московского Художественного театра» опубликованной в «Ежегоднике Императорских Театров» (1910. Вып. 7. С. 153–165). См.: Т. 5 наст. изд. С. 208–220.

[2] Впервые С.М. Волконский прочел эту лекцию на одной из сред Н.В. Дризена, куда был приглашен и Волошин (см. примеч. 1 к п. 251). Волошин слушал лекцию С.М. Волконского «Об искусстве актера» 6 ноября 1910 г. в Московском Художественном театре (Труды и дни. С. 257). Свои впечатления от этой лекции Волошин изложит в статье «“Об искусстве актеров” (По поводу лекции кн. С.М. Волконского в Художественном театре», опубликованной в «Утре России» (1910. № 295. 9 ноября. С. 5). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 316–318.

[3] См. п. 229, примеч. 4.

[4] Имеется в виду постановка «Братья Карамазовы» на сцене Московского Художественного театра, премьера – 12 и 13 октября 1910 г. (спектакль шел два вечера). Волошин откликнулся на споры вокруг спектакля статьей «Имел ли Художественный театр права инсценировать “Братьев Карамазовых”? – Имел» (Утро России. 1910. № 280. 22 октября. С. 4) и заметкой «Карамазовы» в «Московской хронике» журнала «Аполлон» за 1910 г. (№ 12. Отд. II. С. 14–17). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 306–309, 335–339).

[5] Эта статья на страницах «Ежегодника Императорских Театров» не появилась. Дризен отвечал Волошину 17 ноября 1910 г.: «Ваши письма всегда живы и интересны. Видно, что их пишет живой и интересный человек. Конечно, буду очень рад дать место Вашей статье (“Эдип и Карамазовы”)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 13). В 1911 г. Волошин выступит с лекцией «Братья Карамазовы и Эдип» в Нижнем Новгороде, а в 1916 г. – в Феодосии с лекцией «Отцеубийство в античной и христанской трагедии (Братья Карамазовы и Эдип-царь)». См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 264–289.

[6] Хроники московской театральной жизни Волошин не вел.

262. Е.А. ЗНОСКО-БОРОВСКОМУ

18 ноября 1910 г. Москва

Многоуважаемый Евгений Александрович,

высылаю Вам одновременно с этой открыткой «Московскую хронику».[1]

Будьте добры написать мне, к каким срокам надо ее представлять – и сколько раз в месяц.[2]

Литературную хронику я представляю себе в виде передачи литер<атурных> настроений, лекций, споров, бесед, мнений – но не книг.

Благодарю Вас за присылку мне статьи о Клоделе[3] – я получил ее.

Я очень прошу Вас точно сообщить мне (не сейчас, а когда выяснится), в какой именно книжке будет напечатана ст<атья> об Акселе[4] и в какой о Клоделе. Чтобы точно знать, когда выслать их.

Максимилиан Волошин.

18 XI 1910.

[1] Эта корреспонденция Волошина («Московская хроника. “Карамазовы”. Литературные группировки») была опубликована в № 12 «Аполлона» за 1910 г. (Отд. II. С. 14–17). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 335–340.

[2] На этот вопрос Волошину ответил 20 ноября В.А. Чудовский, сообщивший, что «хроника» в 1911 г. будет издаваться отдельно от основных номеров «Аполлона»: «...выпуски “Летописи” должны появляться 1-го и 15-го числа каждого месяца, без единого дня опоздания <...> необходимо иметь письмо Ваше из Москвы ровно за 10 дней до выхода соответственного номера» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 420).

[3] См. примеч. 4 к п. 227.

[4] См. примеч. 3 к п. 197.

263. Ан. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

25 ноября 1910 г. Москва

Москва.
Бол<ьшая> Бронная 8/15 кв. 3.
25/XI 1910.

Дорогая Анастасия Николаевна,

К сожалению, статья о «Тяжелых снах» у меня только еще задумана, но не осуществлена.[1] Она обещана в «Русскую Мысль» под заглавием «Нежность и жестокость в творчестве Ф. Сологуба». Но я еще не знаю, когда успею написать ее.

Правда ли, что Феод<ор> Кузьмич собирается скоро приехать в Москву? Известите меня, пожалуйста, об этом заранее.

Когда выйдет Ваша книга о нем?[2]

До свиданья. Привет Ф<едору> К<узьмичу>.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 254, примеч. 2. Видимо, Чеботаревская в неизвестном нам письме запрашивала Волошина об этой статье на предмет помещения ее в подготавливаемую ею антологию «О Федоре Сологубе».

[2] Подразумевается сборник критических статей о творчестве Федора Сологуба. См. п. 254, примеч. 1.

264. С.К. МАКОВСКОМУ

4 декабря 1910 г. Москва

4 XII 1910. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

очень буду рад Вас увидеть. Итак, Вы приедете в четверг 9-го? Значит, утром? Так вот: хотите, сию же минуту условимтесь о свидании – *в четверг в 11 ½ ч. я буду у Вас в «Метрополе»*. Если Вы свой приезд отмените, то телеграфируйте.[1]

Раз Вы приезжаете в четверг: не прочтете ли Вы что-нибудь (уже написанное) в тот же вечер в «Свободной Эстетике»?[2]

Получили ли мою просьбу об экземп<ляре> «Аполлона» для «Эстетики»? В прошлой хронике не писал об живописи, потому что до сих пор ни одна выставка не открывалась. Теперь же – к 15-му пришлю.[3]

Кто «новый издатель» Аполлона?

От кого получаю я деловые письма, подписанные *не* Евгением Александр<овичем>? Я не могу понять подписи.[4]

До свиданья в четверг.

Максимилиан Волошин.

[1] В письме от 2 декабря 1910 г. Маковский извещал Волошина, что приедет в Москву в четверг 9 декабря и остановится в гостинице «Метрополь» на Театральной площади (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 420). Видимо, эти планы были скорректированы; 12 декабря 1910 г. Маковский писал В.Я. Брюсову: «Я приехал в Москву сегодня и уже в четверг думаю возвращаться» (РГБ, ф. 386, карт. 93, ед. хр. 27. Четверг – 16 декабря).

[2] См. п. 260, примеч. 8.

[3] Речь идет о корреспонденции Волошина «Московская хроника. Выставки. Акварельная. “Бубновый Валет”. – Театры. “Miserere” С. Юшкевича на сцене Художественного театра. – Литературная жизнь» (Русская художественная летопись. 1911. № 1, янв. С. 9–15). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 341–350; Т. 5 наст. изд. С. 238–243.

[4] Имеются в виду письма В.А. Чудовского.

265. Л.В. КАНДАУРОВУ

5 декабря 1910 г. Москва

Москва. 5. XII. 1910. Бол<ьшая> Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Леонид[1]

Можно обратиться к тебе с одной просьбой? Я хотел бы прочесть в провинции ряд лекций (прилагаю готовые уже темы). Мог бы прочесть в пользу каких-нибудь местных учреждений с тем, чтобы мне была оплаченадорога и дан известный гонорар (обычно 100 р.). Не можешь ли ты мне что-нибудь устроить в Твери?[2]

Темы все мои очень интересные и новые. А как лектор я довольно опытен и внятен.

Увижу ли я тебя на Рождество в М<оск>ве. С Констант<ином> видаюсь часто.[3] Всю зиму пребуду в М<оск>ве.

М<аксимилиа>н Волошин.

Лекции Мак<симилиа>на Волошина:

I. Апофеоз мечты (трагедия «Аксель» и судьба ее автора графа Вилье де Лиль-Адана).[4]

II. Современные течения во французской экзотике (Поль Клодель в Китае и новое понимание Востока).[5]

III. Вершины новой живописи (Творчество и судьба Ван-Гога, Сезанна и Гогэна).[6]

IV. Аполлон и Мышь (Аполлоническая грусть в поэзии Анри де Ренье).[7]

V. Трагедия отцеубийства в античном и христианском мире (Эдип и Бр<атья> Карамазовы).[8]

[1] Об истории отношений Волошина и Л.В. Кандаурова: Архив семьи Кандауровых-Чернышевых // Грани. 1998. № 186. С. 224–225. / Публ. Т. Кандауровой-Чернышевой.

[2] С 1908 г. Л.В. Кандауров работал в Твери, в тверской земской женской учительской школе им. П.П. Максимовича. Поездка Волошина в Тверь для чтения лекций не состоялась.

[3] К.В. Кандауров, брат Л.В. Кандаурова.

[4] Статья Волошина под несколько видоизмененным заглавием («Апофеоз мечты и смерти») опубликованна в 1912 г. в журнале «Аполлон». См. п. 197, примеч. 3.

[5] См. п. 227, примеч. 4. Лекцию под названием «Новые течения во французском экзотизме» Волошин прочтет в Литературно-Художественном кружке 18 января 1911 г. (Труды и дни. С. 264).

[6] Эта лекция корреспондировала по своему содержанию со статьей Волошина «Лики живописи. Сезанн, Ван-Гог и Гогэн», впервые опубликованной в журнале «Золотое Руно» за 1908 г. (№ 7/9 С. V–XII) под заглавием «Устремления новой французской живописи (Сезанн, Ван Гог и Гогэн)». См.: Т. 5 наст. изд. С.46–61, 667–671).

[7] Впервые лекцию «Аполлон и мышь» Волошин прочел 3 марта 1909 г. в Петербурге в «Салоне» (Университетсая наб., 1-й Кадетс-

кий корпус) (Труды и дни. С. 217–218). См. также п. 128, примеч. 3, п. 186, примеч. 5.

[8] Лекцию на эту тему Волошин прочел в Нижнем Новгороде 20 января 1911 г. (Труды и дни. С. 264).

266. К.С. СТАНИСЛАВСКОМУ

22 декабря 1910 г. Москва

Многоуважаемый Константин Сергеевич,

Мне передавала Над<ежда> Серг<еевна> Бутова,[1] что Вы интересовались моею статьей о «Бр<атьях> Карамазовых», которая пойдет в «Ежегоднике Имп<ераторских> Театр<ов>». Позвольте мне оставить Вам ее корректуру, с просьбой вернуть ее мне немедленно по прочтении.[2]

Приветствую от всего сердца Ваше выздоровление и возвращение в Москву.[3]

Максимилиан Волошин.[4]

Богословский пер. (Уг<ол> Б. Бронной), д<ом> Нарышкина, кв. 3.

22 XII 1910.

[1] В письме к Т.Л. Щепкиной-Куперник, отправленном в тот же день, Н.С. Бутова сообщала о визите Волошина к ней: «Говорил о тебе почти весь день» (Музей МХАТ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 318).

[2] Речь идет о статье «“Братья Карамазовы” в постановке Московского Художественного театра» (Ежегодник Императорских Театров. 1910. Вып. 7. С. 153–165). См. примеч. 4 к п. 261.

[3] В августе 1910 г. Станиславский, находясь на отдыхе в Кисловодске, заболел (сводки о состоянии его здоровья регулярно появлялись в печати), выздоровел в середине сентября. Из Кисловодска в Москву он вернулся 7 декабря (*Виноградская И.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского. Летопись: В 4 т. М.: Всероссийское Театральное Общество, 1971. Т. 2. С. 263).

[4] На следующий день Станиславский отвечал Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1145):

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я несказанно благодарен Вам за Вашу любезность, за присылку корректуры и за самую статью.

Когда умирающий с голода видит перед собой здоровую пищу, он не может удержаться, чтоб не протянуть к ней руку.

У нас литературный голод, и мы не можем удержаться от того, чтоб не перенести на сцену всего того, что просится туда со страниц романов.

Вы поняли и оправдали нас – Великое Вам спасибо и хвала вашему чутью. Согласен со всем, что Вы говорите в Вашей *прекрасной* статье.

Об исполнении не сужу, т<ак> к<ак> еще не видал его.

Еще раз благодарю и за статью и за любезность. Прилагаю корректуру и низко кланяюсь Вам. Спасибо за приветствия.

Искренно уважающий

К. Алексеев (Станиславский).

23 / XII 910.

267. А.М. ПЕТРОВОЙ

30 декабря 1910 г. Москва

30/XII. 1910. Большая Бронная 15/8, кв. 3.

Милая Александра Михайловна,

не сердитесь за мое такое долгое молчание: эти зимние месяцы в городе для меня так бывают всегда переполнены людьми, что никогда не хватает времени ни на что. Едва успеваю второпях писать текущие журнальные статьи и необходимейшие деловые письма. Читать едва успеваешь. А в Москве, где у меня миллион «друзей детства» и старых знакомых – и того пуще.

Но не это одно мне мешало написать Вам. Я чувствовал на себе нравственную обязанность написать о Людвиге,[1] а это так трудно сделать. Я так мало знаю об нем. С тех пор, как он переселился из непосредственного моего соседства <в> Замоскворечье и поселился вместе с Демидовым[2] – тем студентом (воспитанником Алекс<андры> Алексеев<ны> Андреевой), который занимается с ним всякими науками и по плану Ал<ександры> Алекс<еевны> должен подготовить его к аттестату зрелости, я вижу Людвига очень редко, большею частью у Кандаурова. Впрочем и Кандауровы, которые видят

его ежедневно, знают о нем так же мало, как и я. Сегодня я, наконец, был у него вместе с мамой. Видел его рисунки. Т.е. их было всего 3 – остальные, он говорит, что уничтожил. Ходит рисовать он только по вечерам и, кажется, не очень аккуратно. Вообще не вижу в нем страсти к рисованию: все то же, как будто, что было и летом. Зато к наукам и к ученью он обнаруживает большое прилежание, как мне кажется, и занимается усердно. Никак с ним не сообразишь – к добру ли это или к худу.

С Конс<тантином> Васил<ьевичем> мы начинаем иногда говорить о нем, и оба в недоумении руками только разводим. Ждали мы все приезда Марг<ариты> Вас<ильевны>,[3] чтобы узнать от нее что-нибудь о Людвиге и о том, в чем, собственно, сейчас его отношение к живописи. Но вот, по последним вестям, она остается за границей до весны.

Боюсь, не мое ли пребывание в Москве заставило переменить ее решение и остаться в Париже (сейчас она временно в Штутгарте). Впрочем, я с Сабашниковыми вижусь крайне редко и здесь для нее помехой бы не был.

Людвиг для нас остается загадкой. Впрочем, он ходит веселенький. Страшно увлекался, рисуя где-то декорации для детского спектакля. Оживлялся сегодня, рассказывая сказку. Совсем дитя. Но самостоятелен до последних пределов. И не знаешь, хорошо ли это или плохо. Это он сам решил, что будет ходить к Рербергу[4] только по вечерам, хотя его туда записали и на утро, и на вечер. И никому не сказал об этом. Конст<антин> Вас<ильевич> в таком же недоумении, как я. Впрочем теперь, когда он серьезно учится, с него большего и требовать нельзя.

Но мне не хотелось писать Вам всех этих недоумений, пока я не побывал у него и не посмотрел на то, как он устроился. Его рисунки – недурны, как робкие ученические рисунки. Но Людвига лета 1909 года в них нет и помину. Впрочем, так и должно было быть. Но почему он так мало и без страсти рисует?[5] Дома ведь он рисованием совсем не занимается! Боюсь очень, что Аморя заразила его своими «требованиями абсолютного».[6] Помню, раз я ему показал одну книгу с рисунками

одного французского художника. Это не было «большое искусство», но это было интересно по наблюдению и по технике рисунка. Он взял, перевернул несколько страниц и вернул мне книгу, не досмотрев: «Это мне не нравится». Такие вещи меня очень пугают в нем. В Аморе они мне были мучительнее всего, т<ак> к<ак> для меня всегда было идеалом обратное: и в неценном найти ценное, и в неудачном открыть тайну неудачи, а не откладывать в сторону. Поэтому мне так глубоко пленительно отношение Конст<антина> Федор<овича> к произведениям искусства: он мимо самой слабой вещи не пройдет, не постаравшись от нее научиться.

Видел две новые картины К.Ф. у Кандаурова и в полном восторге от них. В них и Киммерия, уже немного преображенная Италией, и Италия, увиденная из сумрака киммерийских далей.[7]

В них та гармония, которой мне все же не хватало (придирчиво) в первой итальянской серии.[8]

Сам я живу второпях. Стихов не писал за это время. В смысле работы – мне этот год везет – есть много мест, где могу писать, только писать некогда. В январе предстоит читать несколько лекций.

Мне теперь открыты и «Рус<ская> мысль», и «Утро России», и «Еже<годник> Имп<ераторских>Театр<ов>, и «Аполлон». Есть надежда, что меня будут принимать и в «Русских ведомостях».

«Аполлон», как Вы, вероятно, знаете, превращается из литературного в чисто художественный журнал. Это меня вновь примиряет с ним. Я веду для него Московскую Хронику художественной жизни.

Моя рука научилась вновь многим движениям и почти незаметно, что она не разгибается. Но последствиями ушиба остались невралгические боли при усталости. Они повторя-

ются довольно часто и сильно мешают моей общественной деятельности: у меня почти не проходит боль мускулов шеи и затылка.

До свиданья. Привет Конст<антину> Федор<овичу> и Пете.[9]

Макс.

С Новым годом!

Прилагаю мою статью из «Рус<ской> Мысли» «Судьба Толстого».[10]

[1] Л.Л. Квятковский.

[2] Видимо, ошибочное воспроизведение фамилии; правильно – Данилов. См. п. 348, примеч. 6.

[3] М.В. Сабашникова проявила большой интерес и участие в судьбе Л.Л. Квятковского, опекая его и в Петербурге, и позже за границей. С нею Квятковский был в переписке.

[4] Ф.И. Рерберг активно занимался преподавательской деятельностью. В 1906 г. открыл частное училище, где, помимо занятий по рисунку и живописи, читал лекции по истории искусства. В 1910 г. в училище Ф.И. Рерберга по совету К.В. Кандаурова был устроен Квятковский.

[5] Чтобы понять эти недоумения, следует знать, сколь большие надежды возлагали на Квятковского его менторы. Так, 12 января 1910 г. А.М. Петрова писала Волошину: «Что-то святое на наших глазах народилось. Беречь будем. Его спасение – в упорном, точном труде. Я это ему все время внушала, не скрывая того, что с ним начинается новая эпоха в искусстве, если... если он не потеряет голову» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952).

[6] Участие М.В. Сабашниковой в судьбе Квятковского его патронами будет оцениваться как негативное. Об этом в своих письмах Волошину не раз указывала Петрова. «Ласкайте моего могикана <т.е. Квятковского. – *Ред.*> и не давайте его теософам <...>» – писала она Волошину осенью 1910 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 46). А чуть ранее в письме от 27 августа 1910 г. Петрова жаловалась Волошину на поведение Квятковского и добавляла: «Что хотите говорите, а все это эта теософия наделала <...>» (Там же, л. 58–58 об.).

[7] В 1907–1909 гг. К.Ф. Богаевский совершил несколько заграничных поездок в Грецию и Италию.

[8] См. Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 335–370 и примеч. к этому разделу.

[9] П.Н. Лампси.

[10] См. примеч. 8 к п. 260.

268. К.Н. НЕЗЛОБИНУ

Декабрь (?) 1910 г. Москва[1]

Милостивый Гос<ударь> Кон<стантин> Ник<олаевич>.

Случайно я узнал, что после ухода г. Воротникова[2] место консультанта по репертуару в вашем театре еще не замещено. Если Вы продолжаете искать ему заместителя, то не позволите ли Вы мне предложить Вам свои услуги. В моем лице Вы можете найти человека вполне осведомленного в современной драматургии.

Предполагаю, что Вам имя мое театрального и художественного критика «Ежегод<ника> Им<ператорских> Т<еатров>», «Рус<ской> М<ысли>», «Аполлона», а ранее газеты «Русь» небезызвестно. Напомню только Вам, что, в литературе примыкая к символистам, в области «театра» я всегда стоял за чистую «театральность» и выступал против всяких ненужных внесений литературы в область театра (см. мои статьи об эволюции французского театра за последние 50 лет в «Еж<егоднике> Им<ператорских> Театр<ов>»).[3]

Я пытался обратиться к Вам с этим предложением лично, но Вы так недоступны в театре, что мне приходится Вам писать об этом.

[1] Основание датировки: Труды и дни. С. 262. Черновик письма, сохранившийся в архиве Волошина. Отправлено ли было это письмо адресату, неизвестно. Писем К.Н. Незлобина в архиве Волошина не имеется.

[2] А.П. Воротников был режиссером в театре К.Н. Незлобина с 1908 г.

[3] См. примеч. 1 к п. 229.

1911

269. С.К. МАКОВСКОМУ

3 января 1911 г. Москва

3 I 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

Простите, что не отвечал Вам:[1] хотелось написать вместе с исполненной работой (Совр<еменная> Скульпт<ура>), но она сделана лишь наполовину.[2] Я уж там был – сговорился, получил всю коллекцию, прочел внимательно Ваши тексты, и, усвоив Ваш стиль, написал часть характеристик, но не успел еще кончить. Хотел сначала послать их в рукописи Вам. Но они очень торопятся – я думаю сделать так: сдам прямо или как только будет готово, а Вам они вышлют прямо корректуру. Хорошо?

Все письма Ваши получил, но экземпл<яр> «Аполлона» еще не брал, т<ак> к<ак> сейчас и «Эстетика» – празднует, и Голубкина уехала.[3] Она вернется к 10-му январю. Фотограф был у меня, но только на другой день после ее отъезда (ключ она увезла с собой).[4] Так что, видите, снимки задержутся и моя статья тоже: этот месяц у меня будет страшно разобран. Хотите на март?

Вы пишете о рецензиях на книги – а список прислать забыли![5]

Не напишет ли Муратов и о «Передвижниках» и о «Независимых» – раз он написал о Союзе. Я был бы очень этому рад.[6]

Он написал прекрасную книгу «Образы Италии», но я, к сожалению, уже дал об ней отзыв в «Русские Ведомости».[7]

Хронику литер<атурную> и театр<альную> постараюсь прислать. Я никак не ожидал, что Вы весь материал, мною

присланный, дадите в одном № (Аквар<ельная> Выстав<ка>, Бубн<овый> Валет и «Miserere»).[8] Пожалуйста – если можно, смягчите кое-какие выражения по своему вкусу в отзыве о «Miserere» – хотя это вещь очень плохая, но я хочу еще кое-что написать об ней – там много курьезов.[9]

Я *еще не получил* № 12-го «Аполлона».

Можно ли мне теперь <?> и гонорар за него?

До свиданья.

С Новым Годом.

Максимилиан Волошин.

[1] Волошин отвечает на три письма Маковского – от 18-го и 24 декабря 1910 г. и от 1 января 1911 г. (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 421–424).

[2] Во время декабрьской встречи в Москве Маковский договорился с Волошиным о том, что тот подготовит сопроводительные тексты к седьмому выпуску альбома меццотинто-гравюр «Современная скульптура», выпускаемого московским издательством «Мир». Обстоятельства работы над изданием «Современная скульптура» нашли отражение в письмах Маковского (1908–1911) к представителю издательства «Мир» М.Я. Фитерману (РГАЛИ, ф. 597, оп. 1, ед. хр. 388). На титульном листе каждого из семи выпусков альбома, вышедших в свет в 1908–1911 гг., указано: «Текст составил Сергей Маковский». В седьмом выпуске «Современной скульптуры» репродуцированы пять работ: Д. Стеллецкий – «Знатная боярыня», К. Дуниковский – «Нищета», А. Голубкина – «Этюд», С. Судьбинин – «Раздумье», Э.-А. Бурдель – «Бюст Энгра». В архиве Волошина сохранились черновые автографы сопроводительных текстов к этим работам, а также к «Задумчивости» А. Майоля, в седьмом выпуске «Современной скульптуры» не воспроизведенной (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 625–632). Опубликованные тексты в целом соответствуют автографам Волошина, но несколько изменены, некоторые сокращены. 18 декабря 1910 г. Маковский писал Волошину: «Посылаю Вам четыре меццотинты для изданий т<оварищест>ва “Мир” и еще раз очень, очень прошу Вас поскорее написать к ним текст. <...> Я написал уже в “Мир” о Вашем участии в издании и просил дать Вам все необходимое» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 421–424).

[3] В письме от 24 декабря 1910 г. Маковский просил Волошина зайти в магазин «Образование» на Кузнецком Мосту и взять «два

комплекта “Аполлона” за 1910 г. Один для “Свободной Эстетики”, а другой для Голубкиной» (Там же. С. 422).

[4] Подразумевается ключ от мастерской Голубкиной. В том же письме Маковский спрашивал Волошина: «Был ли у Вас фотограф Павел Васильевич Орлов <...> если нет, то, пожалуйста, поторопите его пойти и снять работы Голубкиной, так как мне хотелось бы поместить их вместе с Вашей статьей уже в февральском №» (Там же. С. 423). По всей вероятности, в ходе встречи в Москве Маковский заказал Волошину для «Аполлона» статью о творчестве А.С. Голубкиной, которую предполагалось сопроводить фотографиями ее работ. Ср. сообщение в письме Г.К. Лукомского к Волошину от 17 декабря 1910 г., касающееся Голубкиной: «С. К.М<аковск>ий в восторге от ее работ и от нее лично» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 794).

[5] 1 января 1911 г. Маковский писал Волошину: «Посылаю Вам список последних книг, поступивших в редакции, — некоторые из них подчеркиваю. Не напишете ли рецензии?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. С. 423).

[6] 40-я выставка Товарищества передвижных художественных выставок открылась в Москве в декабре 1910 г. в залах Исторического музея; выставка картин «Независимых» — 26 декабря 1910 г. в доме кн. Голицына на Лубянской площади. Выставку «Независимых» Волошин охарактеризовал в очередной своей московской корреспонденции (Русская художественная летопись. 1911. № 5, март. С. 79—82; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 354—355), «передвижническую» выставку оставил без внимания.

[7] Рецензия Волошина на 1-й том историко-культурных эссе П.П. Муратова «Образы Италии» (М., 1911) была опубликована в «Русских Ведомостях» 25 января 1911 г. (№ 19) за подписью «А—ръ». Авторство Волошина подтверждается черновым автографом рецензии, сохранившимся в его архиве (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 291; опубликован в кн.: Из лит. наследия-1. С. 231—232). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 371—372. В хроникальном разделе «Аполлона» книга Муратова была расценена как «превосходнейшая», написанная «с огромными знаниями, умно и увлекательно» (1910. № 12, дек. Отд. II. С. 24. Подпись: Н. В.).

[8] См. примеч. 3 к п. 264.

[9] Вновь о лирической драме С.С. Юшкевича «Miserere» в постановке Московского Художественного театра (премьера 17 декабря 1910 г.) Волошин написал в очередной московской корреспонденции под рубрикой «Москва. Театр» (Русская художественная летопись. 1911. № 3, февр. С. 47—48). В макет книги 3-й «Ликов творчества» Волошин включил контаминированный текст обеих заметок (см.: Т. 5 наст. изд. С. 238—243).

270. В.О. СТАНЕВИЧ

3 января 1911 г. Москва[1]

3 I 1911.
Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Благодарю Вас (и «вас»), Вера Оскаровна, за привет и память.[2] Поздравляю с Новым годом. Завидую Вашим трудам по сооружению снежной горы (насколько это приятне<е>, чем писать статьи о Современных скульпторах, что делаю в настоящую минуту я!).[3]

Жду от Вас письма.

Максимилиан Волошин.

P.S. Должен ли я Бёклиновскую картинку принимать за аллегорию?

[1] Открытка; получена в Пензе 5 января 1911 г. (дата на почтовом штемпеле).

[2] Письмо (по всей вероятности, на открытке с репродукцией картины А. Бёклина), на которое откликается Волошин, в его архиве не сохранилось.

[3] См. п. 269, примеч. 2.

271. С.К. МАКОВСКОМУ

5 января 1911 г. Москва

5 I 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

Только что получил список книг и фотографий.[1]

С удовольствием напишу рецензии о стихах и прозе А. Толстого, о расск<азах> Ремизова.[2]

X т<ома> Сологуба у меня нет, равно как и «Критичес<ких> Рассказ<ов>» Чуковско<го>. Если пришлете — напишу.[3]

О «Курантах» Кузмина[4] — не понимаю — хотите ли? и подчеркнутое зачеркнуто?

На фотографиях нет ни имен вещей, ни имени авторов. Сообщите. Я не все знаю.

Кандаур<ов> очень опечален тем, что выставка отложена.[5] Он говорит, что знает 2 велик<олепных> помещения теперь.

Максимил<иан> Волошин.

Не получил еще № 12 Аполлона.

[1] Благодаря Волошина «за быстрое исполнение просьбы относительно “Скульптуры”» (см. п. 269, примеч. 2), Маковский писал ему 5 января: «Надеюсь, Вы уже получили последние фотографии, что высланы Вам 3-го ян<варя>. Список книг для рецензий я вложил в эти же фотографии <...>» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 426).

[2] Имеются в виду книги А.Н. Толстого «За синими реками. Стихи» (М.: Гриф, 1911) и «Сочинения», кн. 1 (СПб.: Шиповник, 1911), вышедшие в свет в конце 1910 г., и «Сочинения», т. I и II А.М. Ремизова (СПб.: Шиповник, <1910>). Отзывов об этих изданиях Волошин в «Аполлон» не представил. Книгу Толстого «За синими реками» он охарактеризовал в статье «Поэты русского склада» (Утро России. 1911. № 121, 28 мая; см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 399–402). В архиве Волошина сохранился набросок начала статьи об А.Н. Толстом, в котором затрагивается рассказ «Сватовство» (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 623). Т. I и II Сочинений Ремизова и кн. 1 Сочинений А.Н. Толстого прорецензировал в «Русской художественной летописи» М. Кузмин («Заметки о русской беллетристике» // 1911. № 2, янв. С. 30–32).

[3] Речь идет о Собрании сочинений Федора Сологуба (Т. X. Сказочки и статьи. СПб.: Шиповник, <1910>) и о сборнике Корнея Чуковского «Критические рассказы» (Кн. 1. СПб: Шиповник, <1911>), вышедшем в свет в ноябре 1910 г. Отзывов для «Аполлона» об этих изданиях Волошин не написал.

[4] Имеется в виду издание: Куранты любви. Слова и музыка М. Кузмина. М.: Скорпион, 1910 (с нотами и иллюстрациями С.Ю. Судейкина и Н.П. Феофилактова).

[5] Речь идет об организации под эгидой журнала «Аполлон» выставки французской живописи, которая была открыта в Петербурге лишь год спустя, в январе 1912 г.

272. А.И. СУМБАТОВУ-ЮЖИНУ

Около 10 января 1911 г. Москва

Многоуважаемый Александр Иванович,

Могу ли я просить Вас как-нибудь устроить меня в М<алом> Театре в пятницу и субботу (на «Жулика» и «Поле Брани»)?[1] – Это две пьесы, которые я до сих пор не имел возможности увидать, что мне, между тем, необходимо для моего отчета в «Ежегоднике».[2]

Максимилиан Волошин.

Б. Бронная 18/8, кв. 3. Тел. 277–47.

[1] По всей вероятности, речь идет о представлениях в Малом театре пьесы И.Н. Потапенко «Жулик» в пятницу 14 января и пьесы И.И. Колышко «Поле брани» в субботу 15 января 1911 г. (см.: Новости сезона. 1911. № 2119. 14 янв. С. 14; № 2120, 15 янв. С. 13). Сохранился набросок отзыва Волошина о постановке «Жулика» в Малом театре (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 625).

[2] После 1910 года Волошин в «Ежегоднике Императорских Театров» не печатался.

273. С.К. МАКОВСКОМУ

11 января 1911 г. Москва

11 I 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

Сегодня я кончаю тексты для скульптуры «Скульптуры» и отвезу их в «Мир».[1] Написаны тексты на все скульптуры, кроме тех трех, фотографии которых Вы прислали последними. Кроме одной (Дежана, что была воспроизведена в «Аполлоне»),[2] я их не знаю и потому не смогу ничего написать о них, равно как и о Дежане, которого никогда не видел и не имею никакого мнения. Быть может, можно было бы заменить их новыми вещами Голубкиной, Коненкова, Матвеева.[3] Ведь для

Голубкиной дана вещь нехарактерная. Может, дать еще шервудовского «Пушкина»?[4]

Голубкина, вероятно, приезжает сегодня или завтра. Я это узнаю сегодня же и сию же минуту все устрою с фотографиями.[5] Решите скорее содержание последнего выпуска «С<овременной> Скульптуры» и напишите мне.[6]

Теперь несколько слов о денежных счетах:

Мы уславливались, что «Аполлон» будет мне платить за «Хронику» – по 10 к. за строку, и что я должен представлять в месяц дважды по 250 стр<ок>. В этом размере я приблизительно и рассчитывал мои хроники. Но Вы поместили в № 1-м целиком весь мой материал на месяц, т.е. 576 стр<ок>. Да в декабрьском (№ 12) (я его еще до сих пор не получил!!) – 290 стр<ок>.

Так что за это время «Аполлон» мне должен не 50 р., а *86 р. 60 к.*

Я пишу это во избежание возможных недоразумений в счетах и очень прошу Вас распорядиться выслать мне гонорар.

Кстати: напишите мне тоже, с кем и когда я смогу иметь расчет за Совр<еменную> Скульптуру?

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 2 к п. 269.

[2] Луи Дежан (1872–1954) – французский скульптор. Имеется в виду автотипия его «Декоративной группы» (Аполлон. 1910. № 11, октябрь-ноябрь. Отд. I. Между с. 32 и 33).

[3] Те же три имени Волошин отметил в статье «Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)»: «Сейчас выставляют, в сущности, только три скульптора: Голубкина, Коненков и Матвеев» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 387).

[4] Исполненный Л.В. Шервудом бюст А.С. Пушкина (1902, гипс) хранится в Государственном Русском музее.

[5] См. п. 269, примеч. 4.

[6] В архиве Волошина отложилось письмо Маковского от 17 января 1911 г. к М.Я. Фитерману (см. примеч. 2 к п. 269), имеющее непосредственное отношение к обсуждаемой теме: «Я вполне

согласен с Вами относительно текста и снимков русских: Голубкиной, Матвеева и Шервуда. Если хотите, я с удовольствием достану для Вас эти снимки. Мне кажется, следовало бы поместить "Петра Великого" Шервуда; он очень хорош! Сообщите об этом М.А. Волошину, – я же лично напишу ему подробней обо всем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 246). Пересылая это письмо Волошину 20 января, Фитерман добавлял о Маковском: «Он забыл <...>, что Петр I Шервуда у нас уже имеется. Может, Вы будете так любезны сообщить ему это, а равно столковаться и насчет снимков <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1230).

274. С.К. МАКОВСКОМУ

15 января 1911 г. Москва

15 I 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

целый ряд дел:

I *Голубкина*[1]

Она приехала. Но снимки придется отложить еще на несколько дней благодаря мне, на этот раз: у меня 18-го лекция в Кружке,[2] а 19-го я выезжаю на 5 дней в Нижний, где читаю 20<-го> и 22<-го>.[3] Словом, 24-го я буду в Москве и сделаю все немедленно. Пока же у меня нет физической возможности. Ни одна из 3 лекций у меня не закончена вполне и каждая минута времени мне нужна: а на снимок *20*-ти вещей нужно 2 утра, что сию минуту для меня невозможно. Между тем мое *личное* участие необходимо, т<ак> к<ак> Голубкина сама не берется за руководством фотографом: я уже с ней об этом подробно говорил. Так что – простите меня: это force majeure.*

Но с другой стороны Голубкина говорит, что лучше подождать, т<ак> к<ак> ей на это<й> неделе привезут большое количество негативов с ее старых работ из Зарайска и можно будет ими воспользоваться одновременно.[4]

II *Экзотический номер*[5]

Я недавно говорил с графом де Ла-Бартом[6] – (профес<сором>) известным знатоком французск<ого> ро-

* Непредвиденные обстоятельства *(фр.)*.

мантизма, который готовит книгу по франц<узской> экзотике.[7] Я спрашивал у него, не согласится ли он принять участие в экзотическом № «Аполлона», и он выразил большую готовность. Я думаю, что его статья будет очень интересна (о начале Европ<ейского> экзотизма).

Если это Вам улыбается — напишите ему сами: (Граф Фердинанд Георгиевич де Ла-Барт. Филиповский пер. 16, кв. 2. Москва) и немедля.[8]

III *Денежные счеты*

Я получил только что от Кранца[9] извещение, что мне выслано 50 р. и счет: за весь год с «Аполлоном».

За мною еще 171 р. 29 к.

Мы условились с Вами — что этот аванс будет покрыт теми большими статьями, которые находятся в распоряжении «Аполлона» (Клоделем, Вилье и перв<ым> ак<том> «Акселя»[10]), а счет за *Хронику* пойдет отдельно, не мешаясь с этими счетами.

Между тем Хроника № 12 отнесена в погашение аванса.[11] Кроме того, я вижу по счету, что Хроника мне считается по 8 коп. строка, между тем как мы условились с Вами по *10 коп.* Я вижу, что здесь происходит какое-то недоразумение с этим фиксом[12] в 50 рубл<ей>.

Поэтому хотите такое условие: производить со мной расчет после выхода каждого № Хроники, не считаясь с фиксом. Мне это важно. Сейчас у меня много газетной работы («Утро России» и «Русские Ведомости»![13]), однородной с Московской Хроникой «Аполлона». Поэтому я могу работать только на одинаковых условиях. (Т.е. 10 коп. строка и оплата по выходе №). Хотите так? А статьи пойдут отдельно в погашение.

Тогда пусть за Хронику в № 12-м и за № 1 — мне дошлют разницу.

Просматривая расценку моих вещей, напечатанных за прошлый год, я нашел только одно несоответствие — самой низкой расценкой оценен перевод «Муз» (по 2 р. = 24 р!!), т.е. труд, на который ушло 2 месяца! Между тем как предисловие к «Музам», написанное в 2 дня, — 50 р.[14] Но это прошло и пусть уже так остается.

Прочтите внимательно, Сергей Константинович, эти мои претензии, ответьте мне краткой формулировкой окончательных условий и не будем больше возвращаться к этим подробн<ост>ям.[15]

Жму Вашу руку. Привет Марине Эрастовне.[16]

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 4 к п. 269.

[2] 18 января Волошин выступил в Московском Литературно-художественном кружке с лекцией «Новые течения во французском экзотизме».

[3] 20 января Волошин выступил в Нижнем Новгороде с лекцией «“Братья Карамазовы” и “Эдип”» в зале Общественного клуба в пользу учащихся Владимирского реального училища (22 января в газете «Нижегородский листок» появилась корреспонденция «“Братья Карамазовы” и “Эдип” (Из лекции М. Волошина)»). Вторая запланированная лекция не состоялась (в той же газете 21 января сообщалось, что она «откладывается до Великого поста»). По всей вероятности, 21 января Волошин возвратился в Москву (Труды и дни. С. 264).

[4] В ответном письме от 20 января Маковский соглашался «номер с Голубкиной <...> немного отложить, тем более, если ожидаются негативы с ее работ» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 430).

[5] Замысел отдельного номера «Аполлона» с обозначенной тематикой не был реализован.

[6] 30 ноября 1910 г. Волошин и Ф.Г. де Ла Барт выступали как официальные оппоненты на лекции В.Я. Брюсова «Влияние романтизма на жизнь и нравы» в Московском Литературно-художественном кружке (см.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 347–348, 736–737).

[7] Издание этой книги не состоялось. Из задуманного объемного труда по поэтике французского романтизма, с широким охватом европейского литературного движения в целом, увидела свет только книга «Разыскания в области романтической поэтики и стиля. Т. 1. Романтическая поэтика во Франции» (Киев, 1908), защищенная де Ла Бартом в 1909 г. как докторская диссертация в Харьковском университете (подробнее см. предисловие П.Р. Заборова к публикации писем де Ла Барта к А.Н. Веселовскому в кн.: Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1992. С. 331–332).

[8] В цитированном письме от 20 января Маковский отвечал: «Относительно статьи де Ла Барта я ничего еще не могу сказать определенного, т<ак> к<ак> “экзотический номер” далеко еще не выяснен».

[9] Кранц — администратор журнала «Аполлон».

[10] См. примеч. 4 к п. 227, примеч. 3 к п. 197, примеч. 2 к п. 245.

[11] См. примеч. 1 к п. 262.

[12] От *фр.* fixe — твердая ставка.

[13] В московской газете «Утро России» Волошин регулярно печатался, начиная с октября 1909 г.; сотрудничество его в «Русских Ведомостях» оказалось эпизодическим (см. примеч. 7 к п. 269).

[14] См. примеч. 2 к п. 197.

[15] Отвечая Волошину 20 января по затронутым конкретным вопросам, Маковский писал: «...уверяю Вас, что “Аполлон” — не газета, а для всех немногочисленных сотрудников, мне кажется, — должен быть *своим*, очень близким делом <...> Если бы у меня не было уверенности, что немногие культурные силы, составляющие *семью* журнала, не отожествляют его с какими-то газетными листками, я бы, конечно, никогда не начинал идейного издания, приносящего ежегодно верного убытка около сорока тысяч... Поэтому, признаюсь, меня несколько удивили Ваши слова об “одинаковых условиях”» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. С. 431).

[16] М.Э. Маковская (урожд. Рындина; 1887—1973) — жена Маковского с 1910 г.; в 1905—1907 гг. жена В.Ф. Ходасевича.

275. С.К. МАКОВСКОМУ

31 января 1911 г. Москва[1]

31 I 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дорогой Сергей Константинович,

Вчера я Вам выслал материал Московской хроники о выставках, а сегодня досылаю материал о театрах[2]

Поездка в Нижний очень задержала меня. Фотографии с вещей Голубкиной будут все закончены на этой неделе — я окончательно уже переговорил с нею, отобрал те фотографии, что имеются, определил вещи и условился с фотографом.

Относительно корректур «Современной Скульптуры» ничего не знаю. В мое отсутствие мне был прислан ими снимок «Нищеты» (Голова Старухи) Дуниковского,[3] которого они раньше не посылали мне. Я в недоумении перед этим скульптором: я об нем ничего не знаю и написать о нем не могу.[4] Напишите Вы сами об ней, Сергей Константинович. Я даже никаких сведений об этом скульпторе нигде найти не мог. Писать можно только о тех, кого знаешь. Б<ыть> м<ожет>, ожидая этого текста, — который должен восполнить следующий выпуск, — они и не посылают Вам корректур.

Несколько слов теперь о вопросах неприятных, т.е. денежных: я вполне согласен с оплатой 500–600 строк в месяц (как было условлено) 50 р. в месяц. Но мой протест был обусловлен тем, что в первый же выпуск хроники Вы поместили весь материал, который я рассчитывал на месяц, т.е. около 600 стр<ок> не в двух, а в одном выпуске.

Вы забываете, Сергей Констант<инович>, что я живу только литературой и что такая работа для меня не больше *чем ремесло*. В моем бюджете и десяток рублей составляет крупную разницу. А между тем мелкая журнальная и газетная работа в зимние месяцы не оставляет мне совершенно никакого времени для моего искусства: мне некогда писать стихи. Даже на более крупные статьи приходится урывать время. Смысл такой работы для меня *только ее оплата*. Конечно, мне приятнее делать такую работу для «Аполлона», чем для газеты. Но я не могу ее делать, если она будет оплачиваться вдвое дешевле, чем в газете.

А что я дорожу этой работой в «Аполлоне», Вам указывает, напр<имер>, то, что я, принимая «Москов<ские> Хроники» в «Аполлоне», отказался поэтому вести живопись в «Рус<ской> Мысли», о чем мне было предложено.[5] Я, конечно, вполне понимаю, что «Аполлон» приносит 40 тыся<ч> убытку в год. Но не на гонорарах же делать сокращение расходов, потому что ведь журнал имеет обязательства не только перед публикой, но и перед писателями, работающими в нем. Критические статьи и заметки — ведь это не искусство, а работа, ремесло прежде всего, но ремесло, требующее и доб-

росовестности, и знаний, и опыта. Я могу не ценить того, что я делаю для себя, т.е. стихов. Тут оплата всегда непропорциональна работе (напр<имер>, «Музы», перев<одная> работа 2 месяц<ев>, оцененная в *24 руб.*[6]). Но «Хроника» – это работа, оплата за которую должна быть пропорциональна общим оценкам литер<атурного> труда.

Что же касается нормального размера хроники 250 стр<ок> – Вы сами знаете, как эти месяцы зимнего сезона богаты разными худож<ественными> событиями и как многое надо отметить и рассказать. Нельзя сомневаться, что хроника всегда будет иметь тенденцию превышать это количество строк, если не станет неряшливой и случайной.

Вот мои соображения.

Дружески жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского от 26 января 1911 г., содержавшего вопросы: «...пришлете ли Вы отчеты о последних московских выставках: “Независимых”, Передвижников и “Товарищества”, и когда можно их ждать? Почему я все не получаю корректур современной скульптуры?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 431).

[2] См. примеч. 6 и 9 к п. 269. См. также заметки Волошина «Театры. Незлобина. Малый» в рубрике «Москва» (Русская художественная летопись. 1911. № 5, март. С. 79–82; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 355–358).

[3] 4 июля 1910 г. Маковский запрашивал Зноско-Боровского: «Получил ли ты “Голову старухи” Дуниковского?» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 2645). Репродукция этой скульптуры помещена в «Аполлоне» (1910. № 9, июль-август. Отд. I. Между с. 32 и 33).

[4] Волошин, однако, написал краткую заметку об упоминаемой работе Дуниковского (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 632) – по получении письма М.Я. Фитермана от 9 марта 1911 г., в котором была передана просьба Маковского «написать несколько общих мест (фраз) о Дуниковском»: «Мы тоже очень просим Вас переслать нам корректуру, прибавив кое-что о Дуниковском <...> Против указанного Вами состава VIII вып<уска> С.К. ничего не имеет, просит только, если возможно, заменить одну вещь Голубкиной чем-нибудь Матвеева» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1230).

[5] Волошин, тем не менее, опубликовал в № 5 и 6 «Русской Мысли» за 1911 г. большую обзорную статью «Художественные итоги зимы 1910–1911 гг. (Москва)».

[6] См. примеч. 2 к п. 197.

276. Н.В. ДРИЗЕНУ

28 февраля 1911 г. Москва

28/II 1911 Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Простите, что я так долго оставлял Вас и без присылок, и без вестей о себе. В настоящее время я готовлю целый ряд статей для Вас.

1). Впечатления сезона: я хочу все пьесы из современной жизни, шедшие в Малом Театре, а также и другие, русские пьесы частных театров – художеств<енного> и незлобинского,[1] объединить одной статьей – посвященной характеристике русской современной драматургии, насколько будет возможно дать из этого материала широкий синтез, попутно оценивая и театральную трактовку. (Разумеется, об реперт<уаре> Имп<ераторских> Театр<ов> – я буду говорить со всей необходимой осторожностью).

С Ник<олаем> Еф<имовичем> Эфросом[2] – мы уже сговорились об этом.

2). Небольшую статью о постановке «У Жизни в Лапах» в Худож<ественном> театре.[3]

3). «Эдип и Карамазовы» – она у меня уже написана, но ее надо еще раз переработать.[4]

4). У меня есть целый ряд мыслей и соображений о танце, в связи с историей одежды и психологией наготы. Я хочу доработать это в одну статью.[5]

Памятуя мое обещание прочесть у Вас доклад – я думаю приехать в Петербург в начале апреля и тогда, думаю, хорошо подошла бы для этого статья о современной драматургии[6], которую закончу в марте.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Речь идет о московских театрах: Малом театре, находившемся в ведении Московской конторы императорских театров, Московском Художественном театре, основанном в 1898 г. К.С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко, и частном Театре Незлобина, созданном в 1909 г. антрепренером, режиссером и актером К.Н. Незлобиным. Репертуар всех трех театров постоянно находился в поле зрения Волошина.

[2] 21 декабря 1910 г. Дризен писал Волошину: «Н.Е. Эфрос, Ваш коллега по "Театральным впечатлениям" в "Ежегоднике", пишет мне по поводу ближайшей работы в этот раз. Он хотел бы сейчас обменяться с Вами ролями, т.е. чтобы Вы на следующий раз взяли Малый театр, а ему <...> Художественный. Я лично ничего не имею против этого <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 15).

[3] Речь идет о постановке на сцене Московского художественного театра пьесы Кнута Гамсуна «У жизни в лапах». Заметка Волошина «"У жизни в лапах" на сцене Московского Художественного театра» была опубликована в «Русской Художественной Летописи» в 1911 г. (№ 8. Апрель. С. 127–128). См.: Т. 5 наст. изд. С. 236–238.

[4] См. п. 261, примеч. 5.

[5] В «Ежегодник Императорских Театров» статьи на эту тему Волошин не представил. Свои размышления о танце он вынашивал на протяжении многих лет и излагал их в статьях «О наготе» (Т. 5 наст. изд. С. 23, 659), «Айседора Дункан» (Там же. С. 244–249, 748), «Террор и танец» (Там же. С. 250–257, 751), «О смысле танца» (Там же. С. 258–263, 753), «Лицо, маска и нагота» (Там же. С. 264–272, 756), «Культура танца» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 403–408, 766) и др.

[6] В 1911 году Волошин в Петербург не приехал. См. п. 280.

277. В.Я. ЭФРОН

13 апреля 1911 г. Москва[1]

13/III 1911. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Дня четыре тому назад Е.Я. за<хо>дила ко мне, Вера Яковлевна.[2] Она мне не оставила своего адреса: она пока живет у того присяж<ного> поверен<ного> (старого друга Вашей семьи – имени его не помню),[3] который хлопотал за нее. Она обещала мне протелефонировать, как только выяснится ее местопребывание. Но до сих пор я еще никаких вестей об ней не получал. Она не знала, между прочим, Вашего адреса,

и я сообщил его ей, т<ак> к<ак> его имел уже от Евген<ии> Ал<ександровны> Б.-П.[4] Теперь Вы уже, верно, имеете письмо от нее самое.

Когда Е.Я. была у меня – она была очень радостна и у нее был прекрасный вид.

Максимилиан Волошин.

[1] Приложен конверт с почтовыми штемпелями отправления (Москва. 14 IV 1911) и получения (Петербург. 15 IV 11); в авторской датировке, вероятно, допущена описка. Отправлено по адресу: Владимирский пр., д. 15, кв. 37. В Петербурге В.Я. Эфрон работала педагогом и занималась в студии пластического танца.

[2] К этому времени относится недатированная записка Е.Я. Эфрон, обращенная к Волошину: «Вот не судьба. Хорошо, если бы Вы мне позвонили по телеф<ону>. Буду во вторн<ик> от 3–6 ч. дома. Если Вам неудобно, то сговоримся по тел<ефону>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346).

[3] Вероятно, имеется в виду присяжный поверенный Александр Владимирович Трупчинский (1877–1938), муж Анны Яковлевны Трупчинской (урожд. Эфрон; 1883–1971), старшей сестры Е.Я. и В.Я. Эфрон.

[4] Е.А. Бобрищева-Пушкина, двоюродная сестра А.К. и Е.К. Герцык.

278. С.К. МАКОВСКОМУ

Середина апреля 1911 г. Москва

Дорогой Сергей Константинович,

Я до сих пор не написал еще статьи о Голубкиной: это время меня охватило то странное и смутное весеннее состояние, которое мешает всякой работе.

Я смогу выслать Вам статью только в начале Фоминой.[1] Она у меня вся готова. Но ее надо *написать*. А я не мог в таком состоянии написать ни строчки. Извините за эту задержку.[2]

М. Волошин.

[1] Фомина неделя – вторая по Пасхе; в 1911 г. – с 17 по 23 апреля.

[2] В ответном письме от 16 апреля 1911 г. Маковский просил Волошина: «Пожалуйста, не делайте статью очень длинной, т<ак> к<ак>, *благодаря задержке ее,* мне трудно предоставить ей много места *в последнем весною* № 5. Если же и на Фоминой статьи не будет, я принужден буду отложить ее до осени» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 436).

279. С.К. МАКОВСКОМУ

17 или 18 апреля 1911 г. Москва[1]

Дорогой Сергей Константинович,

Я должен очень извиниться перед Вами за мою неаккуратность: статья о Голубкиной не написана. У меня бывают иногда такие состояния, что искусство слова совсем покидает меня – я не могу связать ни одной фразы. (Вы-то это состояние знаете). Ну так вот – оно случилось со мной теперь – это всегда бывает в конце городского пребывания. Поэтому прошу Вас – сделаем так: отложим номер Голубкиной пока. Как только я буду в Коктебеле (а я уеду 26–27<-го> из Москвы),[2] мне написать эту статью будет довольно двух дней. Теперь же я физически не могу.

Я пришлю до отъезда еще материал для хроники. (У Вас есть две заметки – о «У жизни в лапах» и о Танцах).[3]

Потом я хотел бы спросить у Вас:

1) Будет ли кто, или кто будет писать о «Cor Ardens»? – я хотел бы дать о нем статью, – но целую статью – не заметку.[4]

2) Выслать ли Вам I акт и статью об «Акселе»? Не изменили ли Вы намерения своего поместить их в летнем альманахе?[5]

3) Получили ли «Клоделя»?[6]

4) Пожалуйста, вышлите мне тот № «Аполлона», где были мои переводы «Истории о маркизе д'Амеркёре» – мне необходим их текст, т<ак> к<ак> они, кажется, будут изданы отдельной книжкой...[7] Об этом *очень* прошу.

Извините мою неаккуратность со статьей, за которую сам себя проклинаю...

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского от 16 апреля 1911 г..

[2] Волошин выехал из Москвы в Феодосию 29 апреля.

[3] Эта корреспонденция Волошина («Москва. Театры. “У жизни в лапах”, пьеса Гамсуна на сцене Московского Художественного театра. — Танцы») была помещена в апрельском номере «Русской художественной летописи» (1911. № 8. С. 127–128). См. наст. изд.: Т. 5. С. 236–238; Т. 6, кн. 1. С. 364–365. «У жизни в лапах» («Livet ivold», 1911) — драма Кнута Гамсуна, поставленная в Московском Художественном театре (премьера — 28 февраля 1911 г.).

[4] Книга стихов Вяч. Иванова «Cor Ardens» (Ч. 1. М.: Скорпион, 1911) вышла в свет в мае 1911 г. Судя по всему, предложение Волошина Маковский оставил без внимания. В «Аполлоне» с отзывами о части 1-й «Cor Ardens» выступили Н. Гумилев (Письма о русской поэзии // 1911. № 7, сент. С. 75–76) и Г. Чулков (Поэт-кормщик // 1911. № 10, дек. С. 62–64).

[5] Речь идет о предполагаемой публикации I акта драмы Вилье де Лиль-Адана «Аксель» и статьи Волошина «Апофеоз мечты и смерти» в готовившемся к печати отдельным изданием «Литературном альманахе» (СПб.: Изд. «Аполлона», 1912). См. примеч. 3 к п. 197, примеч. 2 к п. 245.

[6] Подразумевается статья «Клодель в Китае» (см. примеч. 4 к п. 227).

[7] Предполагаемое издание — «Маркиз д’Амеркёр» Анри де Ренье в переводе Волошина в московском издательстве «Альциона» (см. примеч. 7 к п. 197).

280. Н.В. ДРИЗЕНУ

18 апреля 1911 г. Москва

С 1 мая адрес: Феодосия. Коктебель.
Теперь. Москва. Б. Бронная 15/8, кв. 3.

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Я очень виноват перед Вами за неаккуратность и за неисполнение моих обещаний.[1] Я не мог приехать в Петербург, как хотел, по разным семейным делам и денежным затруднениям.

Что же касается статей, то я хотел бы их обработать более основательно летом. Вот что я имел в виду:

1). Впечатления сезона: «О репертуаре Московских театров 1910/11 года». В эту статью войдут все постановки

Мал<ого> театра, кот<орых> не касался Н.Е. Эфрос, «У жизни в лапах» и незлобинские постановки. Я хочу сделать эту статью очень общей и, исходя из непосредственных впечатлений, связать с ними многие мысли о драматургии вообще (памятуя все Ваши заветы об осторожности об Имп<ераторских> Театр<ах>). Эта статья у меня уже детально обдумана.

2). «Эдип-Царь и Карамазовы» — написана, но нуждается в отделке стиля и некоторых перестановках материала.

3). «О танце» — я еще не уверен в заглавии — но эта статья уже подготовлена у меня. В «Ежегоднике» за этот год было много о танце, и мне хотелось бы дать целый ряд моих мыслей и предположений на эту тему.

Вот мои планы.[2] Зима не дает времени осуществить их. Летом же я их закончу, обработаю и пришлю Вам.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 276.

[2] Эти планы Волошина в «Ежегоднике Императорских Театров» остались нереализованными.

281. С.К. МАКОВСКОМУ

16 июня 1911 г. Коктебель

Коктебель. Феодосия. 16 VI 1911.

Дорогой Сергей Константинович,

все будет исполнено. Ст<атья> о Голубкиной будет в нач<але> июля.[1] Когда надо о Богаевском?[2] Я с ним поговорю. Он только что уехал от меня: гостил целый месяц. Посылаю сделанный мной перевод одной из лучших поэм А. де Ренье «Кровь Марсия».[3] Я думаю, что она Вам должна очень понравиться.

Максимилиан Волошин.

[1] 11 июня 1911 г. Маковский писал Волошину: «...хочется еще раз убедительно просить Вас — написать поскорее обещанную статью о Голубкиной! *Очень* расстроило все мои журнальные комбина-

ции опоздание этой статьи, на которую я так рассчитывал. Но, по крайней мере, могу ли я быть уверен, что она будет в редакции хотя бы в июле?!» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 437). Статья Волошина «А.С. Голубкина» была опубликована в августовском выпуске «Аполлона» (1911. № 6. С. 5–12).

[2] В том же письме Маковский просил Волошина написать для «Аполлона» «биографическую монографию», посвященную К.Ф. Богаевскому: «Мне давно хочется посвятить ему номер, а недавно меня совсем заворожил его пейзаж, приобретенный Третьяковской галереей <...> Вы лучше кого-либо знаете *историю творчества* Богаевского и цените его, как мастера и поэта. Я думаю поэтому, что Вы мне не откажете!» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 438).

[3] «Кровь Марсия» («Le Sang de Marsias») – поэма из сборника Анри де Ренье «Город вод» («La Cité des eaux», 1902). См.: Т. 4 наст. изд. С. 703–711. 27 июня 1911 г. Маковский писал Волошину: «Благодарю Вас за перевод из Ренье. Поэма мне очень понравилась. Я думаю, что ее можно будет напечатать в первом же альманахе “Аполлона”, который выйдет осенью». Поэма Ренье в переводе Волошина была опубликована в «Литературном альманахе» (СПб.: Изд. «Аполлона», 1912. С. 7–15), вышедшем в свет в конце ноября 1911 г.

282. А.М. ПЕТРОВОЙ

Вторая половина августа 1911. Феодосия[1]

Алекс<андра> Михайлов<на>!

Мы приехали и придем после обеда. Я хочу сегодня привести к Конст<антину> Феод<оровичу> Григория Петрова с женой,[2] а сперва приведу их к Вам. Они с нами. Сейчас надо устроить все дела.

[1] Датируется по соотнесению с событиями биографии лиц, упомянутых в письме. А.М. Петрова провела большую часть лета 1911 г. в Эссен-Эли, в Феодосию должна была вернуться в августе; Г. Петров приехал в Коктебель 13 августа (Труды и дни. С. 275).

[2] М.К. Петрова.

283. Е.Л. ЯНТАРЕВУ

30 августа 1911 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Ефим Львович,

Я согласен на Ваши условия и выеду в Париж немедленно по получении денег на дорогу.[2] По пути остановлюсь в Москве,[3] чтобы познакомиться с редакцией «Московской Газеты», утвердить окончательно подробности нашего условия и получить общие инструкции.

Со своей стороны я должен поставить условием, чтобы жалованье и телеграфные деньги присылались мне за месяц вперед. Затем нам нужно точно установить желательный бюджет телеграмм и число их в неделю, количество почтовых корреспонденций в неделю, и кроме того, я бы желал иметь два больших фельетона в месяц в определенные дни, для более широких и подробных обзоров художест<венной> и обществ<енной> жизни Парижа.

Что же касается путевых денег (плюс – средства на первые расходы и телеграммы в Париже), то мне надо будет рублей триста.

Кроме того я бы хотел, чтобы Вы мне гарантировали как-нибудь средства на возврат в Россию в том случае, если наша работа почему-нибудь расстроится в течение этой зимы.

В случае же успеха газеты я надеюсь, конечно, что гонорарные условия будут Вами повышены впоследствии. Письменного ответа на это письмо я, конечно, не стану дожидаться, но прошу Вас телеграфировать мне по получении этого письма, приемлемы <ли> эти мои требования, и по получении телеграммы я выеду тотчас же. Адрес: Феодосия. Коктебель. Волошину.

(Не удивляйтесь на некоторую задержку почтовых сношений: Коктебель не имеет телеграфн<ой> станции и телеграммы пересылаются сюда из Феодосии почтой).

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 30.8.11. Получено в Москве 1 сентября.

[2] Е.Л. Янтарев (Бернштейн) в это время был секретарем редакции «Московской газеты», выходившей с 3 декабря 1910 г. еженедельно и с 1 сентября 1911 г. ставшей ежедневной. 30 августа 1911 г. Волошин получил от редакции «Московской газеты» телеграмму с предложением быть ее парижским корреспондентом (Труды и дни. С. 275).

[3] Волошин приехал в Москву 4 сентября.

284. С.К. МАКОВСКОМУ

30 августа 1911 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович,

Статья о Богаевском была у меня уже наполовину написана, и я уже готовился ее послать Вам, когда получил сегодня утром телеграмму, предлагающую мне ехать немедленно в Париж корреспондентом от «Московской Газеты».[2] Если я завтра получу согласие на мои условия, то выезжаю в Париж немедленно. Тогда мне придется прислать ее Вам уже оттуда и, конечно, с задержкой. Список работ смогу верно выслать до отъезда.[3] Статья же, кажется, выйдет хорошая: я его вывожу из земли — нарочно для этого летом объехал вновь разные места Киммерии, имевшие на него влияние.

Напечатаете ли Вы «Sang de Marsias»? Она взята из сборника «Cité des Eaux». Не могу, к сожалению, прислать Вам текста Ренье — у меня увезли эту книгу.[4]

Что Вы думаете о приезде Рабенек в Петербург?[5] Хотите, я к тому времени пришлю статью? Хотите мои корреспонденции и статьи из Парижа? Если уеду, напишу с дороги адрес.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 30.8.11; Царское Село. 3.9.11.

[2] См. п. 283, примеч. 2. 8 августа 1911 г. Маковский писал Волошину: «Когда будет статья о Богаевском? Мне это важно знать ввиду распределения материала на будущие месяцы» (Ежегодник Руко-

писного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 440).

[3] Речь идет о списке работ Богаевского. Статья Волошина «Константин Богаевский» была опубликована в «Аполлоне» лишь в 1912 г. (№ 6. С. 5–24); ее текст сопровождался списком работ Богаевского.

[4] См. примеч. 3 к п. 281. В письме к Волошину от 27 июня 1911 г. Маковский сообщал о необходимости «просмотреть французский подлинник» поэмы Ренье: «Не посетуйте на меня за мой всегдашний педантизм, и пришлите, если можно поскорее!» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 439).

[5] Волошин высоко оценивал работу студии сценического движения Э.И. Рабенек, охарактеризовав ее в одной из «аполлоновских» корреспонденций (Античные танцы в студии Е.И. Рабенек (Книппер) // Русская художественная летопись. 1911. № 6, март. С. 96–98), а также в статьях «О смысле танца» (Утро России. 1911. № 71, 29 марта), «Культура танца» (Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1911. № 6, май. С. 205–212), «Танцы Рабенек» (Утро России. 1912. № 56, 8 марта). См.: Т. 5 наст. изд. С. 258–263; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 361–362, 403–408, 465–468. Статью «Культура танца» Волошин завершал словами: «Сколько мне известно, осенью этого года Е.И. Рабенек предполагает выступить в Петербурге, и тогда петербургская публика получит возможность оценить не только ее композиционный талант, но и ее личные танцы, отличающиеся строгостью и лирически тонкой разработкой пластических жестов» (Там же. С. 408).

285. А.М. ПЕТРОВОЙ

2 сентября 1911. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна.

Третьего дня я получил неожиданно предложение от «Московской Газеты»[2] немедленно выехать в Париж ее корреспондентом. Так что теперь жду только ее окончательного ответа и денег. Так что выеду, может быть, завтра же.

Но это еще не самое важное, а вот что: я хочу взять Людовика собою в Париж.[3] По-моему, это самое разумное, что может он сейчас делать. Я его там определю в школу, и он будет работать под моим руководством. Жить он будет у меня. Если ему будут высылать немного денег, как высылали до сих пор, то материально это будет вполне возможно.

Что Вы думаете об этом плане? Без вашего согласия и сочувствия ничего не хочу здесь делать. По-моему, это самое лучшее, что он может сделать. Там, по крайней мере, он станет настоящим знающим художником, а не русским самоучкой. Одновременно я пишу об этом Конст<антину> Феодор<овичу>.

Я предчувствую, что против этого будет страшно Марг<арита> и, возможно, Александ<ра> Алексеевна[4]. Главным образом, против того, чтобы он жил со мной. Но я думаю, что опыт уже показал, что мое влияние на него более плодотворно, чем влияние М.В. И я уверен, что он будет теперь работать. Я его узнал в Коктебеле теперь, и мне кажется, что недоверие (и, м<ожет> б<ыть>, избыток уважения ко мне) теперь у него рухнули.

Он сам, конечно, вне себя от восторга. Надо это решить тотчас же. До свиданья. Завтра, я думаю, получу окончательный ответ от газеты.

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 2.9.11.

[2] «Московская газета» — орган беспартийной прогрессивной печати, выходивший в 1910–1912 гг. Редактор М.М. Бескин, издатели Н.П. Меснянкин и Э.М. Бескин. См. п. 283, примеч. 2.

[3] Поездка Л.Л. Квятковского в Париж с Волошиным не состоялась.

[4] М.В. Сабашникова и А.А. Андреева. Сабашниковы скептически воспринимала многое во взглядах Волошина на искусство, о чем неоднократно писала своим корреспондентам. Так, 17 февраля / 2 марта 1909 г. она писала о нем А.М. Петровой: «Честный безукоризненный в жизни, он в искусстве — шарлатан» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, ед. хр. 37).

286. В.Я. ЭФРОН

7 сентября 1911 г.[1]

Милая Вера, в первый день по приезде я узнал по телефону от Бэлы,[2] что Лиля поселилась у Крандиевских.[3] (Я с Бэлой говорил 10 м<инут>, и она не узнала моего голоса — потом же

оказалось, что в конце уже догадалась, но позабыла от волнения, как зовут меня!) У Марины с Асей[4] был вечером. 5-го мы все собрались у Лили.[5] Доктор ее уложил в постель. Она лежит и хохочет. Впрочем, говорит, что до сих пор с приезда совсем не смеялась. Слова: «Макс, знаешь, если Курсы закроют, я приеду в Париж» — она сказала мне еще по телефону и очень удивилась, что ты это предсказала. Шеколад ей привезли все: и Марина, и Ася, и Бэла, и Маня,[6] и Факир.[7]

Из Москвы было мне так же тяжело уезжать, как из Коктебеля. Рабенек я говорил о тебе, она тебя ждет.[8] Я еще тебе пришлю письмо к ней из Парижа и напишу подробнее. Трудно писать в вагоне — трясет...

Мой адрес в Париже: 17, Rue Boissonade.[9] Напиши все, что в Коктебеле делается. Как Лудовик и Копа?[10] Оставайся подольше в Коктебеле.

Когда будешь в Москве — пойди к Кандауровым. Как теперь, верно, хорошо в Коктебеле!

Привет Копе и Лудовику.

Оказывается, меня «Факир» очень любит.

Max.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Смоленск, вокзал. 7.9.11; Феодосия. 9.9.11. Отправлено в Коктебель, написано на пути в Париж, куда Волошин выехал из Москвы 6 сентября.

[2] Белла Евгеньевна Фейнберг, приятельница Е.Я. Эфрон.

[3] Е.Я. Эфрон и сестры Наталья Васильевна Крандиевская (в первом браке Волькенштейн; 1888—1963), поэтесса, третья жена А.Н. Толстого (с 1915 г.), и Надежда Васильевна Крандиевская (в замуж. Файдыш; 1891—1963), скульптор; проживали в доме Титова на углу Мерзляковского и Хлебного переулков, близ Арбата.

[4] М.И. и А.И. Цветаевы.

[5] 5 сентября — именины Е.Я. Эфрон.

[6] Мария Лазаревна Гехтман (1892—1947), пианистка.

[7] Коктебельское прозвище Бориса Сергеевича Трухачева (1892—1919), студента, жениха А.И. Цветаевой, позднее ее первого мужа.

[8] Подразумевается предполагаемое участие В.Я. Эфрон в работе студии пластического танца Э.И. Рабенек.

[9] Адрес ателье Е.С. Кругликовой, где Волошин поселился по приезде в Париж (около 9/22 сентября).

[10] Л.Л. Квятковский и К.П. Близниченко.

287. С.К. МАКОВСКОМУ

12/25 сентября 1911 г. Париж

25 IX 1911. Paris. 17 Rue Boissonade.

Дорогой Сергей Константинович, я, как видите, довольно неожиданно для себя, попал в Париж в качестве корреспондента «Московской Газеты».[1] Это задержало мою статью о Богаевском, и я ее кончу лишь в течение двух недель, т.е. к концу рус<ского> сентября. Устраивает ли это Вас?

Затем: хотите ли, что<бы> я Вам посылал парижскую хронику в тех же размерах и на тех же условиях, как московскую в прошлом году? Затем, конечно, с удовольствием буду исполнять в Париже все Ваши поручения. Очень прошу дать мне *карточку Аполлона* как корреспон<дента>. Она мне очень будет полезна.

В Москве я провел одни сутки, но успел увидеть Эли Ивановну Рабенек.[2] Она очень помнит и рассчитывает на Ваше приглашение приехать в Петербург, чтобы дать интимный вечер под знаком Аполлона. Что же касается моей статьи об ней, то я ее пришлю так, чтобы это совпало с ее вечером в Петербурге.[3] Не правда ли? Я тут хочу собрать еще кое-какие материалы о Дельсарте[4] и сделать эту статью как бы противуположением (но не против) статьи Волконского о Далькрозе.[5] Хотите?[6] Напишите сами Эли Иван<овне> об ее приезде в Петербург. Ее адрес: Мал<ая> Басманная, д<ом> кн. Куракиной.

Не могу ли я быть чем-нибудь Вам здесь полезен по устройству франц<узской> выставки?[7]

Максимилиан Волошин.

[1] См. примеч. 2 к п. 283.

[2] Волошин встречался с Э.И. Рабенек 5 или 6 сентября.

[3] Этот замысел остался нереализованным.

[4] Метод сценического жеста, разработанный Франсуа Александром Никола Шери Дельсартом, был использован в школе Рабенек.

[5] Князь С.М. Волконский пропагандировал систему «ритмической гимнастики» Эмиля Жак-Далькроза — в частности, в статье

«Человек и ритм. Система и Школа Жака Далькроза», опубликованной в «Аполлоне» (1911. № 6, авг. С. 33–50).

[6] Отсутствие реакции Маковского на это предложение объясняется его неготовностью уделять в «Аполлоне» много места затрагиваемой проблематике. В письме к Зноско-Боровскому от 16 ноября 1911 г. он, в частности, выражал пожелание, чтобы намеченные в Петербурге «вечера Далькроза *ничем* не были связаны с редакцией “Аполлона”»: «Гимнастика Далькроза *пока* – только гимнастика, до искусства как до небес далеко, *хотя* метод его и правильный <...> Было бы *комично* “Аполлону” брать это предприятие под свое знамя в России» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 2445).

[7] Имеется в виду выставка «Сто лет французской живописи (1812–1912)», подготавливавшаяся редакцией «Аполлона» и «Французским институтом в Петербурге»; экспонировалась в Петербурге с 17 января по 18 марта 1912 г. в доме Юсупова (гр. Ф.Ф. Сумарокова-Эльстон) (Литейный пр., 42). См.: Выставка «Сто лет французской живописи: 1812–1912». Предисловие, статьи кн. А.К. Шервашидзе, Arsène Alexandre'а и Александра Бенуа. 87 воспроизведений на отдельных листах. <СПб., 1912>; Выставка «Сто лет французской живописи (1812–1912)», устроенная журналом «Аполлон» и Institut Français de St.-Pétersbourg. Каталог. Вступление бар. Н. Врангеля и Сергея Маковского, предисловие Arsène Alexandre'а. <СПб., 1912> (2-е изд., с дополнением предисловия Loys Delteil'а – <СПб., 1912>).

288. Н.В. ДРИЗЕНУ

14/27 сентября 1911 г. Париж[1]

Многоуважаемый Николай Васильевич,

Я совершенно неожиданно для себя попал в Париж как корреспондент (политической) «Московской газеты».[2] Этот неожиданный вызов меня сюда телеграммой нарушил и перепутал всю мою работу. Пожалуйста, напишите мне, очень ли плохо я поступил по отношению к Вам, не прислав до сих пор «Впечатлений Сезона»?[3] Если я этим причиняю Вам серьезную неприятность, то я Вам их пришлю, когда Вы укажете. Если же Вы можете простить мне эту статью, то я очень обрадуюсь, т<ак> к<ак> трудно сейчас кончать ее, давно начатую

и заброшенную среди нахлынувших новых театр<альных> впечатлений.

Могу ли я быть Вашим Парижским Театральным корреспондентом?[3] Я буду Вас держать в курсе всего нового, что будет совершаться в драматическом мире Парижа. Тогда, пожалуйста, дайте мне корреспондентскую карточку от «Ежегодника», она будет здесь мне очень полезна и облегчит посещение театров.

Мой адрес: Paris 17 Rue Boissonade.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 27.9.11.

[2] Об этом см. п. 283, примеч. 2; п. 285, примеч. 2.

[3] См. п. 276.

[4] 18 сентября (ст.ст.) 1911 г. Дризен отвечал Волошину: «Ваше “неожиданное” переселение в Париж меня, признаться, огорчило. Я сильно рассчитывал, что переселитесь Вы в СПб, и мы будет иметь удовольствие видеть Вас вновь участником наших сред. Разумеется, при этих условиях трудно ожидать от Вас “Московских впечатлений”, хотя *я по-прежнему ожидаю* получить от Вас давно обещанную статью “Эдип и Карамазовы”? Вы должны ее написать. Что касается Ваших корреспонденций из Парижа, то, несмотря на участие в “Ежегоднике” Lacour, <...> Ваше участие в этом смысле в<есьма> ценно. Он будет скорее хроникер, а Вы – наблюдатель. <...> Может быть Вам даже не худо с ним познакомиться, чтобы решить совместно, о чем писать? <...> Итак, до скорого получения Вашей статьи, на первой очереди “Эдип и Карамазовы”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 20–21).

289. И.С. СОЛОМИНУ

14/27 сентября 1911 г. Париж[1]

М<илостивый> Г<осударь>,

я узнал, что статья моя о танцах в школе Рабенек уже появилась в одном из номеров «Всеобщего Журнала».[2] Прошу покорнейше выслать мне этот № и гонорар за статью по адресу: *Paris, 17 Rue Boissonade. A Max Volochine.*

Я остаюсь эту зиму в Париже. Если Вам интересно мое сотрудничество отсюда, то напишите мне и вышлите мне «Всеобщий Журнал» за этот год, т<ак> к<ак>, живя все это время то в Коктебеле, то в Париже, я совсем не видел его и хотел бы с ним ознакомиться ближе.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 27.9.11. Получено в Петербурге 17 сентября. Адресовано: «Господину Редактору “Всеобщего Журнала”».

[2] Имеется в виду статья «Культура танца», опубликованная во «Всеобщем журнале литературы, искусства, науки и общественной жизни» (1911. № 6, май. С. 205–212). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 403–408. Статья была заказана редактором журнала И.С. Соломиным, писавшим Волошину 13 апреля 1911 г.: «Граф Алексей Николаевич Толстой передавал нам, что Вы хорошо знакомы с постановкой школы танцев г-жи Книппер. Не найдете ли возможным прислать нам статейку об этой школе». Получив положительный ответ, Соломин уточнил условия (в письме от 18 апреля 1911 г.): «Статью желательно было бы иметь к 25–28 апреля»; «Размер – страниц 5–6, включая и иллюстрации» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1133).

[3] Соломин ответил 2/15 октября: «Будем весьма рады Вашему сотрудничеству. Просим присылать статьи почаще. С характером издания сумеете ознакомиться по посланным Вам номерам. Гонорар будет Вам послан только в декабре, т<ак> к<ак> в настоящее время в конторе денег нет» (Там же). Последнее обстоятельство (неаккуратность в расчетах с авторами) послужило Волошину, видимо, достаточным основанием для того, чтобы не продолжать сотрудничества с «Всеобщим журналом».

290. В.Я. ЭФРОН

15/28 сентября 1911 г. Париж[1]

Милая Вера, только что получил Твое письмо (в одном конверте с маминым и Копиным).[2] Это первая весть из Коктебеля с тех пор, как я уехал. И сразу почувствовалось так ярко, как тяжело было оторваться от Коктебеля так вдруг. Сейчас (сколько я дней в Париже – пять... шесть?..) все эти дни я

так занят, так летаю из одного конца города в другой, читаю, говорю, пишу, вижусь, встречаюсь..., что Коктебель кажется бесконечно далеким, но как только коснешься того места, где все оборвалось – станется страшно грустно. Вот сейчас, как я прочел эти обрывки бумаги,[3] как стало невозвратно – по Пра,[4] по Тебе, по Пелеате...[5]

Милая Вера, я на другой же день по приезде был <на> могиле Котика и Твоей мамы.[6] Ее знал и показал мне Якс.[7] Она рядом с могилами Лаврова и Гершуни. Она очень грустная и покинутая. На ней засохшие цветы и засохшие елочки в горшках. Большой металлический венок. Ни знака, ни имени. Вера, если ты позволишь мне, то позабочусь о ней. Я велю там сделать низкую каменную облицовку и посадить посреди цветы. Можно? Я ведь так и понял, что ты мне это поручаешь. О расходах не беспокойся, у меня сейчас хватит. Пети я не видал.[8] Не успел пойти сейчас же по приезде. А теперь он наверное уехал уже. Милая Вера, хоть ты и пишешь на обрывках бумаги и обрывками слов, все-таки пиши мне (все, что тебе в голову придет). Я сейчас занят самыми разнообразными делами: два дня с утра и до вечера ездил по большим модным магазинам (Paquin, Doucè, Bére, Douillet), где создаются моды Парижа, и теперь у меня в глазах только наряженные «mannequins» и радуги тканей.[9] Вчера хоронил Henry Houssey,[10] сегодня был на малом вернисаже Осеннего Салона[11] и т.д. Я уже начал писать корреспонденции: о видах на войну, о демонстрациях против войны, о взрыве «Liberté», о свойствах пороха «В.»[12] и т.д. Но, к сожалению, за всем этим я не успел еще ни разу порисовать и не успеваю ничего, кроме газет, читать. Но это потом войдет в норму. Это лишь первые дни мне приходится входить в курс событий и дел.

Посылаю тебе письмо для Эли Ивановны Рабенек.[13] Хотя ей и говорил все уже на словах, но все же лучше написать, потому что она ужасно беспамятная. Имей в виду, что сначала, когда придешь в школу, тебе придется разговаривать с Екат<ериной> Феод<о>р<овной> Вульф.[14] Она может быть очень резкой и нервной. Но ты скажи ей, что ты от меня – она смягчится. До свиданья, милая Вера, крепко тебя целую заочно. Привет обормотикам.[15]

Пожалуйста, пришли мне адрес Е.А. Пушкиной.[16] В Париже пока еще никого нет из близких – ни Бальмонтов, ни Гольстейнов.

Мах.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 28 sept 11. Получено в Феодосии 21 сентября.

[2] Среди писем В.Я. Эфрон к Волошину хранится ее письмо, написанное совместно с Е.О. Кириенко-Волошиной и К.П. Близниченко (дата: «Утро 10 сентября»), к оборотной стороне листа приклеена акварель с подписью «Vera d'Automne» (изображена сидящая на подоконнике девица, которая смотрит в окно на ветви осенних деревьев); в тексте письма – фраза (рукой В. Эфрон): «А как тебе нравится “Негритянка в осенней тоске”?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 6). Упомянутое (недатированное) письмо В. Эфрон – ответное на п. 286: «Мааакс, ты очень милый, очень, получила сейчас твою открытку. Ма-акс, ты ужасно милый! А в Коктебеле у нас очень хорошо, только очень жаль, что тебя нет! Копа по-прежнему читает regardez-pas (Эдгара По), Генриха Пшау (Берн. Шоу) и Макса Мордакса (М. Нордау). Кроме этих замечательных писателей Людвиг торжественно читает похоронным голосом нам вслух Платона (бедный Платон!)» (Там же, л. 7–7 об.).

[3] Начало цитированного письма В. Эфрон – на клочке бумаги; первые слова его текста: «Видишь ли, Макс, начала тебе писать на “нормальном” листе почтовой бумаги. И вот что только от него осталось! Начну писать и оторву и т.д.»

[4] Пра (сокращенное от «Праматерь») – прозвище Е.О. Кириенко-Волошиной, укоренившееся в среде обитателей волошинского дома в Коктебеле летом 1911 г. В очерке «Живое о живом (Волошин)» (1933) М.И. Цветаева сообщает: «Пра – от прабабушки, а прабабушка не от возраста – ей тогда было пятьдесят шесть лет, – а из-за одной грандиозной мистификации, в которой она исполняла роль нашей общей прабабки, Кавалерственной Дамы Кириенко <...>. Но было у слова *Пра* другое происхождение, вовсе не шутливое – Праматерь, Матерь здешних мест <...>» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 187). Согласно воспоминаниям О.Л. Вакссль, прозвище было связано с одной из коктебельских мистификаций, в которой Е.О. Кириенко-Волошиной «пришлось играть роль праправабушки многочисленного сборного семейства» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Сов. писатель, 1990. С. 668–669. Коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова).

[5] См. примеч. 2 к п. 13.

[6] Котик — Константин Яковлевич Эфрон (1895—1910), младший брат В. Эфрон, воспитанник лицея Монтень; покончил с собой. Мать его, Елизавета Петровна Дурново-Эфрон (1855—1910) — дочь московского губернатора, участница революционного движения, — обнаружив тело сына, в отчаянии покончила с собой. Константин и Елизавета Эфрон были похоронены 7 февраля 1910 г. на Монпарнасском кладбище. См.: *Цветаева Марина.* Неизданное. Семья: История в письмах / Сост. и коммент.е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999. С. 22—23.

[7] Я.А. Глотов.

[8] Петр Яковлевич Эфрон (1881—1914) — актер, старший брат В. Эфрон.

[9] См. очерк Волошина «Святилища мод» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 416—419).

[10] Журналист, автор книги о Древней Греции Анри Уссе умер 23 сентября 1911 г.

[11] «Малый вернисаж» предшествовал выставке Осеннего салона, проходившей в Большом дворце с 1 октября до 8 ноября 1911 г. Корреспонденция Волошина об этой выставке была напечатана в «Московской газете» 25 октября 1911 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 442—443.

[12] Эти темы затронуты в первых корреспонденциях Волошина из цикла «Письма из Парижа», опубликованных в «Московской газете», — «Войны мы не хотим» (17 сентября) и «Liberté» (19 сентября). См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 409—412.

[13] Письма Волошина к Э.И. Рабенек, по всей вероятности, не сохранились.

[14] Администратор школы Э.И. Рабенек.

[15] «Обормотами» Волошин в шутку называл, начиная с лета 1911 г., обитателей своего дома в Коктебеле, в том числе и себя с матерью, а также сестер Эфрон и других членов компании, участвовавших в создании специфического игрового и раскованного стиля общения — с постоянными розыгрышами, маскарадами, присвоением шутливых прозвищ и т.п. См.: *Купченко В.* «Стройтесь в роты, обормоты»: Шуточные сонеты М.А. Волошина // Крымский альбом. Феодосия; М.: Изд. дом «Коктебель», 1998. С. 175—183.

[16] Е.А. Бобрищева-Пушкина.

291. Е.Я. ЭФРОН

18 сентября / 1 октября 1911 г. Париж[1]

1/X 1911. 17 Rue Boissonade. Paris.

Милая Лиля, когда я закрываю глаза, я вижу тебя лежащей в постеле, больной и сияющей.[2] (Болезнь придает тебе царственность и оправдывает твои туалеты). Потом вижу быстрое мелькание обормотов по твоей комнате: Маню с непривинченной головой, Бэлу с англо-фарфоровой улыбкой, Факира, большими уверенными шагами стремящегося куда-то в глубину хозяйских комнат, Марину с патлами (но увы! уже не собачьими), самственную Асю, кваканье ученого лягушонка.[3]

Я сейчас живу страшно интенсивно и перехожу от одного дела к другому без передышки. Читаю десяток газет в день, посещаю все торжеств<енные> события, церемонии и скандалы, библиотеки, театры, церкви. Пишу корреспонденции, рисую в академии, езжу по модным портнихам, хороню «бессмертных»[4] и т.д. А по вечерам радуюсь обормотским письмам и пишу открытки во все страны света. По-прежнему ли ты возлежишь на постеле? Приехал ли Сережа?[5] Видала ли ты Марину и Асю? Привет Беле, Мане и Лене.[6] Копа, верно, уже в Москве и была у тебя?[7] Есть ли надежда на закрытие курсов и на то, что ты приедешь лечиться в Париж?

Твой

МА – А– АКС.

P.S. Передай Кранд<иевскому>, что Скирмунта я еще не видал.[8]

[1] Открытка; получена в Москве 22 сентября 1911 г. (дата почтового штемпеля).

[2] 7 сентября 1911 г. С.Я. Эфрон писал Е.Я. Эфрон из Петербурга: «Получил письмо от Марины – она пишет, что ты больна. Что с тобой? Знаю только, что у тебя что-то с сердцем <...>» (*Цветаева Марина.* Неизданное. Семья: История в письмах. С. 111). 22 сентября/ 5 октября 1911 г. М. Цветаева сообщала Волошину: «Лиля серьезно больна, долгое время ей запрещали даже сидеть. Теперь ей немного

лучше, но нужно еще очень беречься» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 53).

[3] См. примеч. 15 к п. 289. Упоминаются М.Л. Гехтман, Б.Е. Фейнберг, Б.С. Трухачев, М.И. Цветаева, А.И. Цветаева.

[4] Подразумеваются члены Французской Академии (Académie Française), имеющей постоянный состав: «40 бессмертных». См. п. 289, примеч. 10.

[5] С.Я. Эфрон, живший в это время в Петербурге; 7 сентября 1911 г. он писал оттуда Е.Я. Эфрон в Москву: «Через день-два выезжаю» (*Цветаева Марина.* Неизданное. Семья: История в письмах. С. 111).

[6] Леонид Евгеньевич Фейнберг – гимназист, впоследствии художник, теоретик искусств.

[7] К.П. Близниченко, как сообщала Волошину его мать в письме от 10 сентября 1911 г., намеревалась уехать из Коктебеля в Москву 12 сентября (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654, л. 45–46 об.).

[8] Видимо, во время пребывания Волошина в Москве (4–6 сентября 1911 г.) В.А. Крандиевский (редактор-издатель «Бюллетеней литературы и жизни», работавший с 1908 г. в московском издательстве С.А. Скирмунта), обратился к нему с просьбой, предполагавшей личную встречу с С.А. Скирмунтом.

292. С.И. ДЫМШИЦ-ТОЛСТОЙ и А.Н. ТОЛСТОМУ

18 сентября / 1 октября 1911 г. Париж[1]

17 Rue Boissonade. Paris. 1/X 1911. Воскресенье.

Мои милые Епифашка и Артамошка,[2] поздравляю вас прежде всего с Марианной[3] (ее именины, значит, будут 14 июля – недаром она рождена, чтобы быть танцовщицей[4]). Я так надеялся застать вас в Париже!... Теперь я живу на вашем пепелище.[5] Как я попал в Париж? – Неожиданно. По телеграмме «Московской Газеты», которая мне предложила немедленно выехать в Париж ее корреспондентом.[6] Значит, вы так и не получили моего письма, которое я написал перед отъездом. Я же ваши в Коктебеле получал и глубоко им радовался – особенно твоему, Соня.[7] Мне тем более досадно, что я уже не застал вас здесь, что мне говорили, что ты, Алехан, был все время очень нервен и расстроен. Мне было бы очень нужно тебя повидать подробнее и много с тобой поговорить и

посмотреть, чем и как Вы теперь с Эпифашкой живете. Мне чувствуется, что ты сейчас как-то запутался в своих художественных путях, и мне кажется, что я бы мог тебе помочь. Но что делать, когда нас обоих так неожиданно носит с одного конца Европы на другой. Милая Соня, я тебе не ответил и не поблагодарил тебя за твое письмо летом, которое мне было так нужно в тот момент и дало так много радости и бодрости. Мне досадно, зачем Вы оба опять поселяетесь в Петербурге, раз воинская повинность тебя миновала, Алехан. (Впрочем, не место и в Париже). Петербург тебя издергает, высосет и выплюнет. Тебе надо жить в Москве или в деревне. Твое положение в Петербурге и отношение с издателями будет лучше, если ты уедешь. Пользуйся тем, что у тебя установилось. Потому что ведь своим личным присутствием ты будешь только портить. Ах, как бы мне хотелось увидать тебя подробно. Присылай мне, пожалуйста, все, что будет появляться твоего, мне очень нужно читать все, что ты пишешь. Я сейчас по горло занят газетными корреспонд<енциями>. О своих планах ничего не знаю, т<ак> к<ак> далеко не уверен в длительности бытия «Моск<овской> Газ<еты>». Крепко Вас обоих целую и очень люблю.

Max.

[1] Открытка; отправлена в Петербург по адресу: Ординарная ул., 10. Почтовый штемпель получения не прочитывается.

[2] См. п. 156, примеч. 8.

[3] Дочь С.И. Дымшиц-Толстой и А.Н. Толстого Марианна Алексеевна Толстая (1911–1988) родилась 10 августа 1911 г.

[4] Намек на национальный праздник Франции – день взятия Бастилии (14 июля) – и на надпись, сделанную, по легенде, на стенах захваченной народом крепости или на табличке, установленной на ее руинах: «Ici on dansent!» («Здесь танцуют!»).

[5] Летом 1911 г. Толстые жили в Париже в той же мастерской Е.С. Кругликовой, где поселился Волошин. См. комментарии А.И. Хайлова к публикации дневника А.Н. Толстого 1911–1914 гг. (А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 323).

[6] См. п. 283, примеч. 2.

[7] Подразумеваемое здесь письмо С.И. Дымшиц-Толстой, по всей вероятности, не сохранилось.

293. А.М. ПЕТРОВОЙ

22 сентября / 5 октября 1911 г. Париж

Paris. 17 Rue Boissonade 5/X. 1911.

Дорогая Александра Михайловна: с самого первого дня приезда в Париж я так усиленно погрузился в Парижскую обществ<енную> жизнь и газеты, что нидлячего иного пока не остается времени. С Мар<гаритой> Вас<ильевной> в Москве[1] успел лишь поговорить по телефону. Бальмонтов еще нет.[2] Стараюсь заинтересоваться политикой. Изучаю моды.[3] Попал в мир балета.[4] Рисовать почти не приходится, к сожалению. Но это потом пройдет – надо войти во вкус жизни. Что Костенька?[5] До свиданья.

Max.

Какая удивительная вещь этот Греко? И она еще при том вся в бледных, очень холодных тонах.[6]

[1] По пути следования из Крыма в Париж Волошин пробыл в Москве два дня с 4 по 6 сентября (ст.ст.) 1911 г. (Труды и дни. С. 276).

[2] К.Д. Бальмонт вместе с А.Н. Ивановой приехал в Париж из Бретани 20 октября / 2 ноября 1911 г. (Труды и дни. С. 281).

[3] См. п. 290.

[4] См. п. 295.

[5] К.Ф. Богаевский.

[6] Письмо – на открытке с репродукцией портрета короля Фердинанда (Portrait du Roi Ferdinand), работы Эль-Греко (Лувр).

294. В.Я. ЭФРОН

23 сентября / 6 октября 1911 г. Париж[1]

Когда я спускаюсь по лестницам в «Metro» и вижу искристые звездочки под ногами, я всегда вспоминаю тебя, милая Вера. Я сегодня был в рабочем классе у Нат. Трухановой (балерины), и она передо мной проделывала все наши летние па! Но как это было не похоже. Она удивительная красавица и прекрасная танцовщица. Теперь после мод у меня будет ба-

лет: на будущей неделе я приглашен в балетную школу в Большую Оперу. Я уже давно не получал никаких писем из Коктебеля. Но сегодня получил из Москвы от Копы. Она страдает по обормотчине, по Коктебелю... Письмо ее очень хорошее.[2] По-моему, это ты, Вера, имела на нее такое хорошее влияние. Останешься ли ты в Коктебеле или уже собираешься уезжать? Как чувствует себя мама? Милая Вера, я всегда о тебе думаю, когда после дневной суеты и беготни остаюсь, наконец, один сам с собой, перед сном. Как здоровье Лили?[3] Я об ней ничего не знаю с отъезда. Уехал ли Людовик[4] в Москву?

Max.

Это одна из моих самых любимых картин. Она вся темно-сине-фиолетовая на золотом фоне.[5] Ты видала ее?

[1] Открытка; почтовые штемпели: Paris. 6 octo 11; Феодосия. 25.9.11. Получено в Коктебеле после отъезда оттуда В. Эфрон. 19 сентября / 2 октября 1911 г. Е.О. Кириенко-Волошина писала Волошину: «Вера завтра уезжает, едет вместе с Людвигом, который все это время жил у нас»; 26 сентября / 9 октября – ему же: «...вчера пришли твои открытки для меня и Копы и письмо на имя Веры. Она так ждала его, а теперь неизвестно когда получит. Обещала написать мне немедленно из Москвы. Будет искать там комнату или квартиру такую, чтобы могли поместиться там все, и я, и Людвиг с репетитором» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[2] Имеется в виду недатированное письмо К.П. Близниченко: «Милый, скорбный, грустный Коктебель кажется мне в Москве самым красивым местом в мире. Как он был красив последнее время, Макс! Мне ужасно не хотелось уезжать из Коктебеля <...> Милый Макс, я вам ужасно благодарна за ваше обращение со мною. Только благодаря вам я смогла сойтись так близко с обормотами. Никогда я не встречала человека, умеющего так просто подойти к людям, Милый Макс» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 259, л. 4–5).

[3] Е.Я. Эфрон.

[4] Л.Л. Квятковский.

[5] На открытке – репродукция картины работы неизвестного художника авиньонской школы 2-й половины XV века: Ecole d'Avignon (2-e moitié du XVe siècle. – Piéta (provenant de la Chartreuse de Villeneuve-les-Avignon). Musée du Louvre, Paris.

295. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

24 сентября / 7 октября 1911 г. Париж[1]

Милая мама, я получил от Кругликовой письмо, что она вернется не раньше, чем через 2 месяца.[2] Так что пока я остаюсь у нее в мастерской и буду искать себе помещения лишь к январю. Приехала Алек<сандра> Вас<ильевна>[3] и очень обрадована моему возвращению. Завтра я отправляюсь смотреть «Карамазовых» во франц<узской> постановке.[4] Это любопытно. Познакомился с танцовщ<ицей> Трухановой и с Хлюстиным – новым директ<ором> балета Grand Opéra.[5] Получу туда доступ. Дни у меня проходят, кажется, в еще большей беготне, чем в Москве. Все никак не могу урегулировать этого и справиться со чтением стольких газет. Долго ли ты думаешь оставаться в Коктебеле? Мне кажется, что тебе было бы хорошо уехать вместе с Верой.[6] А в Париж приехать к январю. Как ты себя чувствуешь? Что Миша?[7] Обормоты все страшно милые и пишут трогательные письма.[8]

Max.

[1] Открытка. Получена в Феодосии 29 сентября 1911 г.

[2] 16/29 сентября Кругликова писала Волошину: «Надеюсь, что ты уже в Париже и в моей мастерской? <...> Я вряд ли скоро туда поеду, не раньше как через 2 месяца, я думаю, так что ты не торопись покидать мое обиталище» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 716).

[3] А.В. Гольштейн.

[4] Инсценировка «Братьев Карамазовых» Достоевского в Театре искусств. См.: *Д.* «Братья Карамазовы» на парижской сцене // Речь. 1911, 28 марта; ***Биништок В.Л.*** Парижские письма // Рампа и Жизнь. 1911. № 17, 24 апр. С. 11–12.

[5] В архиве Волошина сохранились 10 писем Н.В. Трухановой (с 1916 г. – жены генерала А.А. Игнатьева) к нему за 1911–1912 гг. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1195).

[6] В.Я. Эфрон. См. примеч. 1 к п. 294.

[7] М.С. Лямин. 2/15 октября 1911 г. Е.О. сообщала Волошину: «Миша в ожидании денег от отца еще живет у меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[8] См. примеч. 15 к п. 290. Лето 1911 г. Волошин охарактеризовал как «первое лето обормотов в Коктебеле» (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 276).

296. С.К. МАКОВСКОМУ

24 сентября / 7 октября 1911 г. Париж[1]

17 Rue Boissonade Paris. 7 X 1911.

Дорогой Сергей Константинович, получил Ваше письмо и корректуры «Марсия» лишь в Париже.[2] Верно, Вы уже имели теперь мое письмо, написанное Вам из Парижа по приезде.[3] Книгу Ренье – выслал вчера. Мережковского – напишу в Коктебель, чтобы выслали.[4] Будьте добры – распорядитесь, чтобы № 7 «Апол<лона>» мне выслали в Париж. Жду инструкций об парижской хронике. Предпочитаю, чтобы гонорар был построчный, а не месячный (10 коп. строк<а>). Будьте добры, вышлите мне рублей 100 в счет гонорара.[5] (У меня ведь было уже несколько больших статей напечатано). Простите, что задерживаю Богаевского. Сейчас такая масса дела – надо наверстать все, в чем отстал от Парижа, – для газетной работы. Очень прошу франц<узскую> карточку от «Аполлона».

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского от 12 сентября 1911 г., отправленное в Коктебель и пересланное Волошину из Коктебеля в Париж.

[2] См. п. 281, примеч. 3.

[3] Имеется в виду п. 287.

[4] См. п. 284, примеч. 4. 12 сентября 1911 г. Маковский писал Волошину: «Кстати, ведь Вы взяли из библиотеки "Аполлона" целый ряд книг еще годы назад (чтобы писать критические статьи), – не можете ли Вы выслать их мне? Очень нужен мне особенно Мережковский» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 441). Какая именно из книг Д.С. Мережковского здесь имеется в виду, неясно.

[5] 6/19 октября 1911 г. Маковский отвечал Волошину: «Вашу просьбу о гонораре исполню на этих же днях. <...> Что до предложенных Вами "писем из Парижа", то, к сожалению, я не могу предложить Вам *постоянного* отдела. <...> Но, разумеется, отдельные корреспонденции по исключительным поводам я буду очень рад поместить в "Аполлоне". Жду с нетерпением статью о Богаевском <...>» (Там же. С. 443).

297. К.В. КАНДАУРОВУ

28 сентября / 11 октября 1911 г. Париж[1]

17 Rue Boissonade. Paris. 11.X.1911.

Милый Константин, шлю всем Вам: тебе, Ан<не> Вл<адимировне>, Валетке[2] привет из Парижа. Моя жизнь идет спешно, интересно и разнообразно. Мое знание Парижа обогатилось за это время, с одной стороны, большими магазинами мод, а с другой проникновением за кулисы балета в Grande Opéra. Пока корресп<онденции> у меня отнимают очень много времени и не дают заняться ни рисованием, ни литературой. Очень меня огорчает бульварная внешность и содержание «Моск<овской> Газеты». Осенний Салон мало интересен.[3] Но «Кубисты» перещеголяли «Валетов».[4] Что делается в Москве? Что делается у Вас? Судя по газете, я не думаю, что останусь в Париже очень долго. Но зиму эту все же постараюсь пробыть. Какие новости о Кон<стантине> Феод<оровиче>?[5]

До свиданья. Очень всех люблю.

Max.

Здесь сейчас Балтрушайтис.[6] А Бальмонт в Бретани.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Paris 12 octo; Москва. 2.X.1911.

[2] А.В. Кандаурова (жена К.В. Кандаурова) и ее родственница Валентина Владимировна Успенская (в замуж. Базарова; ? – после 1931), актриса, художница-прикладник (Валетка – ее коктебельское прозвище).

[3] См. примеч. 11 к п. 290.

[4] Залу кубистов на Осеннем салоне Волошин посвятил одно из своих «писем из Парижа» – «Кубисты» (Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 423–424). Выставка «Бубновый валет» экспонировалась в Москве с 11 декабря 1910 по 16 января 1911 г., Волошин охарактеризовал ее в «аполлоновской» «Русской Художественной Летописи» (см.: Там же. С. 343–347, 735–738).

[5] К.Ф. Богаевский.

[6] Днем написания письма датирована дарительная надпись Волошина Ю.К. Балтрушайтису на книге «Стихотворения. 1900–1910»

(М., 1910): «Дорогому Юргису. Знак моей глубокой любви к поэту и человеку. Максимилиан Волошин. 11.X.1911 г. Paris» (*Купченко В., Марков А.* «Как знак... в дар... на память...» Дарственные надписи М.А. Волошина на книгах // Дружба народов. 1984. № 7. С. 234).

298. В.Я. ЭФРОН

28 сентября / 11 октября 1911 г. Париж[1]

Милая Вера, получил твою приписку к маминому письму перед твоим отъездом из Коктебеля.[2] Значит, ты не получила моего письма к Рабенек? Я тебе послал большое закрытое письмо, с вложением письма к Рабенек.[3] Если нет – напиши: я немедленно вышлю тебе еще. Я думал, что просто ты не успела еще получить. Напиши все, что ты нашла в Москве, что с Лилей, с Сережей, с Мариной?[4] Я не получал уже давно ни от кого ни строчки. Я пишу сейчас, очень торопясь. Надо писать статью.[5] Какая гадость «Московск<ая> газета»!

Привет всем. Напиши.

Max.

Среда. 11/X 1911.

[1] Открытка с портретом Жанны Мари Ролан и факсимиле ее автографа (Lettre autographe de Madame Roland, conserve aux Archives Nationales de Paris); получена в Москве 2 октября 1911 г.

[2] См. примеч. 1 к п. 294. Письмо Е.О. Кириенко-Волошиной к Волошину от 19 сентября 1911 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654, л. 47–48 об.) приписки В.Я. Эфрон не имеет; видимо, эта «приписка» была сделана на отдельном листке.

[3] Имеется в виду п. 290.

[4] Е.Я. Эфрон, С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева.

[5] Подразумевается очередное «письмо из Парижа» для «Московской газеты».

299. Е.Я. ЭФРОН

29 сентября / 12 октября 1911 г. Париж[1]

17 Rue Boissonade. Paris.

12/X 1911.

Милая Лиля, только из письма Марины узнал, что ты все еще лежишь и что тебе запрещено вставать.[2] Лиля, имеет ли тебе смысл оставаться в Москве при таких условиях, раз тебе все равно нельзя заниматься. Приезжай лучше в Париж. Я тебя устрою, и ты проведешь зиму здесь. Это было бы очень хорошо. Получила ли ты мои открытки? Где остановилась Вера — у тебя?[3] Как ты ее нашла в смысле состояния души и здоровья? Как себя чувствует Сережа?[4] Я очень мало знаю, что делается в Москве, потому что только сегодня получил первое письмо от Марины. А из Коктебеля мне писали много. Моя жизнь идет очень переполненно с самыми разнообразными людьми и в самых разнообразных областях Парижа. Сейчас здесь Балтрушайтис, с котор<ым> я не видался уже 3 года и которому очень обрадовался.[5] Как думает устроиться Лудовик?[6] Хорошо бы ему было тоже попасть в Вашу коммуну. Пошли Веру познакомиться с Кандауровыми (в Малый театр) и сама пойди к ним, когда будешь выходить. Я их предупредил. Они ждут. Целую Веру и Сережу.

Привет Лудовику, Беле, Мане, Лёне...[7]

Max.

[1] Открытка с репродукцией портрета принцессы Елизаветы работы Томаса Гейнсборо; приписка Волошина: «Это одно из моих самых любимых лиц. M. V.».

[2] См. п. 291, примеч. 2.

[3] В.Я. Эфрон по приезде из Коктебеля в Москву остановилась в той же квартире Крандиевских, где жила Е.Я. Эфрон (см. примеч. 3 к п. 286).

[4] С.Я. Эфрон. У него был туберкулез.

[5] См. п. 297, примеч. 6.

[6] См. примеч. 1 к п. 294.

[7] Л.Л. Квятковский, Б.Е. Фейнберг, М.Л. Гехтман, Л.Е. Фейнберг.

300. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

1/14 октября 1911 г. Париж[1]

14/X 1911.

Милая мама,

меня немного утешает относительно «Моск<овской> Газеты» то, что у нее есть некоторые литературные тенденции: напр<имер>, она собирается посвятить отдельный № Бальмонту (будет 25-летие его литературной деятельности). Б<ыть> м<ожет>, она еще поправится понемногу.[2] Я теперь пишу туда почти каждый день небольшие корреспонденции строк в 100—120, и они всё печатают. Если они будут платить аккуратно, то у меня будет приблизительно 240 р. в месяц — словом, я буду совсем богат. Ты ведь забываешь, что хотя у меня в Москве и масса разных дел, но что ведь это всё дела не денежные и что материальное положение мое там было бы нисколько не лучше, чем прошлые годы. Во всяком случае я буду жить так, чтобы быть готовым каждую минуту сняться с места. Опять от тебя давно нет ничего. Последнее письмо было накануне отъезда Веры.[3] А теперь я уже знаю из письма Марины, что Вера в Москве.[4] Когда ты едешь в Москву? В каком состоянии Миша?[5] Крепко тебя целую.

Max.

Не попал ли ты в Коктеб<ель> № «Mercure de France» от 1 octobre и пересла<ла> ли ты его в Париж?

[1] Открытка. Почтовый штемпель получения: Феодосия. 7.10.11.

[2] См. п. 285, примеч. 2. В письме к Волошину от 19 сентября / 2 октября 1911 г. Е.О. поделилась своими впечатлениями от «Московской газеты»: «...прихожу в ужас от ее поэзии и беллетристики! А ты дал ей свои стихи! Разве можно быть сотрудником такой бульварщины? Неужели ты ничего не увидел, не понял, приехав в Москву и просмотрев несколько №№ этой газеты. Ведь в ней стыдно писать, и я надеюсь, что ты ограничишься только посылкой телеграмм и при первом удобном случае порвешь с ней всякие сношения и вернешься в Москву. Мне очень больно и досадно, что ты при таких условиях уехал в Париж». Сходные пожелания Е.О. высказала и в письме к Волошину от 15/28 октября: «Я бы на твоем месте ограничилась

только телеграммами и не давала бы никаких статей с своим именем, но постаралась бы не прерывать своих связей с Рус<ской> Мыслью, Аполлоном, Утром России и т.д.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[3] Имеется в виду письмо Е.О. от 19 сентября / 2 октября.

[4] О приезде В.Я. Эфрон в Москву в день отправления письма М.И. Цветаева сообщила Волошину 22 сентября / 5 октября 1911 г. (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 53).

[5] М.С. Лямин.

301. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5/18 октября 1911 г. Париж

18*/X 1911. Среда. Париж. 17 Rue Boissonade.

Милая мама, только что, вернувшись с вокзала, где вместе с Бальмонтами провожали Балтрушайтиса обратно в Швейцарию, нашел твое письмо.[1] Меня очень обеспокоило известие о твоей болезни. Ведь это уже не в первый раз начинается у тебя дизентерия. Быть может, тебе было бы лучше (раз дело идет к улучшению) переждать еще несколько дней на диете в Коктебеле: по дороге так трудно соблюдать диету. Впрочем, слова мои все равно бесполезны, т<ак> к<ак> это письмо я адресую Алек<сандре> Мих<айловне>, как ты просишь.[2]

Прежде всего вот адреса:

Рашель Мироновна и Онисим Борисович Гольдовские[3] – Долгоруковский переу<лок>, д<ом> Лобачева (№ 5). Ту даму, которая тебе там так понравилась, зовут Надежда Ивановна.

Адрес Лили:[4] Угол Мерзляковского и Хлебного переулков, д<ом> Титова, кв. 59 (Крандиевских).

Адрес Копы:[5] Петровский парк. Старое шоссе. Дача Жучкова.

Об нанятой дорогой квартире я уже слышал: писала Марина.[6] Но где она, не знаю. Они все, т.е. Марина и Сереж<а>, Ася и «Господин»[7] – живут по письму в постоянном страхе приезда отца.[8] По газетам я знаю, что теперь он уже приехал. Лиле, по-моему, нет никакого смысла оставаться в Москве с ее болезнью. Ей бы куда-нибудь в тишину – или в деревню под Москвой, или в окрестности Парижа.

---

* *В автографе описка или ошибка:* 19.

Милая мама, б<ыть> м<ожет>, ты не задержишься очень долго в Москве и прямо проедешь в Париж. Вот на этих днях должно выясниться, насколько «Моск<овская> Газета» будет аккуратна в своих платежах: 5-го она должна мне выслать жалованье и гонорар. Я нарочно ничего не напоминаю и жду, чтобы узнать, каковы они будут в деловом отношении. Мои статьи печатаются все и аккуратно и часто. Одним словом, если все будет хорошо, то я буду иметь около 200–250 руб. в месяц. Это для Парижа (хотя здесь за эти годы жизнь вздорожала *очень* сильно) вполне достаточно. Я прежде всего воспользовался своим богатством, чтобы пополнить свой гардероб: заказ<ал> своему портному смокинг, приличную пиджачную пару и приличное осеннее пальто. Смокинг мне оказался необходим, т<ак> к<ак> у меня часто бывает вход <в> Grand Opéra, а там в партер в сюртуках люди не допускаются.

Когда я буду знать, что ты окончательно едешь в Москву, то я пришлю тебе литературных поручений. Но они выяснят<ся> лишь в течение нескольких дней.

Мои дни очень разобраны. Я все никак не могу справиться и урегулировать прочтение той массы газет, которую мне приходится читать. Вообще приходится все же очень много тратить на журналы, книги и театры, т<ак> к<ак> билеты можно иметь далеко не во все.

Яша[9] из Парижа пишет корреспонденции об аэронавтике и об театрах в маленькие газеты и, кроме того, тоже переводит для «Сфинкса».[10] Но материальные дела его идут плохо.

Привет Алекс<андре> Мих<айловне> и Конст<антину> Феодор<овичу>.[11] Извинись перед ними, что еще ничего не писал им.

Макс.

[1] Письмо от 26 сентября / 9 октября – с сообщением о болезни («...я только что начинаю оправляться от дизентерии») и с просьбой дать московский адрес Гольдовских (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[2] Письмо отправлено по феодосийскому адресу А.М. Петровой. 6/19 октября Е.О. приехала в Феодосию (как явствует из ее открытки, посланной Волошину на следующий день) для дальнейшего следования в Москву.

[3] О Р.М. Гольдовской (урожд. Хин; печаталась главным образом под девичьей фамилией) и ее муже О.Б. Гольдовском см.: Промель-

кнувшие силуэты... (Из дневников Р.М. Хин-Гольдовской) / Публ. М.М. Ситковецкой // Встречи с прошлым. Вып. 6. М.: Сов. Россия, 1988. С. 82–98; *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников 1913–1917 / Предисл. и публ. Е.Б. Коркиной. Примеч. А.И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1997. С. 521–596.

[4] Е.Я. Эфрон.

[5] К.П. Близниченко.

[6] О квартире «в 6-ом этаже, на Сивцевом-Вражке, в только что отстроенном доме» М. Цветаева писала Волошину 22 сентября / 5 октября 1911 г. (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 53).

[7] М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон, А.И. Цветаева. «Господин» – Б.С. Трухачев, первый муж А.И. Цветаевой.

[8] Отец сестер Цветаевых – Иван Владимирович Цветаев (1847–1913), специалист в области античной истории, эпиграфики и искусства, создатель и первый директор (1911–1913) Музея изящных искусств в Москве. Волошин имеет в виду фразу из цитированного письма к нему М. Цветаевой: «Папа приезжает наверное дней через 5. Ждем все (С<ережа>, Б<орис>, Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения».

[9] Я.А. Глотов.

[10] «Сфинкс» – московское книгоиздательство. 27 апреля 1911 г. Волошин подписал договор с этим издательством на перевод четырех новелл Альфреда де Мюссе (за 300 р.) и романа братьев Гонкур «Манетт Саломон» (за 600 р.). О получении рукописи переведенных новелл Мюссе руководитель «Сфинкса» В.Ф. Прорубников уведомлял Волошина в письме от 18 июля 1911 г. – одновременно прося «обождать несколько времени» с выплатой гонорара (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1004).

[11] К.Ф. Богаевский.

302. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

5/18 октября 1911 г. Париж

17 Rue Boissonade. Paris.
18 X 1911.

Дорогая Рашель Мироновна, простите, что до сих пор не написал Вам: все хотел написать большое письмо, но газеты, люди и события отнимают все минуты. Вы верно имеете обо

мне сведения от Алек<сандры> Вас<ильевны> Израельсон, котор<ой> я глубоко благодарен за то знание Парижа со стороны мод, кот<орое> она мне открыла. Я бываю у Над<ежды> Евген<ьевны>:[1] мы много говорим и вновь знакомимся. (Ведь 8 лет мы не виделись). Как состояние духа Евы Адольф<овны> и Миши. В Берлине ли они?[2] Когда идут «Наследники»?[3] Были ли Вы на репетициях? Ах, как во многих местах хотелось бы быть одновременно. У меня здесь началась дружба с танцовщ<ицей> Трухановой и связи с Балет<ом> Больш<ой> Оперы.

Привет Над<ежде> Иван<овне> и Онис<иму> Борис<овичу>.[4]

Максимилиан Волошин.

[1] Н.Е. Ауэр (урожд. Пеликан; 1855–1932) – первая жена скрипача и дирижера Л.С. Ауэра, подруга Р.М. Хин-Гольдовской.

[2] Сын Гольдовской от первого брака Михаил Соломонович Фельдштейн (1884–1939), юрист, педагог, и его жена Ева Адольфовна Фельдштейн (урожд. Леви; 1886–1964), художница. 28 ноября / 11 декабря 1911 г. Гольдовская писала Волошину: «На следующей неделе – самое позднее 10 декабря русского – я поеду к детям в Берлин <...> пробуду у них дней 10–12 – и назад в Москву» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434).

[3] Речь идет о постановке пьесы Р.М. Хин «Наследники» на сцене Малого театра в Москве (режиссер С.В. Айдаров). Премьера состоялась 12 октября 1911 г. (см.: Новости сезона. 1911. № 2256, 12 окт. С. 6, 18–19).

[4] Н.И. Ивановская (1867–1956), компаньонка Гольдовской, и О.Б. Гольдовский.

303. В.Я. ЭФРОН

7/20 октября 1911 г. Париж[1]

Милая Вера, отчего от тебя нет ни строчки? Мое большое письмо к тебе (со вложени<ем> письма к Рабенек)[2] получено в Коктебеле, и мама пишет, что не знает, куда переслать тебе, т<ак> к<ак> ты пишешь милые письма, но не даешь ни своего адреса, ни Лилина (о обормоты!!).[3] Я написал ей Лилин адрес.

А твоего и сам не знаю. Напиши, что делается в Москве. Как вы устроились. Знаю, что большую квартиру взяли – но где она? Как прошел приезд Марин<иного> отца?[4] Как ты нашла Сережу?[5] Лилино здоровье? Ты сама? Пойди к Кандауровым: я сказал, ты придешь – они ждут. Куда ты поступила? Знаешь ли адрес Пушкиной? Мое сердце верно Парижу, но тоскует по милым обормотам, милая Вера!

MAX.

17 Rue Boissonade. Пятн<ица>. 20/X 1911. Веч<ер>.

Милая Вера, только что получил открытку с адресом.[6] Я тебе отправил <за> это время 5 открыт<ок>, 3 – Лиле, 1 – Сереже, кроме того Копе, Марине и Асе.[7] Неужели ни одна не дошла? Письмо для Рабенек было послано через 5 дней после приезда в Париж. Увы! Увы! Пришлю сегодня же новое. Сейчас нет ни минуты.

[1] Открытка с репродукцией портрета принцессы Августы Софии работы Томаса Гейнсборо. Получена в Москве 11 октября 1911 г.

[2] См. п. 290.

[3] Лиля – Е.Я. Эфрон. Имеется в виду следующий фрагмент из письма Е.О. Кириенко-Волошиной от 2/15 октября 1911 г.: «Обормоты все очень милые, но милее и лучше всех для меня Вера; я ее очень люблю. Писала она мне с дороги 2 раза, а вчера получила от нее открытку из Москвы, где она сообщает, что Марина с Сережей наняли дорогую квартиру и сначала хотели поселиться в ней одни, потом приняли Лилю с Верой, а Лиля с Верой приняли Людвига, с тем расчетом, что он уходит на целые дни и в его комнате можно будет заниматься. <...> Про Лилю пишет, что ей лучше, но все-таки она очень плоха. – Об адресе своем временном и будущем новом – ни слова: совсем по-обормотски. Так что письмо твое и открытка вчерашняя к ней застряли у меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654. Упоминаются В.Я. Эфрон, М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон, Л.Л. Квятковский).

[4] См. п. 301, примеч. 8.

[5] С.Я. Эфрон.

[6] В этой открытке, отправленной из Москвы 5/18 октября, с указанием обратного адреса (Сивцев-Вражек, д. 19, Зайченко, кв. 11) В. Эфрон писала: «...вчера вечером получила твою открытку <имеется в виду п. 298. – *Ред.*>. Ты, оказывается, ничего не забыл. И писал,

и посылал. Я же ничего не получила. <...> Устраиваемся в квартире. Жить будут Марина, Сережа, Людовик, Лилька и я. Пока жду от этой «комбинации» мало хорошего. Многое слишком чуждо и даже совсем «неприемлемо» для меня в Марине» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345).

[7] К.П. Близниченко, М.И. Цветаева, А.И. Цветаева.

304. Е.Л. ЯНТАРЕВУ

11/24 октября 1911 г. Париж

Многоуважаемый Ефим Львович,

Только что получил Ваше письмо с просьбой статьи для юбилейн<ого> № о Бальмонте.[1] Я, конечно, это сделаю и пришлю Вам ее через 2–3 дня.[2] Здесь сейчас Юргис Балтрушайтис. Он на несколько дней в Париже. Я вижусь с ним каждый день. Я попрошу его от Вашего имени дать тоже статью, и мы с ним сговоримся и поделим тему.[3]

Корреспонд<ентский> билет я получил. Благодарю. Я писал несколько раз Эмман<уилу> Март<ыновичу>,[4] но не получал ответа. Мне вот что интересно: из посланного мною материала не были напечатаны: телеграм<м>а о Богрове (заявл<ение> Ц<ентрального> Ком<итета> С. Р.)[5] и корреспонд<енция> о демонстрации против войны. Я понимаю это как нежелание «Моск<овской> Газ<еты>» касаться крайних социалист<ических> вопросов. Прав ли я? Это мне важно для того, чтобы знать, *о чем* писать и о чем *не* писать.

Затем относительно телеграмм: моя телеграм<м>а о Liberté[6] не была напечатана. Очевидно, она запоздала и Вы имели уже более подробные сведения через Агентства. А между тем я ее посылал по вечерним (т.е. послеполуденным газетам), в которых она появилась в Париже. Поэтому я думаю, что мне стоит телеграфировать только о событиях исключит<ельно> *парижских* (французс<кие> доходят до Вас иными путями). И затем мне важно знать, до какого часа телеграмма может поспеть. Кор<респондент> «Рус<ского> Слова»[7] мне говорил, что он не посылает позже 5-ти часов вечера.

Тогда телегр<афом> «Temps» и «Débats»[8] уже нельзя пользоваться. Это всё вопросы для меня важные, и я жду ответа на них. Это время я не телеграф<ировал>, т<ак> к<ак> ничего достойного телегр<амм> не было.

Максимилиан Волошин.

[1] Письма Янтарева в архиве Волошина не сохранились. Подразумевается 25-летие литературной деятельности К.Д. Бальмонта.

[2] В «Московской газете» статья Волошина на эту тему не появилась. К юбилею Бальмонта была приурочена его статья «Зарево зорь» — отзыв об одноименной книге стихов Бальмонта, опубликованный в «Утре России» 11 марта 1912 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 469—472. Специального номера «Московской газеты», посвященного Бальмонту, в конце 1911 г. не было подготовлено.

[3] По всей вероятности, Ю. Балтрушайтис статьи, приуроченной к юбилею Бальмонта, не написал; позднее появилась его статья «О внутреннем пути К. Бальмонта» (Заветы. 1914. № 6. Отд. III. С. 62—68).

[4] Э.М. Бескин (1877—1940), официальный редактор «Московской газеты», журналист, театральный критик и драматург.

[5] Имеется в виду появившееся в центральном органе партии социалистов-революционеров (Знамя Труда. 1911. № 38, октябрь) заявление Центрального Комитета этой партии о том, что «ни Ц. К-т, ни какие-либо местные партийные организации не принимали никакого участия в деле Дм. Богрова» (1 сентября 1911 г. в Киеве смертельно ранившего председателя Совета министров П.А. Столыпина). См.: Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / Сост. А. Серебренников. 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1989. С. 25.

[6] Имеется в виду взрыв французского броненосца «Либерте» в Тулоне 25 сентября (н.ст.) 1911 г. См. корреспонденцию Волошина об этом: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 410—412.

[7] Алексей Антонович Вернер (1868—?) — журналист, корреспондент «Русского Слова» в Париже, затем в Лондоне. В архиве Волошина сохранилось одно письмо Вернера к нему (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 335).

[8] Парижские газеты «Débats de l'Assemblée» и «Les Temps nouveaux».

305. В.Я. ЭФРОН

Около 12/25 октября 1911 г. Париж[1]

Милая Вера, я написал Е.И. Рабенек отдельно еще письмо о тебе.[2] Пойди к ней немедленно. Но сперва поговори по телефону (192 – 95). Это студия (Чудовский пер. 11, около Мясницкой). Тебе, верно, ответит Екат<ерина> Феодор<овна> Вульф – заведующая. И ответит раздраженно. Тогда ты заклини ее моим именем и не бойся. Она очень добрая. Через нее ты узнаешь, когда можно увидать Ели Ивановну. Ужасно досадно, что вышла такая глупая задержка с этим. А я был сейчас так поглощен эти дни приездом и отъездом Бальмонта и Балтрушайтиса,[3] что у меня не было ни минуты на писание писем. Поселились ли Вы уже все вместе?[4] Очень боюсь, что из этой совместной жизни не выйдет у Вас толку.

«Моск<овская> Газ<ета>» из рук вон плоха. Но мне хочется непременно провести эту зиму в Париже. И потом в Москве ведь у меня опять не будет никакой определенной работы. Это так мучительно. Как Лилино[5] здоровье? Как ты сама чувствуешь себя? Куда ты поступила для драмат<ических> занятий? Мой привет Моск<овскому> Гнезду Обормотов.

МАХ.

[1] Открытка с репродукцией японского пейзажа. Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 16.10.11.

[2] В неизвестном нам письме Волошин ходатайствовал о принятии В. Эфрон в школу-студию Рабенек.

[3] К.Д. Бальмонт приехал в Париж из Бретани в середине октября (н.ст.) 1911 г., 5/18 октября он вместе с Волошиным провожал Ю. Балтрушайтиса в Швейцарию (см. п. 301).

[4] Подразумевается совместная жизнь в квартире на Сивцевом Вражке (см. примеч. 6 к п. 303). М.И. Цветаева описала эту квартиру в письме к Волошину от 1/14 октября 1911 г. (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 53–54).

[5] Е.Я. Эфрон.

306. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

15/28 октября 1911 г. Париж

28/X 1911.

Милая мама, получил только что твою открытку с дороги.[1] Значит, ты уже в Москве. Значит, ты моего письма, посланного на имя Алек<сандры> Мих<айловны>, не получила...[2] Как твой прострел? Ты ничего не пишешь о начинавшейся дизентерии. Значит, в этом отношении все благополучно?

Что касается меня – то моя жизнь идет очень деятельно и интересно. Но... но... денежные истории с «Моск<овской> Газ<етой>» *уже* начинаются. Они должны были мне выслать 5/18-го жалованье и гонорар (всего около 200 р.), и до сих пор я ничего не получаю. Хотя уже телеграфировал им. А это всего лишь *первая* получка. Что же будет дальше? От «Сфинкса»[3] тоже ни слуху ни духу, хотя он обещал мне уплатить эти 300 руб. именно теперь, в середине октября (последний срок, им самим назначенный).

Милая мама, пожалуйста – когда тебе будет лучше – поди в «Моск<овскую> Газ<ету>» и к «Сфинксу» объясняться. Прилагаю тебе карточки туда и сюда. Но в «Моск<овскую> Газ<ету>» раньше. Если можно, то пошли кого-нибудь (в случае если самой тебе нельзя будет).

Вот что я думаю: «Мос<ковская> Газ<ета>» верно *пока* будет платить, *только* из нее надо будет тянуть эти деньги. При этих условиях, конечно, оставаться в Париже нельзя, и я вернусь. Но я не хочу возвращаться сию же минуту: я хочу во всяком случае просуществовать до января здесь. А тогда я вернусь в Москву. Тебе тогда, конечно, нет смысла ехать сюда. Я это пишу для того, чтобы, когда ты будешь с ними говорить, не порвала с ними сразу. Деньги, что они мне выдали авансом (т.е. 100 р. жалован<ья> за сентябрь) истощились, и мне приходится уже делать долги. Так что сейчас мне хочется получить от них эти 200 руб. Впрочем, я не теряю надежды еще получить эти деньги завтра или послезавтра (предполагая, что они выслали их лишь после моей телеграммы). Поэтому справься

сначала, не высланы ли мне уже деньги и сколько, чтобы они показали тебе счет. (Жалованье 100 р. — за октябрь — мес<яц> вперед и гонорар за статьи, напечатан<ные> до 5 окт<ября>, тоже около 100 р. или больше). Если же не выслано, то попроси эти деньги, чтобы выслать самой.

Если тебе не дадут объяснений в конторе, то спроси или Ефима Львовича Янтарева (секретарь ред<акции>), или Сергея Георгиев<ича> Карамурзу (помощ<ник> редак<тора>). И тот и другой мои личн<ые> знакомые и порядочные люди, так что с ними не говори сурово, тем более, что не они ответственные лица. Но если надо будет говорить сурово и решительно, то вызови редактора Бескина (Эм<м>ануила Мартыновича).

Относительно «Сфинкса». От него надо прямо требовать. Хотя я должен сказать, что мне очень хотелось бы сделать те переводы, что он мне заказал. Т.е. «Manette Salomon» и «La Femme au XVIII siècle» Гонкуров.[4] Так что при вероятности, что он заплатит, я не хочу порывать с ним окончательно.

Что же касается «Моск<овской> Газ<еты>», то, конечно, раз я только уеду из Парижа, я прекращу там всякую работу. Ее можно терпеть только как средство жить в Париже.

Видишь, мама: если я вернусь в Москву, то ведь у меня вовсе не будет работы. Ведь у меня в Москве очень много «важных и интересных дел» (как и в Париже!), но не платной работы. Это ведь будут опять всевозможные случайные статьи в журналах. Я приеду опять ни с чем. Если ты паче чаяния получишь сейчас 300 р. от «Сфинкса», то удержи их у себя. Вычти то, что ты заплатила Вере,[5] и мой долг. А остальное оставь себе на дорогу, если ты приедешь в Париж. А в случае, если я сам вернусь в январе — то ты пришли их мне на дорогу: пусть это будет дорожный наш фонд на всякий случай.

Адрес «Моск<овской> Газ<еты>» и «Сфинкса» один: *Петровка 17*. Как это знаменательно, трогательно..... и удобно для тебя.

Только что узнал, что старик Цветковский (генерал) скоропостижно умер.[6]

Где же ты устроилась? В каком виде застала обормотов в Москве?[7] До свиданья.

Макс.

Куда же поехал Миша?[8]

[1] 10/23 октября Е.О. писала Волошину: «...я вместе с прострелом приближаюсь к Москве. Где приведет Бог остановиться: у Юнге ли, у Эфронов ли — не знаю» — и просила писать ей в Москву по адресу Эфронов (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[2] Имеется в виду п. 301. А.М. Петрова переслала его в Москву.

[3] См. п. 301, примеч. 10.

[4] Роман братьев Эдмона (1822—1896) и Жюля (1830—1870) де Гонкур «Манетт Саломон» (1867) и их книга «Женщина XVIII столетия» (1862) предназначались для опубликования в составе Полного собрания сочинений братьев Гонкур, предпринятого издательством «Сфинкс» в 1910—1911 гг. (вышли в свет тома 1—4 и том 6, включающие, соответственно, романы «Элиза», «Жермини Ласерте», «Братья Земганно», «Рене Моперен», «Мадам Жервезэ»). Сохранилось начало романа «Манетт Саломон» в переводе Волошина — 14 страниц рукописного текста (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 401). В письме от 7 августа 1911 г. В.Ф. Прорубников, обещав в августе перевести деньги за перевод новелл Мюссе, просил Волошина представить первую половину перевода «Манетт Саломон» в начале сентября (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1004), — однако тот, не получив гонорара в указанный срок, не торопился с исполнением другого заказа.

[5] В.Я. Эфрон.

[6] Константин Юрьевич (Егорович) Цветковский — генерал-лейтенант, отец Елены Цветковской, третьей жены К.Д. Бальмонта.

[7] О приезде в Москву (10 октября) Е.О. сообщила Волошину: «Марина, Ася и Сергей встретили меня, убедили остановиться у них, т.е. на квартире Эфронов» (Сивцев Вражек, 19); о совместной жизни с Эфронами она писала ему через несколько дней: «В гнезде обормотов я чувствую себя очень хорошо, как среди близких, хороших, родных <...>» (15/28 октября); «Наше обормотское гнездо еще не совсем вышло из хаоса, но уже украшается коврами, картинками, тряпочками и разными безделушками» (20 октября / 2 ноября) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[8] М.С. Лямин; в недатированном письме Е.О. сообщила Волошину, что он поселился в Москве у своего отца.

307. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

19 октября / 1 ноября 1911 г. Париж[1]

1 ноября 1911.

Милая мама,

Ты, верно, уже получила мое первое письмо, написанное тебе в Москву с разными просьбами и поручениями относительно «Московс<кой> Газеты» и «Сфинкса».[2] Пока все обстоит по-прежнему, и я обретаюсь без денег. Я написал по письму каждому из лиц, имеющих власть в редакции, отправил еще телеграмму, прося выслать деньги телеграфом, а теперь жду резуль<та>тов. Сегодня Tous-saint*, так что деньги не могут прийти, но если завтра утром они не придут — я должен заключить, что они твердо решили не платить мне. Мне очень интересно знать, что они ответят тебе, когда ты будешь там, и с нетерпением жду твоего письма.

Кроме того, на истекшей неделе из 7 моих корресп<онденций> напечатано всего 2.[3] Это тоже весьма раздражает меня. Главное, все это мешает мне работать.

На этой неделе приедет С. Маковский в Париж[4] и, верно, привезет мне денег, потому что за все статьи, что были напечатаны в «Аполлоне» летом (2 большие статьи),[5] я до сих пор еще ничего не получил.

Между тем моя *светская* жизнь в Париже идет непрерывным потоком: я вижу массу людей и каждый день знакомлюсь всё с новыми и с очень интересными.

Завтра возвращается из Бретани Бальмонт. Он останется в Париже месяц и затем уедет в Австралию. Мама, если ты будешь на днях у Цветковских — то узнай <...>** <под>робности смерти Конст<антина> Юрьев<ича> Цветковского и где теперь находится его жена. Это нужно для Елены Цв<етковской>,[6] которая ни от кого не получает никаких известий и не знает, где теперь ее мать и что с нею. Я только телеграфируя Леле[7] в Ялту, узнал для нее, что ее мать выехала вместе с Ю.Ю. Цв<етковским> в Москву.[8]

---

* День всех святых *(фр.)*.

** *Край листа с текстом оборван.*

Напиши, как сложилась внутренняя жизнь обормотов в Москве. Я очень боюсь, что из совмест<ной> жизни Марины, Сережи и Лили возникнут разные недоразумения.[9] Почему Ал<ександра> Мих<айловна> потребовала, чтобы Людовика выселили?[10] Была ли ты у Кандауровых? и Гольдовских?

Аморя поселилась в Мюнхене[11] и взяла там мастерскую (еще одну!!). Здешнюю же, неудобообитаемую и дорогую, ликвидирует Екат<ерина> Алекс<еевна>[12] Эллис тоже в Мюнхене.

Нюшу[13] увижу только завтра – она приедет вместе с Бальмонтом. Не видала ли ты Елисаветы Сергеевны? Не знаешь ли ее планов о возвращении?[14] Привет всем обормотам. Отчего они мне не пишут?

Max.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Почтовые штемпели: Paris. 2 nov 11; Москва. 24.10.11. Отправлено по адресу: Сивцев Вражек, 19. Квартира Эфрон.

[2] Имеется в виду п. 306.

[3] «Письма из Парижа» – «Гений головокружения» и «Анри де Гру»; опубликованы в «Московской газете» 2 и 4 октября.

[4] С.К. Маковский прибыл в Париж 22 октября / 4 ноября, на следующий день написал Волошину – пригласил посетить его в отеле. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 445.

[5] В № 6 «Аполлона» за 1911 г. была напечатана статья Волошина «А.С. Голубкина», в № 7 – «Клодель в Китае».

[6] См. п. 306, примеч. 6.

[7] Е.С. Лямина.

[8] К ответному недатированному письму Е.О. было приложено письмо Ю.Ю. Цветковского, брата покойного К.Ю. Цветковского, для передачи Е.К. Цветковской. Юрий Юрьевич Цветковский – приемный отец Л.Ю. Деген, учитель русского языка в Киеве, затем директор коммерческого училища в Варшаве (см. письмо Е.О. к сыну от 1 июля 1902 г. // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 650).

[9] М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон, Е.Я. Эфрон.

[10] Людовик – Людвиг Квятковский. Волошин, К.Ф. Богаевский, А.М. Петрова, М.В. Сабашникова старались всемерно содействовать развитию его, по их мнению, исключительных творческих задатков.

[11] М. Сабашникова обосновалась в Мюнхене в середине октября (н.ст.) — на всю предстоявшую зиму.

[12] Е.А. Бальмонт.

[13] А.Н. Иванова.

[14] 24 октября / 6 ноября 1911 г. Е.О. сообщила Волошину, что «Кругликова приедет только в конце ноября в Париж» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

308. Е.Л. ЯНТАРЕВУ

25 октября / 7 ноября 1911 г. Париж[1]

Многоуважаемый Ефим Львович!

Посылая Вам этот фельетон «Достоевский во Франции», который несколько больше обычных моих статеек, я прошу Вас его вернуть мне в том случае, если он не будет напечатан.[2]

Сегодня 7 нояб<ря>. Я денег от «Моск<овской> Газ<еты>» *еще не получил.* А Бальм<о>нт уже вчера имел чек, высланный 20 окт<ября> (3 ноябр<я>).[3] Значит, деньги *мне* все же не высланы.

Ваше письмо и разъяснение меня успокоило. Но я писал и Э<м>ман<уилу> Март<ыновичу> и г-ну Ратнеру[4] — они мне не ответили. Я послал *2* телеграммы, на которые тоже нет ответа. Теперь я больше ничего не понимаю.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 7.11.11. Получено в Москве 28 октября 1911 г.

[2] Эта статья была напечатана в «Московской Вести» (заглавие, под которым «Московская газета» выходила по понедельникам) 31 октября 1911 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 447—449.

[3] В «Московской газете» были опубликованы стихотворения К.Д. Бальмонта «Метеор» и «Цепи» — 25 сентября и 16 октября 1911 г.

[4] Э.М. Бескин и заведующий конторой «Московской газеты».

309. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

Между 23 и 26 октября / Между 5 и 8 ноября 1911 г Париж[1]

Милая мама, сегодня получил второе твое письмо из Москвы (от 20 окт<ября>).[2]

Пожалуйста, когда будет можно – пойди все-таки, несмотря на мое предыдущее письмо, в «Моск<овскую> Газ<ету>» говорить о деньгах, потому что я все-таки денег не получил.

Письмо Янтарева было так убедительно, что я нисколько не сомневался в том, что деньги мне будут высланы 20-го. Между тем Бальмонт уже получил третьего дня гонорар за свои стихи в «Моск<овской> Газете», высланный 20-го числа, а я не получил ничего и, очевидно, не получу. Так что, пожалуйста, выясни это.

Это отсутствие денег меня ужасно нервирует, и ежедневное их ожидание разбило всякое рабочее настроение. Казалось бы, самое разумное было бы именно теперь приняться за работу для других журналов, а между тем как раз совсем не работается. Мне уже пришлось начать делать займы у Нюши[3] – мои деньги истощились.

Вчера приехал в Париж Маковский[4] – я надеюсь получить от него денег.

У меня теперь снова начались мои jour-fixe и бывает масса народу.

Очень часто вижу Бальмонтов и Алекс<андру> Васильев<ну>.[5] Я писал тебе, что Марг<арита> Вас<ильевна> осталась в Мюнхене и взяла там мастерскую, бросив здешнюю – в Париже, очень дорогую, которую весьма трудно было ликвидировать.

Я постоянно слышу вопросы о тебе не только от русских, но и от французских моих друзей, которые тебя все очень хорошо помнят.

Я думаю, что это письмо застанет тебя уже здоровой и радостной. И где ты умудрилась так сильно распростудиться?

Лиля пишет уже о комнате для меня...[6] Об этом все-таки еще рано думать. Хотя, по всем видимостям, я буду в январе в России (если не раньше!).

Сейчас мое сердце очень разрывается между обормотским житьем в Москве и старыми друзьями в Париже. Мне очень досадно, что это глупое отсутствие денег не позволяет мне пользоваться сейчас в Париже всем тем, что я не хотел бы упустить – театрами главным образом. Но это ожидание прямо парализует. Я решил с завтрашнего дня не ждать больше и жить так, как если бы я ничего не должен был получать.

У меня большая дружба с Трухановой – она мне дарит большие коробки брюссельских печений, каких нет совсем в Париже, и дивные духи. У нее я познакомился с Жоржем де Порториш (знамен<итый> драматург) и с m-lle Маржель (драм<атическая> артист<ка>).[7]

Из французов я встретил целый ряд людей, с которыми я был дружен в первые годы мои в Париже и не видался уже много лет: Меродака, Варьо, Моно...[8] если ты их помнишь. Они тебя помнят хорошо. И еще раз мог убедиться, что приязнь в разлуке всегда растет. С нежностью приветствую милых обормотов.

Мах.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Почтовый штемпель получения: Москва. 29 X 1911. Отправлено по адресу: Сивцев Вражек, 19. Квартира Эфрон.

[2] В этом письме Е.О. обещала Волошину пойти в редакцию «Сфинкса» и «Московской газеты», но, из-за плохого самочувствия, «дня через 3–4, не раньше» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[3] А.Н. Иванова.

[4] См. п. 307, примеч. 4.

[5] А.В. Гольштейн.

[6] Лиля – Е.Я. Эфрон. Речь идет о комнате в московской квартире Эфронов. «Но где же ты поселишься, когда приедешь? – спрашивала Е. Эфрон Волошина в недатированном письме. – Пра мы от себя не отпустим, а ты в нашей квартире не поместишься. Надо устроить так, чтобы ты в этом же доме снял комнату» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 20–21 об.).

[7] Жорж де Порто-Риш (1849–1930) – французский драматург. Жюльетта Маржель (Margel) – французская актриса; играла Грушеньку в «Братьях Карамазовых».

[8] Алексис Меродак-Жано (Сернар; 1873–1919) – живописец, скульптор, график (см. два его письма к Волошину в кн.: Русская литература и зарубежное искусство. Л.: Наука, 1986. С. 354–356. Публ. П.Р. Заборова). Жан Жамс Варио (Варио де Шарра; 1881–1962) – писатель. Эдуард Моно (Моно-Герцен; 1873–1962) – сын французского историка Габриэля Моно и дочери А.И. Герцена Ольги Александровны.

310. А.М. ПЕТРОВОЙ

27 октября / 9 ноября 1911 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна!

Только что я получил Вашу открытку с вестью о смерти Владимира Антоновича.[2] Она меня страшно поразила в первый момент, но вот еще не прошло и десяти минут, а я уже начинаю думать о том, что это было так неизбежно, что удивительно, что никто из нас этого не предвидел. У меня нет чувства земной, острой тоски при смерти близких. А скорее радость за ушедших. Мне теперь видится Вл<адимир> Ант<онович> таким, каким я видел <его> в последний раз наедине. Я был у него и шел обратно в Коктебель. Он пошел меня провожать по Куру-Башу, до самого спуска в Султановку.[3] Мы очень долго смотрели на облака, которые в этот вечер были великолепны, и говорили немного. Дружественно молчали. Потом он ушел, и я долго видел его фигуру, шагающую по нагорной степи. Кажется, он заблудился на возвратном пути. После этого я видел его только мельком и на людях.

... Так он и не показал никому при жизни того, что он работал. Теперь эта тайна, верно, уже разрешилась для Вас. Как бы мне хотелось, чтобы в его картинах (если он их не уничтожил) был бы действительно он – всею своей личностью.

Из близких Вл<адимиру> Ант<оновичу> людей мне больше всех жаль Вас, Алекс<андра> Мих<айловна>, потому что я думаю, что на Вас его потеря отразилась глубже и больнее, чем на других. Чувство земной смерти так сильно в Вас, и судьба всегда Вас окружала такими частыми и близкими смертями.

Я чувствую, что у Вас против меня кипит большое негодование, Алекс<андра> Мих<айловна>, чувствую, что здесь причиной отчасти и мой отъезд в Париж, и «Москов<ская> газета». «Моск<овская> газета» отвратительна[4] и, что еще хуже, что за позор участия в ней мне даже не платят: я до сих пор не имел от нее ничего с самого приезда сюда.

По всем вероятиям, я не останусь здесь долго. Верно, возвращусь в Москву к январю месяцу. Хотя мне очень жаль покидать Париж и, главным образом, тех моих друзей, которых я вижу только здесь: Гольштейн, Бальмонтов, Нюшу.[5]

Кроме них, здесь у меня еще много французских дружб: они крепнут и становятся гораздо более интимными в разлуке.[6]

Но я долго не останусь в Париже. Это ясно. Я вернусь в Москву. А ранней весной в Коктебель.

До свиданья, дорогая Александ<ра> Мих<айловна>. Я сег<одня> вечером напишу Наталье Николаевне[7] <...>* Богаевскому.[8] Не негодуйте на меня.

Макс.

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления: Paris. 9.11.11. Получено в Феодосии 1 ноября.

[2] В.А. Полуэктов, феодосиец, художник-любитель. Его карандашный портрет сохранился в записной книжке Волошина № 35 (ИРЛИ, ф 562, оп. 2, ед. хр. 51). Известие о его смерти 18 октября пришло от А.М. Петровой в открытке от 22 октября / 4 ноября 1911 г.: «Делюсь с Вами нашей утратой, которую все мы здесь понесли, — 18-го окт<ября> скончался неожиданно наш дорогой Владимир Антонович. Он заболел перед этим почками, и, как видно, у него был первый удар. Затем оправился, но не берегся и 18-го случился второй нервный удар, принесший смерть. Вы поймете как это тяжело нам всем, знавшим и любившим его. Мне трудно об нем писать, для меня это был во многом и многом руководитель, как совесть. Константин Феодорович страшно потрясен; он так глубоко понимал его, любил и дорожил его мнением. Известно, что для Владимира Антоновича — это освобождение, но для нас — тяжелое сиротство. Напишите хоть два-три слова милой Наталье Николаевне. Она так самоотвержен-

---

* Край листа оторван.

но несла свой крест с ним – человеком “не от мира сего”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 59).

[3] Куру-Баш (*тат.* «пересохший источник») – плоскогорье между Феодосией и Коктебелем; Султановка – деревня в долине за ним, ближе к Коктебелю. Предположительно эта прогулка, которую описывает Волошин, состоялась 26 июля 1910 г. (Труды и дни. С. 274).

[4] Критика в адрес «Московской газеты» звучит и в письмах Волошина к К.В. Кандаурову, В.Я. Эфрон (п. 297, 298). 3 ноября 1911 г. Петрова отвечала Волошину: «Милый Максимилиан Александрович, спасибо Вам за Ваше милое, доброе письмо. Да, Вы правы я уже живу как-то по инерции. В последнее время как будто всю почву под ногами вытянуло. Земля и жизнь так прекрасны, а между тем все как-то более и более совестно пользоваться их радостями; вырастают какие-то другие, едва ощутимые, смутные, но насущные обязанности – связь живая, действительная. Любовная <...> Вы знаете, можно было бы жить несколько более “по-людскому”, что ли, да ведь поглядите вокруг: что творится? У меня лично какое-то сплошное недоумение, растерянность. Вижу, что сил уже совсем не хватает, часто и совершенно серьезно боюсь даже сумасшествия; за одно только цепляюсь: проще, проще, проще на все смотрите. <...> Я ясно и болезненно чувствую, как нахлынули и хозяйничают какие-то враждебные психологические силы. (Как я опошлела за последнее время, Вы не можете себе представить). И не только внутри у себя, вокруг в маленьком окружающем мире, но всюду, всюду, где есть человек. Газеты это отражают. Пришлось бросить и их читать. Какой-то глубочайший цинизм берет <...> Простите, что я там кипела против Вас <...> Очень уж досадно было, что Вы невольно играете в руку этим “пришедшим уже хамам”. <...> Ваша “Газета”, то есть участие в ней, слава богу, как-то мимо у меня проехали. Как мне казалось, так и случилось. А в Вас я слишком верю, и в мысль не приходит, чтобы к Вам пристала какая-либо грязь. На то Вы и “дитко”. С материальной точки зрения я Вам очень сочувствую: опять подлецы надули Вас! Конечно, удирайте в Москву, но не дарите им на прощание сознания, что они “порядочные люди”» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 60–61).

[5] А.Н. Иванова.

[6] См. п. 312.

[7] Н.Н. Полуэктова, вдова В.А. Полуэктова.

[8] В 1911 г. А.М. Петрова неоднократно писала Волошину о своем отношении к перемене характера и образа жизни К.Ф. Богаевского, о тяжелой атмосфере воцарившейся в его доме, которую она

назвала «дурантевскими тисками». «Спрут мещанский опутал одну из самых светлых, возвышенных душ. Мне до крика больно смотреть на эти страданья», – признавалась она Волошину (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 74).

311. Е.Я. ЭФРОН

Около 27 октября / 9 ноября 1911 г. Париж[1]

Милая Лиля, ты меня ужасно обрадовала твоим письмом, а особенно еще потому, что твое молчание мне казалось недовольством мною. Ты права: очень большая часть моего Я осталась с вами, и об вашем обормотском житии на Сивцевом Вражке я думаю, как о доме.[2] Когда же я подумаю, что ты наверно больше не приедешь в Коктебель, то становится очень неуютно думать о нем.[3] Я сию минуту не могу тебе дать библиографии о Бальзаке.[4] Это надо справиться <в> книгах Спельбера-Лованжуля.[5] Я это сделаю и напишу тебе. А когда будут деньги – пришлю. А пока их совсем нет. Мне, увы, в Париже все не приходится рисовать. В Салоне Осеннем цветет «кубизм».[6] Для глаза он неприемлем. А логически еще я в нем не разобрался. Веду пока длинные собеседования с кубистами и собираюсь писать о них в «Аполлоне».[7] Сам Аполлон, т.е. «Рара Мако», т.е. С. Маковский – здесь,[8] и у меня дела по горло: надо его повести к массе художников, которых мне хочется, чтобы он пригласил на столетнюю выставку Фр<а>н<цузского> искусст<ва> в СПб.[9] Я у себя устраиваю большие светские приемы по понедельникам, и бывает масса народу. Если бы ты увидала и узнала ближе моих здешних друзей: Бальмонтов, Гольштейн и некотор<ых> др<угих>, то ты бы сама их очень полюбила. Как ужасно мало времени, чтобы успеть полюбить всех прекрасных людей, которых встречаешь. В конце концов это великое благодеяние, что они рассеяны равномерно по всему земному шару: в то время как одних любишь глазами, других любишь в открытках... Что твое старое обезьянье сердце?[10]

Мах.

[1] Открытка; почтовый штемпель получения: Москва. 30.X.1911.

[2] Речь идет о недатированном письме Е.Я. Эфрон: «...сейчас получила Пра твое письмо, и я не знаю, радоваться или печалиться. Во всяком случае “Московская Газета” это одно свинство. <...> Недавно вспоминали тебя. <...> Сварили осетрину, Пра рассказала, как ты в прошлом году восхищался осетр<иной>, сваренной на спиртовке, и мы с умилением слушали, и с таким же умилением жалели, что тебя нет сейчас. <...> Ты пишешь мне в открытке, что очень рад Балтрушайтису, что любишь его почти как Бальмонта, а я злюсь. Я хочу, чтобы у тебя не было ни того, ни другого, ни всех твоих десяток <так!> и сотен “любимых” друзей... нет, пускай они будут, но наша семья должна быть единственной и самой близкой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 20–21 об.).

[3] Сердечную болезнь Е.Я. Эфрон связывали с ее пребыванием в Коктебеле летом 1911 г.: «...она повредила свое сердце, со страстью загорая на опасном крымском солнце...» (*Фейнберг Леонид*. Три лета в гостях у Волошина. М.: Аграф, 2006. С. 16).

[4] В цитированном письме Е.Я. Эфрон сообщала: «Буду теперь писать для курсов о Бальзаке, все думаю, строю план, фантазирую, но еще ни на чем не остановилась. Знаешь что, пришли мне библиографию. <...> Главным образом мне нужна его биография. Ходить в Румянцевку не могу из-за сердца, а книг достать неоткуда». (Упоминается Библиотека Румянцевского музея).

[5] Книги виконта Шарля де Спельберх-Лованжуля (Spoelberch-Lovenjoul), посвященные изучению жизни и творчества Бальзака: «Histoire des œuvres de Balzac» (1888), «Autour d’Honore de Balzac» (1897), «Etudes balzaciennes. Un roman d’amour» (1896).

[6] См. примеч. 11 к п. 290, примеч. 4 к п. 297.

[7] Замысел развернутой статьи о кубизме остался нереализованным, сохранились лишь наброски Волошина на эту тему (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 634–636, 959–961).

[8] См. примеч. 4 к п. 307. Papa Mako – шутливое прозвище Маковского в кругу сотрудников «Аполлона».

[9] См. примеч. 7 к п. 287.

[10] Обыгрывается шутливое прозвище Е.Я. Эфрон – старая влюбленная обезьяна. Оно зафиксировано в одной из записных книжек Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 51, л. 1).

312. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

28 октября / 10 ноября 1911 г. Париж[1]

Пятн<ица>. 10 ноября 1911.

Милая мама,

будь добра, пойди в «Моск<овскую> Газ<ету>» и выясни все положение дел наиболее сериозно: теперь они мне уже должны 100 р. жалов<анья> и 150 гонорара. После любезного письма ни слуху ни духу – ни ответов, ни денег. А я уже в полном безденежьи теперь. Пожалуйста, потребуй или расписку о том, что эти 250 р. посланы, или сама возьми их, чтобы переслать. Имей в виду, что мною было взято 150 р. на дорогу и 100 р. жалованья за сентябрь. Следовательно, никакого аванса.[2] Поговори с ними строго, т.е. с редакт<ором> Бескиным и завед<ующим> конторой Ратнером. А с Янтаревым и Шах-Мурзой[3] – дружески, т<ак> к<ак> они – знакомые и от них главное не зависит. Впрочем, верно, все это будет излишне и когда это письмо придет – ты уже будешь в «М.Г.» пред этим. Я получил сегодня твое письмо от 25-го. Как вы все будете жить в таком беспорядке и холоде?[4] И еще с неизбежными психологическими конфликтами? Вчера получил от Алекс<андры> Мих<айловны> письмо о том, что неожиданно скончался Владим<ир> Ант<онович> Полуэктов.[5] Она и Богаевск<ий> очень потрясены этим. Маковский здесь – но денег все не дает, хотя я тороплю его каждый день. Ужасно жаль Веру, что ей приходится так отрываться от работы.[6] Приветствую всех. Крепко целую тебя.

Мах.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 12.11.11; Москва. 2.11.11.

[2] 2/15 ноября Е.О. проинформировала Волошина о результатах своего посещения редакции «Московской газеты»: деньги высланы 23 октября – за половину месяца (173 или 175 р.) (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[3] Подразумевается С.Г. Кара-Мурза.

[4] В письме от 24 октября / 6 ноября Е.О. сообщала Волошину о своем недомогании и об обстоятельствах жизни в московской

квартире Эфронов: «Думаю, что одна из причин моего медленного выздоровления находится в нашем обормотском гнезде, где только моя комната хранит тепло, в остальных, включая кухню, где мы путаемся, – волчий холод, т<ак> к<ак> набухших от сырости окон нельзя затворить; если хватит мороз, все обормоты замерзнут. Уже вчера Марина на ночь оставляла свою дверь открытой в переднюю, но в передней такой же холод, как везде, т<ак> к<ак> топки в ней нет. Прислуга у нас то есть, то не имеется (последнее чаще), а потому приходится самим за собою убирать, а Вере готовить обед, мыть кухонную посуду и т.д. <...> вся тягота хозяйства ложится на Веру, единственного человека, который хочет серьезно работать и учиться, и постоянно отвлекается от занятий своих домашними хлопотами. Она очень похудела, побледнела, и видно, что очень устала». Сообщив далее, что С. Эфрон «распрощался с гимназией», Е.О. продолжала: «Марина бьет баклуши вместе с Сергеем, и оба они живут точно посторонние жильцы в доме: никакие хлопоты и невзгоды домашние их не касаются. Стычек и неприятностей нет никаких между двумя сторонами, но, разумеется, Лиля и Вера никаких дружелюбных чувств к Марине не питают и питать не могут. Я все убеждаю сестер не начинать с Сергеем никаких разговоров, т<ак> к<ак> теперь разговоры эти ни к чему хорошему не приведут, влияния на Сергея никакого иметь не будут, а только посеят вражду. Единственно Марина могла бы влиять на него благотворно, но она ни о здоровье, ни о ученье его думать не хочет. Мне очень жалко Сергея: пропадет мальчишка не за понюшку табаку» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[5] См. п. 310, примеч. 2.

[6] В.Я. Эфрон стала ученицей в танцевальной студии Э.И. Рабенек.

313. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

30 октября / 12 ноября 1911 г. Париж[1]

12/XI 1911.

Милая мама, я только что получил одно вслед за другим сперва письмо, потом телеграмму о том, что мне деньги высланы «Моск<овской> Газ<етой>» 22 окт<ября>. Предполагаю, что телеграмма была вызвана твоим посещением редакции и воздействием. Но дело в том, что денег-то я все же не получил. Они мне телеграфируют, что выслали мне *почтовым перево-*

дом. А почтовый перевод от Москвы до Парижа идет иногда до 3 недель. Благодаря сложности этой операции, в то время как переслать *чек* берет лишь 4 дня. Это прямо издевательство какое-то: я им телеграфирую: переведите телеграфом, а они нарочно избирают самый бессмысленно медленный путь. Я пишу одновременно об этом Ратнеру, заведующему конторой, большое письмо, и, кроме того, очень прошу тебя зайти туда еще раз и спросить, что это должно обозначать, а также потребовать, чтобы тебе сказали точно, в какие сроки они мне будут высылать деньги. Они мне обещали производить расчет каждое 5 и 20 число. Теперь они пишут, что выслали мне 172 р. (50 р. жал<ованья> и 122 р. гонор<ара>) по 15 окт<ября>. Значит, 5 ноября они должны мне выслать снова 50 р. жал<ованья> и гонорару сколько там придется. Ты получишь это письмо как раз около 5-го ноября. Пожалуйста, пойди туда именно 5-го и потребуй, чтобы эта вторая высылка состоялась без замедлений, а лучше всего возьми у них сама чек и пошли мне его заказным письмом. Я думаю, что таким образом я получу эти деньги все же раньше, чем те, что они мне выслали 22 окт<ября> «почтов<ым> переводом».[2] Крепко тебя целую. Приветствую обормотов.

Мах.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Paris. 12 nov 11; Москва. 3.11.11.

[2] 6/19 ноября Е.О. сообщала Волошину, что получила накануне в редакции «Московской газеты» 116 р. и выслала ему почтовым переводом (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

314. С.К. МАКОВСКОМУ

31 октября / 13 ноября 1911 г. Париж

Понедельник. 10 ч. вечера.

Дорогой Сергей Константинович,

очень жаль, что не видел Вас сегодня. Надеюсь увидать Вас завтра в час у Над<ежды> Евгеньевны.[1] Но вот несколько дел:

1) Файе — ждет нас в четверг в 2 часа.[2] У меня карточка к нему от Рэдона. Она важна потому, что с нею будут открыты некоторые комнаты, обычно для посетителей закрытые. Коллекция Мориса Фабра куплена им теперь, и мы увидим ее там.[3]

2) Рэдон нас ждет в пятницу[4] утром до 12 час.

3) Пикар — (издатель «Enciclopédie d'Islame» и «Manuel de l'Art Musulmane»)[5] предлагает мне какие угодно *клише*, имеющиеся для этих изданий.

4) На пятницу (на 3 час<а>) вы получите приглашение на Gala en Hôte<l> de Ville в честь Сербского короля (от Н. Трухановой).[6]

5) Зак и Марсель Ленуар просят Вас побывать у них в мастерских.[7]

6) Завтра в Pavillon Marsan[8] открывается выставка религиозного искусства.

М. Волошин.

[1] Н.Е. Ауэр.

[2] Гюстав Пьер-Антуан Файе (1865—1925) — парижский коллекционер и художник. Четверг — 3/16 ноября.

[3] Волошин впервые ознакомился с собранием новейшей живописи Мориса Фабра в феврале 1904 г.; по всей вероятности, к этому времени относится его черновой набросок статьи о коллекции Фабра (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 553—554).

[4] 4/17 ноября.

[5] Огюст Пикар — книготорговец. «Enciclopédie d'Islam» (Т. 1—5) была издана им лишь в 1913—1938 гг. Другое упомянутое издание: *Saladin H*. Manuel de l'art musulman. Paris: A. Picard, 1907.

[6] Гала-концерт и прием в честь сербского короля Петра I Карагеоргиевича (1844—1921) состоялся в парижской ратуше (Hôtel de Ville) 4/17 ноября; Н.В. Труханова выступала на нем с танцами. Волошин описал это событие в заметке «Сербский король в Париже» (Московская газета. 1911. № 155. 10 ноября; Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 454—455).

[7] Французские художники Эжен (Евгений Савельевич) Зак (1884—1926) и Марсель Ленуар (1872—1931). О своем посещении мастерской Марселя Ленуара Волошин написал в заметке, помещенной в «Московской газете» 21 октября 1911 г. (№ 138). См.: Т. 6, кн. 1 наст.

изд. С. 439–440. Статья о Заке с репродукциями его работ была помещена в «Аполлоне» (*Тугендхольд Я.* Творчество Зака // 1914. № 6/7. С. 26–30).

[8] Павильон Марсан в Лувре (парижский Музей декоративных искусств).

315. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

12/25 ноября 1911 г. Париж[1]

25/XI 1911.

Милая мама, как-то случилось, что я тебе не писал уже целую неделю, между тем как от тебя получались почти через день письма и деньги пришли, и <о> предстоящей свадьбе Сер<ежи> и Мар<ины> ты писала.[2] Но эти дни я как-то особенно разрывался: потому, верно, что спешил как можно больше написать корреспонденций: в то время, как я не получал денег, я совсем отчаялся и больше недели ничего не посылал. Благодарю тебя очень за твои хлопоты и высылку денег. Мне бы хотелось знать подробности о твоих свиданиях <в> газете и какое впечатление на тебя произвела редакция. Несмотря на то, что «Мос<ковская> Газ<ета>» несравненно ниже «Руси», для меня все же кое-кто, напр<имер> Кара-Мурза и Янтарев, симпатичнее разных «Русьских» сотрудников. Раз ты думаешь, что мне они платить будут, то я, б<ыть> м<ожет>, протяну свое пребывание в Париже и дольше. Может быть, и ты сама соберешься тогда приехать ко мне? Подождем еще до января, и если все будет благополучно, то приезжай; хорошо?

Ты мне так много сообщила за это время новостей, что я не знаю, с чего начать. Свадьба Марины и Сережи представляется мне лишь «эпизодом» и очень кратковременным. Но мне кажется, что это скорее хорошо для них, т<ак> к<ак> сразу сделает их обоих взрослыми. А это, мне кажется, им надо.

Я боюсь, что ты Марины не понимаешь: в ней есть действительно много к себе не подпускающего, замкнутого. Но я это объясняю большой полнотой ее натуры и инстинктивной самостоятельностью ума. Но эти качества еще не со-

знали себя в ней, и она еще слишком инстинктивно защищает свою самостоятельную жизнь с эгоизмом молодого существа, жившего гораздо больше сердцем в мечте, чем сердцем в действительности.

Я боюсь, что сейчас она должна быть очень неуживчива.

Относительно Миши: то, что ты пишешь, нисколько не удивило меня.[3] Нельзя было и сомневаться, что он именно так думает о тебе, судя по всему его поведению в это лето. Что можно от него требовать, при его болезни, которая в сущности является извращением самосохранения и эгоизма? В конце концов я радуюсь этой его выходке, потому что это тебя избавит от кошмара его присутствия в Коктебеле.

Видала ли ты Гольдовских? Я сегодня получил от Рашель Мироновны письмо, в котором она спрашивает твой адрес. Знаешь ли ты, что ее пьеса (очень хорошая), идущая в Мал<ом> Театре, запрещена?[4]

Недавно я получил от Э. Ив. Рабенек громадное письмо с целым отчетом о школе и массой фотографий.[5] Она ведь давала публичный концерт. Что ты слыхала об этом?

Сегодня я слышал от Селевиной (Е.В.), что Сергей Соловьев сошел с ума.[6] Что это? Напиши мне, пожалуйста, подробнее. Это написал Безобразов Мар<ии> Сергеевне.[7] Но ее я сегодня не видал. Наверно, Марина знает. Целую всех милых обормотов. И пишу им теперь же.

Max.

[1] Закрытое письмо — «секретка». Почтовые штемпели: Paris. 26 nov 1911; Москва. 16 XI 1911.

[2] М. Цветаева и С. Эфрон обвенчались в Москве 27 января 1912 г. 2/15 ноября 1911 г. Е.О. сообщала Волошину: «У нас в гнезде обормотском событие: Марина женится на Сереже; свадьба в январе. Все это произошло на днях после, думаю я, крупного разговора Марины с отцом, в котором он заявил, что не желает видеть в доме своем Сергея. Они смешные и жалкие дети, и так хотелось бы, чтобы были они и милыми детьми, но нет в них очарования, присущего детству, юности, напротив, так резко иногда проглядывает в них черствость, сухой эгоизм старости, и так жалко их делается и досадно вместе с тем <...> надеюсь, что ты к свадьбе обормотов будешь в

Москве» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). М. Цветаева известила Волошина о том же в письме от 3/16 ноября: «Ты будешь моим шафером. Твое присутствие совершенно необходимо» (*Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 56). О предстоящем венчании написал Волошину и С.Я. Эфрон 4/17 ноября 1911 г. (см.: *Цветаева Марина*. Неизданное. Семья: История в письмах. С. 118).

[3] В недатированном письме к Волошину Е.О. передавала жалобы М.С. Лямина отцу на нее (в коктебельском доме он «жил у нее на чердаке и исполнял дворницкие обязанности») и его слова о том, что «она очень жадная на деньги и любит только деньги и Макса», и добавляла: «Хорош мальчик? Совсем оподлилась душонка его маленькая» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). 4/17 ноября 1911 г. С.Я. Эфрон сообщал Волошину: «Сегодня к Пра заходил Мих<аил> Серг<еевич>. Пра его не приняла и выгнала вон» (*Цветаева Марина*. Неизданное. Семья: История в письмах. С. 119).

[4] О снятии из репертуара ее пьесы «Наследники» Р.М. Гольдовская известила Волошина в письме от 8/12 ноября, в нем же она спрашивала, нельзя ли устроить «Наследников» на парижской сцене (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434). Поставленные в Малом театре (см. примеч. 3 к п. 302), «Наследники» были исключены из репертуара (согласно дневниковой записи Хин-Гольдовской от 11 февраля 1913 г.) «за оскорбительное “изображение” дворянства» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 526, 580 – примеч. А.И. Добкина). См.: *Эфрос Н.* «Наследники» Р.М. Хин // Студия. 1911. № 3. С. 10–12.

[5] Имеется в виду недатированное письмо Э.И. Рабенек с информацией о концертах, прошедших 18 и 27 октября 1911 г. в Большом зале Московской консерватории, к которому были приложены рецензии на концерты и программы обоих вечеров (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1010, л. 1–6 об.). Опубликовано Л.Л. Правоверовой в эпистолярном приложении к ее статье «Лето 1912 года. Е.И. Рабенек, М.А. Волошин, Н.П. Ульянов и другие» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002. М.: Наука, 2003. С. 230–231).

[6] Екатерина Владимировна Селевина (урожд. Романова; 1855–?), двоюродная сестра Вл. С. Соловьева. 17/30 ноября Е.О. сообщила Волошину со слов М. Цветаевой: «...Серг. Соловь<ев> действительно сошел с ума, хотел выброситься из окна, бредил Эллисом; теперь он в больнице и, говорят, безнадежен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). 31 октября 1911 г. Соловьев в состоянии нервно-психического расстройства покушался на самоубийство, после чего находился на излечении в психиатрической лечебнице несколько меся-

цев. См.: ЛН. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980. Кн. 1. С. 323; *Блок А.* Дневник / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. А.Л. Гришунина. М.: Сов. Россия, 1989. С. 73.

[7] Павел Владимирович Безобразов (1859—1918) – муж М.С. Безобразовой. Историк-византинист, автор исторических романов.

316. С.К. МАКОВСКОМУ

12/25 ноября 1911 г. Париж[1]

Дорогой Сергей Константинович,

Сегодня я не смогу быть к 7-ми часам, т<ак> к<ак> поеду сейчас к Гольштейн. Кстати – сегодня суббота – и приемный день, я забыл Вам это напомнить, а Вы наверное забыли. (75. Rue de la Tour).[2] Я получил письмо от Меродака, касающееся Ваших поручений в Анжере, и оставляю Вам его.[3] Будьте добры мне его вернуть вместе с фотографиями танцовщицы. Напишите, когда же можно увидать Вас – я совсем потерял Вас из виду эту неделю.

Максимилиан Волошин.
5 ч. 25 XI[4] 1911.

[1] Написано на бланке «Hôtel Louvois» (видимо, Волошин, не застав Маковского, оставил для него в бюро гостиницы эту записку).

[2] Парижский адрес А.В. Гольштейн.

[3] Алексис Меродак-Жано (см. примеч. 8 к п. 309) постоянно проживал в городе Анже; для выставки «Сто лет французской живописи» (см. примеч. 7 к п. 287) взялся (по просьбе Маковского) отобрать образцы творчества выдающегося французского скульптора Пьера-Жана Давида д'Анже (1788—1856). О ходе своей работы он сообщал в упоминаемом недатированном письме к Волошину (опубликовано и прокомментировано П.Р. Заборовым в кн.: Русская литература и зарубежное искусство. Сб. исследований и материалов. Л.: Наука, 1986. С. 354—356).

[4] В автографе – описка в обозначении месяца: «II».

317. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

14/27 ноября 1911 г. Париж[1]

27/XI 1911.

Милая мама,

Ты поторопилась печалиться, что я останусь долго в Париже. Сегодня от «Московской Газеты» новый сюрприз: краткое печатное объявление, что после 15 ноября ежедневное издание прекращается и остается только понедельничье. Другими словами, on me donne congé,* т<ак> к<ак> для понедельничей газеты иметь своего собственного корреспондента в Париже слишком роскошно. Но я все-таки жду, что они кроме этого напишут мне что-нибудь.

Теперь мне, значит, нужно ликвидировать дела с ними.

Если газета прекращается 15<-го>, то они мне будут должны жалованье <за> ½ месяц<а> (50 р.) и гонорар за статьи, сколько там выйдет (я им за это время послал не меньше 1000 строк). Это прямой долг.

Но кроме того надо от них потребовать, чтобы они мне оплатили мое возвращение в Россию, т.е. чтобы кроме это<го> уплатили мне 150 р. (столько, сколько они мне дали на дорогу сюда).

Поэтому, мама, пожалуйста, пойди снова туда и выясни все это, частным образом поговорив с Янтаревым и официально с Бескиным. Я же напишу туда одновременно запрос и скажу, что вполне уполномачиваю тебя вести переговоры от моего лица.

Только то, что я пишу тебе об условиях, это «minimum», т<ак> к<ак> обычно газеты, отказываясь от услуг корреспондента, платят ему жалованье за 3 месяца вперед (так говорил мне Гр<игорий> Спир<идонович> об «Русском Слове»).[2] Те же, что прекращаются совсем, ничего не платят, разумеется. Но «Моск<овская> Газ<ета>» не прекращается, а только переходит в понедельничье издание. Есть, конечно, возмож-

* Меня увольняют *(фр.)*.

ность, что они захотят меня сохранить для этого издания, но сомневаюсь.

Итак, я буду скоро в Москве. Все же не сию минуту, потому что, пока нет Ел<изаветы> Сер<геевны> (а она мне пишет, что вернется лишь к рождеству, а может и позже рождества)[3] и в моем распоряжении ее мастерская – я хочу здесь остаться и буду работать для себя, для «Аполлона» и для Ежегодника.[4] А к январю приеду.

Если «М<осковская> Газ<ета>» заплатит мне все как следует и за дорогу, то я буду даже рад ее прекращению, т<ак> к<ак> мне совсем не нравится там писать, это отнимает не столько время, сколько не дает думать и работать над более важным и, кроме того, заставляет стараться выдерживать дух издания. А это отвратительно.

Как сошла операция Веры? Начала ли она занятия у Рабенек?[5] Вчера Марине отправил большое письмо об ее женитьбе.[6]

Радуюсь вскоре увидеть всех обормото́в. Очевидно, мне суждено все же присутствовать на Марининой свадьбе! Привет всем.

Крепко целую тебя. Что «Сфинкс»? Как досадно, что он не платит.[7] Я бы с таким удовольствием стал бы переводить «Manette Salomon», если бы можно было поверить ему!

Max.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Почтовый штемпель отправления: Paris. 27 nov 11.

[2] Г.С. Петров; постоянно сотрудничал в ежедневной московской газете «Русское Слово»; в 1909 г. построил дачу в Коктебеле.

[3] 9/22 ноября Е.С. Кругликова писала Волошину: «В Париж еще не знаю когда попаду. Или в половине декабря, или же после Рождества»; в том же письме она сообщила о встрече в Москве с Е.О.: «Она говорит, что твоя газета хоть и плохая, но в смысле платы задержек не делает. Критиковала твои статьи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 716).

[4] Имеется в виду «Ежегодник Императорских Театров». В 1910 г. Волошин опубликовал в этом издании две статьи – «Современный французский театр» (Вып. 1, 3) и «“Братья Карамазовы” в постановке Московского Художественного театра» (Вып. 7); после этого его сотрудничество в «Ежегоднике...» не возобновлялось.

[5] 31 октября / 13 ноября Е.О. сообщала Волошину о В.Я. Эфрон: «Вера уже принята у Рабенек, но еще не удосужилась начать там свои занятия»; 17/30 ноября она отвечала на вопрос Волошина: «Вера начала заниматься, но очень устает от своих занятий <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[6] В мемуарном очерке «Живое о живом» М. Цветаева сообщает, что Волошин на извещение о предстоящей свадьбе откликнулся письмом, в котором были «самые настоящие соболезнования»: он считал будущих супругов «слишком настоящими для такой лживой формы общей жизни, как брак». В ответном письме от 19 ноября Цветаева выразила свое возмущение волошинским «издевательством» (*Цветаева Марина.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 57, 75). О получении этого письма Волошина Е.О. сообщила ему 17/30 ноября: «Только что входила в мою комнату Марина и прочла нам (мне, Лиле, Вере) часть твоего письма к ней; чтение аккомпанировалось нашим дружным хохотом, хотя мы трое вполне уверены, что это бракосочетание лишь самый кратковременный “эпизод”, который для Сергея будет иметь самые плачевные последствия; он уже теперь выбит из колеи, и ему суждено остаться вековечным гимназистом на шее у сестер, которые в отчаянии от всей этой истории. Марина по объявлении себя невестой стала милее, разговорчивее, дружелюбней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). Ср. признания Е.Я. Эфрон в более раннем недатированном письме к Волошину: «С Мариной у нас странные отношения <...>. Я боюсь, что вся жизнь Серг<ея> будет исковеркана» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346, л. 20–21 об.).

[7] См. п. 301, примеч. 10, п. 306, примеч. 4. В ответном письме от 17/30 ноября Е.О. известила Волошина, что «от “Сфинкса” получила 80 р. с обещанием уплатить остальные 19–20-го сего месяца».

318. Е.Л. ЯНТАРЕВУ

14/27 ноября 1911 г. Париж[1]

27/XI 1911.

Многоуважаемый Ефим Львович,

Только что получил неожиданное извещение о том, что «Московская Газета» прекращает свое существование, как ежедневное издание. Но это лишь краткое печатное безымянное сообщение.... Я надеюсь, что получу еще раньше, чем Вы

это письмо, более подробное сообщение о том, каким образом хотите Вы, ликвидируя газету, ликвидировать меня — Вашего парижского корреспон<дента>, т<ак> к<ак> полагаю, что для понедельничьего издания это будет чересчур большой роскошью иметь собственного корреспондента в Париже.

Я сегодня утром еще написал своей матери просьбу зайти к Вам и переговорить обо всем от моего имени.[2]

Я обращаюсь к Вам, Ефим Львович, потому что Вы единственный человек, который отвечает на деловые письма.

Что касается тех гонорарных недоразумений, которые объяснились двухнедельной почтовой задержкой, то позвольте мне выразить Вам мою глубокую благодарность.

Передайте, пожалуйста, м<ой> привет и благодарность за п<омощь?>* Серг<ею> Георг<иевичу> Кара-Мурзе.

До свиданья.

Жду новостей.

Максимилиан Волошин.

[1] Закрытое письмо — «секретка». Почтовый штемпель получения: Москва. 18.11.11.

[2] См. п. 317.

319. С.К. МАКОВСКОМУ

14/27 ноября 1911 г. Париж[1]

Сергей Константинович,

Оставляю Вам рисунки m-re Ciolkowsky (того графика, о котором я Вам говорил).[2] Я просил его дать на время то, что у него было напечатано в разных журналах. Он просит вернуть их. Я зайду еще раз около 4 часов на всякий случай (я эти дни работаю в Национальн<ой> Библиотеке). Если успеете просмотреть рисунки, то оставьте мне их вместе с фотографиями танцовщиц[3] в бюро гостиницы. Я зайду и завтра по дороге в Нац<иональную> Библ<иотеку>. Дни мои в Париже,

* *Текст поврежден (вырезана марка).*

увы! сочтены, т<ак> к<ак> «Московская газета» закрылась. Я опять в полном кризисе.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

4 час<а>.

Серг<ей> Конст<антинович>. Я зайду к Вам завтра до 12 по дороге в Н<ациональную> Библиот<еку>. Пожалуйста, оставьте мне фотографии, рисунки m. Ciolkowsky (там в книгах они заложены) и несколько слов. Если возможно, дайте мне обещанные деньги.

[1] Написано на бланке «Hôtel Louvois» (ср. примеч. 1 к п. 316).

[2] Х.С. Циолковский – парижский художник-график (см. запись Волошина от 15 ноября 1904 г. о посещении его мастерской: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 181). Имеются сведения о визитах Волошина к Циолковскому 18 ноября и 3 декабря н.ст. 1911 г. (Труды и дни. С. 283, 285). В архиве Волошина сохранились три недатированных письма к нему Циолковского (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1263).

[3] Подразумеваются фотографии танцовщиц студии Э.И. Рабенек.

320. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

14/27 ноября 1911 г. Париж

Милая мама,

Только что получил твое письмо от 9/XI, а утром послал тебе весть о закрытии «М<осковской> Г<азеты>». У меня от этой вести настало самое радостное настроение: захотелось работать, рисовать, писать. От Гольдовской (Р<ашели> Мир<оновны>) я вчера как раз получил письмо.[1]

Вообще я очень доволен, что эта зима скомбинировалась так удобно между Парижем и Москвой. Я думаю только, что мне захочется в этом году пораньше вернуться в Коктебель одновременно с тобою. Впрочем, Бог весть, еще что захочется и что будет, когда я окажусь в Москве.

Я как раз получил письмо сегодня от Ел<изаветы> Серг<еевны>, что она вернется или к Рождеству, или позже

даже. Я думаю, что последнее вернее. И я тогда соображу отъезд свой с ее приездом.

Об твоем знакомстве с С.А. Толстой мне писала уже Марина, еще подробнее чем ты (о курице и орле).[2] Это все очень поучительно. Нет ли в С.А. какого-нибудь сходства с Ел<изаветой> Дмитр<иевой>? Мне почему-то кажется, что должно быть. Т.е. стало казаться после твоего разговора с Ел<изаветой> Дм<итриевой> о Толстом в прошлом году. Помнишь?

Как я радуюсь, что тебе хорошо и семейно жить в Москве, и как жаль, что мне нельзя будет устроиться непосредственно с вами. Или, может, можно, если Мар<ина> и Сер<ежа>, женившись, уедут?[3] Я теперь знаю план квартиры: мне Ася[4] прислала его (она ведь всегда все планы комнат и квартир снимает и зарисовывает).

В этом году в Париже все ко мне как-то очень хорошо относятся и особенно французы. У меня завязалось много настоящих французских дружб, чего раньше никогда не было.

Теперь печатаются (в период<ических> изд<аниях>) новый роман Анат<оля> Франса и нов<ый> ром<ан> Ан<ри> де Ренье, оба по началу очень интересные.[5] В субботу должен я познакомиться у Алекс<андры> Вас<ильевны> с Альфонсом де Шатобрианом, автором романа «M-r des Lourdines»,[6] который наверно должен получить в этом году Гонкуровскую премию (как Marg. Оду в прошл<ом> году).[7] Этот роман тебе верно очень понравится.

До свиданья. Крепко целую тебя. Прости, что я тебя все заваливаю поручениями и такими неприятными...

Мах.

[1] 9/22 ноября Е.О. сообщала Волошину о посещении Гольдовских: «Рашель Мироновна очень жалела, что ты уехал в Париж и Россия осталась без художественного критика» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). 28 ноября / 11 декабря Р.М. Гольдовская писала Волошину: «...может быть, это очень эгоистично с моей стороны, но я рада, что Моск<овская> Газ<ета> “приказала долго жить” <...> и что Вы возвращаетесь в Москву» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 434).

[2] 28 октября / 10 ноября 1911 г. М. Цветаева писала Волошину о Елене Оттобальдовне: «На днях она у Юнге познакомилась с Со-

фисей Андреевной Толстой. Та, между прочим, говорила: “Не люблю я молодых писателей! Все какие-то неестественные! Напр<имер>, Х. сравнивает Лев Николаевича с орлом, а меня с наседкой. Разве орел может жениться на наседке? Какие же выйдут дети?”» (*Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 55). О своем визите к Е.Ф. Юнге Е.О. сообщала Волошину 9/22 ноября: «При вторичном посещении Ек<атерины> Федор<овны> я познакомилась с С.А. Толстой. Она часа 1½–2 говорила без умолку, и мне очень жаль стало Льва Николаевича: ведь он 50 лет выслушивал ее равнодушно журчащую болтовню» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[3] «После венчания мы, наверное, едем в Испанию», – сообщила М. Цветаева Волошину 3/16 ноября (*Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 56). 28 ноября / 11 декабря Е.О. в письме к Волошину подтверждала это намерение: «К твоему возвращению в Москву в Обормот<ском> Гнезде наверное освободятся комнаты Марины и Сергея, т<ак> к<ак> они после свадьбы намерены ехать за границу, о чем мне под секретом сказала Марина, прося до поры до времени не говорить об этом Лиле с Верой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[4] А.И. Цветаева.

[5] Речь идет о романах «Боги жаждут» («Les Dieux ont soif») Анатоля Франса и «Амфисбена» («L'Amphisbène») Анри де Ренье.

[6] Александра Васильевна – Гольштейн. Упомянутый роман Альфонса де Шатобриана «Господин де Лурдин» (1911) был удостоен Гонкуровской премии. В архиве Волошина сохранилось письмо Шатобриана к Волошину, относящееся к концу 1911 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 252–253. Публ. П.Р. Заборова).

[7] Маргерит Оду (Audoux; 1863–1937) – французская писательница. Имеется в виду ее автобиографический роман «Мари-Клэр» («Marie-Claire», 1910). Лауреатом Гонкуровской премии 1910 г. был Луи Перго (Pergaud).

321. В.Я. ЭФРОН

14/27 ноября 1911 г. Париж

27/XI 1911. Вечер. Понедельник.

Милая Вера, сегодня утром я получил от «Моск<овской> Газ<еты>» извещение, что она перестает выходить, и страшно этому, неожиданно для самого себя, обрадовался. Точно гора

с плеч свалилась. Значит, я в январе приеду в Россию (уехать из Парижа сразу все-таки невозможно – проживу этот месяц для себя – работая и рисуя). Потом я стал всем с радостью сообщать эту новость. Сегодня понедельник – мой jour-fixe, и поэтому было очень много моих друзей. Все меня жалели и все радовались закрытию газеты. Приходил Бальмонт и возмущался на судьбу, которая не только не пускает меня в Полинезию, куда едет он,[1] но даже не допускает меня остаться в Париже.

Сегодня утром в Париже выпал снег. Теперь он превратился в черно-перламутровый туман. У меня в первый раз в мастерской пылает печь и стало очень уютно и хочется сидеть дома. Только что ушли от меня: очень милая танцовщица сестра Танечки Саввинской – твоей будущей подруги по школе Рабенек и....... Вера Михайловна. Я вчера познакомился с Верой Михайловной.[2] Я от Н.А. Милюковой (это и есть сестра Т<анечки> Сав<винской>) узнал, что она живет рядом со мной (9 Rue Campagne I-re). Я пошел к ней, чтобы познакомиться. Но когда ее увидал, то узнал, что познакомился с нею уже раньше: я видел ее у поэта Эренбурга (я его* ругал в прошлом году вместе с Игорем Северяниным[3]), но не знал, кто она: в полутьме она показалась мне очень юной девушкой. Я узнал от нее, что Петя в Давосе и что ему сейчас гораздо лучше, он очень прибавился в весе и процесс, по-видимому, прекратился.[4] Пишу это тебе на всякий случай, не зная, доходят ли до тебя сведения о нем. Она скоро поедет к нему, а пока она всю зиму живет в Париже одна и рисует.

Я теперь к ней очень присматриваюсь, стараясь не вспоминать того, что уже знаю, чтобы быть беспристрастным. Мне кажется, что внутренний строй ее жизни слишком определен тем, что она хорошенькая (что неизбежно ведет к эгоизму и известной рисовке). Излом ее носа говорит об женском упрямстве. Она, по-видимому, относится ко мне с интересом и хочет знакомства, но по некоторым намекам я вижу, что она боится, что я слышал об ней много дурного; но я, конечно, говорю, что слышал только хорошее. Она такая чуждая и да-

---

* *В автографе описка:* ее.

лекая твоему и Лилиному духу.[5] С ней, я представляю, как должно быть тяжело в отношениях, требующих чуткости и деликатности сердца. Но будучи посторонним, на нее приятно смотреть. Они вместе с Н.А. Мил<юковой> будут приходить ко мне в мастерскую упражняться в танцах и разучивать новые.

Я сегодня весь день в радужном настроении от того, что закрылась «М<осковская> Г<азета>». Это мне развязывает руки. Хотя я и писал туда ерунду, но все же это отнимало время, а прочитыванье 4—5 газет в день отравляло мозг и мешало делать что-нибудь другое. Сейчас я начну и рисовать и работать в библиотеках и писать большие интересные статьи. Словом, наслаждаться Парижем для себя. Я уже сегодня успел побывать в Нац<иональной> Библ<иотеке> и найти несколько мне нужных книг о танце. Я недавно получил от Эли Иван<овны> большое письмо об школе и все фотографии учениц[6] и глубоко ими наслаждаюсь. Видала ли ты их выступление? Наверное нет! Мне страшно интересны твои впечатления от школы и ото всех учениц. Непременно напиши мне.

Я получил только что вечером твое письмо и мамино.[7] Значит, Лиля уже выходит... Наконец-то. Копа[8] пишет мне очень смешные и наивные письма. Она очень маленькая. Я думаю об ней то же, что и в Коктебеле. Помнишь, мы говорили с тобой об ней. Я аккуратно ей отвечаю открытками. Я думаю, ей это хорошо.

Напиши мне, пожалуйста, о Марине и Сереже.[9] Мне хочется знать, как ты принимаешь их женитьбу? До свиданья, милая Вера. Мой нежный привет Лиле. Я очень радуюсь вернуться в добрую обормотчину, но не жалуюсь на судьбу, что она дала мне возможность пожить еще немного в милом Париже.

МАХ.

Влагаю письмецо для Пра.[10]

[1] К.Д. Бальмонт отправился в продолжительное морское путешествие из Парижа в конце января (н.ст.) 1912 г., 1 февраля отплыл из Лондона по Атлантическому океану в Южную Африку; дальней-

ший маршрут: Мадагаскар, Тасмания, Австралия, Новая Зеландия, группа островов Полинезии (Тонга, Табу, Самоа, Фиджи), снова Австралия, Новая Гвинея, Целебес, Ява, Суматра, Цейлон, оттуда через Порт-Саид в Марсель. Возвращение в Париж – 30 декабря 1912 г. См.: *Куприяновский П.В.*, *Молчанова Н.А.* «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М.: Индрик, 2003. С. 261–264.

[2] В.М. Равич – жена П.Я. Эфрона (старшего брата сестер Эфрон и С.Я. Эфрона), танцовщица, художница. В 1930-х гг. жила в Италии. В биографической канве, составленной в 1931 г., Волошин отметил знакомство с ней как одно из значимых событий своей жизни в 1911 г. (Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 276).

[3] Волошин имеет в виду свои статьи «“О модных позах и трафаретах”. Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер» и «Позы и трафареты (Стихи Э.И. Штейна и И. Эренбурга)», опубликованные в «Утре России», соответственно, 5 и 12 февраля 1911 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 373–382.

[4] П.Я. Эфрон был болен туберкулезом, лечился в Давосе (горноклиматический курорт в Швейцарии).

[5] Е.Я. Эфрон.

[6] Об этом письме Э.И. Рабенек см. примеч. 5 к п. 315.

[7] Имеются в виду письмо Е.О. Кириенко-Волошиной от 9/22 ноября 1911 г. (см. п. 320) и, возможно, недатированное письмо В. Эфрон, в котором, в частности, значится: «... надо писать, а то Пра отправит тебе письмо без меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 4–4 об.).

[8] К.П. Близниченко.

[9] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон.

[10] Имеется в виду п. 320.

322. С.К. МАКОВСКОМУ

16/29 ноября 1911 г. Париж

Дорогой Сергей Константинович,

Я совсем не рассчитывал Вас видеть сегодня лично, а думал, что Вы просто оставите мне фотографии и рисунки.[1] У меня сегодня весь день разобран и мне невозможно зайти к 6-ти часам. Но завтра (в четверг) я могу у Вас быть в 6 часов.

Если это Вам неудобно, то известите меня Petit Bleu.[2]

«Москов<ская> Газета» погибла безвозвратно. Я получил подтверждение.

Привет Марине Эрастовне.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 319.

[2] Телеграмма или письмо, посланное в Париже пневматической почтой.

[3] М.Э. Маковская.

323. ОСВАЛЬДУ ВИРТУ

20 ноября / 3 декабря 1911 г. Париж[1]

Cher Maître,

Permettez-moi de vous recommander Monsieur Theodor Sologoube, poète et romancier — premier styliste dans la littérature russe actuelle.[2]

M. Sologoube s'occupait beaucoup des questions d'occultisme. Il est traducteur en russe de Voltaire, des poésies de Paul Verlaine et d'Arthure Rimbaud.[3]

Acceptez, cher Maître, tous mes sentiments respectueux.

Maximilien Volochine.

Перевод:

Дорогой мэтр,

Позвольте мне порекомендовать вам господина Федора Сологуба, поэта и романиста, первого стилиста в современной русской литературе.[2]

Г. Сологуб много занимался вопросами оккультизма. Он — переводчик на русский язык Вольтера, стихотворений Поля Верлена и Артюра Рембо.[3]

Примите, дорогой мэтр, уверение в моем глубоком уважении.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 285.

[2] Поскольку данное письмо отложилось в архиве Ф. Сологуба, можно заключить, что писатель во время своего пребывания в Париже рекомендацией Волошина не воспользовался и к О. Вирту не обратился. Волошин общался с Виртом на протяжении ряда лет, подтверждением чего являются четыре письма Вирта к нему за 1908–1915 гг. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1393).

[3] Имеются в виду издания: *Вольтер.* Кандид, или Оптимизм. Роман / Перевод Федора Сологуба. СПб.: Пантеон, 1909 (см.: *Заборов П.* «Кандид» в переводе Ф. Сологуба // На рубеже двух столетий. Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 282–287); *Верлен Поль.* Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом (Федор Сологуб. Стихи. Кн. 7. Переводы из Верлена). СПб.: Факелы, 1907 (см. отзыв Волошина об этой книге: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 102–110). Переводы Сологуба из Артюра Рембо (из книги «Озарения») были впервые опубликованы позднее – в альманахе «Стрелец» (Сб. 1-й и 2-й. Пг., 1915–1916).

324. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

21 ноября / 4 декабря 1911 г. Париж[1]

17. Rue Boissonade.
4/XII 1911. Понедельник

Милая мама, твое письмо пришло сегодня утром (от 17/XI), но вот уже час ночи, а я только теперь успел его вторично внимательно прочесть, потому что, только что вставши (довольно поздно в 10½, т<ак> к<ак> нак<ан>уне до 4½ утра у меня сидел Сологуб),[2] я начал приготовлять комнату для танцевальных репетиций и побежал покупать печенья, коньяк и чай для понедельничьих гостей. Не успел я заправить варево из апельсинов, как пришла танцовщица – Н.А. Милюкова[3] (сестра Тани Саввинской – учен<ицы> Рабенек – помнишь, самой хорошенькой – блондинки). Потом пришла аккомпанирующая французская девица, аккомпанируемая толстой матерью, которая, очевидно, не решилась отпускать свою дочь одну в такое подозрительное место. Только что кончились танцы, как начали приходить гости. Сперва кубисты и тюбисты. Потом пришел человек с острова Явы с женой.[4] Потом

милая девица голландка, издающая детский журнал, который дети пишут сами. Потом Марья Сергеевна,[5] вся волнующаяся и замирающая. Потом Рене-Гили.[6] Затем уже начали входить десятками, и я только успевал наливать каждому по чашке черного чая и говорить по нескольку французских заклинательных любезностей. Потом пошли теософы, за теософами поэты, за поэтами музыкальные критики. Человек с острова Явы (он тоже музыкальный критик), сняв пиджак и пальцами указывая, какие у него должны быть бедра и грудь, танцевал танец яванских женщин и пел глухим, гнусящим голосом. Потом все смотрели фотографии Рабенековских танцовщиц. Потом я говорил в углу с Louis Laloіs (муз<ыкальный> крит<ик> и синолог)[7] об законах танцев и Дункан и Рабенек. (У меня вообще все последние дни идут разговоры о танцах. Я недавно три часа до исступления говорил о танцах с Брюсселем (муз<ыкальный> крит<ик> «Figaro»),[8] который пишет книгу о танцах, проповедуя ему Рабенек, которой он очень заинтересован.)

Потом я доставал аккомпаниаторов и композиторов для тех двух танцовщиц (Н. Милюковой и Вер<ы> Мих<айловны> Эфрон),[9] которые будут упражняться у меня в мастерской. А затем, когда последние гости ушли, не успев пообедать, надев смокинг и цилиндр, поехал в Grand Opéra на «Деяниру».[10] Там я сидел во втором ряду и все время, поворачиваясь, задевал локтем господина, имевшего вид английского посланника. А после того как Геркулес, сгорев на костре, оказался посредством волшебного фонаря на небе, побежал в кафе есть шукрут. Затем ехал на metro. Затем раздувал печку и прибирал 37 грязных чашек... И теперь больше не могу, т<ак> к<ак> у меня глаза слипаются, а завтра с утра придет учиться рисовать девица, бежавшая из Сибири, потом придут танцовщицы, потом художник рисовать мой портрет[11] и т.д. снова на весь день.[12]

Крепко тебя целую.

Мах.

P.S. Была ли ты в «Моск<овской> Газ<ете>»? Она мне должна 100 <р.>. И непременно хочу с нее получить 150 р. на обратную дорогу.

[1] Закрытое письмо – «секретка». Почтовый штемпель получения: Москва. 27.11.11.

[2] Ср. п. 323. Федор Сологуб вместе с женой, Ан.Н. Чеботаревской, приехал в Париж на несколько дней в конце ноября (н.ст.). О его взаимоотношениях с Волошиным см.: М.А. Волошин и Ф. Сологуб / Публ. В.П. Купченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 151–164.

[3] Танцовщица студии Э. Рабенек. В архиве Волошина сохранились 13 писем Н.А. Милюковой к нему за 1911–1912 гг. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 839). К Милюковой обращено стихотворение Волошина «То в виде девочки, то в образе старушки...» (декабрь 1911 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 183.

[4] По предположению Р. Дубровкина, Францискус Петрус Губертус Прик ван Вели (Prick van Wely; 1867–1926) – яванский музыковед.

[5] М.С. Безобразова.

[6] Рене Гиль и его жена Анна-Алиса Гиль (урожд. Бланшон; 1868–1936).

[7] Луи Лалуа (1874–1943) – французский музыкальный критик, музыковед, журналист. В архиве Волошина сохранились три письма Лалуа к нему (декабрь 1911 г. – 6 января 1912 г.). См.: *Заборов П.Р.* Луи Лалуа и русская культура // Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры: Межвузовский сборник научных трудов. Смоленск, 1992. С. 87–96.

[8] Робер Брюссель – французский музыкальный критик, автор книг «La Ballet» (1911) и «T. Karsavina» (1910).

[9] Имеется в виду Вера Михайловна Равич.

[10] Опера Камиля Сен-Санса (1910).

[11] Над портретом Волошина работал Эжен (Евгений Савельевич) Зак.

[12] 28 ноября / 11 декабря Е.О. сообщала Волошину: «Читала твое вчерашнее письмо с описанием твоего парижск<ого> дня Лиле и Вере. Они ревнуют тебя к танцовщицам, голландке, девице, бежавшей из Сибири, и говорят, что ты все хвастаешься» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

325. С.К. МАКОВСКОМУ

21 ноября / 4 декабря (?) 1911 г. Париж

Дорогой Сергей Константинович,

Позвольте мне Вам напомнить о двух вещах:

1) Фотографиях школы Рабенек.[1]

2) Деньгах.

И то и другое мне крайне необходимо.

Не заедете ли сегодня ко мне с Мариной Эрастовной? (Понедельник 4–7).

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 319, примеч. 3.

326. С.К. МАКОВСКОМУ

22 ноября / 5 декабря (?) 1911 г. Париж

Посылаю Вам, Сергей Константинович, письмо m-me Ory-Robin, только что мною полученное.[1]

В понедельник Вас напрасно ждал у меня Louis Lalois, как было условлено, а в субботу у m-me Гольштейн – Brussel.[2]

Увы! Вы стали неуловимы и неаккуратны...

Максимилиан Волошин.

[1] Бланш Ори-Робен – французская художница-прикладник (декоративные вышивки, ковры из веревок и т.п.). Имеется в виду ее недатированное письмо с вопросом о дне открытия петербургской выставки «Сто лет французской живописи» (см.: Русская литература и зарубежное искусство. Сб. исследований и материалов. Л.: Наука, 1986. С. 353. Публ. и коммент. П.Р. Заборова).

[2] Понедельник – 21 ноября / 4 декабря. Суббота – 19 ноября / 2 декабря. См. п. 324, примеч. 7, 8.

327. С.К. МАКОВСКОМУ

Ноябрь – декабрь 1911 г. Париж[1]

Сергей Константинович, позвольте мне направить к Вам Анну Михайловну Петрову, которая хотела бы предложить для «Аполлона» статью о скульпторе Бурделле и может дать несколько записей его уроков. Она Вам сама расскажет, в чем дело.[2]

[1] Записка на визитной карточке Волошина. Относится ко времени пребывания Маковского в Париже: не ранее 8 ноября н.ст., не позднее 23 декабря н.ст. (4/17 декабря 1911 г. Маковский сообщал Н.Н. Врангелю из Парижа: «Приеду в будущий понедельник 12-го дек<абря> по-русски» (ИРЛИ, № 6819).

[2] Дополнительными сведениями об этой русской посетительнице мастерской Эмиля Антуана Бурделя мы не располагаем. В архиве Маковского сохранились пять записок Анны Петровой, адресованных ему (две из них – на почтовой бумаге отеля Лувуа, в котором Маковский останавливался в ноябре–декабре 1911 г.); в двух записках говорится о статье, упоминаемой Волошиным: «Убедительно прошу Вас просмотреть мою рукопись – хотелось бы устроить маленький русско-польско-французский кружок и привлечь Бурделля и Нудэна <?> <...> И обо всем этом удобнее будет хлопотать, раз Вы меня включите в число Ваших сотрудников»; «Вот статья, про которую я вчера говорила; она не вся – не хватает нескольких заключительных строк. Если Вы найдете ее подходящей, я всегда могу взять оригинал у Бурделля и закончить». По всей видимости, Маковский не пошел навстречу пожеланиям Петровой и старался избежать общения с ней, о чем можно судить по ее записке, отправленной пневматической почтой 20 декабря н.ст. 1911 г., за несколько дней до его возвращения в Петербург: «Если не получу завтра в 12 часов от Вас ответа – решила покончить с собой» (ГРМ, ф. 97, ед. хр. 217).

328. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

7/20 декабря 1911 г. Париж[1]

Милая мама, я не писал тебе почти целую неделю: все мои дни были так же переполнены, как тот, что я как-то описал тебе в письме.[2] Вообще как только с моих плеч свалилось

бремя позора («Моск<овская> Газ<ета>»), как моя жизнь страшно развернулась и удесятерилась. Теперь уж мне кажется, что я связан снова с Парижем гораздо больше, чем с Москвой (конечно, пока я не приехал в Москву). Но мне кажется, что я еще никогда так не отдавался людям, как теперь, и никогда так не любил каждого встречного человека.

Я, между прочим, очень подружился за это время с Вер<ой> Мих<айловной>. Я очень понимаю, почему Лиля ее не любит и какие столкновения должны были происходить между ними.[3] И, конечно, никогда не буду сравнивать ее ни с Верой, ни с Лилей: она человек другого порядка и другой ценности человеческой, но так, как я встретился с ней сейчас, она мне очень нравится и своей безалаберностью и своей простотой (хотя она далеко не всегда проста). Я сейчас очень стараюсь, чтобы она была принята танцовщицей в «Théâtre des Arts», и я думаю, что это мне удастся, т<ак> к<ак> у меня там большие знакомства, там нуждаются в танцовщицах, а у нее есть все данные, чтобы понравиться именно в Париже. Устраивая это, я думаю об Лиле и Вере, так это материально обеспечит ее и, следовательно, снимет одно бремя с их семьи. Ты пока не говори им, пожалуйста, об этом, потому что, может быть, это и не удастся еще, и В.М. просила пока никому не сообщать об ее замыслах.

Не помню, писал ли я тебе о моем знакомстве с китайскими революционерами, с Шатобрианом?

Почти вся прошлая неделя у меня была занята Бальмонтом. Его судили за оскорбление полиции: проходя мимо городового, он сказал бывшей с ним Е<лене> Ц<ветковской>: «Закройте ваш сак» (по-русски), а городовой услышал: «Sale Vache»[4] и немедленно его арестовал. Словом, точное повторение «affaire Crainquebille».[5] Я устраивал ему свидетелей, говорил с адвокатами и т.д. (грозило не больше не меньше чем 6 месяцев тюрьмы). Все же его не оправдали, а приговорили к 50 фр. штрафа с применением loi Berenger.[6]

Мама, пожалуйста, пойди снова в «Московскую Газету». Я написал Бескину офиц<иальное> письмо, требуя денег на возвратный путь и говоря, что поручаю все переговоры тебе. Но об этом еще раньше писал Янтареву.[7]

[1] Закрытое письмо — «секретка». Почтовые штемпели: Paris. 20 dec 11; Москва. 11.12.11.

[2] Имеется в виду п. 324.

[3] Лиля — Е.Я. Эфрон. О реакции Веры Эфрон на это сообщение Е.О. известила Волошина 13/26 декабря: «Вера была страшно огорчена твоей дружбой с Вер<ой> Мих<айловной> и сказала: это все равно, т.е. такое же впечатление сделало на меня, если бы я узнала, что Макс подружился с разбойником, убившим мою мать, моего отца». На письме имеется приписка Веры Эфрон: «Мне странно, что ты не увидал истинной Веры М<ихайловны>. Узнай, если не трудно, о здоровье Пети, только не говори, что мы спрашиваем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[4] Vache (*фр.*) — корова; оскорбительное прозвище полицейских во Франции. Sale Vache — грязная корова.

[5] «Дело Кренкебиля». Подразумевается сюжет новеллы Анатоля Франса «Кренкебиль», входящей в его сборник «Кренкебиль, Пютуа, Рике и прочие назидательные рассказы» (1904).

[6] Дело Бальмонта разбиралось во Дворце правосудия 2/15 декабря. Ср. дневниковые записи Волошина: Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 318. Упомянутый закон Беренже (по имени французского политического деятеля Рене Беренже, 1830—1915) — закон об условном осуждении.

[7] См. п. 318. Письма Волошина к Э.М. Бескину, по всей вероятности, не сохранились. 28 ноября / 11 декабря Е.О. написала Волошину о том, что ничего не получила в редакции «Московской газеты»: «Мне только сказали, что тебе следует 102 р., которые они тебе высылают. На мой вопрос, а на возвратный путь 150 р.? — мне г-н Меснянкин (препротивный) ответил, что ты остаешься в Париже <...> Напиши им письмо с требованием этих денег, а мне дай доверенность на получение их» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

329. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

9/22 декабря 1911 г. Париж

22/XII 1911.

Милая мама,

Только что получил твое письмо, где ты пишешь о Елис<авете> Серг<еевне> и ее словах.[1] Все, что она говорила тебе, меня страшно изумило и совсем расстроило. Я ей сию же минуту написал письмо и в зависимости от ее ответа, тотчас

же по его получении покину ее мастерскую, а следовательно, и Париж. Я ей только что пред этим написал большое письмо, где описывал все, что делается в ее мастерской, и предлагал ей оставить в наследство некоторых из моих новых друзей, которые, по-моему, должны ей понравиться и доставить удовольствие. Я думаю, т.е. хочу думать, что ее выходка была мгновенным припадком раздражения, вызванным тайной досадой на то, что в ее мастерской *в ее отсутствие* идет такое веселье, в котором она не принимает участия, и эта досада пройдет так же быстро, как она возникла. Тем более что мастерская ее находится в несравненно большей чистоте и порядке, чем я застал ее сам. До пресса никто, ни я сам не дотрагивался, о провале пола не может быть и речи, т<ак> к<ак> танцы происходят совсем не в том отделении, где плохой пол. Я имел щепетильность сообщать ей все подробности хозяйства: о том, как я передвинул диван, и о том, что у 3-х чашек отбиты ручки; она же, я думаю, приняла это за деликатное подготовление ее к известию о полном разгроме ее мастерской.

Я все это только что написал ей и прибавил, что в случае если ей мое пребывание все же неприятно, то я тотчас же перееду (я не писал, что уеду из Парижа, потому что это ее тогда, конечно, очень стеснит).

Первая мысль моя была уехать тотчас же, но меня остановила мысль, что если это одна из ее мимолетных вспышек, то было бы жестоко ее так наказывать. Поэтому я никому об этом не буду говорить и буду ждать ее ответа. Если он не будет дружеским и не будет мне выражать доверия, то я уеду.

Но для этого мне нужно денег. Пока у меня остается ровно столько, чтобы прожить недели 2½–3 до ее приезда. Но мне на возвратный путь необходимо получить деньги с «Мос<ковской> Газ<еты>». Я туда написал большое письмо ред<актору> Бескину и предупредил его, что для переговоров и получения денег ты придешь к нему сама. Пожалуйста, сделай это и получи с них 150 руб. и перешли их тотчас же. Если же они категорически откажутся выдать мне их, то вышли сколько можно из денег, полученных от «Сфинкса», а остальные я постараюсь занять у Бальмонтов, т<ак> к<ак> на выезд мне понадобится около 150 р., не меньше (отправка книг,

багажа, некот<орые> покупки).[2] Но это я бы хотел только в крайнем случае.

Из письма твоего вижу, что Лиля уже выехала из Москвы.[3] И ничего не знаю, зачем, почему, куда, надолго ли? Может, через 2 недели она уже и не застанет меня в Париже... А я не знаю даже, куда ей написать.

Очень грустно будет мне покидать Париж; хотя в Москве так много мне близких людей, но при мысли о том, что снова придется видеть мос<ковские> редакции и постылых русс<ких> журналистов и литераторов, меня охватывает тоска смертельная.

Ужасно мне неприятна эта история с Елиз<аветой> Серг<еевной>. И главное, виноват я же сам: если б я ничего не писал ей, то она ничего и не знала, что у меня делается, а, приехав, была бы только обрадована. Очень это все глупо. Но как можно было предполагать...

До свиданья. Привет Вере, Марине, Сереже.[4]

Макс.

[1] В письме от 4/17 декабря Е.О. известила Волошина о встрече на открытии выставки «Мира Искусства» с Е.С. Кругликовой, «очень сердитой и раздраженной»: «Говорила она очень неприятным тоном, выражая свое неудовольствие, что в ее мастерской, на ее ветхом полу скачут танцовщицы, могущие проломить пол; что к тебе приходит Яша, чтобы варить и жарить на ее плите, значит, ее мастерская, только что заново отделанная, будет вся замазана, запачкана» и т.д.; «...она просила меня написать тебе и выразить свое неудовольствие. Она говорила очень возмутительно и была очень неприятна, точно с цепи сорвалась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[2] 13/26 декабря Е.О. сообщила об отправке Волошину 130 р., полученных в издательстве «Сфинкс», и обещала немедленно выслать остальные 120 р., по получении их в «Сфинксе» «на днях» (Там же).

[3] Об отъезде за границу Е.Я. Эфрон и А.И. Цветаевой Е.О. сообщила Волошину 4/17 декабря (с опиской: вместо «Лиля» – «Вера»; однако из последующего текста ясно, что В.Я. Эфрон осталась в Москве): «Вчера мы проводили на Брест<ском> вокзале Веру и Асю; последняя была окружена своими поклонниками и засыпана цветами; обе они, вероятно, дней через 20 будут у тебя в Париже».

В.Я. Эфрон писала Волошину 6/19 декабря 1911 г.: «Скоро увидишься с Лилей. Она уже выехала в Берн» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345). Об отъезде за границу сестры и Е.Я. Эфрон Волошину написала и М. Цветаева (3/16 декабря; см.: *Цветаева Марина*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 58). Дополнительные сведения Е.О. сообщила Волошину в письме от 13/26 декабря: «О Лиле знаю только, что она остановилась в Берлине, познакомилась с Эллисом, пришла от него в восторг, а теперь находится в Берне».

[4] О М. Цветаевой и С. Эфроне Е.О. писала Волошину 4/17 декабря: «...7–8 января, в день свадьбы выезжают за границу Сергей и Марина. Они оба последнее время стали гораздо милее, приветливее, а главное откровеннее; едут на днях к какой-то тетушке Марининой, затем в Петербург».

330. Е.Я. ЭФРОН

14/27 декабря 1911 г. Париж[1]

27/XII 1911. Paris.
17 Rue Boissonade.

Милая Лиля, я ответил тебе письмом в Берн во вторник (poste restante), как только твое поручение было исполнено:[2] подробности ты найдешь в том же <?> письме; мне не удалось передать его лично, но я отдал его слуге, которого он специально прислал за ним ко мне (это ведь был первый день праздника).[3] Ты верно уже получила это письмо, если оставила свой мюнхенский адрес в Берне. Извести заранее, когда приедешь в Париж.[4] Я постараюсь, чтобы В.М. к тому времени уехала в Давос, как она собирается.[5]

МАХ.

[1] Открытка; почтовый штемпель: Paris. 28.12.11. Отправлена в Мюнхен.

[2] Это письмо Волошина, по-видимому, не дошло до адресата (не было переслано из Берна в Мюнхен). Вторник – 13/26 декабря. Накануне, в первый день Рождества, Волошин ездил в Исси ле Мулино (близ Парижа) к французскому живописцу и графику Анри Матиссу (1869–1954), исполняя настойчивую просьбу Е.Я. Эфрон, сфор-

мулированную ею в недатированном письме из Берна: «Ты должен мне посвятить ближайший понедельник <...> поручение, кот<орое> я тебе даю, я могу доверить только тебе и никому другому – знай. Письмо, кот<орое> приложено к твоему, ты свези к Matiss'у *и сам твоими собственными руками передай ему в руки без свидетелей, без жены и без дочери. Это очень важно.* Милый Макс, устрой это как можно лучше. Matisse принимает по понедельн<икам>». Вновь о том же Е. Эфрон писала Волошину из Мюнхена 15/28 декабря: «...передал ли ты письмо? Я же тебе писала, как это важно, каждый день промедления мучителен. Ответь сейчас же, сию же секунду» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1346).

[3] Получив это сообщение, Е. Эфрон выговаривала Волошину в недатированном письме: «Макс, ты *очень напутал и очень подвел меня.* Письмо могло попасть в руки не Матисса, а кому-нибудь из семьи, несмотря на то что слуга был им прислан. <...> Ты хотя и постарался сделать все как можно скорее, но, может быть, причинил большой вред моему другу». В следующем, также недатированном, письме Е. Эфрон к Волошину интрига получала дальнейшее развитие: «Макс, ты, кажется, устроил ужасную вещь. Жена М<атисса> распечатывает все письма <...> слуга мог быть ею послан. Тогда получится ужасная история. Я выкрала письмо М<атисса>, чтобы ты мог сличить почерк (т<ак> к<ак> то письмо могло быть написано его женой). Сейчас же телегр<афируй> мне, т<ак> к<ак> я невозможно волнуюсь. Если это тот же почерк, то телегр<афируй> "поздравляю". Если не его, то "уезжаю" и больше ничего, я уж пойму. Пришли обратно письмо М<атисса> заказным. Милый Макс, прости, но я невозможно волнуюсь». Развитие той же темы – еще в одном письме Е. Эфрон к Волошину: «Я скрыла твою оплошность от чел<овека>, для кот<орого> все это делалось <...> Истории она мне устраивает невероятные, чуть не довела меня до нервного припадка <...> Может быть, поговоришь с Mat<isse'ом> по телеф<ону>, чтобы узнать, попало ли письмо ему в руки, т<ак> к<ак> Efron удивлена, что ей нет никакого ответа» (Там же). В чем суть этой ситуации с письмом к Матиссу, как она разрешилась, была ли в ней Е. Эфрон лишь посредником или заинтересованным участником, – однозначного разъяснения мы дать не можем; скорее всего, в данном случае первопричина коренится в пребывании Матисса в Москве в конце октября 1911 г. (упомянутое его письмо относится, видимо, к той же поре).

[4] В цитированном письме к Волошину, отправленном из Берна, видимо, 8/21 декабря, Е. Эфрон сообщала: «Через 2 недели буду в Париже».

[5] Имеется в виду поездка В.М. Равич к П.Я. Эфрону (см. примеч. 4 к п. 321). В том же письме Е. Эфрон просила Волошина: «Узнай адрес Пети в Davos'е, но не говори Вере Мих<айловне> о моем приезде, я, может быть, и не повидаюсь с ней в Пар<иже>».

331. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

17/30 декабря 1911 г. Париж

30/XII 1911.

Милая мама,

Пишу тебе сейчас очень торопясь. Уже поздно, а завтра надо в 7 ч. вставать, чтобы поспеть на поезд: мы едем с Мар<ией> Сер<геевной> (Безобразовой) к Гольштейнам за город (в Монфор) встречать новый год. Сегодня утром я получил твое письмо, а сейчас, вернувшись, нашел повестку на деньги от Crédit Lyonnais.[1] Но я их не смогу получить раньше чем через 3 дня, благодаря праздникам. Большое спасибо тебе за твои хлопоты. А Меснянкину я сегодня же написал, требуя еще 50 руб.[2] Меня очень изумил аванс в 43 р., но потом я сообразил, что это те телеграфные деньги, которые мне были выданы при отъезде. Однако они и здесь меня обсчитали рубля на 4. Но это пустяки.

Я сию минуту не могу тебе ничего точного сказать о моем приезде и о том, оставлять ли мне комнату. Я напишу тебе через несколько дней. Надо сообразить все и обдумать средства и свои планы. Хочется тоже сперва дождаться приезда Лили.[3] Конечно, мне хочется подольше продлить свое пребывание в Париже: оно так богато для меня.

Елисав<ете> Сергеев<не> я написал после твое<го> письма тотчас же большое письмо оправдательное. Но в тот же день вечером получил от Толстых весть о смерти Нат<алии> Сер<геевны>[4] и тотчас же написал ей еще письмо уже об этом.

Через два дня после этих писем я получил от Ел<исаветы> Серг<еевны> письмо о смерти Нат<алии> Серг<еевны>, проникнутое глубоким отчаянием. Она к нему приписала:

«Видела (значит, накануне смерти) твою маму и, кажется, тебя ругала, но это потому, что я была очень нервна в тот день»...[5]

Да при таком несчастии разве возможно быть ответственной за свои слова... Отчего умерла Нат<алия> Сер<геевна>? Какая это несправедливая смерть!

Я не смогу сейчас ответить Вере.[6] А мне бы очень хотелось ей написать. Но это уж до понедельника, когда я вернусь в Париж.[7]

Мне очень больно, что она приняла *так* мою дружбу с В.М.[8] Я прекрасно понимаю все ее недостатки. Но ведь я каждого человека беру с его положительной стороны и совершенно сознательно стремлюсь разучиться судить и осуждать. Я прекрасно сознаю, что дружественные отношения с В.М. могут быть только кратковременны, но я хочу воспользоваться ими, чтобы сделать то, о чем я писал тебе. Это будет всем полезно. А если б я подошел враждебно, то это было бы невозможно. Я стремлюсь в *каждом* человеке, которого судьба ставит на моем пути, найти те стороны, за которые его можно полюбить. Эти стороны почти всегда его воля к жизни и горение. Мне кажется, что только этим можно призвать к жизни хорошие черты человека, а не осуждением его недостатков, которые только утверждаются и растут от осуждения. Их нужно просто не видеть, просто не ставить человека в такое положение, в котором они могут проявляться. И главное *не судить*, если только хватит силы на это. Это все я требую только от себя, а не от других.

Это все я сейчас пишу больше для Веры, чем для тебя.[9]

До свиданья.

Макс.

[1] Письмо Е.О. от 13/26 декабря и перевод денег, полученных в издательстве «Сфинкс» (через банк «Лионский кредит»).

[2] Речь идет о получении денег от «Московской газеты», причитавшихся Волошину как ее парижскому корреспонденту на обратную дорогу в Россию. Николай Прокофьевич Месняนкин – издатель «Московской газеты».

[3] Е.Я. Эфрон приехала в Париж 27 декабря 1911 / 9 января 1912 г.

[4] Толстые – А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая. Наталья Сергеевна Кругликова, сестра художницы, скончалась 4 ноября 1911 г. А.Н. Толстой сообщил об этом Волошину в недатированном письме (получив известие от брата покойной Н.С. Кругликова // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1188, л. 27).

[5] 15/28 декабря Е.С. Кругликова писала Волошину (на почтовой бумаге с траурной каймой): «Дорогой Макс, получила вчера Твое письмо, такое хорошее, прочувствованное, глубокое. Спасибо тебе, дорогой друг»; коснулась она и его «оправдательного» письма: «Третьего дня получила Твое письмо, и очень стало жаль, что я огорчила тебя. Совершенно верно, что я придала не то значение тому, что ты писал в предыдущих, и вообще в тот день была раздражена. Ну, забудем об этом. Живи сколько хочешь и пользуйся всем, что есть в моей мастерской» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 716).

[6] В.Я. Эфрон. В письме к Волошину от 6/19 декабря 1911 г. (полученном в Париже 9/22 декабря) она сообщала о своих занятиях в школе-студии Э.И. Рабенек: «Ты все спрашивал о впечатлении школы Рабенек, но из твоих знакомых я только видала Вульф и Воскресенскую, последняя с нами занимается. Она мне оч<ень> и оч<ень> нравится. Саму Эливан <Э.И. Рабенек – *Ред.*> не видала или, вернее, сегодня в первый раз <...>. Они теперь много танцуют на веч<ерах>, но еще из нашего обормотского гнезда их никто не видел» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345). Кроме того, В. Эфрон сделала пространную приписку к письму Е.О. к Волошину от 13/26 октября, в которой реагировала на сообщение о его встречах с В.М. Равич: «Мне странно, что ты не увидал истинной Веры М<ихайловны>. Узнай, если не трудно, о здоровье Пети, только не говори, что мы спрашиваем» (Там же, ед. хр. 654, л. 78 об.).

[7] Понедельник – 19 декабря 1911 / 1 января 1912 г.

[8] В.М. Равич. См. примеч. 3 к. п. 328.

[9] Отклик В. Эфрон на эти слова – в недатированном (предновогоднем) письме к Волошину: «...если бы ты только знал, какие пуды ты снял с моей души относительно В.М. Не могла себе представить вашей дружбы и ты для меня делался непонятным и чужим. Я страшно спешу, но не черкнуть об облегчении своем не могла» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1345, л. 11–11 об.).

332. В.Я. ЭФРОН

Около 19 декабря 1911 г. / Около 1 января 1912 г. Париж

Милая Вера,

здоровье Пети сейчас значительно лучше.[1] Ему доктор недавно сказал, что когда он приехал в Давос в конце лета, то почти не было надежды на выздоровление. Между тем как теперь все идет к выздоровлению: из 4 каверн затянулись совсем две, а две постепенно затягиваются. Уж из того, что доктор нашел возможным ему сказать это, видно, что ему гораздо лучше.

Лиля мне теперь пишет из Мюнхена и собирается в Париж дней через 10.[2]

В<ере> М<ихайловне> я ничего не говорю ни о том, что Лиля за границей, ни о том, что Сер<ежа> женится;[3] вообще избегаю всяких разговоров о вас. Ты напрасно думаешь, что я не вижу и не понимаю В<еру> Мих<айловну>. Я думаю, что вижу и понимаю ее совсем объективно и холодно. Я прекрасно понимаю, какую дисгармонию она представляет в такой семье, как Ваша, и глубоко понимаю всю неизбежную враждебность, которая должна была возникнуть. Но я хочу брать человека всегда с его положительной стороны (как я брал Копу,[4] например).

Это так важно и нужно в жизни. Но только это надо делать сознательно, потому что всякая идеализация и связанная с ней слепота еще вреднее, чем осуждение и неприязнь.

Но у меня нет, мне кажется, слепоты по отношению к В<ере> Мих<айловне>.

Но я ее заставляю обращаться к себе лишь хорошими сторонами своей природы, которые, конечно, в ней не отсутствуют.

Поэтому, пожалуйста, не огорчайся на то, что я называю своей «дружбой» с В<ерой> М<ихайловной>.

До свид<анья>. Max.

[1] См. примеч. 4 к п. 321.

[2] См. примеч. 3 к п. 331.

[3] См. примеч. 5 к п. 330, примеч. 2 к п. 315.

[4] К.П. Близниченко.

333. В.Ф. ПРОРУБНИКОВУ

26 декабря 1911 г. / 8 января 1912 г. Париж

Многоуважаемый Владимир Феодорович,

Я решил не продолжать моих переводных работ для «Сфинкса», пока наши расчеты за перевод Мюссе не будут закончены.[1] Теперь, когда, судя по письму моей матери, деньги мне будут окончательно выплачены (или, может быть, уже выплачены), я готов продолжать нашу совместную работу.[2] Спешу повторить Вам, что, раз я могу быть уверен в уплате, я с большим удовольствием приступлю к осуществлению тех проектов, о которых мы с Вами уславливались прошлою весною.

Я очень хочу перевести и «Manette Salomon» и «Femmes aux XVIII siècle» Гонкуров.[3]

Поэтому прошу Вас, если только Вы хотите иметь меня переводчиком, известить меня немедля о том, что Вы готовы продолжать начатую нами работу, и я примусь за «Manette Salomon».

Чем скорее Вы мне напишете, тем скорее этот перевод будет сделан.[4]

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Paris. 17 Rue Boissonade. 8 I 1912.

[1] См. примеч. 10 к п. 301.

[2] См. примеч. 1 к п. 331.

[3] См. примеч. 4 к п. 306.

[4] Прорубников ответил Волошину 14/27 января 1912 г.: «Меня несколько удивило Ваше сомнение в том, хочу ли я иметь Вас своим переводчиком. Ведь вопрос этот был у нас с Вами решен очень давно, и Вам были предложены мною для перевода Мюссе и Гонкуры. Переведя Мюссе, Вы сами не хотели приняться за Гонкуров и исключительно по денежной причине». Признавая нарушение договоренностей относительно сроков гонорарных выплат, Прорубников далее заявлял: «...на будущий раз таких больших задержек не будет, и потому прошу Вас по получении сего письма приняться за перевод "Manette Salomon"» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1004). После этого отношения Волошина с издательством «Сфинкс», насколько известно, не возобновлялись.

334. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

26 декабря 1911 г. / 8 января 1912 г. Париж.

8/1 1912. Понедельник.

Милая мама.

Я встречал Нов<ый> Год (н.ст.) у Гольштейнов под Парижем: они теперь имеют постоянный маленький домик невдалеке от Монфора в Галлюи. Это всего 45 кил<ометров> от Парижа, но это такая тишина и глушь, что кажется, что находишься во многих часах от него. Алекс<андра> Вас<ильевна> называет это «собственное имение Мордасы́».

Но, вернувшись оттуда, я по дороге верно простудился и всю эту неделю сидел дома: жар, кашель, хрипота, бронхит, даже немного астмы: словом, то, что у меня было когда-то в Петербурге, только в миниатюре. И теперь еще, хотя все уже проходит, я еще не решаюсь выходить из дому, чтобы как-нибудь не простудиться снова. Это сиденье дома навело на меня немного уныния и апатии: когда уже дни в Париже сосчитаны, это досадно. Но несмотря на то, что я был теперь совсем свободен – я за эту неделю не написал ни одной строчки ни писем, ни статей: напала страшная лень: все время почти я лежал и спал.

Только что получил из Мюнхена телеграмму, очевидно, от Лили, хотя подписано что-то ни на что не похожее. Она приезжает в Париж завтра. По ее письма<м> я вижу, что она очень подружилась с Маргорей,[1] которая по-прежнему в Мюнхене и в Париж, кажется, не приедет.

Эта неделя с простудой очень мне помешала в моем решении относительно отъезда, и сейчас я еще ничего как-то не могу решить твердо. Конечно, мне хотелось бы остаться в Париже как можно дольше.

Ел<изавета> Сер<геевна> написала мне дружественное страшно трогательное письмо, где <?> она очень жалеет о случившемся припадке раздражения и просит жить и делать в ее мастерской все, что я хочу.[2] Прибавляет, что ни в каком случае раньше начала февраля не приедет.

Мне хотелось бы поэтому остаться в Париже еще весь январь и приехать в Москву к началу русс<кого> февраля.

Из Парижа мне ведь тоже довольно трудно уехать. Мне здесь даже предлагают взаймы сколько угодно, только бы я оставался. Недавно Виттиг (тот скульптор, что делал мой бюст), узнав, что я уезжаю, потому что у меня нет денег, предлагал мне сколько угодно – 600, 700 fr., только чтобы я остался.

Эта неделя ничегонеделанья расстроила мои планы работ и разбила настроение. Теперь я не знаю еще, за что я примусь немедленно, как почувствую себя свободным.

Мне теперь после Парижа, где я так насыщен людьми, даже не очень хочется быть долго в Москве, а хочется поскорее быть в Крыму с ранней весны, чтобы приняться там со страстью за работу и, главное, за рисованье. Когда раскрываю свой коктебельский альбом, я вновь понимаю, почему мне *так* не хотелось именно в ту минуту уезжать из Коктебеля, когда пришла та телеграмма от «Мос<ковской> Газ<еты>».[3] Я, конечно, очень доволен, что все так случилось. Но раз я уезжаю из Парижа, то хочется как можно скорее вернуться к тому, что было прервано осенью.

Мне будет только ужасно жаль, если Вера[4] не приедет этим летом в Коктебель. Мне ужасно хочется, чтобы она была там. Что Лиля не приедет – я это знаю, – ей вредно, и я, пожалуй, примиряюсь с этим. Но отсутствие Веры для меня было бы очень, очень печально.

Ты не говорила еще с ней об ее планах на лето?

Только что кончился мой понедельничий прием. Было, как всегда, очень много народа. Танцевала Наташа Милюкова. Теперь все разошлись, и я скоро ложусь спать.

«Сфинкс» вообще начал платить, и Якс от него получил на днях первую плату по телеграфу.[5] Я надеюсь, что он уже выплатил тебе остальное.

Как по-твоему, можно для него переводить еще?[6] Потому что мне ужасно хочется перевести заказанную им мне «Manette Salomon». Я ему написал об этом.[7] Если ты еще увидишь его после этого письма, то поговори с ним и посоветуй мне, как себя гарантировать.

У нас было с ним письменное условие, по которому я получаю от него за «Man<ette> Sal<omon>» 600 р. в два при-

ема: 300 по предст<авлении> перв<ой> половины рукописи, 300 после второй.

Нельзя ли с него потребовать аванс?

Целую тебя и Веру.

С Новым Годом!

Max.

[1] Лиля – Е.Я. Эфрон, Маргоря – домашнее имя М.В. Сабашниковой. Е.О. спрашивала Волошина в недатированном письме (декабрь 1911 г.), познакомилась ли Е.Я. Эфрон с нею и «какое они произвели впечатление друг на друга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[2] Упоминается Е.С. Кругликова. См. п. 331, примеч. 5.

[3] Подразумевается телеграмма из редакции «Московской газеты» с предложением Волошину стать ее парижским корреспондентом (см. п. 283).

[4] В.Я. Эфрон.

[5] Якс – Я.А. Глотов. В цитированном выше письме Е.О. сообщила, что полученные от «Сфинкса» последние 50 р., причитавшиеся Волошину, вышлет после праздников.

[6] Е.О. отвечала 1/14 января: «...можно ли для “Сфинкса” переводить еще. Да, при условии получить авансом половину условленной платы и выслать весь перевод только по получении остальной суммы, как делает с ним Венгерова <...> чтобы получить твои деньги, мне пришлось бегать к нему 1½ месяца, делать скандалы, писать на барышню, которая 3 раза назначала мне сроки платежей и не платила, жалобу Прорубникову, которого я за все время ни разу не видала. <...> Вообще его дела идут плохо, говорят» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654. З.А. Венгерова перевела для собрания сочинений братьев Гонкур, издававшегося «Сфинксом», роман «Жермини Ласерте»).

[7] См. п. 333.

335. А.М. ПЕТРОВОЙ

26 декабря 1911 г. / 8 января 1912 г. Париж[1]

8/1 1912. Paris.

Милая Александра Михайловна,

Поздравляю Вас с новым годом. Простите меня, что так долго ничего не писал Вам: после суматохи разных дел я уезжал из Парижа, после простудился и до сих пор еще не выхо-

жу из комнаты.[2] Я написал Нат<алье> Ник<олаевне> и прошу ее прислать как можно скорее фотографию и описание гравюры:[3] это необходимо, чтобы можно было об ней посоветоваться. Мне не хочется уезжать из Парижа. В Москву не тянет. Но в Коктебель, и как можно раньше весной, тянет очень. Хочется рисовать: здесь (увы!) нет обнаженной земли, а я все думаю об ней. Привет Костеньке.[4] Хочется Вас видеть. Это лето, кажется мне, будет уединенное и строгое.

Max.

[1] Открытка с цветной репродукцией картины Альбера Бенара (Besnard) «Счастливый остров»: «L'ile heureuse» (fragment d'un hors-texte d'Art et Décoration).

[2] 18/31 декабря 1911 г. Волошин выехал с М.С. Безобразовой и Я. Глотовым в Монфор к Гольштейнам на встречу Нового года. Вернулся в Париж 19 декабря 1911 г. / 1 января 1912 г. По возвращении в Париж заболел (Труды и дни. С. 288–289). См. п. 334.

[3] Отклик на просьбу Н.Н. Полуэктовой, с которой А.М. Петрова обратилась к Волошину в недатированном письме: «Дело в том, что у Владимира Антоновича есть подлинная гравюра Рембрандта, но третий оттиск. Первого уже нет нигде, второй (один из них) в прошлом году был продан за 75 тысяч франков во Франции; третьих, вероятно, тоже весьма не много. Наталья Николаевна просит очень Вас узнать, нельзя ли и за сколько продать эту гравюру. Если бы Вы нашли возможность прийти к ней на помощь в данном случае, то она снимет фотографию с этой вещи и перешлет ее Вам для показа». (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 952, л. 71). Фотографию гравюры Рембрандта Н.Н. Полуэктова выслала из Феодосии 4/17 января 1912 г.

[4] К.Ф. Богаевский.

336. В.Я. ЭФРОН

27 декабря 1911 г. / 9 января 1912 г. Париж[1]

Милая Вера, поздравляю Тебя с Нов<ым> Год<ом>. Сегодня (вероятно, через час или два) приезжает Лиля.[2] Жду ее с нетерпением и любопытством, но не могу поехать на вокзал, потому что не выхожу из-за простуды.

Всего лучшего.

Max.

[1] Открытка с репродукцией: Albert Besnard. «L'ile heureuse» (fragment d'un hors-texte d'Art et Décoration); почтовые штемпели: Paris 9 janv. 12; Москва. 31.12.11.

[2] Е.Я. Эфрон поселилась в Париже по адресу: rue Gobelins, 5.

337. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

28 декабря 1911 г. / 10 января 1912 г. Париж[1]

10/1 1912. Paris.

Милая мама, вчера приехала Лиля.[2] Я ее не мог встретить, потому что еще не выхожу из дому. Она остановилась 5 Rue des Gobelins (Epstein). Потом приехала ко мне. В восторге от Марг<ариты> Вас<ильевны>.[3] Из Парижа снова возвращается в Мюнхен, потому что Аморя хочет писать ее портрет. Кроме того, ее там хотят обратить в теософию, но это, кажется, ее мало прельщает. Я ей дал билетов в театр. И она исчезла. Сегодня сказала, что не успеет зайти. У нее вид похудевший (что ей к лицу), но вполне здоровый. После ее ухода получил твое письмо и послал ей по почте. Получил письмо от Аси:[4] она не приедет в Париж, т<ак> к<ак> утомлена от городов и едет в Ниццу. С В.М.[5] Лиля верно не встретится, т<ак> к<ак> та послезавтра уезжает в Давос.[6] Спасибо за все твои хлопоты у Сфинкса и «Мос<ковской> Газ<еты>». Ты сейчас сдела<ла> все то, что возбуждает всегда во мне такое отвращение к рус<ской> литер<атуре>. И я ведь это все умею делать хуже, чем ты.

Целую тебя и Веру.[7]

Max.

[1] Открытка с репродукцией японского пейзажа. Почтовые штемпели: Paris. 10 janv. 12; Москва. 1.1.12.

[2] Е.Я. Эфрон.

[3] М.В. Сабашникова.

[4] А.И. Цветаева. Упоминаемое письмо в архиве Волошина отсутствует.

[5] В.М. Равич.

[6] См. п. 332, примеч. 4 к п. 321.

[7] В.Я. Эфрон.

338. Е.Я. ЭФРОН

28 декабря 1911 г. / 10 января 1912 г. Париж[1]

Милая Лиля, только что ты ушла, пришло от Пра письмо для Тебя – вложенное в мое.[2] Спешу тебе его переслать, т<ак> к<ак> ты сказала, что не зайдешь завтра.

МАХ.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 10 janv. 12.

[2] Имеется в виду недатированное письмо Е.О. Кириенко-Волошиной, отправленное, видимо, не позднее 25 декабря 1911 / 7 января 1912 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654, л. 78–78 об.).

339. А.М. ПЕТРОВОЙ

31 декабря 1911 г. / 13 января 1912 г. Париж[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Сейчас суббота, 13 января и около 10 часов (слышу, как консьерж идет по двору, чтобы тушить фонари): это значит, что сейчас у Вас полночь и наступает Новый год. Я один сегодня вечером, и мне хочется говорить с Вами, как я уже несколько раз беседовал с Вами издалека под новый год. Здешний новый год я встречал за городом у Гольштейнов, под Монфором.[2] Это была тихая лунная ночь, которую почти всю пробродил по безлюдным дорогам и лесным тропинкам.

Сейчас вечером я был у Бальмонтов,[3] но не захотел остаться с ними и ушел домой, потому что захотелось почувствовать одиночество, грусть и говорить с Вами.

Сейчас я (как уже делаю несколько лет в этот день), раскрыл несколько раз Евангелие и записал то, что открылось, в свою тетрадь, где пишу стихи, под знаком нового года. Сперва открылась угроза из Второзакония: «...Ибо сие есть Мерзость перед Господом и не порочь земли, которую Господь дает тебе в удел»...[4]

Вторым вышло от Иоанна: «Истинно говорю Вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни»...[5]

Вот мои прорицательные антиномии на наступающий год. Когда я раскрываю то, что открылось мне в ночь на 1911 год, я вижу, что много во мне было за истекший год определено ними. Там записаны два текста:

«Вложу законы мои в мысли их и напишу их на сердцах их».[6]

«Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом по земле».[7]

Первое сбылось за этот год. О, не в полноте, конечно! Но я понял радость нести в себе *Закон,* не внешний, а внутренним инстинктом познаваемый. Истекший год был моим счастливым годом. Между мною и людьми упала еще одна грань.[8] Я сделал шаг к единству. У меня бывали минуты нежной любви к *каждому,* к *любому* человеку. Я за этот год внутренно понял, что не нужно *судить* людей, что не нужно *выбирать* людей, а брать тех, кого приносит судьба? Второй текст меня глубоко волнует своей таинственностью: Вы помните, когда это происходит? После слов «пусть тот первый бросит камень...» Но ЧТО же чертил Он на земле?..[9]

Я думаю, что рано приеду в Коктебель в этом году. У меня уже подымается смутная тоска по Киммерии.[10] И знаете ли, в каком плане? Хочется безумно рисовать: Киммерию рисовать. Здесь в Париже моя зрительная страсть как бы потухла: нет потребности зарисовывать видимое. А между тем я все время мечтаю о живописи, но только о том, как я буду писать Киммерию. Когда бываю в музеях, то смотрю на пейзажи с мыслью: а как это можно применить там? Когда приеду, буду ходить целыми днями по горам и рисовать. Как хочется увлечь мне Кон<стантина> Феод<оровича>[11] вновь к работе с натуры, заставить его снова ближе, интимнее подойти к существующему пейзажу Киммерии, преображая его в трагическом углублении, а не в сновидениях-миражах, как он это делает последние годы.

Мне хочется долго не писать статей: я достану, может, переводов и тогда запрусь в Коктебеле: буду рисовать, писать стихи и часа три ежедневно переводить.[12]

Я теперь приеду иным, чем в прошлом году, и более близким Вам, Александра Михайловна.

У меня немного тоже чувство опять, что было и перед последним моим возвращением в Россию: ужас перед новым погружением в хаос из того ясного логического и успокоенного строя жизни, который окружает здесь, отвращение к русским внешним проявлениям общественности (литературным, в частности) и тайная тоска по отдельным русским душам с их темной и трагической гениальностью. Так можно Россию чувствовать отсюда.

Еще несколько слов о внешней жизни: на дня<х> приехала в Париж Лиля Эфрон. Она была в Мюнхене и подружилась сразу и очень с Марг<аритой> Васильев<ной>. Она обещала ей еще вернуться в Мюнхен для того, чтобы позировать ей для портрета. Маргоря говорила Лиле, что хочет весной приехать в Феодосию. Я, верно, не увижусь с нею: она не приедет теперь в Париж. И по разным словам, которые Лиля пересказывала, не ведая, я вижу, что еще рано нам встречаться. Когда же мы сможем встретиться наконец? Я жду терпеливо и не хочу самовольно предупреждать случая.[13]

До свиданья, дорогая Алекс<андра> Мих<айловна>.
С Новым годом.

Мах.

13/1 1912.

[1] В автографе описка «13 декабря».

[2] См. п. 335, примеч. 2.

[3] К.Д. Бальмонт и Е.К. Цветковская снимали в Париже квартиру на улице де ла Тур, 60.

[4] Втор XXIV, 4.

[5] Ин. VI, 53–54. В творческой тетради Волошина выписана, кроме этих, еще одна цитата: «Потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом» (1 Кор. XIV, 2).

[6] Евр. VIII, 10.

[7] Ин. VIII, 6.

[8] Ср. стихотворение Волошина «Замер дух – стыдливый и суровый...» (18 января 1912 г.). См.: Т. 1 наст. изд. С. 149.

[9] Эту свою жизненную философию и позицию Волошин излагает и в письме к матери от 17/30 декабря 1911 г. (п. 331).

[10] Так Волошин называл Восточный Крым (от Керчи до Судака), где некогда обитали легендарные киммерийцы.

[11] К.Ф. Богаевский.

[12] К этому времени у Волошина завязались отношения с московским книгоиздательством «Сфинкс», для которого он должен был перевести четыре новеллы А. де Мюссе и получил заказ на перевод романа Э. и Ж. де Гонкуров «Манетт Саломон» (см. п. 301, примеч. 10, п. 306, примеч. 4, п. 333, примеч. 4).

[13] См. п. 336.

1912

340. Е.Я. ЭФРОН

1/14 января 1912 г. Париж

Милая Лиля,

не забудь, что завтра (понедельник) от 4—7 я тебя жду. Для тебя есть письмо от Сережи (большое),[1] которое передам завтра.

Макс.

С новым годом!!
Воскресенье 1/13 1912.

[1] Имеется в виду письмо С.Я. Эфрона от 27 декабря 1911 / 9 января 1912 г. из Москвы; опубликовано в кн.: *Цветаева Марина.* Неизданное. Семья: История в письмах. С. 122—123.

341. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

6/19 января 1912 г. Париж

19/I 1912.

Милая мама,

Спасибо за вторую присылку денег (314 f.), которые получил вчера.

У меня, кажется, возникает возможность новой газеты: я получил недавно письмо от А.В. Руманова (представитель Сытина в Петербурге и мой хороший знакомый), в котором он мне сообщает, что в Петербурге близится к осуществлению очень большая газета, и просит меня держать его постоянно в осведомленности о моем адресе, чтобы иметь всегда возмож-

ность меня известить, если моя работа там понадобится.[1] Я не имею понятия, когда должна начать выходить эта газета. По всем вероятиям, если я туда буду привлечен, то именно как парижский корреспондент. Поэтому я думаю ускорить свой приезд в Москву: пусть они меня тогда вновь посылают. Если это состоится, то материально это будет, вероятно, очень хорошо; это очень большая газета, которая будет издаваться синдикатом капиталистов и которую затевает, если не ошибаюсь, Витте.[2]

Но не знаю даже – желать ли ее очень: материально это, конечно, очень важно; но мне так хочется в Коктебель и мне будет действительно тяжело, если я <не> смогу проводить там лета.

Только что получил твое письмо от 1 января с описанием встречи нового года и рождественского пожара.[3]

Русский Нов<ый> Год я встречал один у себя дома со стаканом мальвазии в здешние 10 час. вечера, соответствующие полночи в России.

Лиля, очевидно, не так-то скоро попадет в Россию. Может, я сам попаду раньше ее. Она верно писала уже, как она подружилась с Мар<гаритой> Васил<ьевной> и та уговорила ее из Парижа опять вернуться в Мюнхен, чтобы писать ее портрет.[4]

Лилю я вижу приблизительно через день: у нее какие-то свои таинственные дела и предприятия, которые она тщательно от меня скрывает и осуществляет в те дни, когда мы с нею не видимся.

Я думаю, что выеду недели через 2. Если, конечно, не случится чего-нибудь вроде предложения остаться в Париже. Я написал Руманову и просил его известить меня, когда приблизительно, может начать выходить предполагаемая газета. Соответственно с его ответом я и буду поступать.

Относительно дальнейших дел с Прорубниковым: я ему написал и жду ответа.[5] Никакой платы с него по телеграфу я

не получал и ничего ему не переводил. Этого твоего вопроса я не понял.

До свиданья, привет обормотам.

Max.

[1] А.В. Руманов заведовал петербургским отделением московской газеты «Русское Слово»; И.Д. Сытин – ее владелец. После реорганизации «Московской газеты» Волошин обратился к Руманову с вопросом «о корреспондировании из Парижа», 2/15 декабря 1911 г. Руманов отвечал ему: «В петербургском газетном мирке большие перемены. Дорошевич ушел из "Русского Слова" и вместе с Проппером организует большую европейскую газету, которая должна заменить "Биржевые Ведомости". "Левый центр" организует тоже свою газету. Сытину предлагают деньги на такое же дело в СПб. Как видите – впереди 3 газеты. Но надо осмотреться и не торопиться с решениями. Я в курсе новых начинаний и <...> в известный момент напишу Вам и сделаю все, что надо в СПб.»; снова Руманов написал Волошину на ту же тему 30 декабря 1911 г. / 12 января 1912 г.: «Вскоре начнет созидаться в Петербурге большая газета, в которой я, по-видимому приму участие <...> Речь идет о газете, деньги на которую дают Путилов, Давыдов и другие банкиры. Газета будет прогрессивной» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1042). Последующих писем Руманова к Волошину на ту же тему, по всей видимости, не было.

[2] Граф Сергей Юльевич Витте с 1903 г. – председатель Комитета министров, в 1905–1906 гг. – Совета министров.

[3] 1/14 января 1912 г. Е.О. сообщила Волошину о получении его письма и открытки: «...вчера же получили и остальные обормоты твои открытки и все вместе вчетвером <Е.О., В. Эфрон, С. Эфрон, М. Цветаева. – *Ред.*> встречали новый год шампанским, и все обошлось у нас благополучно, без пожара, взрыва, наводнения, и вино у нас не по усам текло, а прямо в рот попадало. Гадали, отливая воск в воду, но ни у кого ничего путного не вышло, только у меня совершенно ясно выявился ты в сидячем положении, под деревом, все четыре оконечности вперед. <...> А рождественская елка наша, при зажигании ее в первый вечер Рождества, сразу вспыхнула вся, пришлось ее заливать, а она стала чадить, заволокла дымом все обормотское гнездо, но не помешала веселью обормотов и их гостей. И теперь еще стоит она, несчастная, обгорелая, обдерганная среди хаоса Сережиной комнаты» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[4] Е.Я. Эфрон и М.В. Сабашникова.

[5] См. п. 333.

342. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

27 января / 9 февраля 1912 г. Париж[1]

9/II 1912. Пятница. Paris.

Милая мама, я тебе не писал очень давно: я все собирался уезжать и не знал дня отъезда. Он наконец решен: я выеду в понедельник 12-го, но пробуду дня 3–4 в Берлине, так что буду в Москве в субботу или в воскресенье 18/5 рус. ст. До Берлина я везу одного слепого, который мне платит билет.[2] Лиля в Мюнхене, но я от нее ничего не имею. Скажи Вере, что письмо ее я Лиле передал.[3] M-me Рабенек верно сошла с ума, потому что она таким же образом отказала и Воскресенской и Саввинской.[4] Я ничего не понимаю во всем этом, но вижу лишь, что Вере, раз это какое-то систематическое безумие, огорчаться нечего. Привет всем. Передай Валетке,[5] что я сам привезу все сведения об Institut de Beauté*. У меня сейчас страшная суматоха, укладка и т.д.

До свиданья.

Max.

[1] Открытка. Почтовый штемпель получения: Москва. 31.1.12.

[2] Волошин сопровождал еврея-хасида Рувима Яковлевича Азарха.

[3] Е.Я. Эфрон и В.Я. Эфрон.

[4] Вера Филипповна Воскресенская и Татьяна Александровна Саввинская (сестра Н.А. Милюковой) – танцовщицы школы Э.И. Рабенек. В письме от 11/24 января Е.О. сообщала Волошину о неприятностях у В.Я. Эфрон: «...одна из них: отказ Рабенек с ней заниматься. Она известила Веру коротким жестким письмом, что, не замечая в ней особенных способностей, принуждена отказать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654).

[5] Валетка – В.В. Успенская.

* Институте Красоты *(фр.)*.

343. К.И. ЧУКОВСКОМУ

30 января / 12 февраля 1912 г. Париж

Многоуважаемый Корней Иванович,

К моему глубокому сожалению, я не могу принять предложенных Вами мне переводов Уайльда потому, что не знаю английского языка.[1] Но позвольте мне рекомендовать для работы, предложенной Вами, мою хорошую знакомую Александру Васильевну фон-Гольштейн, которая, кстати, уже перевела роман Хитчинса «Green Carnation» (перев<од> был напечатан в «Рус<ской> Мысли» в 1899 г.), и она согласна дать его перепечатать.[2]

Хотя это и не произведение О. У<айльда>, но поместить его в собрании сочинений, конечно, имеет смысл, т<ак> к<ак> там записаны все разговоры Ос<кара> Уайльда. В этом порядке произведений позвольте Вам напомнить еще воспоминания Андрэ Жида, Гомеса-Карильо (интересн<ые> первыми устными вариантами «Саломеи») и статью Эрнеста Лаженеса.[3]

M-me de Holstein, которую я Вам рекомендую, пишет по-английски, по-франц<узски> и по-русски (под псевдонимом Баулер). Ее адрес Paris. 75 Rue de la Tour. (Passy).

Если бы Вам понадобилось перевести упомяну<ту>ю статью А. Жида или другие переводы с французского (только с французс<кого>, но зато самых непереводимых авторов), то я к Вашим услугам.[4]

Сегодня я выезжаю из Парижа в Москву. Адрес мой там 19, Сивцев Вражек.

Максимилиан Волошин.

[1] В письме к Волошину от 7/20 января 1912 г. К.И. Чуковский, редактор Полного собрания сочинений Оскара Уайльда, выпущенного в свет приложением к журналу «Нива» на 1912 г. (Т. 1–4. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс), обращался с просьбой перевести для этого издания «Английский Ренессанс (раннюю лекцию Оск<ара> Уайльда)» и «Эстетический Манифест, предисловие Оск<ара> Уайльда к книге Рода Rose Leaf and Apple Leaf», а также несколько стихотворе-

ний (см.: *Чуковский Корней.* Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2008. Т. 14. С. 275–276).

[2] В том же письме Чуковский делал еще одно предложение: «...есть еще произведение O<scar> W<ilde> “Green Carnation”. Я его не мог достать в России. Не согласитесь ли Вы перевести и это произв<едение>, списавшись со мною о его размерах и содержании» (Там же). Указанный роман английского писателя Роберта Хичენза (Hichens; 1864–1950), ошибочно приписанный Чуковским Уайльду (автор входил в окружение Уайльда и вывел его в нем под именем мистера Амаринта), был опубликован в русском переводе Гольштейн («Зеленая гвоздика». Роман Роберта Хитчинса. Перевод с английского А.Г.) в № 2–5 «Русской Мысли» за 1899 г.

[3] Имеются в виду очерк Андре Жида «Оскар Уайльд» и одноименный очерк Энрике Гомеса Каррильо, цитируемые в незавершенной обзорной статье Волошина «Разговоры Оскара Уайльда». См.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 550–553, 915. Эрнест Лаженесс (La Jeunesse; 1874–1917) – французский писатель; друг Уайльда. Имеется в виду его мемуарный очерк «Оскар Уайльд в Париже» («Oscar Wilde à Paris» // La Revue Blanche. 1900. Décembre). «Саломея» («Salomé», 1892) – драма Уайльда (написана по-французски).

[4] Предложениями Волошина Чуковский не воспользовался.

344. Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

5/18 февраля 1912 г. Берлин[1]

Милая мама,

Я задержался в Берлине почти на неделю из-за моего слепого и Штейнера.[2] Выезжаю завтра в понедельник вечером, так что буду, значит, на другой день после этого письма. О часе приезда протелеграфирую (если хватит денег, т<ак> к<ак> еду III кл<ассом>).[3] До скорого свиданья. Целую всех обормотов.

Max.
18/II 1912. Berlin.

[1] Открытка. Почтовые штемпели: Charlottenburg. 18.2.12; Москва. 8.2.12.

[2] См. п. 342, примеч. 2. Волошин приехал в Берлин 31 января / 15 февраля, был на докладе Р. Штейнера «Коперник и его время»

в Доме архитектора 2/15 февраля, а также имел с ним приватную встречу (см. п. 346).

[3] Волошин прибыл в Москву 8/21 февраля, остановился у Эфронов на Сивцевом Вражке (д. 19, кв. 11).

345. А.В. ГОЛЬШТЕЙН

27 февраля 1912 г. Москва

Дорогая Александра Васильевна, 11 марта (ст.ст.) Нео-Филологическое Общество в Петербурге будет чествовать Бальмонта.[1] Они надеются привлечь к этому торжеству Академию и Вел<икого> Кн<язя> Конст<антина> Конст<антиновича>.[2] Все это с целью составить прецедент, который бы смог облегчить Бальмонту возврат в Россию.[3] Было бы очень важно, чтобы было получено несколько телеграмм из-за границы от разных лиц и редакций. Не можете ли Вы помочь в этом? Ал<ександра> Ал<ексеевна> Андреева завтра вышлет Вам несколько печатных извещений. Я пишу одновременно о том же Яксу и Смирновым.[4] В Москве его собирается чествовать Общ<ество>Любит<елей> Российск<ой> Словесности.[5] Это все мы нашим банкетом наделали.[6] Но теперь необходимо это поддержать, чтобы в Петерб<урге> было получено по крайней мере несколько привет<ствий>, хотя бы от тех из поэтов, которые его приветствовали. Я прошу об этом Якса, но Вы дайте ему инструкции.

Я видел Семеновых[7] – провел у них вечер. Сейчас я вижу бесконечные количества людей. В начале апреля уеду в Крым. Мне Юл<ий> Феод<орович> предложил возможность ехать на лето в Париж, чтобы показывать его народ<ным> учителям. Но я отклонил это. Мне безумно хочется работать уединенно в Коктебеле.

До свидания.

Макс.

Сивцев-Вражек 19, кв. 11. 27 / III 1912. Из Москвы.

[1] Имеется в виду 170-е (208-е) заседание Общего собрания Неофилологического общества по случаю 25-летия литературной деятельности К.Д. Бальмонта, состоявшееся 11 марта 1912 г.; на

нем были произнесены вступительная речь председателя Общества Ф.А. Брауна и речи Ф.Д. Батюшкова («О поэзии Бальмонта»), Е.В. Аничкова («Бальмонт и английская поэзия»), Д.К. Петрова («Бальмонт и его переводы с испанского»), Вяч. И. Иванова («Лиризм Бальмонта») (Записки Неофилологического общества при Имп. Санкт-Петербургском университете. 1914. Вып. VII. С. 56; тексты речей Брауна, Батюшкова, Петрова, Иванова, а также статьи К.Ф. Тиандера («Бальмонт – викинг») и Е.В. Аничкова («Бальмонт и “новые веяния”») опубликованы там же. – С. 1–54). См. описание этого заседания в мемуарном очерке А.И. Дейча «Арабески времени» (*Дейч А.* День нынешний и день минувший. Литературные впечатления и встречи. М.: Сов. писатель, 1969. С. 295–299). Это чествование Волошин назвал юбилеем «молодой» русской литературы («Зарево зорь», 1912 // Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 469). Позже А.В. Гольштейн критически отзовется об этом мероприятии, упрекая Волошина в том, что он, хорошо зная Париж, «поздно спохватился», и утверждая, что по этому поводу «можно было бы сделать нечто грандиозное» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 438, л. 60).

[2] Великий князь Константин Константинович, выступавший как поэт под криптонимом «К. Р.», был президентом Академии наук.

[3] С 1905 г. Бальмонт находился в эмиграции, в Россию въезд ему был запрещен из-за революционных стихов, составивших сборник «Песни мстителя» (Paris, 1907). Разрешение на въезд в Россию Бальмонт получит только в 1913 г. по случаю амнистии в связи с 300-летием царствования дома Романовых.

[4] Я.А Глолтов, Александр Александрович Смирнов (1883–1962), литературовед, кельтолог, критик, переводчик (общался с Волошиным в Париже в 1911–1912 гг.), и его жена (с 1911 г.) Елизавета Петровна Магденко (ум. в 1922 г.).

[5] См. примеч. 1 к п. 347.

[6] 11/24 января 1912 г. в Париже Волошин участвовал в чествовании К.Д. Бальмонта в ресторане на бульваре Сен-Дени (Труды и дни. С. 290). Сохранилось описание этого банкета в письме Е.В. Поленовой Л.Н. Веберу от 26 января 1912 г., хранящемся в Фонде Литературно-краеведческого музея Константина Бальмонта в г. Шуе: «На днях я ездила с Ал<ександрой> Вас<ильевной> на банкет в честь юбилея (25 л<ет>.) Бальмонта. Это было очень интересно. Когда мы тащились в извозчике на Montmartre, Ал<ександра> Вас<ильевна> вспомнила, как она вывозила тетю Машу, т<етю> Веру, и т<етю> Олю в одной карете. На ней было платье m-me Лозинской (и на мне тоже), и она была так торжественна, как русская императрица прошлого века, она по усиленным просьбам Бальмонта согласилась быть хозяйкой банкета.

Это происходило в Taverne Nègre. Было очень светло. От табачного дыма свет был голубым, и все платья казались нежными, как цветы, в зеркалах всё повторялось призрачно. На столе лежали венки мимозы, а перед Бальмонтом — букет белого арума. Между гостями были с острова Ява, женщины с черными косами в оранжевых платьях с розовыми орхидеями, они сделали венки из мимоз и надели в волосы.

За шампанским было сказано много речей. Сначала французы, René Ghil и т.д. Бальмонт встал: mes amis, je voudrais vous raconter mon cœur, mais mon françois est pauvre.* Полякам он сказал: Ваши приветствия как поцелуй польской панны (по-польски). Шведу сказал по-шведски, не знаю что. Затем заговорили русские с захлебыванием, забывая слова. Один поэт встал, чтобы прочитать стихи, и не мог найти рукопись, позднее выяснилось, что она была в манжете, и стихи оказались хорошими. Когда встал Волошин, мною овладел фурир <*так!*>. Шея у него надулась, и он загудел: слышались слова: “Всё полдневней к лемуриям Огненной земли”. Время от времени голос его делался вкрадчивым, и глазки совсем пропадали, тогда слышалось: солнечный, куда бежишь? (Бальмонт уезжает в Австралию).

Ал<ександра> Вас<ильевна> была очень хороша, но всех лучше и милее, и красивей была Катерина Алексеевна, когда она отвечала на приветствия и Бальмонт ее поцеловал, она была, наверное, похожа на Святую Екатерину». Упоминаются сестры Якунчиковы: Вера Васильевна (в замуж. Вульф; 1871—1923), Ольга Васильевна (в замуж. Михайлова; 1867—1913), а также Мария Федоровна Якунчикова (1864—1951), жена Владимира Васильевича Якунчикова (1855—1916).

[7] Ю.Ф. и Н.В. Семеновы.

346. А.М. ПЕТРОВОЙ

14 марта 1912 г. Москва

14/ III 1912. Москва. Сив<цев> Вражек 19, кв. 11.

Милая Александра Мих<айловна>, за рисунками ко мне еще никто не заходил.[1] Все сделаю, как Вы велите. Я сам спрашивал издателей и осведомлялся: всюду решительный отказ — даже никто не выразил желания посмотреть. Мне казалось, что за границей это было бы гораздо легче устроить. Надо

* Мои друзья, чтоб рассказать вам о моем сердце, мой французский беден *(фр.)*.

было бы, чтобы М<аргарита> Вас<ильевна>[2] это сделала в Мюнхене. Я ее вижу не часто, но каждый день говорю с ней по телефону. Она теперь не выходит – простудилась. По дороге я останавливался в Берлине и имел свидание со Штейнером (он сам захотел).[3] Обо всем расскажу подробно. Есть о чем поговорить. Думаю выехать в первых числах апреля. Планы на лето самые серьезно-рабочие: рисовально-литературно-стихо-переводно-морально-внутренно-сосредоточенные.

Радуюсь, что Феодосийские горы начинают проявлять разумную самодеятельность.[4] Было бы недурно, что<б> море за порт приняло<сь>. До скорого свидания. Я расскажу Вам изумительные «хасидские» предания, которые слышал от слепого еврея, которого привез в Берлин.[5]

Макс.

[1] Ответ на недатированное письмо А.М. Петровой: «Простите, что нахальничаю и без всякого спроса у Вас посылаю свое разлюбезное детище – рисунки. Выручите меня, пожалуйста, если будет не трудно, и если будете в Москве еще некоторое время. Жена Андрюши Дуранте предложила мне похлопотать пристроить эти рисунки, но передала это своей сестре в Москве <...> Она кого-то уже нашла там и просит прислать условия и образцы (2–3). Я, не зная ее условий и не желая обременять ее за здорово живешь, не послала пока (и запросила об этом) <...>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 8–8 об.). Петрова выслала Волошину несколько образцов рисунков татарских орнаментов, которые собирала многие годы. См. также п. 171, примеч. 6. В письме от 13 марта 1912 г. она сообщала Волошину: «На днях зайдет к Вам Наталья Дмитриевна Маркова (та, о которой я писала), и я очень прошу Вас выдать ей все мои рисунки, что у Вас. Так будет лучше, чем одни образцы. <...> Не верю, чтобы что-либо вышло из этого, но мне интересно мнение, вероятно, лишний раз подтверждающее, что не скоро понадобиться вся эта кипа» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 2).

[2] В начале марта 1912 г. по телеграмме о болезни матери М.В. Сабашникова приехала в Москву и пробыла в России до 4/17 августа 1912 г.

[3] С 31 января / 13 февраля по 6/19 февраля Волошин находился в Берлине. См. п. 344, примеч. 2. Об отношениях Волошина с Штейнером см.: Послания Максимилиана Волошина / Публ. З. Давыдова и В. Купченко // Наше наследие. 1989. № 1. С. 96–97.

[4] 13 марта 1912 г. Петрова сообщала Волошину: «В Феодосии новое: поползла гора с Караимскими дачами, где бассейн виднеется» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 3). Волошин осуждал строительство порта, предпринятое по инициативе И.К. Айвазовского в 1892–1894 гг. в районе городского центра, в результате чего железнодорожная линия, проведенная к порту, отрезала город от пляжей.

[5] См. п. 342, примеч. 2.

347. Р.М. ГОЛЬДОВСКОЙ

15 марта 1912 г. Москва

15/III 1912.
Москва. 19 Сивцев Вражек, кв. 11.

Многоуважаемая Рашель Мироновна,

Чрезвычайно благодарен Вам за Ваше желание предложить меня в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности.[1] Почту за честь принять посильное участие в деятельности старейшего и славнейшего Русского Литературного Общества.

Если необходимо, я пришлю Вам книгу моих стихотворений.[2]

Что же касается периодических изданий, то я принимал участие в следующих журналах и газетах: «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Весы», «Золотое Руно», «Аполлон», «Ежегодник Императорских Театров», «Северные Цветы», «Русь», «Утро России» и т.д.[3]

Преданный Вам

Максимилиан Волошин.

[1] Общество Любителей Российской Словесности при Московском университете – литературно-научное общество, основанное в 1811 г. и существовавшее до 1930 г. См.: Словарь членов Общества Любителей Российской Словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911. В 1909–1922 гг. председателем Общества был А.Е. Грузинский.

[2] Подразумевается книга «Стихотворения. 1900–1910» (М.: Гриф, 1910).

[3] См. библиографию Волошина (составители Н.В. Гужиева, Л.С. Шепелева, Т.П. Дорина, В.П. Купченко) в кн.: Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. М.: Книга, 1982. Т. 5. С. 235–238, 245–252.

348. А.М. ПЕТРОВОЙ

10 апреля 1912 г. Москва[1]

Дорогая Александра Михайловна, в субботу на этой неделе я, по всем вероятиям, буду в Феодосии. (Наконец-то). Не знаю, как сложится лето внешне: писали Толстые,[2] что едут в К<октебель>, едет Вера Э<фрон> в мае. Я же, не считаясь с внешним, набрал очень много работы.[3] Отъезд мой задержался благодаря болезни мамы (ей очень плохо, что-то с сердцем). Думал дождать<ся> возвращения Амори из Гельсингфорса,[4] но она что-то застряла в Петербурге. Мы виделись с нею немного, но очень хорошо. Людвигу[5] не уйти от сумасшедших: теперь Данилов[6] сидит уже (Mania religiosa). Ваши тат<арские> выш<ивки> взяла у меня ?? – как ее зовут, не помню – но я не имею с тех пор никаких от нее сведений.[7]

Привет Костеньке.[8]

Max.

[1] Открытка. Датируется по штемпелю отправления: Москва. 10.4.12. Получено в Феодосии 13 апреля.

[2] А.Н. Толстой в письме к Волошину сообщал: «...я узнал у Срединой твой адрес и хочу, чтобы ты вспомнил о друзьях, которые о тебе никогда не забывали (уязвление). Мы через 10 дней едем на все лето в Коктебель, туда же едет целый табор наших знакомых – человек около ста, из них, наверное, будут в Коктебель трое: Белкин, пианистка, его невеста – Попова и художница Яковлева. Необходимо, чтобы ты ответил мне на следующие вопросы: 1) когда ты едешь в Коктебель, 2) как ты относишься к нам: любишь, презираешь, или мы для тебя не существуем, 3) рад ли, что мы (двое) будем в Коктебеле, 4) и есть ли у тебя свободные дачи» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1188, л. 25–26). См. п. 349, примеч. 3.

[3] Имеются в виду в первую очередь: перевод книги Поля де Сен-Виктора «Hommes et dieux» для издательства М. и С. Сабашниковых, статья о К.Ф. Богаевском для журнала «Аполлон».

[4] М.В. Сабашникова ездила в Гельсингфорс на курс лекций Р. Штейнера, который проходил с 3 по 15 апреля. 16/29 апреля Сабашникова была уже в Москве, и Волошин повидался с ней до своего отъезда в Крым.

[5] Л.Л. Квятковский.

[6] Петр Иванович Данилов, студент, воспитанник А.А. Андреевой, приятель Квятковского. Е.О. Кириенко-Волошина в письме к сыну от 4 декабря 1911 г. называет Данилова среди знакомых, встреченных ею в Москве (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 654). Адрес Данилова (Большая Полянка, Шапочный пер. 18, квартира 1) был у Волошина. См. п. 267.

[7] Речь идет о Н.Д. Марковой (см. п. 346, примеч. 1).

[8] К.Ф. Богаевский.

349. А.М. ПЕТРОВОЙ

30 апреля 1912 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, мой приход в Феодосию несколько должен задержаться, т<ак> к<ак> я получил просьбу от «Аполлона» прислать статью о Конс<тантине> Фед<оровиче> теперь же, а не осенью, как было решено, и хочу ее сейчас же закончить.[2] Так что приду и прочту ее Вам, прежде чем отправить ее. Страшная холодина у нас. Это парализует все чувства и работоспособность. И в горы неуютно ходить при этом северном ветре. Много читаю. Но для стихов еще слишком холодно. Толстые приедут к 10-му мая.[3]

Привет К<онстантину> Ф<едоровичу>.

До свиданья.

М. Волошин.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 30.4.12.

[2] Просьба поторопиться со статьей о К.Ф. Богаевском содержалась в письмах С.К. Маковского к Волошину от 8 марта и 2 апреля 1912 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 451—452).

[3] Согласно «Крымскому курортному листку», А.Н. Толстой с женой прибыли в Коктебель 12 мая 1912 г. и поселились сначала у М.А. Дейш-Сионицкой.

350. А.М. ПЕТРОВОЙ

5 мая 1912 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Я думаю, что Ваши беспокойства и тревоги по поводу дипломатических усложнений, связанных с приездом М.В.,[2] – совершенно напрасны. Ведь мы теперь с нею в Москве виделись довольно часто и очень хорошо. Она была и у нас. Я не думаю, чтобы она стала *нарочно* избегать меня и Коктебеля. Я думаю, что, напротив, она захочет меня теперь увидать и, вероятно, сделает краткий визит в Коктебель.[3] Мама же, кстати, уже слыхала о ее приезде от Пети Лампси. Но я вообще немного сомневаюсь в том – приедет ли она все-таки в Крым: там все так часто меняется. А сведениям Лудовика[4] я не доверяю совсем: у него как-то всегда все наоборот выходит. Статью о К.Ф. я заканчиваю уже, но меня должна задержать еще одна газетная статья,[5] которую я должен закончить к 7-мому. Но все же я надеюсь дня через четыре быть у Вас.

Работа у меня вообще идет пока туго: эти холода, отсутствие дров прямо замораживали и пальцы, и мысли. Теперь, с теплыми днями, все пошло лучше. Я очень рвусь к Вам в Феодосию: я ведь совсем ничего не успел Вам рассказать о себе; если б успел, то у Вас и этой тревоги о нашей с М.В. встрече, наверное, не было бы. Только, если Вы знаете об ее приезде *только* из писем Лудовика – то это наверно – неверно. При мне в начале своего приезда она говорила: «в Феодосию мне не удастся приехать». А Лудовик, услышавши это, пришел обормотам рассказывать, что она *едет* в Феодосию. Людям ведь свойственно слышать только то, что им хочется.

Мах.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 297.

[2] Видимо, это ответ на недошедшее до нас письмо А.М. Петровой, в котором могла идти речь о возможном приезде М.В. Сабашниковой в Крым.

[3] См. п. 346, примеч. 2.

[4] Л.Л. Квятковский.

[5] Речь идет о статье «Итоги П.Д. Боборыкина», опубликованной в московской газете «Утро России» 21 июля 1912 г. См.: Т. 6, кн. 1 наст. изд. С. 479–483. См. ниже, п. 352.

351. Е.Я. ЭФРОН

8 мая 1912 г. Коктебель[1]

Коктебель. Угол Киммерийской набережной и Бальмонтовской улицы. Вилла «Веселый обормот».[2]

8/V 1912.

Милая Лиля, почему нет никаких вестей из Московского Обормотника? Что с Вами со всеми? Почему ты не пишешь и Вера не отвечает?[3] Живы ли вы? У нас были холода. Только на последней неделе потеплело и позеленело. Живут Новицкие.[4] Только что уехал Гр. Петров. Толстых нет, но, говорят, будут. Не были ли они у нас в Москве?[5] Когда приезжает Вера?[6] Я целые дни пишу. В Москву должен был прийти № «Mercure de France»[7] от 15 апр<еля> – мне он крайне нужен. Пожалуйста, наведи справки у швейцара и пришли мне его, так же как и «Библию» – не отданну<ю> мне все-таки Верой. Как твои занятия? Когда едешь в Финляндию? Едет ли кто из прошлогодних оборм<отов> в Коктебель? В Феодосии я с самого приезда еще не был.[8] Теперь, как только окончу статью,[9] пойду туда на несколько дней. Пожалуйста, дай мне адрес Марины и Сережи.[10] Мне очень нужно им написать. А пока до свиданья. Всем привет.

МАХ.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 9.5.12; Москва. 11.V.1912.

[2] Шуточные топографические обозначения.

[3] Письма Волошина к В.Я. Эфрон, относящиеся к этому времени, не выявлены.

[4] Искусствовед Алексей Петрович Новицкий (1862–1934), его жена Юлия Ивановна (урожд. Остроглазова; 1868–1933) и их дочь Мария Алексеевна Новицкая (1896–1965), впоследствии археолог; приехали в Коктебель из Кисловодска 5 мая, остановились у Е.О. Кириенко-Волошиной (Труды и дни. С. 297).

[5] А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц-Толстая выехали из Петербурга в Москву 6 мая, провели там два дня и отправились в Крым. См. примеч. 2 к п. 348. «У нас» – т.е. в московской квартире Эфронов на Сивцевом Вражке.

[6] В.Я. Эфрон приехала в Коктебель вместе с Толстыми.

[7] Парижский журнал, возникший в 1890 г. как орган французских символистов (редактор – Реми де Гурмон).

[8] Волошин был в Феодосии (по возвращении из Москвы) 14–15 апреля 1912 г.

[9] Имеется в виду статья «Константин Богаевский» (см. примеч. 3 к п. 284).

[10] М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон возвратились в Москву из заграничного путешествия в середине мая 1912 г.

352. А.М. ПЕТРОВОЙ

8 мая 1912 г. Коктебель[1]

Дорогая Александра Михайловна, или я, пишучи Вам, впопыхах как-нибудь употребил неверные выражения, и Вы не поняли тона моего письма, но уверяю Вас, что я нисколько и не думал «хорохориться», а только хотел, видя Вашу тревогу и психологическую усложненность, в которой Вам представляются события, *успокоить* Вас, сообщив Вам то, что не успел рассказать о приезде. Раздражение же у меня в письме было, но лишь против Людвига, т<ак> к<ак> я был уверен, что это все он напутал снова, а мне страшно бы хотелось, чтобы М.В.[2] приехала. Вот! Что же касается меня, то работы у меня над статьей о К.Ф.[3] осталось еще дня на 2 (перебила спешная газетная статья о Боборыкине),[4] и я ее, верно, завтра к вечеру кончу и тотчас же побегу в Феодосию на почту. А там уж пусть сама судьба решает. Но дело в том, что после Феодосии я поспешу еще в Судак, куда меня зовет очень Адел<аида> Герцык[5]

(она там сейчас одна), так что я рискую и там встретиться с М.В. Но это уж судьба. Хотя я все же сомневаюсь в ее приезде. Мне очень жаль, что я, желая Вас успокоить и сказать, что Вам нечего беспокоиться, т<ак> к<ак> мы виделись в Москве и она была у мамы и все было очень хорошо, толь<ко> пуще Вас расстроил и породил новые сомнения и тревоги относительно уже меня лично.

Но не беспокойтесь. Дня через 2 буду. (И надеюсь, что М.В. не приедет в то же утро), и тогда мы успеем обо все<м> сговориться. Мне же никак нельзя ни уйти из Коктебеля, пока не кончена статья, ни не отправить ее, как только она будет кончена. Очень радуюсь Вашему примирению с Ребиковым[6] и надеюсь, что попаду как раз к его «Елке».[7]

Привет Кон<стантину> Феод<оровичу>.

Max.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 297.

[2] Ответ на письмо от 6 мая 1912 г, в котором Петрова (по получении п. 350), пыталась объяснить Волошину свою позицию и свой взгляд на отношения его с М.В. Сабашниковой: «Вот уже "дитю"! Совсем не понимаю, чего Вы расхорохорились? Позабывши и уговор наш раньше, не сообразив и того, что М.В. без всякого сомнения и наверное пожелала бы Вас видеть и нанести визит в Коктебель, но... все это она должна была сделать от себя. (Я этого ждала, и не иначе, понимаете?) Уж от Вас-то я ожидала, что поймете без всякого пережевывания. Не по Людвигу, а по ее письму я жду ее уже с конца апреля, так к<а>к она обещала постараться так устроить, чтобы приехать раньше отца и побыть несколько дней в Феодосии. Людвиг же (гораздо позже, 2 дня назад) кратко прибавил мне, что они будут к 10-му. С тех пор от М.В. ни звука, и я вполне согласна с Вами, что все и легко может перерешиться, если уже не так. Да, я очень жалею, что мы не успели поговорить с Вами, иначе Вы бы никак не смогли принять всю мою дипломатию так болезненно. <...> Поймите, Вы тяжелы ей только как свидетель былого, невольный свидетель страдания. Слишком чисты и благородны были и Вы, и мама, чтобы ей не признать этого и не любить вас.

Но встречаться пока трудно, этого я не перестану утверждать. Идти к Вам — не трудно, встречаться — трудно. Простите, если ошибаюсь. Приедете — поговорим и, надеюсь, успокоимся, так как

и меня огорчило то, что я Вас огорчила, совсем того не желая и не предвидя» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 4–4 об.).

[3] См. п. 349, примеч. 2.

[4] См. п. 350, примеч. 5.

[5] А.К. Герцык в письме к Волошину от 2 мая 1912 г. сообщала о своем прибытии на дачу в Судак и приглашала его к себе (Труды и дни. С. 296).

[6] В.И. Ребиков. О нем Волошину писала А.М. Петрова 6 мая 1912 г.: «De Rebikoff уже появился. Собирается дать на будущей неделе концерт; послал Вам приглашение. Этикет в полном разгаре. Поразил меня своим неожиданным визитом и сверхлюбезностью: предложил послушать его у Пети, куда я и закатилась с 5 ч. <...> до 11 ночи. Был бесконечно мил и играл великолепно. Чудеса. Петя, таки, реабилитировал меня, кажись, на мою голову, т<ак> к<ак> чувствую, что не прочно, увы. Очень забавно прохаживался на Ваш счет, но во всем не зло, а добродушно, и очень неравнодушен к Вам, видно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 4 об. Петя – П.Н. Лампси).

[7] Одноактная опера В.И. Ребикова (1899–1900), была очень популярна в начале XX века. О концерте Ребикова см. п. 353, примеч. 2, 5. Петрова в письме от 13 мая 1912 г. предупреждала Волошина о переносе этого вечера, ранее планировавшегося на 15 мая: «Дорогой Коктебель! <...> “Вечер настроений” имеет совершиться не во вторник, а в четверг 17-го. <...> Приезжайте непременно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 6).

353. В.И. РЕБИКОВУ

13 мая 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Владимир Иванович, почта, действующая между Феодосией и Коктебелем, так исправна, что я получил Вашу любезную афишу только сегодня.[2] Но, к счастью, я узнал от Пет<ра> Никол<аевича>,[3] что «Елка» состоится во вторник, и я обязательно буду в Феодосии.

Приезд Толстых и Обормотов[4] помешал мне увидать Вас за краткие часы моего быстрого посещения Феодосии. Надеюсь во вторник «пожать Вашу гениальную руку».[5]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовый штемпель отправления: Отузы. 13.5.12. Адресовано: Петру Николаевичу Лампси для Вл. Ив. Ребикова. Камера мирового судьи. Феодосия.

[2] Имеется в виду приглашение на «Вечер настроений» — собрание, приуроченное к 15-летию творческой деятельности Ребикова, в зале Общества приказчиков в Феодосии (Труды и дни. С. 298).

[3] П.Н. Лампси.

[4] См. примеч. 5 к п. 351. Под «обормотами» здесь подразумеваются В.Я. Эфрон и И.В. Быстренина, приехавшие в Коктебель вместе с Толстыми.

[5] Со вторника (15 мая) «Вечер настроений» был перенесен на четверг 17 мая (см. примеч. 7 к п. 352), на нем присутствовали кроме Волошина К.Ф. Богаевский, А.Н. Толстой и другие коктебельцы.

354. М.В. САБАШНИКОВУ

14 мая 1912 г. Коктебель

Адр<ес>: Феодосия. Коктебель.
14/V 1912.

Многоуважаемый Михаил Васильевич, я все жду от Вас уведомления, когда можно будет мне наконец взяться за перевод «Hommes et Dieux» и «Venise ou XVIII siècle».[1]

Сейчас для меня было бы самое удобное время для работы над переводами. Получили ли Вы уже авторизации? Или, б<ыть> м<ожет>, возможно начать перевод, не дожидаясь их? Пожалуйста, напишите мне.[2]

Где сейчас Екат<ерина> Алексеевна?[3] Вернулась ли она уже в Москву?

Максимилиан Волошин.

[1] Книги «Люди и боги» (1867) Поля де Сен-Виктора и «Венеция XVIII века» (1908) швейцарского писателя Филиппа Моньс (Monnier; 1867—1911). Видимо, во время своего пребывания в Москве в феврале — апреле 1912 г. Волошин предлагал М.В. Сабашникову перевести эти книги для опубликования в его издательстве.

[2] Сабашников ответил 23 мая: «Прошу Вас приступить к переводу “Hommes et dieux”. <...> Что касается второй книги для перевода, то сейчас я еще не могу сказать Вам ничего определенного, но я буду иметь в виду Ваше желание получить еще книжку для перевода» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1057).

[3] Е.А. Бальмонт.

355. В ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

14 мая 1912 г. Коктебель

14/V 1912. Феодосия. Коктебель.

Милостивый Государь,

позвольте мне выразить Обществу Любителей Российской Словесности[1] глубочайшую признательность за сделанную мне честь избрания меня действительным членом Общества. Осенью по возвращении в Москву я немедленно предоставлю себя в распоряжение Общества в смысле доклада или иных работ, которые на меня пожелают возложить.

Максимилиан Волошин.

[1] См. п. 347, примеч. 1.

356. К.В. КАНДАУРОВУ

16 мая 1912 г. Коктебель[1]

Дорогой Константин Васильевич, Маковский у меня неожиданно потребовал статьи о К<онстантине> Ф<едоровиче>.[2] Я ее написал и послал. Я тебе пришлю корректуру сейчас же, как получу их. По-моему, это удобнее, чем рукопись. Я читал статью Алекс<андре> Мих<айловне>:[3] она одобрила. Мне кажется, что статья удалась. Она обстоятельная, длинная и обработанная. Сейчас высылаю Маковскому и материал для моей книги, которая начнет печататься сию же минуту.[4] От К<онстантина> Ф<едоровича> знаю, что ты поправился и приедешь на лето в Шах-Мамай.[5] Но когда? В Феодосии с самого приезда был всего раз и сегодня отправляюсь снова. К<онстантин> Ф<едорович> работает, никому ничего не показывает и мучится. Сегодня верну ему должные тебе 100 р.

В Коктебель на всё лето приехали Толстые[6] и на зиму переселяются в Москву. Я очень рад этому. Мы с ним пишем

вместе это лето большую комедию из современной жизни (литературной).[7]

Как занятия Ан<ны> Вл<адимировны> и Валетки?[8] Приедет ли последняя в Коктебель?

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

Коктебель. Киммерийская набережная. Вилла «Веселый Обормот».

18.V.1912.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 18.5.12; Москва. 20.V.12. Авторская датировка корректируется согласно сообщению в тексте о предстоящем отъезде в Феодосию, т.е. 16 мая (Труды и дни. С. 298).

[2] Имеется в виду К.Ф. Богаевский. 21 апреля 1912 г. С.К. Маковский писал Волошину: «...очень прошу как можно скорее выслать статью о Богаевском, т<ак> к<ак> все для этого № давно готово и задержка только за нею» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 452). См. примеч. 3 к п. 284.

[3] А.М. Петрова.

[4] Такое предложение Маковский сделал в письме к Волошину от 8 мая 1912 г.: «...я жажду издавать Вашу книгу статей. Пришлите мне поскорее точное заглавие и перечень статей, кот<орые> в нее войдут, — для наших объявлений. А затем присылайте материалы. Летом можно работать быстро и не спеша» (Там же. С. 452). Результатом этого предложения стала изданная «Аполлоном» книга Волошина «Лики творчества» (Кн. 1. СПб., 1914).

[5] Шах-Мамай (Шейх-Мамай) — село в Феодосийском уезде неподалеку от города Старый Крым, имение И.К. Айвазовского.

[6] См. примеч. 5 к п. 351.

[7] Нереализованный замысел. В архиве Волошина сохранились относящиеся к нему планы и заметки (см.: Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 747—751, 1029). А.Н. Толстой изложил свои представления о персонажах и сюжете задуманной «пьесы из декадентской жизни» в письме к Волошину, относящемся к началу февраля 1912 г. (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 185—187).

[8] А.В. Кандаурова и В.В. Успенская.

357. А.М. КОЖЕБАТКИНУ

18 мая 1912 г. Феодосия[1]

Будьте добры, Александр Мелетьевич, известите меня о судьбе «Акселя». Будет ли он печататься этим летом? Уезжая, я имел утвердительный ответ....[2]

Если ничего не изменилось — то когда начнете мне высылать корректуры?

Мой адрес: Феодосия. Коктебель.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 18.5.12; Москва. 20.5.12.

[2] По всей вероятности, перед отъездом из Москвы в Коктебель (около 12 апреля 1912 г.) Волошин беседовал с А.М. Кожебаткиным о печатании либо в его издательстве «Альциона», либо в издательстве «Мусагет», секретарем которого состоял адресат, рукописи своего перевода драмы-мистерии Вилье де Лиль-Адана «Аксель», который он ранее безуспешно пытался опубликовать (в журнале «Аполлон» или отдельной книгой в издании «Аполлона»).

[3] Ответного письма Кожебаткина в архиве Волошина не имеется. Издание «Акселя» тогда не было осуществлено. Впервые этот перевод Волошина был опубликован П.Р. Заборовым в кн.: Из лит. наследия-3. С. 3—108. См.: Т. 4 наст. изд. С. 84—233.

358. М.В. САБАШНИКОВУ

29 мая 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Спешу послать Вам обратно подписанное мною условие.[2]

Сию же минуту принимаюсь за работу и радуюсь, что книге Сен-Виктора суждено наконец появиться на русском языке.

Жму Вашу руку.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по связи с издательским соглашением (см. примеч. 2).

[2] См. п. 354, примеч. 2. К письму прилагался текст соглашения между Волошиным и Издательством М. и С. Сабашниковых (подписано Волошиным 29 мая 1912 г.), в котором значились условия: «1) Я принял на себя перевести для Вашего издательства с французского языка на русский книгу Paul de Saint Victor *Hommes et Dieux* и написать небольшое предисловие об авторе размером до четырех страниц и уступаю Вам и Вашим правопреемникам с Вашим правом на дальнейшие переуступки исключительное право выпуска в свет моего перевода и предисловия в неограниченном количестве экземпляров и изданий. Рукопись должна быть сдана Вам готовая к печати к 1 сентября сего года <Надписано карандашом: «1 августа 1913». – *Ред.*>. Корректуру первого издания я произвожу сам. 2) В вознаграждение я имею получить от Вас шестьсот три руб. 20 коп., каковая уплачивается Вами половина при сдаче рукописи и другая по отпечатании книги, но не позднее как через 4 месяца со дня сдачи Вам рукописи. От каждого издания я получаю по тридцати экземпляров бесплатно» (РГБ, ф. 261, карт. 7, ед. хр. 59).

359. В.А. ЧУДОВСКОМУ

30 июня 1912 г. Феодосия.[1]

Валериану Чудовскому –
Максимилиан Волошин:

Вы правы в своем замечании относительно Монсальвата – Монсеррата.[2] И в Гюшеровском тексте, имеющемся у меня под руками,[3] я не мог найти ничего говорящего за меня. Но тем не менее я считаю возможным удержать это сопоставление потому, что

1. Я слыхал устное утверждение этого, когда был в Монсерратском монастыре:[4] существует такая местная легенда.

2. Об этом существуют письменные упоминания в житиях католических святых, связанных с Монсерратом, – и в житии Раймонда Луллиуса и Игнатия Лойолы.[5]

Правда, в пейзаже за-барселонских гор есть известная барочность изысканности, но это придает еще больше пафоса скалистому плато Монсеррата. В нем есть молитвенный жест.

А когда видишь его издали с моря, отплывая из Барселоны в сторону Балеар, то оно встает на фоне заката пурпурно-жертвенным престолом. И потом картина Богаевского «Жертвенники»[6] фактически очень близко передает этот пейзаж.

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю: Феодосия. 30.6.12; С.-Петербург. 3.7.12.

[2] В июне 1912 г. Чудовский (участвовавший в редактировании очередного номера «Аполлона») писал Волошину: «В прекрасной статье Вашей о Богаевском меня смущает одно место: Вы соединяете Барселонский Монсеррат с Граалем. Между тем я совершенно не могу припомнить, чтоб они в легенде соединялись. Montsalvage первоначальной легенды и позднейший Monssalvatus *по типу* мне кажутся совершенно не такими, да и помещали их, кажется, в Британии и в Пиренеях, но не в такой доступной и нетаинственной местности, как Каталонское побережье» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 454). Имеется в виду следующий фрагмент из статьи «Константин Богаевский» (о самой «молитвенной» из картин художника – «Жертвенники»): «В этих плоскогорьях с восходящими домами Богаевский таинственным ясновидением угадал, никогда не видавши изображений, пейзаж священной горы Монсеррата (под Барселоной), на плоской вершине которой невидимо присутствуют, по легенде, рыцари св. Грааля, точно духовным очам его было видение этих скалистых престолов и корон пиний, венчающих окрестные холмы» (Т. 5 наст. изд. С. 177). Согласно западноевропейским средневековым легендам (и опере Р. Вагнера «Парсифаль»), Монсальват – замок, в котором хранится святой Грааль (в разных версиях легенды: чаша с кровью Иисуса Христа, собранной после снятия его тела с креста; чаша, служившая Христу и апостолам во время Тайной вечери, и др.). В ряду реальных мест, с которыми отождествляли в XIX–XX вв. Монсальват, – монастырь Монтсеррат в Пиренеях. Ср. очерк Волошина «По глухим местам Испании. Вальдемоза» (1901) (Т. 6, кн. 2 наст. изд. С. 94–95).

[3] Имеется в виду французский историк и археолог Жюль Этьен Жозеф Кишера (Quicherat; 1814–1882), автор труда «Mélanges d'Archéologie et d'Histoire» (2 vol. Paris, 1886) и многих других исследований.

[4] Волошин побывал в картезианском монастыре Монтсеррат в ходе своего путешествия по Испании, 1/14 июня 1901 г., по пути в Барселону (Труды и дни. С. 88).

[5] Раймонд Луллиус (или Луллий) – латинизированная форма имени Рамона Льюля (1232–1316), каталонского (майоркинского) поэта и философа. Основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491?–1556) в Монтсеррате принес духовный обет.

[6] Эта работа К.Ф. Богаевского (масло, 1907–1908; находилась в собрании М.П. Рябушинского, Москва) репродуцирована в «Аполлоне» (1912. № 6. Вклейка после с. 16).

360. А.М. ПЕТРОВОЙ

Конец июня 1912 г. Коктебель

Дорогая Александра Михайловна,

Рекомендую Вам нашего друга Вениамина Павловича Белкина.

Макс.

[1] Записка, датируется по содержанию: о приезде художника В.П. Белкина в Коктебель А.М. Петровой сообщила С.И. Дымшиц-Толстая в открытке от 22 июня 1912 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 33). См. также: Труды и дни. С. 300.

361. А.М. ПЕТРОВОЙ

Между 21 и 23 июля 1912 г. Коктебель[1]

Милая Александра Михайловна.

После нашего «турне»[2] я только немного начинаю приходить в себя. Я все-таки после непрерывной «практической» суматохи с 1 по 20 июля, и вернувшись в Коктебель, почувствовал себя совершенно разбитым. Теперь собираюсь с силами и принимаюсь за работу.

Очень хочется повидать Вас: ведь я, в сущности, все лето ни разу Вас не видал: каждый раз мы являлись шумной оравой и с глазу на глаз не видались совершенно.

Вера[3] мне говорила, что видела Вас в последний раз очень печальной, и мне тем более хотелось бы повидаться подольше

с Вами. Вместе с тем пока это, кажется, невозможно: в среду за нами приедут от Латри, затем уезжают Кандауровы... [4]

Когда все это схлынет, я приеду к Вам один, чтобы повидаться долго и обстоятельно.

А пока до свиданья.

Max.

[1] Датируется по соотнесению с содержанием. Турне по Крыму, о котором идет речь, завершилось к 20 июля 1912 г., а К.В. Кандауров выехал в Москву не позднее 24 июля.

[2] Речь идет о серии концертов под названием «Вечер слова, жеста и гармонии», в котором принимали участие Волошин, А.Н. Толстой, танцовщица И.В. Быстренина и пианистка В.А. Попова. Это «турне» широко освещалось в крымской печати. По-видимому, 1 июля концерт был дан в Коктебеле, 4 и 12 июля — в Феодосии, 14 июля — в Евпатории, 15 — в Симферополе, 16 — в Севастополе. Бывший одним из зрителей в Севастополе, Л. Никулин впоследствии писал о концерте в мемуарной книге «Годы нашей жизни» (М., 1966. С. 260 261).

[3] Вера Александровна Белкина (урожд. Попова; 1891—1960), жена В.П. Белкина, пианистка. Сохранился экземпляр книги стихов Волошина «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916) с дарительной надписью ей: «Милой Вере память о лете в Коктебеле и о “турне”. Максимилиан Волошин. 1916. СПб». (Частное собрание).

[4] Среда — 25 июля. К.В. Кандауров с женой жили в доме Волошина. 26 июля 1912 г. Кандауров уже был в Москве — писал оттуда К.Ф. Богаевскому (РГАЛИ, ф. 700, оп. 1, ед. хр. 46).

362. М.В. САБАШНИКОВУ

25 августа 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Я, к сожалению, не смогу представить Вам всю рукопись перевода «Hommes et Dieux» к 1-му сентября:[2] я смогу ее закончить вполне лишь к 15-му. Но если хотите, я Вам вышлю первые ¾ перевода (если Вы хотите тотчас же отдать ее набирать). Или всё сразу к 15-му? Эта задержка произошла не по моей вине: уехал тот человек, которому я диктую обык-

новенно,[3] а я сам могу писать очень медленно и мало, т<ак> к<ак> у меня сломана правая рука. Поэтому очень извиняюсь за невольную неаккуратность и жду Вашего ответа, как поступить – выслать сейчас же то, что переведено, или всё сразу через 2 недели?[4]

Максимилиан Волошин.

Феодосия. Коктебель.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 26.8.12; Москва. 28.8.12.

[2] Первоначальный срок сдачи рукописи перевода, указанный в договорном соглашении (см. примеч. 2 к п. 358).

[3] Имеется в виду В.Я. Эфрон, возвратившаяся в Москву (ср. п. 364).

[4] М.В. Сабашников ответил 4 сентября: «Прошу Вас выслать мне рукопись, когда весь перевод будет Вами окончен» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1057).

363. Н.В. ДРИЗЕНУ

6 сентября 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Николай Васильевич,

вернувшись несколько дней тому назад домой, после долгих разъездов по Крыму[2], я нашел Ваше милое письмо, которое меня растрогало и устыдило.[3] Не знаю, попаду ли я в Петербург этой зимой: вообще на зиму я фиксируюсь в Москве, но не приеду туда раньше ноября или декабря, пока же остаюсь здесь для работы. Сейчас я кончаю один большой перевод, что у меня отнимет еще недели две,[4] а затем буду свободен для статей. Я перед Вами в долгу еще статьей «Эдип и Карамазовы». И она была написана. Но она мне раз<о>нравилась, и я ее отложил в сторону. Теперь я ее думаю вновь пересмотреть и переделать в более широких рамках. Кроме того, думаю, тоже написать о некоторых драматических критиках, именно о Поль де Сен-Викторе (я как раз кончаю перевод его книги «Hommes et Dieux» – но она к театру не имеет отношения).

Вообще сию минуту не решусь Вам наметить, что именно сделаю, но во всяком случае этою же осенью приготовлю для «Ежегодника» 2–3 не очень больших статьи. (Хочу тоже написать по поводу только что вышедшего издания книги Polti «36 situations dramatiques»[5]). В случае, если приеду в Петербург зимой (на несколько дней, б<ыть> м<ожет>), то прочесть у Вас реферат буду считать своим первым долгом.

До свиданья.

Максимилиан Волошин.

[1] Датируется по кн.: Труды и дни. С. 305.

[2] Лето 1912 г. Волошин провел в разъездах по Крыму: в июле «турне» с концертами (см. п. 361, примеч. 2), в августе посетил имение М. Латри Боран-Эли, Керчь, Судак (Труды и дни. С. 301–305).

[3] Речь идет о письме Н.В. Дризена от 27 июля 1912 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 518, л. 22–23), в котором был сделан укор Волошину за молчание. Дризен сообщил, что читал репортаж о летнем пребывании в Крыму писателей, и о Волошине в том числе, а также задавал вопросы о планах дальнейшего его сотрудничества с «Ежегодником Императорских Театров».

[4] Имеется в виду перевод книги Поля де Сен Виктора «Боги и люди» («Hommes et Dieux»).

[5] Речь идет о книге Жоржа Польти «36 драматических положений» (1895, второе издание – 1912).

364. В.Я. ЭФРОН

18 сентября 1912 г. Коктебель[1]

Милая Вера, слухи о моем скором приезде в Москву неверны: я ни в каком случае не приеду раньше половины ноября.[2] Перевод я кончаю, кажется, сегодня же вечером, т<ак> к<ак> осталось всего 6 стр.[3] Как долго без тебя переводить, Вера, и скучно! Останется только просмотра дней на 6-ть. Мое время шло однообразно между 10 стр<аницами> и 2 этюдами в день. Последние дни завелся инженер с автомобилем, который приезжает за мной из Феодосии и увозит, то в Карасубазар на ½ часа, то к Латри поужинать.[4] Сейчас эти

поездки с равноденственными бурями страшно пьянят. Видала ли № «Аполлона» о Богаевском?[5] Все статьей моей довольны – даже сочувственные письма получаю. Письма от Халютиной не получал, но одна ее знакомая, жившая здесь, меня спрашивала, не согласился ли бы я читать там лекции по искусству.[6] На курс я не согласен, но на отдельные лекции с большим удовольствием. Так и скажи, если тебя будет она (как ее зовут?) спрашивать. Видала ли Кандауровых? Не знаешь ли чего о Толстых и о пьесе?[7] Как адрес Марины? Поздравь ее от меня.[8] Как Лиля[9] провела лето? Я получаю письма от Мани Л. из Алушты.[10] Коктебель теперь совсем пуст: кроме нас и Манасеиных[11] никого. Ах, да я ведь пристраиваю к дому мастерскую. В будущем году ты не узнаешь дома. Знала ли ты, что в Коктебеле есть дача полковника Обормотова? С этим вышла история: ехал мужик с лесом и спросил меня, где дача Обормотова. Я его направил к нам, а оказывается, что таковая строится. До свиданья.

Мах.

Вчера в день Твоих имянин я мысленно поздравлял тебя. Почувствовала ли ты?

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 21.9.12; Москва. 23.9.12. Датируется по упоминанию в тексте дня именин В.Я. Эфрон (17 сентября).

[2] Волошин приехал в Москву 8 декабря 1912 г.

[3] Перевод книги Поля де Сен-Виктора (см. п. 354, примеч. 1, п. 358, примеч. 2).

[4] Подразумевается инженер и архитектор Владимир Александрович Рогозинский (1882–1951). 16 сентября состоялась автомобильная поездка в Старый Крым, Карасубазар и в Боран-Эли, к М.П. Латри.

[5] См. примеч. 3 к п. 284.

[6] Актриса Московского Художественного театра С.В. Халютина руководила в 1909–1914 гг. драматическими курсами (Школа С.В. Халютиной).

[7] Имеется в виду замысел пьесы, которую Волошин и А.Н. Толстой собирались писать в соавторстве. См. п. 356, примеч. 7.

[8] Поздравление – с днем рождения: М.И. Цветаева родилась 26 сентября ст.ст. (9 октября н.ст.).

[9] Е.Я. Эфрон.

[10] М.Л. Гехтман. В архиве Волошина сохранилось лишь одно ее письмо, относящееся к этому времени (отправлено из Алушты 12 сентября 1912 г.): «Милый Макс, я вполне оправдываю свое название "Лазаретовны", так как Ваше письмо застало меня в постели больной <...> о Коктебеле мне теперь можно только мечтать» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 412).

[11] Детская писательница Н.И. Манасеина, ее муж Михаил Петрович Манасеин (1860–1917), врач, и их дочь Е.М. Манасеина.

365. М.В. САБАШНИКОВУ

5 октября 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

Посылаю Вам одновременно перевод Сен-Виктора[2] ценной посылкой и очень извиняюсь за запоздание.

Будьте добры известить о получении.

Максимилиан Волошин.
5/X 1912. Коктебель.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Отузы. 5.10.12; Москва. 7.10.12.

[2] См. п. 364, примеч. 3.

366. Н.П. УЛЬЯНОВУ

Около 12 октября 1912 года. Коктебель[1]

Дорогой Николай Павлович, простите, что не отвечал так долго.[2] Лето было суматошное.[3] Осень — переполнена торопливой неоконченной работой над переводом,[4] и только теперь, когда задули ледяные ураганы, я стал свободен для собственной работы и мыслей. Я собрал много сведений по истории карт и об их значении.[5] По приезде в Москву поделюсь с Вами тем, что знаю, и привезу рисунки старых колод, что нашел. Где сейчас Елли Ивановна?[6] Я получил от нее пись-

мо из Берлина, но не успел вовремя ответить и теперь не знаю, куда написать.[7] Очень хочется поговорить с Вами об Италии. Много ли там писали? Привет Анне Семен<овне>.[8]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю получения: Москва. 15.10.1912. Отправлено: «Марии Семеновне Г<л>аголевой для передачи Николаю Павловичу Ульянову. Новая библиотека. Воздвиженка. Москва».

[2] Речь идет о письме Н.П. Ульянова от 30 июня 1912 г. из Рима, в котором он сообщал о завершении своего итальянского путешествия и возвращении в Москву. См.: *Правоверова Л.Л.* Лето 1912 года. Е.И. Рабенек, М.А. Волошин, Н.П. Ульянов и другие // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002. М.: Наука, 2003. С. 229.

[3] Об этом см. п. 363, примеч. 2.

[4] См. п. 363, примеч. 4.

[5] Н.П. Ульянов проявлял особый интерес к картам, создавал рисунки гадательных карт (см.: *Муратов П.П.* Старое и новое на последних выставках // Золотое Руно. 1908. № 1. С. 89), называл себя «гадателем карточного театра», имея в виду свою пьесу «Карточный театр», написанную в 1900-е гг. (Подробнее см.: *Правоверова Л.Л.* Лето 1912 года. Е.И. Рабенек, М.А. Волошин, Н.П. Ульянов и др. С. 233).

[6] Э.И. Рабенек.

[7] Речь идет о письме Э.И. Рабенек осени 1912 г., в котором она описывала свои впечатления от выступлений в Германии, о пребывании в Париже, знакомстве с Я.А. Глотовым. См.: Там же. С. 231–232.

[8] А.С. Глаголева.

367. С.К. МАКОВСКОМУ

Середина октября 1912 г. Коктебель[1]

Дорогой Сергей Константинович,

В своем последнем письме Вы мне писали, что уезжаете в Крым, и просили о делах написать Н.Н. Врангелю, что я и сделал тотчас же.[2] А от Вас думал получить какую-нибудь весть с Южного Берега и даже думал, что Вы, б<ыть> м<ожет>, за-

глянете по дороге в Коктебель ко мне, как Вы ведь когда-то собирались сделать. Помните? А Вы, оказывается, уже успели вернуться в Петербург... Относительно моей книги...[3] Конечно, мне хотелось бы, чтобы она была одним томом: для полноты впечатления (ведь это моя *первая* книга критики), а также и для того, чтобы II том «Ликов Творчества» был посвящен России. Я бы для этого даже согласился бы лучше на более простую бумагу, более убористый шрифт... Но раз Вы находите, как издатель и по соображениям книжного рынка, что ее лучше разделить на 2 тома, то я готов на это согласиться, но с тем лишь *непременным* условием, чтобы обе книги набирались и печатались вместе и вместе бы вышли. Мне это важно для того, чтобы не получилось одностороннего впечатления, т<ак> к<ак> так, как она составлена, она касается почти всех областей искусства, которыми я занимался. Хотя я, конечно, не буду ничего иметь и против такой комбинации: чтобы книги были пущены в продажу одна после другой, с промежутком в месяц, но по редакциям были бы разосла́ны одновременно. Но больше всего мне хотелось бы, чтобы она вышла одной книгой, если возможно. Начала ли она печататься уже? Хорошо бы, если бы она могла выйти к Рождеству.

Я пока остаюсь в Коктебеле (до половины ноября), а затем еду в Москву на всю зиму.[4] Я наконец кончил перевод Сен-Виктора[5] и теперь пишу статьи: через неделю или полторы пошлю Вам рукописи. Сейчас остаюсь в Коктебеле исключительно для того, чтобы успеть написать ряд статей. В Москве же примусь за хронику,[6] как мы условились. Оттиски статьи о Богаевском (6 шт<ук>) я получил. Но из них я 3 отдал Богаевскому, и если возможно, пришлите мне еще, хотя бы один текст без иллюстраций. Очень прошу тоже несколько книг из изданий «Аполлона», которых я так и не получил: «Человек на сцене», «Чужое небо» и «Сто лет французской живописи».[7]

Сейчас я дописываю статью о Виттихе.[8] Там будет больше о скульптуре вообще — о Родэновской и вне-Родэновской скульптуре. Но она будет не велика. Следующая будет о кубизме, фютюризме и т.д.[9]

Я получил недавно 100 р. от «Аполлона». Но без всякого счета и рассчета. Точно так же я имел весною общий счет за

1912 г., но не имел предыдущих расчетов за 1911 и конец 1910. Нельзя ли, если уж невозможно разобраться в старых счетах, не запутывать новых, и попросить, чтобы мне высылались деньги всегда со счетом. До свиданья. Очень жалею, что не видал Вас в Крыму.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского из Петербурга от 9 октября 1912 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 458).

[2] Имеется в виду письмо Маковского от 19 августа 1912 г. с сообщением о предстоящем отъезде в Крым – «отдохнуть недели две-три от Аполлоновских дел» (Там же. С. 456). Письма Волошина к Н.Н. Врангелю не выявлены.

[3] В письме от 19 августа Маковский писал Волошину о готовящейся в издании «Аполлона» книге его статей: «Книга Ваша по предначертанному Вами плану выходит огромной – около 400 страниц! Я боюсь, что слишком невыгодно издавать такой толстый томище. Не лучше ли сделать две книги? Расход – такой же, а продавать значительно удобнее. Сообщите мне по этому поводу Ваши соображения. Напишите также *прямо в контору*, куда выслать Вам гонорар» (Там же. С. 457). В письме от 9 октября Маковский повторял вопрос относительно разделения книги на две части.

[4] Ср. сообщение в письме К.В. Кандаурова к Маковскому от 18 октября 1912 г.: «Мак<симилиан> Алек<сандрович> пока еще в Коктебеле и будет в Москве только в половине ноября» (ГРМ, ф. 97, ед. хр. 109). См. примеч. 2 к п. 364.

[5] См. п. 365, п. 354, примеч. 1.

[6] Подразумеваются хроникальные корреспонденции о московской литературной и художественной жизни для «Аполлона».

[7] «Человек на сцене» – вышедшая в феврале 1912 г. книга статей кн. С.М. Волконского (СПб.: Изд. «Аполлона», 1912); «Чужое небо. 3-я книга стихов» Н. Гумилева (СПб.: Изд. «Аполлона», 1912) – вышла в апреле 1912 г. См. также примеч. 7 к п. 287.

[8] Статья Волошина «Эдуард Виттиг (О возможных путях скульптуры)» была опубликована в № 5 «Аполлона» за 1913 г. (С. 19–28). См.: Т. 5 наст. изд. С. 34–45.

[9] Этот замысел не был реализован.

368. М.В. САБАШНИКОВУ

2 ноября 1912 г. Коктебель[1]

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

я очень обеспокоен, не получая от Вас до сих пор никакого извещения о получении рукописи «Hommes et Dieux», отправленной мною уже месяц тому назад ценной посылкой.[2] Будьте добры известить меня об этом. До 17 ноября я остаюсь в Коктебеле, а затем буду в Москве. Что же касается первой половины гонорара (300 р.), то я прошу Вас не беспокоиться высылать мне ее сюда – эти расчеты лучше <де>лать, когда я буду уже в Москве.[3]

Максимилиан Волошин.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 2.11.12; Москва. 5.11.12.

[2] См. п. 365.

[3] Первую половину гонорара (300 рублей) Волошин получил в Москве 12 декабря 1912 г., окончательный расчет (303 руб. 20 коп.) был произведен 11 марта 1913 г. (РГБ, ф. 261, карт. 7, ед. хр. 59). Переведенная Волошиным книга Поля де Сен-Виктора вышла в свет в Издательстве М. и С. Сабашниковых (в серии «Страны, века, народы») под заглавием «Боги и люди» во второй половине ноября 1913 г. См.: Т. 4 наст. изд. С. 326–645, 935–944 (комментарии Д.В. Токарева).

369. А.Л. ВОЛЫНСКОМУ

10 ноября 1912 г. Коктебель

Многоуважаемый Аким Львович,

я получил предложение от издательства «Грядущий День» перевести «Музыкальные Новеллы» Гофмана.[1] Я очень благодарен Вам, что, предпринимая это издание, Вы вспомнили обо мне, но я не могу принять на себя этот перевод: я не люблю немецкого языка и не чувствую духа его и поэтому не считаю себя вправе переводить такого писателя, как Гофман. Все мои

симпатии на стороне французской культуры, если Вы предполагаете издавать французских писателей, то я буду очень благодарен, если в этом случае привлечете меня.

У меня есть два перевода, еще не напечатанных и на русский язык до сих пор не переводившихся. Именно: «Axel» Вилльe де Лиль-Адана и «Отдых седьмого Дня» Поля Клоделя.[2] Оба эти произведения я с<к>лонен считать гениальными, потому и перевел их. Первое лежит уже два года в Редакции «Мусагета», а второе три в портфеле «Скорпиона», и оба без всякой надежды быть когда-либо напечатанными. Надо ли прибавлять, что другие издательства отказались от них, даже не читая? Быть может, «Грядущий День» заинтересовался бы этими переводами, которые — могу ручаться за это, сделаны со всею художественной точностью и любовью, какая в моих силах? Тогда напишите мне, и я Вам их вышлю из Москвы, где буду в 20-х числах ноября.[3] (Адрес: Кривоарбатский переулок, 13, кв. 9).[4]

Максимилиан Волошин.

Коктебель. 10/XI 1912.

[1] В петербургском издательстве «Грядущий день» (с которым тесно сотрудничал А.Л. Волынский) задуманное издание Э.Т.А. Гофмана не было осуществлено. Позднее сборник Гофмана «Музыкальные новеллы» («Кавалер Глюк», «Крейслериана», «Дон Жуан») в переводе П.О. Морозова издан под редакцией и с предисловием Е.М. Браудо (Пб., 1922).

[2] Переводы обоих произведений при жизни Волошина не были опубликованы. См. примеч. 3 к п. 357. Драма П. Клоделя «Отдых Седьмого дня» («Le repos du septième jour», 1896, опубл. в 1901) в переводе Волошина впервые опубликована В.Е. Багно в кн.: Из лит. наследия-2. С. 224–282. См.: Т. 4 наст. изд. С. 234–311.

[3] Ответа на это предложение Волошина, вероятно, не последовало.

[4] По этому адресу тогда жила семья Эфрон.

370. В.Я. ЭФРОН

2 декабря 1912 г. Коктебель[1]

2/XII 1912. Коктебель.

Милая Вера, наконец день нашего отъезда в Москву решен.[2] Мы выедем из Коктебеля в среду 5 декаб<ря>, так что в Москве будем 8-го, если что снова не задержит. Нас страшно задержала постройка[3] и только теперь она доведена до такого момента, что ей можно предоставить дальнейшее самостоятельное развитие. Но зато я все время рисовал целыми днями (увы, они и здесь теперь коротки). Привезу не меньше пуда рисунков с собою. Ты мне так и не написала ни строчки!

Последние недели, впрочем, уже никто нам не писал: видно, отчаялись в самом нашем существовании.

Получила ли Лиля мое письмо[4] с просьбой послать дворника к Фельдштейнам и Кругликовым за нашими вещами и сделали ли это? Пожалуйста, если еще нет, распорядись до нашего приезда. До скорого свиданья. Всех обнимаю и целую.

Макс.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Феодосия. 3.12.12; Москва. 6.12.12.

[2] Волошин отправлялся в Москву вместе с матерью.

[3] Имеется в виду пристройка мастерской к коктебельскому дому Волошина, после чего все строение приобрело свой окончательный вид.

[4] Это письмо к Е.Я. Эфрон неизвестно.

371. С.К. МАКОВСКОМУ

Около 9 декабря 1912 г. Москва[1]

Многоуважаемый Сергей Константинович,

Когда в прошлом году мы виделись с Вами в Москве,[2] Вы *просили* меня взять на себя всю московскую хронику с тем, чтобы я, если захочу, сам привлекал различных лиц и поручал

им писать по тем вопросам и о тех событиях, о которых я почему-либо писать не буду. Поэтому я поторопился приехать в Москву к началу декабря, чтобы застать «Мир Искусства».[3] Ваше письмо, которое я нашел в Москве, было для меня глубокой неожиданностью. Когда я прошлую зиму жил в Париже, то я не позволил себе написать в «Аполлон» ни одной заметки о текущих парижских художественных событиях, хотя это в сущности составляет сферу искусства наиболее мою, т<ак> к<ак> постоянным корреспондентом «Аполлона» там состоял Тугенгольд.[4] Поэтому Ваше письмо, без всяких оговорок и объяснений отнимавшее у меня и передававшее Тугенгольду, который должен вскоре приехать, как раз то именно, что меня в «Хронике» главным образом интересовало, — критику художестве<нных> выставок, и этим, между прочим, лишавшее меня *последнего места*, где я мог говорить о текущем искусстве (т<ак> к<ак> все газеты и периодич<еские> издания для меня, как вы верно знаете, остаются закрытыми), то я мог это счесть только намеком на то, <что> сотрудничество мое вообще не желательно больше для Вас. Всякое соперничество мне глубоко противно, и если оно возникает, то я спешу уступить место и удалиться совсем. Так поступаю и в настоящем случае относительно Московской хроники. Участие в ней я прекращаю совсем, как в свое время, после того, как «Аполлон» отказался напечатать мой «Венок Сонетов» (уже принятый),[5] я прекратил свое участие в «Аполлоне», как поэт. («Кровь Марсия» — лишь перевод).[6] Что же касается помещения больших статей время от времени — я против этого ничего не имею и буду продолжать доставлять Вам материал.[7] Собираюсь я, напр<имер>, написать обещанную статью о Сарьяне.[8]

Будьте добры сообщить мне о моей книге.[9] Я бы определенно хотел, чтобы она не разбивалась на 2 тома, а была бы одним. 2 книги будут лишены той идейной цельности, которая проходит через весь ряд статей.

До свидания.

Максимилиан Волошин.

[1] Ответ на письмо Маковского от 7 декабря 1912 г., содержавшее предложение давать для хроникального отдела «Аполлона» «ежемесячно одну статью *о московской литературно-театральной* жизни (о выставках с февраля будет писать Тугендхольд, который поселяется в Москве), с гонораром по 10 коп. за строчку. Согласны?» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 460).

[2] Имеется в виду встреча в Москве в начале апреля 1912 г.

[3] Выставка «Мир Искусства» открылась в Москве в помещении Училища живописи, ваяния и зодчества в ноябре 1912 г.

[4] Всего в 1910–1912 гг. в «Аполлоне» было опубликовано 16 корреспонденций Я.А. Тугендхольда о новостях парижской художественной жизни (см.: *Тугендхольд Я.А.* Из истории западноевропейского, русского и советского искусства. М.: Сов. художник, 1987. С. 295–296).

[5] См. п. 205, примеч. 2.

[6] См. примеч. 3 к п. 281.

[7] Маковский отвечал Волошину в письме от 6 января 1913 г.: «Действительно, я просил Вас взять на себя московскую хронику... Но будьте же справедливы. *За весь 1912 год* Вы дали в хронику “Аполлона” всего *одну заметку в 150 строк* <...> Согласитесь, что у меня был повод считать наш уговор нарушенным не мною, а Вами. В течение года я оказался без московского корреспондента. Я *не мог* упустить случая передать “московские выставки” Тугендхольду. Совершенно не понимаю, почему Вы могли принять мое уведомление об этом за “намек о нежелательности Вашего сотрудничества”. Я вообще враг всяких “намеков”, и было бы глупо делать их одновременно с просьбой написать для “Аполлона” ряд статей по художественным вопросам: о творчестве Сарьяна, о кубизме, о Сапунове... Ввиду этих ответственных работ и Ваших отъездов то в Париж, то в Коктебель на неопределенно-продолжительные сроки (что уже и прежде прерывало «московскую летопись» на самом интересном месте...) я предполагал даже, что не писать о выставках в Москве (что требует постоянного в ней жительства) явится для Вас только облегчением. Я продолжаю думать это и теперь, т<ак> к<ак> совсем не уверен, что, приехав в Москву в декабре, Вы не уедете куда-нибудь... в марте, а “Аполлон” опять смиряйся и жди! Наоборот, статьи, которые я упоминаю, во всех отношениях – и более приятная, и менее хлопотливая работа» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. С. 462–463).

[8] Статью о творчестве Мартироса Сарьяна Волошин обещал написать для «Аполлона», видимо, в одном из неизвестных нам писем.

Первоначально Маковский, задумав один из номеров «Аполлона» посвятить творчеству Сарьяна, договаривался о написании статьи с другим автором: «Статья же давно обещана мне П. Муратовым», — сообщал он 19 августа 1912 г. К.В. Кандаурову (РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 110).

[9] Подразумевается книга статей Волошина «Лики творчества» (см. п. 367, примеч. 3).

372. К.С. СТАНИСЛАВСКОМУ

11 декабря 1912 г. Москва[1]

Многоуважаемый Константин Сергеевич,

Я только что вернулся в Москву[2] и спешу напомнить Вам прошлогоднее обещание Ваше — посвятить меня в ход работ в Вашей «Студии».[3]

Также очень прошу дать мне возможность пересмотреть новые в мое отсутствие состоявшие<ся> постановки Худ<ожественного> Театра (Пер-Гинт и предстоящ<ую> «Екатерину Ивановну»).[4]

Мой адрес: Кривоарбатский 13, кв. 9. Тел. 422-52 (у швейцара).

Максимилиан Волошин.

[1] Закрытое письмо — «секретка». Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 11.12.12.

[2] Волошин приехал из Коктебеля в Москву 8 декабря.

[3] Сотрудничество Волошина со студией Московского Художественного театра тогда не состоялось.

[4] Драматическая поэма Генрика Ибсена «Пер Гюнт» (1866) была поставлена в Московском Художественном театре в 1912 г. (общее руководство — Вл. И. Немирович-Данченко, режиссеры — К.А. Марджанов и Г.С. Бурджалов, художник — Н.К. Рёрих; премьера — 9 октября). Премьера пьесы Л.Н. Андреева «Екатерина Ивановна» (1912) состоялась в Художественном театре 17 декабря 1912 г. (режиссеры — Вл. И. Немирович-Данченко и В.В. Лужский, художник — В.А. Симов).

373. С.К. МАКОВСКОМУ

14 декабря 1912 г. Москва

Многоуважаемый Сергей Константинович, я думаю, что Тугенгольд не откажется заменить меня не только в живописной хронике Москвы, но и в театральной,[1] т<ак> к<ак> мне интереснее писать большие статьи для «Ежегодника»,[2] чем мелкие заметки для «Аполлона». Могу только поблагодарить его и прекратить свое сотрудничество. Корректуры книги постараюсь выслать в скорейшем времени.[3] Очень прошу известить меня относительно судьбы моей статьи о скульптуре (по поводу Виттига).[4]

Максимилиан Волошин.

Криво-Арбатский 13, кв. 9.
14 XII 1912. Москва.

[1] См. п. 371, примеч. 4. Обзоры театральных событий Москвы, подготовленные Я.А. Тугендхольдом, стали публиковаться в «Аполлоне» с № 9 за 1913 г.

[2] Подразумевается «Ежегодник Императорских Театров». После 1910 г. Волошин сотрудничества в этом издании не возобновлял.

[3] Корректура (гранки) книги Волошина «Лики творчества» была получена им после отправления п. 371.

[4] См. примеч. 8 к п. 367. В письме от 6 января 1913 г. Маковский сообщил: «Статья о Виттиге <...> пойдет в ближайших книжках» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 463).

374. А.М. ПЕТРОВОЙ

24 декабря 1912 г. Москва[1]

Дорогая Александра Михайловна,

Бегая не покладая ног по 18 часов в сутки, я успел обежать за эти 3 недели своих ближайших друзей по 1 разу и не мог найти минутки для письма. Я забыл у Вас часть отобранных рисунков[2] (верно, Коля Б.,[3] заворачивая, их выронил). Пожалуйста, пришлите их с К.Ф.,[4] если он не откажется: там остались лишь небольшие рисунки. А остальные сохраните до моего приезда.[5] Живем с обормотами хорошо. Мама все на меня ворчит. Людвиг стал франтом, и мы очень дружим.[6]

С «Аполлоном» я порвал.[7] Ко мне все сыплятся заказы на книги и монографии: работа для Коктебеля.[8] Я ей очень радуюсь. С Толстыми у нас снова прилив нежнейшей дружбы. С ними в Москве носятся и чествуют всячески. Привет Костеньке.[9] Сегодня сочельник... С праздником.

Макс.

[1] Датируется по указанию на день написания – Сочельник.

[2] Речь идет о рисунках Волошина, забытых им у А.М. Петровой, где проходили его последние сборы перед отъездом в Москву (см. п. 370). Летом, как и планировалось, Волошин много рисовал. Об этом в дневнике «История моей души» он записал: «Последние дни в Коктебеле. Восемь месяцев живописи. Вчера дорисован последний лист картона. Послезавтра мы едем в Москву» (Запись от 2 декабря 1912 г. // Т. 7, кн. 1 наст. изд. С. 321).

[3] Николай Михайлович Беляев (?–1930) – приемный сын П.Н. Лампси, художник, искусствовед. В 1920 г. эмигрировал, умер в Праге.

[4] К.Ф. Богаевский.

[5] Волошин возвратился в Крым 9 апреля 1913 г. (Труды и дни. С. 319).

[6] Л.Л. Кватковский продолжал учиться в Москве под патронажем А.А. Андреевой. По его поводу А.М. Петрова в недатированном письме пеняла Волошину: «Хоть бы два слова написали, как там Алекс<андра> Алексеевна отнеслась к Людвигову бунту. Дело крайне сериозн<ое>. Вполне понимаю Людвига, но... возможно ли, осуществимо ли это? Мою веру в Людвига никто, ничем и никогда не поколеблет, но я очень боюсь эксцессов. По его настроению вижу, что он невероятно ощетинился и весь дрожит от протестов. Что довело его до этого? <...> Обещайте выяснить отношение Алекс<андры> Алексеевны, напишите об этом, мне трудно как-то все понять и охватить» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 953, л. 10–10 об.).

[7] Об атмосфере «литературного карьеризма» в редакции «Аполлона» Волошин писал Петровой еще 29 ноября 1909 г. (см. п. 217). Однако и в 1912 г. разрыва с «Аполлоном» не произошло. Волошин сотрудничал с журналом вплоть до 1916 г. В данном случае имеется в виду, видимо, прекращение участия Волошина в отделе хроники журнала. См. п. 371.

[8] Волошин подготовил к изданию том своих статей «Лики творчества», получил заказ от С.К. Маковского на статью о Сарьяне «для Аполлона» (см. п. 371, примеч. 7, 8).

[9] К.Ф. Богаевский.

АДРЕСАТЫ И ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. – Manuscript Department Lilly Library, Indiana University (Блумингтон, Индиана, США). Box 7. Fold. «Voloshin M.». – Переписка А.В. Амфитеатрова и М.А. Волошина / Публ. Н.Ю. Грякаловой // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 22. СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 377–387.

Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт, драматург, критик, переводчик, филолог-классик, педагог. – РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307. – *Анненский И.Ф.* Письма. Т. II. 1906–1909 / Сост. и коммент. А.И. Червякова. СПб.: «Галина скрипсит» – Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. С. 290–292, 353–354, 356–357, 411–413, 415.

Бальмонт Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева; 1867–1950), переводчица, мемуарист; вторая жена К.Д. Бальмонта. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 6.

Белкин Вениамин Павлович (1884–1951), художник. — ГРМ, ф. 118, ед. хр. 68.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), живописец, график, сценограф, художественный критик, искусствовед. – ГРМ, ф. 137, ед. хр. 812. Опубликованы в составе статьи: *Купченко В.П., Давыдов З.Д.* М.А. Волошин о А.Н. Бенуа // Панорама искусств. 11. М.: Сов. художник, 1988. С. 163–181; также – в разделе «Максимилиан Волошин и Александр Бенуа», подготовленном теми же авторами, в кн.: *Волошин Максимилиан.* Избранное: Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск: Мастацкаялітаратура, 1993. С. 302–316.

Богаевский Константин Федорович (1872–1943), живописец, график. – ФКГА. – Фонды. – Искусство, 1979. № 9. С. 66. Публ. В.П. Купченко.

Боцяновский Владимир Феофилович (1869–1943), критик, драматург, историк литературы. – ИРЛИ, ф. 439, оп. 1, ед. хр. 337.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель. – РГБ, ф. 386, карт. 80, ед. хр. 33–34 (основной корпус писем); ДМВ (п. 26; машинописная копия); ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, ед. хр. 80

(п. 72); РГАЛИ, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 89 (п. 81). – ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 251–399. Публ. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова. (В публикацию не вошли письма 49 и 64, печатаемые впервые по автографам).

Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867–1941), литературный критик, историк западноевропейской литературы, переводчица. – ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 574.

Вирт (Wirth) **Освальд** (1860–1943), французский писатель-оккультист, масон. – ИРЛИ, ф. 289, оп. 8, ед. хр. 2.

Волынский Аким Львович (наст. имя Хаим Лейбович Флексер; 1861–1926), литературный критик, историк и теоретик искусства, исследователь балета. – ГЛМ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 17.

Герцык Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык, в замуж. Жуковская; 1874–1925), поэтесса, критик; **Герцык Евгения Казимировна** (Лубны-Герцык; 1878–1944), переводчица, критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 26.

Глазер Надежда Григорьевна (урожд. Зоммер; 1823–1908), бабушка Волошина по материнской линии, вдова полковника. – Копия в собрании В.П. Купченко.

Гольдовская Рашель Мироновна (урожд. Хин, в первом браке Фельдштейн; 1863–1928), прозаик, драматург. – ИМЛИ, ф. 79, ед. хр. 30 (п. 302); РГБ, ф. 207, карт. 31, ед. хр. 101 (п. 347).

Гольштейн Александра Васильевна (урожд. Баулер, в первом браке Вебер; 1850–1937), переводчица, прозаик, критик; участница народнических кружков, эмигрировавшая около 1874 г. – Бахметьевский архив (Колумбийский университет. Нью-Йорк). – Звезда. 1998. № 4. С. 143–178. Публ. М. Ланды, А. Тюрина и Ж. Шерона. П. 6 печатается по тексту этой публикации, остальные – по ксерокопии с автографов.

Горький Максим (наст. имя Алексей Максимович Пешков; 1868–1936), прозаик, публицист, литературно-общественный деятель. – Архив М. Горького, КГ – П, 17–14–1. – Русская литература. 1976. № 2. С. 145–146 (в составе статьи В.П. Купченко «М. Горький и М. Волошин»).

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), живописец и искусствовед. – ГТГ, ф. 106, ед. хр. 3533.

Гревс Иван Михайлович (1860–1941), историк-медиевист, педагог, общественный деятель. – ПФА РАН, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 55.

Гринвальд Маргарита Константиновна (ок. 1884–1969), курсистка, затем переводчица, историк. – Собрание И.А. Фащевской (Санкт-Петербург).

Гриневич Вера Степановна (урожд. Романовская; ? – после 1939), дочь коменданта Судакской крепости, библиотекарь; подруга сестер А.К. и Е.К. Герцык. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 34.

Гумилев Николай Степанович (1886–1921), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 36. – *Кобринский Александр.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 153, 155.

Дом Рауль Гропирон (Maison Raoult Grospiron), парижская фирма по перевозке мебели, возглавлявшаяся Раулем Корнелисом Гропироном. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 35.

Дризен Николай Васильевич фон, барон (1868–1935), театральный деятель, историк театра, редактор «Ежегодника Императорских Театров». – РНБ, ф. 263, ед. хр. 122.

Дымшиц-Толстая Софья Исааковна (во втором браке Пессати; 1889–1963), художница, вторая жена А.Н. Толстого. – ГЛМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 177.

Зиновьева-Аннибал (наст. фам. Зиновьева, во втором браке Иванова; 1865 или 1866–1907), прозаик, драматург; жена Вяч. И. Иванова. – РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 5. – *Лавров А.В.* Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин в 1907 году (Эпистолярные иллюстрации) // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 155.

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884–1954), критик, драматург, шахматный литератор; секретарь журнала «Аполлон» в 1909–1912 гг. – РНБ, ф. 124 (собр. П.Л. Вакселя), ед. хр. 973 (кроме письма 259, хранящегося в архиве М.Л. Лозинского, Санкт-Петербург). – Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон»: Переписка с С.К. Маковским, Е.А. Зноско-Боровским, В.А. Чудовским, М.Л. Лозинским / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 358–485.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, филолог, теоретик символизма, религиозный мыслитель, переводчик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 49 (письма 111–113, 115–117); РГБ, ф. 109, карт. 15, ед. хр. 4 (письма 121, 125, 241). – *Лавров А.В.* Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин в 1907 году (Эпистолярные иллюстрации) // Donum homini universalis: Сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 147–152, 154, 156.

Кандауров Константин Васильевич (1865–1930), театральный художник, осветитель Малого театра, организатор выставок. – РГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41.

Кандауров Леонид Васильевич (1877–1962), педагог, физик и агроном. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 53.

Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна (урожд. Глазер; 1850–1923), мать М.А. Волошина, вдова статского советника. – ИРЛИ,

ф. 562, оп. 3, ед. хр. 60 (письма за 1904–1909 гг.), 61 (письма за 1911–1912 гг.). – Из лит. наследия-3. С. 339–417. Публ. В.П. Купченко и А.В. Лаврова.

Кожебаткин Александр Мелетьевич (1884–1942), секретарь издательства «Мусагет» (1910–1912), владелец издательства «Альциона». – ИМЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 4.

Косоротов Александр Иванович (1868–1912), драматург, прозаик, публицист. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 68.

Кривич Валентин Иннокентьевич (наст. фам. Анненский; 1880–1936), поэт; сын И.Ф. Анненского. – РГАЛИ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 66.

Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941), художник-график, мастер офорта, монотипии и силуэта. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 60, л. 41–42 (в подборке писем Волошина к Е.О. Кириенко-Волошиной).

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952), график, акварелист, художественный критик, историк архитектуры. – ГРМ, ф. 109, ед. хр. 52.

Маковский Сергей Константинович (1877–1962), художественный критик, искусствовед, поэт, мемуарист; редактор журнала «Аполлон» (1909–1917). – РНБ, ф. 124 (собр. П.Л. Вакселя), ед. хр. 975 (письма с конца апреля 1909 г. по 24 сентября / 7 октября 1911 г. – кроме писем 187, 190, 202, 269, хранящихся в архиве М.Л. Лозинского, Санкт-Петербург); ГРМ, ф. 97, ед. хр. 49 (остальные письма, начиная с 6/19 октября 1911 г.). – Максимилиан Волошин в журнале «Аполлон»: Переписка с С.К. Маковским, Е.А. Зноско-Боровским, В.А. Чудовским, М.Л. Лозинским / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 358–485.

Минцлова Анна Рудольфовна (1865–1910?), переводчица, теософка и оккультистка. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 74 (п. 114); РГБ, ф. 167, карт. 26, ед. хр. 3 (п. 222).

Моравская Мария Магдалина Франческа Людвиговна (1889–1947), поэтесса, прозаик, критик. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 75.

Незлобин Константин Николаевич (наст. фам. Алябьев; 1857–1930), актер и режиссер, владелец драматического театра в Москве. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 78.

Общество Любителей Российской Словесности. – РГБ, ф. 207, карт. 31, ед. хр. 100.

Орлова Александра Иосифовна («Орлишка», урожд. Бедункевич, во втором браке Лукьянчикова; 1876–?), учительница, знакомая Волошина по Коктебелю. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 86. – *Кобринс-*

кий Александр. Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 153–154.

Перцов Петр Петрович (1868–1947), критик, публицист, искусствовед, поэт, мемуарист; официальный редактор-издатель журнала «Новый Путь» (1903–1904). – ИМЛИ, ф. 122, оп. 1, ед. хр. 15.

Петрова Александра Михайловна (1871–1921), близкий друг Волошина, феодосийский педагог (см. очерк Волошина «Киммерийская сивилла (Памяти А.М. Петровой)» – Т. 7, кн. 2 наст. изд. С. 340–344; предисл. В.П. Купченко к публикации писем М.А. Волошина к А.М. Петровой. – Из лит. наследия-1. С. 5–11). – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 93 (письма за 1902–1905 гг.), 94 (письма за 1907–1908 гг.), 95 (письма за 1909 – 1912 гг.). – Из лит. наследия-1. С. 161–215. Публ. В.П. Купченко; Из лит. наследия-2. С. 105–116. Публ. В.П. Купченко. П. 224 (копия в архиве М.С. Волошиной) и п. 257 (ФКГА) печатаются по тексту этой публикации.

Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933), друг Волошина с ранних юношеских лет, лингвист. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 26.

Полиевктова Анна Александровна (в замуж. Бруни; 1898–1959), впоследствии учительница немецкого языка. – Труды и дни. С. 208.

Поляков Сергей Александрович (1874–1943), издатель, переводчик; владелец издательства «Скорпион» и официальный редактор-издатель журнала «Весы». – ИМЛИ, ф. 76, оп. 3, ед. хр. 50.

Прорубников Владимир Федорович, владелец московского издательства «Сфинкс». – ИМЛИ, ф. 79, ед. хр. 28.

Пяст Вл. (наст. имя Владимир Алексеевич Пестовский; 1886–1940), поэт, критик, стиховед, переводчик, мемуарист. – РНБ, ф. 248, ед. хр. 49.

Ребиков Владимир Иванович (1866–1920), композитор. – ГЦММК, ф. 68, ед. хр. 219.

Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957), прозаик, переводчик, художник и каллиграф. – ГЛМ, ф. 227 (коллекция И.М. Саркизова-Серазини), оп. 1, ед. хр. 99 (п. 156; опубл. с искажениями: Российский архив. Вып. V. М.: Студия «ТРИТЭ», 1994. С. 432–433. Публ. В.В. Акопджановой); РНБ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 81 (остальные письма).

«Русское Слово», редакция газеты. – РГБ, ф. 259, карт. 12, ед. хр. 51.

Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943), книгоиздатель, глава московского Издательства М. и С. Сабашниковых. – РГБ, ф. 261, карт. 3, ед. хр. 29.

Самоненко Иван Иванович (1862–1918), киевский издатель. – РГАЛИ, ф. 1284, оп. 1, ед. хр. 3.

Соколов Сергей Алексеевич (псевдоним Сергей Кречетов; 1878–1936), поэт, критик, руководитель издательства «Гриф». – РГБ, ф. 499, карт. 1, ед. хр. 9.

Сологуб Федор (наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927), поэт, прозаик, драматург, публицист, переводчик. – ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 148. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л.: Наука, 1976. С. 157–164. Публ. В.П. Купченко.

Соломин Илья Соломонович (1886–?), журналист, редактор «Всеобщего журнала». – РГАЛИ, ф. 1156, ед. хр. 6.

Станевич Вера Оскаровна (в замуж. Анисимова; 1890–1967), поэтесса, переводчица. – ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 28.

Станиславский Константин Сергеевич (наст. фам. Алексеев; 1863–1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театра; основатель (в 1898 г. совместно с Вл. И. Немировичем-Данченко) Московского Художественного театра. – Музей МХАТ, архив К.С. Станиславского, № 7636–7638.

Старк Эдуард Александрович (псевдоним Зигфрид; 1874–1942), журналист, театральный критик, историк театра. – РГАЛИ, ф. 871, оп. 1, ед. хр. 18.

Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937), журналист, издатель, редактор газеты «Русь»; сын А.С. Суворина. – РГАЛИ, ф. 2571 (коллекция Я.Е. Тарнопольского), оп. 1, ед. хр. 73 (п. 58); ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 120 (п. 90).

Сумбатов (псевдоним Южин) Александр Иванович (1857–1927), драматург и актер, с 1909 г. – руководитель Малого театра. – РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 829.

Толстой Алексей Николаевич, граф (1882–1945), прозаик, поэт. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 36 (п. 183, 184; *Кобринский Александр.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб.: Вита Нова, 2007. С. 153, 155); ГЛМ, ф. 186, оп. 3, ед. хр. 177 (п. 292).

Ульянов Николай Павлович (1875–1949), художник. – Частное собрание (Москва). – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 2002 год. М.: Наука, 2003. С. 211 (факсимиле), 229–230. Публ. Л.Л. Правоверовой.

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1877–1921), переводчица, критик, литературно-общественный деятель; жена Ф. Сологуба и соавтор ряда его произведений. – ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 68.

Чудовский Валериан Адольфович (1882–1938?), критик, стиховед; сотрудник редакции журнала «Аполлон». – ИРЛИ, р. I, оп. 17, ед. хр. 621. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 455. Публ. А.В. Лаврова.

Чуковский Корней Иванович (наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков; 1882–1969), критик, литературовед, переводчик, поэт, прозаик. – РГБ, ф. 620, карт. 62, ед. хр. 56.

Чулков Георгий Иванович (1879–1939), прозаик, поэт, драматург, критик, теоретик «мистического анархизма». – РГБ, ф. 371, карт. 2, ед. хр. 76.

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (урожд. Куперник, в замуж. Полынова; 1874–1952), поэтесса, переводчица. – ИРЛИ, № 4824.

Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947), поэт, переводчик, критик, религиозный публицист. – РГБ, ф. 386, карт. 80, ед. хр. 35. – ЛН. Т. 98, кн. 2. С. 379–380 (в составе комментариев К.М. Азадовского и А.В. Лаврова).

Эрберг Конст. (наст. имя Константин Александрович Сюннерберг; 1871–1942), теоретик искусства, художественный критик, поэт, переводчик. – ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 100.

Эфрон Вера Яковлевна (1888–1945), актриса, впоследствии режиссер художественной самодеятельности. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383.

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885–1976), педагог, режиссер, актриса. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43 (кроме п. 299, печатающегося по копии из собрания Л.М. Турчинского).

Ювачев Иван Павлович (псевдоним И. Миролюбов; 1860–1936), морской офицер, член военной организации «Народной воли», политический заключенный; с конца 1890-х гг. – литератор, религиозный публицист; отец Даниила Хармса. – ИРЛИ, ф. 411 (собрание В.А. Десницкого), ед. хр. 32.

Юнге Екатерина Федоровна (урожд. Толстая; 1843–1913), художница, мемуаристка; жительница Коктебеля. – ГИМ, ф. 344, ед. хр. 41, л. 192–195.

Янтарев Ефим Львович (наст. фам. Бернштейн; 1880–1942), журналист, поэт; секретарь редакции «Московской газеты». – РГАЛИ, ф. 1714, оп. 1, ед. хр. 8.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

---

* Аннотируются только имена, упоминаемые в основном корпусе публикуемых писем. Адресаты писем отмечены астериском (*). Страницы, на которых содержатся дополнительные сведения о данном лице, выделены курсивом.

СОДЕРЖАНИЕ

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «Пейзаж». 1918 г.

Волошин, Максимилиан Александрович

В68 **Собрание сочинений.** Т. 9. Письма 1903–1912. Максимилиан Волошин; сост. А.В. Лаврова, подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, Н.Ю. Грякаловой и др. – М.: Эллис Лак, 2010. – 784 с.

ISBN 978-5-902152-79-8 (т. 9)
ISBN 978-5-902152-05-4

В настоящем томе продолжается публикация эпистолярного наследия Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932). В том включены письма поэта за 1903–1912 гг., дающие разностороннее представление о его личных и литературных взаимосвязях. Значительная часть писем публикуется впервые по рукописным источникам. Все тексты писем, публиковавшихся ранее, сверены и исправлены по автографам.

ББК 84(2Рос=Рус)-4
УДК 821.161.1-95

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова
при участии Р.П. Хрулевой

Том девятый

Письма 1903–1912

Художественный редактор
В.Н. Сергутин

Корректор
Е.И. Коротаева

Верстка
А.Б. Метелкин

Подписано в печать 16.10.2010
Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная
Печ. л. 24,5 Тираж 2500 экз
Заказ № 1648.

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. (495) 605-37-97. Факс (495) 605-89-47
http://www.ellisluck.ru
e-mail: ellisluck@mail.ru

ISBN 978 5 902152 79 8

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»
430000, Мордовия, г Саранск, ул Советская, 55а
E-mail tko-saransk@mail ru